

ПАНТЕОНЪ

ЖУРНАЛЪ

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ,

ИЗДАВАЕМЫЙ

Федоромъ Нови.

ТОМЪ V.

ОКТАБРЬ — КНИЖКА ДЕСЯТАЯ.

1852.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

ПАМЯТНИКЪ

ИМПЕРАТОРА АЛЕКСАНДРА ПЕРВОГО

ВЪ ПЕРИОДЪ ЕГО ПРАВИТЕЛЬСТВА

ИЗДАНИЕ

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ,

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлено было въ Ценсурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ. Ноября 16-го 1852.

Ценсоръ *Н. Пейкеръ.*

СЕНСОРЪ

ИЗДАНИЕ

1852

Оглавление пятого тома.

Книжка десятая, октябрь.

I. Изящная словесность.

Катулл. Сцены из римского быта Г. П. Данилевского. (С. 1-34).

Коварство и любовь нашего времени. Повесть М. Воскресенского. (С. 1-52).

Стихотворения: Пустыня гр. Данилевского. (С. 1-8).

Госпожа Де-Линан. Часть третья. (С. 1-66).

III. История и теория искусства.

Английский театр до Шекспира. Статья третья Филарета Шаля. (С. 1-28).

Очерк истории живописи в Германии. (С. 1-42).

IV. Театральная летопись.

Русский театр в Петербурге.

Где мед там и мухи. Комедия в пяти действиях, соч. С. Одинской (С. 1-5).

Дамская война. Комедия в трех действиях Евг. Скриба, перевод В. П.

Попова. Поцелуи домового. Комедия в одном действии. Выдал дочку

замуж! Водевиль, переделанный с французского П. С. Федоровым.

Дивертисмент. (Бенефис г-жи Орловой). Ф. К. (С. 5-6).

V. Обзорение иностранных театров.

Франция.

Письма из Парижа от 1/13 октября.

Итальянская опера в Париже и антрепренер Лумлей. – Представление в Лирическом театре оперы А. Адана «Когда бы я был король!». –

Иерусалим Верди на сцене Большой оперы. – «Клавиго» Гете, «Мария Бомарше» Галоп д' Онкера, «Бесприданница» Лефранка и Бернара Лопеса

на сцене театра Одеона. – Комедия «Бесенок» Ж. Санд на сцене

Драматической гимназии. – Водевиль гг. Делакруа и Ламбера Тибу

«Воспоминания молодости» на сцене Театра Разнообразия. – Новости

водевиля: «Бурная ночь», гг. Дартуа и Адена, «Хорошенькая мельничиха»

гг. Лери и Терно, «Первая любовь» гг. Бризбара и Куальяка. – «Paris qui

pleure et Paris qui rit» гг. Кормона и Ларансена в театре Веселости. Ап.

Бонавентура. (С. 1-10).

V. Смесь.

Понтоны. Рассказ Луи Гарнере. (С. 1-44).

Мавры в Испании и Африке. Из современных записок доктора

Триплина. Статья восьмая. (С. 45-60).

Предание о Фаусте. (С. 61-86).

Современное.

Литература: Русские писатели в переводе на иностранные языки (И. А. Крылов и М. Ю. Лермонтов). (С. 68-71).
Трагедия в шести действиях. (С. 71-75).
Два поэта Северной Америки. (С. 75-76).
Театры, музыка, изящные искусства: П. Раймонди. – Даровые спектакли в Париже. – Актер-негр. – Неоткрытая тайна. (С. 76-79).
Новые открытия: О явлениях отражения и преломления света. – Опыты с электрическим фактором. – Извержение Этны. – Парижская промышленность в 1847-1848 годах. – Калифорнийское золото. (С. 79-85).
Общественная жизнь в Северной Америке. – Человеческие судьбы. – Рассказ о привидении. – Открытие кражи посредством животного магнетизма. – Охота на львов. – Хитрость плута. (С. 85- 92).

VI. Московский вестник.

Летний день и ожившие надежды. – Настоящая осень. – Наполнение города. – Прилив жителей. – Что затевает Раппо. – Портные. – Картинки на Кузнецком мосту. – Новости русской сцены: новая опера и г. Щепин. – Брошура о Пожарском г. Смирнова. – Фельетоны г. Д. – Выставка сельских произведений, некоторые по ее поводу. – Иконостас для Кляхты, исполненный г. Полтавцевым. – Затруднительное положение корреспондента «Пантеона». – 17 № «Москвитянина». (С. 1-10).

VII. Петербургский вестник.

1. Литература.

«Две сестры» г. Вонлярлярского. – Записки купца Жаркова. – Археологическая критика «Библиотеки для Чтения». – Летние книжки «Сына Отечества». – Двадцать семь экземпляров «Сына Отечества» и прекращение подписки на «Современник». – Новое произведение писателя Кривича. – Почему мы говорим о подобных писателях. – Неудачный перевод трагика. – Стихи г. Кресина, нового поэта «Сына Отечества». – Окончание романа г. Панаева. – Промахи романиста. – Вани, Коли, Петруши и Лидии Александровны. – Настоящий герой субъективного романа. – г. Вихляев. – Остальные статьи последних номеров «Современника». – Критика его. – Г. Данилевский, его стихи и проза. – Новый Поэт и его заметки о графе д'Орсе, о своем пребывании в Париже, о своем швейцарском домике, о своей лошади и о русской журналистике. – Еще несколько слов о г. Крестовском и г-же Хвоцинской по поводу разборов Нового Поэта. – Музыка. (С. 1-18).
Новости литературы вне журналов. – Новая книга, очень похожая на одну старую. Копии с оригиналов, или старые знакомцы под новыми именами. (С. 18-34).

2. Искусства и художества.

Выставка Императорской Академии художеств. (С. 34-54).

3. Музыка. (С. 54-76).

4. Моды в Петербурге. (С. 76-77).

VIII. Репертуар русской сцены. № 10.

Выдать дочку замуж! Водевиль в одном действии, переделанный с французского П. С. Федоровым. (С. 1-32).

ИЗЯЩНАЯ СЛОВЕСНОСТЬ.

I.

СЦЕНЫ ИЗЪ РИМСКАГО БЫТА,

Г. П. Данилевскаго.

КАЙ ВАЛЕРІЙ КАТУЛЛЪ, любимый римскій поэтъ, время Юлія Цезаря.

ЛЕЗБІЯ, сирота, гречанка съ острова Лезбоса, призрѣнная Катулломъ.

ЛИЗИППЪ, греческій продавецъ фигъ, любитель литературы и искусствъ, прибывшій съ своимъ кораблемъ въ Римъ.

СКАВРЪ, римскій купецъ, также любитель литературы и самъ втихомолку пописующій стихи.

АГЕНОБАРЪ-РОМУЛЬ-ПАНДОРА, казначей диктатора, скряга, замѣченный не совсѣмъ въ чистыхъ поступкахъ, влюбленный въ Лезбію.

ГЛАВНЫЙ ЭКОНОМЪ, начальникъ рабовъ и кухни.

ДВА РАБА.

НАЧАЛЬНИКЪ ЛИКТОРСКОЙ ГВАРДІИ.

ПЬВИЦЫ, ЛИКТОРЫ И СЛУГИ.

Дѣйствіе происходитъ на загородной виллѣ, въ виду Рима, за 65 лѣтъ до Р. X.

Театръ представляетъ садъ, въ глубинѣ котораго, между виноградныхъ листьевъ и навѣса изъ плюща, лавровъ и акацій, декорація Рима, освѣщеннаго лучами вечерней зари. Вправо — уголь мраморнаго портика, на террасѣ котораго стоятъ вазы съ кактусомъ, плющемъ и тысячелиственникомъ. Влѣво — у подножія остроконечной скалы, подъ вѣтвями деревъ, скамьи для возлежанія, и столъ.

СЦЕНА ПЕРВАЯ.

ДВА РАБА и ГЛАВНЫЙ ЭКОНОМЪ. Рабы накрываютъ столъ.

ЭКОНОМЪ.

Готовы-ль фрукты, устрицы и вина ?

1-Й РАБЪ.

Готовы.

ЭКОНОМЪ.

Не спѣшите за работой.

Еще свѣтло! Катудль пошелъ ловить
Муренъ къ Агриппѣ, да увидѣлъ въ полѣ
Албанскихъ жницъ, забылся, легъ къ пригорку,
И все глядитъ на загорѣлыхъ жницъ!
Пока ослы притащутъ по утесамъ
Гостей изъ Рима, мы накроемъ столъ
И приведемъ пѣвицъ транстеверискихъ.

2-Й РАБЪ.

А слышалъ ты, сосѣди говорятъ,
Что этотъ пиръ едва-ли повторится !

ЭКОНОМЪ.

Не разсуждай! Приказано, работай,
А то, какъ разъ вороны унесутъ
Изъ рукъ тарелки !

1-й РАБЪ.

Кто-же званъ на ужинъ?

ЭКОНОМЪ.

Богатые купцы.

2-й РАБЪ.

А небогатымъ

Катуллъ забылъ отправить приглашенья?

ЭКОНОМЪ.

Эй, замолчи! По римской поговоркѣ,
Скорѣй въ гробу чихнетъ мертвецъ,
Чѣмъ скажетъ умное глупецъ!

2-й РАБЪ.

Ну, а каковъ сегодня будетъ ужинъ?
Насъ не пускаютъ въ кухню повара —
Останется-ль и намъ перекусить
Съ тобой сегодня? —

ЭКОНОМЪ.

Рано на зарѣ

Катуллъ свои мнѣ отдалъ приказанья.
Ступай на кухню, говоритъ, скорѣй,
Вверхъ дномъ поставь и домъ и погреба,
Печь раскали, замучай поваренковъ,
И приготовь мнѣ ужинъ повкуснѣй,
Да не простой, диктаторскій, волшебный!
Возьми, сказалъ, завѣтный мой мѣшокъ —
Въ немъ науки еще не завелись
И мышь съ своимъ гнѣздомъ не поселилась!
Все золото его снеси на торгъ,
Скупи припасовъ и найми пѣвицъ!
На ужинъ сдѣлай бѣлую похлебку
Изъ языковъ павлиньихъ и яицъ.
Въ винѣ свари тарентскую мурену,
Живую брось въ кристальный кипятокъ,
Чтобъ долѣе плескалася въ кострюль
И вмѣсто ложки свой отваръ мѣшала!
Чтобъ устрицы къ закускѣ подавались

Не наши, римскія, полуживыя,
 А устрицы пиценскія, такія,
 Чтобъ двигались, урчали и пищали,
 Какъ станемъ мы глотать ихъ, запивая
 Изъ раковинъ лимонною водой!
 Въ саду нарѣзать гроздй винограда,
 Прозрачнаго, какъ золотой янтарь,
 И нѣжнаго, какъ грезы лѣтней ночи....

1-Й РАБЪ.

Шутникъ!

ЭКОНОМЪ.

Не смѣйся, — это рѣчь Катулла!
 Подай, сказалъ онъ, наконецъ, всѣхъ винъ,
 Безъ примѣси, какъ Римъ безсмертный, старыхъ,
 Какъ горный медъ густыхъ и благовонныхъ!
 Да тутъ-же помѣсти застольный черепъ,
 Какъ слѣдуетъ, какъ завѣщали предки —
 Чтобъ жизни пиръ неслишкомъ заносился
 И вѣчно помнилъ близкій свой конецъ,
 Приходъ расправы неподкупной смерти!
 Готовъ-ли черепъ?

2-Й РАБЪ.

Вонъ, стоитъ, на мѣстѣ....

1-Й РАБЪ.

А много-ли гостей къ Катуллу будетъ?

ЭКОНОМЪ.

Э, въ томъ-то, другъ, и дѣло : самъ я съ этимъ
 Вопросомъ поутру къ нему подъѣхалъ,
 А онъ нахмурилъ брови и замѣтилъ :
 Когда-то въ часъ веселія Лукуллъ,
 Гоня повара, сказалъ съ досадой —
 «Ты думаешь, что если я одинъ
 Обѣдаю, такъ въ роскоши нѣтъ нужды;
 Не умничай! готовъ обѣдъ на сотню;
 Сегодня пиръ роскошнѣй всѣхъ пировъ —
 Лукуллъ обѣдать будетъ у Лукулла!»
 Тебѣ скажу я, другъ мой, тоже : нынче

Катуллъ на ужинъ явится къ Катулле,
И потому въ расчеты не пускайся!»
Да вотъ и онъ! Ступайте за цвѣтами!

(Рабы уходятъ).

СЦЕНА ВТОРАЯ.

КАТУЛЪ и вѣкоръ ЛЕЗБІЯ.

КАТУЛЪ (эконому).

Ну что, счастливо ль удался нашъ ужинъ?

ЭКОНОМЪ.

Отлично!

КАТУЛЪ.

Позаботься-жь на досугѣ
Убрать получше блюда и вино!

(Экономъ, кланяясь, уходитъ).

КАТУЛЪ (смотритъ на Римъ и на по-
ля, тонущія въ туманъ).

Привѣтствую тебя въ послѣдній разъ,
Катуллова блистательная слава!
Отпировала ты свой праздникъ шумный,
Отпировала пышно и безумно!
Какъ молодость, какъ сонъ ты пронеслась...
И дней блаженства чаша золотая,
Не падаетъ изъ рукъ недопитая!
Угасшій мигъ, разбитыя мечты —
Веселая, плѣнительная прихоть!
Я посвятилъ собраніе стиховъ
Богатому и пылкому ребенку,
Безусому Агриппѣ, зацѣвалъ
Всѣхъ шалуновъ, гулякъ и скомороховъ,
Агриппа мнѣ прислалъ мѣшокъ червонцевъ,
Пустилъ меня въ свой виноградный садъ,
И бросилъ я столицы шумной адъ,
Мѣшокъ на плечи, съ Лезбіей пустился
Пѣшкомъ въ дорогу пыльную, пришелъ
Въ волшебный край, въ душистый, темный садикъ,

Съ фонтанами, утесами, съ толпой
Рабовъ, рабынь; подъ тѣнюю плющевой,
Нашель цвѣты и мраморную ванну!
Я высыпаль завѣтный свой мѣшокъ,
И сталъ искать въ душѣ своей желаній. —
Восемнадцать дней промчалось въ довольствѣ,
Восемнадцать упоительныхъ вѣковъ
Роскошною мечтою пролетѣли!
Въ послѣдній разъ я горсть червоцевъ бросаю,
Какъ стая птицъ, въ послѣдй разъ желанья
На эту горсть, порхая, опустились
И по зерну клюютъ минуты счастья....
Угаснетъ день, промчится свѣтлый пиръ,
И снова насъ суровый встрѣтитъ мйръ!
Опять пойдемъ мы съ Лезбій отсюда,
Одѣнемся въ тряпье, возьмемъ по палкѣ
И станемъ вновь блуждать по перекресткамъ,
Блуждать, мечтать, мечтать и голодать!
Темнѣй же день, вставай волшебный сумракъ
И споръ съ весельемъ дорогая дружба,
Пока не пусть заманчивый мѣшокъ!
Вчера подъ вечеръ, между темныхъ лавровъ,
Въ задумчивой прогулкѣ по скаламъ,
Склонивъ на грудь роскошную головку
И уронивъ сверкающіе локти
Вдоль туники, въ душевной лихорадкѣ,
О женихѣ далекомъ помышляя,
Моя сиротка лепетала вслухъ,
Меся въ тѣни деревъ не замѣчая:
«Нѣтъ, нѣтъ, Катуллъ, тебя я не покину,
Ты Лезбій въ замужство не отдашь, —
Клянусь душой любить тебя, какъ солнце
Въ твоихъ стихахъ душистыхъ любить розы,
И, еслибъ самъ Юпитеръ предложилъ
Мнѣ золото Данаи за мгновенье
Моей любви, за пару поцѣлуевъ —
Я отказала бь смѣло громовержцу!»
Быть-можетъ такъ, быть-можетъ и не лгали
Невинныя уста.... Какъ знать и какъ судить!
Я не могу, не смѣю вѣрить сердцу,

Мое добро я дѣлалъ безкорыстно
 И не отдамъ въ сладостный обманъ!
 То, въ чемъ клянется женщина мужчино,
 Написано ребенкомъ на песокѣ
 И на волнѣ написано воздушной!
 Подуетъ вѣтеръ—улетитъ песокъ,
 Волна волною смѣнится, и клятвы
 Умчатъ съ собой роскошныя мечты,
 Недолгое блаженство красоты!

(Лезбія выходитъ изъ-за колоннъ портика).

ЛЕЗБИЯ.

Ты звалъ меня?

КАТУЛЛЬ.

Нѣтъ, я тебя не звалъ.

ЛЕЗБИЯ.

Такъ я уйду.... *(Останавливается)*. Ты обо мнѣ не думалъ?

КАТУЛЛЬ.

Не думалъ....

ЛЕЗБИЯ.

Такъ о комъ же думалъ ты?

КАТУЛЛЬ.

Какъ ты мила сегодня! Нарядилась
 Въ отборныя и дорогія платья...

ЛЕЗБИЯ.

Послушай! Мнѣ сосѣдка говорила,
 Что въ Римѣ, возлѣ югуртинскихъ бань,
 Заѣзжій Галль или Еврей, не знаю,
 Составъ одинъ безцѣнный продаетъ;
 Отъ этого состава голубыми
 Становятся глаза у черноокихъ.

КАТУЛЛЬ.

Не вѣрь сосѣдкѣ!

ЛЕЗБИЯ.

Отчего не вѣрить?

Такая скука, право.... Цѣлый день
 Гуляешь все, да примѣряешь платья;
 И въ воздухѣ такъ тихо и тепло,
 Кругомъ цвѣты, фонтаны и утесы —
 Одно и то же, — зеркало возьмешь
 И въ зеркалѣ все старое, какъ прежде —
 Одни и тѣ же черные глаза!
 Такая скука!

КАТУЛЛЪ.

Мнѣ жъ совсѣмъ нескучно!

ЛЕЗБІЯ.

Еще бы, цѣлый день писать стихи,
 И что нашелъ ты въ этихъ скучныхъ строчкахъ!

КАТУЛЛЪ.

А, ты хитришь! — не ты-ль вчера твердила,
 Весь день, мои послѣдніе стихи?

ЛЕЗБІЯ.

Да! да! Я буду вѣчно ихъ твердить!
 На зло тебѣ ихъ продиктую вѣтру,
 А тотъ расскажетъ ихъ торговкамъ римскимъ!
 На зло тебѣ сороку научу
 Твердить твои стихи ежеминутно....
 Сорока и посланье, вотъ забавно!...

(Катуллъ ее не слушаетъ).

Катуллъ! поѣдемъ въ Римъ.... Ты измѣнился,
 Ты отъ богатства сталъ совсѣмъ иной!
 Брось эту виллу, здѣсь всего такъ много,
 Такая роскошь, скука, — въ Римѣ лучше.

КАТУЛЛЪ.

Эхъ, Лезбія! не осуждай богатства,
 И не тебѣ богатство осуждать!

ЛЕЗБІЯ (всторону).

Онъ о моемъ далекомъ женихѣ
 Припомнилъ, онъ меня любить не можетъ,
 И никогда меня любить не станетъ!
 Я подросла, а между тѣмъ плѣнила

Его иная въ мірѣ красота!
 Я слышала сквозь вѣтви, за стѣной,
 Какъ повара съ рабами толковали
 Объ ужинѣ... Онъ ждетъ къ себѣ кого-то,
 Онъ ждетъ, лукавецъ, ждетъ — и я не знаю!

КАТУЛЛЬ.

Ну, что-же ты нахохлилась, мой милый
 Воробушекъ? Садись ко мнѣ поближе,
 И повтори вчерашнія слова:
 «Когда бы самъ Юпитеръ предложилъ
 Мнѣ золото Данаи за мгновенье
 Моей любви, за пару поцѣлуевъ —
 Я отказала-бъ смѣло громовержцу!»
 Я слышалъ все, меня ты не обманешь —
 Агенобарбъ-Пандора громовержецъ?..

ЛЕЗБИЯ (вспыхнувъ).

Пандора?

КАТУЛЛЬ (всторону).

Милое созданье неба!
 Какъ въ ней невинность пылко негодуешь!

ЛЕЗБИЯ.

Пандора!.. Этотъ лысый... этотъ страшный...
 Толстякъ... багровый... съ рыбьими глазами
 И съ грушей вмѣсто носу... объѣдало...
 Хорошь!.. Красавецъ!..

КАТУЛЛЬ.

И, прибавь, вдовецъ,
 Питающій надежды вновь жениться!

ЛЕЗБИЯ.

А, ты смѣешься! погоди жъ, Катулль!
 Скажи мнѣ лучше, скоро-ль я увижу
 Твою любовь, твою, Катулль, невѣсту?
 Ты ждешь ее, вчера ты толковалъ
 О ней въ саду съ пріятелемъ! Я помню,
 Корнелій Непотъ весь дрожалъ, внимая,
 Какъ ты ее стихомъ живописалъ!

КАТУЛЛЪ (всторону).

Ревнивица! Вотъ прямо въ цѣль попала —
Я говорилъ о бегійской Сафо!

ЛЕЗБИЯ.

Такъ ты молчишь, смѣшался; ты не даромъ
Готовилъ ужинъ нынче?... Ну, женись;
Бери ее, красавицу-невѣсту,
Она желта, какъ старый померанецъ,
Желта, навѣрно, и въ гвоздичномъ маслѣ
Купается... Влюбиться въ померанецъ!
Завидный вкусъ! Торговка!

КАТУЛЛЪ.

Успокойся!

ЛЕЗБИЯ.

У Лезбii отыщется поклонникъ!

КАТУЛЛЪ.

Ужъ не Пандора-ль?

ЛЕЗБИЯ.

Да, Катуллъ, Пандора!

Я отъ тебя скрывалась, но теперь
Ты долженъ знать: я влюблена въ Пандору!

КАТУЛЛЪ.

Ты влюблена въ Пандору?

ЛЕЗБИЯ.

Влюблена!

КАТУЛЛЪ.

О, времена! о, жалкій вѣкъ! о, нравы! —
Какъ говоритъ великій Цицеронъ...

ЛЕЗБИЯ.

Я нынче не приду къ тебѣ на ужинъ!

КАТУЛЛЪ.

И кстати: ужинъ нынче холостой,
А на пирушкѣ вольной не годится
Дѣвицѣ быть — какъ разъ сорвется слово

Такое, отъ котораго завянуть
И не твои дѣвическія уши!

ЛЕЗБІЯ (про себя).

Онъ удалить меня отсюда хочетъ...
Постой-же, притворюсь, что ѣду въ Римъ,
И посмотрю, кто сядетъ съ нимъ за ужинъ!
О, боги, боги! — Сердце замираетъ!

(Вслухъ).

Я ѣду въ Римъ, Катуллъ!

КАТУЛЛЪ (не слушая ее).

Однако, странно,
Гостей моихъ все нѣтъ, какъ нѣтъ!

ЛЕЗБІЯ.

Катуллъ,

Я ѣду въ Римъ! Ты слышишь?

КАТУЛЛЪ.

Поѣзжай!

ЛЕЗБІЯ.

Къ Агенобарбу-Ромулу-Пандоръ...

КАТУЛЛЪ

Къ Агенобарбу-Ромулу-Пандоръ!

ЛЕЗБІЯ.

Прощай, Катуллъ!

КАТУЛЛЪ.

Прощай, прощай, мой другъ!
Не позабудь одѣться понаряднѣй!

ЛЕЗБІЯ.

Не смѣйся, я съ тобою не шучу, —
Я навсегда съ тобою расстаюся!

КАТУЛЛЪ.

Да ... на всегда!

ЛЕЗБІЯ (возвращаясь, сквозь слезы).

Смотри жь потомъ не плачь,

Катуллъ!

КАТУЛЛЪ.

Не буду плакать!

ЛЕЗБІЯ (всторону).

Погоди-же!

Влюбиться въ померанецъ! Сумасшедшій!

(Уходитъ).

СЦЕНА ТРЕТЬЯ.

КАТУЛЛЪ и вскорѣ АГЕНОБАРЪ-ПАНДОРА, ЛИЗИППЪ и СКАВРЪ.

КАТУЛЛЪ.

Прелестная, капризная шалунья!

Отправится къ какой-нибудь подругѣ,

Въ уютной домикъ, надъ живымъ ручьемъ,

Межъ кипарисовъ, розъ и гіацинтовъ,

Потолковать о грезахъ, о любви...

А дуетъ губки! Всѣ вы таковы

Наслѣдницы лукавыя Венеры!

Капризы ваши — пропасть безъ конца,

Прикрытая душистыми цвѣтами!

И не всегда мы счастливо обходимъ

На жизненной дорогѣ эту пропасть!

(Всходитъ на скалу).

Однако гости наши запоздали!

Совеѣмъ ужъ вечеръ... Падаеть роса!

(Между деревьевъ показывается Пандора).

Да вотъ и гость... Нѣтъ, это не изъ нашей

Семьи!.. Кто-бъ это былъ? — Пандора! боги!

ПАНДОРА (не видя его).

Лазутчики мнѣ донесли, что здѣсь

Скрывается питомица Катулла.

КАТУЛЛЪ.

Пронюхаль волкъ, куда загнали стадо!

ПАНДОРА.

Лъсная незабудка и репейникъ,
Какой противный красотъ союзъ!

КАТУЛЛЪ.

А самъ красавецъ! Нечего сказать!

ПАНДОРА.

Онъ, говорятъ, недурно пишетъ! Впрочемъ,
Кто нынче занятъ этой болтовней...
Я, напимѣрь, по-гречески читаю,
Но я читаю съ цѣлью, для того,
Чтобъ не забыть по-гречески, — а нашихъ
Всегда я плохо какъ-то разбираю:
Начнешь читать — все острые намеки
На злыхъ людей — совсѣмъ рябитъ въ глазахъ!
(*Встрѣчается съ Катуллою*).

Катуллъ!

КАТУЛЛЪ.

Пандора!

ПАНДОРА.

Вотъ некстати встрѣча!

КАТУЛЛЪ.

Что привело тебя въ мое жилище?

ПАНДОРА.

Я — мнѣ хотѣлось — ты не думай впрочемъ...

РАБЪ (*съ двумя другими рабами несетъ цветы и вина*).

Несутъ цвѣты!

ПАНДОРА (*спохватившись*).

Я... слышалъ запахъ рыбы

И захотѣлъ — рѣшился попросить

Любезнаго поэта, познакомить

Меня съ его бесѣдой и столомъ.

(*Про себя*).

Недурно сказано! Нашелся славно!

КАТУЛЛЪ.

Что-жь, просимъ милости!

ПАЧДОРА.

Но ты, Катуллъ,
Не разсердись за эту откровенность!

КАТУЛЛЪ.

О, ничего! Вѣдь это нынче въ модѣ!
Нѣтъ недостатка въ дорогихъ гостяхъ —
Зовешь двоихъ, а шестерыхъ встрѣчаешь;
Всякъ за собой ведетъ на званый пиръ
Еще друзей своихъ; друзья спокойно
Ведутъ своихъ знакомыхъ и родныхъ...
Не все-ль равно, ты прошенъ, иль непрошенъ?

ПАНДОРА.

Благодарю достойнаго поэта!

(Про себя).

Вотъ и успѣхъ! Я Дезбію увижу
И вдоволь съ ней теперь наговорюсь!

КАТУЛЛЪ *(Про себя).*

Сегодня я кормлю его охотно,
А завтра онъ накормитъ ли Катулла?
Э, будь, что будетъ!

РАБЪ *(стоя на скаль).*

Гости на дорогъ.

КАТУЛЛЪ.

И Скавръ, и тотъ пріѣхавшій купецъ?

РАБЪ.

Они.

КАТУЛЛЪ.

Добро пожаловать, друзья.

(Входятъ Лизиппъ и Скавръ).

Привѣтъ вамъ, гости добрые. Пандора,
Позволь тебѣ представить двухъ достойныхъ
Поклонниковъ добра и красоты!

Лизиппъ — купецъ изъ дальней Арголиды,
 На кораблѣ приплывшій въ гости къ намъ,
 Чтобъ сбыть у насъ непроданный товаръ
 И увидеть —

ЛИЗИППЪ (*перебивая его*).

И поклониться славѣ
 Того, чей даръ второе наше солнце,
 Того, кого Катуллою мы зовемъ!

КАТУЛЛЪ.

Ты слишкомъ добръ! — Второй, его ты знаешь, —
 Тиберій Скавръ — почтенный торговецъ
 Изъ Рима.

ПАНДОРА.

Да, тебя я точно знаю —
 Миѣ каждый день приносятъ отъ тебя
 Баранину, индѣекъ и колбасы!

СКАВРЪ.

Здоровье твоему желудку, добрый
 Старикъ! —

ПАНДОРА.

Старикъ? — Какая злая шутка!

КАТУЛЛЪ.

Садитесь, гости, и да лютуютъ шумно
 Веселые за пиромъ разговоры,
 Какъ будемъ лить мы сладкое вино! —
 (*Садятся за столъ. — Рабы прислуживаютъ*).

Вотъ устрицы — вотъ рыба — вотъ похлебка
 Изъ языковъ павлиньихъ и яицъ!
 Берите, не скупитесь. — Ты же, мальчикъ,
 Намъ наливай фалернскаго, — сто лѣтъ,
 Прошло съ-тѣхъ-поръ, какъ дѣды нашихъ дѣдовъ
 Его въ садахъ по бочкахъ разливали!

ЛИЗИППЪ.

Похлебка — прелесть, устрицы, какъ мысли
 Твоихъ созданий, такъ и лютуютъ въ душу.

ПАНДОРА (*про себя*).

Каплунъ недуренъ, видно повара
Стащили у меня!

СКАВРЪ.

Ты всюду геній,
Катуллъ, въ стихахъ и въ кухонномъ искусствѣ!

КАТУЛЛЪ.

Берите, пейте, смѣйтесь, веселитесь,
Отъ счастья готовъ я опьянѣть.
Эй, рабъ! — Обрызгать насъ отваромъ листьевъ
Фиалокъ, мяты и душистыхъ лавровъ,
Чтобъ возбуждать въ насъ аппетитъ и бодрость;
Сандалии съ усталыхъ снять, и руки
Подать умыть намъ розовой воды!

(*Рабы исполняютъ его приказанія.*)

СКАВРЪ.

И такъ, Лизиппъ, чѣмъ Греція красивѣй
И лучше Рима? — Ты не досказалъ.

ЛИЗИППЪ.

У Греціи пльнительное небо,
Вся Греція сады и острова.

СКАВРЪ.

У Рима также небо голубое,
Роскошное, и вся страна — что садъ,
Въ которомъ нѣтъ безплоднаго кусточка!

ЛИЗИППЪ.

У Греціи, какъ у вакханки чудной,
Нѣтъ грустныхъ дней, нѣтъ слезъ — она въ цвѣтахъ,
Въ сверкающемъ вѣнкѣ изъ винограда,
Поетъ, кружится, словно рѣзвый мальчикъ,
За новостью гоняется, и новость
Становится у вѣтренной законъ;

Что на умѣ у ней, то и на дѣлѣ;
 Болтливая въ наряды влюблена,
 И, скрытность презирая, щеголяетъ
 Своей живой, порхающею рѣчью!

СКАВРЪ.

Да, ваша рѣчь въ пословицу вошла!

КАТУЛЛЬ (*задумчиво*).

Хорошъ и нашъ гигантъ — суровый Римъ!
 Мечъ при бедрѣ, въ рукѣ копьё и знамя,
 Побѣднымъ осѣненное орломъ,
 Орломъ того, кто царства и народы,
 Какъ свѣтлые, роскошные ручьи,
 Въ родимомъ морѣ слилъ на диво свѣта!
 Онъ гордо имъ надъ міромъ потрясаетъ,
 Врагамъ и злѣ открыто смотритъ въ очи;
 У ногъ его дробятся съ воплемъ волны
 Народныхъ смуть — онъ крѣпко держитъ руль!
 Весь изъ желѣза, весь законъ и правда,
 Вознесся онъ въ суровой красотѣ,
 И полные любви къ отчизнѣ очи
 Возводитъ смѣло къ вѣчнымъ небесамъ,
 Гдѣ видятъ міръ высокаго искусства,
 Нехуже васъ, идя на бой съ врагами
 Исторію побѣдъ народныхъ пишетъ,
 Подъ тучей стрѣлъ, а чистой красотѣ
 И вдохновеннымъ геніямъ внимая,
 Получше васъ еще достойный трудъ
 Своихъ родныхъ талантовъ награждаетъ!

ЛИЗИППЪ.

Но красота гречанокъ... наши дѣвы...

КАТУЛЛЬ.

Пустое... Римлянки не вамъ чета!
 Гречанки страстны, пылки, легковѣрны,
 У грековъ есть продажныя Елены...
 У римлянъ — римляне, сосѣдъ, не греки!

Въ обдуманной, холодной красотѣ,
 Разумныя и гордыя, какъ слава
 Оружія безстрашныхъ ихъ сыновъ,
 Онѣ своей любви огонь и ласки
 Однимъ мужьямъ на радость берегутъ!
 И дикая аѳинская плясунья,
 Подъ кровлею священнаго угла
 Супруги римской, недостойна ленты
 Сандаліи покорно развязать
 На той, кто намъ кормилица и мать!

ЛИЗИППЪ.

Ну, это, другъ, ужъ много!

КАТУЛЛЪ.

Нѣтъ, не много!

ЛИЗИППЪ.

Исторія...

КАТУЛЛЪ.

Исторія нехуже
 Красавицъ вашихъ, некрасивѣя, лжетъ!

СКАВРЪ.

Чѣмъ спорить намъ, не лучше ли, друзья...

ПАНДОРА (утирая ротъ).

По моему, ни Греція, ни Римъ
 Не лучше: лучше ихъ обоихъ этотъ
 Зажаренный съ орѣхами каплунъ!

СКАВРЪ.

Вотъ славно сказано — здоровье гостя!

ЛИЗИППЪ.

Да здравствуетъ находчивый Пандора!

ПАНДОРА.

Благодарю, я правъ, я это знаю.

КАТУЛЛЬ.

Въ исходѣ пирѣ, а хмѣль еще далеко
 Цвѣтами нашихъ мыслей не убралъ.
 Какъ строй Спартанцевъ трезвыхъ, наши чаши
 Фалангою незыблемой стоятъ
 И со стола веселья не скатились!
 Эй, рабъ, вели къ столу моихъ пѣвицъ!

(Рабъ уходитъ.)

Я не хочу васъ плясками дарить,
 Мессинская вакханка не предстанетъ,
 Танцуя изступленную осу...
 Мы будемъ слушать пѣсни Ювенала
 И старика Гомера сладкій гимнъ!

(Входятъ пѣвицы.)

КАТУЛЛЬ.

Ну, стройте лиры, и скорѣй за пѣсни!
 Да что-нибудь попроще, понѣжнѣе —
 Гармонія не тершитъ дикихъ звуковъ!

(Пѣвицы берутся за лиры.)

Нѣтъ, погодите, я вамъ заплатилъ,
 Такъ ужъ вполне хозяинъ буду съ вами.
 Я васъ поставлю въ группы — у террасы
 И по скаламъ — вотъ такъ, чтобъ зрѣнье слуху
 Завидодать не стало у гостей.

(Устанавливаетъ ихъ группами.)

Кто между вами запѣвало?

ОДНА ИЗЪ ПѢВИЦЪ.

Я.

КАТУЛЛЬ.

Ну, для тебя не мѣсто между хора —
 Здѣсь становись и начинай смѣлѣй.

ПѢВИЦА *(поетъ)*.

Какъ рыбка надъ сонной рѣкой,

Серебристой сверкнувъ чешуей,
Пропадаетъ,
И тихо, подь сѣною вѣтвей,
Волна, вострепенувшись надъ ней,
Пробѣгаетъ —
Въ моихъ омраченныхъ мечтахъ,
Тѣнь подруги въ лучахъ и цвѣтахъ
Выступаетъ
И долго, любовью дыша,
Моя молодая душа
Замираетъ! —

СКАВРЪ (*въ восторгъ*).

Прекрасно!

КАТУЛЛЪ.

Имя какъ твое, пѣвица?

ПѢВИЦА.

Симфонія!

КАТУЛЛЪ.

Всѣ кубки отъ стола
Дарю тебѣ, Симфонія, за пѣсню!

ПАНДОРА (*про себя*).

А Лезбіи все нѣтъ, какъ нѣтъ межъ нами!

КАТУЛЛЪ.

Еще одну, еще такую жъ пѣсню —
Въ груди щемить, какъ-будто жало змѣя
Вползло туда съ предчувствіемъ печальнымъ!
О счастья влюбленныхъ намъ пропой!

СЦЕНА ЧЕТВЕРТАЯ.

ТѢЖЕ и ЛЕЗБІЯ.

ЛЕЗБІЯ (*пробираясь между пѣвицъ,
подъ покрываломъ*).

Я пропою тебѣ такую пѣсню!

КАТУЛЛЪ.

Кто ты, зачѣмъ лицо твое закрыто?

ЛЕЗБИЯ.

Я бѣдная пѣвица изъ Тарента,
 Прошу на хлѣбъ для бѣднаго отца
 И не хочу, чтобъ люди находили
 Мой голосъ хуже моего лица!

КАТУЛЛЪ.

Какъ странно... голосъ будто мнѣ знакомый!
 Изволь, пропой намъ — я тебѣ плачу!

ПАНДОРА (*про себя*).

А Лезбіи все нѣтъ!

ЛЕЗБИЯ.

Стихи Катулла!

Хоръ, повторяй за мною... Я пою!

ПѢВИЦА (*поетъ*).

Не срывай цвѣтовъ весны,
 На цвѣтахъ роятся осы;
 Не влюбляйся отъ жены —
 Злѣе ось у женъ вопросы!
 Ты въ цвѣты зимы вглядись,
 Ихъ дыханьемъ упивайся —
 И, влюбляясь, не женись,
 И... женившись, не влюбляйся

СКАВРЪ (*съ кубкомъ*).

Да здравствуетъ прелестная пѣвица!

КАТУЛЛЪ.

О, пѣсни, пѣсни, какъ вы тяжки сердцу!

ПАНДОРА (*разсыянно*).

Скажи, Катуллъ, гдѣ Лезбія твоя?

КАТУЛЛЪ (*не слушая его*).

Бываетъ время, пѣсня льется въ душу,
 Какъ вѣянье весны благоуханной;
 А иногда, не знаешь, какъ убить

Тоски, въ душѣ напѣвомъ пробужденной!

ПАНДОРА (*перебивая его*).

Да гдѣ жъ твоя питомица, Катуллъ?

КАТУЛЛЪ (*вспыхнувъ*).

Питомица?.. Тебѣ какое дѣло?

ПАНДОРА (*всторону*).

Ай, ай! попался!

КАТУЛЛЪ.

Ты затѣялъ шашни,
Ты не ко мнѣ, ты къ Лезбіи пришелъ?

ЛЕЗБИЯ (*всторону*).

Уйти скорѣй, пока огонь остынетъ,

А то еще сорветъ онъ покрывало!

(*Уходитъ. — За нею удаляются пьвицы*).

ПАНДОРА.

Я пошутилъ!

КАТУЛЛЪ.

Ты пошутилъ? — Слѣпой же
Ты кротъ, когда со мною споръ затѣялъ!

ПАНДОРА.

Катуллъ!

КАТУЛЛЪ.

Пять тысячъ беспощадныхъ словъ,
Пять тысячъ сатирическихъ стиховъ
Готовься встрѣтить, иль во всемъ сознайся!

ПАНДОРА.

Потише! (*Всторону*). Боги! онъ меня погубить!
На ближней виллѣ... (*Вслухъ*). Берегись, Катуллъ,
На ближней виллѣ, съ римскими друзьями,
Пируетъ въ виноградникѣ диктаторъ!

КАТУЛЛЪ.

Мнѣ жаль тебя! Нѣтъ у тебя ни вѣрныхъ
Рабовъ, ни любящей подруги; войлокъ

У входа въ дверь Катулла чистоплотнѣй
 Твоей кровати; мухи и сверчки
 Во снѣ танцуютъ по твоимъ губамъ;
 Твои пріатели отъ злости сохнутъ
 И отъ боговъ надѣлены такими
 Зубами, что булыжникъ римскихъ стѣнъ
 Имъ ни почемъ и мягче старой груши!

ПАНДОРА.

Катуллъ... чужіе!..

КАТУЛЪ.

Ничего, Пандора!

Скажи мнѣ лучше, какъ твой аппетитъ
 Такъ надъ тобой беретъ порою силу,
 Что, запершись въ своемъ дому, на волѣ
 Для всѣхъ незримой яствой объѣдаясь,
 Ты ставишь сзади вѣрнаго раба,
 Чтобъ онъ тебя удерживалъ отъ лишней
 Охоты — черезъ мѣру закусить
 И лопнуть надъ неконченной похлебкой!

(Пандора хочетъ говорить).

Скажи мнѣ лучше, какъ ты воровалъ,
 Въ былые дни, скитаяся въ лохмотьяхъ,
 У Ювенала на пиру салфетки
 И золотыя ложки клалъ въ карманъ?

ЛИЗИППЪ.

Не можетъ быть!

СКАВРЪ.

Катуллъ, навѣрно, шутить!

ПАНДОРА.

Конечно шутить, этакой проказникъ!

КАТУЛЪ.

Такъ ежели пошло уже на то...

(Останавливаются).

Во имя шутки, наполняйте ваши
 Забытыя, покинутыя чаши!

СКАВРЪ. (съ чашею).

Да здравствуетъ достойный нашъ хозяинъ!

ЛИЗИПЪ. (Поднимая чашу).

Здоровье музъ, во славу красоты!

Да здравствуютъ Анакреонъ и Пиндаръ,

Да здравствуютъ Virgilij и Гомеръ!

СКАВРЪ.

Да здравствуетъ священный, мирный трудъ,

Подъ маслиной, за сладкою амфорой!

ПАНДОРА (про себя).

Давай-ка предложу я выпить въ честь

Диктатора — онъ за стѣнной сосѣдней

И рѣчь мою услышитъ... Пригодится!

(Вслухъ).

Вы знаете, я главный казначей,

Храню казну диктатора...

СКАВРЪ (всторону).

Хранишь-ли?

Не то я слышалъ о тебѣ въ народѣ!

ПАНДОРА.

Меня диктаторъ другомъ называетъ,

Меня диктаторъ любить, награждаетъ!

(Поднимаетъ чашу).

Да здравствуетъ властительный диктаторъ!

(Никто не отвѣчаетъ).

КАТУЛЛЪ.

Ты промахнулся... Не ходи, козель,

Въ чужіе огороды — ошибешься!

Катуллъ тебя къ себѣ не приглашалъ,

Ты самъ къ нему безъ совѣсти назвался,

Такъ не пеняй же, если мы тебѣ

За мирною бесѣдой не внимаемъ,

И за тобой не поднимаемъ кубка

Во славу славы римскаго народа!

Не изъ твоихъ нечистыхъ устъ подобнымъ

Рѣчамъ на пирѣ нашемъ раздаваться!

ПАНДОРА (*вспыхнувъ*)

Ты дерзкій злоязычникъ!

(*Про себя*).

Погоди же,

Я отплачу за Лезбію тебѣ!

КАТУЛЛЬ.

Вѣнки, друзья, на голову, вѣнки!

Шумѣть давайте с орить, веселиться!

Я у себя вамъ не позволю пить

Изъ-подътишка цикуты ядовитой,

Чтобъ смерти страхъ васъ больше заставлялъ

Въ послѣдній разъ на свѣтѣ напиваться!

Нѣтъ, нѣтъ, у насъ не мѣсто этой модѣ —

Мы будемъ пить за славу музъ и грацій,

И нашихъ чашъ пустыми не уронимъ!

Сюда, мои прелестныя пѣвицы,

Опять за пѣсни, пѣсни и любовь!

(*Лезбія и пѣвицы*).

ПАНДОРА (*вставая*).

Такъ ты не хочешь слушаться Пандоры,

Ты за диктатора не хочешь пить?

Терпи же самъ, а мнѣ позволь отъ сердца

Благодарить тебя за вкусный ужинъ,

За кушанья твои, вино и соль,

Которой ты свои усыпалъ блюда!

Ты накормилъ меня, Катулль, отлично,

Я сытъ по горло, сытъ и принесу

Тебѣ за все отъ сердца благодарность;

Я не замедлю съ дорогимъ отвѣтомъ!

Расправятся съ тобою, сорванецъ...

Къ диктатору, къ диктатору съ доносомъ,

И посмотрю я, какъ заплывешь ты

Передъ его корающимъ декретомъ!

КАТУЛЛЬ.

Пандора!

ПАНДОРА (*съ улыбкой*).

И потому одинъ за всѣхъ отвѣтишь!
 Законъ гласить: кто оскорбитъ хоть мыслью
 Диктатора — повиненъ грозной казни!
 Прощай, Катуллъ, благодарю за ужинъ!

(Уходитъ).

ЛИЗИППЪ И СКАВРЪ.

Катуллъ! что сдѣлалъ ты?

ЛЕЗБИЯ *(всторону)*.

О боги, боги!

Его казнить диктаторъ беспощадный!

КАТУЛЛЪ.

(Беретъ чашу).

Да здравствуетъ гармонія вселенной,
 Гармонія природы и людей,
 Гармонія богатства и талантовъ!
 Чтобъ гордый Римъ, чтобъ всепобѣдный Римъ,
 Подъ маніемъ волшебнаго жезла,
 Какъ музыка торжественнаго гимна,
 Какъ за душу хватающая пѣснь,
 Явился въ блескѣ силъ и дивной славы,
 Въ святыхъ лучахъ зиждительной державы,
 Явился намъ въ могучей красотѣ...
 Да здравствуетъ гармонія вселенной,
 Да здравствуетъ вселенной красота.

ЛИЗИППЪ И СКАВРЪ *(поднимая чаши).*

Да здравствуютъ гармонія и слава!

КАТУЛЛЪ.

Красавицы — за лиры! Дайте мнѣ
 Безумною душою позабыться!
 Забыть весь міръ, забыть враговъ и слезы,
 Готовыя изъ груди полной хлынуть!

ЛЕЗБИЯ *(опуская покрывало).*

И Лезбію ты хочешь позабыть?

КАТУЛЛЪ.

Какъ? это ты—ты мнѣ такъ нѣжно пѣла?

Ты, мой цвѣтокъ, моя живая радость,
Ты пѣла мнѣ....

ЛЕЗБИЯ.

Да, это пѣла я!

КАТУЛЛЪ.

Притворщица! Да развѣ могъ тебя я
Въ безумствѣ непростительномъ забыть,
Отдать твою привязанность и дружбу
За чью-нибудь мнѣ чуждую любовь?

ЛЕЗБИЯ.

За померанецъ, — помнишь, померанецъ?...

КАТУЛЛЪ.

Вотъ кубокъ, пей за славу нашей славы!

(Всѣ наливаютъ чаши. — Слышны рога).

ЛЕЗБИЯ.

Катуллъ, о боги! — Это часъ послѣдній
Тебѣ трубятъ! —

КАТУЛЛЪ *(роняетъ чашу).*

Ужели? Быть-не можетъ!

(Входитъ Пандора. — За нимъ толпа ликторовъ).

ПАНДОРА *(со свиткомъ въ рукѣ).*

Декретъ Катуллу.

СКАВРЪ *(кидаясь къ нему).*

Негодяй!

ПАНДОРА *(торжественно).*

Диктаторъ

Изволить въ немъ съ Катуллою говорить!

(Всѣ преклоняютъ головы).

КАТУЛЛЪ *(принимая свитокъ).*

Что жъ въ немъ Катуллу говоритъ диктаторъ?

ПАНДОРА *(насмѣшливо).*

А какъ тебѣ сказать, не знаю право:

Должно-быть въ немъ о смерти говорятся!

КАТУЛЛЪ.

О смерти?

ЛЕЗБІЯ.

Боги!

СКАВРЪ (съ угрозою).

Лжешь ты, негодяй!

ПАНДОРА.

Не горячитесь! Онъ меня дослушалъ
 И говоритъ: садись, вотъ тутъ, Пандора,
 Садись!—Онъ такъ всегда мнѣ говоритъ.
 Велѣлъ подать пергаменту и спицу,
 Махнулъ рукой, склонился головой,
 Потомъ взглянулъ, сурово сдвинулъ брови—
 И сталъ писать!—Онъ, сколько мнѣ извѣстно,
 Всегда такъ пишетъ грозныя посланья!

КАТУЛЛЪ.

За что же смерть? Ужель святая правда
 Оставила тебя, бессмертный Римъ?...
 Прощайте, гости! Пиръ еще неконченъ,
 Такъ допивайте чаши безъ меня—
 А я пойду—пойду туда, повыше!
 Ты, Лезбія....

ЛЕЗБІЯ.

О, боги! боги!

КАТУЛЛЪ (сквозь слезы.)

Слезы,

Мои мечты, мои надежды, грезы
 Всѣ до одной тебѣ я завѣщаю!
 Не раздавай моихъ произведеній,
 Пускай они со мною отлетятъ....
 Какъ Индіи печальная вдовица,
 Сложи ихъ всѣ въ костеръ н надо мной
 Сожги его безцѣнною рукой!

ПАНДОРА (съ досадою).

Катуллъ!

ЛЕЗБИЯ.

Прощай!

КАТУЛЛЬ.

Прощай, моя сиротка,
Ты никогда меня не позабудешь?..

ПАНДОРА (*выходя изъ себя*).

Какая дерзость! Слышишь-ли, Катулль,
Дикаторъ ждетъ....

КАТУЛЛЬ.

Умилосердись, небо!..

Друзья, прощайте! Оба вы—поэты,
Я это знаю—вамъ передаю
Поэзии чарующей арену!
Любите жизнь, отчизну и людей,
Не продавайте дѣвственной работы
За золото, художеству служите,
Какъ честный рабъ, какъ вдохновенный жрецъ —
И для минуты счастья не бросайте
На смѣхъ толпы поруганнаго сердца!

ПАНДОРА (*обнажая мечъ*).

Катулль!

КАТУЛЛЬ.

Иду, готовъ свою сѣкиру!

ЛЕЗБИЯ. (*падая на руки пѣвицъ*).

Прощай, мое единственное счастье!

КАТУЛЛЬ.

(*Обращаясь къ Риму, который тонетъ въ сумракъ наступающей ночи*).

Прощай и ты, бессмертный, вѣчный городъ!
Тебѣ, какъ сынъ, я праведно служилъ!
Какъ пахарь, я прошелся съ тяжкимъ плугомъ,
Ораломъ добродѣтели священной
И збороздилъ покинутыя нивы
Твоей души и бросилъ въ эту землю

Великихъ дѣлъ святѣя сѣмена!
 Произрастай же, молодое племя
 Гражданскихъ доблестей, да придетъ время,
 Когда въ твою плѣнительную сѣнь,
 Слетитъ моя тоскующая тѣнь
 И никому незримая, заплачетъ!
 Высоко поднимай свои столпы,
 Среди слѣпой и вѣтренной толпы,
 Бичуй порокъ, терзай безъ сожалѣнья
 Противниковъ народной славы гидру;
 На пеплѣ смуть, волненій и тревогъ,
 Да возрастетъ роскошный виноградникъ,
 Всѣхъ доблестей и счастія разсадникъ,
 Да укрѣпится гордо правота,
 Одѣнется на праздникъ красота
 И пѣснь любви и мира смѣнитъ слезы!

ПАНДОРА (*въ бѣшенствѣ*).

Катуллъ! Я ликторамъ велю связать
 Тебя — читай!

КАТУЛЛЪ.

О, добрый другъ, читаю,
 Ты видишь: я гонителей прощаю!

(*Читаетъ декретъ*).

Что-жь это? (*Протираетъ глаза*).

Ха, ха, ха! Вотъ это мило!

ПАНДОРА.

Ты шутишь? наглость эта не умѣста!

КАТУЛЛЪ.

Да какъ-же мнѣ, Пандора, не смѣяться?

ЛЕЗБИЯ (*рыдая*).

Безжалостный, не рви такъ больно сердца!

КАТУЛЛЪ.

Послушайте!

ПАНДОРА.

Читай!

КАТУЛЛЪ.

Поближе станьте,
Вотъ такъ, въ кружокъ!

«Посланіе Катуллу.»

(Читаетъ).

«Привѣтъ тебѣ, Катуллъ!
Въ моемъ пиру веселомъ
Тебя лишь одного
Не доставало нынче!
Ты отказался пить
Въ своемъ дѣмѣ за друга —
Надѣюсь, у меня
Ты будешь пить охотно!
Пандору, я тебѣ
Во власть представляю...
Такихъ, какъ онъ, немало,
Катуллъ у насъ одинъ!»

— «Не взыщи за бѣдную импровизацію, бери всѣхъ своихъ друзей и приходи ко мнѣ, подъ сводъ душистыхъ лавровъ, окончить сладкій вечеръ, съ твоимъ защитникомъ и поклонникомъ. *Диктаторъ Юлій.*»

ПАНДОРА.

Что-жь это значить?

КАТУЛЛЪ.

Я глазамъ не вѣрю!

НАЧАЛЬНИКЪ ЛИКТОРОВЪ (отдѣляясь отъ стражи).

А это значить то, что ты немного
Съ своимъ доносомъ опоздалъ! Пока
Ты съ нимъ спѣшилъ, другой доносъ почище
Диктаторъ о тебѣ изъ Рима принялъ!
Ты, говорятъ, съ его казной дѣлился...

ПАНДОРА (*падая на колѣни*).

Катуллъ, прости, не погуби меня!

КАТУЛЛЪ.

Не погубить? Теперь ты спохватился?..

(*Обращается къ окружающимъ*).

Друзья, пойдемъ, диктаторъ насъ изволить

Къ себѣ на пиръ высокій приглашать.

ПАНДОРА (*на колѣняхъ*).

Не позабудь меня, Катуллъ, на пирѣ —

Ты съ этихъ поръ великій человекъ!

Припомни обо мнѣ въ твоемъ величьи —

Ты по пути блистательномъ идешь!

КАТУЛЛЪ.

Да, я иду нетакъ, какъ ты, Пандора,

Не тренеца, не потупляя взора —

И клевета за мною не ползетъ!

ПАНДОРА (*протирая руки*).

Катуллъ, я знаю, ты врагамъ прощаешь,

Ты отъ рожденья милосердъ и добръ —

Кормилица твоя мнѣ говорила!

КАТУЛЛЪ (*съ улыбкой*).

Кормилица? — Пусть такъ! — Тебя диктаторъ

Во власть мнѣ отдалъ — онъ тебя простить!

Но ты за это у меня попляшешь...

Эй, слуги вѣрные, сюда, скорѣе!

(*Рабы и повара окружаютъ его*).

Клянусь вотъ этой лысиной, (*опускаетъ руку на голову Пандоры*)

За службу

Я отдаю вамъ этого проныру!

Онъ угостить васъ долженъ всѣмъ на свѣтѣ —

Всѣмъ, чѣмъ богатъ его роскошный домъ!

Пять сутокъ отъ него не уходите,

Очистите карманъ и погреба —

И на привольи пышномъ поживите!

ЛЕЗБІЯ (*проходя мимо Пандоры, на-
смъшливо*).

Прощай, Пандора!

ПАНДОРА (*качая головою*).

Лезбія!..

КАТУЛЛЬ.

Подумай

О предстоящемъ пирѣ и расходахъ —
Недешево тебѣ онъ обойдется!

(Окружающимъ).

А мы, друзья, пойдемъ по приглашенью!
Теперь свою приподниму я лиру,
Теперь коснусь я струнъ живыхъ, и міру
Въ священномъ вдохновенъи пропою
Открыто пѣснь завѣтную свою!

Друзья! Отъ сердца мы теперь воскликнемъ:
Да здравствуетъ нашъ Цезарь слава Рима! —

*(Удаляется. Пандора на колѣняхъ, съ поникшею голо-
вой. Слуги и повара Катулла его окружаютъ).*

II.

КОВАРСТВО И ЛЮБОВЬ

НАШЕГО ВРЕМЕНИ.

ПОВѢСТЬ.

I.

ОПАЛЬНЫЙ ДОМЪ.

Давно... не помню за сколько лѣтъ, въ одной изъ отдаленныхъ частей города матушки Москвы бѣлокаменной, въ неправильномъ и почти кривомъ переулкѣ, стоялъ и постепенно разрушался каменный двухъ-этажный домъ, съ давнихъ временъ называемый сосѣдями «опальнымъ домомъ», потому-что дѣйствительно половина его когда-то сгорѣла, а другая упала и развалилась сама отъ времени.

Хозяинъ этого «опального дома» давно умеръ; дитя, оставшееся послѣ него, было подъ опекою; опекунъ жилъ не въ Москвѣ; домъ былъ неоднократно публикованъ въ продажу, но какъ охотниковъ не отыскалось, его оставили безъ всякаго призора, достаивать свой вѣкъ, какъ онъ самъ знаетъ! Сначала у этого, всѣми брошеннаго дома были ворота, и даже висѣлъ замокъ на нихъ. Но какъ этотъ замокъ висѣлъ тутъ, что называется, совсѣмъ безъ дѣла, потому-что запирать было нечего, одинъ изъ сосѣдей разсудилъ снять его для своего домашнего употребленія. Въ-слѣдствіе этого ворота растворились сначала вполовину, а потомъ и настезь, какъ-будто приглашая каждаго проходящаго зайти въ пустой домъ. Черезъ нѣсколько времени, у другаго сосѣда «опального дома» въ холодную зиму не хватило дровъ, и какъ, по бѣдности, купить было не на что, онъ расчелъ, что если снять съ перержавѣлыхъ петель ненужныя ворота, которыя только качаются изъ стороны въ стороны по вѣтру, да скрипятъ весьма неблагозвучно

то это будетъ услуга сосѣдямъ а ему между-тѣмъ изрубленные ворота замѣнить порядочный возъ дровъ, которыя, какъ нарочно, въ эту холодную зиму были такъ дороги, что пристуту не было! Какъ сказано, такъ и сдѣлано. Ворота въ одно прекрасное утро отлучились неизвѣстно куда.

Послѣ пропажи воротъ, повытаскалось изъ «опального» дома все остальное, годное для какого-либо употребленія. Дворъ заросъ густою травою, и сдѣлался привычнымъ и любимымъ сходбищемъ сосѣднихъ коровъ. Самая мостовая на дворѣ была разобрана по камушку, то тѣмъ, то другимъ, и образовала изъ себя въ-послѣдствіи огромную лужу, всегда покрытую плѣсенью, на раздолье оборванными мальчишкамъ, купавшимся въ ней въ лѣтнее жаркое время вмѣстѣ съ сосѣдними гусями и утками. «Опальный домъ» вполне началъ соответствовать своему прозвищу, и окончательно повершилъ собою неблагообразіе криваго переулка, по сторонамъ котораго торчали, избоченясь, деревянные домишки, еще неопредѣленной архитектуры! Переулки и дома такого рода, я полагаю, существуютъ въ одной только Москвѣ; а между-тѣмъ есть люди, природные коренные москвичи, которые даже и не подозрѣваютъ ихъ существованія на закраинахъ родной столицы, а они-то, эти отдаленныя улицы и переулки съ уродливыми строеніями, и удерживаютъ за старушкой Москвой названіе «Большой деревни» которымъ подчасъ титулуютъ ее жители другой соперничающей съ ней столицы.

Въ этомъ-то неправильномъ и кривомъ переулкѣ, лѣтъ за пять за шесть до настоящаго времени, какъ я сказалъ выше, съ открытіемъ теплой весны, «въ одно прекрасное утро» случилось весьма важное и необыкновенное происшествіе, переполошившее не только всѣхъ сосѣдей и сосѣдокъ вышеописаннаго опального дома, но даже и коровъ, щипавшихъ привычную траву на пустырь, и гусей и утокъ, раздольно полоסקавшихся съ давняго времени безпрятственно въ большой тинистой лужѣ передъ домомъ.

Происшествіе это состояло вотъ въ чемъ:

Ближайшая сосѣдка опального дома, тряпичная торговка изъ лоскутнаго ряду, проживавшая незапамятно сколько лѣтъ въ полуразвалившемся домишкѣ своемъ, сторбившемся отъ времени, какъ и она сама, допивая послѣднюю, двѣнадцатую чашку своего утренняго чаю, безъ котораго въ Москвѣ и послѣдній нищій рѣдко обходится, услышала съ изумленіемъ, что по тѣсному переулку, гремитъ чтò-то похожее на большой городской экипажъ! Вещь просто неестественная и дикая для такого глухаго мѣста! Кому тутъ ѣхать, да и какъ проѣхать?

— Чтò-бы это такое значило? спросила съ изумленіемъ сама-себя

старая тряпичница. Ну право это — какъ-будто ѣдетъ какая-нибудь коляска по переулку! Несбыточное дѣло! Кому и куда теперь ѣхать? Я знаю всѣхъ наперечетъ въ нашемъ кривомъ переулкѣ. Такой роскоши, ѣздить на лошадяхъ, никто себѣ не можетъ и позволить. Правда, Андрей Андреичъ, что живетъ у сосѣдки Куличевой, позволяетъ себѣ иногда воротиться домой на извозчикѣ; ну да то колиберъ, да и не иначе случается, какъ вечеркомъ, когда его хмѣлемъ прихватить, а теперь еще дѣло утреннее; что жъ-бы это такое было? Дай-ко выгляну въ окошко!

Выглянула, обозрѣла обѣ стороны, анъ и изо всѣхъ оконъ домишекъ криваго переулка торчатъ головы сосѣдей. Всѣмъ въ слуховой органъ непривычно влетѣлъ стукъ въѣзжавшаго въ переулокъ экипажа, и каждый и каждая поспѣшили лично удостовѣриться, какъ и наша тряпичница, что это такое было?

А было вотъ что:

Въ кривой переулокъ дѣйствительно въѣзжала нарядная, франтовская коляска на лежачихъ рессорахъ, да еще и не одна, а въ сопровожденіи пролетокъ парюю. Въ коляскѣ сидѣлъ молодой человекъ привлекательной наружности, съ аристократическими приѣмами, въ щегольскомъ утреннемъ пальто, въ бѣлой соломенной шляпѣ на головѣ и въ безукоризненныхъ желтыхъ перчаткахъ на рукахъ, а на пролеткахъ помѣщался съ сигарою въ зубахъ какой-то толстый господинъ среднихъ лѣтъ, въ зеленыхъ очкахъ и въ широкомъ пальто пепельнаго цвѣта.

Жители криваго переулка не успѣли ахнуть и вопросительно переглянуться другъ съ другомъ, какъ уже коляска и пролетки поравнялись съ опальнымъ домомъ и остановились. Приѣхавшіе вылѣзли изъ экипажей и начали осматривать опальный домъ, заросшій травою дворъ, и даже заглядывали въ окна опустѣлаго зданія. Весь этотъ странный осмотръ дѣлали они, разумѣется, не молча; но вотъ бѣда! разговоръ ихъ былъ на французскомъ діалектѣ, и слѣдовательно, ни одинъ сосѣдъ, ни сосѣдка, сколько они ни вострили ушей, не могли понять ни слова.

Обзоръ опальнаго дома и разговоръ на французскомъ діалектѣ продолжались съ полчаса, послѣ чего оба разговаривавшіе опять сѣли въ свои экипажи и отъехали, Богъ знаетъ куда, оставя всѣхъ обитателей криваго переулка съ разинутыми ртами и выпученными глазами отъ удивленія, при такомъ неожиданномъ и необыкновенномъ приключеніи.

Когда за угломъ переулка затихъ стукъ уѣхавшихъ двухъ экипажей, головы, торчавшія изъ маленькихъ оконъ, зашевелились и заходили какъ маятники; языки пришли въ движеніе, и всѣ сосѣди и сосѣдки опальнаго дома затрещали и залепетали въ одно время, какъ множество стѣнныхъ

часовъ, въ лавкѣ часовщика, колотятъ урочный часъ на разные звуки, въ одну и ту же минуту:

— Микитишна! прокричала всѣхъ шибче и бойче наша знакомка, старая тряпичница своей сосѣдкѣ, портнихѣ: какъ ты думаешь? Что это такое? Кто эти господа и зачѣмъ они пріѣзжали ни свѣтъ, ни заря, въ нашъ смиренный переулокъ?

— Сама сейчасъ хотѣла спросить тебя объ этомъ, Анисья Самойловна, отвѣчала немножко въ носъ портниха: да ты меня предупредила. Ужъ не могу и представить себѣ, что-бы это такое значило, право слово!

— А должно быть вотъ что, забасилъ сосѣдъ мѣдникъ, высунувшійся до половины въ окно, съ огромныхъ молотомъ въ загорѣлыхъ рукахъ: должно быть вотъ что: видно есть пропажа какая-нибудь по сосѣдству, такъ вотъ и пріѣзжали искать, не припрятано-ли дескать въ опальномъ домѣ? Вотъ что я думаю.

— Что такое говорите вы, Карпъ Исаичъ, возразила съ негодованіемъ сосѣдка тряпичница: что у насъ въ кривомъ переулкѣ, воры что ли какіе, да разбойники живутъ? Слава Богу! Народъ все извѣстный, кажется?

— Нешто, ну, да вѣдь иной разъ, матушка Анисья Самойловна, пожалуй, на ночь то пристанетъ въ опальномъ домѣ недобрый народъ, такъ оно того... вещь то и возможная....

— Да кто-же такіе были эти двое господъ, по твоему мнѣнію, Карпъ Исаичъ? спросила портниха.

— Кто ихъ знаетъ!

— А я такъ думаю совсѣмъ другое, послышался тоненькій голосокъ изъ окна дома, насупротивъ нашей тряпичницы, принадлежащаго одной молоденькой золотошвейкѣ.

— А что-же вы думаете, Прасковья Семеновна? Съ добрымъ васъ утромъ, моя красавица! Извините, я, за суматохою, васъ и не замѣтила до-сихъ-поръ! прокричала ей тряпичница.

— Вы слышали, что у насъ начата ужъ желѣзная дорога отъ Петербурга до Москвы? съ приличною важностію спросила золотошвейка своихъ сосѣдей, оборачиваясь то въ ту, то въ другую сторону.

— Слышали, разумѣется слышали, послышалось изъ многихъ оконъ.

— Ну, такъ что-же изъ этого, матушка Прасковья Семеновна? спросила старуха тряпичница.

— А то, что, можетъ-быть, эта желѣзная дорога пойдетъ черезъ нашъ переулокъ, вотъ и пріѣхали архитекторы осматривать, чей домъ сломать, чей нѣтъ?

— Ахти батюшки мои! жалкимъ голосомъ затынула тряпичница: ужъ не попалъ-бы мой то домишко въ сломку?

— Чего тутъ тужить? Небось, заплатятъ деньги. Въдь это казна дѣлаетъ. Еще пожалуй и лишку получишь! замѣтилъ мѣдникъ.

— Да не можетъ этого быть, вступилъ въ рѣчь еще одинъ сосѣдъ, вышедшій на улицу и прислушавшійся къ общему разговору. Неправду изволите, говорить Прасковья Семеновна. Какая здѣсь въ переулкѣ можетъ пролегать желѣзная дорога? Ее, слышно, поведутъ изъ-подъ Сокольниковъ къ Полевому-двору — тамъ ужъ и постройки начались. Мы останемся въ сторонѣ.

— А я слышала наемни, что она пойдетъ отъ Кадетскаго-корпуса, сказала портниха.

— А иные говорятъ, что изъ-подъ Дѣвчьяго! повершилъ мѣдникъ.

Въ эту минуту изъ однихъ воротъ показался какой-то длинный, предлинный и тонкій, претонкій человѣкъ въ круглой шляпѣ на головѣ, у которой, то-есть у шляпы — а не у головы — было съ правой стороны пробито небольшое отверстіе, изъ котораго нескромно выглядывала любопытная желтая подкладка.

— А! вотъ Андрей Андреичъ! Здравствуйте батюшка, Андрей Андреичъ! закричала тряпичница, завидя шагавшаго, какъ длинный гусь, посредицѣ улицы, сосѣда: доброе утро! Куда это вы пробираетесь такъ рано?

— Въ городъ! съ приличною важностію произнесъ длинный сосѣдъ, и раскланялся на обѣ стороны съ сосѣдами.

— А вотъ мы все толкуемъ, батюшка Андрей Андреичъ, продолжала тряпичница: что это за оказія такая случилась въ нашемъ тихомъ переулкѣ сегодня утромъ?

— Какая оказія? спросилъ, останавливаясь, длинный сосѣдъ.

— Да вотъ на счетъ прѣхавшихъ то коляски и пролетокъ къ опальному дому... Вы не знаете-ли, не слыхали-ли чего, батюшка Андрей Андреичъ? Вы таки человѣкъ бывалый

— Я самъ долго думалъ и разсуждалъ, что бы это могло такое быть? сказалъ длинный сосѣдъ, прищуривая правый глазъ: да никакъ не могу въ толкъ взять! Особенныхъ происшествій въ городѣ, кажется, нѣтъ никакихъ... По-крайней мѣрѣ, я не слышалъ. Нашли, правда, на той недѣлѣ неизвѣстнаго званія мертвое тѣло, да и то не здѣсь, а въ полѣ, за четыре версты отъ Москвы; къ чему-же прѣзжать сюда въ переулокъ? Должно быть не то, а что-нибудь другое!

— Вѣстимо, другое! молвилъ мѣдникъ, и втянулъ высунувшуюся изъ окна половину своего корпуса назадъ въ домишко, чтобы заняться работой

Андрей Андреевичъ ушелъ. Голоса начали слышаться рѣже и тише. Любопытныя головы сирятались по домамъ, и загадка о прїѣзжавшихъ коляскѣ и пролеткахъ осталась неразгаданною для любопытныхъ обитателей криваго переулка. А видно разгадка эта безпокоила не на шутку все живущее въ кривомъ переулкѣ населеніе, потому-что, по замѣчанію нашей первой знакомки, старухи тряпичницы, весь этотъ день и коровы на пустырь опального дома, и гуси съ утками въ лужѣ передъ опальнымъ домомъ были въ какомъ-то необыкновенномъ движеніи и какъ-будто безпокойствѣ... Первыя «ужасть какъ жалобно мычали, а послѣдніе поласкались въ грязной лужѣ, какъ-то робко, нехотя, и не квакнули ни разу!»

Но еще болѣе удивились и шире разинули рты свои, обитатели смиреннаго криваго переулка, когда недѣли черезъ двѣ послѣ описаннаго нами разговора, по этому переулку длинною полосою потянулись огромныя возы съ кирпичемъ, известью, лѣсомъ и желѣзомъ, и потянулись прямо къ опальному дому, около котораго вдругъ откуда ни взялись и закопошились, какъ пчелы около улья, каменщики, плотники, маляры и кровельщики. Всѣ коровы въ страхѣ разбѣжались, гуси и утки разлетѣлись съ громкимъ крикомъ, и въ два мѣсяца съ небольшимъ съ кривымъ переулкомъ совершилось какъ-будто волшебное превращеніе!

Въ-самомъ-дѣлѣ, этого переулка въ весьма короткое время нельзя было почти узнать! Всего болѣе характеризовавшей его опальный домъ исчезъ совершенно и замѣнился богатымъ и прелестно отдѣланнымъ двухъ-этажнымъ каменнымъ зданіемъ новѣйшаго вкуса и архитектуры. Красивыя легкіе карнизы оцоясали зеленую крышку съ воздушнымъ бельведеромъ. Цѣльныя зеркальныя стекла ярко блестѣли къ солнцу, съ виднѣвшимися изъ-за нихъ пунсовыми штофными занавѣсками и шелковыми кистями. На легкомъ висячемъ балконѣ съ цвѣтнымъ наметомъ, появились розы, жасмины и пышныя гортензіи въ фарфоровыхъ горшкахъ. Пустырь замѣнился вымощеннымъ дворомъ, съ обширными службами и небольшимъ садомъ. Красивая чугунная рѣшетка потянулась по улицѣ около дома, съ прилегавшимъ къ ней изъ бѣлаго камня тротуаромъ. Грязная лужа замѣнилась прочною высокою мостовою, однимъ-словомъ, еще разъ повторю, съ кривымъ переулкомъ совершилось въ короткое время какъ-будто волшебное превращеніе.

Нѣтъ нужды сказывать, что внутренность этого небольшого, но вполне изящнаго дома соотвѣтствовала своей прекрасной наружности. Видно было, что тотъ, кто строилъ его, не зналъ счету деньгамъ, и сорилъ ими безъ малѣйшаго размышленія. Золото—большой двигатель всего, было ни почемъ у молодаго человѣка съ привлекательною наружностью, съ ко-

торымъ мы познакомили читателя въ началѣ повѣсти, — и который своимъ прїѣздомъ въ богатой, щегольской коляскѣ на лежачихъ рессорахъ, въ сопровожденіи архитектора на пролеткахъ, задалъ такую огромную задачу всѣмъ любопытнымъ жителямъ криваго переулка!

Но съ какой же стати молодому и богатому человѣку строить себѣ домъ въ далекой части города, въ безвѣстномъ и почти глухомъ переулкѣ? Неужели онъ рѣшился тутъ жить?

Такой вопросъ задавали себѣ не одни жители криваго переулка. Его же можетъ задать мнѣ и читатель. Виновать, теперь не отвѣчу. На все будетъ время. А теперь пока попрошу читателя довольствоваться насчетъ всего этого дѣла тѣми же скудными свѣдѣніями, которыми довольствовались и сосѣди вновь отстроеннаго дома. Въ нижнемъ этажѣ помѣстился какой-то пожилыхъ лѣтъ мужчина, на взглядъ мѣщанинъ, или ремесленникъ не больше, съ женою немудренаго склада, но съ большими претензіями, и ихъ дальній родственникъ, молодой малой разбитнаго характера. Вверху помѣстилась женщина — молодая и хорошенькая собою. Между двумя этажами существовало безпрестанное сообщеніе, какъ — будто между родственниками. Модная щегольская коляска на лежачихъ рессорахъ торчала каждый день у воротъ, но вверху или внизу бывалъ ея молодой хозяинъ, неизвѣстно было ни одному изъ жителей криваго переулка....

Вотъ покуда и все.

Теперь, попросивъ у читателя извиненія въ томъ, что мы такъ долго задержали его вниманіе въ глухомъ и безвѣстномъ переулкѣ Москвы, въ которомъ ему, вѣроятно, ни проходить ни проѣзжать не случалось, просимъ его перенестись съ нами воображеніемъ на болѣе посѣщаемую и, вѣроятно, слишкомъ извѣстную ему большую улицу, именно на Тверскую, въ одинъ изъ трехъ-этажныхъ богатыхъ домовъ, который принадлежалъ въ то время, о которомъ идетъ рѣчь, одному весьма извѣстному человѣку въ Москвѣ, чуть не вельможѣ, или, по-крайней-мѣрѣ, старинному барину Владиміру Степановичу.... ну, хоть Златопольскому.

II.

СТАРЫЙ БАРИНЪ.

Владиміръ Степановичъ Златопольскій, съ молодости храбрый и заслуженный воинъ, въ зрѣлыхъ годахъ опытный мужъ совѣта по различнымъ управленіямъ въ государствѣ, теперь, подъ старость, доживалъ свой вѣкъ въ Москвѣ бѣлокаменной, и отдыхалъ въ отставкѣ съ чиномъ дѣйствительнаго статскаго совѣтника, проводя утра въ прогулкѣ или чтеніи,

или дѣлая необходимые визиты, которые въ Москвѣ на ужасномъ счету, или занимаясь управленіемъ, какъ огромнаго дома, въ которомъ помѣщался онъ, такъ и счетами и расчетами съ пріѣзжавшими къ нему, то и дѣло, управляющими его подмосковныхъ и дальнихъ деревень. Вечера изрѣдка посвящалъ онъ баламъ столичнымъ и театру, но проводилъ ихъ болѣею частію въ англійскомъ-клубѣ — этомъ общемъ фешіонебельномъ собраніи московской знати.

Владиміръ Степановичъ былъ вдовецъ. Женился онъ уже въ преклонныхъ годахъ, и лишился жены ровно черезъ годъ, когда она подарила ему единственнаго наслѣдника его богатаго имѣнія, прелестнаго мальчика, Викторюшку, который теперь уже былъ Викторомъ Владиміровичемъ, славно образованнымъ, побывавшимъ въ чужихъ краяхъ, бойко, было, начавшимъ службу въ Петербургѣ, да по старости и нездоровью отца, вытребованнымъ имъ въ Москву и пока проживавшимъ такъ, «отдыхая», какъ говорилъ старикъ отецъ, и каждый день придумывая, куда бы ему снова опредѣлиться на службу. Москва — старинная охотница женить молодыхъ людей—въ-слѣдствіе этого и старикъ Златопольскій и куча тетюшекъ и бабушекъ осаждали молодаго человека безпрестанными представленіями «выгодныхъ партій»; но Викторъ Владиміровичъ какъ-то туго подавался на этотъ счетъ, и отшучивался то молодостью, то желаніемъ вновь поступить на службу. Къ тому же молодой человекъ былъ богатъ, какъ немногіе, батюшкинъ сынокъ въ полномъ смыслѣ этого слова, и вдобавокъ обожатель Жоржъ-Зандовыхъ романовъ...

Объяснивши посильно настоящее положеніе дѣлъ, пойдемъ теперь безостановочно дальше, куда ведетъ насъ нить нашего правдиваго повѣствованія.

Дѣло было по утру. Владиміръ Степановичъ Златопольскій только что всталъ и изъ спальни перешелъ въ свою уборную комнату. Женщинъ обвиняютъ въ кокетствѣ, а мужчина, подь часъ, особливо въ извѣстныхъ годахъ, кокетничаетъ еще поудалѣе ихъ! Въ уборной старика Златопольскаго чего не было? И щеточки, и гребеночки, и помада, и духи, и краска. Въ эту уборную комнату—изъ спальни *входилъ* старикъ Златопольскій—а изъ нея *выходилъ* молодецъ хоть куда, Владиміръ Степановичъ!

Не начиная своего туалета и приступая къ утреннему кофе съ доброю сигарою, Владиміръ Степановичъ имѣлъ обыкновеніе часикъ побесѣдовать съ старымъ Пафнутьичемъ, своимъ довѣреннымъ по всемъ возможнымъ дѣламъ, который былъ у него, что называется, правою рукою. Пафнутьичъ, или Никита Пафнутьевичъ, какъ величала его вся

дворян Златопольскаго, былъ истинно золотой человѣкъ. Барина любилъ какъ отца роднаго, и о его пользахъ заботился болѣе, чѣмъ онъ самъ.

И на этотъ разъ Пафнутьичъ явился по обычаю къ старому барину въ уборную.

— Ну, что. Пафнутьичъ, какъ ты нынче себя чувствуешь? спросилъ баринъ.

— Слова Богу, ваше превосходительство. Нашлся вчера свечера сухой малины, да укутался, какъ рукой сняло; сегодня всталъ какъ ни въ чемъ не бывалый.

— И славно, Пафнутьичъ. Впередъ наука. Будешь беречься простуды. Въ наши годы нельзя рисковать многимъ; надо беречься, да и беречься, сказалъ Владиміръ Степановичъ, смазывая себѣ посѣдѣвшіе виски чернымъ фикстуаромъ.

— Что правда, то правда, батюшка Владиміръ Степанычъ. Не въ гору идемъ, а подъ гору.

— Ну, а что на счетъ того дѣла-то; справлялся, Пафнутьичъ?

— Справлялся.

— Что же?

— Да все то же, что я докладывалъ и прежде вашему превосходительству. Просто, какая то башмачница, мѣщанка; впрочемъ пречестная дѣвушка. Живетъ вмѣстѣ съ родителями. Эхъ, сударь! Вотъ то-то и есть, говорилъ я вамъ много разъ: не вызывайте сюда изъ Питера Виктора Владимірыча. Пусть служитъ, да выслуживается, лучше дурь въ голову не ползетъ, такъ нѣтъ! Вотъ выписали сюда. Что же вышло? Баринъ молодой, денегъ безъ счета, дѣла никакого нѣтъ; ну, разумѣется, блажь и полезла въ голову!

— Эхъ, Пафнутьичъ! Развѣ мы сами съ тобою молоды не бывали, шалостей не дѣлывали?

— Молоды-то мы были, ваше превосходительство, и глупости дѣлывали, отвѣчалъ старикъ: да все нетакія, какъ дѣлаютъ нынче. Слыханное ли это дѣло, построить каменный двухъ-этажный домъ, разукрасить его богатѣйшимъ манеромъ, и подарить — кому же? А все отчего это случилось, батюшка Владиміръ Степанычъ? опять таки оттого, что вамъ не угодно было послушаться совѣтовъ стараго дурака Пафнутьича! Говорилъ я вамъ: ваше превосходительство! не выдѣляйте имѣнія Виктору Владимірычу, не отдавайте ему въ полное распоряженіе этихъ двухъ тысячъ четырехъ сотъ душъ въ Саратовской губерніи...

— Да вѣдь это материнское имѣніе, Пафнутьичъ! сколько разъ я говорилъ тебѣ, что оно и по закону идетъ Викторушкѣ.

— Пусть такъ, да все бы таки лучше владѣть имъ до поры до

времени самимъ. Вѣдь оно правду сказать, что еще Викторъ Владимірычъ? Птенецъ юный; молодо, зелено, какъ говорится.

— Хорошъ птенецъ! съ улыбкою сказалъ Владиміръ Степановичъ, подчищая себѣ ногти. А объ имени-то ты разъузналъ и разспросилъ, Пафнутьичъ?

— Какъ-же съ. Вотъ здѣсь все аккуратно записано, отвѣчалъ старикъ Пафнутьичъ, и вынулъ изъ засаленнаго зеленого сафьяннаго бумажника вчетверо перегнутый листъ бумаги, подалъ его барину, при молвивъ: я ужъ записалъ все на бумажку, память слаба стала.

Владиміръ Степановичъ въ эту самую минуту окончилъ совершенно свой туалетъ, и закуривъ новую сигару, сѣлъ у открытаго окна, и началъ читать вслухъ:

«Мѣщанинъ Василій Петровъ Камынинъ, по ремеслу башмачникъ. Человѣкъ честный и простой; только несовѣтъ трезваго поведѣнія; у него жена Катерина Григорьева, взбалмошная баба, съ честолюбивыми замыслами. При нихъ дочь Наталья, девятнадцати лѣтъ, очень хорошенькая обликомъ и большая любительница щеголять, да одинъ дальній родственникъ, почти седьмая вода на кисель, Антонъ Егоровъ Цуриковъ, по ремеслу живописецъ, а пишетъ пока вывѣски. Жили сначала на Арбатѣ, на большой улицѣ, и имѣли вывѣску съ краснымъ башмакомъ; теперь переѣхали къ заставѣ, въ кривой переулокъ, въ домъ, записанный на имя Натальи Петровой Камыниной, ихъ дочери. Отецъ съ матерью помѣщаются внизу, и болѣе башмачнаго мастерства не производятъ. Дочь живетъ въ бель-этажѣ, и франтитъ на пропалую.»

— Да это рапортъ вполне, Пафнутьичъ! сказалъ, улыбаясь, Владиміръ Степановичъ: ну, а дальнѣйшихъ подробностей ты не знаешь?

— Знаю и еще кое-что....

— Что же такое?

— И хорошо и худо, ваше превосходительство.

— Говори и то и другое.

— Хорошо то, что меня завѣрили люди надежные и которымъ этого дѣла не знать нельзя, что эта дѣвушка отнюдь не какая-нибудь пройдоха, и что она живетъ и теперь честно и благопрестойно.

— Что же дальше?

— Дальше то больно дурно. Эти же люди увѣрили меня, что Викторъ Владимірычъ до такой степени любитъ эту красавицу, что даль клятву.... непременно жениться на ней.... Насилу языкъ поворотился выговорить такую бѣду!...

На этотъ разъ генераль—такъ звала вся дворня своего барина—задумался на минуточку, и чуть не погасилъ свою сигару.

— Все это пустяки! наконецъ сказалъ онъ разстановисто. Впрочемъ, мнѣ придется, хотя и не хотѣлось бы, переговорить объ этомъ съ Викторюшкой....

— Давно бы пора, ваше превосходительство!

— Но скоро кончутся всѣ эти глупости, началъ опять, послѣ небольшого молчанія, Златопольскій: мы уѣдемъ съ нимъ въ слѣдующій четвергъ въ купленную мною на его имя деревню, въ Тульскую губернію.... Я, кажется, сказывалъ тебѣ Пафнutyчъ, что я къ именинамъ Викторюшки, купилъ ему въ подарокъ еще шесть сотъ душъ?...

— Сказывали, ваше превосходительство, только смѣю завѣрить васъ, что въ слѣдующій четвергъ Викторъ Владимірычъ не поѣдетъ съ вами въ новую деревню.

— Это почему?

— Именно въ слѣдующій четвергъ, мнѣ рассказывали, онъ даетъ большой балъ, съ музыкою и танцами, у своей возлюбленной. Это будетъ, сказывали мнѣ, день ея рожденія, и молодой баринъ рѣшился праздновать его съ своими друзьями.

— Это мы увидимъ! сказалъ мрачно на этотъ разъ Златопольскій. А что, Викторюшка теперь дома?

— Никакъ нѣтъ.

— Когда воротится, позвать его ко мнѣ. Я сегодня никуда не поѣду. Но смотри же, Пафнutyчъ, чтобы все это и умерло между нами... Понимаешь?

— Слушаю, батюшка, ваше превосходительство!

— Ступай пока къ своему дѣлу.

Дѣйствительно, старикъ Пафнutyчъ сказалъ правду. Въ разговорѣ съ отцемъ, таившемъ отъ сына, что онъ знаетъ всѣ его любовныя продѣлки, Викторъ Владиміровичъ умѣлъ уговорить слабаго старика отсрочить на недѣлю отъѣздъ въ новокупленную деревню, сказавши, что на этотъ день онъ далъ слово своимъ задушевнымъ пріятелямъ ѣхать на охоту на трое сутокъ.

На слѣдующее утро, въ тайномъ разговорѣ своемъ съ довѣреннымъ Пафнutyчемъ о томъ же предметѣ, Златопольскій сказалъ ему съ веселою улыбкой:

— Мы съ тобой, Пафнutyчъ, какъ будто разыгрываемъ трагедію Шиллера: *Коварство и любовь*. Ты не знаешь, что это такое?

— Расскажите батюшка Владиміръ Степанычъ, такъ и буду знать.

— Тамъ тоже есть молодой человѣкъ знатной фамиліи, влюбленный въ мѣщанку, и отецъ дѣйствуетъ противъ него съ своимъ повѣреннымъ секретаремъ...

— А конецъ то тамъ какой, ваше превосходительство? спросилъ старый слуга.

— Конецъ дурной. Тамъ кончилось смертію обоихъ влюбленныхъ.

— Я знаю, какой горячка молодой баринъ... Не кончилось бы и у съ худо, спаси Господи!

— Я уже составилъ себѣ планъ, какъ дѣйствовать. Такъ балъ у нихъ будетъ, говоришь ты, въ четвергъ, Пафнутьичъ?

— Точно такъ, ваше превосходительство.

— Ну, вотъ съ этого дня мы и начнемъ канонаду изъ нашихъ батарей, а пока ни слова ни Викторущкѣ, и никому въ домѣ. А на слѣдующей недѣлѣ мы все-таки ѣдемъ въ деревню на цѣлое лѣто, — Викторущка далъ мнѣ слово.

— Дай Богъ, чтобы сдержалъ.

— А въ этой деревнѣ у него будетъ прехорошенькая сосѣдка, Пафнутьичъ...

— Кто такая, сударь?

— Ты забылъ, что и у Петра Петровича Томильскаго деревня въ Тульской губерніи?

— Неужели Катерина Петровна?

— Разумѣется.

— Вотъ бы невѣста-то для молодаго барина. Отцы были дружны какъ братья родные, и дѣтямъ бы не мѣшало...

— Молчокъ до времени, старина. Ты въ этотъ разъ какъ-туть попалъ на мою мысль.

— Только боюсь, попадетъ ли на эту мысль нашъ молодой баринъ. Ужъ не околдовала ли его эта проклятая башмачница?

— За что же ты бранишь ее? Недавно ты самъ говорилъ, что она прехорошенькая, и ручался за ея честность.

— Все такъ, да...

— Подождемъ четверга, Пафнутьичъ. Я много ожидаю отъ этого дня, а тамъ что будетъ, то и будетъ!

— А будетъ то, что Богъ дастъ! батюшка Владиміръ Степанычъ, повершилъ старый слуга.

Но прежде, нежели мы расскажемъ читателю о происшествіяхъ четверга, на который такъ рассчитывалъ Владиміръ Степановичъ Златопольскій, неизлишнимъ будетъ познакомить его съ героемъ и героиней нашей повѣсти — употребляя старинное классическое выраженіе.

Для этого нужно будетъ вернуться за полтора года назадъ, и разъяснить кой-какія обстоятельства. Постараемся быть краткими.

III.

МОЛОДОЙ БАРИНЪ.

Викторъ Владиміровичъ Златопольскій былъ молодой человѣкъ, какихъ мы видимъ тысячи на каждомъ шагу. Онъ не былъ гѣніемъ. Учился онъ изрядно: въ совершенствѣ говорилъ по-французски, мастерски танцевалъ польку, и на фортепьяно игралъ такъ бойко и бѣгло, что хот концерты давать! Годъ пребыванія въ чужихъ краяхъ еще болѣе усовершенствовалъ его по этимъ тремъ частямъ. Съ такими данными, разумѣется, болѣе могъ успѣть онъ въ свѣтскихъ модныхъ салонахъ, нежели на службѣ. Такъ оно и вышло. Изъ него какъ-разъ вышелъ «герой нашего времени», немножко впрочемъ въ каррикатурѣ. Какъ мы уже сказали, онъ былъ вызванъ отцемъ своимъ со службы изъ Петербурга.

Надобно сказать правду: всякому петербуржцу, будь онъ хотя и не при такихъ условіяхъ, какъ нашъ Викторъ Владиміровичъ, — московская жизнь покажется очень скучною. Нашему молодому человѣку почему-то казалось, послѣ парижской и петербургской жизни, что онъ пріѣхалъ въ провинцію, а извѣстное дѣло, что столичному жителю въ провинціи скучновато. Въ-слѣдствіе этой скуки и бездѣйствія, молодой Златопольскій, естественнымъ образомъ, началъ придумывать, чѣмъ бы развлечь себя — что, по правдѣ сказать, при его средствахъ было очень нетрудно. Про туго набитый бумажникъ въ боковомъ карманѣ всегда можно сказать фразу Гоголя: «Это въ жизни хорошо.»

Хорошо было и нашему Виктору Владиміровичу. Онъ закружился въ чаду моднаго московскаго свѣта. Богатымъ женихамъ въ Москвѣ отворены всѣ двери въ порядочныхъ домахъ. Вы можете себѣ представить, что по этой причинѣ нашего молодца таскали, что называется на расхватъ.

Но у нашего героя оказывалась склонность не къ этикетнымъ удовольствіямъ. Главною его страстію были театры, маскарады и загородные пикники съ толпою веселой молодежи. Мысль о женитьбѣ и не входила въ его голову. По его понятіямъ прежде надобно было перебѣдиться, а потомъ уже... но это *потомъ* отдалялъ онъ отъ себя на весьма долгое и неопредѣленное разстояніе, до одного обстоятельства, которое вдругъ перевернуло верхъ-дномъ всѣ его планы и намѣренія.

Обстоятельство это было очень простое, глупое, если хотите, и

случавшееся съ каждымъ изъ насъ въ жизни, и иногда даже и не одинъ разъ. Просто сказать, молодой челвоѣкъ влюбился — но какъ влюбился? Много бы можно тутъ распространиться о вулканической страсти моего героя. Изъ краткой повѣсти легко бы вышелъ романъ въ четырехъ толстыхъ томахъ, еслибы я вздумалъ проводить читателей чрезъ всѣ эти фазы любви пылкой, огненной и — какъ тамъ еще ее называютъ? Но я обѣщался быть краткимъ, и потому скажу только, что герой мой влюбился точно такъ, какъ и мы съ вами влюблялись во-время оно, любезный читатель, когда намъ было немного за двадцать, и когда мы твердо думали и сладко вѣрили, что наша *первая* любовь есть и *последняя* въ жизни, и когда мы казались себѣ особеннымъ исключеніемъ, а все остальное человѣчество пошлымъ по этой части.

Не буду много распространяться о томъ, какъ Викторъ Владиміровичъ встрѣтилъ въ одномъ изъ маскарадовъ купеческаго собранія интересную маску въ черномъ домино; какъ она его обворожила и сладкимъ, какъ музыка Бетховена, голосомъ, и умною, какъ у Жоржъ-Зандъ, рѣчью, и «дивнымъ», какъ водится, личикомъ, когда сняла душную маску; однимъ-словомъ, очарованіе было полное; но вотъ бѣда; когда, послѣ перваго опьяненія чувствъ при встрѣчѣ съ «неземнымъ существомъ» пришлось задать себѣ вопросъ: кто она? отвѣтъ вышелъ чрезвычайно прозаическій. Она была, миновавъ названіе «свѣтлаго генія съ голубыми очами», неболѣе, какъ простая мѣщанка, и даже, о ужасъ! дочь бѣднаго башмачника! На всякаго другаго влюбленнаго такое открытіе, можетъ-быть, подѣйствовало бы слишкомъ благотворно для исцѣленія его отъ раждующейся страсти, но нетаковъ былъ герой моей повѣсти, Викторъ Владиміровичъ Златопольскій. Онъ, какъ всѣ записные ложные герои нашего времени, любилъ идти наперекоръ мнѣніямъ свѣта, или, по-крайней-мѣрѣ, думалъ, что у него станетъ на столько силы воли (любимое словцо всѣхъ такихъ господчиков!), и въ слѣдствіе этого, послѣ одной безсонной ночи, гдѣ прелестная мѣщаночка безпрестанно мелькала передъ нимъ обворожительными прелестями и не давала ему заснуть, онъ произнесъ твердымъ и рѣшительнымъ голосомъ: Ее, или никого! Баста! Участь моей жизни рѣшена!

Не буду долго рассказывать, какъ, въ-слѣдствіе такого благоразумнаго рѣшенія, молодой влюбленный мечтатель нашелъ случай войти въ домъ своей возлюбленной; какъ онъ сошелся съ ея простымъ, но добрымъ и неглупымъ отъ природы отцемъ, съ ея манерной и слишкомъ честолюбивой для башмачницы матерью; какъ онъ вынудилъ сладкое признаніе взаимной любви отъ своего кумира, голубоглазой Наташи; и какъ, наконецъ, насулилъ имъ всемъ съ три корога счастія и надеждъ въ буду-

щемъ. Все эти вещи слишкомъ обыкновенны въ романахъ и знакомы всякому, да немудрены и въ дѣйствительной жизни, если богатство и расточительность приходятъ въ столкновение съ бѣдностью, и если ихъ еще къ тому же подстрекаетъ страстишка.

Только вышли, естественнымъ образомъ, кой-какія препятствія въ этомъ, повидимому, простомъ дѣлѣ, и много было оглядокъ, какъ говорилъ добрый башмачникъ, смысленный Василій Петровичъ Камынинъ, смотрѣвшій на все это дѣло съ своей собственной точки зрѣнія.

— А чѣмъ все это кончится, матушка Катерина Григорьевна? говариваль, какъ Миллеръ, въ трагедіи Шиллера *Коварство и любовь*, старый башмачникъ, бросая, подь иной часъ, свою работу, и задумчиво останавливаясь предъ женою, въ то время, какъ она сидѣла за своимъ вѣчнымъ чаемъ, который пивала едва ли не по шести разъ въ день.

— Чѣмъ кончится? отвѣчала она съ разстановкою, прикусывая сахаръ: да кончится тѣмъ же, чѣмъ и у насъ съ тобой, въ свое время, кончилось, Василій Петровичъ.

— То есть?

— То есть — свадьбою.

— Правду говоритъ пословица, что у бабы волосъ дологъ, да умъ коротокъ, возражалъ мужъ. Да развѣ у насъ—то съ тобой было то, что у Наташи съ этимъ богатымъ господчикомъ? Мы оба были одного поля ягода, ну такъ у насъ и конецъ вышелъ хорошъ, а тутъ... Ты вспомни только, кто онъ и кто она?

— Онъ мужчина, она женщина, больше я ничего и знать не хочу, хлоднокровно отвѣчала жена. Да больше ничего и ненужно, чтобы составить мужа и жену, коли они любятъ другъ—друга...

— Въ томъ то и штука, что нужно еще кое-что...

— А что жъ бы такое, на примѣръ?

— Да хоть бы, ни ближе, ни дальше, на примѣръ, согласіе родителей.

— Ну что жъ? Мы дадимъ его.

— Еще бы! Какое, подумаешь, снисхожденіе съ нашей стороны! Но ты забыла, что у Виктора Владимірыча также есть отецъ, и что этотъ отецъ баринъ, богачъ, генераль?

— Да вѣдь это больше всѣхъ извѣстно самому Виктору Владимірычу, да онъ не унываетъ же и надѣется. Что же намъ—то хлопотать много? Не идти же наперекоръ Наташиному счастью? Другое дѣло, елибы между ними было что-нибудь такое... предосудительное, гдѣ были бы оглядки...

— Да! А ты думаешь, тутъ и нѣтъ? Ты думаешь, все слѣпы и

нѣмы кругомъ насъ; не видятъ этихъ безпрестанныхъ визитовъ молодого человѣка, не толкуютъ объ этомъ?

— Пусть толкуютъ. На чужой ротокъ не накинешь платокъ, есть поговорка. Были бы мы спокойны да увѣрены въ Наташѣ.

Такого рода разговоры между мужемъ и женою прекратились наконецъ тѣмъ, что влюбленный герой нашъ, въ одно прекрасное утро, объявилъ имъ рѣшительно, что онъ даетъ слово жениться на Наташѣ, и что пока, въ ожиданіи того, что онъ объявитъ обо всемъ этомъ своему отцу и будетъ просить его согласія, онъ рѣшился купить въ одной довольно отдаленной части города (чтобы поменьше было толковъ и пересудовъ) домъ на имя своей возлюбленной, куда перевезетъ какъ ее, такъ и ихъ и для жительства. Онъ просилъ при этомъ добраго башмачника, чтобы онъ оставилъ ремесло свое, и доживалъ свой вѣкъ съ женою въ покоѣ и нѣгѣ, въ домѣ своей дочери, а его невѣсты, которой между-тѣмъ нужно было и экипироваться прилично, и заняться кой-чѣмъ, хоть полгода, чтобы получше представиться глазамъ отца его, когда онъ будетъ просить у него благословенія на свое счастье, въ которомъ напередъ увѣренъ.

— Вы, кажется, имѣли довольно времени, повершилъ молодой человекъ, увѣриться въ постоянствѣ любви моей къ Наташѣ, и въ томъ, что я не какой-нибудь вѣтренникъ, а человекъ, твердо рѣшившійся слить мое земное существованіе съ ней, и сдѣлаться ея мужемъ, несмотря на различіе состоянія и взаимныхъ отношеній нашихъ.

— Ну, а если вашъ батюшка... раскрылъ было ротъ колеблющійся старикъ отецъ.

— Объ этомъ нечего и толковать. Я все устрою, отвѣчалъ рѣшительнымъ тономъ Викторъ. Я одинъ сынъ у него, и онъ, вѣрно, не захочетъ моей смерти, потому-что я бы, разумѣется, не пережилъ разлуки съ вашей дочерью!

Въ-самомъ-дѣлѣ, что же было возражать еще противъ этого? Разумѣется, послѣ этого послѣдняго объясненія, вивѣска съ краснымъ башмакомъ исчезла навсегда надъ дверью Василя Петровича Камынина, и все семейство его, считая тутъ же и дальняго родственника, будущаго живописца, а теперь пока маляра вивѣсокъ, Антона Егоровича Пурикова, переселилось весело съ Арбата въ отдаленный кривой переулокъ, въ собственный, новоотдѣланный домъ, съ которымъ уже успѣли познакомить мы нашего читателя.

Въ несчастьи время ползетъ черепахою, а въ счастья летитъ стрѣлою. Семейство Камыниныхъ и не видало, какъ пролетѣло полгода съ-

тѣхъ-порѣ, какъ богатый женихъ помѣстилъ ихъ на прекрасное новоселье. Изъ лаптей къ сапогамъ скоро привыкнешь, есть пословица.

Сначала влюбленный молодой человѣкъ хотѣлъ было серьезно заняться воспитаніемъ или, правильнѣе сказать, образованіемъ своей будущей супруги, но оказались разныя помѣхи и неудобства. То было некогда, то нужно было не сдѣлать огласки... Къ тому же обворожительная дѣвушка, какъ самородный кусокъ золота, не милѣе-ли въ глазахъ своего поклонника такую, какою она есть отъ природы?

А что же сама Наташа? О ней мы почти не говорили ни слова до-сихъ-порѣ. Причина очень простая: много-то нечего и сказать о ней. Что она хороша собой — это уже читатель смекнулъ самъ. Что она необразована — это также не секретъ. Башмачники рѣдко отдають въ пансіоны своихъ дочерей. Что же касается до ея внутреннихъ достоинствъ и характера — то они сами окажутся во всей полнотѣ въ-продолженіе нашей повѣсти. Мы, съ своей стороны, скажемъ только, что Наташа въ настоящее время была столько счастлива, сколько можетъ быть дѣвушка ея лѣтъ и ея отношеній къ свѣту. Не была ли она любима вполне человѣкомъ, который нравился ей самой, но на котораго она сначала не смѣла даже поднять и глазъ своихъ? Не поклялись-ли они оба въ вѣчной любви и вѣрности другъ-другу, не помѣнялись ли они кольцами на жизнь и смерть? Даже самое то, что молодой человѣкъ, при всей великости и пылкости своей страсти, не завлекъ ее ни на минуту далѣе опредѣленной границы приличій, — даже самое это не рекомендовало ли его съ прекрасной стороны, и не было ли ручательствомъ за его благородство — и слѣдовательно, несомнѣнность любви и счастья въ будущемъ?

Одна только тучка помрачала порою свѣтлый горизонтъ счастья дѣвушки — именно мысль о томъ, какъ приметъ все это отецъ Виктора, когда ему объявятъ обо всемъ! Но и тутъ, не самому ли же Виктору надобно было бояться этого больше всѣхъ, а онъ былъ такъ покоенъ, по-крайней-мѣрѣ, по наружности; къ чему же ей беспокоить себя и отравлять настоящее блаженное время?

Это было именно блаженное время для молодыхъ счастливицевъ!

Викторъ, разумѣется, каждый день бывалъ постоянно у своей возлюбленной. Онъ радовался ея радостямъ, когда она, какъ дитя на игрушку, бросалась на каждую обновку. Онъ захотѣлъ ей показать немножко и свѣтъ, съ которымъ она, разумѣется, не была знакома, но ограниченной сферѣ своего положенія — и вотъ жизнь нашей героини покатила свѣтлою и блестящею волною. Сначала къ красивымъ воро-

тамъ ея дома каждый день подъѣзжала только, въ урочный часъ, одна коляска Златопольскаго, а теперь постепенно, и время отъ времени, начались и другіе многочисленныя пріѣзды...

Случалось и такъ, что дворъ ея дома весь бывалъ заставленъ экипажами, и кривой переулокъ далеко за полночь слушалъ бальную музыку и видѣлъ сквозь опущенныя неплотно гардины мелькающія тѣни танцующихъ

Бывало и то, что съ ранняго утра, въ ясный лѣтній день, на дворъ Наташи Камыниной наѣзжало множество различныхъ экипажей, и черезъ нѣсколько времени всѣ они, въ сопровожденіи милой хозяйки, отправлялись длинною красивою вереницею куда-нибудь за городъ, въ рощу, или на пикникъ.

Какъ же все это дѣлалось? Очень просто. Викторъ Владиміровичъ, въ упоеніи своей страсти и счастія, не могъ замкнуть его въ одномъ себѣ. За секретъ разказалъ онъ о немъ друзьямъ своимъ. Тѣ попросили его познакомить ихъ съ будущею его женою, какъ онъ самъ говорилъ всѣмъ вслухъ, и вотъ въ—слѣдствіе этого начались и пріѣзды гостей, и сформировались сначала маленькія вечеринки, потомъ и большіе балы и поѣзды за городъ. Впрочемъ, все это не выходило изъ границъ приличій, тѣмъ болѣе, что тутъ была истинная любовь, а не обыкновенная интрига или шалость молодаго человѣка; да къ тому же всѣ эти вещи дѣлались почти тайкомъ, и вдали отъ центра города, чтобы до времени не узналъ этого отецъ нашего влюбленнаго героя, а открыться ему во всемъ много разъ собирался съ духомъ Викторъ, но все еще не рѣшился, несмотря на то, что нижній этажъ началъ уже коситься на верхній, или просто сказать, несмотря на то, что смышленный отецъ Наташи покачивалъ частенько головою, и спрашивалъ и ее, и мать, когда же и чѣмъ все это кончится? Не вышло бы худо?

Поставивъ всѣ эти вещи на видъ читателю, мы можемъ теперь воротиться назадъ, и продолжать разказъ нашъ уже безъ отступленій.

IV.

НОВОРОЖДЕННАЯ.

Извѣстный четвергъ на будущей недѣлѣ, о которомъ былъ разговоръ у отца нашего героя съ его повѣреннымъ Пафнутьичемъ, именно былъ день рожденія Наташи Камыниной, и Викторъ Владиміровичъ рѣшился отпраздновать его съ кучею своихъ молодыхъ друзей, какъ го-

ворится, на-славу! Да оно такъ и слѣдуетъ. Въ-самомъ-дѣлѣ, какой же день можетъ быть драгоцѣннѣе и торжественнѣе для влюбленнаго, какъ не тотъ, въ который родилась его возлюбленная? Не будь этого дня, не было бы и ничего для него въ жизни. Въ-слѣдствіе такого силлогизма, нашимъ влюбленнымъ героемъ для этого дня все было подготовлено на богатую руку, потому-что въ деньгахъ недостатка не было. Гостей приглашено множество. Предположенъ формальный балъ, съ музыкою и танцами. Позванъ звонкій хоръ московскихъ цыганъ,—заказанъ богатый ужинъ, привезено, сверхъ другихъ винъ, три ящика шампанскаго, наняты кондитеры и поваръ изъ англійскаго клуба; однимъ словомъ, вечеринка будетъ на славу!

Вечеръ предположеннаго для этого шумнаго бала дня былъ, какъ назаказъ, прекрасный, теплый. Кривой переулочекъ застоналъ подъ тяжестью различной формы экипажей, съѣхавшихся на вечеръ къ хорошенькой новорожденной. Мало-того, что весь дворъ былъ заставленъ экипажами, они тянулись еще длинной цѣпью по протяженію всего переулка, до самаго угла, выходившаго на большую улицу. Красивый домикъ Наташи Камыниной блисталъ, какъ сквозной фонарикъ съ разноцвѣтными стеклами. Музыка гремѣла на весь кварталъ. Дикія завыванія цыганъ смѣшивались съ шумнымъ хохотомъ и говоромъ гостей; пробки хлопали, какъ ракеты, шампанское бѣжало черезъ край бокаловъ, и брызгало своею влажною искристою пѣною... Танцевали польку. Воскликанія и острые шутки сыпались наперерывъ, перелетали, какъ мячики, бросаемые сильною рукою изъ одного угла въ другой, перекрещивались, сталкивались, возвращались рикошетами, иногда къ тѣмъ, кто посылалъ ихъ. Глаза всѣхъ пылали радостію, щеки рдѣли, какъ зарево, дивныя ножки весело скользили по красивому паркету; воздухъ сдѣлался какъ-то жарокъ, удушливъ. Живыя купы цвѣтовъ отъ жара и изнеможенія опустили свои благоухающія головки; золото, бронза и фарфоръ какъ-будто потускнѣли отъ душной атмосферы разгорѣвшагося бала... Однимъ-словомъ, все было какъ слѣдуетъ, и какъ обыкновенно бываетъ на балахъ такого рода, гдѣ нѣтъ строгаго этикета.

Нужно ли сказывать, что милѣе всѣхъ была, по всей справедливости, его очаровательная хозяйка, новорожденная Наташа? Въ этотъ вечеръ, она была, если можно такъ выразиться, лучше себя-самой. Точнѣйшаго сравненія и не придумаешь. Туалетъ ея былъ не столько богатъ, сколько изященъ и полонъ этого тонкаго вкуса, который дается въ удѣлъ немногимъ женщинамъ. Она была такъ завлекательна въ этотъ вечеръ, что самый строгій моралистъ, увидя ее, простилъ бы ей двусмысленность ея положенія, и можетъ-быть даже, чего добраго,

позавидовалъ бы счастливцу Виктору и извинилъ бы сумазбродство его страсти, пошедшей наперекоръ всѣмъ условіямъ свѣта и незамѣчающей даже, что на его прекрасномъ балѣ присутствуютъ неумѣстные три гостя, то—есть, старый башмачникъ, отецъ его невѣсты въ своемъ коричневомъ фракѣ; Катерина Григорьевна, мать Наташи, разряженная въ пухъ, и Антоша Пуриковъ, по его понятіямъ, блиставшій, какъ радуга при солнцѣ, своимъ разноцвѣтнымъ и безвкуснымъ туалетомъ, напрасно подыгрывающимся подъ львиный.

Между-тѣмъ какъ въ домѣ нашей героини все пѣло, плясало и ликовало, на улицѣ, въ кривомъ переулкѣ, происходили сцены совершенно другаго рода.

Выйдемъ читатель изъ душныхъ залъ веселаго бала на чистый воздухъ освѣжиться, и посмотримъ, что дѣлается на улицѣ, около ярко освѣщеннаго дома Лаисы нашего времени.

Русскій человѣкъ, особливо москвичъ, любитъ позѣвать на огонекъ въ чужомъ домѣ, особливо если этотъ огонекъ такъ ярко блеститъ, какъ блестѣлъ онъ во всѣхъ зеркальныхъ окнахъ счастливой хозяйки прежде бывшаго опальнаго дома. Въ кривомъ переулкѣ этотъ вечеръ былъ совершенное гулянье. Во всю улицу его, какъ сказали мы выше, тянулись различные экипажи. Кучера и лакеи, въ свою очередь, также ликовали, незабытые предусмотрительнымъ распорядителемъ веселаго праздника, щедрымъ Викторомъ. Между экипажей сновали взадъ и впередъ густыя массы сосѣднихъ жителей, вышедшихъ на улицу поглазѣть на нышнее освѣщеніе и послушать веселой музыки, а главное: поговорить, посудить и позлословить посильное дѣло.

Въ густыхъ толпахъ гуляющаго народонаселенія криваго переулка, на первомъ планѣ рисуются старые наши знакомцы: загорѣлый мѣдникъ, тряпичная торговка, портниха, золотошвейка и длинный сухой Андрей Андрѣичъ. Здѣсь также есть своего рода веселье, свой шумный и безпорядочный говоръ, и остроты, плоскія, но часто очень мѣткія и направленныя вѣрно.

Походимъ въ этой густой толпѣ сосѣдняго народонаселенія и слушаемъ ея говоръ.

— Эвоя, огней-то сколько запалила себѣ, красавица мадамъ-то! говорилъ мальчишка оборвышъ, карабкаясь на тротуарный столбикъ, чтобы ловчѣе позѣвать въ полуотворенное окно одной изъ пышно-освѣщенныхъ комнатъ.

— Прогорить голубушка! хладнокровно возразила старуха тряпичница, значительно кивая своею и безъ того всегда трясущеюся головою.

— Какъ, прогорить? спросилъ мѣдникъ, вѣроятно невполнѣ понявшій мудрое замѣчаніе опытной сосѣдки.

— Такъ, прогорить, да и все тебѣ тутъ!

— Оно вѣстимо дѣло, Анисья Самойловна!

— Неправедное стяжаніе всегда сгибаетъ прахомъ, продолжала философствовать старая тряпичница. Трудовая денежка—та идетъ въ прокъ, и цѣну ей знаешь, а это что?... Просто сказать...

Тряпичница плюнула и не договорила фразы.

— Ишь-ты, какъ выплясываютъ! началъ опять мальчишка оборвышъ, вытягивая вверхъ длинную шею, какъ гусь.

— А! Андрей Сидорычъ! И вы вышли полюбоваться на сосѣдскую веселость и послушать даровой музыки, сказала, раскланиваясь съ Андреемъ Сидорычемъ, сосѣдка тряпичница и предлагая ему учтиво свою разскрытую табакерку, въ которой, навзглядъ, вѣрнѣе была насыпана зола, нежели табакъ.

— Нѣтъ, я совсѣмъ не для этихъ глупостей, а такъ знаете, прогуляться... Сегодня что-то очень жарко въ комнатахъ. Свѣжій воздухъ необходимъ для человѣка, голова котораго много работаетъ.

— Конечно такъ, а все-таки...

— Ничего не бывало, говорю я вамъ. Что мнѣ этотъ балъ и музыка? Захоти я — такъ бы каждую недѣлю самъ бывалъ на такихъ балахъ. Семенъ Григорычъ, мой милостивецъ, зачастую говоритъ мнѣ: Что вы Андрей Сидорычъ, никогда не пожалуете ко мнѣ на вечерокъ? У меня пятницы. И потанцовали бы себѣ, и въ карточки поиграли! Покорно благодарю, Семенъ Григорьевичъ, я говорю. Не охотникъ, говорю, я до этихъ баловъ. Что мнѣ они? Я видалъ всего на мой вѣкъ. Къ тому же занятія, говорю, да и экипажа приличнаго нѣтъ.

— Да кстати и фрачишко-то позасалился, а перемѣны еще сдѣлать не на что прошептала насмѣшливо золотошвейка своей сосѣдкѣ портнихѣ.

— Не помню, кто-то изъ греческихъ мудрецовъ, кажется Цицеронъ, съ ученою важностію заговорилъ Андрей Сидорычъ: написалъ въ одной ученой книгѣ, что истинно богатъ только тотъ, кто умѣетъ довольствоваться малымъ.

— Да это написалъ совсѣмъ не греческій мудрецъ, а нашъ учитель въ приходской школѣ, Матвѣй Егорычъ Ставневъ, возразилъ бойко мальчишка на троттуарномъ столбикѣ. Да и онъ-то написалъ не изъ своей головы, а такъ стоитъ въ русской прописи: истинно богатъ, кто малымъ доволенъ ...

— Молодъ ты, щенокъ этакой, учить старше себя и вступать въ рѣчь, когда тебя не спрашиваютъ! съ видимымъ неудовольствіемъ замѣ

тиль Андрей Сидорычъ. Много ты смыслишь! Стоитъ въ прописи! Да развѣ пропись—то не можетъ быть переведена съ греческаго языка, дуракъ ты этакой!

Мальчишка замолчалъ и началъ пробираться со столбика на запятки одной кареты, чтобы ловчѣе позвѣвать въ окошко. На сконфуженномъ лицѣ его такъ и отпечаталась мысль: а что, вѣдь и впрямъ пропись—то наша, можетъ-быть, и взаправскую переведена съ греческаго, кто ее знаетъ!

— Да! такъ я къ тому сказалъ эту греческую цитату Цицерона, продолжалъ Андрей Сидорычъ, нѣсколько оправаясь отъ внезапнаго нападенія бойкаго мальчишки, и обращаясь снова къ мѣднику, что и богатый человекъ иногда можетъ быть несчастнѣе тебя.

— Полноте толковать о пустякахъ, Андрей Сидорычъ, вошла въ разговоръ опять тряпичница. Посмотрите—ко лучше вотъ сюда, во второе—то окно вверху... Вѣдь это махается вѣеромъ сама хозяйка... Фу! какая она пышная! Какъ разгорѣлась!

— Да, это она должно—быть!

И все головы и глаза оборотились ко второму окну, къ которому подошла освѣжиться, дѣйствительно, въ эту минуту, разгорѣвшаяся отъ танцевъ и отъ удовольствія, хозяйка.

— Чрезвычайно благовидная и плѣнительная особа! замѣтилъ длинный жилецъ криваго переулка.

— Какъ чудесно на ней сидитъ платье! Такъ и облило весь станъ! сказала портниха: а воротникъ—то! лифъ—то! Я еще и не видывала такого фасона, вотъ бы достать выкроичку!

— Можетъ-быть и достанешь скоро, Микитишна! сказала, съ обычнымъ своимъ хладнокровіемъ, старая торговка тряпичница.

— Какъ такъ, Анисья Самойловна? Черезъ кого?

— Да хоть бы черезъ меня!

— Не возьму въ толкъ, какимъ же бы это побытомъ? спросила опять портная.

— Самымъ простымъ и обыкновеннымъ. Къ намъ въ лоскутный рядъ зачастую выносятъ продавать за безцѣнокъ модныя платья такихъ барынь, какъ онѣ промотаются.

— Ну нѣтъ, Анисья Самойловна, возразила золотошвейка: на счетъ этой вы, можетъ-быть, и прошибетесь.

— Отчего такъ, Прасковья Семеновна?

— Да вѣдь я вамъ, кажется, сказывала, что по призыву ея была недавно у ней въ домѣ!

— Нѣтъ, ты не говорила. Въ первый разъ слышу.

— Какъ-же! Была! Звала меня заказать вышить золотомъ широкую тесьму по бархату для колокольчика что ли, право не разобрала хорошенько. Цѣну заплатила славную. А ужъ какая добрая! Какая ласковая. А въ домъ-то, въ покояхъ-то! Такъ вотъ все и блещитъ! Палаты да и только. Одного убранства по-вѣкъ станеть на прожитокъ.

— А что она, русская, Прасковья Семеновна, аль нѣмка?

— Должно-быть, русская; говорить чисто.

— А какъ ее зовутъ-то?

— Наталья Васильевна.

— Вотъ еще что толкуютъ! Вѣстимо русская вступилъ опять въ рѣчь мѣдникъ. Нешто не видите на воротахъ-то написано — домъ Камыниной. Это прозвище коренное русское. Да при ней же, говорятъ, въ нижнемъ-то этажѣ живутъ и отецъ съ матерью. Старикашки не-больно възрачныя и мудренныя, я напередъ видѣлъ ихъ обоихъ!

— Хороши должны быть и они!

— А что?

— Какъ что? Къ дочкѣ-то ѣздитъ баринъ въ коляскѣ чуть не по пяти разъ на день...

— Да это, говорятъ, женихъ...

— Поди съ дороги! Поберегись! раздался крикъ кучера въ эту минуту, и красивая богатая карета вкатила въ ворота освѣщеннаго дома.

Изъ кареты вышелъ, опираясь на плечо дюжаго ливрейнаго лакея, какой-то старикъ, почтенной наружности и еще довольно бодрый. Онъ прямо и безъ доклада пошелъ по широкой, уставленной цвѣтами лѣстницѣ.

Не успѣлъ онъ, по расчету нашихъ уличныхъ знакомцевъ, войти въ залу, какъ вдругъ музыка замолкла, и въ домѣ водворилась въ одну минуту такая же мертвая тишина, какъ и тогда, когда онъ былъ пустымъ и опальнымъ...

— Что жъ бы это такое было? спрашивали въ изумленіи всѣ другъ-друга.

Что жъ бы это такое было? скажемъ и мы въ свою очередь, и чтобы отвѣтить себѣ удовлетворительно, войдемъ опять съ читателемъ въ пышно-освѣщенныя комнаты дома Наташи, и посмотримъ, что за мудреный, а можетъ-быть и неожиданный гость къ ней пожаловалъ?..

Впрочемъ, смѣтливый читатель, вѣроятно, еще не входя въ танцевальную залу, догадался уже, что пріѣхавшій четвернею господинъ, былъ никто другой, какъ отецъ нашего влюбленнаго героя, Владиміръ Степановичъ Златопольскій.

Дѣйствительно, это былъ онъ.

Сцена, какъ вы сами видите, очень схожая съ появленіемъ президента въ квартиру стараго музыканта Миллера, все въ той же трагедіи «*Любовь и Коварство*». Русскій отецъ упалъ какъ бомба въ веселую кучу танцующихъ, въ самый разгаръ бала.—Это еще эффектно, не правда ли?

Только сцена была ведена несовсѣмъ такъ, какъ у Миллера. «*Témpora mutantur, et nos mutamur in illis*». Вольный переводъ для дамъ, не знающихъ латинскаго языка: прошлогодняя шляпка не годится для настоящаго сезона.

Само-собою разумѣется, что нечаянное появленіе старика Златопольскаго всѣхъ скорѣе и болѣе поразило нашего влюбленнаго героя. Вскричать чуть не съ отчаяніемъ: «Боже мой! Это папаша!» и махнуть рукою музыкантамъ, чтобы они замолчали, гостямъ, чтобы они остановились, было для него дѣломъ одной минуты. Нѣкоторые изъ гостей, впрочемъ, и лично знали нежданнаго гостя, и потому успѣли убраться кого лишнихъ — но отецъ, мать и дальній родственникъ Цуриковъ, остались, какъ-будто пригвожденные ужасомъ, на своихъ мѣстахъ. Появленіе старика Златопольскаго подѣйствовало на нихъ, да почти и на все остальное общество, никакъ не слабѣе появленія мраморной статуи командора въ пышной залѣ Донъ-Жуана...

Общее молчаніе было прервано самимъ Владиміромъ Степановичемъ.

— Чтò это значить? Мнѣ кажется, я имѣлъ несчастье нарушить моимъ появленіемъ общее веселье? сказалъ онъ весьма мягкимъ и почти ласковымъ голосомъ.—Викторъ! чего ты такъ переконфузился? я очень хорошо понимаю, что въ твой года охотнѣе танцуютъ на балѣ съ хорошенькою дѣвушкой, нежели скитаются по лѣсу съ ружьемъ... Неужели ты думаешь, что я сержусь на тебя за твой маленькій обманъ? Фи! какъ ты мало знаешь своего отца! Познакомь меня скорѣе съ милою хозяйкою, къ которой я, какъ старикъ, имѣлъ дерзость пріѣхать безъ зва.

— Но.... папаша.... пробормоталъ готовый провалиться сквозь землю Викторъ.

— Кчему тутъ твое глуное *но*? Требую полного послушанія, господинъ вѣтреникъ! прибавилъ съ добродушнымъ смѣхомъ старикъ.

— Вотъ она, батюшка! Я никакъ не думалъ, не ожидалъ....

— Что я все знаю? И на этотъ разъ ты ошибся. Какъ васъ зовутъ, моя милая? прибавилъ онъ ласково, взявъ за руку чуть живую отъ страха и волненія Наташу. Кажется, Натальей Васильевной, не такъ ли? Сегодня вы празднуете день вашего рожденія, съ которымъ я васъ

и поздравляю усердно. Видите, мой дружокъ, старики знаютъ все. Этимъ они обязаны своей опытности.

Бѣдная дѣвушка не въ-состояніи была связать ни одной фразы.

— А это, вѣрно, ваши батюшка и матушка? продолжалъ старикъ Златопольскій, легко отличивши испуганныя больше другихъ фигуры, стараго башмачника и его жены.

— Ваше превосходительство, я честный человекъ, хотя и мѣщанинъ.... и мастеровой.... съ трудомъ бормоталъ испуганный отецъ Наташи.

— Очень вѣрю и никогда не сомнѣвался въ этомъ, мой милый, ласково сказалъ генералъ. Во всякомъ сословіи можно быть честнымъ и благороднымъ.... Руку вашу, и вашу также, сударыня.

И старикъ Златопольскій ласково протянулъ и пожалъ руки изумленнымъ супругамъ.

— А это что за молодець, который чуть не прячется за васъ? спросилъ съ новою добродушною улыбкою нежданный гость, указывая на оробѣвшаго дѣйствительно Антошу Цурикова.

— Это нашъ.... почти родственникъ, молодой артистъ, живописецъ, хотѣлъ я сказать.... пробормоталъ старый башмачникъ.

— Очень радъ познакомиться и съ нимъ, я вообще люблю и уважаю всѣхъ артистовъ. Прочихъ вашихъ гостей я почти всѣхъ, или по крайней-мѣрѣ, очень многихъ, знаю, и потому дальнѣйшія церемоніи знакомства, вовсе ненужны, также добродушно улыбаясь, продолжалъ старикъ: теперь я надѣюсь, что все пойдетъ своимъ порядкомъ и веселый балъ у новорожденной будетъ продолжаться, какъ и слѣдуетъ. Ухъ! какъ у васъ жарко! Викторъ, вели мнѣ подать или холоднаго лимонада, или мороженаго.

И старикъ Златопольскій, снова обласкавъ и успокоивъ, какъ хозяйку, такъ и родныхъ ея, и поздоровавшись съ нѣкоторыми молодыми людьми, которыхъ онъ зналъ, какъ добрыхъ друзей своего сына, расположился очень спокойно на диванѣ въ гостиной, занявшись общимъ разговоромъ, и настоятельно вытребовавъ, чтобы танцы продолжались.

Ни сыну, ни его любимицѣ, ни ея родителямъ, никому изъ гостей, ни одного непріятнаго слова, ни одного косвеннаго упрека! какъ-будто все это такъ и должно было быть!

Старикъ не остался только ужинать, говоря, что онъ на діэтѣ, по случаю своего ревматизма въ ногахъ. Собираясь уѣхать, онъ снова обласкалъ Наташу, и ея отца съ матерью, примолвя имъ въ-полголоса, чтобы они были совершенно спокойны, не боялись ничего, потому-что онъ давно все знаетъ, несмотря на скрытность своего Викторюшки....

— Завтра я переговорю обо всемъ поподробнѣе съ сыномъ, и...

и я надѣюсь, что мы скоро опять увидимся, и тогда уже будемъ совершенно довольны другъ-другомъ.

Послѣ этихъ словъ, загадочный старикъ снова весело простился со всѣми гостями; съ отеческою нѣжностью поцѣловалъ въ лобъ Наташу, крѣпко пожалъ руки старикамъ и своему Викторинкѣ, и снова попросивъ извиненія въ неожиданномъ визитѣ, который наконецъ надобно же было когда-нибудь сдѣлать, по его словамъ, сѣлъ въ свою карету и укатилъ домой.

Можете себѣ представить то изумленіе, въ какомъ остались и хозяйка и гости послѣ отъѣзда Владиміра Степановича Златопольскаго! Сначала Виктору казалось, что все это было не болѣе, какъ сонъ, но когда надобно было сознаться въ дѣйствительности — ему сдѣлалось очень неловко, почти страшно. Завтра утромъ его ожидаетъ свиданіе и объясненіе съ отцомъ! Что онъ скажетъ ему въ оправданіе? Чѣмъ извинить свои поступки? Чѣмъ? Разумѣется, любовью къ несравненной Наташѣ. Но приметъ-ли старикъ эти резоны? Но такъ-какъ всѣ эти размышленія не вели ни къ чему положительному, и всѣ эти вопросы не находили отвѣта, Викторъ рѣшился оставить все до роковаго завтра, а нынче отдаться веселью и любви.

Разумѣется, не на него одного, но и на всѣхъ, это нечаянное появленіе неожиданнаго гостя подѣйствовало слишкомъ сильно. Балъ кончился не такъ шумно и весело, какъ предполагалось. Шампанское шло какъ-то невесело, самая музыка какъ будто настроилась на какой-то печальный ладъ; гости разъѣхались ранѣе обыкновеннаго.

Прощаясь съ Наташей, которая, въ свою очередь, также была печальна и молчалива, и вздрагивала при малѣйшемъ шумѣ, какъ-будто ждала, что вотъ опять отворится дверь и войдетъ незванный гость, Викторъ взялъ торжественно ея руку и сказалъ твердымъ голосомъ:

— Будь покойна, мой другъ! Что бы ни случилось, еще разъ клянусь тебѣ, что я благородный человекъ и сдержу мое слово. Никакія препятствія не уменьшатъ моей любви къ тебѣ. Ты будешь моею женою.

Нѣтъ нужды сказывать, что эту ночь ни онъ самъ, ни жители бывшаго опальнаго дома не могли заснуть ни минуты. Великость бѣды, точно такъ-же, какъ и полнота счастья — всегда дарятъ человека бессонницей

V.

ОБЪЯСНЕНИЕ.

— Пафнутьичъ!

— Чего изволите, батюшка, Викторъ Владимірычъ?

— А что, папаша проснулся?

— Давнымъ-давно.

— Что онъ теперь дѣлаеть?

— Изволить кушать кофей, да газеты просматриваетъ.

— Что онъ сегодня... не сердить, Пафнутьичъ, на твой взглядъ?

— И батюшка баринъ, да когда-же папинька вашъ сердится? Будто вы не знаете его? А развѣ вы что-нибудь изволили накуралесить по молодости, Викторъ Владимірычъ?

Последнюю фразу хитрецъ Пафнутьичъ произнесъ въ-полголоса, и такимъ добродушнымъ тономъ, какъ-будто онъ ничего знать не знаетъ, вѣдать не вѣдаетъ.

— Нѣтъ, ничего... я такъ! съ небольшимъ смущеніемъ отвѣтилъ Викторъ и робкими шагами отправился въ кабинетъ къ отцу.

Владиміръ Степановичъ Златопольскій сидѣлъ за своимъ утреннимъ кофе и дѣйствительно просматривалъ, по привычкѣ всѣхъ московскихъ старожиловъ, газеты.

Подходя здороваться съ отцомъ, Викторъ внимательно и зорко вглядывался въ его фізіономію, ища прочесть въ ней, въ какомъ расположеніи духа находился старикъ. Ничего новаго! Все то-же, что и вчера. То-же спокойствіе, та-же добродушная, почти стереотипная улыбка. Казалось-бы, чего лучше виноватому сыну? Но подивитесь-же натурѣ человѣческой. Такое апатичное состояніе отца при настоящихъ обстоятельствахъ совершенно сконфузило нашего героя. Къ грозѣ онъ былъ готовъ. На упреки — у него ужъ придуманы были отвѣты, но это состояніе невозмутимаго спокойствія и хладнокровія заставило его чуть несовсѣмъ растеряться. Со стороны въ эту минуту на него жалко было посмотреть.

— А! вотъ наконецъ и ты, Викторюшка! заспался сегодня; видно, вчера поздно воротился домой? обыкновеннымъ тономъ началъ старикъ, ласково поцѣловавшись съ сыномъ, и указывая ему обычное кресло подлѣ столика, за которымъ сидѣлъ онъ всегда по утрамъ. Хочешь кофе? или чаю, если ты еще не пилъ?

— Пожалуйте кофе, папаша, въ смущеніи пролетѣлъ сынъ.

— Бери чашку и наливай самъ. Что за пустое чтеніе эти газеты, продолжалъ отецъ тѣмъ-же равнодушнымъ обиходнымъ тономъ; вовсе нѣтъ ничего новаго. Не стоитъ и получать; такъ ужъ, одна привычка!

Викторъ вертѣлся на креслѣ, какъ-будто на горячихъ угольяхъ, и чуть не налилъ, въ замѣшательствѣ, изъ кофейника въ сахарницу.

— А что у насъ сегодня погода хороша, или нѣтъ? Ты не взглянулъ на барометръ, Викторушка?

— Нѣтъ, я не видалъ...

— Что-то морщится; должно-быть къ дождю, да и мои ноги начинаютъ поламываться.

Тутъ вышла довольно продолжительная пауза. И отецъ, и сынъ занялись кофеемъ, съ тою только разницею, что первый пилъ съ разстановкою, не торопясь, и повидимому съ большимъ наслажденіемъ; а второй чуть не давился, и безъ всякой видимой причины, гнулъ въ три погибели маленькую серебряную ложечку, какъ-будто пробуя, сколько нужно усилія, чтобы совершенно переломить ее.

— А какъ ты располагаешь сегодняшнимъ утромъ? Дѣлаешь какіе-нибудь визиты, или нѣтъ? началъ опять старикъ, на этотъ разъ оставляя совсѣмъ газеты и обращаясь къ сыну.

— Я совершенно свободенъ, папаша...

— И прекрасно, сказалъ отецъ, вставая съ своего мѣста, и подходя къ большому письменному столу, помѣщавшемуся посрединѣ кабинета, въ такомъ-случаѣ я попрошу тебя съѣздить въ Опекунскій Совѣтъ, вотъ съ этимъ билетомъ.

И старикъ началъ рыться въ своихъ бумагахъ.

Видя, что дѣло не подвигается никакъ впередъ, Викторъ на этотъ разъ собрался съ духомъ, и рѣшился самъ заговорить съ отцомъ о томъ предметѣ, съ котораго бы, по настоящему, долженъ былъ начаться ихъ разговоръ.

— Любезный папаша... началъ онъ робко.

— Что ты хочешь?

— Я ждалъ... я думалъ, что вы...

— Что такое?

— Вы общались вчера переговорить со мною о дѣлѣ, которое....

— Ахъ да! Ты хочешь вѣрно сказать что-нибудь на счетъ вчерашняго моего визита къ этой... какъ ее?

— Наталья Васильевна; на этотъ разъ твердымъ голосомъ отвѣтилъ Викторъ.

— Да, Наталья Васильевна! А что, скажи по правдѣ, Викторъ;

ты вчера, я думаю, очень удивился, увидя меня въ этомъ далекомъ захолустьѣ? Вѣдь пришла же тебѣ фантазія—не скажу тратить кучу денегъ на постройку этого миленькаго дома,—но выбрать такую глушь!

Викторъ молчалъ, но на лицѣ его безпрестанно мѣнялся цвѣтъ, а на лбу показались капли пота, несмотря на то, что въ кабинетѣ старика было довольно свѣжо.

— Я бы просилъ, батюшка, чтобы вы поговорили со мною серьезно о дѣлѣ, отъ котораго зависитъ счастье всей моей жизни! сказалъ онъ отцу.

— Право? Все это братецъ, шалости.

— Вы очень ошибаетесь, батюшка, если считаете страсть мою къ этой дѣвушкѣ простою шалостью!

— А что же это, по-твоему?

— По-моему... это такая чистая и необъятная страсть, что я считаю за долгъ не иначе говорить о ней, какъ съ величайшимъ уваженіемъ.

— Ну, если такъ, Викторъ, на этотъ разъ послѣ небольшого молчанія и уже безъ смѣха сказалъ Владиміръ Степановичъ: станемъ говорить серьезно. Садись. Оба сѣли. Вослѣдовала опять довольно значительная пауза.

— Прежде, нежели мы начнемъ говорить съ тобою, сынъ мой, началъ старый генералъ, считаю нужнымъ помѣстить маленькое предисловіе къ этому разговору. Знаю, что всѣ предисловія и въ книгахъ очень скучны, ихъ даже часто пропускаютъ съ пренебреженіемъ,—но тѣмъ неменѣе они иногда необходимы для полнаго уразумѣнія...

— Я слушаю, батюшка...

— Мы живемъ въ такомъ вѣкѣ, Викторъ, въ которомъ всѣ отношенія, какъ родственныя, такъ и начальственныя, опредѣлены очень хорошо и точно, слѣдовательно мнѣ нечего напоминать тебѣ ни о силѣ родительской власти, ни о покорности сыновей...

— Совершенно согласенъ, батюшка.

— До-сихъ-поръ я и не имѣлъ, благодаря Бога, случая, упрекнуть тебя, въ послушаніи противъ моей воли. Ты знаешь, какъ много я люблю тебя. Ты у меня одинъ; на тебѣ лежатъ всѣ мои надежды. Я очень богатъ, ты это знаешь хорошо. Общественное положеніе мое въ свѣтѣ пролагаетъ и тебѣ хорошую дорогу... Ты видишь, я говорю съ тобою не какъ съ ребенкомъ, Викторъ, хотя въ глазахъ отцовъ и взрослые дѣти все кажутся малолѣтними. Да оно и очень естественно: какъ быстро ни расти, все отца не перегонишь ни въ лѣтахъ, ни въ опытности. Смѣло и добросовѣстно скажу, что я, какъ отецъ, сдѣлалъ для моего сына все, что могъ, по крайнему моему уразумѣнію. Ты

хорошо образованъ , видѣлъ свѣтъ , служилъ , положимъ и немного, но хорошо. Я далъ тебѣ всѣ способы жить богато и съ полною свободою, разумѣется, думая, что ты не употребишь во зло ни твоего богатства, ни твоей свободы .. Погоди прерывать меня, Викторъ; ты будешь говорить послѣ, а пока сиди спокойно и слушай внимательно. Образъ жизни твоей, твои знакомства и связи въ свѣтъ до-сихъ-поръ не заставляли меня ни разу раскаяться въ той полной свободѣ, которую я далъ тебѣ. Были, правда, иногда легкіе случаи уклоненія съ твоей стороны отъ прямого пути, но я смотрѣлъ на нихъ сквозь пальцы, по ихъ незначительности. Я самъ былъ молодъ, и очень хорошо еще помню это время. Къ тому-же, по моимъ понятіямъ, молодость безъ заблужденій все-равно, что весна безъ дождей: она не общаетъ ни хорошаго лѣта, ни полезной осени. Но... теперь конецъ моему предисловію, Викторъ, и я приступаю къ изложенію самаго дѣла. Скажи мнѣ по совѣсти и положи руку на сердце, что такое ты затѣялъ съ этой глупой исторіей, и какого ждешь конца всему этому? Жду твоего отвѣта, Викторъ, и отвѣта дѣльнаго, прямого, добросовѣтнаго!

— Вы сказали мнѣ, батюшка, началъ, послѣ небольшого молчанія Викторъ, что на этотъ разъ рѣшились говорить со мною не какъ съ ребенкомъ, а какъ съ равнымъ себѣ; въ благодарность за это и я буду отвѣчать вамъ не какъ отцу, а какъ истинному другу...

— Прекрасно; объ этомъ именно я и хотѣлъ попросить тебя.

— И такъ я приступаю прямо къ самому изложенію дѣла, о которомъ мы рѣшились говорить съ вами безъ всякихъ предисловій. Я знаю и твердо вѣрю, что вы меня любите и что на мнѣ одномъ лежатъ всѣ ваши надежды, какъ сказали вы сами. Надежды эти, разумѣется, сколько я понимаю, состоятъ въ томъ, чтобы видѣть меня устроеннымъ положительно въ жизни... говоря прямѣе, вы бы желали видѣть меня счастливымъ семьяниномъ и даже отцемъ семейства, съ которымъ бы не умерло и продолжалось благородное поколѣніе фамиліи Златопольскихъ. Вѣдь это такъ, батюшка.

— Такъ.

— Но, разумѣется, рядомъ съ этимъ столь естественнымъ для каждаго отца желаніемъ должно идти и другое: надобно, чтобы и самъ сынъ вашъ былъ счастливъ въ выборѣ вѣчной подруги жизни своей. Это счастье, говорю вамъ смѣло, прямо и добросовѣстно, батюшка, я нашель въ той дивной дѣвушкѣ, которую видѣли вы вчера, и съ этимъ счастьемъ я не разстанусь иначе, какъ переставъ существовать на свѣтѣ! Я люблю, батюшка, люблю страстно, невыразимо, необъятно, и существо, которому отдалъ я навѣки всю мою жизнь, все мое сердце,

всю мою будущность, имѣеть въ себѣ столько нравственныхъ совершенствъ, что она дѣлаеть меня совершенно счастливымъ, рѣшась соединить навѣки судьбу свою съ моею!

— Постой. Поговоримъ толкомъ. До-сихъ-поръ я молчалъ, потому что смотрѣлъ на любовь твою къ этой красивенькой мѣщаночкѣ какъ на обыкновенный порывъ молодости... Ты увидѣлъ хорошенькое личико — и влюбился — это такъ естественно въ твои годы. Но въ эти годы подобная любовь ничто иное, какъ пароксизмъ горячки: она разсѣвается, какъ и всѣ другія впечатлѣнія, чтобъ дать мѣсто болѣе положительнымъ и обдуманнымъ намѣреніямъ....

— Батюшка, позволѣте замѣтить, что любовь моя къ Наташѣ вовсе не ребяческій бредъ... Она обдумана самымъ положительнымъ образомъ, и я желаю на ней жениться, если только....

— Если только я дамъ на то свое согласіе. Но, любезный другъ, ты забылъ, что ты родовой дворянинъ, сынъ заслуженнаго генерала, родственникъ людей почтенныхъ и уважаемыхъ, что тебѣ еще предстоитъ составить себѣ карьеру, что долгъ чести обязываетъ тебя служить....

— Я все это очень хорошо помню....

— И хочешь жениться на дочери башмачника, которую не можешь ввести въ общество, которому принадлежишь, родствомъ съ которой хочешь опозорить всю свою родню....

Молодой человѣкъ вспыхнулъ, какъ зарница, но сумѣлъ обуздать свое чувство, и снова опустился въ кресла, несмотря на то, что всѣ мускулы лица его были въ движеніи, и губы пересохла и поблѣднѣли, какъ у горячнаго.

— Нѣтъ, другъ, такъ дѣла не дѣлаются.

— Все это я знаю и обдумалъ, батюшка, и опять таки прошу-вашего согласія на бракъ съ Наташей, съ этимъ чистымъ, достойнѣйшимъ существомъ, которое вы уже вчера видѣли, почтивши своимъ нежданымъ посѣщеніемъ, и которой я поклялся принадлежать на вѣки.

— Но ужъ если ты поклялся принадлежать ей, сынъ мой, то я не вижу необходимости для тебя и въ моемъ согласіи

— Несовсѣмъ такъ, батюшка, тутъ есть маленькое ограниченіе.

— Какое-же?

— Я далъ ей клятву никому не принадлежать, кромѣ ея. Но у меня никогда не было и въ мысли идти противъ вашей воли, батюшка. Въ случаѣ вашего отказа на мое счастье, я не буду ея, но зато не буду и ничьимъ; слѣдовательно, клятва моя все-таки не будетъ нарушена....

— То-есть, сказать простѣе, если я не позволю тебѣ жениться на ней, то ты попросишь у меня позволенія не жениться ни на комъ?

— Точно такъ, батюшка.

— Послушай Викторъ. Будемъ говорить рѣшительно и прямо: и такъ, ты хочешь непременно жениться на этой дѣвушкѣ?

— Хочу непременно,

— На мѣщанкѣ, Викторъ?

— На мѣщанкѣ, батюшка.

— На дочери башмачника?

— На дочери башмачника.

— Ты, коренной русскій дворянинъ, сынъ генерала Златопольскаго?

Снова пауза. На этотъ разъ отецъ всталъ съ своего кресла и началъ несовсѣмъ спокойно прохаживаться по своему кабинету.

— А какъ ты думаешь, Викторъ, наконецъ спросилъ онъ, останавливаясь предъ сыномъ: скажи мнѣ искренно и по совѣсти, какъ ты думаешь, дамъ я тебѣ это согласіе, или нѣтъ?

— Увы, нѣтъ! почти со стономъ пролепеталъ нашъ жалкій влюбленный.

Отецъ поцѣловалъ горячо сына въ лобъ.

— Благодарю за искренность и справедливость, сынъ мой, сказалъ съ чувствомъ старикъ: ты отвѣтилъ такъ, какъ долженъ былъ отвѣтить; но все-таки ты ошибся. Это согласіе... Я даю тебѣ его!

Еслибы громъ упалъ къ ногамъ Виктора, или, простѣе сказать, еслибы потолокъ кабинета вдругъ обвалился и упалъ ему на плеча, то и тогда-бы меньше изумлялся и остолбенѣлъ онъ, нежели изумился и остолбенѣлъ теперь, услышавши вдругъ такое совершенно неожиданное согласіе!... Въ первую минуту, ему даже показалась, что онъ слышался. Какъ! этотъ отецъ, всегда столь честолюбивый и гордый, этотъ отецъ, полагавшій, какъ самъ онъ говорилъ недавно, въ немъ одномъ все свои надежды, этотъ отецъ, безъ малѣйшаго сопротивленія, безъ брани, безъ упрековъ, такъ легко и такъ неожиданно, вдругъ даетъ свое согласіе на бракъ его съ незначительною и бѣдною дѣвушкой, съ простою мѣщанкой, дочерью башмачника Камынина? Да нѣтъ! этого быть не можетъ! Молодой человекъ чуть не сказалъ себѣ: этого и не должно быть!

А между-тѣмъ это было дѣйствительно такъ, и отецъ снова и въ яснѣйшихъ уже выраженіяхъ, повторилъ ему свое согласіе!

Было отчего сойти съ ума! Да чуть-чуть этого и не сдѣлалось. По-крайней-мѣрѣ, еслибы кто-нибудь со стороны видѣлъ, какъ въ эту

минуту изступленный сынъ бросился съ необъяснимымъ крикомъ обнимать, цѣловать и обливать горячими слезами ноги добраго отца, то вѣрно-бы испугался и подумалъ, не лишила-ли его неожиданная радость разсудка.

Вызванныя сочувствіемъ, показались слезы и у стараго генерала въ эту торжественную минуту.

— Не правда-ли, ты не ждалъ этого? говорилъ онъ, разчувствовавшись и лаская сына. Ты не ждалъ, что отеческой любви хватить на такое самопожертвованіе!

— Батюшка! милый, добрый мой папаша! У меня нѣтъ словъ...

— Выразить то, что ты чувствуешь въ эту минуту? Вѣрю, сынъ мой. Но съ этой минуты вѣрь-же и ты полнотѣ и великости любви моей къ тебѣ! Жить и видѣть тебя счастливымъ — это для меня синонимы. Будь-же счастливъ, сынъ мой, и найди въ этой дѣвушкѣ все то, что я нашелъ въ покойной твоей матери!

Новыя объятія, поцѣлуи, слезы и прерывистыя восклицанія.

— И я могу сейчасъ-же летѣть къ моей милой Наташѣ, батюшка, и сказать ей, что вы соглашаетесь назвать ее своей дочерью? спросилъ послѣ перваго изступленія Викторъ.

— Можешь, мой другъ; даже, если хочешь; поѣдемъ вмѣстѣ; мнѣ не мѣшаетъ освѣжиться воздухомъ, отвѣчалъ старикъ.

— Батюшка! столько милостей...

— Да! кстати! Но я забылъ тебѣ упомянуть объ одномъ маленькомъ условіи моего согласія на вашъ бракъ...

— Какое-же это условіе, батюшка? съ трудомъ выговорилъ, вдругъ поблѣднѣвшій, какъ полотно, Викторъ.

— Не пугайся, глупенькой! съ добродушной улыбкой сказалъ отецъ. Условіе это неслишкомъ затруднительно для васъ обоихъ. Въ слѣдующій четвергъ мы ѣдемъ въ купленную мною для тебя деревню, въ Тульской губерніи; ты вѣдь ужъ далъ мнѣ въ этомъ слово; ну, такъ я хочу и требую, чтобы не только ты, но и невѣста твоя, и все ея семейство отправились вмѣстѣ съ нами. Мы проживемъ тамъ все лѣто, обо всемъ условимся; кой-что подготовимъ, чтобы будущая твоя свадьба не показалась слишкомъ дикою во глазахъ свѣта... Даже, можетъ-быть, и самую свадьбу сыграемъ тамъ, въ избѣжаніе городскихъ толковъ. Между-тѣмъ, въ ожиданіи этого, ты меня хорошенько сведешь и познакомишь съ моею будущею роднею; да и ихъ всѣхъ хотя нѣсколько освоишь съ нашимъ образомъ жизни и понятій... Не правда-ли, вѣдь все это не лишнее и нетрудно для исполненія, сынъ мой?

— Да это даже необходимо, милый папаша, и вы какъ-будто предугадали желаніе моего сердца не разлучаться съ моею дорогой Наташей!

— Но ея отецъ, мать и еще какой-то родственникъ... согласятся ли они?

— Нечего и говорить. Всѣ согласятся охотно!

— Въ такомъ случаѣ ѣдемъ туда, Викторъ!

— Ѣдемте, милый папаша.

Черезъ часъ отецъ съ сыномъ были у счастливой Наташи, а черезъ пять дней два семейства, то есть, Златопольскихъ и Камыниныхъ, скакали на почтовыхъ, въ спокойныхъ и богатыхъ экипажахъ, въ Тульскую губернію, въ село Горлинки, новокупленное имѣніе Владиміромъ Степановичемъ Златопольскимъ на имя его сына.

VI.

ГОРЛИНКИ.

Ровно за годъ до рассказываемой мною повѣсти, въ Москвѣ справляли богатые похороны одного молодого человѣка — нѣтъ нужды знать его фамилію — блеснувшего на московскомъ горизонтѣ яркою золотою свѣздочкою, ибо онъ, по отзывамъ всѣхъ, былъ милліонеръ и вдобавокъ человѣкъ совершенно безродный и одинокій. Какъ и отчего онъ былъ богатъ — разбирать не наше дѣло; знали только, что у него два большія имѣнія, одно въ три тысячи душъ гдѣ-то въ низовыхъ губерніяхъ, другое меньше, но все значительное, въ Тульской губерніи. Да сверхъ-того поговаривали стороною, что у него и ломбардныхъ билетовъ наберется нѣсколько сотенъ тысячъ. Чего бы, кажется, желать! А вышло не то. Молодой богачъ на одномъ балѣ скушалъ, послѣ танцевъ, лишнюю порцію мороженого, схватилъ горячку и... читатель уже знаетъ, что его схоронили.

Оказалось послѣ смерти нашего молодого богача, что денегъ у него хватило только на похороны, а деревень едва стало на уплату долговъ, которые вдругъ выросли, какъ грибы, въ первое-же утро послѣ его кончины! Разумѣется, тутъ извѣстный конецъ: все движимое и недвижимое имѣніе продали съ молотка. Одно изъ этихъ помѣстьевъ, именно село Горлинки, и купилъ съ аукціоннаго торга отецъ героя нашей повѣсти, Владиміръ Степановичъ Златопольскій, куда мы и отправимся за немъ слѣдомъ, съ вашего позволенія, мой читатель, тѣмъ

болѣе, что его сопровождаютъ все главные персонажи нашей маленькой домашней драмы.

Славное было имѣніе — эти Горлинки! При большой рѣкѣ, съ старинною церковью, съ богатымъ барскимъ домомъ, который, несмотря на то, что въ немъ давно не жили помѣщики, благодаря попеченіямъ добраго управителя, все еще былъ хорошъ, чистъ, крѣпокъ, и какъ-будто только и ждалъ себѣ новаго хорошаго хозяина. Огромный садъ, съ чистыми прудами, наполненными саженою рыбою, съ богатою оранжереею и кучею затѣйливыхъ бесѣдокъ, росъ и цвѣлъ себѣ на славу! Мужички были зажиточные. Староста Сидоръ имѣлъ даже небольшую ситцевую фабричку на концѣ села. Скотъ былъ у всѣхъ крупный и здоровый, избы съ иглочки и обнесены красивыми палисадниками съ плодовитыми деревьями. Двѣ огромныя мельницы день и ночь стучали своими колесами... Однимъ-словомъ, такое имѣніе, какъ Горлинки, хоть-бы кому, такъ дай Богъ!

Одна тоска была у мужичковъ: что они давно не видали у себя барина. Отецъ умершаго ихъ послѣдняго помѣщика бывало частенько проживалъ у нихъ по цѣлому лѣту, и такой былъ до всѣхъ добрый, ласковый, что и описать нельзя, а сынка они и въ глаза не видали. Тецерь можете себѣ представить, на сколько увеличилось ихъ горе, когда они узнали, что молодой ихъ баринъ умеръ въ Москвѣ, и что ихъ купилъ съ аукціона какой-то новый, вовсе неизвѣстный имъ, помѣщикъ, Владиміръ Степановичъ Златопольской!

— Затописькой! Какой такой Затописькой? (русскій мужичекъ всегда исковеркаетъ фамилію, если выговариваетъ ее въ первый разъ) какой такой Затопиській? Мы и не слыхивали такого прозвища, говорилъ староста Сидоръ, сидя на завалинкѣ, около своей ситцевой фабрички, окруженный мужичками, сошедшимися потолковать съ нимъ о горькой новости.

— Да диви ты, дядя Сидоръ, а то и Игнатій-то Игнатьичъ, нашъ управляющій, не слыхивалъ ничего объ немъ, сказалъ одинъ молодой парень, въ синемъ кафтанѣ на распашку, почесывая у себя правую рукою затылокъ.

— Вотъ оно што! Да ужъ русская-ли это фамилія-то, Микитка? Затописькой.

— Затописькой! Вѣстимо русская, дядя Сидоръ.

— Да и зовутъ-то его вишь Владиміромъ Степановичемъ, замѣтилъ одинъ изъ доселѣ молчавшихъ мужичковъ. Имя христіанское и отчество тоже.

— Да ужъ чего намъ много толковать-то объ этомъ: скинемся

лучше міромъ на добрый корсвай, да ударимъ челомъ новому барину, вотъ и вся—те недолга.

— Не што!

— Вѣстимо такъ.

— Умная твоя рѣчь, дядя идоръ; мы не прочь.

— Ну, такъ до завтра, ребята. Ужъ смерклось, пора и на боковую...

— Не што, до завтрава!

Тѣмъ и порѣшили все дѣло, на первый разъ, горликовскіе мужички.

На другой день, съ раннего утра, все горликовскіе мужички подъ предводительствомъ старосты, а дворянъ — управителя, приготовились, какъ слѣдуетъ, къ торжественной встрѣчѣ новаго помѣщика. Само-собой разумѣется, что всякой и всякая изъ горликовскихъ обитателей принарядились во все лучшенькое, какъ—будто къ Свѣтлому—празднику. Управитель во фракѣ кофейнаго цвѣта, съ посеребренными пуговицами; жена его въ новомъ чепцѣ, работы уѣздной мадамы. Староста Сидоръ въ синемъ кафтанѣ, обшитомъ по краямъ полубархатомъ сизаго цвѣта; а ужъ о деревенскихъ молодыхъ дѣвкахъ и разсказать нельзя! Одна передъ другою такъ разубрали себя цвѣтными лентами и нестрыми фартуками, что любо дорого смотрѣть! Женскій полъ вездѣ одилковъ: въ столицахъ онѣ мастерицы принарядить себя «тафтицей, бархатцомъ и дымкой», какъ выразился покойный Грибоѣдовъ; въ деревнѣ, красная лента, стеклянныя бусы и нестрый фартукъ вполне замѣняютъ эти вещи, и женщина все остается мастерицею принарядить себя для того, чтобы приглянуться мужскому глазу. Да и правду сказать: хороша русская женщина вообще, но крестьянская дѣвка—красавица такой чудный тиць, котораго не найдешь ни въ самой Италіи, отечествѣ прекрасныхъ цвѣтовъ и прекрасныхъ женщинъ. Въ Россіи есть цѣлая губерніи, гдѣ каждая крестьянка, такъ и просится въ картину, а Горлики находились въ одной изъ такихъ губерніи.

Около полудня, на большой дорогѣ, ведущей къ селу, показалось густое облако пыли, и по мѣрѣ приближенія его, можно было наконецъ отличить въ этомъ облакѣ двѣ дорожныя кареты, запряженныя каждая шестерикомъ дюжихъ лошадей, въ сопровожденіи еще нѣсколькихъ бричекъ и повозокъ съ новою домашнею челядью. Въ первой каретѣ помѣщались Владиміръ Степановичъ съ сыномъ, а во второй сидѣло семейство Камынинныхъ, высунувшееся до половины изъ оконъ, какъ будто для того, чтобы показать, что они ѣдутъ въ богатой каретѣ, да еще шестеркою!

Встрѣча крестьянъ новому помѣщику была, какъ водится, самая радушная и почтительная. На крыльцѣ барскихъ хоромъ встрѣтилъ его

прикащикъ съ своею женою. По всему протяженію двора толпились крестьяне съ женами и дѣтьми обоого пола. Староста Сидоръ, съ большимъ короваемъ въ рукахъ, первый подошелъ къ новымъ господамъ; за нимъ послѣдовали все крестьяне, съ громкими провозглашеніями «добраго здоровья и всякаго благоденствія ихъ отцамъ и кормильцамъ Владиміру Степановичу и Виктору Владиміровичу!»

Новые господа были очень ласковы. Благодарили за радушный приемъ и обѣщали милости.

Крестьяне поклонились еще разъ. Новые господа, вмѣстѣ съ семействомъ Камынинныхъ, пошли во внутреннія комнаты дома, отдавши управителю вслухъ приказаніе поставить два ведра вина на мѣръ, съ приличною закускою, а вечеромъ звать всехъ бабъ и дѣвокъ на барскій дворъ и въ садъ плясать и пѣть пѣсни.

Когда, вслѣдъ за господами, четверо лакеевъ перетаскали изъ дорожныхъ каретъ въ комнаты все узлы, чемоданы и картонки, и когда самые экипажи отѣхали къ сторонкѣ, у мужичковъ, прежде, нежели они разошлись, начались въ полголоса рѣчи:

— Ну что, дядя Степанъ? спрашивалъ одинъ у другаго.

— Не што! отвѣчалъ другой.

— А какъ на твой взглядъ, дядя Егоръ?

— Поживемъ, такъ увидимъ, сказала Егоръ: сразу-то не спознаешь!

— Вѣстимо. Ну а вотъ вина то велѣли выставить, не скупы знать?

— А кой-то съ ними-то въ другой каретѣ пріѣхали? Ты не знаешь, дядя Сидоръ?

— Кто ихъ знаетъ! Съ виду не такъ, чтобы очень, а поговариваютъ въ дворнѣ, будто это невѣста молодаго барина съ своей семьею.

— Ишь ты! Значить здѣсь и свадьбу справлять будутъ.

— Что будетъ, то будетъ, а будетъ то, что Богъ дастъ, не увидимъ, такъ услышимъ, повершилъ староста Сидоръ.

И въ ожиданіи вечерней попойки и праздника, крестьяне разошлись пока по домамъ.

Отпраздновавши, въ первый день, новоселье въ своемъ новокупленномъ имѣніи, и познакомившись съ новыми крестьянами, Владиміръ Степановичъ Златопольскій приступилъ къ внутреннимъ распоряженіямъ. Устроившись, какъ нельзя лучше, въ новомъ домѣ съ сыномъ, надобно было позаботиться и о гостяхъ, столь близкихъ имъ обоимъ. Семейству Камынинныхъ опредѣленъ былъ на житье совершенно особенный флигель, со всеми принадлежностями и надлежащимъ комфортомъ. Наташа заняла, какъ и слѣдуетъ, бель-этажъ, гдѣ постарались на скорую руку устроить все такъ, что помещеніе ея было никакъ не хуже

московскаго. Нижній этажъ былъ отданъ въ полное распоряженіе и хозяйство ея отцу и матери. Даже Антону Егоровичу Цурикову, считавшемуся почти роднымъ у нихъ въ домѣ, отведены были четыре очень чистенькія комнатки, выходившія окнами въ садъ. Будущій Рафаэль былъ вѣ себя отъ восторга, найдя тутъ все необходимое для рисованья, а главное, найдя большой шкафъ съ гардеробомъ, въ которомъ бѣднякъ слишкомъ давно и ощутительно нуждался.

Послѣднимъ пунктомъ, впрочемъ, пользовался не онъ одинъ. Предусмотрительный хозяинъ постарался, чтобы и отецъ и мать возлюбленной его сына приняли порядочную и приличную наружность, и потому такого-же рода шкафы съ платьемъ найдены были и ими въ своихъ отдѣленіяхъ. Достаточная прислуга также была не забыта; однимъ словомъ, со стороны Владиміра Степановича, на этотъ разъ было сдѣлано все, чтобы, по силѣ возможности, замаскировать безмѣрное разстояніе, существовавшее между имъ и будущимъ родственнымъ семействомъ.

— Ну, наконецъ, доволенъ ли ты мною и всѣми моими распоряженіями? спрашивалъ онъ у своего сына, послѣ перваго обзаведенія порядка.

— Я не знаю, какъ благодарить васъ, добрый папаша! У меня нѣтъ словъ... отвѣчалъ признательный и счастливый Викторъ, цѣлуя руки отца:

— Очень радъ, но вѣдь это еще не все, мой другъ, продолжалъ отецъ. У насъ съ тобой еще много хлопотъ впереди...

— Какихъ же хлопотъ, папаша? Мнѣ кажется, вы все устроили такъ, что болѣе и хлопотать не о чемъ?

— Напротивъ, я еще только началъ.

— А что же нужно еще, папаша?

— Мало ли что! Во-первыхъ, нельзя же оставить отца и мать твоей невесты тѣмъ, что они теперь. Ты, вѣрно, не захочешь, чтобы въ обыскѣ, передъ твоимъ вѣнчаньемъ, написано было, что ты женишься на мѣщанкѣ, дочери башмачника Камынина! Я уже распорядился кой-чѣмъ еще въ Москвѣ. Василья Петровича съ семействомъ надобно записать, по-крайней-мѣрѣ, въ купцы первой гильдіи. Какъ ты объ этомъ думаешь, Викторъ?

— Да... я думаю, что это было бы излишнее, батюшка, съ небольшимъ смущеніемъ сказалъ вспыхнувшій молодой человекъ.

— Во-вторыхъ, намъ надобно заняться тѣмъ, чтобы приучить ихъ хотя нѣсколько къ порядочнымъ манерамъ, и даже разговору, не

отзывающемуся кухней и прачечной. Къ намъ, вѣроятно, будутъ ѣздить часто сосѣди... Ты не захочешь краснѣть ни передъ кѣмъ?

— Что мнѣ до свѣта и его приличій, батюшка! Я хочу быть счастливымъ по своему, на этотъ разъ съ увлеченіемъ сказалъ нашъ влюбленный.

— Вполнѣ согласенъ съ тобою, сынъ мой; но зачѣмъ же пренебрегать и свѣтомъ, въ которомъ еще долго придется жить и тебѣ, и женѣ твоей? Не вѣкъ же мы пробудемъ въ деревнѣ...

— Это правда.

— Слѣдовательно, не мѣшаетъ подумать и о будущемъ, которое еще только начинается для тебя. Жить въ столицѣ — ужь разумѣется, тебѣ нельзя будетъ послѣ твоей женитьбы...

— Отчего такъ, батюшка?

— Отчего? Очень просто: оттого, что свѣтъ слишкомъ строгъ къ неровнымъ бракамъ. Нѣкоторые дома, повѣрь мнѣ, не захотятъ даже быть съ тобой знакомы; все это, согласишься, мой другъ, не дастъ уже тебѣ надежды на значительныя связи...

— Да и ненужны онѣ мнѣ, батюшка, съ новою горячностью и, на этотъ разъ, почти съ сердцемъ возразилъ Викторъ.

— Разумѣется. Свое внутреннее счастье дороже всего.

— Я богатъ...

— Даже очень!

— Имѣю чинъ...

— Хотя очень небольшой, но конечно имѣешь.

— Слѣдовательно, могу обойтись безъ чужаго содѣйствія.

— Кто спорить. Можно найти занятія и безъ службы.

— Мы можемъ, на первый разъ, поѣхать вояжировать съ Наташей...

— Жаль только, что она не знаетъ языковъ... Но по-русски, по-крайней-мѣрѣ, она знаетъ читать и писать, Викторъ? спросилъ старикъ.

— Конечно! съ небольшою краскою и замѣшательствомъ отвѣчалъ сынъ.

— Хорошо хоть это, а то часто въ ихъ сословіи остаются и вовсе безграмотными; и это воспитаніе, какъ оно ни скудно, а все-таки дѣлаетъ честь ихъ семейству.

— Потомъ, батюшка, продолжалъ послѣ небольшого молчанія Викторъ: Наташа еще такъ молода. Я могу многое передать ей... У нея прекрасныя способности, и любя меня, она не захочетъ не воспользоваться возможностью образовать свой умъ и сердце.

— Правда, только немножко поздно.

— Отчего же поздно?

— Оттого, что въ какіе-нибудь два три мѣсяца многому не научишься.

— Но почему же вы опредѣляете именно такой короткой срокъ, батюшка?

— Потому Викторъ, что свадьба твоя будетъ, вѣрно, не позже этого срока. Надобно, чтобы къ осени ты воротился въ Москву женатымъ. Меньше будетъ толковъ и сплетенъ, да вѣрно и ты самъ не порошцешь на такую поспѣшность?

Викторъ хотѣлъ что-то отвѣчать, но не нашелся вдругъ. Въ эту минуту къ отцу его вошелъ управитель съ нужными бумагами, и интересный разговоръ долженъ былъ прекратиться.

Владиміръ Степановичъ занялся съ управителемъ нужными разчетами. Нашъ влюбленный отправился въ завѣтный флигель, къ своей возлюбленной. Одно странно: на лицѣ Владиміра почему-то не было написано яркими красками того блаженства, которымъ бы должна переполниться душа его отъ мысли скорого и безпрепятственнаго обладанія дѣвушкою, въ которой сосредоточилъ онъ все счастье своей жизни!

VII.

ПОСЛѢДСТВІЯ.

Мѣсяць прошелъ незамѣтно.

Въ-продолженіе этого мѣсяца не было, повидимому, ничего особеннаго, что мы могли бы рассказать нашему читателю, а между-тѣмъ, во взаимныхъ отношеніяхъ дѣйствующихъ лицъ нашей повѣсти, нельзя сказать, чтобы не было кой-какой перемѣны....

Перемѣна эта состояла, или лучше сказать постепенно шла, вотъ какимъ образомъ.

Владиміръ Степановичъ Златопольскій, былъ какъ нельзя лучше и съ сыномъ и со всемъ семействомъ Камыниныхъ. Онъ сдѣлалъ и продолжалъ дѣлать для нихъ всевозможныя угожденія. Викторъ проводилъ почти цѣлые дни съ своей дорогой Наташей. По цѣлымъ часамъ, а иногда и днямъ, сиживали они вмѣстѣ и читали въ глазахъ другъ у друга блаженство быть любимыми взаимно, и знать, что страсть ихъ скоро увѣнчается вожделеннымъ соединеніемъ. Они, то катались въ кабриолетѣ по окрестностямъ горликовскимъ, то гуляли въ ближнемъ лѣсу, то ловили вмѣстѣ рыбу въ большомъ прудѣ своего сада; однимъ-словомъ, они утопали въ блаженствѣ быть всегда вмѣстѣ и твердить другъ-другу *люблю*, безъ малѣйшей помѣхи съ чьей-либо стороны, и...

странное дѣло! Любовь ихъ, разумѣется, не уменьшилась ни на линію, но сказать по правдѣ, и не увеличились ни на каплю, съ-тѣхъ-поръ, какъ у этой любви отняли препятствія и страхъ будущаго а знатоки этого дѣла говорятъ, что такая примѣта очень плоха. По ихъ понятіямъ и правиламъ, любовь, если перестаетъ расти съ минуты на минуту, то ужъ это значить, что она простываетъ. Это такая лѣстница, по которой, если дойдешь до самой верхней ступеньки, и видишь, что дальше идти некуда, то по неволѣ спускаешься назадъ.... Впрочемъ, если это и неправда, то читатель на этотъ разъ пусть на меня не претендуетъ: это я говорю не свое; а самому мнѣ когда случилось быть влюбленнымъ и взбираться вверхъ по волшебной лѣстницѣ страсти, то у ней не оказывалось конца ступенькамъ, и не дойдя до самой верхней, я обыкновенно или садился отдыхать отъ усталости, или, не удержавшись на такой высотѣ счастья, падалъ, и иногда довольно больно ушибался, только ни разу смертельно, на мое счастье!

Время отъ времени начало случаться и то, что въ задушевныхъ бесѣдахъ вдвоемъ съ своей возлюбленной, Викторъ находилъ иногда разногласіе въ образѣ мыслей Наташиныхъ съ своими. Даже нѣкоторыя выраженія ея перестали ему казаться наивными, какъ прежде, и онъ считалъ за долгъ замѣчать ихъ, и даже поправлять, что очень не нравилось владычицѣ его сердца, привыкшей думать, что каждое ея слово было жемчужина, которую съ восторгомъ хваталъ на лету ея пылкій и вѣрный поклонникъ. Расходились иногда они и въ планахъ своей будущей брачной жизни, но такъ-какъ эти планы не были еще точно опредѣлены и самимъ Викторомъ, онъ не настаивалъ много ни на чемъ, и дѣла оставались въ томъ же порядкѣ.

Что касается до остальныхъ членовъ семейства Камыниныхъ, — жизнь ихъ шла какъ нельзя лучше. Пышная маменька Наташи была даже въ бдльшемъ восторгѣ, нежели дочь ея. Она рядилась на пропалюю, забывши лѣта свои; надѣлала себѣ кучу чепчиковъ, одинъ другаго страннѣе и безвкуснѣе. Матеріи для платьевъ выбирала всегда самаго яркаго цвѣта, и въ прогулкахъ своихъ блестяла, какъ радуга, всеми возможными цвѣтами. Посмотрѣть на нее было любо, какъ она, развалясь уже въ мягкихъ покойныхъ креслахъ, изволила кушать утренній свой кофе, не менѣе четырехъ чашекъ за разъ; или какъ, бывало, пойдетъ она гулять по селу подъ ручку съ Антошей Цуриковымъ! Въ саду или въ лѣсу — гулять не любила она, потому вѣроятно, что тамъ некому было любоваться на ея красивые наряды. Болѣе всего нравилось ей раскланиваться, съ приличною важностію, съ крестьянами, ихъ женами и дѣтьми; съ иными она даже вступала въ разговоръ, съ видомъ покровитель-

ства, забывающаго впрочемъ никогда своей обычной важности. Антоша Цуриковъ также очень недурно проводилъ свое время. Рисовалъ онъ, правда, мало, за то сдѣлался отличнымъ стрѣлкомъ и отчаяннымъ франтомъ. Онъ переодѣвался едва-ли не по три раза въ день. Одинъ только старикъ отецъ нашей героини проводилъ свое время не такъ весело, какъ другіе. Привычка къ работѣ и дѣятельной жизни была такъ сильна въ немъ, что потерявши ее, онъ не зналъ, что ему дѣлать съ длиннымъ лѣтнимъ днемъ, и какъ отравленная рыба метался изъ одного угла въ другой, почти въ тоскѣ отъ своего бездѣйствія. Не будь ему стыдно, и не оставь онъ въ Москвѣ своихъ башмачничьихъ инструментовъ, право онъ засѣлъ-бы хотя тихонько, точать привычные башмаки! Поневолѣ приходилусь ему искать отрады въ графинѣ съ водкой, что онъ и дѣлалъ, приговаривая: Дай хоть вышью отъ скуки! мочи нѣтъ! Не знаю, что за радость этимъ господамъ жить цѣлое лѣто въ деревнѣ? Ужъ хоть бы поскорѣе все это кончилось!

Владиміръ Степановичъ нерѣдко приглашалъ все семейство Камыниныхъ къ своему обѣду или вечернему чаю, и вотъ тутъ-то всего разительнѣе было можно видѣть и замѣшательство старика башмачника, чувствующаго, что онъ не на своемъ мѣстѣ, и смѣшную важность жены его, старавшейся показать, что ее ничто не удивляетъ, и что она давно знакома со всѣми великосвѣтскими приличіями. Самой Наташѣ, героинѣ нашей повѣсти, было какъ-то несовсѣмъ ловко въ эти минуты, несмотря на то, что Викторъ не оставлялъ ее ни на мигъ своимъ предупредительнымъ вниманіемъ. Одинъ Антоша Цуриковъ былъ тѣмъ, что онъ есть, и самъ первый смѣялся надъ собою, если ему случалось или обмолвиться тривиальнымъ словомъ, или сдѣлать какую-нибудь неловкость. Иногда онъ даже съ сожалѣніемъ или съ завистію поглядывалъ искоса на пригожую Наташу.

Въ такомъ или почти такомъ положеніи находились дѣла нашихъ горликовскихъ обитателей, до слѣдующаго обстоятельства.

Петръ Петровичъ Томильскій, старинный сослуживецъ и другъ Златопольскаго, сосѣдъ по новокупленному имѣнію, пріѣхалъ на-дняхъ, съ своею дочерью, въ свое сельцо Брянцево, и извѣстилъ письмомъ, что онъ, съ своей Катинькой, завтра же будетъ на цѣлый день къ своему старому другу и новому сосѣду.

— Миѣ нужно переговорить съ тобою, Викторъ, сказалъ Златопольскій, по прочтеніи письма, которое подано было ему за обѣдомъ, въ присутствіи всѣхъ.

— Очень радъ, папа.

— Приходи ко мнѣ въ кабинетъ, послѣ кофе, если вы не собираетесь гулять съ Натальей Васильевной.

— Дѣла прежде всего. Мы нагуляемся еще и послѣ, папаша.

— Не получили ли ваше превосходительство какого-нибудь непріятнаго извѣстія? спросила нѣсколько робко мать Наташи.

— Напротивъ, моя любезная Катерина Григорьевна. Это письмо даже, можетъ-быть, ускорить наше общее счастье, отвѣчалъ. Златопольскій.

Старикъ башмачникъ разинулъ ротъ, какъ-будто желая въ свою очередь пустить въ ходъ словцо, но почему-то остановился и только слегка махнулъ рукою. Наташа покраснѣлась, какъ роза, а Антоша Цуриковъ, смѣшавшись отчего-то, уронилъ за жилетку кусокъ жаркого. Одна Катерина Григорьевна улыбнулась торжественно и окинула значительнымъ взоромъ все собраніе, включая въ него даже и стоящихъ за стульями лакеевъ.

— Прежде всего прочти это письмо, Викторъ, сказалъ Златопольскій сыну, когда они, послѣ кофе, вошли въ кабинетъ къ нему.

Викторъ пробѣжалъ глазами письмо, и потомъ устремилъ ихъ на отца, какъ-будто спрашивая: что же изъ этого? и какую особенную важность можно придать простой дружеской запискѣ, извѣщающей о безцеремонномъ завтрашнемъ визитѣ?

— Ты напрасно думаешь, что это письмо совершенно незначительно, сказалъ старикъ, какъ бы понявшій взоръ сына.

— Что же такое, папаша?

— А то, что съ завтрашняго дня мы должны публично объявить твою помолвку съ Натальей Васильевной....

— Съ завтрашняго дня! вскрикнулъ почти съ испуганнымъ видомъ Викторъ.

— Да, сынъ мой. Ты, вѣрно, помнишь и знаешь, что Петръ Петровичъ Томильскій мой старый сослуживецъ и другъ?

— Знаю и помню, батюшка.

— Тебѣ небезъизвѣстно и то, что у него есть дочь, единственное дитя, которое осталось ему на радость жизни, послѣ потери его жены, которую онъ любилъ болѣе всего на свѣтѣ. Не въ-упрекъ тебѣ скажу Викторъ и то, что между нами давно былъ положенъ родъ условія насчетъ соединенія дѣтей нашихъ, то есть, тебя и Катерины Петровны, — старымъ сослуживцамъ и друзьямъ такъ сладка была мысль породниться со временемъ и затянуть этимъ еще крѣпче узелъ своей дружбы!... Обстоятельства расположились иначе... Твоя несчастная страсть... твоя сильная любовь, хотѣлъ я сказать, къ Натальѣ

Васильевнѣ опровергла всѣ наши планы и намѣренія... Конечно, я не ропщу на это, потому-что твое счастье мнѣ дороже всего. Мнѣ, можетъ-быть, недолго остается жить на свѣтѣ, да и для кого же мнѣ жить, какъ не для тебя, милый мой Викторушка!

У старика проступили слезы на глазахъ. Викторъ, зарыдавши, бросился въ его объятія. Долго отецъ и сынъ молчали, подавляемые различными, можетъ-быть, чувствами.

— Согласись же, мой другъ, продолжалъ старикъ, тихо освобождая себя отъ горячихъ объятій сына, что въ настоящемъ случаѣ, безчеловѣчно было бы продолжать питать несбыточные надежды въ душѣ моего стараго друга? Лучше все покончить разомъ, и извѣстить, какъ его, такъ и дочь, о томъ, что ты уже женихъ другой. Къ тому же мудрено было бы объяснить и присутствіе этого семейства здѣсь безъ чего нибудь уже совершенно-положительнаго и рѣшеннаго... И такъ, Викторъ, завтра за обѣдомъ я объявляю тебя и Наталью Васильевну женихомъ съ невѣстою, и мы въ первый разъ будемъ публично пить шампанское за ваше здоровье и будущее счастье. Теперь ступай къ нимъ и объяви эту радостную вѣсть; мнѣ нужно остаться одному и отдохнуть нѣсколько отъ настоящихъ сильныхъ ощущеній сердца.

Старикъ снова обнялъ, поцѣловалъ сына и рукою показалъ ему, чтобы онъ не медля отправлялся, куда слѣдуетъ.

Оттого-ли, что нашъ влюбленный слишкомъ разчувствовался въ разговорѣ съ отцемъ, показавшимъ ему столько нѣжности съ своей стороны, отчего ли другаго, только мудрено было найти вѣстника счастья съ такой разстроенной фізіономіей, какова была у Виктора въ ту минуту, когда онъ принесъ въ садъ, къ своей Наташѣ, извѣстіе о завтрашнемъ счастливомъ событіи.

Но — какъ одного солнечнаго луча достаточно для того, чтобы сумрачный день сдѣлать яснымъ, такъ и одного взгляда милой Наташи довольно было для того, чтобы развеять всѣ тучки, которыя повисели на челѣ Виктора.

Одно не совсѣмъ было по сердцу Виктора: на этотъ разъ невѣста его гуляла вдвоемъ съ Антошой Цуриковымъ, и очень мило хохотала, слушая какой-то рассказъ его. Не то, чтобы у Виктора въ душѣ была мысль ревновать, хотя далекое родство молодыхъ людей и могло поселить въ нихъ чувство, котораго боятся ревнивыцы; но ему всегда было непріятно видѣть Антошу подлѣ своей возлюбленной, потому-что манеры и образъ выраженія этого непризнаннаго свѣтомъ артиста слишкомъ часто напоминали бѣдную квартирку на Арбатѣ и красную вывѣску съ башмакомъ.

Сметливый Цуриковъ, увидя подходящаго Виктора, поспѣшилъ оставить Наташу, говоря, что хочетъ заняться теперь дѣломъ и идти въ свою рабочую комнату.

— Сколько разъ просилъ я тебя, милая Наташа, началъ Викторъ, подойдя къ дѣвушкѣ и взявъ ее за руку, чтобы ты избѣгала разговоровъ съ этимъ человѣкомъ? Отъ него нельзя ничего услышать, кромѣ глупаго или смѣшнаго. Его манера выражаться годится только для передней.

— Антоша очень добрый малый и любить меня, какъ родной, Викторъ, отвѣчала Наташа. У меня неостанетъ духу сказать ему: поди прочь, я не хочу говорить съ тобою!

— Вѣрно онъ болтаетъ тебѣ разныя глупости, и ты хохочешь на весь садъ. Это несовсѣмъ хорошо и прилично...

— Прежде ты любилъ, когда я смѣюсь, и говорилъ, что моя дѣтская радость радуешь тебя.

— Это такъ, но на все есть мѣра. По мнѣ, лучше гулять съ романомъ въ рукахъ, нежели бесѣдовать съ какимъ-нибудь Цуриковымъ.

— Ты знаешь, Викторъ, что я небольшая охотница до чтенія.

— Знаю и всегда жалѣлъ объ этомъ; но оставимъ этотъ разговоръ. Знаешь ли, моя милая Наташа, зачѣмъ батюшка звалъ меня послѣ кофе въ кабинетъ къ себѣ?

— Зачѣмъ?

— Онъ объявилъ мнѣ, что съ завтрашняго дня мы будемъ уже формально женихъ и невѣста. Завтра будетъ у насъ обѣдать одинъ изъ сосѣдей и друзей его, съ своею дочерью, разумѣется, и вы всѣ... это составитъ нашъ первый семейный, родной праздникъ!

— Ужъ куда какъ я не люблю гостей! сказала дѣвушка съ видимою досадою, и какъ будто пропустила мимо ушей радостную вѣсть, объявленную ей Викторомъ.

— Отчего же такъ, моя милая?

— Да оттого, что при нихъ мнѣ какъ-то неловко. Къ тебѣ и твоему панашѣ я уже привыкла, а при другихъ...

— Но вѣдь надобно же будетъ къ этому приучить себя...

— Зачѣмъ надобно, Викторъ?

— Не вѣкъ же мы будемъ жить въ деревнѣ и одни...

— А сколько разъ ты мнѣ говаривалъ, Викторъ, что ты пренебрегаешь свѣтомъ и готовъ убѣжать со мною въ пустыню, лишь бы любовь твоя была увѣнчана взаимностію? Впрочемъ и я вѣдь дика не со всѣми. Твоихъ добрыхъ знакомыхъ и товарищей, которые бывало

ѣзжали къ намъ въ Москвѣ, въ кривой переулочкѣ — я рада всегда видѣть и быть съ ними знакома.

— Но теперь совсѣмъ другое дѣло, милая Наташа.

— Отчего же другое?

— Ты моя невѣста, скоро будешь моя жена. Ты обязана поддерживать нѣкоторыя знакомства нашего дома, стараться даже понравиться имъ...

— Но надѣюсь, Викторъ Владимірычъ, что и вы, съ своей стороны, также позволите мнѣ продолжать знакомство съ нѣкоторыми изъ подругъ моихъ? немножко надувшись спросила Наташа.

— Я желалъ бы знать напередъ, кто они такія, милый другъ мой?

— Во-первыхъ, Аннета Стогова, моя задушевная пріятельница, которую ты много разъ видалъ у меня въ Москвѣ.

— Отецъ ея, помнится, портной?

— А мой башмачникъ, разница небольшая. Во-вторыхъ, Маша Птицына...

— Это кто?

— Одна прехорошенькая и превеселенькая хористка.

— Послушай, мой другъ Наташа, сказалъ на этотъ разъ почти съ досадою Викторъ: ты знаешь, какъ много я люблю тебя, следовательно, все, что я тебѣ ни совѣтую, должно клониться къ твоей, или лучше сказать, къ нашей общей пользѣ. Сколько разъ я говорилъ тебѣ, что ты должна стараться совершенно забыть тотъ кругъ, къ которому ты донинѣ принадлежала, и приучаться къ тому, въ который вступаешь. Ну, разсуди сама, прилично-ли тебѣ, сдѣлавшись моею женою, вести дружбу, или даже и простое знакомство, съ какой-нибудь портнихой или театральной хористкою?

— Но я ихъ такъ люблю, Викторъ; съ ними такъ весело всегда бывало мнѣ...

— А со мною развѣ тебѣ скучно?

— Я не говорю этого...

— Если я, полюбя тебя, охотно пожертвовалъ многимъ для этой страсти, неужели же тебѣ такъ трудно пожертвовать для меня какими-нибудь ничтожными знакомствами?

Наташа молчала и механически обрывала листики розы, которая была въ рукахъ у ней.

— Но полно объ этомъ, милый другъ, началъ послѣ небольшого молчанія герой нашъ. Поговоримъ лучше о нашемъ будущемъ. Знаешь

что? Вскорѣ послѣ нашей свадьбы, мы, можетъ-быть, уѣдемъ съ тобою далеко, далеко!

— Куда же это и зачѣмъ?

— Мы поѣдемъ путешествовать.

— Ужъ не моремъ ли?

— Да, иногда и моремъ.

— Ни за что въ свѣтъ!

— Почему?

— Я боюсь воды. На морѣ часто бури, и я не хочу утонуть.

— Это тебѣ такъ кажется теперь, — а увидишь море и пароходы, — забудешь и страхъ. Мы осмотримъ Германію, побываемъ на водахъ, потомъ пѣшкомъ походимъ по Швейцаріи, лѣто проведемъ въ Парижѣ, на зиму отправимся въ Италію...

— Помилуй, Викторъ! Да этакъ мы цѣлый годъ потеряемъ въ безпрестанной ѣздѣ — какая скука! Да развѣ тебѣ не весело со мною въ Москвѣ? Мы и тутъ будемъ жить нескучно... Въ ней, особенно зимою, такъ много удовольствій.

— Тамъ еще больше. Потомъ, воротясь, мы, можетъ-быть, поселимся въ Петербургѣ. Вѣрно тебѣ тамъ понравится лучше, нежели въ Москвѣ.

— Не думаю. Въ Петербургѣ страшно...

— Почему такъ?

— Тамъ говорятъ безпрестанныя наводненія. Того и жди, что утонешь.

— Какой вздоръ! Стыдись говорить это, моя милая. Мы будемъ тамъ наслаждаться италіанскою-оперою...

— Я терпѣть не могу оперы. Тамъ только и знаютъ, что поютъ; скука смертная. То ли дѣло водевильчики, тутъ, по-крайней-мѣрѣ, насмѣешься вдоволь.

— Будемъ ѣздить въ циркъ...

— Что такое циркъ, Викторъ?

— Тоже театръ съ ареною, гдѣ дѣлаютъ различныя эволюціи на лошадяхъ.

— Да это есть и у насъ въ Москвѣ, подъ Новинскимъ, о Святой и на масленицѣ. Вотъ это я люблю. Тутъ пресмѣшныя паясы. Какъ они ломаются, просто умора! Ужъ бывало мы хохочемъ, хохочемъ съ Анютой!

Викторъ вздохнулъ тихонько и замолчалъ. Въ первый разъ ему показалось, что возлюбленная души его слишкомъ прозаически рассуждаетъ, и никакъ не симпатизируетъ съ нимъ въ своихъ понятіяхъ.

Остальной вечеръ провелъ онъ молча и задумавшись, какъ-будто и забывши о предстоящей радости завтрашняго дня.

VIII.

ДВѢ СВАДЬБЫ.

Все сдѣлалось точно такъ, какъ было предположено. Къ обѣду пріѣхалъ Петръ Петровичъ Томильскій съ своею хорошенькою дочкою. За этимъ обѣдомъ Викторъ и Наташа объявлены женихомъ и невестою. За ихъ здоровье и счастье пили шампанское.

Этому обѣду предшествовалъ, впрочемъ, разговоръ двухъ старыхъ друзей, то есть, Владиміра Степановича Златопольскаго и Петра Петровича Томильскаго, въ отдаленномъ кабинетѣ. Разговоръ этотъ на столько важенъ для нашего повѣствованія, что мы сообщимъ его читателю.

Этотъ разговоръ между двумя старинными сослуживцами и друзьями, начала котораго, положимъ, мы не застали, продолжался слѣдующимъ образомъ.

— Все, что ты до-сихъ-поръ разсказалъ мнѣ, любезный другъ Владиміръ Степанычъ, говорилъ Томильскій, понюхивая съ разстановкою табакъ изъ массивной табакерки: такъ странно и почти невѣроятно, что я готовъ счесть это за сказку...

— А между-тѣмъ, это такъ на самомъ дѣлѣ, отвѣчалъ старикъ Златопольскій.

— И ты нынче же за обѣдомъ хочешь объявить своего Виктора женихомъ этой... этой... дѣвушки?

— Прибавь: мѣщанки и дочери башмачника!

— Что же будетъ изъ этаго?

— Увидишь.

— Однако же...

— Будетъ то, по моему расчету, что Викторъ самъ откажется отъ своей глупой страсти, пойметъ все неприличіе такого соединенія, и болѣе нежели когда-нибудь осуществитъ всѣ наши планы и надежды породниться съ тобою.

— Ты думаешь?

— Не думаю, а увѣренъ. Поди я съ самаго начала противъ этой страсти, — все дѣло было бы испорчено. На это только я и рассчитывалъ во всемъ этомъ дѣлѣ. Сблизивши молодыхъ людей здѣсь въ деревнѣ, я уже выигралъ половину дѣла. Теперь, когда Викторъ

увидить твою милую Катеньку, которая такъ измѣнилась и похорошѣла въ послѣднее время, что она составляетъ весьма разительный контрастъ съ этою, правда недурною мѣщаночкою, я твердо надѣюсь, что и остальная половина дѣла будетъ выиграна.

— Оно, если ты хочешь, въ словахъ твоихъ есть много и правды, старый другъ.

— Надѣюсь. Не даромъ же мы прожили съ тобою столько лѣтъ на свѣтѣ. Пора знать сердце человеческое.

— Правда опять, но какъ приметъ все это моя дочь?...

— Шепни ей на ушко хорошенько обо всемъ этомъ дѣлѣ... Она не откажется помочь нашимъ планамъ, особливо, если Викторъ всегда ей правился, какъ говорилъ ты мнѣ сейчасъ.

— Это такъ. Пусть будетъ по твоему. А все-таки вѣдь мы будемъ пить шампанское за обѣдомъ.

— Разумѣется, за здоровье жениха и невесты; только мы съ тобою будемъ знать, которая изъ двухъ дѣвушекъ за столомъ настоящая невеста. Вѣрь мнѣ, молодые люди послѣ сами поблагодарятъ насъ. Крутые мѣры не повели бы ни къ чему хорошему; изъ нихъ иногда выходитъ трагедія; а умная уступка и маленькое притворство всегда кончатся водевилемъ.

— Давай Богъ твоими устами да медъ пить!

— Оно такъ и будетъ.

— Ну, а что скажетъ бѣдная дѣвушка! подумалъ ли ты объ этомъ, другъ? Что, если она истинно привязана къ твоему Виктору?

— Я думалъ и объ этомъ, не безпокойся, и ее эта развязка не убьетъ. Я знаю кое-что, чего ты не знаешь... однимъ-словомъ, все кончится хорошо, даю тебѣ мое слово.

— Ну, если такъ, то и говорить нечего; я на все согласенъ, для счастья дѣтей нашихъ!

Тѣмъ и кончился пока разговоръ двухъ старыхъ друзей.

— Все сдѣлалось такъ, какъ было предположено. За столомъ Викторъ и Наташа были объявлены женихомъ и невестою. Пили шампанское за ихъ здоровье и будущее счастье; но странное дѣло: ни женихъ, ни невеста не были столько веселы, какъ надобно было ожидать! На верху блаженства была только одна маменька Наташи, на этотъ разъ разодѣтая такъ пышно и пестро, что смотрѣть на нее было больно глазамъ. Даже ни старикъ башмачникъ, ни самъ Антоша Цуриковъ, не раздѣляли, повидимому, общей веселости.

Отчего же это было такъ?

Очень просто. Оттого, что и Викторъ и Наташа начали замѣчать про себя, что они, при всей великости любви своей, во многомъ не сходятся другъ съ другомъ. Ей казалось, что онъ иногда смѣется надъ ея необразованностию и незнаніемъ свѣтскихъ приличій; что онъ уже не находитъ прекраснымъ и очаровательнымъ всего, что только относилось къ ней; что онъ какъ-то сталъ слишкомъ важенъ, слишкомъ недоступенъ для нея. Викторъ, съ своей стороны, былъ еще извинительнѣе въ своей перемѣнѣ. Постоянная жизнь съ Наташей раскрыла

ему многое, чего не имѣлъ онъ ни случая, ни возможности замѣтить въ ней, когда бывалъ у нея въ Москвѣ, только урывчатымъ гостемъ. Поэзія въ этой любви также исчезла, потому-что уступчивость отца избавила его отъ необходимости вооружаться и быть героемъ, сражаясь и съ судьбою и съ людьми за свою возлюбленную. Образъ жизни и разныя тривіальныя привычки, какъ самой Наташи, такъ и всего ея семейства, подъ часъ выводили его изъ себя. Ограниченность понятій, и почему не сказать, даже нѣкоторыя смѣшныя и пошлыя фразы въ разговорѣ ея, заставляли его часто краснѣть... Согласитесь, что со всеми этими данными мудрено быть веселымъ человѣку, какъ-бы онъ ни былъ влюбленъ. Добрый старикъ, отецъ Наташи, не былъ веселъ, можетъ-быть, оттого же самаго: онъ инстинктивно понималъ, что русскія пословицы: «знай сверчокъ свой шестокъ», и «не въ свои сани не садись» весьма справедливы и какъ разъ приходится къ настоящему положенію дѣлъ. Антоша Цуриковъ былъ невеселъ оттого... Но къ чему намъ объяснять мысли и чувства каждаго изъ дѣйствующихъ лицъ нашей повѣсти? Развязка покажетъ все.

Томильскіе пробыли не только весь день въ Горлинкахъ, но, по усиленной просьбѣ хозяина, безъ церемоній остались погостить здѣсь на двѣ недѣли; тѣмъ болѣе, что у нихъ въ деревнѣ домъ, гдѣ они помѣщались, теперь передѣлывался почти заново, и они должны были временно тѣсниться въ маленькомъ боковомъ флигелѣ.

Старики проводили все свое время почти вмѣстѣ, то въ кабинетѣ, за разговорами, то въ осмотрѣ различныхъ деревенскихъ хозяйственныхъ заведеній. Викторъ, какъ второй хозяинъ въ домѣ, обязанъ былъ, изъ учтивости, заняться милою гостью, Катериной Петровной.

А гостя была именно милая!

Въ Катеринѣ Петровнѣ не было истинной классической красоты, но было то, что лучше самой красоты, и что такъ трудно опредѣлить, а еще труднѣе описать въ женщинѣ. У нея было одно изъ тѣхъ лицъ, которыя не поражаютъ васъ съ перваго раза; но по мѣрѣ того, какъ вы вглядываетесь въ это лицо — вамъ уже становится трудно отвести отъ него глаза. Прибавьте къ этому утонченную образованность свѣтской дѣвушки, благородный тонъ и мягкія формы во всѣхъ дѣйствіяхъ, поступкахъ и словахъ; живой и всегда веселый характеръ, умѣнье держать себя и одѣться къ лицу, — и согласитесь послѣ всего этого, что такая гостя не могла не бросить слишкомъ рѣзкой тѣни на необразованную, хотя и хорошенькую, въ свою очередь, Наташу.

Впрочемъ надо отдать честь Катеринѣ Петровнѣ. Она была очень мила и ласкова съ невѣстою Виктора; но отчего-то та сама безпрестанно отдалялась отъ нея, какъ-будто отъ заклятаго врага своего... Ужъ не было-ли это инстинктивнымъ чувствомъ соперничества между двумя молодыми и прекрасными дѣвушками? Въ разговорахъ съ Викторомъ, Катерина Петровна была также очень ласкова и свободна, тѣмъ болѣе, что онъ уже былъ женихомъ другой, слѣдовательно, обращеніе съ нимъ позволяло большую вольность. Если мужчина не мо-

жетъ быть женихомъ дѣвушки, она уже начинаетъ съ нимъ обращаться, какъ съ своею подругою.

Въ прогулкахъ по саду или въ сосѣднемъ лѣсу, всегда какъ-то случалось такъ, что старики уходили впередъ, Викторъ шель съ Катериной Петровной, а Наташу провожалъ Антоша Цуриковъ.

— Послушайте, Викторъ Владиміровичъ, говаривала, смѣясь, Катерина Петровна своему кавалеру: вы слишкомъ нелюбезны для молодого человѣка, въ особенности для жениха...

— Отчего такъ, Катерина Петровна!

— Зачѣмъ вы ходите безпрестанно со мною, а не съ нею?

— Но если мнѣ веселѣе съ вами?

— Шутите!

— Совершенно нѣтъ, я говорю правду.

И при этихъ словахъ отчего-то Катерина Петровна вспыхивала, а Викторъ задумывался и молчалъ упрямо во все время остальной прогулки, искоса поглядывая только на свою невѣсту съ Цуриковымъ, и какъ-будто говоря въ извиненіе самому себѣ: ну что-жь? вѣдь и ей значить весело-же съ Антошей!

Двѣ недѣли пребыванія Томильскихъ въ Горлинкахъ пролетѣли быстро. Наканунѣ отъѣзда гостей старикъ Златопольскій сказалъ сыну, что онъ желалъ-бы знать положительно, когда назначить день его свадьбы съ Наташей, для извѣщенія объ этомъ своего друга и сосѣда.

Слово: *свадьба*, какъ будто испугало Виктора: онъ почти вздрогнулъ....

— Но развѣ это необходимо сдѣлать такъ скоро, батюшка? съ замѣшательствомъ спросилъ онъ у отца.

— Чѣмъ скорѣе, тѣмъ лучше; я думаю и ты самъ не имѣешь ничего возразить противъ этого? И такъ, когда-же ты думаешь?

— Батюшка, позвольте мнѣ на этотъ вопросъ отвѣтить вамъ завтра утромъ.

— Почему-же не сегодня? Завтра Томильскіе уѣзжаютъ и я хотѣлъ-бы....

— Они уѣзжаютъ послѣ обѣда, а завтра утромъ вы услышите мое рѣшеніе, батюшка, сказалъ уходя Викторъ.

Старикъ улыбнулся, оставшись одинъ, и весело потиралъ руками, какъ человѣкъ, видящій счастливое окончаніе дѣла, долго не шедшаго на ладъ.

Викторъ на этотъ разъ отправился во флигель, гдѣ жило семейство Камыниныхъ и....

Но уже досказывать-ли остальное, и входить-ли въ ненужныя подробности? Нѣтъ ничего скучнѣе для читателя, какъ ненужныя длинноты; особенно, когда онъ самъ угадалъ развязку.... не правда-ли?

Да и грустно какъ-то описывать въ жалкихъ подробностяхъ потухающую страсть, которая такъ недавно казалась вѣчною и безграничною; и какъ на развалинахъ ея возникаетъ новая страсть.... А будетъ-ли и она вѣчною, Богъ знаетъ!

Доскажемъ остальное коротенько.

Вмѣсто одной свадьбы- вышли двѣ, какъ видѣлъ читатель изъ заглавія этой главы. Викторъ Владиміровичъ женился на Катинькѣ Томильской, а Наташа Камынина... вышла за Антошу Цурикова.

Не подумайте, чтобы все это было сдѣлано потому, что уже нельзя было иначе поступить. Нѣтъ, совсѣмъ напротивъ, этою развязкою удовлетворялось общее задушевное желаніе.

И Викторъ и Наташа поняли, что они не должны были принадлежать другъ-другу, и что будущее не сулило имъ счастья въ жизни, по различію ихъ сословій и степени образованія. Катерина Григорьевна утѣшилась тѣмъ, что все-таки у ея дочки остался прекрасный домъ въ Москвѣ, гдѣ ей дано будетъ право хозяйничать, чего-бы натурально не было при бракѣ Наташи съ Златопольскимъ. Къ тому-же старикъ, отецъ Виктора, обѣщаль сдѣлать съ своей стороны хорошее приданое для Наташи и устроить выгодно судьбу ея будущаго зятя. Старикъ башмачникъ былъ веселъ болѣе всѣхъ. Ему даны будутъ теперь средства увеличить объемъ своего мастерства, взять себѣ парудругую подмастерьевъ, и открыть уже не лавочку, а магазинъ женской обуви.

Первыя двѣ пары бѣлыхъ атласныхъ башмаковъ обѣщаль онъ сдѣлать двумъ невѣстамъ.

Викторъ и Катинька... Но что говорить о нихъ много? Когда-же бываютъ не на верху земнаго счастья женихъ съ невѣстою, особливо, если ихъ любовь благословлена и ихъ родителями, и одобрена свѣтомъ?

Старики, Златопольскій и Томильскій, скрѣпили наконецъ узелъ дружбы давно желаннымъ родствомъ.

— Ну, не правда-ли, что я хорошо знаю сердце человѣческое? говорилъ, съ обыкновенною своею добродушною улыбкою, старикъ Златопольскій своему другу.

— Но это была не такая любовь... возражалъ ему Томильскій, не зная, чѣмъ кончить фразу.

— Нѣтъ любовь была точно такая-же, какъ и всегда бываетъ, но коварство-то противъ нея было другаго рода, и едва-ли оно не лучше и умнѣе того, которое употребляя прежде.

М. Воскресенскій.

СТИХОТВОРЕНІЯ.

ПУСТЫНЯ.

АРАБСКАЯ КАСИДА ВЪ ЧЕСТЬ НАБЪЗДНИКА. *

Какъ легкій чолнъ, съ утеса убѣгая,
По зеркалу лазурныхъ водъ скользить,
И веслами кристаллы волнъ лаская,
Лебяжью грудь подъемлетъ и летить;
Такъ бедуинъ съ крутой скалы бросаетъ
На степь коня, и вороной летунъ

* Касида — похвальная пѣсня.

Въ песчаной безднѣ съ шумомъ утопаетъ,
Какъ въ руслѣ водъ расплавленный чугунокъ...

Мой конь плыветъ, песчаная равнина
Шумить—кипитъ подъ персями дельфина.

Все быстрѣе, все быстрѣй
Пыль кремнистую взрываетъ!
Все сильнѣе, все сильнѣй,
И надъ пылью самъ взлетаетъ!

Мой вороной, что туча, кроетъ ниву,
Звѣзда чела звѣздой зари блеститъ,
По вѣтру кинулъ страусову гриву,
И молніи летятъ изъ—подъ копытъ....

Мчись, летунъ мой бѣлоногій,
Горы, дебри, прочь съ дороги!

Напрасно пальма молодая
Меня подъ тѣнь свою зоветъ.
Я мчусь, ее не замѣчая,
И со стыдомъ, въ нависшій сводъ
Садовъ оазиса скрываясь
И надъ безумцемъ издѣваясь,
Зеленокудрая бѣжитъ
И гордой листвою шумитъ!

Съ границъ пустынь холмы сторожевые
Въ меня вперяютъ изумленный взглядъ,
И разнося раскаты громовые
Копытъ коня, за мною говорятъ:

«О, безумецъ, что онъ гонитъ!
Тамъ отъ стрѣлъ горячихъ дня
Куца пальмы не схоронитъ
Ни араба, ни коня!
Не схоронятъ буйныхъ сѣни

Бѣлопарусныхъ шатровъ,
Тамъ шатры лишь горь ступени,
Да намѣты облаковъ....

Только скалы тамъ ночуютъ,
Только звѣзды тамъ кочуютъ!....»

Напрасныя, напрасныя преграды!
Я удвою быстрый бѣгъ коня,
И съ ужасомъ пустынный громады
Смыкаются, несутся отъ меня

И спрячутся дрожащей чередой
За бѣлою, песчаной пеленой....

Я лечу, я чуждъ тревоги,
Мчись, летунъ мой бѣлоногій,
Горы, дебри, прочь съ дороги!

—

Заслышалъ насъ орелъ степей, заалкалъ
Плѣнить араба въ полѣ, клювъ раскрылъ,
Ударилъ крыльями, мой лобъ обвилъ
Тройнымъ зловѣщимъ кругомъ и закаркалъ:

«Слышу, слышу, будутъ мертвецы,
Конь и всадникъ — дерзкіе глупцы!
Всадникъ ищетъ здѣсь дороги,
Ищетъ пашни бѣлоногій....
Стойте, стойте, кто попалъ
Въ эту бездну, тотъ пропалъ!
Не конямъ луга пустыни,
Тѣ луга пасутъ лишь змѣй;
По дорогамъ дали синей
Ходитъ вѣтеръ лишь степей —
Онъ и сѣетъ, онъ и коситъ,
И слѣды съ собой уноситъ!...

Только скалы тамъ ночуютъ,

Только коршуны кочуютъ!»....

Я лукъ напругъ, я местию распалился,
Орель едва чернѣлъ ужъ надо мной,
Голубкою, касаточкой, пчелой,

И наконецъ, въ лазури растопился!

Мчись, летунъ мой бѣлоногій,
Горы, дебри, прочь съ дороги!

—

Вотъ изъ-подъ солнца тучка заревая
Оторвалась, лазурною тропой
Меня на крыльяхъ бѣлыхъ обгоняя,
Закудрилась, повисла надо мной,
Перелетѣть араба захотѣла
И такъ съ небесъ мнѣ грозно зашумѣла:

«Безумецъ, куда ты?
Въ томъ краѣ во-вѣкъ
Не сыщеть прохлады
И сна человѣкъ....
Отъ жажды изноютъ
Рамѣна бойца;
Дожди не омоютъ
Больнаго лица!
На лонѣ зеленомъ
Подъ сѣнью вѣтвей,
Серебрянымъ звономъ
Не плещетъ ручей....
И чуть пролетаетъ
Роса надъ землей,
Ее пожираетъ
Губительный зной!»

Напрасныя угрозы! Козь несется,
Соперница поникла головой,

Летить, дрожить, изъ силъ послѣднихъ бьется
И падаетъ безъ жизни надъ скалой.

Съ презрѣньемъ взглядъ я за собой бросаю,
И взглядомъ къ ней я въ сердце проникаю,

И вмигъ, на цѣлый небосклонъ,
Я отъ нея ужъ унесенъ!

И вижу я, какъ вся она краснѣетъ
Отъ злости, какъ она взмываетъ прахъ,
И желчью зависти облившись, зеленѣетъ,
И почернѣвъ, какъ трупъ, скрывается въ горахъ ...

Мчись, летунъ мой бѣлоногій,
Тучи, скалы, прочь съ дороги!

Я гляжу кругомъ пустыни,
Я пронзаю воздухъ синій,
Ни за мной, ни надо мной —
Нѣтъ погони больше злой!
Степь молчить, молчить и дремлетъ,
И спокойно средь песковъ
Звуки незванные внемлетъ
Человѣческихъ шаговъ!
И молчатъ кругомъ стихіи,
Какъ незлобивыхъ звѣрей
Стадо дикое, впервые
Увидавшее людей....

И что же?.... Я не первый средь пустыни!
Гляжу.... Какихъ-то лицъ облѣтеть грозный рядъ
И высятся песчанная твердыни....
Я къ нимъ — они стоятъ, зову — они молчатъ!

Молчатъ и коии, и бойцы,
На горахъ пепла мертвецы!

И дремлетъ караванъ забытый

Степными вѣтрами отрытый...
 На остовахъ верблюдовъ и коней
 Скелеты высохшихъ людей
 Сидятъ недвижною толпою;
 Сквозь щели глазъ и желтыхъ щѣкъ
 Пустынный точится песокъ
 Сребристо-бѣлою струею....

И шепчетъ такъ разрытый караванъ:

«Стой, стой, гонецъ безумный,
 Въ краѣ томъ лишь вѣчно-шумный
 Ходить-бродить ураганъ!»

Я лечу — я чуждъ тревоги,

Мчись, летунъ мой бѣлоногій,
 Трупы, вихри, прочь съ дороги!

Пустынный ураганъ, всѣхъ вихрей вождь кичливый,
 Властительно гулялъ по дали молчаливой,
 Завидѣлъ вдругъ меня, подумалъ, поглядѣлъ,
 И, закружась на мѣстѣ, злобно зашумѣлъ:
 «Что тамъ за дерзкій рабъ изъ вихрей, мнѣ покорныхъ?
 Какъ смѣетъ онъ топтать слѣдами стоишь позорныхъ
 Тѣ страны, гдѣ отъ вѣка я одинъ
 И смѣлый стражъ, и грозный властелинъ?»

Сказалъ, ударилъ о землю ногой
 И пирамидой кинулся за мной,
 Усѣялъ степь кремнистыми скалами
 И словно грифъ, рванулъ меня когтями,

Дыханьемъ билъ и сожигалъ,
 Крыломъ вздымая прахъ летучій,
 И насыная цеpla кучи,
 То вверхъ, то внизъ меня кидаль....

Напрасно! Я хватаю смѣло

Его песчанистое тѣло,
Его запанцыренный стань!
Мечусь во прахъ, торжествую,
Грызу, терзаю, четвертую,
И слышу.... стонеть ураганъ!

Вотъ онъ въ рукахъ моихъ забился,
Всей силой прынулъ къ небесамъ,
Не вырвался и лопнулъ пополамъ,
Въ песчаный ливень превратился,

И какъ твердынь громадно-грозный валъ,
Къ ногамъ моимъ безъ жизни палъ!

—

Я отдохнулъ! Я къ небу чудной ночи
Самодовольный взоръ
Простеръ,
И звѣздъ плѣнительно-задумчивыя очи,
Чуть теплясь въ горней вышинѣ,
Съ улыбкою мерцали мнѣ!

Я былъ одинъ, одинъ въ пустынѣ цѣлой!...
Какъ сладко мнѣ теперь расправить тѣло
И жизнь кипучую вдохнуть
Въ мою истерзанную грудь!

Едвали всѣхъ вѣтровъ теперь довольно,
Чтобъ надышаться мнѣ привольно....

Какъ сладко въ небо синее глядѣть,
Глядѣть и на конѣ стрѣлой летѣть!

Мой взоръ напрягся такъ далеко,
Такъ далеко и высоко,

Что мнится, видитъ больше онъ,
Чѣмъ обнимаетъ небосклонъ....

Какъ сладко вдаль объятья простирать!

Я ихъ простеръ, и чудится, какъ мать,
И небеса, и дремлющую землю
Я въ сладкомъ трепетѣ объемлю !

И вотъ въ родимые края
Летитъ стрѣлою мысль моя,
Летитъ, летитъ и утопаетъ,
И въ мирныхъ кущахъ исчезаетъ...

И какъ пчела, цвѣтокъ пронзивъ
И жало въ ранѣ утопивъ,

Съ нимъ вмѣстѣ жизнь свою хоронитъ —

Моя душа во слѣдъ за ней
Летитъ изъ дремлющихъ степей,

Летитъ — и въ тмѣ безмолвной товетъ! —

Гр. Данилевскій.

ГОСПОЖА ДЕ-ЛИНАНЪ.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ.

ОБОРОТЪ МЕДАЛИ.

Эрнестъ Мейранъ полагалъ, что ему не мѣшаетъ посоветоваться съ г-жею Ренонкуръ, которая была его сообщницей; ихъ корыстные виды были такъ тѣсно связаны, что они не могли разстаться безъ нѣкоторыхъ предварительныхъ соглашеній. Притомъ, Эрнестъ рассчитывалъ на свою часть въ выигрышныхъ деньгахъ.

— Раздѣлъ этотъ будетъ трудненько привести къ концу, — думалъ Эрнестъ, — потому-что Олимпія не легко выпускаетъ изъ рукъ, что она разъ захватила; но дѣйствуя искусно—и настойчиво я возьму свое.

Эрнестъ, несмотря на свою усталость, отправился въ кофейную и, усѣвшись въ уголокъ, велѣлъ подать себѣ котлетку и бутылку вина. Закусивъ, онъ прислонился къ стѣнѣ, протянулъ ноги на стулъ, и заснулъ глубокимъ сномъ. Сперва онъ спалъ тихо; но потомъ мрачныя сновидѣнія его встревожили... онъ волновался, произносилъ несвязныя слова, и трактирный мальчикъ принужденъ былъ его разбудить.

— Не желаете-ли, сударь, еще чего-нибудь?

Эрнестъ расплатился и вышелъ изъ кофейной. Онъ спалъ три часа. Сонъ его подкрѣпилъ, усталость исчезла. Однако, вмѣсто того, чтобы, по обѣщанію своему, отправиться къ Леону, который открывалъ ему единственный путь къ спасенію, онъ направилъ шаги свои къ улицѣ Монъ-Таборъ.

Эрнестъ засталъ г-жу Ренонкуръ уже совершенно готовою идти со двора.

— А Эрнестъ, сказала она, обращаясь къ молодому человѣку.

— Я къ тебѣ съ просьбою. Я знаю у тебя есть деньги...

— У меня столько денегъ, чтобы избрать приличный родъ жизни и спастись отъ совершенной погибели; теперь мнѣ необходимо жить правильно, потому-что имя мое на дурномъ счету.

— Что-же ты хочешь предпринять?

— Заняться торговлею.

— Прекрасная мысль, открой ресторацію: это выгодно! Я буду сгонять къ тебѣ всю молодежь.

— О! нѣтъ, Эрнестъ, я хочу открыть магазинъ.

— Чтобы черезъ годъ или два совсѣмъ обанкротиться.... замѣтилъ Эрнестъ.

— Вовсе нѣтъ, а для того, чтобы честнымъ образомъ нажить деньги и безбоязненно показывать мои книги, при первомъ востребованіи. Впередъ я хочу, чтобъ дѣла мои были чисты. Надобно все испытать, Эрнестъ. Ну, а ты что думаешь дѣлать?

— Вообрази, отецъ мой утонулъ и оставилъ мнѣ одни долги; а ты знаешь, у меня нѣтъ паркетовъ, подъ которыми бы я пряталъ банковые билеты.

— Оттого-то я тебя и спрашиваю, что ты думаешь предпринять?

— Я иду въ волонтеры.

— Какъ? просто, по своей волѣ? глупо! — воскликнула г-жа Ренонкуръ, — отчего не пойти, но только надо, чтобъ это принесло деньги.

— Какъ?

— Очень просто. Развѣ мало маменькиныхъ сынковъ, которые на рекрутской очереди? Они охотно дадутъ пять или шесть тысячъ франковъ, если ты согласишься пойти за нихъ на службу.

Эта блестящая мысль доказала Эрнесту, что Олимпія была гораздо искуснѣе его, или, какъ говорится положительнѣе, т. е. что въ ней преобладалъ практическій духъ.

— И въ-самомъ-дѣлѣ! отвѣчалъ онъ, я послѣдую твоему совѣту. А покажѣсть, одолжи мнѣ сто франковъ.

Г-жа Ренонкуръ уставила глаза въ потолокъ и потомъ посмотрѣла на Эрнеста.

— Что вы говорите, Эрнестъ?

— Я говорю: одолжи мнѣ сто франковъ на нѣсколько дней.

— На нѣсколько дней! отвѣчала Олимпія, пожавъ плечами, какъ будто я не знаю, что это значить. Если у меня остались деньги, такъ онѣ мнѣ самой нужны. Я должна нанять магазинъ и купить товару.

— У тебя есть банковые билеты, въ красномъ сафьянномъ бумажникѣ, который я-же и подарилъ.

— Всего два, одинъ въ тысячу, другой въ пятьсотъ франковъ.... Но кстати, постой... Я, пожалуй, одолжу тебѣ...

Г-жа Ренонкуръ вынула изъ письменнаго стола бумажникъ и стала перелистывать въ немъ бумаги.

— Ты просишь триста франковъ, Эрнестъ?

— Триста, пятьсотъ, сколько можешь.

Г-жа Ренонкуръ вынула изъ бумажника какую-то бумагу и передала ее Эрнесту.

— Вотъ, сказала она, здѣсь пятьсотъ франковъ...

Эрнестъ взялъ бумагу, развернулъ ее: это былъ его собственный вексель. Онъ изорвалъ его въ клочки.

— Если ты только это можешь мнѣ дать, такъ другаго употребленія изъ этаго одолженія я сдѣлать не умѣю.

— Кчему же было рвать, возразила Олимпія: все-таки я дала тебѣ пятьсотъ франковъ, которые ты мнѣ былъ долженъ; а кто знаетъ, можетъ-быть, ты еще и разбогатѣешь... Прощай, Эрнестъ.

— Куда-же ты, Олимпія? спросилъ Эрнестъ, едва подавляя свою злость.

— Мнѣ некогда. Иду хлопотать о дѣлѣ. Прощай. Только пожалуйста, береги деньги, когда достанешь, потому-что на полу ихъ не подымешь....

— Да, а на дружескую помощь надѣяться нечего! грубо замѣтилъ Эрнестъ.

Г-жа де-Ренонкуръ, казалось, не дослышала послѣдней эпиграммы и даже не обратила вниманія на дурное расположеніе духа Эрнеста; она вышла изъ дому и отправилась къ молодой торговкѣ, содержавшей модный магазинъ.

Магазинщица Милле искала охотниковъ, кому-бы сдать свою торговлю за наличныя деньги. Г-жа Ренонкуръ продала свои мебели, брилліанты, и въ теченіе нѣсколькихъ дней сдѣлалась полною хозяйкою магазина подъ фирмою *Золотой мотокъ*. Она такъ искусно распорядилась, что, за всѣми издержками, у ней еще осталось нѣсколько банковыхъ билетовъ.

Никогда, казалось, превращеніе не могло быть такимъ полнымъ, удачнымъ: Олимпія сдѣлалась, какъ большая часть торговокъ, дѣятельна и разчетлива. Съ одинакой привлекательною улыбкою продавала она свой товаръ и нянѣкъ, и горничной перваго и третьяго этажа; выхваляла свои вещи съ поразительнымъ искусствомъ, мѣрила аршиномъ такъ ловко, какъ-будто цѣлый вѣкъ этимъ занималась, а вечеромъ сидѣла, согнувшись

надъ счетными книгами и выводила итоги, нехуже любого бухгалтера. Благодаря ея стараніямъ, *Золотой мотокъ* привлекалъ пскупателей. Всѣ выхваляли умъ и ловкость новой хозяйки, такъ, что очень скоро она приобрѣла кредитъ, въ которомъ, впрочемъ, мало нуждалась.

Всѣ люди не лишены отъ природы тѣхъ качествъ, которыя, при правильномъ направленіи, открываютъ дорогу къ счастью и достатку; надо только попасть на тотъ путь, на которой призываютъ насъ наши способности. Сдѣлавшись торговкою, г-жа Ренонкуръ, имѣя въ виду честный барышъ, должна была только правильно слѣдовать разъ принятому образу жизни, чтобы совершенно удалиться отъ гибели, которая угрожала ей еще за нѣсколько мѣсяцевъ.

Эрнестъ вышелъ отъ г-жи Ренонкуръ, унося въ сердцѣ гнѣвъ и досаду.

Между тѣмъ, онъ и не думалъ зайти домой. Дни и вечера проводилъ онъ въ игорныхъ и билліардныхъ домахъ, и если ему иногда случилось сдѣлать удачной карамболь или счастливый дублетъ, то онъ могъ надѣяться — пообѣдать. Гдѣ его заставала ночь, тамъ онъ и ночевалъ, войдя въ первую попавшуюся гостиницу. Онъ совершенно забылъ о существованіи Леона, не потому однакожъ, что раздумалъ идти въ волонтеры; но потому, что ему хотѣлось воспользоваться совѣтомъ г-жи Ренонкуръ и извлечь изъ этаго выгоду. Казалось, человѣку его лѣтъ и сложенія нельзя было долго затрудняться въ этомъ отношеніи, между-тѣмъ, на дѣлѣ было не такъ. Всякій отецъ семейства, нанимая замѣстителя сыну, обращалъ строгое вниманіе на свой выборъ, стараясь узнать о поведеніи человѣка, съ которымъ вступалъ въ условіе, даже иногда требовалъ аттестатовъ, потому-что, по законамъ, тотъ, кто представлялъ замѣстителя, отвѣчалъ за него въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ. Всѣ эти требованія представляли Эрнесту большія затрудненія. Дѣло длилось; а между-тѣмъ, Эрнестъ велъ цыганскую жизнь. Разъ счастье ему улыбнулось: онъ выигралъ значительный кушъ. Тотчасъ-же онъ заказалъ себѣ платье у перваго портнаго въ Парижѣ, купилъ бѣлья, и тутъ ему пришла на мысль Жюльетта. Что-то она подѣлываетъ? Любитъ ли его попрежнему? Чему приписываетъ она его долгое отсутствіе?

Онъ такъ отсталъ отъ общества, что даже не зналъ о томъ, что Жюльетта вышла замужъ. Онъ отправился къ ней. Ворота Жюльеттина дома были отворены и на дворѣ стоялъ Пикарь, съ кнутомъ въ рукѣ, меланхолически посматривая, какъ Жоржъ чистилъ пару откормленных лошадей.

— Г. Эрнестъ! воскликнулъ кучеръ, замѣтивъ молодого чловѣка, — Ахъ, сударь, у насъ въ домѣ большія перемѣны.

— Что же случилось, Пикарь? Могу ли я видѣть г-жу Норбертъ?

— Какъ сударь, да развѣ вы не знаете, что наша барыня за мужемъ?

Эрнестъ принялъ задумчивый и печальный видъ; онъ устремилъ глаза къ небу, и объяснилъ Пикару, что г-жа Норбертъ сама объявила ему о намѣреніи своемъ выйти замужъ за Линана, и что это обстоятельство, равно какъ и внезапная смерть отца, такъ его поразили, что онъ на нѣсколько недѣль уѣзжалъ изъ Парижа, а потому немудрено, что не зналъ ничего о свадьбѣ.

— Увы! сударь, все уже кончеео... отвѣчалъ Пикарь: — Представьте себѣ, разъ вечеромъ мы всѣ были у виноторговца Варенна.. Г. Линанъ вдругъ передъ нами явился какъ изъ-подъ земли; онъ былъ блѣднѣе вашего бѣлья, и тутъ-то онъ арестовалъ вора...

— Вора!

— Да, сударь, вора, Жана Пико; это ужъ другая исторія: оттуда онъ отправился почти въ полночь къ нашей госпожѣ, выслалъ изъ комнаты Клодину, которая теперь за Варенномъ, и заколдовалъ нашу барыню, да, сударь, заколдовалъ...

Улыбка недовѣрчивости мелькнула на губахъ Эрнеста; кучеръ продолжалъ съ одушевленіемъ:

— Иначе, какъ объяснить все это? Черезъ недѣлю госпожа наша вышла за Линана, за того самаго Линана, котораго не пускала къ себѣ на глаза, въ продолженіе двухъ лѣтъ, котораго ненавидѣла и наконецъ, какая свадьба, сударь: ночью, во время страшной грозы! Говорятъ, что во время обряда чуть стѣны не обрушились.

— Нельзя-ли мнѣ поговорить съ Клодиной; она навѣрное какъ-нибудь доставитъ мнѣ случай увидѣться съ г-жею Линанъ?

— О, разумѣется. Клодина живетъ съ мужемъ, тутъ напротивъ почти, въ погребкѣ Au bon coing. Вамъ стоитъ перейти улицу, вы ее увидите; только не говорите съ нею слишкомъ много, Вареннъ ревнивъ, это его единственный недостатокъ.

— Но скажи мнѣ откровенно, гдѣ теперь твоя госпожа?

— У министра внутреннихъ дѣлъ; съ-тѣхъ-поръ, какъ вышла за мужъ, она оттуда не выѣзжаетъ.

— А мужъ ея?

— О! тотъ въ Родезѣ; онъ сдѣланъ префектомъ департамента, и вообразите, какого департамента! гдѣ родятся самыя лучшія лошади.

Эрнестъ ушелъ, очень недовольный извѣстіями, которыя ему пере-

далъ кучеръ. Болѣе всего его беспокоило, что Жюльетта у министра; тамъ она могла узнать о его дурномъ поведеніи. Но онъ ошибался. Жюльетта ничего не знала объ его отставкѣ. Она думала, что Эрнестъ самъ избѣгаетъ свиданія съ нею. Часто, сидя подь окномъ, она смотрѣла на чиновниковъ, которые сновали взадъ и впередъ по министерскому двору.

— И онъ, вѣрно, между ними, — думала она, — можетъ-быть, сидитъ за этой зеленой занавѣской, которая такъ волнуется во второмъ этажѣ... онъ вѣрно мечтаетъ обо мнѣ, онъ меня любитъ... считаетъ меня измѣнницей, и онъ правъ.

Жюльетта не была влюблена въ Эрнеста; она не питала къ нему положительной страсти; она только предпочитала его другимъ. Однако, ненависть ея къ Линану была такъ сильна, что въ противоположность съ этимъ послѣднимъ чувствомъ, предпочтеніе, которое она оказывала Эрнесту, уже походило на чувство, гораздо болѣе нѣжное.

— Онъ умретъ съ горя! — говорила она, — такъ гибнуть всѣ, когд я люблю; одинъ былъ жертвою дуэля, другой пропадетъ отъ сердечнаго страданія; а я, по эгоистическому разсчету, рѣшилась отдать свою руку ненавистному человѣку, и какъ-будто, на зло Эрнесту, должна служить ступенью къ счастію Линана.

Эти мысли были тѣмъ безотраднѣе для Жюльетты, что она ни съ кѣмъ не могла ихъ раздѣлять; она не могла открыть своего сердца г-жѣ С***, и притомъ, тяжкая обязанность принуждала ее ѣхать въ Авейронскій департаментъ.

Такимъ-образомъ, Жюльетта уѣхала изъ Парижа, сохраняя въ сердцѣ расположеніе къ Эрнесту.

II.

ЗАЕМЪ И КРЕДИТОРЪ.

Счастіе игроковъ непрочное: если въ ихъ рукахъ, какъ выражается одинъ французскій поэтъ, мѣдь превращается въ золото, такъ зато часто и самое золото превращается у нихъ въ пыль и прахъ. Эрнестъ испыталъ эти превратности; счастье перемѣнилось, и вскорѣ онъ увидѣлъ себя въ необходимости прибѣгнуть къ займамъ. Въ игорныхъ домахъ того времени всегда были люди, которые очень благосклонно предлагали деньги въ случаѣ нужды, и за это одолженіе брали только огромные проценты — едва не сто на сто. Эрнестъ обратился къ одному изъ этихъ ростовщиковъ, по имени Фрето. Фрето этотъ вовсе не былъ изъ числа

тѣхъ плѣшивыѣ и тощихъ ростовщиковъ, какихъ представляютъ на театрѣ и на картинахъ, напротивъ, это былъ человекъ лѣтъ тридцати шести, высокаго роста, здоровый, котораго гордый и наглый взглядъ внушалъ невольный страхъ каждому, кто къ нему обращался. Фрето выдавалъ себя за отставнаго военнаго; онъ, дѣйствительно, былъ квартирмейстромъ въ полку, но потерялъ мѣсто за какіе то недочеты въ полковыхъ суммахъ, бывшихъ у него на рукахъ. Искусно владѣя саблею, онъ еще искуснѣе стрѣлялъ изъ пистолета и, какъ говорили, въ пятидесяти шагахъ попадалъ пулею въ туза. Эрнестъ, обратившись къ Фрето, отвелъ его въ другую комнату.

— Послушайте, — сказалъ онъ, — мнѣ сказывалъ одинъ пріятель, что въ нуждѣ можно смѣло къ вамъ обращаться и что вы не отказываете честнымъ людямъ въ деньгахъ.

— Это правда, я никогда не отказываю, — отвѣчалъ Фрето, — ужъ это у меня въ характерѣ. — А что, вамъ вѣрно нужны деньги?

— Да, я хотѣлъ было....

— Очень радъ пособить этому горю; мой кошелекъ открытъ для всѣхъ добрыхъ людей.

Эрнестъ ожилъ: онъ разсыпался въ благодарностяхъ и въ большомъ волненіи пожалъ руку Фрето.

— Сколько вамъ нужно? — спросилъ Фрето.

— Тридцать наполеоновъ, — отвѣчалъ Эрнестъ.

— Это ничтожная сумма, — замѣтилъ Фрето, — вы честный человекъ?

— О, на счетъ этого....

— Хорошо! — отвѣчалъ Фрето, — Видите-ли, я самъ честенъ и потому хочу имѣть дѣло только съ честными людьми: ужъ это у меня въ характерѣ. Фрето опустилъ руку въ карманъ.

— Какъ васъ зовутъ?

— Эрнестъ Мейранъ.

— А когда, г. Эрнестъ Мейранъ, вы думаете отдать мнѣ деньги?

— Я каждый день жду полученія.

— Очень хорошо.

— Пожалуй, пусть будетъ срокъ на мѣсяць.

— Чудесно! — воскликнулъ сговорчивый Фрето. — Вы знаете г. Мейранъ, что есть люди, которые требуютъ векселей; другіе надѣются на мѣры взысканія, у меня же одна защита: пистолеты и сабля. Плутовъ и мошенниковъ, которые меня обманываютъ, я иначе не наказываю, какъ переломавъ имъ руки или прострѣливъ ногу. Ужъ это у меня въ характерѣ.

— Дѣло вовсе до этого не касается.

— Конечно нѣтъ, оно касается до тридцати наполеоновъ, которые вы просите — на восемь дней.

— Я вамъ кажется сказалъ — на мѣсяць.

— Я честный человѣкъ, сударь; это правда, вы сказали на мѣсяць; но вы ожидаете полученія денегъ черезъ восемь дней. Вотъ вамъ двадцать наполеоновъ. Дайте же мнѣ заемное письмо въ восемьсотъ франковъ.

— Это составитъ сорокъ наполеоновъ, — замѣтилъ Эрнестъ.

— Такъ: по прошествіи восьми дней вы мнѣ отдадите двадцать наполеоновъ: Я вамъ тогда дамъ еще десять, а въ концѣ мѣсяца вы мнѣ еще отдадите двадцать наполеоновъ и мы будемъ квиты.

— А! воскликнулъ Эрнестъ.

Фрето опять спряталъ въ карманъ свои наполеоны.

— Это ужъ у меня въ характерѣ, — прибавилъ онъ, — я люблю откровенность во всѣхъ дѣлахъ. Хотите — берите, не хотите — какъ хотите; условія мои вамъ извѣстны: не заплатите въ срокъ, будемъ драться.

Хотя Эрнесту вовсе не нравилась перспектива дуэли, однако онъ согласился. Фрето вынулъ изъ кармана бумажникъ и досталъ изъ него листикъ гербовой бумаги.

— Вы сперва напишите мнѣ вексель, — сказалъ онъ.

— Для чего-же? Кажется, вамъ довольно моего слова.

— Такъ; но ужъ это у меня въ характерѣ.

— Къ чему это, — возразилъ Эрнестъ, — когда вы сами сейчасъ говорили, что никогда не обращаетесь къ полиціи, и въ случаѣ, если я вамъ не заплачу, вызовете меня на дуэль?

На устахъ Фрето въ это время скользила улыбка, исполненная добродушія.

— Вы въ этомъ дѣлѣ ничего не смыслите, — замѣтилъ онъ. — Когда я рѣшаюсь драться съ должникомъ, который меня обманулъ, то очень хорошо понимаю, что поступаю противъ собственной пользы: если я его убью, кто же мнѣ заплатитъ? Но я увѣренъ въ себѣ, и знаю, куда поразить моего противника. Ему нечего опасаться за свою жизнь; дуэль, по обыкновенію, у меня оканчивается тѣмъ, что я или переломлю ему ребра, или просверлю ему руку или ногу. Такимъ-образомъ, я лишаю его возможности удрать въ Бельгію. Пока онъ въ постелѣ, я предъявляю мой вексель, и его, голубчика, сажаютъ въ Сент-Пелажи, гдѣ его лечатъ — прилично его званію, на казенный счетъ; тутъ ужъ я ни во что не вмѣшиваюсь, и дѣло обрабатывается само-собою.

Такая тактика показалась Эрнесту немножко суровою. Съ минуту онъ даже раскаявался, что обратился къ такому педанту.

Между-тѣмъ, Фрето смотрѣлъ на него испытующимъ взоромъ. Медлить значило заставить его подозрѣвать обманъ; притомъ въ двухъ шагахъ отъ нихъ кипѣла игра, со всеми ея чарами и обаятельными надеждами; какой игрокъ въ состояніи противиться такому оболъщенію? Эрнестъ не составлялъ непреложныхъ расчетовъ, подобно своему отцу; но онъ вѣрилъ въ свое счастье.

— Хорошо, — сказалъ онъ, — я подпишу вамъ этотъ вексель.

— Не прежде, — отвѣчалъ Фрето, — какъ по полученіи денегъ; я знаю съ кѣмъ имѣю дѣло, и у меня характеръ довѣрчивый.

Онъ положилъ двадцать наполеоновъ въ руку Эрнеста, а тотъ поспѣшилъ подписать вексель.

— Теперь, — сказала ему Фрето, — вы, вѣроятно, будете играть?

— Непремѣнно, — отвѣчалъ Эрнестъ.

— Заранѣе поздравляю васъ съ выигрышемъ, — замѣтилъ Фрето: — я всегда замѣчалъ, что мои деньги приносятъ счастье. Восемь или девять мѣсяцевъ тому, я довольно часто давалъ деньги одному очень хорошенькому молодому человѣку, г. Д***; что-жъ вы думаете! теперь у него сто тысячъ франковъ годового дохода.

— Такъ вы думаете, что я выиграю?

— Нимало въ томъ не сомнѣваюсь.

— Я надѣюсь, что въ такомъ случаѣ вы доставите мнѣ удовольствіе съ вами поужинать. Я васъ приглашаю между первымъ и вторымъ часомъ Провансальскій трактиръ.

— Очень радъ.

Эрнестъ вошелъ въ игорную залу, а Фрето, вѣроятно, не слишкомъ вѣровавшій въ свои собственныя предсказанія, оставилъ Пале-Ройаль и отправился домой, не дожидаясь обѣщаннаго ужина.

Эрнестъ между-тѣмъ спустилъ все деньги, оставивъ при себѣ только одинъ или два наполеона, чтобы угостить ужиномъ своего заимодавца; но Фрето уже не было въ игорномъ домѣ. Поэтому Эрнестъ отправился ужинать одинъ. Онъ выпилъ лишнюю рюмку и, хотя не былъ пьянъ, но легко увлекся самыми смѣшными и дерзкими предположеніями.

— Этотъ Фрето просто мошенникъ, — говорилъ онъ самому себѣ, — онъ мнѣ переломаетъ кости съ такимъ же хладнокровіемъ, съ какимъ перерѣзалъ бы горло курицы. Если я дѣйствительно сдѣлаюсь безрукимъ или хромымъ, то погибъ. Черезъ недѣлю я непременно долженъ отдать этому аспиду его двадцать наполеоновъ; то-есть, это значитъ, десять, потому-что изъ двадцати онъ долженъ мнѣ передать десять изъ рукъ въ руки. Ну, у меня еще впереди восемь дней; а этого доста-

точно, чтобы добыть двести франков... Г-жа де-Линанъ теперь, вѣроятно, уже узнала о смерти моего отца, объ моей отставкѣ; она можетъ мнѣ пособить въ настоящемъ случаѣ... Очень естественно, если я теперь попрошу у нея денегъ; причины такія важныя: отецъ умеръ несостоятельнымъ, самъ я безъ мѣста. Жюльетта легко пойметъ, что на первыхъ порахъ мнѣ необходимо прибѣгнуть къ помощи друзей.

Утренняя заря застала Эрнеста за стаканомъ вина. Тутъ онъ расплатился и отправился спать.

Однакожь снова прибѣгнуть къ великодушію г-жи де-Линанъ, казалось Эрнесту несовсѣмъ благовиднымъ, поэтому онъ не торопился выполнить свой планъ. Прошло пять или шесть дней, а онъ и не думалъ еще идти въ домъ министра. На седьмой день онъ встрѣтилъ Фрето.

— Послушайте, сказалъ обязательный ростовщикъ, — вотъ ужъ нѣсколько дней я васъ не встрѣчаю въ Пале-Ройялѣ; вѣроятно вы были нездоровы?

— Нимало.

— А, такъ вѣрно были заняты дѣлами, провѣркою доходовъ. Вы вѣрно не забыли, что завтра срокъ!

Фрето удалился величественными шагами.

Откладывать долге было невозможно; надо было достать денегъ. Предполагая, что г-жа де-Линанъ еще въ министерствѣ, Эрнестъ на всякій случай написалъ самое патетическое письмо, въ которомъ искусно изобразилъ свое печальное положеніе, жаловался на несчастный случай, лишившаго его мѣста, въ-слѣдствіе злести, ложныхъ обвиненій и навѣтовъ другихъ чиновниковъ. Онъ хотѣлъ передать это письмо Пикару, съ тѣмъ, чтобы онъ отнесъ его къ Жюльеттѣ. Но на этотъ разъ ворота уже не были отворены въ домъ Жюльетты. По счастью, у самаго погребка Au bon coing, Эрнестъ встрѣтилъ Клодину.

— Я въ восхищеніи, что тебя вижу, Клодина, — сказалъ онъ ей, — ты можешь оказать мнѣ маленькую услугу.

— Услугу, — отвѣчала она, — очень рада. Какъ вы давно здѣсь не были! Кажется, со времени послѣднихъ несчастныхъ происшествій...

— Со времени этого пагубнаго брака, возразилъ Эрнестъ печальнымъ голосомъ.

— Ахъ, да, сударь; какъ жаль, что вы не женились на нашей госпожѣ! Она такъ васъ любила!

— Она меня любила?

— Разумѣется; а для супружескаго счастія только этого и нужно...

Вамъ извѣстно, что я вышла за Варенна? Ахъ! я очень счастлива! А ужъ что за счастье г. Линана и нашей госпожи, которые ненавидятъ другъ-друга; это не жизнь, а просто каторга... Какую же услугу вы отъ меня требуете?

— Вотъ письмо къ г-жѣ де-Линанъ.

Съ минуту Клодина была въ нерѣшимости. Такъ какъ госпожа ея была уже замужемъ, то она боялась, не требуютъ ли отъ нея чего-нибудь неприличнаго. Однако она протянула руку, чтобы взять письмо, говоря:

— Я его отправлю, сударь.

— Въ министерство?

— Какъ въ министерство? Госпожи моей ужъ тамъ нѣтъ.

— Такъ она у себя?

— Развѣ вы не знаете, что она отправилась въ Родезъ, къ мужу?

При этомъ извѣстїи, намѣренїя Эрнеста измѣнились.

— Въ такомъ случаѣ, сказалъ онъ Клодинѣ, письмо отсылать не къ-чему. И онъ разстался съ Клодиной, полный желчи и досады.

— Во всемъ неудача, твердилъ Эрнестъ, идучи по бульвару; — они все счастливы, богаты, не исключая моей сестры, которая нашла себѣ какого-то дурака съ сорока тысячами дохода: я одинъ ничего не имѣю, живу въ черномъ тѣлѣ, не знаю гдѣ и какъ сегодня пообѣдаю, и въ добавокъ за ничтожную сумму денегъ, какой-то плуть-ростовщикъ переломаетъ мнѣ завтра кости... О! этого не случится; во что-бы то ни стало, я долженъ выручить себя изъ этого неприятнаго положенїя.

Отъ г-жи Ренокуръ Эрнестъ часто слышалъ, что итальянецъ Монти богатъ, какъ Крезъ, что онъ ростовщикъ и что большая часть его богатства хранится на томъ чердакѣ, который служитъ ему жилищемъ. Эрнестъ рѣшилъ отыскать его, и, ласкою или хитростию, добыть у него, по-крайней-мѣрѣ, столько денегъ, чтобы расплатиться съ дуэлистомъ Фрето. Это было не такъ легко, потому-что старость подозрительна и недовѣрчива, а Мейранъ зналъ уже по опыту, что онъ внушалъ мало довѣрїя. Онъ надѣялся, впрочемъ, на успѣхъ, выдавая себя за друга г-жи Ренокуръ, и въ случаѣ необходимости онъ даже могъ увѣрить хитраго ростовщика, что пришелъ отъ ея имени. Но если-бы и эта мѣра неудалась, онъ имѣлъ въ виду вкрасѣться къ нему въ дружбу и узнать, гдѣ у него деньги.

Монти жилъ въ улицѣ Фрондеровъ, въ домѣ цвѣточника, который весь былъ населенъ женщинами, за исключенїемъ развѣ одного мальчика, употребляемаго на посылки, который жилъ въ третьемъ этажѣ.

Онъ лежалъ на соломѣ, подлѣ своей квартиры, и обтесывалъ бруски къ стульямъ, въ ту минуту, когда Эрнестъ проходилъ мимо его.

— Куда вы идете?—спросилъ мальчикъ, положивъ брусокъ, надъ которымъ работалъ.

Въ домѣ, гдѣ не было дворника и гдѣ посѣтители являлись рѣдко, такой вопросъ былъ очень натураленъ. Эрнестъ остановился и отвѣчалъ, что идетъ къ Монти.

— Ахъ! къ дядѣ Монти! — Ступайте въ шестой этажъ, въ концѣ корридора.

Эрнестъ поблагодарилъ мальчика и взбѣжалъ по лѣстницѣ въ самый верхній этажъ, не встрѣтивъ ни души. Тутъ, онъ дѣйствительно нашелъ корридоръ, который велъ къ чердачку Монти. Онъ прошелъ его довольно поспѣшно и остановился у дверей нищаго. Дверь была, повидимому, надежная, хотя вся была сколочена изъ мелкихъ дощечекъ. Огромный замокъ, съ претолстою цѣпью, висѣлъ у дверей; по всему видно было, что жилецъ изыскивалъ всѣ средства къ предупрежденію незаконнаго визита. Эрнестъ внимательно разсматривалъ эту дверь, которая очень походила на одинъ изъ тѣхъ древнихъ сундуковъ, которые искусно задѣлываютъ въ стѣны. Потомъ онъ слегка постучалъ. Къ большому его удивленію, дверь не отворялась.

Эрнестъ тихонько приотворилъ ее самъ: въ комнатѣ было тихо, слышалось храпѣніе спящаго. Эрнестъ на цыпочкахъ вошелъ.

Монти лежалъ на постелѣ или, лучше сказать, на нарѣ и крѣпко спалъ. Комната его была довольно обширна и просторна, хотя, впрочемъ, имѣла устройство чердака; маленькое отверстіе въ потолокъ было единственнымъ окномъ, чрезъ которое проходилъ свѣтъ. Убранство этой комнаты было неслишкомъ пышное: кромѣ кровати, тамъ находились два стула, столъ о трехъ ногахъ, большой сундукъ и двадцать пустыхъ бутылокъ, выстроенныхъ около стѣнки, какъ кегли. Въ дополненіе всего этого, должно еще замѣтить, что въ углу, гдѣ находилась его кровать, стояло солдатское ружье безъ штыка и заржавленная сабля безъ ноженъ. Эрнестъ подошелъ къ спящему.

Тутъ онъ увидѣлъ мѣшокъ, которой торчалъ изъ подъ матраца, на которомъ онъ спалъ нищій.

Видно было, что скряга только что считалъ свои деньги, и заснулъ отъ утомленія, не успѣвъ еще запрятать своего сокровища въ сундукъ.

У Эрнеста разгорѣлись глаза.

Трепетной рукою оцупалъ онъ мѣшокъ и привычное осязаніе убѣдило его, что въ немъ золото... Душа его замирала отъ страха и надежды. Всѣ жилы бились, кровь прилиwała къ сердцу...

— Разбудить старика? а если онъ мнѣ откажетъ?.. Взять такъ... воровство, низость... Нѣтъ! это слишкомъ постыдно... Однако, этотъ злодѣй Фрето... если я не достану денегъ — я погибъ! Дуэль, огласка, тюрьма... вся будущность моя погибла...

При этой мысли туманное облако набѣжало на его глаза, голова закружилась, онъ машинально протянулъ руку и мѣшокъ былъ уже у него подъ полою... Онъ быстро кинулся къ двери, заперъ ее за собою, легко пробѣжалъ по корридору, спустился по лестницѣ; въ третьемъ этажѣ онъ опять долженъ былъ пройти мимо мальчика, заслонявшаго проходъ своею работою надъ брусьями къ стульямъ. Эрнестъ перескочилъ черезъ мальчика въ одинъ прыжокъ, и въ три прыжка, уже былъ за воротами. Потерянный, не помня самого себя, скрывая въ карманѣ воровскую добычу Эрнестъ поспѣшно устремился къ Сен-Жерменскому предместью; какъ вдругъ кто-то дернулъ его за полу. Холодный потъ выступилъ на всемъ его тѣлѣ, искры посыпались изъ глазъ и онъ остановился.

— Вотъ какъ, Эрнестъ, ты не узнаешь уже старыхъ знакомыхъ? — произнесъ знакомый ему голосъ. Это былъ его пріятель. Но куда же ты идешь такъ скоро, Эрнестъ?

— У меня очень спѣшное дѣло

— А я иду занимать деньги — къ жиду Монти.

При этомъ словѣ Эрнестъ вздрогнулъ и поблѣднѣлъ. — Но ты ужасно блѣденъ, чѣмъ-то взволнованъ; можно подумать, что съ тобою случилось что-нибудь неприятное? продолжалъ пріятель.

Эрнестъ отвѣчалъ, что онъ встрѣтилъ человѣка, который ему долженъ много денегъ и не платитъ.

Въ страхѣ онъ потерялъ всякое сознание: ему все чудилось, что вотъ изъ-за угла явятся агенты полиціи и схватятъ его за воротъ. Ему представлялось, что изъ улицы Фрондеровъ сейчасъ покажется цѣлый эскадронъ жандармовъ, и съ ними мальчикъ третьяго этажа. Преступникъ трепещетъ при малѣйшемъ шорохѣ; хрустѣніе песчинки подъ ногами прохожаго заставляеть его содрогаться, какъ шумъ паденія одного листка пугаетъ робкаго оленя въ дремучихъ лѣсахъ. А для Эрнеста преступленіе было еще ново... Онъ совершилъ его почти неумышленно, въ какомъ-то горячечномъ припадкѣ. Онъ готовъ былъ уже возвратитъ свою покражу, но это значило обличить себя, поднять на самаго себя руки, покрыть себя стыдомъ и позоромъ... Оглядѣвшись во все стороны и не отвѣчая на послѣдніе вопросы пріятеля, Эрнестъ пустился далѣе и вскорѣ исчезъ въ улицѣ Сент-Оноре.

— Онъ на меня сердится зато, что я у него недавно выигралъ пять-сотъ франковъ, — подумалъ пріятель и пошелъ къ Монти.

Портной и башмачники стояли въ кучкѣ за воротами того дома, гдѣ жилъ Монти, и разговаривали съ цвѣточникомъ.

— Его обокрали, — говорили они — какой-то разбойникъ, молодой человѣкъ...

— Кого обокрали?..

— Кого? Монти, стараго ростовщика...

Мальчику, работавшему въ третьемъ этажѣ, что-то не понравилась наружность Эрнеста; онъ нашель, что этотъ господинъ слишкомъ гордъ и что въ голосѣ у него выражалась наглость; ему также показалось страннымъ, что такой франтъ имѣлъ сношенія съ бѣднякомъ и что онъ такъ долго у него оставался. Этотъ мальчикъ былъ другомъ старика, который любилъ его зато, что онъ исполнялъ его порученія. Когда Эрнестъ, возвращаясь назадъ, перескочилъ черезъ мальчика, не дожидаясь, чтобы тотъ посторонился, мальчику показалось это оскорбительнымъ. Онъ поднялся съ своего мѣста и сталъ смотрѣть на Эрнеста черезъ перилы лѣстницы, и ему опять показалось, что незнакомецъ съ какою-то неестественною поспѣшностію старался удалиться. Мальчикъ отправился навѣстить старика. Двери въ квартиру Монти были незаперты: Эрнестъ хотѣлъ ихъ запереть, но цѣпь попала въ щелочку и помѣшала ему исполнить это намѣреніе. Андрей (такъ звали мальчика) вошелъ въ чердачекъ, и къ ужасу своему увидѣлъ, что Монти въ отчаяніи рветъ на себѣ волосы, крича, что его обокрали, что онъ разоренъ, убитъ, уничтоженъ. Съ трепетомъ бросился мальчикъ въ корридоръ и потомъ на лѣстницу, крича во все горло:

— Ловите вора! Монти обокраденъ!

При крикѣ: *ловите вора* всѣ женщины выбѣжали изъ своихъ квартиръ, загромождали всю лѣстницу, и единодушно вторили Андре, повторяя въ голосъ:

— Ловите вора! ловите вора!

Коммиссаръ * квартала, который жилъ по близости прибѣжалъ на мѣсто преступленія, и сдѣдствіе и розысканіе началось. Монти сдѣлалъ показаніе и тотчасъ-же были приняты дѣятельныя средства къ отысканію похитителя.

III.

ЧТО СЛУЧИЛОСЬ ПОТОМЪ.

Все это было весьма не выгодно для Эрнеста. Онъ торопливо шелъ по улицѣ Сент-Оноре, и ему все казалось, что по его пятамъ гналась вся

* Коммиссаръ въ Парижѣ значитъ тоже самое, что у насъ частный приставъ.

парижская полиція и что въ каждомъ прохожемъ ему несется навстрѣчу неумолимый кредиторъ Фрето. Эрнестъ повернулъ въ улицу, повернулъ въ другую, потомъ въ третью, колесилъ изъ улицы въ улицу, по разнымъ перулкамъ, и наконецъ выбился изъ силъ передъ небольшимъ погребкомъ, подъ вывѣскою *Бургундская лоза*. Онъ вошелъ въ него и попросилъ, чтобы ему отвели особую комнату, гдѣ бы онъ могъ написать нѣсколько писемъ безъ всякой помѣхи. Молоденькая дѣвушка, стоявшая за прилавкомъ, провела его во второй этажъ, въ небольшую, но очень опрятную горницу, гдѣ къ его услугамъ были кровать, стулъ, столъ. Услужливая хозяйка принесла ему потомъ бумаги, чернилъ, перьевъ, и съ робостью спросила: А вина какого прикажете подать? Этимъ оплачивалась горница.

— А, да — это главное! — отвѣчалъ Эрнестъ. Ты принесешь мнѣ стараго шабли, ветчины и хлѣба, потому что мнѣ нужно писать почти до обѣденнаго времени.

Когда все эти предметы были принесены и симметрически разставлены на столѣ, Эрнестъ, оставшись одинъ, вынулъ изъ кармана мѣшокъ, распоролъ его столовымъ ножомъ и высыпалъ все его содержаніе на кровать: это было золото! онъ его взвѣшивалъ, сжималъ, и, не пересчитывая, тотчасъ убѣдился, что тутъ около пяти или шести тысячъ франковъ. Въ минуту страсть къ игрѣ потушила въ немъ совѣсть и раскаяніе. Чтобы не оставить никакихъ уликъ, онъ изорвалъ въ клочки холстъ, въ которомъ было золото и распредѣлилъ тряпички по разнымъ карманамъ. Въ это время онъ замѣтилъ, что въ комнатѣ, гдѣ онъ находился, въ полу было продѣлано малое окошечко. У французовъ такія окна называются *judas*. Черезъ это окошечко можно было видѣть небольшую залу, предназначенную для гостей, которые, подобно ему, могли потребовать особенной горницы. Едва Эрнестъ сдѣлалъ это открытіе, какъ онъ увидѣлъ, что въ эту залу отворились двери и вошелъ полицейскій, въ сопровожденіи пяти или шести товарищей. Полицейскіе агенты чинно усѣлись и потребовали себѣ бѣлаго вина.

— Здѣсь вино хорошее! — сказалъ одинъ изъ нихъ, котораго называли Гро-Бекъ, — я это зналъ; я уже давно посѣщаю *Бургундскую лозу*. Но послушай-ка, Эклеръ, что же мы будемъ дѣлать съ этимъ негодяемъ, который обокралъ старика Монти. Вѣдь дѣло не въ томъ, чтобы только пить, намъ непременно должно поймать его...

Эрнестъ былъ ни живъ, ни мертвъ. Онъ притаилъ дыханіе. Отдалившись отъ окна, такъ, чтобы его не могли увидѣть, онъ однако помѣстился отъ него не въ дальнемъ разстояніи, чтобы слышать ихъ

разговоръ. Эклерь, къ которому обратился Гро-Бекъ, былъ небольшой человекъ, лѣтъ около пятидесяти, тощій, сухой, но необыкновенно живой.

— А сколько при немъ денегъ? спросилъ Эклерь.

— Триста золотыхъ.

— Мейранъ этотъ должно быть игрокъ, такъ вѣрно отправился въ игорный домъ, въ Сите (Cité), чтобъ попробовать тамъ счастья на краденныя деньги. По описанію мальчика я догадался, что это за франтъ.

— Догадался? Развѣ ты видалъ его когда-нибудь?

— Еще бы! Сѣрый фракъ, голубой сюртукъ, панталоны орѣхово-ваго цвѣта. Онъ частенько игралъ въ Пале-Ройяль.

Эрнестъ снялъ свой сюртукъ и спряталъ его подъ постель молодой дѣвушки. Полицейскіе агенты между-тѣмъ, найдя вино добрымъ, казалось, расположились провести за нимъ нѣсколько часовъ и приказали подать себѣ еще пять бутылокъ. Въ это время кто-то слегка постучалъ въ комнату Эрнеста. Онъ отворилъ. Это была хозяйка.

— Не беспокоятъ ли васъ люди, которые подъ вами? Ихъ можно выпроводить! сказала она.

— Совсѣмъ ненужно, ненужно.

— Это ничего не значитъ, сударь. Между ними есть знакомый, который часто къ намъ заходитъ: г. Гро-Бекъ. Мнѣ стоить только сказать ему одно слово...

Эрнестъ былъ въ отчаяніи. Онъ удержалъ хозяйку за руку.

— Послушай, сказалъ онъ ей, — я не хочу беспокоить никого, тѣмъ болѣе вашихъ покупателей. Мнѣ нужно недалеко сходить, ты удержи за мною комнату, я тотчасъ же возвращусь.

— А вашъ завтракъ?

— Я позавтракаю по возвращеніи. Вотъ тебѣ наполеондоръ; что придется сдачи, ты мнѣ отдашь черезъ полчаса.. Мнѣ надо съѣздить въ Пале-Ройяль...

Дѣвочка взяла монету; а Эрнестъ осторожно спустился, прошелъ чрезъ общую залу, гдѣ никто изъ полицейскихъ не могъ его видѣть, вышелъ изъ погребка, и прокравшись около стѣны, пустился по дорогѣ, совершенно противоположной той, которая вела къ Пале-Ройялю. Нѣсколько слышанныхъ имъ словъ объяснили ему очень многое. Онъ узналъ, во-первыхъ, что его узнали и будутъ искать въ игорныхъ домахъ, и будутъ сторожить въ окрестностяхъ Пале-Ройяля. Во-вторыхъ, что Гро-Бекъ и его помощники намѣревались сдѣлать обыскъ одного игорнаго дома въ Сите.

Разсуждая объ этомъ, Эрнестъ шелъ, самъ не зная куда; онъ хотѣлъ только быть подалеже отъ Сите и Пале-Ройяля. Придя въ себя

и обративъ вниманіе на окружающіе предметы, онъ тотчасъ удостовѣрился, что находится въ Сент-Антуанскомъ предмѣстїи. Очень естественно, что для человѣка въ его положенїи, всякая прямая дорога кажется неудобною; на этомъ основанїи Эрнестъ свернулъ немного вправо. Онъ шелъ скорыми шагами, имѣя въ виду гдѣ-нибудь прїютиться до наступленія вечера, потому-что ночью казалось ему будетъ выгоднѣе идти въ Сент-Дени, какъ вдругъ человѣкъ, довольно толстый и высокаго роста, его остановилъ:

— Г. де-Мейранъ, сказалъ онъ.

Эрнестъ затрепеталъ, услышавъ свое имя; однако, онъ поднялъ голову и увидѣлъ передъ собою Бюссьера; страхъ его мгновенно исчезъ.

— Это вы, любезный другъ, говорилъ ему Бюссьеръ: вы, вѣроятно, идете ко мнѣ?

— Нѣтъ, баронъ, я иду въ Венсенъ, къ одному прїятелю...

— Вы другой разъ, Эрнестъ, пойдете къ вашему прїятелю, а сегодня вы отобѣдаете со мною, на моей мызѣ; я нынче обѣдаю, по приказанію доктора, ровно въ два часа.

Бюссьеръ постоянно сохранялъ свой прежній характеръ: добрякъ и немного эгоистъ, уважающій прежде всего собственное спокойствіе. Бюссьеру не нужно было повторять свое приглашеніе; Эрнестъ хорошо понималъ, что на мызѣ Бюссьера онъ могъ быть гораздо безопаснѣе, чѣмъ въ какой-нибудь харчевнѣ. Такимъ-образомъ, онъ неожиданно очутился за столомъ опекуна Жюльетты.

— Мой другъ, сказалъ ему наконецъ Бюссьеръ: я удаляю отъ себя сколько возможно всѣ грустныя воспоминанія. Несмотря на это, я все-таки долженъ вамъ сказать нѣсколько словъ о вашемъ отцѣ, который изъ-за пустяковъ со мною поссорился и умеръ прежде, чѣмъ я успѣлъ ему сказать, что уже давно съ нимъ примирился. Вслѣдствіе этого, милый Эрнестъ, я прошу васъ располагать мною; я хочу оказать сыну услуги, которыми не хотѣлъ пользоваться его отецъ... Разсчитывайте на меня при случаѣ, Эрнестъ, а теперь будемъ говорить о другомъ...

Эрнестъ поблагодарилъ. Бюссьеръ продолжалъ:

— Поговоримъ о Жюльеттѣ: она теперь замужемъ за моимъ племянникомъ; я всегда желалъ этого брака, а теперь боюсь за него... Притомъ мы съ сестрою не принимали ни малѣйшаго участія въ этомъ дѣлѣ... Я былъ на водахъ, и мнѣ ничего не писали; сестра лежала въ постелѣ. Какъ вы думаете обо всемъ этомъ, Эрнестъ?

— Я думаю, что ваша воспитанница очень несчастлива.

— Позвольте, позвольте! мой племянникъ — благородный человѣкъ,

о мѣ будетъ всегда вести себя прилично, тѣмъ болѣе теперь, въ званіи префекта. Я не за него боюсь... а скорѣе за Жюльетту!

— Почему-же это?

— Она слишкомъ страстна, пылка.... Повѣрите-ли, съ-тѣхъ-поръ, какъ она отправилась въ Авейронъ, я нахожусь въ постоянномъ страхѣ. При своемъ непокорномъ и необузданномъ нравѣ, она скорѣй рѣшится на самыя отчаянныя предпріятія, чѣмъ покорится своей участи.

Эрнестъ не терялъ ни одного слова изъ этого разговора.

— Но виноватъ, — прибавилъ Бюссьеръ, — я вамъ говорю о моихъ домашнихъ непріятностяхъ, а между-тѣмъ, не освѣдомлюсь, въ какомъ вы сами теперь положеніи. Я слышалъ, отецъ вамъ ничего не оставилъ; что-же вы дѣлаете теперь?

— Глупости, — отвѣчалъ Эрнестъ.

— По-крайней-мѣрѣ, вы откровенны.

— Я занимаю довольно важное мѣсто въ одномъ коммерческомъ домѣ.

— И вы это называете *глупостями*?

— Вотъ въ чемъ глупости. Напротивъ того дома, гдѣ я живу, занимаетъ квартиру одна молодая дѣвушка, которой отецъ, говорятъ, былъ военный. Я не могъ видѣть этой дѣвушки равнодушно....

— Это простиительно въ ваши лѣта.

— Объ этомъ тотчасъ пошли толки въ кварталѣ....

— Сплетни, — замѣтилъ Бюссьеръ.

— Да, и отецъ вообразилъ, что я повредилъ репутаціи его дочери.

— Можетъ-ли быть?

— Однимъ-словомъ, онъ взбелѣнился до того, что хотеть, чтобы я съ нимъ дрался.

— О! о!

— Онъ убѣжденъ, что дѣло можетъ кончиться только троякимъ образомъ: или я его убью, или онъ меня убьетъ, или я женюсь на его дочери. Но, — продолжалъ Эрнестъ, который уже давно пріобрѣлъ необыкновенную способность лгать безъ занинки, — такъ какъ я не хочу, чтобы меня убили, не хочу также убивать этого добраго старика, и вмѣстѣ съ тѣмъ не намѣренъ жениться насильно, то я предпочелъ сдѣлать маленькое путешествіе, чтобы дать время остыть гнѣву этого раздраженнаго отца.

— Куда-же вы думаете отправиться? — спросилъ Бюссьеръ.

— Въ Клермонъ. Въ этомъ городѣ у меня есть товарищъ, который давно уже меня приглашаетъ къ себѣ на три мѣсяца; но меня затрудняетъ одно обстоятельство....

— Вѣрно нѣтъ денегъ? возьмите у меня...

— У меня довольно денегъ, — отвѣчалъ Эрнестъ: — но у меня нѣтъ паспорта. Я шелъ въ Венсенъ, когда вы меня встрѣтили, именно, въ надеждѣ устроить это дѣло. Мой знакомый, вѣроятно, далъ бы мнѣ возможность получить паспортъ отъ сен-денискаго субъ-префекта.

Сен-денискій субъ-префектъ, — произнесъ Бюссьеръ, — мой хорошій другъ.

— Въ-самомъ-дѣлѣ! Вы дадите мнѣ рекомендательное письмо къ нему?

— Охотно.

— Потому-что мой знакомый почти каждый день обѣдаетъ въ Парижѣ, и я боюсь, что не застану его дома.

— Я напишу вамъ письмо, Эрнестъ.

— Но вотъ еще одно маленькое обстоятельство.

— Денегъ нужно?

— О нѣтъ-съ, у меня есть деньги. Вамъ извѣстно, что у отца моего въ Нормандіи было помѣстье Гойльонъ?

— Какъ-же; онъ проигралъ его въ карты.

— Между-тѣмъ, ему всегда хотѣлось, чтобы я назывался Гойльонъ, по имени этаго помѣстья; это была фантазія моего отца, и мнѣ очень пріятно было-бы хотъ теперь исполнить его маленькую прихоть тѣмъ болѣе, что фамилія Мейранъ.... вы знаете....

— Но къ чему всѣ эти предосторожности? — спросилъ Бюссьеръ.

— Чтобы спастись — смѣючись отвѣчалъ Эрнестъ, — отъ моего разъяреннаго старика, который хочетъ, чтобы я его убилъ, или думаетъ убить меня. Еслибъ не это, я могъ-бы взять себѣ паспортъ въ Парижѣ! Это было-бы и легче, и проще. Но тогда противникъ мой отправился-бы въ полицію и тотчасъ узналъ-бы, гдѣ я нахожусь. Онъ послѣдовалъ-бы за мною въ Клермонъ, надѣлалъ-бы мнѣ непріятностей, и что хуже всего, пустилъ-бы меня притчею по всему городу.

— Да, правда, — простодушно замѣтилъ Бюссьеръ.

Бюссьеръ посѣшилъ написать письмо къ сен-денискому субъ-префекту и приказалъ заложить кабриолетъ. Эрнестъ взялъ письмо и въ кабриолетѣ пріѣхалъ въ Сенъ-Дени, гдѣ субъ-префектъ немедленно выдалъ ему паспортъ. Тогда, перемѣнивъ сѣрый фракъ на синій, вмѣсто шляпы, надѣвъ фуражку и накинувъ дорожный плащъ, Мейранъ скрылся изъ города.

Не напрасно Мейранъ хлопоталъ о паспортѣ въ Клермонъ; дорога оттуда вела прямо въ Авейронъ, гдѣ жила Жюльетта.

IV.

ЖЮЛЬЕТТА.

Авейронскій префектъ, какъ мы уже замѣтили прежде, превосходно понялъ свое назначеніе. и приводилъ его въ исполненіе, какъ нельзя лучше. Устроивъ однажды свои дѣла, онъ сталъ стараться, чтобы пребываніе его въ Родезѣ было не скучно, и потому рѣшился сблизиться съ тамошнимъ обществомъ.

Онъ часто катался верхомъ и свелъ дружбу съ искуснѣйшими охотниками той стороны. По бѣльшей части его прогулки совершались въ Клерво, гдѣ онъ охотился въ помѣстьяхъ своего кузена Гербуа. Агрономъ не видалъ ничего далѣе своего тука, а его прелестная супруга, пользуясь благопріятною погодою, также иногда пріѣзжала въ помѣстье, которое находилось въ четверти мили отъ Родеза. Тогда она, какъ гостепріимная хозяйка, приглашала къ себѣ г. де-Линана. Она уже успѣла пріобрѣсть надъ нимъ неотразимое вліяніе, - которому онъ охотно подчинялся.

— Что съ вами Анатоль?—спросила однажды г-жа Гербуа, увидя, что префектъ задумчивъ:—ужь не перевелись-ли всѣ зайцы въ рощахъ Гербуа? Или вы не нашли куропатокъ?

— Я сегодня долженъ былъ рѣшиться на самый тяжкій и жестокій поступокъ.... Ахъ! мое выгодное положеніе въ свѣтѣ купилъ я дорогою цѣною; оно искушается тяжкими испытаніями; отгадайте, что я сдѣлалъ сегодня утромъ?

Г-жа Гербуа отказалась отвѣчать на этотъ вопросъ.

— Я написалъ письмо къ г-жѣ де-Линанъ, въ которомъ прошу ее пріѣхать въ Родезъ,—сказалъ префектъ,—этого требуетъ самъ Наполеонъ... и я не сомнѣваюсь, что Жюльетта уже въ дорогѣ.

Г-жа Гербуа не нашлась ничего отвѣчать: она очень хорошо понимала Линана. Она видѣла, что какъ бы онъ ни былъ влюбленъ, а все таки честолюбіе всегда возьметъ въ немъ верхъ надъ любовью. Но она прибѣгнула къ водевильной сценѣ, которую, какъ ни осмѣиваютъ на театрѣ, а она все-таки производитъ свой эффектъ въ дѣйствительности. Г-жа Гербуа поблѣднѣла, нѣсколько слезинокъ блеснули на рѣсницахъ, членамъ своимъ она придала какое-то лихорадочное движеніе, и лишалась чувствъ.

Анатоль бросился ко всѣмъ звонкамъ. Прибѣжавшіе слуги перенесли госпожу въ ея спальню. Префектъ, при всей своей проницательности—

сти, возвращался изъ Клерво въ полной и весьма лестной увѣренности, что онъ внушилъ непобѣдимую страсть женщинѣ, самой кроткой и въ то же время добродѣтельнѣйшей въ мѣрѣ. Префектъ, гарцуя на своемъ конѣ, на пространствѣ между Клерво и Родезомъ, предавался разнороднымъ мыслямъ. До-сихъ-поръ онъ весьма поверхностно обсуживалъ свое положеніе, теперь оно представлялось ему довольно щекотливымъ и затруднительнымъ: онъ не столько боялся обременить свою совѣсть, какъ опасался общественнаго мнѣнія.

— Шарлотта меня любитъ еще больше, чѣмъ когда-либо—говорялъ онъ самому-себѣ:—я и самъ чувствую, что неравнодушенъ къ ней. Для Гербуа это все равно: онъ столько же думаетъ о своей женѣ, какъ бы ее вовсе не существовало; онъ ревнивъ только къ сочинителямъ записокъ объ унавоживаніи земли; но городъ Родезъ! Правда, здѣсь я не замѣтилъ такого злословія, какъ въ другихъ городахъ, однако и здѣсь обращаютъ вниманіе на то, что становится гласнымъ, и пересказываютъ другъ-другу новости, это ужъ неизбежно.... Теперь здѣсь нѣтъ моей жены и потому очень естественно, что я посѣщаю мою кузину, г-жу Гербуа; но когда Жюльетта пріѣдетъ въ Родезъ, тогда станутъ находить эти посѣщенія очень странными, тѣмъ болѣе, что Жюльетта никогда не захочетъ съ нею встрѣтиться. Да и жена моя.... Ахъ! мы уже доказали другъ другу наше искусство въ печальномъ дѣлѣ, и намъ отчасти извѣстны плоды нашей вражды! Не любовь, не ревность будутъ въ этомъ случаѣ руководить г-жею де-Линанъ, а раздраженное самолюбіе и заклятая ненависть къ Шарлоттѣ.

— Стало быть, прибавлялъ Линанъ, эти романическія вздоры надо выкинуть изъ головы.

Послѣ непродолжительнаго путешествія, Жюльетта наконецъ увидѣла Родезъ. Ее встрѣтила толпа любопытныхъ, и провожала почти до самой префектуры. Всѣ желали полюбоваться на супругу префекта. Дома, ее встрѣтилъ швейцаръ и проводилъ на ея половину; Линана, по обѣщанію его, не было дома. Сперва Жюльетта вошла въ свою залу, все было убрано съ необыкновеннымъ вкусомъ и даже изысканностію. За залой слѣдовала ея спальня, изъ которой дверь вела въ будуаръ; за будуаромъ была еще небольшая горница, изъ которой можно было пройти въ столовую. Ничто, могущее служить для пользы или для удобства, не было забыто въ убранствѣ и расположеніи этихъ комнатъ. Казалось, что Линанъ собралъ тутъ всѣ причуды роскоши, чтобы этимъ средствомъ облегчить тягость трехъ-мѣсячнаго изгнанія Жюльетты, на которое она рѣшилась для его пользы.

Однако подъ всѣми этими цвѣтами скрывался ядъ. Это требуетъ

нѣкотораго поясненія. Намъ уже извѣстно, что префектъ, послѣ объясненіе съ г-жею Гербуа о скоромъ прибытіи въ Родезъ Жюльетты, оставилъ Клерво и поскакалъ домой, упоенный самолюбіемъ. На другой день онъ опять явился въ Клерво, для освѣдомленія о здоровьѣ г-жи Гербуа, полагая, что присутствіе его могло быть самымъ лучшимъ для нея лекарствомъ. Г-жа Гербуа, чтобы не потерять своего вліянія на префекта, разсудила, что всего лучше ограничиться однимъ постояннымъ стремленіемъ поселять раздоры и ненависть между супругами, наружно между тѣмъ сохраняя совершенное незнаніе ихъ домашнихъ обстоятельствъ. Шарлотта рѣшилась не ѣздить Родезъ до-тѣхъ-поръ, пока тамъ будетъ жить Жюльетта. Это было необходимое и единственное средство для избѣжанія свиданій съ женою префекта и кузиною ея мужа; между тѣмъ, ей хотѣлось знать все, что происходило въ домѣ префекта. При первомъ свиданіи съ префектомъ, послѣ обморока, она засыпала его разспросами о распоряженіяхъ, какія онъ сдѣлалъ къ приему своей жены.

— Г-жа де Линанъ, — спросила она, — вѣрно привезетъ свою прислугу?

— Одну горничную, которую она должна немедленно отослать назадъ въ Парижъ. Ея Клодина вышла за мужъ и не хочетъ разстаться съ своимъ мужемъ.

— Въ такомъ случаѣ ей нужны слуга, кучеръ, горничная?

— Да, отвѣчалъ Анатолий, — и я право не знаю, гдѣ ихъ набрать.

— Не безпокойтесь объ этомъ.

— Вы хотите взять этотъ трудъ на себя?

— Не я, — отвѣчала хитрая Шарлотта, — но мой мужъ хлопочетъ. Онъ знаетъ почти весь Родезъ и пришлетъ вамъ хорошихъ людей.

Между-тѣмъ вовсе не г. Гербуа, а его супруга взяла на себя заботу о прислугѣ для Жюльетты. Кучеръ и слуга не представляли большого затрудненія: она послала первыхъ ей попавшихся; но другое дѣло было съ горничной. Два года тому г-жа Гербуа пріѣхала въ Родезъ, въ твердомъ намѣреніи илѣнить все общество. Она осуществляла эту благую цѣль двумя способами: съ особами своего круга она была внимательна, любезна, предупредительна; между-тѣмъ, какъ прислугу и вообще людей низшаго сословія, она обворожила то денежными подарками, то разными одолженіями и услугами, которыя заставляли прославлять ея доброту и снисходительность. Однажды, вечеромъ, идучи съ своимъ мужемъ въ гости, она замѣтила, что въ одномъ домѣ отворились двери и слышала, что кто-то сердитымъ голосомъ кричалъ:

— Вонъ, вонъ! негодница! чтобъ нога твоя здѣсь не была.

Выгнанная дѣвушка усѣлась на порогѣ дома и горько плакала. Г-жа Гербуа къ ней подошла.

— Пойдемъ, душа моя! Охота тебѣ срамиться, — сказалъ ей мужъ, — ты видишь, это дрянная дѣвчонка?

— Дрянныя дѣвченки не плачуть, — отвѣчала г-жа Гербуа.

Молодую дѣвушку звали Розой; она была очень хороша собою. Родители ея жили въ Родезѣ и отдали ее въ горничныя, но хозяйка ее выгнала изъ дому, за то, что она почувствовала расположеніе къ молодому сосѣду.

— Я раздумала идти въ гости, — сказала Шарлотта мужу — Роза, ступай за нами, мнѣ нужна горничная, я тебя возьму къ себѣ.

Это спасало молодую дѣвушку отъ большихъ непріятностей; въ противномъ случаѣ, она должна бы возвратиться къ своему отцу, который былъ очень строгъ. Г-жа Гербуа вскорѣ признала Розу совершенно невинною жертвою клеветы злой хозяйки. Этимъ средствомъ Шарлотта приобрѣла неограниченную преданность Розы и поставила ее въ совершенную отъ себя зависимость.

Эту-то Розу она выбрала въ горничныя Жюльетты. Линанъ почти никогда не видалъ Розы и ничего не зналъ объ этихъ обстоятельствахъ.

Отдохнувъ немного отъ дороги, Жюльетта позвонила и передъ нею явилась Роза.

— Сударыня, — робко спросила она, — баринъ спрашиваетъ, угодно ли вамъ будетъ его принять?

Новая горничная была такое кроткое, тихое существо, съ такою привлекательностью наружностью, что она невольно понравилась Жюльеттѣ.

— Ты будешь мнѣ прислуживать? — спросила она, не отвѣчая на вопросъ Розы.

— Если вамъ угодно будетъ, сударыня? — съ трепетомъ отвѣчала горничная, потому-что г-жа Гербуа успѣла ей дать самое невыгодное понятіе о вспыльчивости и властолюбивомъ характерѣ Жюльетты.

— Я рада! — отвѣчала Жюльетта, давая ей нѣсколько золотыхъ монетъ: ты будешь находиться постоянно при мнѣ и я надѣюсь, что мы будемъ довольны другъ-другомъ. Проси г. Линана.

Роза вышла; явился Линанъ. Нельзя было замѣтить и тѣни его истинныхъ чувствъ. Спокойный его видъ и улыбка на губахъ были признаками его умѣнья жить въ свѣтѣ.

— Позвольте поблагодарить васъ отъ души, — сказалъ онъ, останавливаясь посрединѣ залы: — я знаю, чего стоило вамъ это путешествіе! Чтобы переселиться въ этотъ отдаленный департаментъ, вамъ надо было покинуть друзей, родныхъ, столицу, которую вы такъ любите; я все это умѣю цѣнить и вполне понимаю вашу жертву.

— Парижъ съ нѣкотораго времени мнѣ ужасно наскучилъ, — отвѣчала Жюльетта, — но признаюсь, я его не промѣняла бы на Родезъ, еслибъ выборъ зависѣлъ отъ меня.

— Я это знаю, — поспѣшно возразилъ Линанъ, — но я надѣюсь, что здѣсь ничто васъ не встревожитъ; одно ваше слово будетъ закономъ для всѣхъ васъ окружающихъ. Позвольте мнѣ теперь объяснить причину моего прихода: я вамъ обѣщаль, что не буду никогда безпокоить васъ въ такія минуты, когда вы остаетесь однѣ, между-тѣмъ, нарушаю свое обѣщаніе на первыхъ-же порахъ. За то, я долженъ вамъ сказать, что это случилось въ первый и послѣдній разъ. Вы согласитесь, что наши домашнія отношенія должны быть тайною для всѣхъ, и потому первое свиданіе наше должно было необходимо совершиться безъ свидѣтелей... Надѣюсь также, что вы сдѣласте честь моимъ подчиненнымъ вашимъ милостивымъ приѣмомъ?

Линанъ отворилъ двери въ залу и представилъ своей женѣ секретаря и совѣтниковъ префектуры. Онъ удалился вмѣстѣ съ ними.

Жюльетта не могла жаловаться. Ей отдавали всевозможныя почести и оказывали постоянное вниманіе; но она замѣчала въ тонѣ мужа какое-то сознаніе его преимущества, и это ее затронуло за живое. Линанъ слишкомъ разыгрывалъ передъ нею роль префекта. Такъ, по крайней-мѣрѣ, думала Жюльетта. На другой день родезскія дамы толпою являлись къ Жюльеттѣ, осыпали ее ласками, комплиментами, льстили ей, и между прочимъ, можетъ-быть, изъ желанія ей угодить, или по духу справедливости, разсыпались въ похвалахъ ея супругу, прославляли его молодость, любезность, умъ и характеръ.

— Какъ вы счастливы, — говорили ей, — имѣя такого мужа, а мы такого префекта.

— Завтра г. префектъ обѣщалься приѣхать къ намъ откушать; сказала жена одного родезскаго богача, — я надѣюсь, что вы также почтите насъ своимъ посѣщеніемъ?

Жюльетта понимала опасность своего положенія и употребила всю свою ловкость, чтобы выдти изъ затруднительнаго положенія; слѣдовало отказаться, не наживая врага. Она протянула руку къ обязательной дамѣ.

— Вы удостоиваете меня такимъ ласковымъ приглашеніемъ, отвѣчала

Жюльетта съ самаго обязательною улыбкою, — что право мнѣ трудно вамъ сдѣлать тягостное признаніе.

— Вы отказываетесь?

— Напротивъ; но вотъ что: я пріѣхала въ Родезъ противъ своего желанія...

— Да; тяжело разставаться съ парижскими увеселеніями!

— Не по тому! Вообразите, я страдаю самой страшной болѣзью, которая лишаетъ меня почти всѣхъ наслажденій въ жизни. Мужъ мой вѣрно вамъ объяснялъ, какъ разстроено мое здоровье. Я наблюдаю стражайшую діету, и не только не могу пользоваться приглашеніями на обѣды, но должна даже отказываться отъ домашняго стола моего мужа, и одна обѣдать въ своей комнатѣ. Вы, вѣрно, уважите эти причины и простите, что я, противъ воли, должна отказаться отъ вашего любезнаго приглашенія.

Въ провинціи отказъ отъ на обѣда дѣло важное. Дама сдѣлала гримасу. Жюльетта продолжала:

— Вы на меня сердитесь?

— О! помилуйте....

— Нѣтъ, нѣтъ, вы сердитесь! Но я это сейчасъ узнаю, — сказала Жюльетта: — пріѣзжайте сами ко мнѣ обѣдать послѣ завтра; мы будемъ вдвоемъ, я васъ буду угощать моимъ діетнымъ столомъ.

Дама приняла приглашеніе съ удовольствіемъ; въ этомъ она видѣла уже себѣ особенную честь; впрочемъ, она сдѣлала маленькое возраженіе.

— Я готова держать пари, — сказала она; — что здѣсь въ Родезѣ есть одна особа, у которой бы вы не отказались откушать.

— Кто-же это?

— Госпожа Гербуа.

При этомъ ненавистномъ имени, Жюльетта не могла скрыть своего волненія.

— Госпожа Гербуа! — воскликнула она: — о! нѣтъ, никогда! Я вамъ клянусь, что г-жа Гербуа никогда меня не дождется къ себѣ.

— А я думала, что она вамъ родственница.

— Нисколько.

— Какъ! но г. Гербуа называетъ вашего супруга *кузеномъ*.

— Г. Гербуа самъ не знаетъ, что говоритъ. Онъ былъ внучатымъ кузеномъ моего покойнаго мужа, но между имъ и г. Линаномъ нѣтъ ничего родственнаго.

— Но вамъ трудно будетъ устоять противъ любезности г-жи Гер-

буа; эта такая привлекательная женщина! она успѣла прельстить г. префекта.

При этихъ словахъ: «*успѣла прельстить префекта*» Жюльетта не могла долѣе владѣть собою.

— Въ - самомъ - дѣлѣ! — воскликнула она: — они стоятъ другъ-друга.

Достаточно было этихъ словъ, чтобы открыть глаза всему городу. Тотчасъ всѣ удостовѣрились, что у префекта есть прелестная жена, исполненная красоты и всѣхъ достоинствъ, но которая умираетъ отъ тоски, потому-что мужъ ее не любитъ. Между-тѣмъ, эта женщина должна была оставить Парижъ и прѣхать въ Родезъ, чтобы быть свидѣтельницею торжества своей соперницы. Соперница-же ея кроткая, хитрая, вкрадчивая г-жа де-Гербуа: она каждый день приглашаетъ къ себѣ префекта въ Клерво. Это дѣйствительно случилось раза два, — кумушки говорили, что это бываетъ каждый день, въ два часа; что префектъ выѣзжаетъ верхомъ за городъ, и возвращается домой часовъ въ шесть; и такъ далѣе, и такъ далѣе. Злые языки находили себѣ пищу.

Болѣе снисходительныя вѣстовщицы утверждали, что безчеловѣчно было принуждать г-жу де-Линанъ къ переѣзду въ Родезъ, лишая ее возможности имѣть хорошаго доктора и всѣ удобства, необходимыя больному челоуѣку. И для чего все это? чтобы она была свидѣтельницею торжества кокетливой соперницы.

Гнѣвъ Жюльетты былъ безпредѣленъ.

— Я вовсе не ревную, — говорила она самой-себѣ. Я даже не намѣрена вмѣшиваться въ сердечныя дѣла Линана. Но, по-крайней-мѣрѣ, изъ уваженія ко мнѣ, онъ долженъ избавить меня отъ встрѣчи съ этою женщиною... Еслибъ она осмѣлилась здѣсь явиться, я не знаю, что-бы я сдѣлала, я, можетъ-быть, приказала бы ее выгнать.

Въ ту самую минуту, когда Жюльетта предавалась такимъ неукротимымъ мыслямъ, къ ней явился Гербуа.

— Какъ я счастливъ, что вижу васъ, кузина, — говорилъ онъ; какъ здоровье министра внутреннихъ дѣлъ? Вашъ родственникъ конечно и мнѣ родственникъ, потому-что родство сближаетъ людей. Я увѣренъ, что вы привезли и мнѣ гостинецъ... вы понимаете, что я хочу вамъ сказать?

— Нисколько.

— О! министръ, вѣрно, вамъ далъ что-нибудь для меня.

— Сколько мнѣ извѣстно, министръ вовсе васъ не знаетъ.

— О, знаю, знаю! Вы хотите меня обрадовать нечаянностію...

Вѣдь я говорю о крестѣ почетнаго легіона...

Жюльетта на этотъ разъ была слишкомъ въ дурномъ расположеніи духа, чтобы увлечься веселостію.

— Я должна вамъ сказать, — возразила она, — что министръ внутреннихъ дѣлъ никогда не полагается на слова и увѣренія постороннихъ лицъ; притомъ награда, о которой вы хлопчете, можетъ быть вамъ дана только изъ министерства финансовъ... А скажите, пожалуйста, какъ супруга ваша смотритъ на ваше домогательство?

— Она этого желаетъ столько-же, какъ и я.

— Въ такомъ случаѣ, ей стоить только попросить г. Линана. Онъ можетъ вамъ помочь.

— Моего кузена? Я уже говорилъ ему, но онъ не хочетъ вступаться въ это дѣло.

— Вѣрно потому, что ваша жена ему ничего не говорила.

— Можегъ быть.

— Употребите это средство. Оно будетъ дѣйствительнѣе всякаго другого.

Гербуа задумался.

— А что вы думаете, кузина, и въ-самомъ-дѣлѣ! Тѣмъ болѣе, что моя жена очень дружна съ г. де Линаномъ... она его всегда угощаетъ, когда онъ охотитъ я въ моихъ помѣстьяхъ.

Жюльетта не стала далѣе распространяться. Она на себѣ испытала, что значатъ злословіе и клеветы, и разсудила, что всѣ эти догадки, можетъ-быть, вовсе неосновательны.

— Притомъ, какое право имѣю я ревновать? говорила она самой-себѣ. Я ненавижу Линана, никакое случайное обстоятельство не заставитъ меня съ нимъ сблизиться; слѣдовательно, онъ нисколько не обязанъ давать мнѣ отчетъ въ своихъ дѣйствіяхъ.

Линанъ между-тѣмъ былъ вѣренъ своимъ обѣщаніямъ. Онъ приходилъ къ женѣ только въ то время, когда она бывала окружена посторонними лицами, и приглашалъ ее въ гостиную только въ пріемные дни. Тутъ онъ разсыпался передъ нею въ самыхъ изысканныхъ, хотя нѣсколько холодныхъ любезностяхъ, воздавалъ ей всевозможныя почести; вообще, онъ велъ себя, какъ вполне счастливый и любящій супругъ, требующій отъ другихъ такого же уваженія къ своей супругѣ, какое самъ къ ней питалъ. Долгъ вѣжливости требовалъ отъ Жюльетты, чтобы она отвѣчала визитами за визиты; мало-по-малу, она познакомилась со всѣмъ городомъ. Вездѣ прославляли Линана; хвалили его справедливость, твердость характера, его искусство управлять; а когда Жюльеттѣ случалось заводить дружескую бесѣду съ людьми, очень близкими съ ея мужемъ, то ее увѣряли, что г. де-Линанъ постоянно

превозносить ея достоинства; ей говорили, что онъ не только поклоняется ея красотѣ, которая и безъ того очевидна, но и ея блестящимъ дарованіямъ и тонкому уму.

— Линанъ, — думала Жюльетта, — пойдетъ далеко; онъ тоикій дипломатъ; подобно Талейрану, онъ находитъ: что *даръ слова данъ человеку для того, чтобъ уметь скрывать свои мысли.*

Тѣ же лица, которыя хвалили Линана, разсыпались также въ похвалахъ г-жѣ Гербуа, имѣвшей въ Родезѣ значительное число приверженцевъ. Линанъ, выхваляя повсюду свою жену, обращаясь съ нею съ особеннымъ вниманіемъ, успѣлъ совершенно разсѣять подозрѣнія о супружескомъ несогласіи, которыя начинали уже распространяться въ городѣ. Не смотря на то, онъ продолжалъ ѣздить въ Клерво, но замѣтно было, что его что-то мучило и тревожило.

Линанъ, въ бесѣдахъ своихъ съ г-жею Гербуа, разсказывалъ, какъ его мучило присутствіе его жены и въ какой степени онъ былъ утомленъ постояннымъ притворствомъ передъ всѣми. Однакожъ, во всемъ этомъ признаніи Линана, г-жа Гербуа, съ тѣмъ тонкимъ чувствомъ, которое свойственно только женщинамъ, увидѣла какое-то чувство, которое могло сдѣлаться для нея опаснымъ. О чемъ постоянно думаешь, къ тому можно привыкнуть, къ чему привыкнешь, то перестаешь ненавидѣть, а что не ненавидишь, то можно даже и полюбить. Дойдя до этого процесса—ненависть Линана къ женѣ казалась ей очень опасною. Она должна была обратиться въ пылкую страсть, по непремennomу закону столкновенія крайностей. И г-жа Гербуа рѣшилась дѣйствовать безотлагательно и принять надлежащія мѣры.

V.

СЛОМАННЫЕ КОСТЫЛИ.

Роза, однажды утромъ, войдя въ спальню своей госпожи, замѣтила, что Жюльетта очень внимательно смотрѣла въ окно. На улицѣ, въ это время, игралъ мальчикъ, лѣтъ шести или семи, очень пріятной наружности, но совершенно искаженный болѣзнію и нищетой; онъ двигался на костыляхъ, и ноги его влачили по землѣ. Жалко было смотрѣть на этого ребенка: его улыбающееся и въ то же время печальное лицо выражало такъ много горькаго; на немъ можно было прочесть, что малютка проситъ не подавнія у прохожихъ, но молитъ ихъ о состраданіи и ласкѣ. Жюльетта часто встрѣчала этого маленькаго страдальца и всегда ласкала его и дарила ему конфеты.

— Еслибъ это былъ мой ребенокъ, — говорила она, — я бы не успокоилась до-тѣхъ-поръ, пока онъ не могъ-бы бѣгать, веселиться и пользоваться жизнью наравнѣ съ другими дѣтьми. Роза, ты знаешь этого ребенка?

— Нѣтъ, сударыня, я его встрѣчала только на улицѣ.

— Какъ-бы узнать, чей онъ сынъ, и нельзя-ли ему помочь, не оскорбляя тѣмъ его родныхъ.

Въ самое то время, какъ Жюльетта такъ говорила, мальчикъ опершись всею силою на свои костыли, поднялъ глаза вверхъ и любовался на попугая въ сосѣдномъ окнѣ. Вдругъ проходитъ мимо какой-то молодой человѣкъ, подшибаетъ ногой одинъ костыль, и ребенокъ всѣмъ тѣломъ падаетъ на мостовую. Костыли его переломились.

— Боже мой! воскликнула Жюльетта, и быстрѣе молніи выбѣжала изъ комнаты, спустилась по лѣстницѣ, перебѣжала дворъ, схватила на руки ребенка, и принесла его въ комнату. На площадкѣ, которая находилась между половиною префекта и его жены, она повстрѣчала того молодаго человѣка, который толкнулъ ребенка.

Мальчикъ былъ внимательно осмотрѣнъ, къ счастью, онъ не сильно ушибся. Жюльетта его утѣшила, дала ему немножко вина, и ребенокъ скоро забылъ свое горе; но ей любопытно было знать имя жестокаго молодаго человѣка, который рѣшился на такой безчеловѣчный поступокъ.

— Не знаешь-ли ты этого господина? — спросила она у Розы.

— Какъ-же, сударыня, это сынъ мера, Жанъ Плюмеръ, который называется Джономъ, потому-что ѣздилъ въ Англію; — онъ очень часто бываетъ въ домѣ Гербуа...

— А! ты знаешь гг. Гербуа?

— Кто ихъ не знаетъ въ Родезѣ? — отвѣчала Роза, едва не проговорившись и не измѣнивъ себѣ. Г. префектъ, — продолжала она, — доставилъ мѣсто Джону Плюмеру.

— Вотъ какимъ людямъ онъ покровительствуетъ!

Въ это время какая-то женщина вбѣжала въ комнату, схватила ребенка и стала его цѣловать, заливаясь слезами; это была мать.

— Не бойтесь, — сказала ей Жюльетта, — ребенокъ не ушибся; онъ только плачетъ объ своихъ изломанныхъ костылькахъ.

— Успокойся, дружокъ мой, — продолжала она, обращаясь къ ребенку, — у тебя будутъ новые костыли, и если Богъ поможетъ, ты скоро совсѣмъ не будешь имѣть въ нихъ нужду...

Мать несчастнаго ребенка была женщина лѣтъ тридцати шести; на лицѣ ея видны были слѣды прежней красоты; но бѣдность и лишенія

совершенно ее состарѣли. Она цѣловала своего сына и страстно прижимала его къ груди.

— Въ немъ все мое богатство, — говорила она со слезами, — все, что осталось мнѣ отъ моего мужа... я вдова племянника г. Гербуа?

— Вы родственница г. Гербуа?

— Я вышла за-мужъ за единственнаго сына его брата. Мой тесть былъ очень богатъ, но неудачные обороты и предпріятіи его разорили. Сынъ, Адріанъ Гербуа искалъ моей руки; онъ не получилъ никакого наслѣдства, но былъ молодъ, трудолюбивъ, дѣятеленъ, притомъ дядя его былъ страшно богатъ. Мой опекунъ (я была сиротою) согласился на нашъ бракъ, и передалъ моему мужу все мое состояніе; предпріятія моего мужа были также неудачны, какъ и предпріятія его отца. Наше небольшое состояніе съ каждымъ днемъ уменьшалось; мы имѣли только этого ребенка, родившагося слабымъ и хворымъ. Наконецъ, мужъ мой заболѣлъ, и умеръ, оставя насъ безъ всякихъ средствъ. Бѣдный Адріанъ мой, вслѣдствіе хворости, долженъ былъ питаться самою изысканною пищею, ему было необходимо дѣлать движеніе, дышать чистымъ воздухомъ, жить въ деревнѣ; между-тѣмъ я нанимала квартирку въ четвертомъ этажѣ, гдѣ было мрачно и душно, пища у насъ была весьма скудная; я видѣла, какъ мой сынъ таетъ съ каждымъ днемъ. Тогда я рѣшилась идти къ г. Гербуа и попросить, чтобы онъ взялъ моего сына къ себѣ на дачу, въ Клерво. Г. Гербуа не злой человѣкъ, но у него сердце довольно черствое.

— Вы мнѣ не кровная родственница, — говорилъ онъ, — мы только свойственники: мои истинные родственники, мой братъ и мой племянникъ, уже умерли.

— Но этотъ бѣдный ребенокъ, — возразила я ему, — развѣ не кровный вамъ? развѣ онъ не носитъ съ вами одного имени? Онъ умретъ, бѣдненькій, если вы ему не поможете...»

— Я не люблю дѣтей, — отвѣчала Гербуа, — тѣмъ болѣе, когда онѣ уроды...»

— Однако, — продолжала бѣдная женщина, — Гербуа рѣшился дать пенсіонъ моему сыну въ тысячу пятьсотъ франковъ.

— Ну! слава Богу! — воскликнула Жюльетта, вздохнувъ свободнѣе.

— Въ-продолженіе нѣсколькихъ лѣтъ я исправно получала этотъ пенсіонъ, — продолжала вдова, — какъ вдругъ г. Гербуа отправился въ Парижъ, чтобы представить министру свои записки, въ полной надеждѣ, что онъ получитъ крестъ; въ это время какая-то важная дама, которой имя онъ мнѣ не сказалъ, женила его... Шестъ мѣсяцевъ спустя послѣ этого брака, мой сынъ былъ лишенъ пенсіона. И я по всему

вижу, что причиной этого жена г. Гербуа. Съ-тѣхъ-поръ мы съ сыномъ терпимъ чрезвычайную нужду...

Роза съ трепетомъ слушала этотъ разсказъ.

— Какъ!—думала она,—г-жа Гербуа, которую я считала такою доброю и снисходительною, которая обѣщала мнѣ дать въ приданое шесть тысячъ франковъ и выдать меня за Жюльена, можетъ хладнокровно подвергать голодной смерти малютку, роднаго племянника, и притомъ еще больнаго!

Кто-то тихонько постучалъ у дверей спальни.

— Посмотри Роза, кто тамъ стучить,—сказала Жюльетта,—я никого не могу принять.

Роза вышла, и черезъ минуту объявила, что г. Гербуа желаетъ сказать пару словъ г-жѣ де-Линанъ.

— А! Гербуа!—воскликнула Жюльетта,—это другое дѣло; проси его подождать въ залѣ....

— Побудьте здѣсь, — сказала она матери больнаго ребенка,—я сейчасъ возвращусь.

Агрономъ былъ очень недоволенъ приемомъ своей кузины нѣсколько дней тому назадъ; ему казалось, что онъ долженъ отказаться отъ надежды получить крестъ. Желая поправить дѣло, онъ рѣшился сдѣлать ей утренній визитъ. Между-тѣмъ, на пути своемъ къ кузинѣ, онъ былъ встревоженъ новымъ обстоятельствомъ: идучи къ г-жѣ де-Линанъ, на поворотѣ дороги онъ встрѣтилъ своего стараго пріятеля Джона Плюмера; при этой встрѣчѣ, въ душѣ его тотчасъ родилось подозрѣніе, что Плюмеръ, вѣроятно, пріѣхалъ изъ Сентъ-Африкъ для напечатанія своихъ записокъ, о которыхъ Гербуа такъ много слышался отъ жены. Ему блеснула счастливая мысль, что префекту стѣитъ только пожелать, и Джонъ Плюмеръ тотчасъ-же будетъ удаленъ въ свой округъ. Съ этой просьбой онъ отправился къ Жюльеттѣ. На этотъ разъ, онъ былъ восхищенъ приемомъ Жюльетты.

— Мы можемъ устроить прекрасное дѣло, кузина, если только вы рѣшитесь въ немъ принять участіе,—началъ онъ.

— Скажите: у васъ есть родственники въ Родезѣ? перебила она.

— Нѣтъ, кузина.

— Нѣтъ ли у васъ племянника?

— Былъ; бѣдняга Адрианъ, онъ несчастливо женился и давно умеръ....

— Послѣ него осталась вдова и ребенокъ, какъ мнѣ извѣстно; что вы скажете о поведеніи этой женщины? Можете ли вы въ чемъ-нибудь упрекнуть ее?

— О нѣтъ, я не могу сказать объ ней ничего дурнаго; но она хотѣла переѣхать жить ко мнѣ въ Клерво.... Согласитесь, кузина, это было бы крайне неприлично....

— Напротивъ, мнѣ кажется, что это было бы не только прилично, но даже похвально....

— Фи! кузина!

— Г. Гербуа, будемъ говорить откровенно; я не скажу, чтобы вы были злой человѣкъ, но вы способны сдѣлать зло, когда васъ на то настроить... .

— Не вѣрьте, кузина, тому, что говорятъ въ Родезѣ; здѣсь завидуютъ моимъ талантамъ; мои сочиненія еще такъ недавно появились въ свѣтъ, это щекочетъ самолюбія.... Вѣрно меня оклеветали....

— Можетъ-быть: однако вы давали пенсіонъ вашему внуку, а потомъ вдругъ лишили его этого пансіона.

— Что дѣлать,—возразилъ Гербуа, — тогда для меня были плохіе времена, я понесъ много убытку; чего мнѣ стоило одно напечатаніе моихъ занисокъ, а тутъ еще мой управитель обокралъ меня на тысячу червонныхъ.

— И потому только, что у васъ украли тысячу червонныхъ и что вы должны были истратить нѣсколько сотенъ на изданіе вашихъ рапсодій, которыхъ никто не читаетъ, вы допускаете бѣднаго ребенка вмѣстѣ съ его матерью умереть съ голоду?...

— О! кузина!—воскликнулъ Гербуа, оскорбленный неслестнымъ замѣчаніемъ на счетъ его твореній.

— Я желала бы знать, точно ли человѣкъ, который получаетъ сорокъ тысячъ ливровъ дохода, изъ которыхъ не проживаетъ и половины, могъ дойти до такой жестокости и рѣшиться на такой поступокъ.... Признайтесь: не вы лишили пенсіона вдову Гербуа?...

— Кузина!...

— Эта экономическая мѣра придумана вашей женою?

— О! моя жена олицетворенная доброта. Вы ее знаете, кузина, вы можете оцѣнить ея сердце.

— Я прошу васъ отвѣчать на мой вопросъ, г. Гербуа....

— Если хотите, кузина, мысль объ уничтоженіи этого пенсіона дѣйствительно принадлежитъ Шарлоттѣ.

Жюльетта сдѣлала жестъ негодованія. Гербуа продолжалъ:

— Но, кузина.... вы должны себя поставить на мѣсто жены.... жены, которая любитъ своего мужа....

— Какъ ваша?

— Именно, какъ моя. Вдова, о которой вы теперь говорили, была

прежде хороша собою, она недурна и теперь; г-жа Гербуа питала къ ней маленькую ревность.... это такъ естественно....

— Да, вы правы, г. Гербуа; много есть вещей, которыя кажутся очень естественными для однихъ и въ тоже время совершенно непостижимыми для другихъ.

— Но это пустяки! подхватилъ Гербуа, — я возобновлю пенсіонъ.... онъ, кажется, былъ въ тысячу франковъ.... Нужно же кое-чѣмъ жертвовать и для своихъ родственниковъ; я даже подарю вдовѣ нѣсколько сотъ франковъ.

— Никогда, вы уже потеряли на то право; я сама берусь вылечить этого ребенка, и дамъ средства къ жизни его матери.*

— Кузина, я не потерплю этого, она принадлежитъ къ фамиліи Гербуа, и только я одинъ...

— Если вы мнѣ кузенъ, то она мнѣ приходится кузиной.

— Да! но такой дальней, дальней....

— Это все—равно! Теперь позвольте мнѣ васъ оставить, у меня есть очень нужное дѣло. Я была занята передъ вашимъ приходомъ.

— Прахъ побери всѣхъ этихъ племянниковъ и внучатъ! воскликнулъ Гербуа, по уходѣ Жульетты, только дѣлу мѣшаютъ. Надо увидѣться съ кузеномъ: Джона Плюмера необходимо удалить изъ Родеза.

Между-тѣмъ Жюльетта вошла въ свою спальню и съ чувствомъ самодовольствія объявила вдовѣ Гербуа, что она беретъ на себя попеченіе объ ней и объ ея сынѣ.

Въ—продолженіе всѣхъ этихъ происшествій авейронскій префектъ находился въ своемъ кабинетѣ, окна котораго выходили на улицу. Анатолю подошелъ къ окну... Онъ видѣлъ бѣднаго мальчика на костыляхъ, видѣлъ звѣрскій поступокъ Джона Плюмера, и наконецъ видѣлъ, какъ г-жа де-Линанъ выбѣжала изъ дома, схватила ребенка и унесла его съ собою.

— Что все это значить? — подумалъ онъ.

Джонъ Плюмеръ, нисколько не обращая вниманія на свой поступокъ, отправился къ префекту; но его не приняли. Спускаясь по лѣстницѣ, онъ встрѣтилъ даму, державшую на рукахъ того самого мальчика, котораго онъ столкнулъ. Джонъ Плюмеръ не зналъ г-жи де-Линанъ, хотя, впрочемъ, ему было извѣстно, что она пріѣхала въ Родезъ. Но дама бросила на него взоръ негодованія, и онъ тутъ только понялъ, что съ бѣднымъ и больнымъ ребенкомъ нельзя обращаться, какъ съ охотничьею собакою, у которой испорчено чутье.

Префектъ приказалъ позвать къ себѣ Розу.

— Роза, — сказалъ онъ ей, — объясни мнѣ, пожалуйста, что это

у васъ тамъ было; я плохо разсмотрѣлъ. Какъ могло случиться, что г-жа де-Линанъ вмѣшалась въ такое дѣло?..

Роза рассказала все въ подробности, восхваляя притомъ поступокъ Жюльетты, но не порицая г-жи Гербуа. Выслушавъ все, Линанъ отпустилъ Розу, приказавъ ей, однакожь, не говорить г-жѣ Линанъ объ томъ, что онъ знаетъ про это происшествіе.

Онъ невольно задумался. Яркій контрастъ чувствъ этихъ двухъ женщинъ произвелъ на него неотразимое впечатлѣніе. Одна, изъ пустаго тщеславія, давала умереть съ голоду бѣдной вдовѣ и ея ребенку, близкимъ своимъ родственникамъ, другая—изъ одного чувства человеколюбія, усыновляла этаго ребенка и обезпечивала вдову. Префектъ въ глубинѣ души не могъ не признать высокія качества въ женщинѣ, которую онъ ненавидѣлъ.

VI.

О Х О Т А .

Вдова Гербуа была въ томъ положеніи, когда рука, подающая помощь бѣдняку, кажется ему рукою самого Провидѣнія. На слова Жюльетты вдова могла только отвѣчать слезами благодарности.

— Позвольте вамъ объяснить, — продолжала Жюльетта, — что въ этомъ случаѣ я принимаю на себя только исполненіе моего долга: г. Гербуа былъ родственникъ моего перваго мужа, г. Норберта. Я наслѣдовала большую часть имѣнія послѣ г. Норберта; а потому справедливость требуетъ, чтобы я заботилась о его родныхъ. Я надѣюсь, что вы не откажетесь принять отъ меня пенсіонъ въ двѣ тысячи франковъ, и позволите мнѣ сегодня же вамъ его выплатить за прошедшій годъ... Потомъ я вамъ совѣтую переѣхать въ Парижъ; тамъ я рекомендую вамъ моего доктора; онъ будетъ лечить вашего сына и непременно его вылечить: а какъ для Андриана необходимъ чистый воздухъ, то вы будете жить съ нимъ въ моемъ помѣстьѣ, въ *Понти*, куда и я приѣду къ вамъ черезъ нѣсколько мѣсяцевъ.

Послѣ этаго добраго дѣла, Жюльетта чувствовала себя счастливѣе; она дышала свободнѣе и, по какому-то счастливому обороту мыслей, невольно подумала о своемъ мужѣ.

— Не будь этой женщины, — говорила она самой-себѣ, думая о Шарлоттѣ Гербуа, — я никогда не знала бы гибельнаго чувства ненависти, которое меня терзаетъ. Не будь ея, оно было-бы подавлено любовью, которую я питала къ Анаголю. Не лъзя-же не сознаться, что когда-то я точно любила Линана.... Мы вмѣстѣ воспитывались.

Разсуждая такимъ образомъ, Жюльетта покоилась на софѣ, въ своемъ будуарѣ... ей стѣло только приподнять занавѣску окна, и она могла видѣть все, что происходило на дворѣ. Вдругъ ея вниманіе было привлечено фырканьемъ лошади, которую проваживалъ по двору конюхъ. Эта лошадь была осѣдлана для г. префекта. Вскорѣ явился и самъ Линанъ. Одѣтый съ изысканностью, онъ былъ въ полномъ блескѣ своей красоты. Онъ легко вскочилъ на лошадь, и пока еще она плясала на одномъ мѣстѣ, онъ успѣлъ сказать нѣсколько словъ:

— Ты осѣдлаешь себѣ лошадь на всякій случай, — говорилъ онъ одному изъ своихъ лакеевъ, — и еслибъ мое присутствіе было здѣсь необходимо, то скачи ко мнѣ въ Клерво.

Жюльетта не проронила ни одного слова.

— Онъ спѣшитъ на свиданіе съ нею, — сказала она, — онъ не стыдится даже своихъ слугъ.

Горькая досада сжимала ея сердце. Она готова была также кликнуть своихъ слугъ, послать за почтовыми лошадьми и сказать: «Въ Парижъ!» какъ сказалъ г. Линанъ: «въ Клерво!» Но вдругъ въ комнату вошла Роза съ докладомъ:

— Эрнестъ де-Мейранъ.

— Эрнестъ де-Мейранъ! — повторила Жюльетта, вспыхнувъ при этомъ имени, — просить, просить....

Благодаря услужливости г. Бюссьера и паспорту съ вымышленнымъ именемъ, Эрнестъ Мейранъ преспокойно достигъ Авейронскаго департамента, между-тѣмъ, какъ полиція все еще продолжала, искать его въ Парижѣ. Однако онъ не рѣшался тутъ часъ явиться въ городъ, гдѣ случайно могъ встрѣтиться съ префектомъ; равномерно онъ не отправился въ Клерво, не имѣя ни малѣйшаго желанія видѣть свою сестру, или расплачиваться съ ея супругомъ. Такимъ образомъ, онъ разсчиталъ лучше всего остановиться въ малелькомъ городкѣ *Марсиллякъ*. Это патріархальный и земледѣльческій городокъ, гдѣ выдѣлывается въ большомъ количествѣ орѣховое масло и процвѣтаетъ скотоводство. Эрнестъ выдавалъ себя за больного, которому доктора предписали по ночамъ спать въ хлѣву, а днемъ прогуливаться въ поляхъ, для того, чтобы успокоить раздраженіе его легкихъ.

— Фрето будетъ очень искусень, — думалъ Эрнестъ, — если онъ найдетъ меня здѣсь, между коровами и телятами, или на берегахъ Креино.

Крайно — небольшая рѣчка, оплодотворяющая долину, въ которой построенъ городъ Марсиллякъ.

Но какъ Эрнестъ пріѣхалъ въ Авейронъ вовсе не для того, чтобы любоваться теченіемъ рѣчки, то онъ наконецъ рѣшился сдѣлать нѣсколь-

ко поѣздокъ въ Клерво, и сблизился съ однимъ изъ лакеевъ г. Гербуа. Это было легко сдѣлать, стоило только вечеркомъ пробраться въ деревню и зайти въ харчевню, которую посѣщаль этотъ лакей, а тамъ нѣсколько чарокъ вина легко развязываютъ языкъ, и Эрнестъ узналъ многое о житьѣ-бытьѣ своего зятя.

— Намъ было сподручнѣе при другомъ, — говорилъ Пьеръ, деревенскій лакей, выпивая чарочку, которую ему поднесъ Эрнестъ.

— При другомъ? Что ты хочешь этимъ сказать?

— Я говорю о Джонѣ Плюмерѣ, — отвѣчалъ лакей.

— Что это за существо — Джонъ Плюмеръ?

— Сынъ мера.

— А-а! ну, такъ чтожь?

— Вотъ что, — продолжалъ лакей: — надо вамъ сказать, что я загонщикъ; то есть, это значитъ, что во-время охоты моя должность состоитъ въ томъ, чтобы загнать дичь для господъ, которые отправляются охотиться. Для этого собака бываетъ очень полезна, но человекъ еще полезнѣе.

— Что-же тутъ общаго?...

— Я былъ главнымъ загонщикомъ Джона Плюмера; лихой молодой баринъ; деньги у него такъ и летаютъ; простой, невзыскательный...

— Въ-самомъ-дѣлѣ? спросилъ Эрнестъ.

— Истинно говорю вамъ, отвѣчалъ слуга, — такъ вотъ онъ былъ первый, которому г. Гербуа позволилъ охотиться на своихъ поляхъ! Ну-съ, а вотъ теперь пріѣхалъ къ намъ новый префектъ, тоже охотникъ, такъ ужъ теперь все отъѣзжія поля за нимъ, а Плюмеръ къ г. Гербуа и носу не показываетъ.

Все это не объясняло ничего новаго Эрнесту, и казалось ему весьма естественнымъ; изъ всего слышаннаго онъ вывелъ только предположеніе, что, вѣрно, старинная страсть Линана къ г-жѣ Гербуа возобновилась.

— Значитъ, такимъ-образомъ, — сказалъ онъ, обращаясь къ Пьеру, — г. префектъ заступилъ мѣсто Плюмера, и ты много потерялъ оттого, что г. Линанъ рѣдко охотится?

— Напротивъ, онъ часто охотится, но не я у него загонщикомъ... Вотъ даже на дняхъ будетъ большая охота. Охотники отправятся изъ Клерво, чрезъ Морсиллякъ, въ Муренскіе и Сент-Жюльенскіе лѣса, тутъ будутъ все рудезскіе охотники.

Мы уже неоднократно говорили, какъ досадовалъ Эрнестъ при мысли, что его сестра богата, тогда, какъ онъ находится въ униженіи и бѣдности; но въ это время онъ еще съ большимъ огорченіемъ вспо-

нилъ, что желая нравиться г-жѣ Норбертъ, онъ самъ заботился объ устроении союза Шарлотты съ Гербуа, а между-тѣмъ обстоятельства такъ расположились, что онъ даже не могъ надѣяться найти пріютъ у своей сестры; во-первыхъ потому, что сестра его не любила; во-вторыхъ, потому-что Гербуа былъ его кредиторомъ и кредиторомъ весьма безпokoйнымъ. Наконецъ, Эрнестъ ненавидѣлъ Линана, а между-тѣмъ Линанъ занималъ важный постъ въ провинціи.

— Всѣ они счастливы, говорилъ онъ самому себѣ, — всѣ они пользуются уваженіемъ, богатствомъ, любовью, тогда, какъ я трепещу каждую минуту, ожидая за собою погоню, а не нужда ли, не желаніе ли имѣть нѣсколько золотыхъ монетъ, принудили меня покуситься на воровство?

Теперь ему хотѣлось Жюльетту опутать такъ, чтобъ она увидѣла себя въ необходимости покинуть Францію, потому-что ему самому не было другаго спасенія, какъ бѣжать за границу.

Окончательно рѣшившись на такой поступокъ, Эрнестъ оставилъ Марсиллякъ и ночью въѣхалъ въ Родезъ. Онъ остановился въ той самой гостинницѣ, противъ которой еще такъ недавно малютка Адрианъ, любовался поугаемъ, въ ту минуту, когда проходилъ мимо Джонъ Плюмеръ и уронилъ его на мостовую. Эрнестъ рассчиталъ, что лучшее средство не встрѣтиться съ Линаномъ, было жить или въ отдаленіи отъ него, или совершенно подлѣ него. На другой день онъ видѣлъ паденіе Адриана, въ-слѣдствіе жестокости Плюмера, котораго онъ не зналъ, видѣлъ, какъ Жюльетта выбѣжала изъ своего дома, чтобы помочь бѣдному малюткѣ, но, не понимая хорошенько сущности этой сцены, онъ нимало не былъ ею тронутъ.

Онъ подошелъ къ окну, выжидая минуты, когда префектъ отпра-вится въ Клерво. Едва лишь онъ замѣтилъ отъѣздъ префекта, какъ тотчасъ явился къ нему въ домъ и приказалъ доложить о себѣ г-жѣ де-Линанъ.

— Просить! — воскликнула Жюльетта.

Г-жа де-Линанъ уже изнемогала отъ досады и ревности, которую напрасно старалась скрывать; она не могла не чувствовать своего гру-стнаго одиночества въ незнакомомъ городѣ, гдѣ она не имѣла ни ма-лѣйшей опоры и ни одного друга, который бы могъ о ней пожалѣть и облегчить ея горе. Внезапное появленіе Мейрана обрадовало ее не-сказанно: это былъ другъ ея дѣтства, человекъ, которому она могла повѣрить тайну своихъ страданій. Эрнестъ, вѣрно, имѣетъ довольно влія-нія на Гербуа и его жену, чтобы разрушить тѣсную дружбу, которая ей такъ досаждаеть. Эрнестъ былъ одѣтъ съ изысканностію, легкое

безпокойство, проглядывавшее въ чертахъ его, можно было принять за волненіе, какое чувствуетъ человѣкъ при встрѣчѣ съ любимой женщиною, послѣ долгой разлуки, и все это дѣлало его весьма интереснымъ.

— Эрнестъ! воскликнула Жюльетта, вы здѣсь?... Вы не забыли еще вашихъ друзей...

— Нѣтъ, тѣмъ болѣе васъ... это для меня невозможно!

— Мнѣ и самой иногда приходила мысль, что я, можетъ-быть, встрѣчу васъ въ Родезѣ... У васъ здѣсь есть родственники?...

— Признаюсь вамъ, что не для нихъ я сюда пріѣхала, я ихъ даже не видала еще... Я не въ слишкомъ въ хорошихъ отношеніяхъ съ г. Гербуа и его супругою. А вы?... спросилъ Эрнестъ, опасаясь, чтобы какія-нибудь обстоятельства не объяснили Жюльеттѣ хотя какую-либо сторону его поведенія.

— Что касается до меня, — отвѣчала она, — у меня здѣсь нѣтъ друзей.

— А между-тѣмъ вы созданы, чтобы имѣть ихъ повсюду... — замѣтилъ Эрнестъ, — но я надѣюсь, что мое путешествіе въ Родезъ не останется безплоднымъ, и я буду полезенъ для васъ.

— Не имѣете ли вы какого-нибудь дѣла къ префекту? — отрывисто спросили Жюльетта, — въ такомъ случаѣ, вамъ должно будетъ ѣхать въ Клерво, къ вашей сестрѣ; онъ живетъ тамъ почти безвыходно.

Эрнестъ сдѣлалъ жестъ негодованія.

— Я это зналъ, — отвѣчалъ онъ.

— Вы знали это? Вы знали, значитъ, что меня ожидаетъ въ Родезѣ?

— Дай Богъ, чтобы вамъ поскорѣй удалось отсюда уѣхать!

— Объясните, пожалуйста, что вы хотите этимъ сказать.

Эрнестъ былъ въ нерѣшимости, или лучше сказать, притворно показывалъ видъ нерѣшимости.

— Говорите, говорите! воскликнула Жюльетта.

— Послушайте, — началъ Эрнестъ, — прежде всего позвольте мнѣ напомнить вамъ мои прежнія къ вамъ чувства, не для того, чтобы возобновлять минувшее, но чтобы объяснить вамъ причины моего пріѣзда. Вы сами объяснили мнѣ причины, побудившія васъ къ вступленію въ бракъ съ Линаномъ; вы его не любили, но вышли за него въ надеждѣ на благородство его чувствъ. Но можно ли знать глубину человѣческаго сердца! кто ее извѣдалъ? и развѣ вы не могли въ этомъ случаѣ ошибаться.

— Что вы хотите этимъ сказать?...

— Этотъ бракъ открылъ вашему супругу дорогу къ почестямъ, онъ достигъ желаемого, и достигъ всего чрезъ васъ... И теперь васъ-же считаютъ сообщницею той дружбы, на которую вы жалуетесь...

Вопль негодованія вырвался у Жюльетты. Эрнестъ продолжалъ.

— Когда я слышалъ, что Линань уѣхалъ въ Аверонъ, я отправился къ вамъ именно съ тою цѣлю, чтобы объяснить вамъ всю опасность вашего положенія, но вы тогда жили въ министерствѣ внутреннихъ дѣлъ. Въ этомъ министерствѣ я имѣлъ не друзей, не товарищей, а завистниковъ... Тамъ завидовали тому покровительству, какое вы мнѣ оказывали и которое дѣйствительно могло доставить мнѣ значительный вѣсъ по службѣ. Эти господа оклеветали меня и обманутый министръ лишилъ меня мѣста.

— Но если вы не могли рѣшиться придти въ министерство, почему же вы мнѣ не написали?

— Я писалъ, и съ письмомъ въ рукахъ пришелъ въ вашъ домъ, гдѣ встрѣтилъ Пикара и видѣлъ вашу горничную Клодину. Отъ нихъ-то я узналъ, что вы уже въ Родезь; въ такомъ случаѣ, письмо было бесполезно.

— Это справедливо, — замѣтила Жюльетта.

— Но между-тѣмъ, — продолжалъ Эрнестъ, — это заставило меня содрогнуться и пріѣхать сюда.

— Но Боже мой! чѣмъ же вы можете мнѣ пособить, Эрнестъ?

— Я могу отвратить злые замыслы вашихъ враговъ и отмстить имъ.

— Я уже была одинъ разъ наказана, — грустно произнесла Жюльетта, — самыми тяжкими ударами клеветы, и вы также были замѣшаны въ тѣ пасквили, которые на меня взводили; благодарю васъ Эрнестъ за доброе намѣреніе; но ваше участіе, ваша помощь могутъ мнѣ еще болѣе повредить.

— О! вы еще не знаете, въ чемъ дѣло.

— Что же такое, чего я не знаю?

— Вы окружены врагами, вамъ измѣняютъ ваши собственные люди. Ваша горничная Роза помѣщена къ вамъ г-жею Гербуа; она предана ей въ полной мѣрѣ.

— Роза! Роза! — съ удивленіемъ повторила Жюльетта.

— Эта самая Роза, — продолжалъ Эрнестъ, — была въ услуженіи у моей сестры, до прибытія вашего въ Родезь, это должно быть извѣстно вашему мужу. Моя сестра помѣстила ее къ вамъ въ качествѣ шпионки... и все это она дѣлала, разумѣется, не безъ предварительнаго согласенія съ префектомъ.

— О Боже мой! — воскликнула Жюльетта, — значить я обманута во всѣхъ отношеніяхъ! За мною слѣдятъ; каждый шагъ мой, каждое движеніе, слово, взглядъ, все передается! И кому же? г-жѣ Гербуа. И г. де-Линанъ рѣшился на такую низость!

— Увы! рѣшился, — произнесъ Эрнестъ.

Жюльетта такъ растерялась отъ неожиданнаго появленія Эрнеста, и отъ досады, какую она чувствовала еще до его прихода, что вопреки самымъ обыкновеннымъ приличіямъ свѣта, она позабыла попросить его сѣсть. Разговоръ ихъ шелъ быстро, и все время она сидѣла на софѣ, а Эрнестъ стоялъ передъ нею. Но при послѣднемъ обвиненіи, она вскочила съ своего мѣста.

— Это невозможно, сударь, — сказала она, — никогда не повѣрю, чтобы г. де-Линанъ тутъ участвовалъ.

— Вы не вѣрите?

— Что касается до г-жи Гербуа, я не говорю ни слова: отъ нея всего можно ожидать; но... Я требую доказательствъ, сударь.

— Доказательства у васъ подъ рукой; вамъ нетрудно допросить Розу.

Жюльетта позвонила.

— Такъ вы пріѣхали спасти меня отъ тайной интриги?—съ нѣжностію произнесла Жюльетта,—вы, Эрнестъ!.. Но, нѣтъ, я еще разъ повторю, это невозможно... привязанность ваша ко мнѣ, Эрнестъ, заставила васъ смотрѣть на вещи въ преувеличенномъ видѣ, воображеніе ваше создало небывалые фантомы...

— Но вотъ ваша горничная.

Вошла Роза. Мы уже говорили прежде, что Роза была очень хорошенькая дѣвушка, взоръ ея былъ нѣженъ и довѣрчивъ, улыбка пріятная и заманчивая. Но на этотъ разъ, Роза была очень блѣдна, въ слѣдствіе странныхъ происшествій, какія съ нею случились наканунѣ. Не болѣе, какъ часъ тому, она видѣла благородный поступокъ Жюльетты, онъ внушилъ ей еще больше къ ней уваженія и совершенную преданность. Жюльетта, никогда не умѣла скрывать своихъ ощущеній. Взволнованная необычайными извѣстіями Эрнеста, она очень сурово стала допрашивать горничную.

— Роза, — сказала она ей, — ты была въ услуженіи у г-жи Гербуа?

— Такъ точно-съ.

— И перешла отъ нея ко мнѣ?

— Да-съ...

— По ея приказанію?

— Да, сударыня.

— Тебѣ было приказано все подматривать, подслушивать и потомъ пересказывать?

— Виновата...

— Исполняла ты это?

— Нѣтъ-съ.

— Почему?

— Во-первыхъ, — отвѣчала Роза, — потому, что мнѣ было противно то, чего отъ меня требовали и на что я должна была согласиться только наружно, отъ страху, чтобы г-жа Гербуа меня не погубила; по-крайней-мѣрѣ, она это обѣщала, въ случаѣ, если я не соглашусь исполнять ея приказаній.

— Во-вторыхъ?

— Во-вторыхъ, потому что съ-тѣхъ-поръ, какъ я нахожусь у васъ, сударыня, я еще ни разу не видѣлась съ г-жею Гербуа.

— Прекрасно! она тебя не спрашивала, пусть будетъ такъ; но вотъ этотъ господинъ утверждаетъ, что она тебѣ дала приказаніе...

Роза пристально посмотрѣла на Эрнеста.

— Вѣроятно, вы знаете Жюльена, сударь? — спросила она.

— Немножко, — отвѣчалъ Эрнестъ.

— Значитъ, онъ вамъ все разсказалъ?

— Онъ мнѣ ни слова не говорилъ.

— Что все это значитъ? — воскликнула Жюльетта, — отвѣчай на мои вопросы.

Эрнестъ тотчасъ сообразилъ, что ему невыгодно вооружать противъ себя Розу, которая притомъ была совершенно невиновата. Онъ рѣшился отвѣчать за нее.

— Госпожа де-Линань, — сказалъ онъ, — я ностараюсь самъ разъяснить вамъ это дѣло. Еще вчера вечеромъ, около восьми или девяти часовъ, желая васъ посѣтить, я отправился въ вашъ домъ; уже смеркалось и дворъ вашъ былъ совершенно пустъ. Но при входѣ на подъѣздъ, мнѣ вдругъ пришла мысль, что люди ваши меня не знаютъ и что въ провинціи такое позднее посѣщеніе могло подать поводъ къ разнымъ пустымъ толкамъ. Я рѣшился возвратиться домой, какъ вдругъ послышались шаги человѣка, идущаго съ улицы прямо ко мнѣ навстрѣчу. Это могъ быть кто-нибудь изъ вашихъ лакеевъ или даже самъ префектъ. Чтобъ избѣжать непріятной встрѣчи, я вошелъ въ сарай. Въ это время Роза выбѣжала къ этому ночному посѣтителю и оба вмѣстѣ тоже вошли въ сарай; я притаился за каретой, а они усѣлись около дышла.

— Далѣе? далѣе что? произносила въ нетерпѣніи Жюльетта.

— Этотъ незнакомецъ, — продолжалъ Эрнестъ, — повидимому, женихъ Розы. Сама Роза страстно желаетъ выйти за него замужъ; г-жа Гербуа обѣщаетъ ей дать приданое, если она согласится все ей передавать, и, по ея наставленіямъ, вооружать васъ противъ г. Линана.

Роза залилась слезами. Она бросилась къ ногамъ Жюльеты и осыпала поцѣлуями ея руки.

— О, сударыня, — воскликнула она, — позвольте этому барину продолжать. Изъ словъ его вы узнаете, виновата-ли я хотя въ чемъ-нибудь и увидите сколько благороденъ Жюльенъ.

Жюльетта была утомлена. Она сѣла на софу.

— Роза честная дѣвушка, — продолжалъ Эрнестъ; — ее хотѣли обмануть.

Кто-то постучалъ у дверей будуара.

Эрнестъ совершенно измѣнился въ лицѣ.

— Это, вѣроятно, господинъ де-Линанъ? — сказалъ онъ.

— Г. де-Линанъ никогда ко мнѣ не приходитъ, отвѣчала Жюльетта грустнымъ голосомъ, — онъ въ Клерво, онъ ожидаетъ моего отъѣзда въ Парижъ, чтобы имѣть возможность входить въ эту комнату. Отвори Роза.

Это былъ Жюльенъ. Теряясь послѣ признаній, какія ему сдѣлала Роза наканунѣ и предполагая, что Роза побоится признаться во всемъ своей госпожѣ, онъ рѣшился самъ это сдѣлать. Жюльенъ объяснилъ Жюльеттѣ, что ни Роза, ни онъ, ни за что въ мірѣ не хотѣли купить себѣ приданого цѣною предательства. И рассказъ Эрнеста, и увѣренія Розы, и поступокъ Жюльена, все доказывало невинность Розы.

— Хорошо, друзья мои, — сказала Жюльетта, — вы честные люди; оставьте меня теперь на минуту съ этимъ господиномъ.

— Я провелъ ночь гораздо мучительнѣе, чѣмъ этотъ благородный Жюльенъ, — сказалъ Эрнестъ, — когда Роза и ремесленникъ вышли изъ горницы; — онъ опасался только за эту молодую дѣвушку, а я трепеталъ за вашу честь, за ваше счастье. Не потому, чтобы эта попытка могла осуществиться: слова Жюльена и Розы меня успокоили; но я содрагался при мысли о будущемъ.

Жюльетта протянула ему руку; рука ея горѣла и дрожала. Въ эту минуту ее волновали разныя чувства: досада, ненависть, жажда мщенія; она живо сознавала въ себѣ желаніе воздать ударомъ за ударъ, раной за рану. Пылкіе люди иногда такъ сильно чувствуютъ, что сила этихъ чувствъ причиняетъ имъ физическій недугъ, который приводитъ ихъ въ какое-то расслабленіе и опьяненіе. Голова Жюльетты пыла-

ла, виски бились; она носилась по своему будуару, какъ Герміона носится по сценѣ въ ту минуту, когда предаеть Пирра мщенію Ореста.

— А я, безумная, — мысленно повторяла она, — хотѣла видѣть въ этомъ чловѣкѣ признаки великодушія, въ то время, какъ онъ, вмѣстѣ съ этою женщиною, замышлялъ противъ меня заговоръ!

— И такъ вы все знаете теперь.... Вы требовали отъ меня доказательствъ.... я ихъ представилъ....

— Я остаюсь однако, я остаюсь здѣсь! Пусть они приведутъ въ исполненіе свою интригу, если посмѣютъ.

— И этимъ положеніемъ я обязана г. Линану! съ негодованіемъ воскликнула Жюльетта.

— Безъ сомнѣнія. Вы увидите, чью сторону онъ возьметъ въ этомъ дѣлѣ. Еслибъ даже онъ и не зналъ сущности дѣла, онъ все-таки отдастся на сторону г-жи Гербуа; но нельзя предполагать, чтобъ онъ его не зналъ.

— О! гибельный бракъ! воскликнула Жюльетта. Кто освободитъ меня отъ этого тяжкаго ига?

Жюльетта не разсуждала уже о томъ, что говорила. Ревность, досада, удивленіе, ужасъ лишали ее той свѣтлости разума, которая озаряетъ насъ даже въ самыя мрачныя и тягостныя минуты жизни.

Эрнестъ продолжалъ:

— Г. Линанъ теперь въ Клерво; онъ скоро отправится на охоту, которую они затѣяли въ окрестностяхъ Марсилляка; я хорошо знаю эту мѣстность. Мало ли что можетъ случить на охотѣ... Легко можетъ статься, что г. де-Линанъ...

— Я не хочу его болѣе видѣть! еще разъ воскликнула Жюльетта.

— Надѣюсь, что вы его болѣе не увидите! воскликнулъ Эрнестъ и бросился изъ будуара, не вступая въ дальнѣйшія объясненія и не давая времени Жюльеттѣ придти въ себя и опомниться. Онъ искалъ сообщника и нашель его.

Оставшись наединѣ, Жюльетта не думала объ Эрнестѣ; онъ ее мало занималъ; все мысли ея были устремлены на одинъ предметъ: этотъ предметъ былъ Анатоль. Анатоль вводитъ къ ней въ услуженіе шціонку г-жи Гербуа! Вмѣстѣ съ Шарлоттой онъ изобрѣтаетъ средства къ удаленію ея!

Въ эту минуту вошла въ спальню Роза.

— Сударыня, какой-то господинъ изъ Парижа желаетъ непременно съ вами говорить.

— Нѣтъ Роза, нѣтъ! Я никого не хочу видѣть.

— Этотъ господинъ, — продолжала Роза, — имѣетъ весьма важное

дѣло къ г. префекту, и узнавъ, что г. Линана нѣтъ дома, просить позволеніе видѣть васъ на одну минуту...

— Невозможно; пошли его въ Клерво.

Между-тѣмъ настойчивый посѣтитель, не дожидаясь позволенія, вошелъ въ спальню. Это былъ мужчина высокаго роста, съ лукавою наружностію, но въ тоже время выраженіе храбрости и какой-то рѣшительности уменьшало нѣсколько отвращеніе, какое могли внушить къ нему признаки лукавства. На немъ былъ синій сюртукъ, застегнутый до самого подбородка... Такъ одѣвались въ то время все военные, когда перемѣняли мундиръ на партикулярное платье... Онъ вошелъ со всевозможною вѣжливостію и просилъ г-жу де-Линанъ выслать горничную. Жюльетта съ нетерпѣніемъ приказала горничной удалиться.

— Сударыня, — сказалъ незнакомецъ, когда они остались наединѣ, — я агентъ полиціи.

Хотя присутствіе полицейскаго агента вещь очень обыкновенная въ домѣ префекта, однако Жюльетта сдѣлала шагъ назадъ.

— Я пріѣхалъ сюда изъ Парижа, неболѣе четверти часа; простите, что я васъ беспокою, но г. префекта нѣтъ дома, и я полагаюсь...

— Я не вмѣшиваюсь въ дѣла префекта, — отвѣчала Жюльетта, указывая двери полицейскому агенту.

— Только не въ такомъ случаѣ.

— Говорите, что вамъ надо... произнесла Жюльетта повелительнымъ тономъ, въ которомъ слышалось неудовольствіе продолжать этотъ разговоръ.

Гро-Бекъ, — это былъ онъ, — вѣжливо поклонился и продолжалъ самымъ почтительнымъ голосомъ:

— Позвольте узнать, не у васъ-ли г. Эрнестъ де-Мейранъ?

— Онъ былъ здѣсь четверть часа тому назадъ, — отвѣчала Жюльетта.

— Ахъ! — воскликнулъ Гро-Бекъ, топувъ ногою, — значитъ я опоздалъ нѣсколькими минутами.

— Но что-же общаго можетъ быть между вами и г. Мейраномъ?

— Что общаго? — отвѣчалъ Гро-Бекъ, — этотъ господинъ въ одно и то-же время фальшивый игрокъ и воръ.

— Эрнестъ? — возразила Жюльетта, блѣднѣя, какъ полотно.

— Да, сударыня, онъ обокралъ старика Монти, бѣдняка, который жилъ на чердакѣ. Мы уже десять дней ищемъ его въ Парижѣ, и г. префектъ, вѣроятно, получилъ повелѣніе по телеграфу арестовать его въ Родезѣ, куда онъ прибылъ три дня тому назадъ.

Еще Жюльетта не успѣла опомниться отъ удивленія, какъ Гро-Бекъ довольно смѣло позвонилъ въ колокольчикъ. Явилась Роза.

— Ты, вѣроятно, видѣла молодаго человѣка, — спросилъ онъ — который здѣсь былъ недавно?

— Да, сударь.

— Не знаешь-ли, куда онъ пошелъ отсюда?

— Нѣтъ, сударь.

— Значить, онъ еще здѣсь въ домѣ. Но еще одинъ вопросъ: нѣтъ-ли у васъ двухъ выходовъ?

— Какъ же, здѣсь есть ворота и потомъ калитка въ сосѣднюю улицу:

— Значить, онъ ушелъ черезъ калитку! — замѣтилъ агентъ.

Съ этими словами онъ, почтительно поклонившись г-жѣ Линанъ, вышелъ изъ комнаты, имѣя въ виду преслѣдовать Эрнеста.

Жюльетта упала на софу и закрыла лицо руками. Такъ ее окружили только одни преступныя и нечестивыя лица. Г-жа Гербуа, де-Линанъ и наконецъ тотъ самый молодой человѣкъ, который за минуту передъ тѣмъ явился къ ней, какъ избавитель, какъ другъ, какъ мститель, тотъ самый, за котораго она нѣкогда хотѣла выйти замужъ..., былъ ничто—иное, какъ воръ и мошенникъ! Она позвала Розу.

— Роза, — сказала она, — ступай въ канцелярію г. префекта, и попроси ко мнѣ его секретаря.

Секретарь поспѣшилъ на зовъ г-жи де-Линанъ.

— Не получали-ли вы какихъ-нибудь приказаній изъ Парижа по телеграфу? — спросила Жюльетта.

— Какже, сейчасъ только получили.

— Вы можете мнѣ сказать, въ чемъ они состоятъ?

— Безъ малѣйшаго затрудненія. Но онѣ не стоятъ вашего вниманія.

— Все-таки, скажите мнѣ.

— Дѣло въ томъ, чтобы арестовать вора, который бродитъ подъ вымышленнымъ именемъ Гойльона, кажется такъ, или подъ какимъ-то именемъ въ этомъ родѣ, но котораго настоящее имя Эрнестъ де-Мейранъ. Предполагаютъ, что онъ живетъ въ окрестностяхъ Родеза, въ Марсиллякѣ, или гдѣ-то въ этихъ мѣстахъ.

— Въ Марсиллякѣ! — воскликнула Жюльетта.

— Да, въ Марсиллякѣ, въ городѣ, окруженномъ лѣсами и болотами.

— Въ Марсиллякѣ! — повторала Жюльетта.

— Я отдалъ приказаніе, — продолжалъ секретарь, — жандармскому поручику.

— Но, — продолжала спрашивать Жюльетта, известна-ли эта депеша г. Линану.

— Нѣтъ еще. Но мы можемъ распорядиться въ этомъ случаѣ и безъ него. Это простая полицейская мѣра.

— Позвольте, позвольте — произносила Жюльетта, приходя все въ большее волненіе, — Г. де-Линанъ въ Клерво?

— Я полагаю, что тамъ. — Но если вамъ угодно будетъ что-нибудь приказать, я за особое счастье почту поспѣшить исполнить ваши приказанія.

— Я желаю знать, когда возвратится г. де-Линанъ въ Родезъ?

— Сегодня вечеромъ г. префектъ намѣренъ изъ Клерво отправиться на охоту въ Марсиллякъ.

При этихъ словахъ, невольный вопль вырвался у Жюльетты.

— Ступайте, поѣзжайте, скачите въ Клерво, скажите г. де-Линану, что онъ долженъ немедленно сюда возвратиться; я этого требую, я — его жена, скажите ему, что дѣло идетъ о моей и его жизни; прикажите туда скакать жандармскому поручику, пошлите всѣхъ слугъ. Торопитесь-же, милостивый государь... Не теряйте ни одной минуты...

— Сударыня, мнѣ невозможно оставить мой постъ, въ отсутствіи самаго префекта.

— Я вамъ приказываю ѣхать; дѣло идетъ о жизни г. де-Линана.

Въ одно мгновеніе все поднялось въ префекторскомъ домѣ. Дворъ наполнился лошадьми. Поручикъ устремился по дорогѣ къ Клерво, предводительствуя взводомъ жандармовъ. За ними поскакали лакеи. Секретарь, неумѣя ѣздить верхомъ, отправился въ кабриолетъ.

Слова Жюльетты возмутили всѣ умы. Надлежало-же показать свое усердіе, когда дѣло шло о томъ, чтобы спасти жизнь префекта. Этого требовала его супруга, которая до сегодня не давала никакихъ приказаній; но одушевленіе и сила, съ какою она выражалась при этомъ приказаніи, не позволяли никому сомнѣваться въ дѣйствительности опасности, которая угрожала Линану.

— Роза, — сказала Жюльетта своей горничной, — бѣги за полицейскимъ агентомъ, который у меня здѣсь былъ. Я хочу его наградить и дать ему нѣкоторыя приказанія.

— О Боже — восклицала она, ударяя себя въ лобъ обѣими руками, — что я сказала! Какъ могли у меня вырваться такія слова? « Кто разлучитъ меня съ этимъ человѣкомъ, кто избавитъ меня отъ тяготящаго на мнѣ ига? » И кому-же я это говорила, Боже мой! вору, который можетъ покуситься на всякое преступленіе! Этотъ человѣкъ приходитъ, прячется; воры всегда прячутся; подслушиваетъ разговоръ честныхъ людей, которые и безъ того во всемъ-бы мнѣ признались, и потому только, что сестра его интригантка, онъ обвиняетъ Анатоля... Роза! Роза!

— Сударыня, я не нашла этого господина.

— Роза, будь откровенна. Скажи: ты знала г. Линана, до поступления ко мнѣ въ домъ?

— Одинъ только разъ я его видѣла въ Клерво.

— А онъ тебя зналъ?

— О, нѣтъ сударыня. Еслибъ онъ меня зналъ, онъ бы не взялъ меня къ вамъ... и сама г-жа Гербуа, помѣстивъ меня сюда, наказывала мнѣ не говорить, что я у нея жила — ни вамъ, ни барину.

Изъ всего этого я вижу, — говорила Жюльетта самой-себѣ — что Линанъ не раздѣлялъ желанія, чтобы каждое мое движеніе, каждое слово были передаваемы; теперь я въ этомъ увѣрена, а между тѣмъ, меня хотѣли убѣдить, что онъ участвуетъ въ замыслѣ этой женщины? Нѣтъ, этого никогда не могло быть. О, Боже мой! Не вмѣстѣ ли съ нимъ мы воспитывались у г. Бюссьера? Самый бракъ нашъ, въ который мы вступили, не смотря на нашу взаимную ненависть, не доказываетъ ли благородства его чувствъ? Неужели-же человекъ, который женился на мнѣ для возстановленія своей репутаціи, рѣшится на позорное дѣло, которое совершенно должно его погубить? О! никогда! Это невозможно! Вся эта штука принадлежитъ одной г-жѣ Гербуа, которая любитъ Анатоля. Все подозрѣнія были мнѣ внушены тѣмъ воромъ, который сейчасъ же будетъ въ рукахъ правительства... О Боже мой! какія преступныя слова сорвались у меня съ языка! Но въ ту минуту мною овладѣлъ гибельный бредъ; не помнила сама, что говорила. Боже, прости меня, прости...

— Сударыня, — воскликнула Роза, — баринъ уже на дворѣ; онъ сходить съ лошади.

Жюльетта почти безъ чувствъ упала на софу.

VII.

РАЗВЯЗКА.

Отправляясь въ Клерво, Линанъ былъ несомнѣнно въ пріятномъ расположеніи духа.

Выѣхавъ со двора, онъ пустилъ свою лошадь въ галопъ, но проскакавъ нѣсколько по улицѣ, онъ опять ее удержалъ, и поѣхалъ шагомъ...

Онъ видѣлъ утромъ поступокъ Жюльетты, видѣлъ участіе, какое она приняла въ несчастномъ ребенкѣ, это участіе говорило въ пользу ея человеколюбія, ея чистаго сердца, и тревожило его умъ. Ему бы очень хотѣлось ненавидѣть свою жену, но для этого нужно было, чтобы она своими дурными качествами заслуживала его ненависть,

равно какъ и ненависть всѣхъ другихъ. И ему тяжело было признать въ ней добродѣтели.

— Шарлотта, — говорилъ онъ самому себѣ, — между тѣмъ не оказала помощи несчастному ребенку.

Однако этотъ ребенокъ былъ внушительный племянникъ Гербуа, слѣдовательно родственникъ Шарлотты. Правда, что Роза не обвинила передъ префектомъ г-жи Гербуа, а потому онъ всю вину приписывалъ скупости агронома, который въ этомъ случаѣ, вѣроятно, дѣйствовалъ безъ согласія жены. Затѣмъ г-ну де Линану пришелъ на мысль Джонъ Плюмеръ.

— Какое черствое сердце у этого молодого человѣка! — ввѣряйте такимъ негодяямъ управленіе цѣлымъ уѣздомъ; того и смотри, что выйдеть какая-нибудь неприятность. Но онъ не долго усидитъ на своемъ мѣстѣ. Я буду писать сент-африкскому суб-префекту.

Между тѣмъ, онъ приблизился къ Клерво и уже подѣхалъ къ самому дому, когда увидѣлъ Гербуа, стоящаго въ созерцательномъ положеніи передъ мужикомъ, роющимъ землю. Гербуа дѣлалъ опыты надъ вновь изобрѣтеннымъ тукомъ. Увидѣвъ Префекта, онъ поклонился съ почтеніемъ, но съ маленькою гордостію; агрономъ былъ такъ сказать *на своемъ мѣстѣ*. Линанъ презрительно улыбнулся, и далъ тенкеля лошади.

— Г. префектъ не въ духѣ... подумалъ Гербуа, — ужъ невооружила ли его кузина противъ меня за этого негоднаго Адриана?...

О! это вѣрно не то, это должно быть за крестъ; они всѣ на меня сердятся за этотъ креттъ. Префектъ самъ еще не имѣетъ креста и ему было бы очень неприятно видѣть его на комънибудь другомъ.

Г-жа Гербуа, ожидая Линана, облеклась въ самый роскошной нарядъ. Бѣлое муслиновое платье обрисовывало ея талію. Голубой шарфъ еще чудеснѣе гармонировалъ съ золотистыми волнами ея шелковистыхъ волосъ. Бѣлая и нѣжная, какъ Церера, г-жа Гербуа обладала свѣжестію и граціей Гебы. Сидя передъ игорнымъ столикомъ, отъ нечего дѣлать, она перебирала карты и предавалась самому роскошному кейфу. Едва лишь она замѣтила Анатоля, легкій румянецъ заигралъ на ея щекахъ, но, желая выказать скромность, она томно опустила свои влажныя рѣсницы. Бѣглый взглядъ, брошенный на префекта, достаточно объяснилъ ей, что огорченія, которыя терзали Анатоля нѣсколько дней тому назадъ, еще не успѣли разсѣяться, и она поняла, что сегодня предстоитъ ей употребить въ дѣло весь умъ и всю ловкость, чтобы окончательно побѣдить человѣка, на котораго ея цѣпи

еще не были наложены. Горя нетерпѣніемъ исключительно властвовать надъ Линаномъ, она рѣшилась въ этотъ-же день извѣдать чувства Линана къ Жюльеттѣ, и въ случаѣ необходимости, пустить въ ходъ все пружины коварства. Между-тѣмъ, наружно она сохраняла всевозможное спокойствіе, скрывая свои хитро-обдуманые планы подъ самую простодушную улыбку.

— Анатолю, — сказала она, — вы сегодня очень любезны; вы пріѣхали ранѣе, чѣмъ я васъ ожидала.

— Я пріѣхалъ къ вамъ съ тѣмъ, чтобы насладиться здѣсь тишиной и спокойствіемъ, которыя такъ мнѣ нужны, — отвѣчалъ Линанъ.

— Я васъ благодарю за это; я понимаю, какія страданія вы испытываете у себя дома; — говорила Шарлотта, — я понимаю ихъ. . не будемъ лучше и вспоминать о нихъ... Слыхали вы какія новости въ Клерво?..

— Какія новости?

— Кстати, видѣлись вы съ Гербуа?

— Я его встрѣтилъ около подъѣзда.

— И онъ вамъ ничего не сказалъ?

— Мы только раскланялись.

— Я въ первый разъ замѣчаю въ немъ такую скромность.

— Въ чемъ-же дѣло?

— Онъ ѣдетъ въ Италію: я его уговорила предпринять это путешествіе. Онъ очень недоволенъ картофелемъ, который у насъ въ Клерво, лукомъ, и въ особенности спаржей. Дурное качество этой овощи происходитъ вѣроятно отъ недостатковъ тука, имъ употребляемаго, который, несмотря на все его заботы, нимало не оправдываетъ его надеждъ. Вы знаете, что синьоръ Рикордео, живущій въ окрестностяхъ Лилана, довольно свѣдуешь въ этихъ предметахъ. Такъ г. Гербуа черезъ нѣсколько дней ѣдетъ къ нему за совѣтомъ. По его возвращеніи, вы ему выхлопочите крестъ.

Линанъ, почти не слушая г-жи Гербуа, любовался ею, и находя, что она въ этотъ день гораздо интереснѣе, не могъ утерпѣть, чтобы не сдѣлать ей нѣсколько комплиментовъ.

— Знаете-ли что я дѣлала до вашего прихода?—взгогорпала она,— я гадала, точно старуха.

— И вы разгадали будущность? — замѣгилъ Линанъ.

— Разумѣется. Я даже гадала объ васъ.

Линанъ поглядѣлъ на Шарлотту. На устахъ ея скользила такая привлекательная улыбка, въ глазахъ выражалось такъ много доброты,

что всѣ заботы, тревожившіе воображеніи префекта, мгновенно разсѣялись.

— Скажите-же, Шарлотта, что новаго открыли вамъ карты?

— Я боюсь вамъ сказать... Вы префектъ! пожалуй, прикажите меня сжечь, какъ колдунью...

— Все-таки говорите; Анатолю не скажетъ этого Линану, а Линанъ не скажетъ префекту: не бойтесь ничего.

При этихъ словахъ, госпожа Гербуа смѣшала карты, потомъ собрала ихъ въ одну коллоду и положивъ въ сторону, серьезнымъ тономъ сказала:

— Будущее! неужели вы думаете, что я такъ легковѣрна, чтобы искать его въ бездушныхъ разкрошенныхъ лоскуткахъ бумаги? Я знаю, что *настоящее* приготавливаетъ намъ *будущее*. Мы каждое *сегодня* готовимъ себѣ *завтра*. Будущее зависитъ отъ насъ самихъ: по-крайней-мѣрѣ Я располагаю своимъ. Сдѣлайте тоже самое, приготовьте сами ваше будущее я знаю, васъ тяготитъ присутствіе женщины, которую вы ненавидите... Такъ что-же? Хоть г-жа С*** и очень любитъ свою родственницу, но еслибъ воздухъ родезскій сдѣлался вреденъ для здоровья г-жи де-Линанъ...

— Она конечно выписала бы ее въ Парижъ, въ томъ нѣтъ ни малѣйшаго сомнѣнія. Но это предположеніе очень несбыточное.

— Однако, еслибъ всѣ утверждали, что ей вреденъ родезскій воздухъ, вы ее вѣрно отослали бы назадъ въ Парижа, чтобъ полечиться у доктора.

— Что вы хотите этимъ сказать? — спросилъ Линанъ.

— Анатолю, не будете ли вы мнѣ благодарны, если я откровенно вамъ скажу, что вмѣсто пустаго гаданія по картамъ, я открыла вѣрное средство избавить васъ отъ тяжести всѣхъ вашихъ неудовольствій?

— Но я прошу васъ еще разъ, объясните мнѣ, что вы хотите этимъ сказать?

— Скажите, — продолжала Шарлотта, — довольна ли ваша супруга своею горничной Розой?

— Для чего это?

— Я хочу знать, имѣетъ ли она довѣріе къ Розѣ?

При словѣ *Роза*, какое-то смутное воспоминаніе пробѣжало въ умѣ Линана. Онъ не могъ припомнить, чтобы онъ когда-нибудь видѣлъ эту дѣвушку въ Клерво, но теперь ему пришло на мысль, что когда-то горничная Шарлотты называлась этимъ именемъ.

— Слыхали вы отъ врачей, Анатолю, что тоже лекарство, которое вылечиваетъ болѣзнь у *больнаго*, производитъ ее — у *здороваго*?

— Что-же въ этомъ? спросилъ Линанъ въ недоумѣннн.

— Въ этомъ — средство, которое я вамъ рекомендую.

— Болѣзнь! Роза! — воскликнулъ г. Линанъ, въ которомъ вдругъ пробудились самыя страшныя подозрѣнн, — и быстро вскочилъ съ своего мѣста. Значить, — моя жена больна. Жюльетта въ опасности!

— Анатолю! Анатолю! — воскликнула г-жа Гербуа, бросаясь къ префекту:

— Мою лошадь! лошадь! — кричалъ онъ.

Быстрѣе молнн онъ выбѣжалъ изъ залы и прошелъ черезъ дворъ, вскочилъ на свою лошадь и едва не опрокинулъ г. Гербуа, возвращавшагося въ это время домой.

Агрономъ, рѣшительно не имѣя понятнн о томъ, что происходило у него въ домѣ, крайне удивился.

— Съ ума онъ сошелъ! что же такое могло произойти между моею женою и префектомъ? — сказалъ онъ.

Между-тѣмъ Линанъ шпорилъ свою лошадь и стремглавъ летѣлъ въ Родезъ. Пробужденныя воспоминанн его становились яснѣе и яснѣе. Теперь онъ припоминалъ, что видѣлъ когда-то Розу въ Клерво. Это убѣжденн тѣмъ болѣе его беспокоило, что очень легко могло быть, что Роза дала уже Жюльеттѣ какое нибудь зелье. И такъ онъ застанетъ свою жену уже больную и Жюльетта, по чувствовавъ этотъ новый ударъ, не замедлитъ приписать его ненависти своего мужа.

— Нѣтъ, — говорилъ онъ самому себѣ, погоняя свою лошадь, — нѣтъ, невозможно, чтобы она меня считала до того низкимъ и подлымъ... О, я готовъ пожертвовать моею жизнн, только бы спасти ее отъ всякой опасности.

Разсуждая такимъ образомъ, префектъ скакалъ въ весь опоръ.

Онъ уже былъ въ нѣсколькихъ шагахъ отъ Родеза, когда на встрѣчу ему явилась цѣлая кавалькада жандармовъ и его собственныхъ людей, отправленныхъ въ Клерво по приказанн Жюльетты.

— Что такое случилось, господа? спросилъ префектъ.

Поручикъ почтительно поклонился.

— Незнаю, г. префектъ — отвѣчалъ онъ, — насъ послала за вами г-жа Линанъ, она проситъ васъ возвратиться въ Родезъ; говорятъ, что ваша жизнь въ опасности....

— Моя?

— Да, г. префектъ; но теперь не бойтесь ничего, я буду васъ сопровождать....

— А моя жена? спросилъ Линанъ.

— Я не имѣлъ чести видѣть г-жу де-Линанъ.

Анатоль далъ шпоры лошади, и вдругъ опять къ нему на встрѣчу подъѣхалъ секретарь.

— Что жена моя? — закричалъ ему Анатоль еще издали,

— Г-жа де-Линанъ будетъ вполне счастлива, когда васъ увидитъ, г. префектъ, она трепещетъ за васъ.... Здѣсь есть умысленники на вашу жизнь.

— Вы ее видѣли, вы ее видѣли? Здорова ли она?

— Да я имѣлъ честь ее видѣть и говорить съ нею. Она сама меня призывала.

— Въ ея комнатахъ?

— Такъ точно, г. префектъ.

— Для чего же это?

— Она хотѣла знать телеграфическія извѣстія.

— Телеграфическія?

— Да, г. префектъ, мы получили по телеграфу извѣстіе, которое повелѣваетъ арестовать какого-то вора Эрнестъ Мейрана.

Каждое слово секретаря болѣе и болѣе возмущало Анатоля. Онъ снова пришпорилъ лошадь и черезъ нѣсколько мгновеній былъ въ Родезъ.

VIII.

БРАТЬ И СЕСТРА.

Г. Гербуа, входя въ комнаты, засталъ свою жену въ самомъ разстроенномъ положеніи. Она была блѣдна и взволнована.

— Скажи, другъ мой; у васъ вѣрно что-нибудь произошло съ префектомъ, я въ этомъ увѣренъ. Онъ былъ не въ духѣ, отправляясь отсюда, и... Шарлотта постигла всю опасность своего положенія. Она стала спрашивать своего мужа обо всѣхъ подробностяхъ; а Гербуа, въ свою очередь, требовалъ, чтобы жена его объяснила ему причину ея ссоры съ Префектомъ.

— Я никогда не видалъ Линана такимъ сердитымъ и взволнованнымъ, — сказалъ онъ своей женѣ, — онъ уѣхалъ отсюда, точно какъ-будто стѣны Клерво должны были на него обрушиться, или какъ-будто спѣшилъ на пожаръ.... Отвѣчайте же, сударыня, я хочу все знать, что происходитъ у меня въ домѣ.

Гербуа, какъ вообще всѣ люди, одержимые мономаніей, то-есть,

одушевляемые одною какою-нибудь идеею, становился грознымъ только при такихъ обстоятельствахъ, которыя имѣли прямую связь съ этою идеей и тогда онъ дѣлался неумолимъ. Въ настоящемъ случаѣ, дѣло касалось милостиваго расположенія къ нему префекта. Вотъ почему онъ разгорячился не на шутку и говорилъ повелительнымъ тономъ; но Шарлотта, вмѣсто всякаго отвѣта, пожимала плечами и смотрѣла на него съ презрительнымъ сожалѣніемъ.... Надо было ожидать ссоры. Но вдругъ появленіе третьяго лица дало совершенно другой оборотъ дѣлу. Это третье лицо былъ Эрнестъ Мейранъ.

Эрнестъ поспѣшно оставилъ Родезь, не потому, чтобы онъ боялся преслѣдованія полиціи, но чтобы избѣжать на нѣкоторое время новаго свиданія съ Жюльеттой. Онъ понималъ, что когда она прійдетъ въ себя, то непременно пошелъ за нимъ и заговорить совсѣмъ другое. Эрнестъ хорошо зналъ характеръ Жюльетты, у которой чувствительность преобладала надъ всѣми чувствами, а потому онъ рѣшился мстить за нее избѣгая всякихъ дальнѣйшихъ разсужденій съ нею объ этомъ предметѣ. Потомъ онъ помышлялъ о томъ, какія послѣдствія будетъ имѣть это мщеніе и предполагалъ, что вѣроятно Жюльетта станетъ мучиться угрызениями совѣсти, а потому довольно трудно будетъ съ нею поладить.

— Мы будемъ во многомъ походить на Эгиста и Клитемнестру, — говорилъ онъ самъ себѣ, — эти любовники, послѣ умерщвленія Агамемнона, едва ли могли жить въ согласіи.

Но Эрнесту оставалось одна надежда на Жюльетту. Она должна была раздѣлить съ нимъ горькую участь и доставить ему возможность бѣжать за границу, потому—что тамъ только онъ могъ надѣяться на безопасность. Надо было торопиться; тѣмъ болѣе, что число наполеондоревъ, похищенныхъ у Монти, съ каждою минутою уменьшалось въ его карманахъ. Онъ нанялъ лошадь въ Родезь и отправился въ Мариллякъ, имѣя въ виду захватъ въ Клерво и освѣдомиться у своего пріятеля, слуги Пьера, о новыхъ распоряженіяхъ относительно предположенной охоты. На дорогѣ въ Клерво онъ встрѣтилъ Линана, который поспѣшалъ въ Родезь.... Эрнестъ тотчасъ догадался; что вѣрно что-нибудь очень важное призываетъ его въ префектуру. Это обстоятельство разрушало всѣ надежды Эрнеста на мщеніе, намѣреніе его становилось неудобноисполнимымъ, потому—что вѣроятно Жюльетта во всемъ признается своему мужу. Короче, префектъ уже не поѣдетъ на охоту, Жюльетта переменитъ свое намѣреніе, кромѣ того, Линанъ узнаетъ, что Эрнестъ Мейранъ былъ у Жюльетты, что онъ обвинялъ его передъ нею. Положеніе Эрнеста было незавидное. Онъ рѣшился на послѣднее средство:

выпросить денегъ у сестры, признавшись ей во всемъ. Вѣроятно, она не захочетъ, чтобы ея братъ былъ опозоренъ и дастъ ему средства бѣжать за границу. Онъ, не медля повернулъ въ Клерво. Когда онъ появился въ дверяхъ залы, невольный вопль вырвался у Шарлотты, Гербуа не могъ утерпѣть, чтобы не воскликнуть отъ удивленія:

— Ба! любезнѣйшій братецъ, — сказалъ онъ, — вы вѣроятно пріѣхали заплатить мнѣ долгъ?

— Эрнестъ! — воскликнула Шарлотта, закрывая глаза рукою.

Эрнестъ не былъ изъ числа такихъ людей, которыхъ могъ смутить такой неблагоклонный пріемъ. Онъ подошелъ къ Гербуа.

— Любезнѣйшій братецъ, — сказалъ онъ ему, — я не забылъ еще, что состою у васъ въ долгу. Будьте спокойны, ваши деньги за мною не пропадутъ. Но я пріѣхалъ сюда по причинамъ, гораздо важнѣйшимъ. Я пріѣхалъ изъ Родеза, и мнѣ нужно одну минуту поговорить на единѣ съ моею сестрою.

— Говорите, сударь, говорите, я васъ не стѣсняю.

— Напротивъ того, вы меня очень стѣсняете, и я васъ прошу оставить меня на минуту съ сестрою.

— Нѣтъ, сударь, моя жена не имѣетъ никакихъ тайнъ отъ меня и притомъ я имѣю полное право знать все, что до нея касается.

— Безъ сомнѣнія, — отвѣчалъ Эрнестъ насмѣшливо; — но если сестра моя имѣетъ сколько-нибудь здраваго смысла, то она сама попроситъ васъ оставить насъ на минуту; дѣло касается собственно до нея.

Эрнестъ взялъ кресло и усѣлся съ большимъ хладнокровіемъ.

Г-жа Гербуа открыла свои большіе глаза; она была въ страшномъ недоумѣніи; братъ ея пріѣхалъ изъ Родеза, и несмотря на его нелюбовь къ ней, былъ однако такъ внимателенъ, что не хотѣлъ съ нею объясниться въ присутствіи мужа, необходимо было его выслушать.

— Господинъ Гербуа, оставьте насъ, — сказала она своему мужу.

— Какъ такъ! воскликнулъ Гербуа.

— Ахъ, какіе вы странные, — возразила г-жа Гербуа, — то, что я отъ васъ требую, весьма просто... Вы утверждаете, что вамъ должны быть извѣстны всѣ мои дѣла; пожалуй, предположимъ на этотъ разъ, что это такъ; но дѣла моего брата вовсе до васъ не касаются и онъ имѣетъ полное право не открывать ихъ вамъ. Скажите теперь, благоразумно ли будетъ съ вашей стороны насильно требовать отъ него откровенности, которой онъ къ вамъ не питаетъ? Выдѣте, сударь или я уйду съ Эрнестомъ въ мою спальню.

Гербуа не имѣлъ привычки противиться волѣ своей жены; онъ вышелъ изъ комнаты, не говоря ни слова.

— И такъ! любезная сестрица, — сказалъ Эрнестъ, проводивъ его глазами, наконецъ рыбка попалась таки на удочку...

Г-жа Гербуа устремила свои спокойныя голубыя глаза на Эрнеста.

— Говори яснѣе, Эрнестъ; — сказала она, я тебя не понимаю.

— Случай мнѣ доставилъ возможность узнать сущность твоего невиннаго порученія Розѣ, и я все рассказалъ г-жѣ де-Линанъ.

Г-жа Гербуа поблѣднѣла, какъ смерть, когда узнала, что Жюльетта знаетъ обо всемъ. Въ глазахъ ея отразились ненависть и презрѣніе.

— Роза? порученіе? Что все это значить?

— О! ты меня очень хорошо понимаешь, Шарлотта!

— Роза наглая дѣвчонка, она вѣрно выдумала какой-нибудь вздоръ. Мнѣ рѣшительно нечего опасаться.

Эрнестъ продолжалъ.

— Теперь, Шарлотта, два обстоятельства, или Линанъ былъ съ тобою въ заговорѣ, или нѣтъ; въ первомъ случаѣ, ты его крайне удовлетворишь своимъ удаленіемъ, а во-второмъ, я самъ тебѣ совѣтую непремѣнно оставить Родезъ; потому что я знаю Линана, онъ тебя выдастъ.

— Въ самомъ дѣлѣ, — отвѣчала она хладнокровно. — Хотя все что ты говорилъ, Эрнестъ, чистѣйшая ложь; но если г-жа Линанъ имѣетъ дерзость меня обвинять, то я готова воспользоваться твоимъ совѣтомъ, только для того, чтобы избавиться сплетень уѣзднаго города,

— Повѣрь мнѣ, Шарлотта, поѣдемъ лучше въ Италію... въ Швейцарію.

— Поѣдемъ?... ты мнѣ нуженъ, Эрнестъ

— Напротивъ, сестрица, ты не можешь безъ меня обойтись; развѣ ты рѣшишься признаться твоему мужу въ томъ, что заставляетъ тебя удалиться изъ Родеза?

— Почему же нѣтъ, когда я хорошо знаю, что меня несправедливо обвиняютъ? Гербуа ѣдетъ въ Италію, я поѣду съ нимъ.

— Но дѣло въ томъ, что мнѣ самому необходимо ѣхать за границу, по одному щекотливому дѣлу... но я тебѣ это послѣ сбѣясню... Главное, у меня нѣтъ денегъ.

Г-жа Гербуа поняла въ чемъ дѣло, и зная, что въ такомъ городѣ, какъ Родезъ, болтливость Эрнеста могла быть для нея опасна, она была готова заключить съ нимъ сдѣлку.

Въ шкатулкѣ у нея лежали шесть тысячъ франковъ, она поднялась, чтобы достать ихъ для своего брата, какъ вдругъ совершенно новое обстоятельство заставило ее перемѣнить намѣреніе.

— Да, милостивый государь, — говорилъ въ передней Гербуа, — онъ здѣсь; лошадь, которую вы видѣли на дворѣ, дѣйствительно его. Онъ на ней пріѣхалъ. Да войдите.... онъ сидитъ въ залѣ съ сестрою.

— Эрнестъ Мейранъ? точно-ли вы въ этомъ увѣрены?

— Позвольте ужъ мнѣ знать его хорошо, онъ мой шуринъ.

— Шарлотта, — воскликнулъ Эрнестъ, блѣднѣя, какъ снѣгъ, — спаси меня, дай мнѣ возможность убѣжать, укажи мнѣ выходъ или лѣстницу....

Но уже было поздно бѣжать. Гербуа вошелъ въ залу съ пятью или шестью полицейскими. Предводителямъ ихъ былъ Гро-Бекъ. Онъ почтительно поклонился хозяйкѣ и потомъ обратился къ Эрнесту.

— У насъ, сударь; — сказалъ онъ ему, — есть небольшое заемное письмо, ничтожное, одако по которому еще не сдѣлано уплаты....

— И у меня тоже, — воскликнулъ Гербуа, — есть заемное письмо....

— Я вамъ сообщу еще кое что получше, — отвѣчалъ Гро-Бекъ, обращаясь къ Гербуа; — вамъ, разумѣется, должно быть понятно, что министръ полиціи не послалъ-бы меня изъ Парижа въ Авейронъ только за тѣмъ чтобы взыскать долгъ или чтобы я заставилъ г. Мейрана уплатить то, что онъ вамъ долженъ. Тутъ дѣло въ воровствѣ, мошенничествѣ....

— Какъ, мой шуринъ.... воръ!

— Такъ, точно. Г. Эрнестъ Мейранъ, я васъ арестую и сейчасъ-же мы отправимся въ здѣшній префекторіатъ.

Эрнестъ былъ побѣжденъ. До-сихъ-поръ, онъ сохранялъ философское спокойствіе, но когда онъ услышалъ слова Гро-Бека, что его везутъ въ Авейронскій префекторіатъ, онъ съ ужасомъ поднялъ голову.

— Въ префекторіатъ? — сказалъ онъ, — въ Родезъ?

— Да, сударь; необходимо чтобы ваша подлинность была засвидѣтельствована въ присутствіи префекта.

— Моя подлинность! — воскликнулъ Эрнестъ, — это бесполезно; я ее не отвергаю, я точно Эрнестъ Мейранъ. Отправимся прямо въ Парижъ.

— Нѣтъ, этого нельзя, я слѣдую приказанію, какое мнѣ дано; я знаю свое дѣло, — отвѣчалъ агентъ. — Впередъ, ребята, въ Родезъ....

Эрнеста схватили и связали. Потомъ это посадили въ карету и Гро-Бекъ, довольный своею добычей, отправился въ Родезъ.

— Другъ мой, — сказалъ Гербуа, когда остался съ своею женою, — прошу тебя: прости меня.

Шарлотта посмотрѣла на своего мужа съ удивленіемъ.

— Да, — продолжалъ Гербуа, — я прошу у тебя извиненія. Я былъ

слишкомъ несправедливъ передъ тобою, и не прощу себѣ этаго во всю жизнь. Я вижу теперь ясно причину твоей ссоры съ г. де-Линань.

— Вы видите?...

— Да, Шарлотта, префекту было все извѣстно, онъ зналъ о поступкахъ твоего брата, и пріѣжалъ, вѣроятно, предупредить тебя. Ты, разумѣется, просила за брата.... Это такъ естественно... Префектъ тебѣ представлялъ, что всякое послабленіе несообразно съ его долгомъ.... Ты настаивала и между-тѣмъ все безуспѣшно.... Ты имѣешь нѣкоторыя права на внимательность префекта; а онъ дорожитъ своимъ мѣстомъ.... Вы повздорили, и вотъ почему префектъ вышелъ такимъ звѣремъ. Однако я оправдываю Линана.... И я-же самъ ввелъ сюда этихъ полицейскихъ.... Клянусь тебѣ, Шарлотта, что я ихъ принялъ за друзей Эрнеста. Знаешь-ли, все это очень непріятно! Въ Родезѣ поднимутся всевозможные толки....

— Я думаю, что такъ....

— И мой крестъ! я знаю, что каждый отвѣчаетъ только за себя; но такого рода происшествія бросаютъ нѣкоторымъ образомъ тѣнь на все семейство. Ну, что Шарлотта, неправда-ли, я вѣрно угадалъ причину вашей ссоры съ префектомъ?

— Признаться, г. Гербуа, вы удивительно проникательны, отъ васъ ничего нельзя скрыть. Вы также очень правильно обо всемъ судите; вы благоразумно предвидите, что въ Родезѣ будетъ много толковъ на нашъ счетъ и мнѣ пришла благая мысль....

— Какая, говорите.

— Вы ѣдете въ Италію, что еслибъ и я отправилась съ вами вмѣстѣ?

— Прекрасно, отвѣчалъ Гербуа, — мы-бы дали время всему утихнуть, языкамъ наговориться, и между-тѣмъ, какъ ты имѣешь склонность къ агрономіи, ты могла-бы провести время съ пользою.

— Именно такъ.

Рѣшено было, что господинъ и госпожа Гербуа отправятся вмѣстѣ въ Италію.

IX.

СУПРУГИ.

Сударыня, баринъ уже на дворѣ.... Онъ сходить съ лошади, скала Роза.

Невольная дрожь пробѣжала по всемъ членамъ Жюльетты, колѣна

ея подогнулись, и первое чувство, оживившее ея сердце, была благодарность Богу, за то, что ея неблагоразумныя слова не принесли дурных послѣдствій.

— Это онъ, Роза? Точно ли ты увѣрена, что это онъ?...

Въ эту минуту она услышала, какъ кто-то съ силою отворилъ двери въ сосѣдней комнатѣ; волнуемая совершенно новымъ чувствомъ, Жюльетта съ робостью удалилась въ самый уголъ комнаты, наконецъ отворилась дверь въ ея будуаръ, Анатолий подбѣжалъ къ ней и пламенно прижалъ ее къ своему сердцу.

— Жюльетта, — съ трепетомъ произнесъ онъ, — ты блѣдна; глаза твои подернуты туманомъ, твои губы побѣлѣли.... Въ Клерво живутъ чудовища, Жюльетта...

Потомъ увидѣвъ Розу.

— Сейчасъ арестовать эту дѣвушку, схватить ее! закричалъ онъ громовымъ голосомъ.

Жюльетта рукою зажала ему ротъ.

— Нѣтъ, — сказала она, — Роза честная дѣвушка; ее должно благодарить за ея благородство и преданность.

— А! — воскликнулъ Анатолий, — славу Богу! О, Жюльетта! кто могъ думать, что эта женщина была такимъ чудовищемъ! Она искала удалить тебя, и въ тоже время хотѣла понудить и меня быть ея сообщникомъ?.. меня! твоего мужа, человѣка, который тебя любитъ! Да Жюльетта.... сказалъ Анатолий, взявъ руку своей жены и прижимая ее къ губамъ — я люблю тебя!

Чувство иногда такъ глубоко скрывается въ самыхъ сокровенныхъ извилинахъ сердца, что остается вовсе неизвѣстнымъ, не понятымъ до той минуты, когда какое-нибудь непредвидѣнное обстоятельство не возбудить его; его можно уподобить цвѣтку, который догло скрываясь въ почкѣ, вдругъ разрушаетъ такъ сказать свою темницу и распускаетъ свои аромитическія листики. Такъ точно Жюльетта проливали теперь слезы умиленія, такъ точно она удивлялась странной переменѣ ея сердца; совершенно новое чувство овладѣвало всею ея существомъ: она уже не помнила своихъ прошедшихъ мыслей, дѣйствій, выраженій; этотъ человѣкъ, котораго она ненавидѣла, преслѣдовала и за котораго вышла замужъ по расчету, желая возстановить несправедливо потерянную репутацію; этого человѣка она любитъ теперь: на мѣстѣ треножника фурій возникъ жертвенникъ любви. Жюльеттѣ казалось, что она пробудилась отъ страшнаго сна. Шарль Норбертъ, ея мужъ, котораго она видѣла окровавленнымъ на мызѣ Бюссера, ея вдовство, черный

кашемиръ, источникъ столькихъ слезъ; имя актера Эллевиу, столь ненавистное для нея и причинившее ей такъ много неприятностей, все это разсѣялось, какъ легкія сны разсѣваются при пробужденіи. Обвивъ руками Анатоля:

— Онъ хочетъ тебя убить, Анатоля, — говорила она, — онъ хочетъ тебя убить!

— Кто? кто хочетъ меня убить?

— Эрнестъ Мейранъ.

— Эрнестъ Мейранъ? спросилъ Анатоля.

Но страхъ смерти нисколько не беспокоилъ Анатоля. Онъ былъ счастливъ, видя свою жену здоровою и цвѣтущею, тогда, какъ два часа тому онъ трепеталъ за нее; съ наслажденіемъ онъ разсматривалъ привлекательныя черты Жюльетты, ея величественное и пріятное выраженіе, открытое свѣтлое чело, черные, исполненные чувства глаза. Жюльетта представлялась ему именно залогомъ того счастья, котораго онъ напрасно искалъ; она представлялась ему тѣмъ попечительнымъ геніемъ, которое должно было успокоить его чувства и пополнить пустоту души, которую всегда оставляютъ за собою властолюбіе и жажда къ почестямъ. Она была его женою, принадлежала ему, а между-тѣмъ, страшная бездна разлучала ихъ до-сей-поры. Онъ самъ сказалъ ей, что ненавидитъ ее; ненависть была условіемъ ихъ брака. Онъ упалъ на колѣна передъ Жюльеттой.

— Ты никогда не повѣришь мнѣ, что я тебя люблю, а между-тѣмъ, я умру отъ отчаянія, если ты не будешь меня любить.

— Анатоля, — отвѣчала ему Жюльетта, — я болѣе виновна передъ тобою; ты трепеталъ за мою жизнь, тогда, какъ я не дорожила твоею... Здѣсь, именно здѣсь, на этомъ мѣстѣ, вырвались у меня слова преступныя... Но Боже мой! это былъ голосъ ревности... это была любовь.

— Ты любишь меня, Жюльетта?

— А ты? А твоя заклятая ненависть? А твое непобѣдимое отвращеніе ко мнѣ!

— Это была любовь! сказалъ Анатоля.

— Нѣтъ, возразила Жюльетта, не станемъ отвергать прошедшаго, если мы хотимъ вѣрить въ настоящее. Мы ненавидѣли другъ-друга, Анатоля; мы походимъ на тѣ металлы, которые, проходя чрезъ горнило очищенія, являются потомъ въ самомъ блестящемъ видѣ. Мы были ожесточены другъ противъ друга; но по справедливости, бракъ нашъ былъ совершенъ по внушеніямъ нашего благородства, теперь-же честность

наша возрождаетъ въ сердцахъ нашихъ давно угаснувшее чувство любви; мы честные люди, Анатоль.

И Жюльетта упала въ объятія Линана.

Роза въ эту минуту выглянула въ полуотворенную дверь.

— Войди, Роза, войди — сказала ей Жюльетта, — г. префектъ и я, мы тебя не забудемъ, мы дадимъ тебѣ то самое приданое, котораго ты не хотѣла купить цѣлою предательства.... Скажи Жюльену, чтобъ онъ пришелъ сюда.

Роза вошла въ комнату.

— Г. Префектъ — сказала она, тотъ самой большой господинъ, одѣтый въ синій сюртукъ, который два часа тому назадъ былъ здѣсь у барыни, желаетъ васъ видѣть.

— Проси сюда, — отвѣчалъ Анатоль, — я сегодня всѣхъ принимаю въ комнатахъ моей жены.

Въ комнату вошелъ Гро-Бекъ. Въ его фигурѣ было что-то таинственное.

— Воръ схваченъ — сказалъ онъ — его привели сюда.

— Какъ, воръ? Какой воръ?

Префектъ только изъ нѣкоторыхъ словъ секретаря зналъ о томъ обвиненіи, какое падало на Эрнеста, притомъ новое счастье заглушало въ немъ всѣ другія воспоминанія. Жюльетта объяснила ему дѣло въ двухъ словахъ.

— Я не хочу болѣе видѣть этого человѣка! воскликнула Жюльетта, закрывая лицо руками.

Гро-Бекъ былъ полицейскій агентъ изъ Парижа, а потому ему очень хотѣлось показать, что онъ знаетъ всѣ тонкости хорошаго обращенія и что онъ гораздо съ большею проникательностію и ловкостію исполняетъ свои обязанности, какъ какой-нибудь провинціальной агентъ.

— Желаніе ваше будетъ исполнено, — сказалъ онъ, почтительно кланаясь Жюльеттѣ, — вы не увидите болѣе этого мошенника.

Затѣмъ, къ величайшему успокоенію Жюльетты, Мейрана вскорѣ отправили въ Парижъ, подъ сильнымъ конвоемъ.

Положеніе супруговъ было до того ново, что имъ казалось, будто это первый день ихъ свадьбы. Линану странно было видѣть себя на половинѣ своей жены, въ то самое время, какъ Жюльетта не могла не чувствовать маленькаго смущенія, видя у себя въ будуарѣ мужчину, имѣвшаго полное право оттуда не выходить.

X.

ДЕРЕВЯННАЯ ТАБАКЕРКА.

Въ исходѣ осени 1811 года, г. Бюссьеръ, страдавшій ежедневно подагрою, рѣшился отправиться на югъ, гдѣ хотѣлъ провести зиму. Онъ поѣхалъ въ Тулонъ. Тамъ съ нимъ сдѣлался такой сильный припадокъ подагры, что онъ рѣшился оставить Францію и переѣхать въ Неаполь. Говорятъ, этотъ городъ построенъ на могилѣ одной сирены, жизнь тамъ протекаетъ тихо и спокойно, солнце тамъ грѣетъ сильнѣе и изцѣляютъ самые закоренѣлые недуги. Оставаясь еще нѣкоторое время въ Тулонѣ, Бюссьеръ хотѣлъ передъ отъѣздомъ осмотрѣть всѣ его достопримѣчательности. Долѣе всего онъ осматривалъ арсеналь, въ которомъ заключается такъ много занимательнаго для парижанина. Однажды, въ то самое время, когда онъ остановился передъ остовомъ какого-то корабля, желая посмотрѣть на конопатчиковъ, смолившихъ доски, къ нему подошелъ одинъ изъ тѣхъ несчастныхъ, которые осуждены носить красную рубаху и возить тачку; однимъ словомъ, это былъ галерный невольникъ. Онъ предложилъ г. Бюссьеру купить у него табакерку изъ буковаго дерева, плодъ его досужихъ трудовъ; одною рукою онъ предлагалъ свое произведеніе, превосходно вылощенное и лакированное, другою снялъ съ бритой головы свою сѣрую шапку. Вдругъ галерный воскликнулъ:

— Г. Бюссьеръ!

Бюссьеръ поднялъ голову и долго смотрѣлъ на этого человѣка, никакъ не узнавая его.

— Кто ты такой? спросилъ онъ; признаюсь я никакъ не думалъ встрѣтить знакомыхъ на галерахъ.

— Эрнестъ де-Мейраиъ, — отвѣчалъ галерный, кланяясь по-пріятельски.

Бюссьеръ потушилъ глаза.

— Ахъ! господинъ Бюссьеръ, — продолжалъ Эрнестъ, нимало не смущаясь, — вы видите передъ собою жертву ошибки и злобы стараго ростовщика!

— Какъ, сударь, — сказалъ Бюссьеръ, — вы считаете себя невиннымъ?

— Я невиненъ, г. Бюссьеръ, какъ новорожденный младенецъ,

въ противномъ случаѣ, какъ бы могъ я существовать? Я не прожилъ бы одного дня; меня только и поддерживаетъ сознаніе моей невинности, чистая совѣсть даетъ мнѣ силу превозмогать несчастіе.

Бюссьеръ былъ скептикъ и весьма далекъ отъ того, чтобы вѣрить въ непогрѣшимость человѣческаго суда; въ умѣ его тотчасъ смутно возникла исторія несчастнаго Каласа.

— Какъ г. Эрнестъ, вы не обокрали Монти?

— Точно такъ-же, какъ и вы, господинъ Бюссьеръ.

— Объясните же это хорошенько, Эрнестъ, — сказалъ Бюссьеръ, на лицѣ котораго выражалось нѣкоторое недовѣріе.

— Вы помните тотъ день, когда я имѣлъ честь васъ встрѣтить въ послѣдній разъ, на дорогѣ къ Сен-Монде?

— Очень хорошо помню.

— Вы помните, что тогда вы были такъ любезны и пригласили меня обѣдать, потомъ дали мнѣ письмо къ Сен-Денискому субъ-префекту. Вы даже предлагали мнѣ денегъ, но вѣроятно вы не забыли, что я отказался отъ этого предложенія, потому, что никогда не любилъ входить въ долги.

— Я все это помню, замѣтилъ Бюссьеръ.

— Все мое несчастіе состоитъ въ томъ, — возразилъ Эрнестъ, — что я не встрѣтилъ васъ двумя или тремя часами ранѣе. Утромъ мнѣ нужны были деньги, чтобы ѣхать въ Клермонъ, что я вамъ тогда же сказалъ, а какъ я узналъ, что Монти одолжаетъ деньгами подъ проценты, то и отправился къ нему на его квартиру и онъ мнѣ одолжилъ мнѣ тысячу франковъ, взявъ съ меня заемное письмо въ шесть тысячъ франковъ. Этотъ Монти самый жестокий ростовщикъ во всемъ Парижѣ! Впрочемъ, мы съ нимъ разстались большими друзьями, но судьбѣ угодно было, чтобы въ это время къ нему пришелъ одинъ мой недоброжелатель. Монти объяснилъ ему условія заключенныя со мною; въ отвѣтъ на такое объясненіе, тотъ увѣрилъ его, что шесть тысячъ его пропали, что я разоренъ и тому подобное. Взбѣшенный ростовщикъ сталъ кричать: караулъ, меня обокрали, ловите вора! а между-тѣмъ, всячески старался не показывать заемнаго письма. После этого, скажите, ужели есть въ мірѣ человѣкъ несчастнѣе меня?

...Да, сударь, есть одинъ, — эти слова Эрнестъ произнесъ съ удивительнымъ лицемѣріемъ, — это виновникъ всего этого дѣла, клеветникъ, однимъ словомъ, Монти. Не извѣстно ли вамъ, что сдѣлалось съ этимъ негодяемъ?

Бюссьеръ внимательно посмотрѣлъ на Эрнеста. Онъ пристально разглядывалъ его лукавую, но умную физиономію, которая въ одно и тоже время выражала дерзость и униженіе. Бюссьеръ колебался, онъ не зналъ, какимъ тономъ говорить съ сыномъ своего стараго друга. По внушенію врожденной доброты, или еще скорѣе вслѣдствіе равнодушія, которому подвержены все скептики, онъ рѣшился отвѣчать на вопросъ галернаго.

— Монти — сказалъ онъ ему — давно уже вступилъ въ товарищество съ магазиномъ подъ вывѣскою *Золотаго мотка*.

— Въ-самомъ-дѣлѣ?

— Торговля идетъ такъ успѣшно; что они уже успѣли купить себѣ домъ въ улицѣ Мишодьеръ.

— Господинъ Бюссьеръ, — сказалъ онъ, — вы видите, въ какомъ я бѣдственномъ положеніи, я даже рѣшительно ничего не знаю о близкихъ моихъ родныхъ... Ну, что моя сестра... все еще проживаетъ въ Родезѣ?

— Да, но только совсѣмъ не такъ, какъ прежде. Послѣ исторіи съ Линаномъ она совершила путешествіе въ Италію, вмѣстѣ съ своимъ мужемъ; оттуда г. Гербуа возвратился въ Авейронъ съ чудными рецептами, какъ растить артишоки и улучшать достоинство спаржи. Артишоки и спаржа, правда, выросли, но за то дѣла его пришли въ совершенное разстройство. Сперва они продали Клерво, потомъ продали превосходный домъ въ Родезѣ и г. Гербуа очень счастливъ въ настоящее время, что получилъ мѣсто арендатора того помѣстья, которое прежде ему принадлежало.

— Онъ арендаторъ! воскликнулъ Эрнестъ, — Гербуа арендаторъ!

— Да, возразилъ Бюссьеръ, — а г-жа Гербуа содержитъ ферму. Говорятъ, что мужъ переноситъ свое несчастье весьма философски; онъ жалуется только на двѣ вещи: во-первыхъ, что не получилъ шести тысячъ франковъ, которые вы у него заняли, и во-вторыхъ, что не добился почтеннаго легіона.

— А г. де-Линанъ все еще авейронскій префектъ?

— Нѣтъ. Линанъ и его жена слишкомъ любятъ другъ-друга, имъ тягостно быть даже въ минутной разлукѣ. Анатолю, замѣтивъ, что обязанности службы отвлекаютъ его отъ жены, рѣшился подать въ отставку. Онъ поселился съ Жюльеттой въ помѣстьѣ Понти. Онъ богатъ, счастливъ, уважаемъ и уже отецъ двухъ малютокъ. Зиму проводятъ они въ Парижѣ, а лѣто — въ своемъ помѣстьѣ. Жюльетта, можно сказать, счастливѣйшая жена и мать. Она удалила отъ себя

Берю, своего прежняго арендатора, того самаго чудака, который хотѣлъ подкупить Анатоля двадцатью банковыми билетами. За этотъ поступокъ Берю былъ приговоренъ къ тюремному заключенію, какъ лихо-датель. Благодаря, однакожь, стараніямъ самаго Линана, ему возвратили свободу.

При этихъ словахъ мимо Бюссьера прошелъ невольникъ, довольно гордаго виду и съ величавою поступью.

— Остерегайтесь этого плута, сказалъ онъ Бюссьеру, указывая на Эрнеста.

Эрнестъ потупилъ глаза и не отвѣчалъ ни слова на оскорбительное замѣчаніе.

— Вотъ товарищъ въ несчастіи, который васъ не любятъ, — замѣтилъ Бюссьеръ

Эрнестъ выждавъ, время, когда невольникъ уже совершенно удался, отвѣчалъ:

— Этому негодяю я также отчасти обязанъ моимъ несчастіемъ, онъ смертельно меня ненавидитъ, между-тѣмъ, какъ я не могу объяснить себѣ причины его ненависти. Имя его: Фрето, онъ былъ квартермейстеромъ въ какомъ-то полку и разхитилъ полковую казну. Въ Парижѣ онъ постоянно присутствовалъ въ игорномъ домѣ и ссужалъ деньгами подъ проценты. Вотъ что было причиною осужденія его на галеры: онъ одурачилъ одного молодаго человѣка, вытянулъ у него пропасть денегъ и наконецъ совершенно его разорилъ. Но вдругъ этотъ самый молодой человѣкъ получилъ огромное наследство и сдѣлался страшно богатъ. Фрето зналъ хорошо почеркъ этого господина, сдѣлалъ подложное обязательство отъ его имени, молодой человѣкъ заплатилъ. Ремесло весьма выгодное!... Фрето рѣшился сдѣлать второе подложное обязательство, молодой человѣкъ узналъ подлогъ и отказался платить. Фрето вызвалъ его на дуэль, потому-что всегда выдавалъ себя за *честнаго* *человѣка*. Однако молодой человѣкъ, вмѣсто того, чтобъ отправиться въ Булонскій лѣсъ, подалъ жалобу императорскому прокурору. Фрето арестовали и сослали на галеры. Между нами находится также нѣкто Жанъ Пико, прежній писарь министерства внутреннихъ дѣлъ, который укралъ билеты Берю и едва не погубилъ вашего племянника, г. де-Линана... Ахъ! господинъ Бюссьеръ... продолжалъ Эрнестъ со слезами на глазахъ и приближаясь къ Бюссьеру, — вы можете себѣ представить, какъ тяжело мнѣ нести одну участь съ этими негодяями, тогда, какъ я ни въ чемъ не могу себя упрекнуть!

Простодушный видъ, которой старался придать себѣ Эрнестъ, скром-

ность, съ какою онъ говорилъ о своихъ врагахъ, но болѣе всего сознание собственной невинности, сильно тронули Бюссьера, и безъ того недоувѣрчиваго къ людямъ.

— Я еще увижусь съ вами Эрнестъ; сказалъ онъ, мы поговоримъ обо всѣхъ этихъ предметахъ, и если вы совершенно убѣдите меня въ вашей невинности, то будьте увѣрены, что найдете во мнѣ защитника, столь-же усерднаго, какъ и полезнаго. Я отыщу возможность возвратить вамъ свободу.

Потомъ Бюссьеръ взялъ табакерку, которую ему предлагалъ Эрнестъ.

— Это вы сами работали?

— Да, я самъ.

Бюссьеръ положилъ табакерку въ карманъ и въ замѣнъ ея отдалъ Эрнесту свой кошелекъ.

— Этотъ молодой человѣкъ соршенно невиненъ; — думалъ Бюссьеръ, выходя изъ арсенала, — судя по его словамъ, онъ былъ жертвою скупости стараго ростовщика... Но я увижусь съ прокуроромъ, дѣло это велать переслѣдовать. Боже мой! въ какое время мы живемъ, порокъ торжествуетъ, добродѣтель наказывается. Завтра-же поѣду въ Парижъ, чтобъ не заставлятъ и одного лишняго дня страдать невиннаго.

Бюссьеръ уже былъ въ нѣсколькихъ шагахъ отъ своей квартиры, какъ вдругъ его остановилъ арсенальный сторожъ.

— Милостивый государь, — сказалъ сторожъ, — вы кажется изволили бесѣдовать съ 750-мъ номеромъ?

— Что за 750 номеръ?

— Нѣкто Эрнестъ Мейранъ.

— Да, я говорилъ съ нимъ.

— Въ такомъ случаѣ, позвольте у васъ спросить, который часъ?

Вопросъ этотъ, хотя смутилъ Бюссьера, однако онъ сталъ искать свои часы въ карманѣ. Часовъ тамъ не было.

— У меня нѣтъ часовъ...

— Я думаю, что такъ, вотъ они: 750 номеръ укралъ ихъ у васъ...

— Какъ! Эрнестъ Мейранъ укралъ у меня часы?

— О! безъ сомнѣнiя, для этого-то онъ такъ близко и подошелъ къ вамъ. Это самый искусный мошенникъ между нашими арестантами. 920 номеръ предупреждалъ васъ быть осторожнымъ; но вы не обратили вниманiя на его слова.

— 920 номеръ?

— Да, нѣкто Фрето. Посмотрите хорошенько, цѣла-ли у васъ бриллиантовая булавочка, которую я на васъ замѣтилъ сегодня утромъ?

Булавки не было, какъ и часовъ.

Бюссьеръ получилъ обратно свои вещи и наградилъ сторожа.

— О, теперь я вижу, — говорилъ онъ самому себѣ, — что не должно вѣрить на слово галерному невольнику; и что всякая вещь, рано или поздно, непременно попадаетъ на свое мѣсто!

На другой день онъ отправился въ Неаполь.

ИСТОРИЯ И ТЕОРИЯ ИСКУССТВА.

АНГЛИЙСКИЙ ТЕАТРЪ ДО ШЕКСПИРА.

Статья третья.

ИСТОРИЧЕСКИЯ ДРАМЫ ШЕКСПИРА.

I.

Безпристрастіе Шекспира. — Ричардъ II. — Ричардъ III.

Отличительное качество Шекспира — безпристрастіе. Неумолимый наблюдатель этотъ обсуживаетъ людей съ холодною, приводящею въ отчаяніе, съ глубиною ужащающею; открываетъ малѣйшую слабость въ высочайшей добродѣтели, мельчайшій оттѣнокъ добра въ душѣ самой преступной, и не трудится извлекать никакого заключенія изъ своихъ замѣтокъ. Кажется, будто какой-то высокій разумъ воспроизводитъ, для своего мелочнаго обихода, драму исторіи, будучи недоступенъ страстямъ, которыя онъ рисуетъ и анализируетъ. Этотъ поэтъ, котораго такъ часто осмѣивали за неистовство и грубость, особенно замѣчательнъ своимъ сужденіемъ, до того высокимъ, твердымъ, безжалостнымъ, что невольно назовешь его слишкомъ жестокимъ къ человѣчеству.

Историческія пьесы Шекспира въ высшей степени запечатлѣны этимъ характеромъ. Живописный, быстрый, запальчивый геній, диктовавшій ихъ, какъ-будто подчинялся вышему закону сужденія, проническаго въ своемъ ясновидѣніи. Симпатическая чувствительность, пылкая сила воображенія, краснорѣчіе душевныхъ ощущеній — всѣ эти блестящіе дары покоряются, въ сверхъ-естественномъ умѣ, холодной,

даже насмѣшливой пронизательности, которая ничего не прощает и не забываетъ. Оттого-то драмы, о которыхъ мы говоримъ, тягостны какъ исторія. Эсхиллъ показываетъ судьбу, носящуюся надъ міромъ; Кальдеронъ отворяетъ небо и адъ, загадку жизни; Вольтеръ избираетъ драму орудіемъ своего ученія; Шекспиръ ищетъ фатализма даже въ сердцѣ людей, и выказывая его страннымъ и неопредѣленнымъ, учитъ насъ смотрѣть безъ удивленія на странности и прихоти судьбы. Читая чисто-поэтическія драмы, которымъ геній этотъ придалъ столько правдоподобія, мы утѣшаемся мыслію, что эти несчастія — воображаемыя, и что истина ихъ довольно общая. Хроники въ разговорахъ, набросанныя Шекспиромъ, уже слишкомъ дѣйствительны: вотъ бѣдствія непреложныя, сцены, которыя видѣлъ міръ, ужасы которые онъ испыталъ. Чѣмъ болѣе подробности этихъ событій поражаютъ истинною, тѣмъ онѣ страшнѣе дѣйствуютъ на насъ; чѣмъ безпристрастнѣе писатель, тѣмъ онѣ сильнѣе. Такое употребленіе великаго таланта есть не иное что, какъ холодная и глубокая сатира надъ тѣмъ, что мы теперь, чѣмъ будемъ и чѣмъ были.

Родившись вслѣдъ за послѣдними судоргами издыхающихъ среднихъ вѣковъ, Шекспиръ очертилъ въ своихъ историческихъ пьесахъ столѣтъ, предшествовавшихъ его рожденію. Это рыцарская галерея, въ которой развѣшаны кольчуги и булавы четырнадцатаго и пятнадцатаго столѣтій! Вы видите храбрыхъ палладиновъ этого времени, собравшихся подъ знаменами; они оживаютъ; неукротимыя сердца ихъ бьются подъ латами; кровь кипитъ передъ битвой; слова ихъ грозны, какъ мечи. Поэтъ не льститъ и не клеветаетъ; не надѣляетъ ихъ сверхъ-человѣческими добродѣтелями, и не представляетъ чудовищами.

Первая часть, или, если угодно, первая пьеса въ этой огромной англійской хроникѣ проникнута столь горестнымъ интересомъ, что ее невозможно играть на сценѣ: это — *Король Иоаннъ*, пьеса, заключающая въ себѣ мѣста самыя патетическія, положенія, раздирающія сердце. Здѣсь Шекспиръ дѣлается поэтомъ государственныхъ людей: это Тацитъ драмы.

Въ этой пьесѣ выставленъ женскій характеръ, въ которомъ гнѣвъ и пылкость смѣшиваются съ глубочайшею материнскою нѣжностью. Констанція, мать юнаго Артура, видитъ бѣдствія своего сына; тогда начинается она бороться съ судьбою, и является тѣмъ непреклоннѣе, чѣмъ глубже чувствуетъ свое несчастіе. Она не умоляетъ о спасеніи и находитъ въ своемъ отчаяніи гордость плачевнаго торжества.

— «Я люблю свое несчастіе! восклицаетъ она: и сажусь возлѣ него, на голую землю.

Какія трогательныя слова раздаются изъ устъ королевы!

Констанція. Увижу ль я его, по-крайней-мѣрѣ, въ небесахъ, кардиналь, увижу ли я своего сына? О! еще не одинъ ребенокъ не былъ такъ прекрасенъ! А теперь печаль изложетъ мой дорогой цвѣтокъ, уничтожитъ его свѣжесть, погубитъ его красоту. Артуръ мой будетъ впалымъ, безобразнымъ призракомъ, поблѣднѣетъ, истощаетъ... потомъ умретъ! Когда я встрѣчу его на небесахъ, я не узнаю его... и никогда, и никогда не увижу моего любезнаго Артура, мое бѣдное дитя!...

Король Филиппъ. Вы любите горе еще болѣе, нежели сына.

Констанція. Я люблю мое горе! Да, люблю его! Оно отдастъ мнѣ отсутствующаго сына, занимаетъ его мѣсто, вездѣ воспроизводитъ его образъ! Оно повторяетъ его слова, даритъ его ласки, одѣвается въ его наряды! Оно — мой сынъ, оно — я сама. Оставьте мнѣ мое горе!

Въ *Ричардъ II* герой пьесы Болингброкъ.

Выжидать случая; низдалека предвидѣть свои выгоды; ловить ихъ въ удобную минуту; избѣгать опасности, не подавая виду, что боишься ее; похищать власть систематически и дерзко — вотъ средства Болингброка, и Шекспиръ развилъ эти пружины съ неподражаемою ловкостью. Впрочемъ, печальный и глубокий интересъ этой трагедіи не послужилъ къ ея славѣ. *Ричардъ II* совершенно исчезъ въ колоссальной тѣни, которую бросилъ на него *Ричардъ III*. Однакожь первая изъ этихъ драмъ останется однимъ изъ самыхъ свѣжихъ лавровъ въ вѣнкѣ Шекспира.

По мѣрѣ того, какъ вѣка уходятъ, философскія общности теряютъ свое вліяніе.

У древнихъ не было другаго сценическаго божества, кромѣ *судьбы*; ихъ трагедія — гимнъ *року*, *Fatum*. Шекспиръ приводитъ насъ на тайный совѣтъ этихъ судебъ, и показываетъ, какимъ образомъ каждое изъ лицъ создаетъ собственную свою судьбу. Вотъ истинная философія! Нуженъ былъ гений Расина, чтобы заставить новѣйшій театръ принять фаталистическую систему древнихъ. Федра, повинующаяся вліянію, которое преслѣдуетъ ее; Орестъ, преслѣдуемый и наказанный фуріями — настоящіе символы язычества.

II.

Генрихъ IV. — Фальстафъ. — Шекспирово созданіе.

Объ части *Генриха IV* такъ-же популярны, какъ непопулярень *Ричардъ II*.

Первая часть *Генриха IV*, самая занимательная изъ пьесъ Шекспира по остроумію, игривости, одушевленію, равнообразію красокъ и распредѣленію характеровъ, — заимствована изъ старинной драмы, которую уже давнымъ-давно играли на лондонскихъ театрахъ, когда Шекспиръ попробовалъ переплавить ее: *The glorious victories of king Henri the fourth*. Нельзя и сомнѣваться, что у Шекспира лежалъ передъ глазами старинный томъ, когда онъ писалъ первую и вторую части *Генриха IV*. Все данныя этой пьесы заключаются въ предыдущемъ сочиненіи. Тамъ, какъ у Вилльяма Шекспира, характеръ принца измѣняется къ лучшему при его вступленіи на престолъ; тамъ, также, старый король начинаетъ опасаться вѣтренности своего сына, окруженнаго веселыми людьми, между которыми первое мѣсто занимаетъ сэръ Джонъ Ольдкэстль — первообразъ Фальстафа. Ходъ обоихъ сочиненій одинъ и тотъ же; оба автора почерпали изъ одного источника; одни и тѣже случаи сталкиваются въ обѣихъ пьесахъ, кипятъ одиѣ и тѣже страсти, но только первая пьеса — нелѣпость, а вторая — очарованіе.

Дѣйствующія лица у стариннаго писателя безжизненны, нѣмы, ничего не выражаютъ; это хроника, изрѣзанная въ куски. Шекспиръ, ничего не создавшій въ этой пьесѣ, сдѣлался единственнымъ ея творцомъ.

Онъ вложилъ душу въ куколъ стариннаго драматурга, проникъ ихъ своимъ дыханьемъ; онъ создалъ ихъ разнообразными, забавными и высокими, какъ люди; онъ далъ имъ все — разумъ, характеры, привычки.

Имѣть геній — по мнѣнію необузданной критики — значитъ бросать возможное для ложнаго, возбуждать броженіе мысли, оставляющее послѣ себя противную накипь. Вотъ настоящій геній! Онъ не долженъ ничего говорить, какъ другіе! «Покажите намъ, какъ говоритъ Шекспиръ: солнце въ розовомъ атласѣ и фіолетовой тафтѣ; новое солнце, какое-нибудь солнце, передѣланное человѣческою рукою и непохожее на старое!»

Нетакъ понималъ это Шекспиръ. При всей геніальности, онъ учился. Онъ не сидѣлъ на школьной скамьѣ, но самъ сдѣлался ученымъ. Онъ читалъ все, что попадало ему подъ руку — сказки, исторіи, драмы, хроники, богословскія сочиненія, любовныя сонеты — все, выходившее изъ типографій шестнадцатаго столѣтія, и его драмы — настоящая энциклопедія того времени. Онъ принимался за дѣло добросовѣстно, съ простодушною и осмотрительною волей художника, не довѣряющаго себѣ и не пренебрегающаго ни чьею помощью. Онъ не презиралъ работы; противъ, надо было видѣть, какъ онъ бралъ подро-

бность у лѣтописца Голиншида, черту изъ историка Стоу; углублялся въ характеры, подобно Альбрехту Дюреру и Гольбейну, — словомъ, умѣлъ наслаждаться гениемъ для себя, а не для другихъ, и не претендовалъ на скороспѣлую славу.

Если принимать сужденіе модной критики, то Шекспиръ былъ педантъ, умъ бесплодный. Бѣольшая часть его пьесъ, или, вѣрнѣе, всѣ пьесы заграблены, то—есть онъ бралъ у Джиральди Чинтіо, Бонделли или Сакса—грамматика первую попавшуюся на глаза канву, очеркъ, и разливалъ на нее неистощимый блескъ своей палитры, неподражаемую нѣжность оттѣнковъ и силу колорита.

Въ старинной драмѣ, служившей подмостками новому зданію, воздвигнутому Шекспиромъ, молодой Генрихъ ведетъ безпечную жизнь, и сдѣлавшись королемъ, удаляетъ отъ себя Олькэстля (Фальстафа оригинальной пьесы). Шекспировъ Генрихъ IV является совершенно другимъ человѣкомъ; слогъ его перемѣняется, какъ только онъ беретъ скипетръ. Второстепенныя лица стараго писателя, именно тѣ, которыхъ употребляетъ Шекспиръ, блѣдны до крайности, ничѣмъ не различаются одно отъ другаго: мелодрамные разбойники, плуты. Взгляните-же, напротивъ, на это скопище негодяевъ шестнадцатаго столѣтія у Шекспира: какая полнота, какое разнообразіе! Фальстафъ, Пайнсъ, Бардольфъ и Пистоль замѣняютъ четыре или пять незначительныхъ иметъ, выведенныхъ въ первой пьесѣ — Нима, Тома, сэра Джона Олькэстля и Гэдшиля. Шекспиръ даетъ каждому изъ нихъ отличительныя качества.

Пайнсъ, шарлатанъ и пустомеля, площадной умникъ, уличный литераторъ. Шекспиръ перечисляетъ подвиги и заслуги этого трактирнаго героя: «какъ онъ скачетъ съ завязанными ногами черезъ три стола, танцуетъ на яйцахъ, не разбивая скорлупы, и показываетъ много другихъ способностей паяца, требующихъ мало ума и большую тѣлесную гибкость». Бардольфъ просто глупецъ, одаренный фіолетовымъ носомъ. Пистоль, въ свою очередь, такой-же типъ въ Англии, какъ Маскариль во Франціи — фанфаронъ другаго сорта, нежели Фальстафъ; у него поэтическое чванство; онъ соединяетъ въ себѣ напыщенность Лукана и самоувѣренность гасконца. Нимъ голова ограниченная, трусь и хвастунъ, существо чувственное и корыстолюбивое. Удивительная тонкость, съ какою изучены эти характеры нижняго яруса, придаетъ имъ еще болѣе тривіальности, ставя ихъ въ противоположность съ героической красотой и яркими портретами Готспура и Глендовра.

Душа пьесы, особенно въ первой части, Джонъ Фальстафъ, уже извѣстный вамъ. Около него группируется комическая часть произведенія

Фальстафъ идетъ теперь рука-объ-руку съ Санчо и Панюржемъ, не потому, что онъ толстъ, любитъ выпить и весело балагурить; если бы его достоинства ограничивались выпуклымъ брюшкомъ и емкостью желудка — огромною могилой рома — мы презирали бы его; но Фальстафъ лучше: это цѣлый типъ. Въ немъ живетъ чувственность; такъ-же, какъ у Санчо-Пансы, у него эгоизмъ, жадность и плутовство являются на-распашку, превращаясь поочередно въ дерзкую ложь, въ ѣдкую насмѣшку, взрывы хохота, веселыя выходки, забавныя увертки. У Фальстафа не только всѣ пороки, но онъ еще наряжается въ нихъ, прикрашиваетъ ихъ остроуміемъ, веселостью, непринужденностью, проіеіей. Глубоко изучивъ всѣхъ, онъ понимаетъ выгоду хорошо выученной роли, однажды принятаго характера. Онъ развиваетъ не только самый этотъ характеръ, но и карикатуру своего характера; онъ играетъ роль не только на сценѣ, но и въ жизни. Вы видали его въ свѣтѣ; сообразите, и вы вспомните людей, которые утрируютъ смѣшную сторону какого-нибудь недостатка, чтобы получить на него привиллегію. Съ какимъ искусствомъ Шекспиръ нарисовалъ этотъ трудный портретъ! Подъ этою толщиной, подъ гастрономическаго дородностью, подъ возмущающею сердце низостью, подъ нелѣпою чувственностью гораздо болѣе комической проницательности, нежели въ утонченныхъ претензіяхъ Мариво и его школы.

Въ схваткѣ, посреди труповъ, почернѣвшихъ отъ пороха и покрашенѣвшихъ отъ крови, Фальстафъ вынимаетъ изъ кармана бутылку стараго вина и пьетъ залпомъ. Вы видите здѣсь фантазію пьяницы: ничуть! Когда Фальстафъ прячетъ въ карманъ обѣденную карту — три кашлуна, полторы дюжины бутылокъ и на два ліарда хлѣба — не вѣрьте этой лживой картѣ: это чванство! Я готовъ держать пари, что Фальстафъ сочинилъ эту карту. Когда онъ называетъ себя старымъ мѣшкомъ съ виномъ, *бочкою-человѣкомъ*, насмѣшникомъ безъ остроумія, въ которомъ умирающее воображеніе поддерживается и пробуждается только виномъ, — вы видите, что онъ шутитъ надъ вами, и не вѣрьте тому, что онъ говоритъ о себѣ. У него есть своя поэзія, не на Пиндѣ, въ Коканьѣ. Такимъ-образомъ комическая сторона его роли дѣлается мягче, и получаетъ оттѣнокъ печальный и, въ то же время, смѣшной.

На счетъ ума, Фальстафъ человѣкъ неподражаемый. У него, какъ у Фигаро, на все готовъ отвѣтъ. Угрожаетъ-ли ему опасность, смущается-ли его благополучіе, удовольствіе или надежда, — остроумная выходка, полная самоувѣренности, тотчасъ отражаетъ ударъ, нанесенный старому эпикурейцу. Онъ вооружается умомъ и выходками, какъ дикобразъ своими иглами. Пусть его торжествующая веселость плавааетъ

между бутылками и жирными каплунами, посреди шума междоусобій и общественныхъ и частныхъ споровъ — вамъ не найти лучшаго забавника; если вы попробуете остановить его на бѣгу, то увидите, съ какою ловкостью инстинкта, съ какою удачною ложью, небрежною хитростью онъ отразитъ ваши удары и опрокинетъ поставленные передъ нимъ преграды. Это человѣкъ, готовый на все — на войну и на миръ; вы не обнимете его и не обезоружите. Когда этимъ толстякомъ овладѣваетъ скука, когда онъ въ опасности или несчастіи, онъ поворачиваетъ стержень и становится къ нимъ спиною. Развѣ не видали вы такихъ людей?

Въ «Генрихѣ IV» на первомъ планѣ является комизмъ. Интрига вмѣшивается въ самыя пустыя игры; героизмъ соединяется съ легкомысліемъ, и въ однихъ и тѣхъ-же характерахъ сливаются самыя противоположные оттѣнки.

Генрихъ господствуетъ надъ комическою и надъ серьезною частию произведенія. Изъ вѣтренника онъ дѣлается героемъ, — характеръ до такой степени истинный, естественный и поразительный, что ни на какомъ театрѣ не являлось другаго подобнаго сліянія комедіи съ трагедіей.

Шекспиру особенно нравились герои, соединяющіе слабость съ величіемъ. Люблю я Готспура, блестящаго, упрямаго, энтузіаста, безрасуднаго. Его запальчивая храбрость чаруетъ читателя, неспособнаго холодно обсудить рыцаря, выказывающаго мужество Ахиллеса и упрямство ребенка. Глендовръ, рожденный на берегахъ озеръ Валлійскаго графства, вѣритъ въ волшебство, какъ все жители дикихъ странъ. Онъ увѣренъ, что судьба сопряжена съ забраломъ его каски.

Такое знаніе свѣта, въ сочиненіяхъ Шекспира всегда подчиненное воображенію, говоритъ ему, что Болингброкъ легко восторжествуетъ надъ заговоромъ его противниковъ, заговоромъ, лишеннымъ единства, плана и цѣлей, который подъ руководствомъ слабаго Мортимера и при безразсудной запальчивости Готспура, сокрушается о твердую волю короля. Макиавель и Тацитъ не могли-бы съ большою тонкостью представить эти подробности.

Во второй части *Генриха IV*, собственно говоря, нѣтъ сюжета; воспоминаніе о молодомъ Готспурѣ еще открывается въ первыхъ актахъ; послѣдніе — элегія надъ несчастіями короля.

Указанныя нами серьезныя событія прерываются безпрестанною комедіей, которая проходитъ черезъ все части драмы, обогащается въ своемъ развитіи новыми лицами. Въ комической части являются Шоллоу, мирный судья, Силенъ, его двоюродный братъ, оригинальные типы ничтожества; Пистоль, фанфаронъ-неологъ, употребляющій свои пышныя

фразы, какъ наступательное и обонительное оружіе; Пойнсъ и Пето; наконецъ, Фальстафъ, неподобная карриатура на грубую чувственность, соединенную съ тонкостью ума. Оттѣнки этихъ карриатуръ составляютъ забавную постепенность отъ глупости къ безумію.

Тождесловіе, общее всеѣмъ глупцамъ, претензіи, смѣшное, существующее въ одно время съ порокомъ; наблюдательность и живопись низкихъ и жалкихъ обстоятельствъ, которыми усѣяна исторія величайшихъ переворотовъ; веселая интрига, перемѣшанная съ важными обстоятельствами — вотъ главные достоинства этого произведенія. Генрихъ приводитъ двойную драму къ единству, и въ ту минуту, какъ коронаваніе Генриха V оканчиваетъ серьезную часть произведенія, въ комической части также происходитъ неожиданная катастрофа.

Фальстафъ, гордясь своимъ положеніемъ при новомъ королѣ, спѣшитъ воспользоваться этимъ кредитомъ; но Генрихъ вдругъ перемѣнился; онъ отбрасываетъ своихъ прежнихъ товарищей на почтительное разстояніе, и разрушивъ ихъ надежды, развязываетъ узелъ комедіи, въ которой онъ былъ главнымъ дѣйствующимъ лицомъ.

Изъ этого видно, какъ Шекспиръ понималъ свое историческія драмы, и съ какимъ гармоническимъ согласіемъ скрывалъ ихъ диссонансы. Царствованіе Генриха V, или завоеваніе южной Франціи и битва при Азинкурфъ представляли великолѣпныя картины историческому живописцу, однакожь ихъ труднѣе было поставить на сцену, нежели тѣ, изъ которыхъ Шекспиръ извлекъ свои прежнія трагедіи. Тутъ была эпопея, а не драма. Интересъ дробится; война, подчиненная случаю, обстоятельствамъ, представляетъ самые трудные драматическіе узлы, и ужасныя битвы дѣлаются на сценѣ смѣшнымъ фарсомъ. Какъ обратить воинственное предпріятіе въ комедію?

Тонкій смыслъ Шекспира, вмѣсто того, чтобы обходить препятствіе, осмѣлился идти на него прямо; выдавая свою драму за лирическую эпопею, онъ связалъ различныя ея части пѣснями краснорѣчиваго хора, поручивъ ему обрисовать это движеніе войны, неудачи и побѣды, которыхъ онъ не могъ представить въ дѣйствіи. Это смѣлость могучаго генія, который останавливается на рубежѣ искусства. Отъ этихъ лирическихъ отрывковъ, брошенныхъ между актами, замѣчаешь, что это не трагедія или драма, выходящая изъ своей естественной сферы: надъ всеѣмъ произведеніемъ паритъ лирическое величіе. Хоры эти, болѣею частью, исполнены высокой красоты. Въ первомъ изъ нихъ Шекспиръ жалуется на невозможность сдѣлать совершеннымъ лирическое очарованіе:

— «О, какая муза, на пламенныхъ крыльяхъ, унесетъ меня въ

самую высшую сферу мысли? Миѣ надо для сцены — цѣлое королевство, дѣйствующими лицами — принцевъ, зрителями — монарховъ! » и проч. и проч.

Описаніе двухъ лагерей, передъ битвою, еще поразительнѣе. Въ отношеніи къ философіи особенно замѣчательны нравственныя причины, которыми авторъ объясняетъ успѣхъ англійскаго оружія въ азинкурской битвѣ. У Шекспира, событіе зависитъ преимущественно отъ личныхъ качествъ полководцевъ и ихъ вліянія на умы солдатъ. Онъ опирается, съ пристрастіемъ, простительнымъ поэту, на легкомысліе французскихъ рыцарей, занятыхъ, наканунѣ битвы, толками о своихъ лошадяхъ и возлюбленныхъ. Въ противоположность этой вѣтренности, этому тщеславію, ожидающему сигнала битвы, какъ сигнала торжества, онъ ставитъ рѣшимость непріятельской арміи, поставленной въ отчаянное положеніе и готовой умереть съ честью.

Такимъ образомъ Шекспиръ всегда связываетъ общія событія съ таинственными пружинами, скрытыми въ человѣческомъ сердцѣ. Онъ никогда не останавливается на поверхности; отъ него не ускользаетъ политика Генриха V и его совѣтниковъ. Генриху, для укрѣпленія трона, необходима была война съ иностраннымъ государствомъ. Но здѣсь выплываетъ безпристрастное правосудіе Шекспира и его искусство обнажать пружины великихъ событій.

И въ этомъ произведеніи Шекспиръ не отказался отъ комическихъ и второстепенныхъ характеровъ, которыми онъ пользуется такъ счастливо и ловко. Фальстафъ, внавший въ немилость у короля и убитый своими пороками, умираетъ отъ горести и пьянства; Бардольфъ и Нимъ, товарищи Фальстафа, идутъ во Францію — и гибнутъ тамъ. Суровый шотландецъ, запальчивый ирландецъ, надутый валліецъ, выражаясь каждый на своемъ нарѣчій, слѣдуютъ за арміей, доказывая, что воинственный геній молодаго монарха собралъ подъ своими знаменами всѣхъ жителей британскихъ острововъ. Чрезвычайно забавенъ споръ шотландца и валлійца «о дисциплинѣ древнихъ римлянъ», который начинается, прерывается и продолжается въ сильнѣйшій разгаръ схватки. Генрихъ, посреди своихъ важныхъ обязанностей, сохраняетъ свой проницательскій характеръ.

III.

Генрихъ VI. — Король Іоаннъ. — Генрихъ VIII.

Трагическія событія тѣснятся и скопляются въ трехъ частяхъ *Генриха VI*. Въ его правленіе, Англія была театромъ ужасовъ, которые

Шекспиръ воспроизвелъ съ удивительною вѣрностью. Не заботясь о наружномъ сосуществованіи картинъ, писатель, не имѣя возможности въ такомъ обширномъ произведеніи тонко отгнать характеры, рисуетъ фрески. Тутъ нѣтъ ни приготовленій, ни выставки. Дѣйствующія лица бросаются на сцену, такъ-сказать, однимъ прыжкомъ, и обозначаются съ энергіей, которая не покидаетъ ихъ. По мѣрѣ того, какъ развивается холстъ, краски дѣлаются мрачнѣе и мрачнѣе. Ярость междоусобій доходитъ до бѣшенства, и кровавая прогрессія не останавливается до послѣднихъ сценъ.

Въ первой части *Генриха VI* содержатся начало раздѣленій «Бѣлой и Алой Розы», пролившихъ кровь потоками, и безчисленныя бѣдствія войны съ Франціей. Жанна д'Аркъ, удивительное существо, спасшее страну, представляло еще болѣе трудности Шекспиру. Раздѣляя мнѣніе британскихъ лѣтописцевъ, онъ долженъ былъ бы сдѣлать изъ вокулерской пастушки колдунью, и заинтересовать тѣмъ своихъ зрителей. Однакожъ философскій взглядъ не позволилъ ему совершенно уступить, въ этомъ случаѣ, лѣтописцамъ, — и поэтъ съ изумительною ловкостью преодолѣлъ препятствіе. Сначала онъ представляетъ Жанну д'Аркъ увѣнчанною чистою славой воинственной дѣвственницы; онъ не отвергаетъ ея небеснаго призванія, и даже предполагаетъ, что своимъ обольстительнымъ краснорѣчіемъ она склонила герцога бургонскаго на защиту народнаго дѣла. Послѣ того, гордость, страсть искушаютъ Жанну; она падаетъ и приближается къ гибели.

Противъ Жанны является Тэльботъ, воинъ ужасающій, подобный развѣшаннымъ въ арсеналахъ мѣднымъ доспѣхамъ, съ опущенными наличниками, неумолимый, какъ смерть, и страшный, какъ привидѣнія. Когда этотъ желѣзный человѣкъ, въ минуту своей гибели, заботится только о спасеніи своего сына, совершившаго первый ратный подвигъ; когда, потомъ, онъ обнимаетъ холодѣющими руками трупъ молодого Тэльбота, — эта картина производитъ самое патетическое впечатлѣніе.

Вотъ англійскій лагерь близъ Бордо. Входитъ Тэльботъ съ сыномъ*.

Тэльботъ. Джонъ Тэльботъ, я вызвалъ тебя для того, чтобъ самому научить тебя военному искусству, — чтобъ имя Тэльбота ожило въ тебѣ, когда изсушающая старость и ослабѣвшіе члены усадятъ твоего отца въ скорбныя кресла. — Зловѣщія, непріязненныя созвѣздія хотѣли, чтобъ ты пріѣхалъ на страшную, неизбѣжную гибель. — И потому, дитя мое, садись на быстрѣйшую изъ лошадей моихъ и спасайся

* Шекспиръ. Переводъ съ англійскаго Н. Кетчера. 1841.

бѣгствомъ. Я покажу тебѣ гдѣ проѣхать. — Ну, не мѣшкой же, скорѣй!

Джонъ. Я, Тэльботъ, вашъ сынъ, — и побѣгу? О, если вы любите мою мать, не срамите же ея честнаго имени, дѣлая изъ меня незаконнорожденнаго раба. — «Онъ не Тэльботовой крови», скажетъ весь міръ, «онъ бѣжалъ, когда благородный Тэльботъ стоялъ не-трепетно»!

Тэльботъ. Бѣги, чтобъ отомстить за мою смерть, если меня убьютъ.

Джонъ. Кто побѣжитъ въ такомъ случаѣ, не воротится уже никогда!

Тэльботъ. Останемся оба — умремъ оба.

Джонъ. Такъ, я останусь. Спасайся ты, мой отецъ! Твоя смерть великая потеря; велика должна быть и твоя заботливость о себѣ. — Я неизвѣстенъ — моя гибель не потеря. — Моей смертью французамъ нельзя похвастаться; твоей можно. Съ тобой погибнуть всѣ наши надежды. — Твое бѣгство не запятнаетъ пріобрѣтенной славы, — мое обезславитъ меня, потому-что я еще ничѣмъ не отличился. Каждый поклянется, что ты бѣжалъ по расчету благоразумія; побѣгу я — скажутъ отъ страха. — Останется ли какая надежда, что я когда-нибудь устою, если съ перваго раза струшу и обращусь въ бѣгство? На колѣняхъ прошу смерти, вмѣсто жизни, сохраненной безславіемъ!

Тэльботъ. Такъ прощай же, милый сынъ мой! прекрасное солнце, появившееся для того, чтобъ затмиться въ самый полдень! — Идемъ, сразимся, и умремъ вмѣстѣ! и не разлучаясь отлетятъ наши души изъ Франціи на небо!

(Спустя нѣсколько минутъ, молодой Тэльботъ опять является, окруженный непріятелями; отецъ бѣжитъ къ нему на помощь и спасаетъ его).

Джонъ. О, ты дважды отецъ мой! Дважды я сынъ твой! Жизнь, которую ты далъ мнѣ прежде, была уже утрачена; но твой воинственный мечъ, на зло судьбѣ, даровалъ новое продолженіе моему кончавшемуся бытію.

Тэльботъ. Искры, которыя твой мечъ высѣкалъ изъ шлема дофина, разожгли сердце твоего отца гордымъ желаніемъ смѣло-лицой побѣды. Свинцовая старость, оживленная юношескимъ пыломъ и воинственною яростью, превозмогла Аленсона, Орлеанскаго, Бургундскаго, и освободила тебя отъ бѣшеной толпы надменныхъ галловъ. Съ неистовымъ противникомъ, который обагрилъ тебя, дитя мое, кровью, которому досталась дѣвственность твоей первой битвы, я встрѣтился вскорѣ. Его кровь брызнула послѣ нѣсколькихъ ударовъ, а я сказалъ ему въ

насмѣшку: «Я проливаю твою незаконную кровь за мою чистую, которую ты источилъ изъ Тэльбота, моего храбраго сына!» Я хотѣлъ нанести ему послѣдній ударъ, но тутъ подоспѣла сильная помощь, и спасла его. — Ну что, забота твоего отца? Скажи, не усталъ ли ты, Джонъ? Какъ ты себя чувствуешь? Не хочешь ли оставить поле битвы, бѣжать? Теперь ты запечатлѣнъ саномъ рыцарства? Бѣги, чтобъ отмстить за смерть мою, если я умру; помощь одного ничтожна. Я очень хорошо знаю, что глупо отваживать жизнь всѣхъ на одну утлую ладью. — Если я нынче и не умру отъ бѣшенства французовъ, — я умру завтра, отъ преклонной старости. Моей смертью они не выиграютъ ничего; они сохратятъ мою жизнь какимъ-нибудь однимъ днемъ. — Съ тобой умретъ твоя мать, наше имя, месть за смерть мою, твоя юность, слава Англии. Все это, и еще болѣе отваживаешь ты, оставаясь; все это спасено, если бѣжишь.

Джонъ. Мечъ Орлеанскаго не произвелъ никакой боли, но ваши слова обливаютъ мое сердце кровью. — Чтобъ я согласился купить эти выгоды такимъ позоромъ, спасти пошлую жизнь убійствомъ свѣтлой славы — никогда! — Прежде чѣмъ молодой Тэльботъ оставитъ стараго Тэльбота, пусть падетъ и издохнетъ лошадь, которая должна умчать его! пусть назовутъ меня французскимъ мальчишкой, пусть я буду цѣлью позора, рабомъ несчастій. — Если я бѣгу — клянусь всей вашей славою, я не сынъ Тэльбота! — Не говорите болѣе о бѣгствѣ — все напрасно! Сынъ Тэльбота — такъ умирай же у ногъ Тэльбота!

Тэльботъ. О, когда такъ, Икаръ мой, слѣдуй же за отчаяннымъ отцемъ своимъ! Миѣ мила жизнь твоя; но если ты уже рѣшился сражаться, такъ сражайся же, подлѣ отца! Докажемъ имъ доблесть нашу, и умремъ со славою!

(Тэльбота приноситъ раненнаго и умирающаго).

Тэльботъ. Гдѣ моя другая жизнь? Моя собственная кончается! — О гдѣ мой юный Тэльботъ? гдѣ мой доблестный Джонъ? — Его храбрость заставила меня улыбаться тебѣ, смерть, торжествующая и въ то же время обезчещенная плѣномъ! — Увидавъ, что я пошатнулся и упалъ на колѣни, онъ взмахнулъ надъ головой моей кровавымъ мечемъ своимъ, и началъ поражать съ яростнымъ ожесточеніемъ голоднаго льва. Но когда раздраженный защитникъ мой остался одинъ со мною падшимъ, когда никто уже не рѣшался нападать на него, бѣшенство съ дико-вращающимися глазами, неистовое остервененіе рвануло его вдругъ отъ меня въ столбившіеся ряды французовъ, и дитя мое утопило свой высоко-воздымающійся духъ въ этомъ морѣ крови! Мой Икаръ, мой цвѣтокъ, умеръ тамъ во всей красѣ своей!

(Солдаты вносят тѣло Джона Тэльбота).

Служитель. Добрый лордъ, вотъ несуть вашего сына.

Тэльботъ. — Смерть! ты издѣваешься надъ нами? Напрасно! Соединенные узами вѣчности, два Тэльбота умчатся на небеса сейчасъ же; избавятся смертности, на зло тебѣ! — О, ты, къ чьимъ ранамъ такъ пристала дурно-лика я смерть, поговори съ отцемъ твоимъ прежде, чѣмъ испустишь послѣднее дыханіе! Вообрази, что смерть французъ, твой врагъ! — Бѣдное дитя мое! — Кажется, онъ улыбается, какъ будто хочетъ сказать: когда бы смерть была французъ, я убилъ бы ее давно. — Друзья, положите его въ объятія отца. Духъ мой не въ силахъ уже переносить этого горя. — Прощайте, воины. — Теперь все мое со мной! Мои дряхлыя руки могила юнаго Тэльбота! (Умираетъ. Солдаты и служители расходятся. Битва продолжается).

Разговоръ въ темницѣ, между старикомъ Мортимеромъ и Ричардомъ Плантагенетомъ, представляетъ удивительную смѣсь самыхъ высокихъ политическихъ соображеній и элегическаго пафоса.

Во второй части *Генриха VI* мы присутствуемъ при началѣ междоусобій, возбужденныхъ вельможами въ малолѣтство Генриха. Здѣсь описываются прекрасный характеръ герцога Глостера, прозваннаго «добрымъ Гомфри», и характеръ его убійцы, Бофора. Смерть герцога Бофора, прощаніе королевы Маргеритты съ Суффолькомъ, умерщвленіе этого самаго Суффолька пиратомъ, наконецъ возмущеніе Джека Када, дополняютъ остальную часть этой великой картины. Свиданіе Бофора, и короля Генриха VI, который посѣщаетъ его у смертнаго одра — сцена короткая и дивно высокая. Одинъ страшится небеснаго гнѣва; другой призываетъ на ложе преступника неистощимое милосердіе Всевышняго.

(Бофоръ лежитъ на постели; около стоятъ служители). *

Король Генрихъ. Что, какъ вы, мой лордъ? — Бофоръ, отвѣчай твоему государю.

Бофоръ (въ бреду). Смерть, оставь мнѣ только жизнь, избавь отъ мученій, и я дамъ тебѣ все сокровища Англій — столько, что можно будетъ купить другой такой островъ.

Генрихъ. О, недоброй жизни знакъ, такая страшная боязнь смерти!

Уарвикъ. Бофоръ, съ тобою говоритъ твой государь.

* Переводъ г. Кетчера.

Бофоръ. Ведите меня къ суду, если хотите! — Развѣ онъ умеръ не въ своей постели? — Гдѣ-жъ ему надобно было умереть? — Могу ли я принудить человѣка жить противъ его воли? — О, не пытайте же меня! Я признаюсь! — Какъ, ожилъ? — Покажите мнѣ, гдѣ онъ? — Я дамъ тысячу фунтовъ, только бы взглянуть на него. — У него нѣтъ глазъ, земля заслѣпила ихъ! — Причешите же его волосы! — Смотрите, смотрите, они становятся дыбомъ, поднимаются какъ силки, чтобы поймать мою улетающую душу! — Пить! — Велите аптекарю принести жестокий ядъ, что я купилъ у него.

Генрихъ. О, молю Тебя, Предвѣчный Двигатель неба, взгляни милосердымъ окомъ на бѣднаго! — Удали неугомоннаго врага, который овладѣлъ его грѣшной душою! Изгони изъ груди его это черное отчаяніе!

Уарвикъ. Посмотрите, какъ онъ скрежещетъ въ предсмертной мукѣ.

Салисбери. Не тревожьте его, дайте ему умереть покойно.

Генрихъ. Миръ его душѣ, если такъ угодно Богу! Лордъ Бофоръ если ты вѣришь въ безсмертіе — подними руку въ знакъ надежды. — Онъ умираетъ, и не дѣлаетъ знака. — О, Господи! прости ему!

Уарвикъ. Такая ужасная смерть вѣрное доказательство чудовищной жизни.

Генрихъ. Не судите, мы все грѣшники. Закройте ему глаза, задерните пологъ, и пойдемъ, предадимся размышленію

Какая рѣчь сильнѣе этой ужасной и короткой сцены! Въ этой части драмы дышетъ смѣсь ужаса и малодушія;

Развязка этой трилогіи заключается въ третьей пьесѣ. Здѣсь все темнѣетъ; кровь каплетъ изъ кисти Шекспира; слѣдуя за естественнымъ ходомъ человѣческихъ страстей, поэтъ показываетъ, какъ онѣ воспламеняются въ своемъ бѣгѣ, подобно колесницѣ, оси которой загораются на ристалищѣ. Какая трагедія, какой рядъ катастрофъ, подчиненныхъ фатализму характеровъ! Съ первой сцены, все мечи въ крови; Въ этой борьбѣ преступленій, палма должна остаться за преступнѣйшимъ. Ричардъ Глостеръ предвидитъ и готовится свое могущество.

Трагедія, посвященная воспроизведенію происковъ Глостера и двухъ лѣтъ его правленія, самая знаменитая изъ этихъ историческихъ драмъ. Самый сюжетъ болѣе представлялъ Шекспиру драматическихъ средствъ и единства. Одинъ могучій характеръ—Ричардъ—герой пьесы, одушевляетъ, согрѣваетъ и наполняетъ ее своимъ губительнымъ дыханіемъ.

Нельзя не удивляться глубинѣ этого созданія. Ричардъ старается оправдывать свирѣпость своей души. Отдѣленный отъ человѣческаго общества, онъ отказывается отъ любви и начинаетъ ненавидѣть; ему

хочется, чтобы его внутренняя злоба согласовалась съ его уродливостью; вмѣсто того, чтобы скрывать свои пороки, онъ образуетъ ихъ по своимъ правиламъ. Этотъ колоссальный характеръ внушаетъ не только ужасъ, но и любопытство, возбуждаемое его дѣятельностью и неукротимую отвагою. Пороки выдаются еще выпуклѣе отъ силы ума. Это видимая и незримая душа пьесы; въ тѣхъ сценахъ, гдѣ онъ не появляется, самый слѣдъ его наводитъ ужасъ. Насмѣхаясь надъ всѣмъ, онъ играетъ своими жертвами.

Подобно тому, какъ *Король Иоаннъ* есть прологъ этой великой исторической картины, *Генрихъ VIII* служить ей эпилогомъ. Последняя драма проще, естественнѣе, написана простодушнѣе, не такъ высоко, и отличается отъ предыдущихъ пьесъ качествами, отдѣляющими прозу отъ поэзіи. Шекспиръ, которому предстояло рисовать не энергическую суматоху среднихъ вѣковъ, но времена спокойствія подъ монархическою властью, удовольствовался тонкимъ анализомъ и сильнымъ воспроизведеніемъ исторической дѣйствительности. Вы уже не найдете здѣсь героическаго варварства, непреклонной воли характеровъ, которыми поэтъ наполнилъ свои рыцарскія драмы. Это уже неужасающіе голоса Тэльбота, Клиффорда, Уарвика, звучащіе, какъ призывныя трубы къ бою. Феодалная ярость утихла; поэту оставалось только обрисовать Генриха VIII,

Героиня произведенія—Катерина, вѣрная супруга, простая и преданная женщина, королева, исполненная достоинства. Ея возваніе къ королю, тайныя бесѣды съ придворными дамами, свидѣлствуютъ о чистотѣ ея души и силѣ характера. Когда врагъ ея, Вольсей, умираетъ въ немилости, она безъ гнѣва выслушиваетъ похвальное слово человѣку, котораго ненавидѣла при его жизни.

Послѣ нея, живѣйшее вниманіе привлекаетъ Вольсей. «Смѣлый въ порокахъ», какъ называетъ его Шекспиръ, онъ ослѣпляетъ своею щедростью, изумляетъ своею гордостью и находчивостью. Когда за блескомъ слѣдуетъ постыдное паденіе; когда Вольсей падаетъ съ высоты своего величія, когда сокровища у него отняты, когда жизнь его въ опасности, когда враги оскорбляютъ его,—это бѣдствіе, выраженное съ ребяческою простотою, проистекающею отъ одиночества, проникаетъ и асъ жалостью. динъ изъ замѣчательнѣйшихъ талантовъ поэта заключается въ томъ, что онъ пробуждаетъ въ насъ состраданіе къ человѣку, но только къ человѣку, независимо отъ его достоинствъ.

ПРЕДСТАВЛЕНІЕ ШЕКСПИРОВОЙ ПЬЕСЫ ВЪ 1613 ГОДУ

I.

Входъ въ театръ. — Генрихъ VIII, трагедія Шекспира. — Наружность театра Globe. — Красный флагъ. — Афиши. — Толпа. — Женщины. — Мастеровые. — Pamфлеты.

Я хочу нарисовать полную картину представленія Шекспировой пьесы въ концѣ шестнадцатаго столѣтія. Нравы, привычки слушателей, ихъ наружность и ощущенія бросаютъ яркій свѣтъ на основу и задушевную мысль этихъ драмъ, бывшихъ предметомъ удивленія, хулы и понятыхъ немногими. Разказъ мой составленъ изъ тысячи разбросанныхъ и забытыхъ отрывокъ.

Малонъ, Тальмерсъ, Гацлитъ, Лембъ, Колльеръ, Джиффордъ приготовили для этого труда художнику и антикварію любопытные матеріалы. Старинныя рукописи (*Burghlly papers*.) не извѣстныя, и лежавшія въ пыли библиотекъ гарлеиновой и бадленновой, и до-сихъ-поръ не изданныя, доставили намъ то, чего мы и ненадѣялись найти: анекдоты о семейной жизни Шекспира.

Дневникъ адвоката шестнадцатаго столѣтія (*Journal of a Barister Harleian MSS*) доставилъ намъ другія характеристическія черты; Ченсловъ, директоръ тогдашняго театра, оставилъ подробное описаніе всего сценическаго матеріала; современные поэты, большею частію сатирики, набрасали тамъ и самъ встрѣчавшія имъ каррикатуры.

Соберемъ эти лоскутки, и проникнемъ въ ограду Globe въ день знаменитаго спектакля, 12 іюня 1613 года.

Представленіе было въ тотъ самый день, тотъ самый часъ, на которые мы указываемъ. Мы будемъ разказывать истинное происшествіе, въ чемъ легко удостовѣриться, прочитавъ письмо Уаттона въ *Reliquiae Wottonianae*. Мы ничего не предполагаемъ: для насъ довольно сгруппировать факты и образы. Мы изгоняемъ изъ разказа гипотезу, вымысль, все сомнительное и двумысленное. Украшать эти факты и образы значило бы дѣлать подлогъ въ ущербъ прошлому. Отличительныя черты, оставленныя современниками Шекспира, одежда, гравюры, картины, неизданныя рукописи — вполне возстановятъ эпоху.

Проидемъ по Лондону, городу 1613 года, обстроеному деревянными домами и усѣянному большими зданіями, въ которыхъ итальянскій стиль борется съ готическимъ. Полюбуйтесь на эту смѣсь вкусовъ рыцарскаго и классическаго, двойной символъ времени, въ которое мы перенеслись; остановитесь передъ *Holand-House*, древнимъ наслѣдіемъ

Голландовъ. Огромныя зубчатыя стѣны, черныя бастіоны, окна низкія широкія, подобныя бойницамъ, бросаютъ на возникающее семнадцатое столѣтіе колоссальную тѣнь умирающихъ среднихъ-вѣковъ. Замѣьте эти домики мѣщанъ и ремесленниковъ, съ остроконечною кровлей, въ которыхъ каждый этажъ выдвигаетъ на улицу свои брусья, украшенные толстыми маскаронами, и готическую темноту.

Въ театрѣ мы еще лучше замѣтимъ кипящее вокругъ насъ народонаселеніе. Вы узнаете солдата по коричневому плащу (*cassocks*); слугъ по голубой ливреѣ, мастеровыхъ по приплющенной шапочкѣ, полицейскаго сержанта — по кожанной шинели и булавѣ, или рукъ правосудія. Вотъ господинъ, гладко причесанный, въ черномъ платьѣ, идущій разсѣянно, мѣрными шагами: это пуританинъ.

Проидемъ по New-Exchange, населенному бѣлошвейками и портными. Эба эти ремесла въ большомъ почетѣ и очень выгодны. Вотъ наконецъ мы дошли до *Bankside*. Видите ли красное шелковое знамя, которое развѣвается на золоченной палкѣ надъ чѣмъ-то, похожимъ на деревянную цитадель?

На берегу Темзы, на грязной мѣстности, возвышается шестиугольный сарай, раскрашенный подъ кирпичъ, — усѣченный конусъ, нѣсколько суживающійся къ вершинѣ и открытый сверху; башня эта окружена грязнымъ рвомъ; два маленькіе навѣса съ рѣшетками виднѣются изъ-за стѣны этого страннаго зданія, и поставленный въ промежуткѣ ихъ красный флагъ возвѣщаетъ народу, падкому на зрѣлища, что двери *Globe* отперты.

У каждой труппы актеровъ есть свое знамя; флагъ противъ флага, армія противъ арміи; какъ только флагъ любимаго театра является на древкѣ — Лондонъ въ движеніи. Видите ли, какое стеченіе народа у шестиугольной башни? Тяжелыя кареты катящіяся какъ дома; лошади, покрытыя длинными коврами; носилки, женщины, повисшія на рукакахъ мужей; судьи верхомъ на лошакахъ; шумная толпа мастеровыхъ мальчишекъ — все это останавливается возлѣ *Globe*: такъ называется театръ, въ которомъ сегодня, 12 іюня 1613, идетъ торжественное представленіе *Генриха VIII*, драмы Шекспира. Костюмы новые; афиша позаботилась извѣстить, что въ пьесѣ выстрѣлятъ изъ пушки, и что спектакль будетъ необыкновенно великолѣпный.

Пойдемте, пора; скоро три часа, а въ три часа поднимется занавѣсъ.

Globe, бѣдное зданіе, лучшій изъ лондонскихъ театровъ, есть шестиугольный циркъ съ двумя дверями. Актеры и постоянные посѣтители входятъ въ одни изъ этихъ дверей; другая назначена для толпы. Надъ

входомъ, статуя Геркулеса, грубо разрисованная какъ большая часть статуй того времени, поддерживааетъ земной шаръ.

Проберитесь сквозь густую толпу мужчинъ, женщинъ, мѣщанъ, воровъ, мастеровыхъ, собравшихся около аффиши: они дерутся, чтобъ узнать ея тайны. Этотъ гигантскій листъ, прибитый къ деревяннымъ столбамъ вокругъ театра, возвѣщаетъ о сегодняшнемъ спектаклѣ. Разсмотрите хорошенько эти буквы, раскрашенные карминомъ; вы изумитесь, не найдя ни слова о Генрихѣ VIII, героѣ драмы по только фразу:

All is true, an historical play,

(все это истинно, историческая пьеса).

Вильямъ Шекспиръ счелъ долгомъ, выбравъ это заглавіе своей пьесѣ, предупредить зрителей и обезоружить критику. У театральнаго входа толпятся мальчишки, фокусники, торговки табакомъ и плодами, книгопродавцы съ лотками. Васъ оглушаютъ крики: — Купите новую книгу! Кому надо памфлетъ! «Азбука глупца!» «Альманахъ ворона!» «На два пенса ума!» «Венера и Адонисъ», сочиненіе Вильяма Шекспира! «Адскія новости!» «Семь грѣховъ Лондона!» Нѣкоторые изъ зрителей запасаются книжонками in-12°, для препровожденія времени въ антрактахъ. Можете взять съ нихъ примѣръ; вамъ это будетъ стоить недорого и васъ увлечетъ толпа своимъ напыломъ, между мѣщанкою, одѣтою въ саржу, и щеголихой, сверкающею поддѣльными брилльантами.

Если вамъ не нравятся мастеровые и простолюдины, одѣтые по праздничному, если вы хотите быть съ людьми хорошаго тона, — послѣдуйте за авторами, постоянными посѣтителями театра и актерами, войдите въ одну съ ними дверь. Только простой народъ опускаетъ шиллингъ и даже пенсъ въ ящикъ кассира, человекъ въ черномъ фракѣ, который стоить у главнаго входа.

II.

Внутренность театра. — Томасъ Нэсъ, проводникъ. — Треножки — Скамейки. — Партерръ, understanders. — Бербеждъ. — Прологъ.

Вамъ нуженъ проводникъ; совѣтую взять Томаса Нэса, сатирическаго писателя, который въ своихъ многочисленныхъ сатирахъ обрисовалъ съ желчною насмѣшливостью нравы и людей своего времени. Онъ поведетъ васъ и будетъ рассказывать. Большая часть нижеслѣдующихъ подробностей находятся въ его сочиненіяхъ, очень рѣдкихъ и остроумныхъ.

«Сегодня, говоритъ онъ: чрезвычайное представленіе, и цѣны двой-

ныя, по обыкновению. Входите поскорѣе; черезъ минуту не останется *треножниковъ*: это маленькія деревянныя скамейки, о трехъ ножкахъ, которыя театральнѣй лакей отдаетъ въ наемъ за добавочную плату — шиллингъ. Мы сдѣлаемъ тоже. Торопитесь, скоро останется только три скамейки, и запоздалые театралы принуждены будутъ сѣсть на полъ. Но отдавайте деньги не прежде, какъ получите роковой треножникъ: лакей человекъ несовсѣмъ благонамѣренный.

«Оттого люди предусмотрительные велятъ своимъ пажамъ приносить стулья, если имъ такіе понадобятся.

«Вы входите черезъ репетиціонную залу, *tiring-room*; поднимите задній занавѣсъ, который называется *traverse*; вотъ вы на сценѣ, устланной цѣновками, что бываетъ въ чрезвычайныхъ случаяхъ; обыкновенно же полъ усыпаютъ листьями и вѣтвями. Но сегодня великій день, и дирекція ничего не пощадила.

«Сцена уже наполнена зрителями: обычай стѣснительный для актеровъ. Кругомъ васъ темнота. Занавѣсъ, отдѣляющій васъ отъ публики, скрываетъ отъ васъ другую, довольно занимательную сцену, которой шумъ доходитъ до васъ. Не удивляйтесь этимъ крикамъ; это пока ничего.

«Держите свою шляпу на-готовѣ, для защиты отъ бомбъ, бросаемыхъ въ васъ и иногда раздирающихъ занавѣсъ; черепки, обломки, камни полетѣли; публика уже въ нетерпѣннѣи.

«Вотъ расположеніе театра. Снаружи онъ шестиугольный, внутри кругообразный. Сцена, гдѣ вы находитесь, отдѣляется отъ партера или двора рѣшеткою, вышиною по локоть, и занавѣсомъ. Дворъ, *yard*, на которомъ стоятъ зрители, производящіе теперь шумъ, предоставленъ всѣмъ непогодамъ. Эти господа, вѣчно стоящіе, называются на закусочномъ языкѣ *understanders*, «нижніе люди», партеръ: игра словъ, опредѣляющая ихъ положеніе по мѣсту, и въ то же время бросающая ѣдкую насмѣшку на ихъ сужденія о пьесахъ, *understanding*. Сцена защищается двумя маленькими навѣсами, которые вы видѣли снаружи. Остальная часть театра открыта.

Understanders обнаруживаютъ нетерпѣніе. Тише! Вотъ лакей вѣшаетъ подъ занавѣсомъ, изнутри, билетикъ, обозначающій сцену дѣйствія: «Лондонъ». Другой прикрѣпляетъ, къ старымъ обоямъ клочокъ холста, представляющій, кажется, окно: вы должны вообразить, что это домъ. Этотъ господинъ въ черномъ бархатномъ плащѣ — *Прологъ*. Черный бархатъ и прологъ неразлучны.

«Вотъ Ричардъ Бербеждъ, лучший актеръ этого времени, играющій роль Вольсея въ пьесѣ, которую мы услышимъ: онъ про-

ходить между двумя рядами зрителей, и просовываетъ голову въ прорѣху занавѣса, который распахнется въ обѣ стороны при началѣ пьесы. Крики радости, поразившіе вашъ слухъ, суть привѣтствія зрителей, узнавшихъ своего любимаго актера. Шляпы полетѣли вверхъ. *Да здравствуетъ Бербеджъ! Да здравствуетъ Атласъ Земнаго Шара!* восклицаетъ молодой острякъ. Въ толпѣ слушателей, право, столько же драмы, сколько и въ самой пьесѣ.

»Въ двухъ ложахъ по бокамъ театра помѣщены музыканты; ихъ десятеро: это лучшая трупа въ Лондонѣ. Большая часть изъ нихъ итальянцы.

«Труба прозвучала три раза; это обыкновенный сигналъ; занавѣсъ открывается. Актеръ *пролога*, съ лавровою вѣтвью въ рукѣ, выступаетъ къ рѣшеткѣ или желѣзной рампѣ и мало-по-малу возстанавливается тишина. Выслушавъ прологъ, мы еще займемся публикой.»

Прологъ къ публикѣ.

«Я выхожу не затѣмъ, чтобы смѣшить васъ; сегодня мы представимъ вамъ вещи серьезныя, могучіе интересы, все, что есть важнаго въ мірѣ: сцены горести, дѣйствительность, отъ которой лобъ покрывается морщинами, благородныя сцены, отъ которыхъ увлажняются глаза

«Если въ душѣ вашей есть жалость, вы удѣлите слезу этимъ бѣдствіямъ: предметъ стоить ея. Если вы ищете истиннаго удовольствія — здѣсь вы найдете только истину; желаете вы одну или двѣ великолѣпныя сцены — желаніе ваше будетъ удовлетворено. Потерпите немного, удѣлите намъ нѣсколько часовъ, не жалѣйте о шиллингѣ: онъ истраченъ на роскошное зрѣлище.

«Но вы, требующіе только безпутства и безумія, вы, влюбленные въ шутовство, пестрое платье — предупреждаю васъ, вы обманетесь въ своихъ ожиданіяхъ. Знайте же, благосклонные мои слушатели: смѣшивать эту избранную дѣйствительность съ бесполезнымъ спектаклемъ, въ которомъ нѣтъ ничего, кромѣ шутовъ значило-бы обвинять насъ — въ глупости, и васъ самихъ — въ невѣжествѣ. И такъ, о вы, умнѣйшіе изъ лондонскихъ зрителей, склонитесь къ тому, чего мы хотимъ отъ васъ!.. Благородныя лица нашей исторіи оживаютъ, они явятся. Подумайте же: это они, они самые воротились, великія, какъ прежде, попрежнему сильныя, уважаемыя толпою, осажденныя друзьями... угнетенныя бѣдствіями...»

III.

Зрители. — Авторъ. — Чего стоила трагедія въ 1613 г. — Сорокъ тысячъ драмъ въ два года. — Табакъ и яблоки. — Курительницы табаку. — Красавица. — Капитанъ. — Фатъ. — Публка партерра. — Сумятица. — Пьеса начинается

Прологъ удалился; пестрая толпа не шумитъ, не рукоплещетъ: гению не аплодируетъ; ему удивляются, его почитаютъ, не знаютъ, какъ судить о немъ — и обходятся безъ приговора.

«Авторъ пьесы, продолжаетъ Нэсъ: нѣкто Вилльямъ Шекспиръ, человекъ не безъ дарованія, уже два года удалившійся въ деревню; знатоки болѣе хвалятъ его эротическія поэмы; нежели драмы. Театральная пьеса — пустая забава. Мы съ удовольствіемъ смотримъ на сценическія представленія, но небольшіе охотники до нихъ. Бенъ-Джонсонъ недавно возбудилъ общій смѣхъ, издавъ свои драматическія сочиненія подъ дерзкимъ заглавіемъ *Твореній* (Works). За театральную пьесу платятъ шесть, семь или восемь шиллинговъ; иногда, впрочемъ, даютъ въ пользу автора второе представленіе; оттого наши авторы бѣдны, а актеры богаты.

«И въ-самомъ-дѣлѣ, что такое театральная пьеса? Вещь самая легкая. Такихъ пьесъ въ-теченіе двухъ лѣтъ напечатано сорокъ тысячъ экземпляровъ. Народъ алчетъ ихъ, и не спрашиваютъ кто ихъ пишетъ. Оттого и писатели не стѣсняются: они занимаютъ, крадутъ, переводятъ, распложаютъ, ставятъ на сцену облака, землю, преисподнюю, что есть, чего не бывало, вчерашнее происшествіе, хроники, сказки, романы. Все для нихъ игрушка, и мы не просимъ бѣльшаго, только бы насъ потѣшали. Шекспиръ, о которомъ я говорю, не безъ достоинствъ; онъ приобрѣлъ кой-какую извѣстность между тысячею и однимъ драматическимъ писателемъ нашей эпохи. Я расскажу его приключенія, переданныя мнѣ товарищемъ его, Бербеджемъ; но сперва докончите осмотръ залы. воспользуйтесь тѣмъ, что можно сквозь прорѣху занавѣса видѣть на сценѣ и между зрителями.

«Полюбуйтесь на эту смѣсь головъ, лысыхъ, включенныхъ, завитыхъ, которыя волнуются какъ верхушки лѣса; эти различные костюмы отличаютъ разныя сословія. Живописная сцена!

«Партерръ похожъ на глубокую яму, вырытую подъ сценой, и головы зрителей, *understanders*, — тянутся параллельно нашимъ колѣнамъ. Надъ ихъ головами блеститъ іюньское небо и зыблется красный шелковый флагъ. Между этими *understanders* вы увидите только баракановыя камзолы, кожаные плащи, сюртуки изъ

овчины, кашюшоны изъ матеріи регретуана, плоскія шапочки и жилеты изъ черной саржи.

Партерная публика, *шелкуны орѣховъ*, не щадятъ насъ, какъ видите: сцена покрыта остатками ихъ импровизованнаго завтрака — апельсинными корками, пробками, объѣдками сосисекъ и голышами. Продавцы яблокъ, табаку и вина стараются возвысить голосъ надъ этою сумятицей. Pippins, pippins! nuts, nuts! Canary-vine! tabacco-pudding! Одни курятъ, другіе играютъ въ карты, третьи чокаются стаканами. Надъ *ярдомъ*, или дворомъ, два ряда ложъ, въ которыхъ идутъ почти тѣже забавы. Табачный дымъ и винныя испаренія поднимаются клубомъ надъ театромъ, открытымъ сверху. Эти курительницы табаку — *мъщанки* Спити... Обернитесь немного: этотъ толстякъ съ густыми и нахмуренными бровями — одна изъ знаменитостей нашего времени: Бенъ-Джонсонъ. У него есть привычка перегибаться черезъ галерею, чтобы показывать себя народу. Онъ сынъ каменьщика, нѣкогда и самъ былъ каменьщикомъ, послѣ солдатомъ, наконецъ сдѣлался ученымъ, надъ которымъ теперь смѣются, потому-что въ его пьесахъ слишкомъ много учености.

«Далѣе, обращаетъ на себя ваше вниманіе роскошно одѣтая дама, вскружившая голову не одному джентльмену. Полюбуйтесь на ея широкую манишку, венеціанскую цѣпь, ожерелье, стройную талію, корсетъ изъ голубаго бархата и вѣеръ изъ перьевъ, съ зеркаломъ. Томасъ Кроули, мой другъ, котораго она долго дурачила, описалъ ея жизнь въ хорошенькихъ стихахъ. Завтра вы увидите ее въ мъщанскомъ нарядѣ, въ маленькой круглой бархатной шапочкѣ; послѣ завтра — одѣтою, какъ иностранка, а черезъ три дня она обратится въ леди. Однакожъ пора познакомить васъ съ зригелями, которые сидятъ рядомъ съ нами. Вотъ Соутемтонъ, покровитель и неизмѣнный другъ Вилльяма Шекспира, давшій ему совѣтъ писать историческія драмы; другіе — бо́льшую частію фаты. Вотъ самый полный экземпляръ.

«Онъ явился послѣ пролога, когда занавѣсъ уже открылся, чтобы выказать свою богатую одежду. Онъ пробирается позади декораціи, является, надвинувъ на глаза войлочную шляпу съ страусовымъ перомъ на боку, держитъ въ правой рукѣ свою скамейку, въ лѣвой, между двумя пальцами, *тестонъ* (цѣну за мѣсто), садится, вынимаетъ изъ ноженъ шпагу, придвигаетъ клинкомъ свѣчу, зажженную неподалеку отъ него, велитъ своему пажу подать трубку, и небрежно разваливается.

«Двадцать другихъ франтовъ развалились на полу, за неимѣніемъ скамеекъ. Они играютъ въ карты и разсуждаютъ о различныхъ способахъ курить трубку. Протянутыя ихъ ноги захватили половину сцены.

Имъ кричать, просятъ посторонится — но они не обращаютъ вниманія. Этотъ господинъ, съ кинжаломъ у пояса, въ черномъ плащѣ съ золотыми перекрестными галунами, съ красными разрѣзными рукавами, въ остроконечной шляпѣ, съ десятицвѣтнымъ плюмажемъ — *Брискъ*, «герой моды». Пажъ, возлѣ него, набиваетъ трубку для господина. Его знаютъ по имени; онъ вынимаетъ изъ кармана горсть *анжелотовъ* и бросаетъ въ народъ. Въ партеррѣ поднимается драка; каждый хочетъ подобрать брошенные монеты. Мѣщане спрашиваютъ: «Кто этотъ молодой джентльменъ»? Онъ роняетъ съ плечъ плащъ, стоящій пятьдесятъ гиней, открываетъ свой щегольской голубой камзолъ, вышитый серебромъ, черные бархатные сапоги, и преспокойно пускаетъ въ носъ восхищеннымъ мѣщанкамъ струи табачнаго дыма. Вотъ хорошій тонъ!

«Этотъ балконъ съ занавѣсомъ, въ глубинѣ сцены, долженъ изображать горы, кровлю домовъ, окна, гдѣ иногда помѣщаются актеры. Сверху находится *траверсъ*, занавѣсъ, раскрывающійся довольно часто, за которымъ видна глубины сцены. Между траверсомъ и стѣною играютъ трагедію или интерлюдію, вставленную въ *Гамлетъ*; здѣсь ставятъ постель Дездемоны; подъ траверсомъ прячутъ жертвъ, убитыхъ на сценѣ.

«Пока мы разговариваемъ, наши *understanders* теряютъ терпѣніе; матросы, судовщики, сапожники, мясники, мальчишки грозятъ поднять драку, — что и случается частенько; я даже удивляюсь, какъ они не взберутся на сцену и не разгонятъ всю комическую труппу. Не проходитъ года безъ такихъ интермедій.

«Между-тѣмъ Бербеджъ выходитъ почтительно и съ сокрушеннымъ видомъ.

«Джентльмены, говоритъ онъ *understanders*: извините это невольное замедленіе; Катерина еще не выбрилась; сейчасъ будетъ готова».

При этихъ словахъ шумъ утихаетъ.

«Женскія роли, продолжаетъ Нэсъ, всегда исполняются молодыми людьми; имъ платятъ дороже, и они, понимая свою важность, заставляютъ себя ждать.

«Вотъ и суфлеръ; цирюльникъ Катерины кончилъ свое дѣло. Рожокъ, скрипка, лютня и контрабасъ съиграли торжественное анданте (*Solemn dump*): пусть играютъ первый актъ. Поспѣшу рассказать вамъ нѣсколько анекдотовъ о Шекспирѣ, его любви, жизни, актерскихъ шуткахъ. Я собралъ эти анекдоты изъ вѣрнаго источника, и они вамъ понравятся».

IV.

Первое дѣйствіе. — Театральныя лохмотья и великолѣпіе поэзіи. — Вольсей. — Генрихъ VIII. — Анна Боленъ.

Узнать друзей, учителей, слугъ Шекспира, жить съ ними — значить, углубиться въ его произведенія. Ктó изъ геніевъ жилъ, отрѣшившись отъ своей національности и своего времени? Какъ можете вы, не слышавъ нарѣчія фатовъ, понять фата-педанта въ *Гамлетъ*, Меркуціо, Бенедика, клоуновъ его комедіи? Чтобы понять грубое, остроумное, блестящее, изысканное въ этомъ сверкающемъ разговорѣ, довольно провести вечеръ посреди постоянныхъ его слушателей. Ихъ костюмы и нравы познакомятъ васъ съ идеями, а ихъ идеи освѣтятъ созданія поэта. Жанъ-Поль выразилъ эту мысль съ свойственною ему оригинальностью: «Вы, углубляющіеся въ созданіе искусства, наблюдайте толпу, видѣвшую ихъ рожденіе; эта масса живыхъ людей, съ безчисленными привычками и глупостями, — *вариантъ*, объясняющій поэзію».

Останемся же передъ партерромъ, который, стоя у нашихъ ногъ, въ камзолахъ и мохнатыхъ плащахъ, свищетъ и мяучить; посидимъ посреди красивыхъ джентльменовъ, въ касторовыхъ шляпахъ и шелковыхъ шарфахъ, на сценѣ Globe, въ ту минуту, какъ разговоръ между Норфолькомъ и Букингэмомъ начинаетъ излагать трагедію, которая въ новѣйшихъ изданіяхъ извѣстна подъ заглавіемъ *Генрихъ VIII*, а партернымъ зрителямъ театра Globe возвѣщена подъ названіемъ: *Все истинно* (All is true).

Актеры одѣты такъ-же изысканно, какъ окружающіе насъ дворяне. Роскошь ихъ одежды составляетъ рѣзкую противоположность съ изношенными декорациями; костюмы временъ Франциска I чрезвычайно вѣрны, сверкаютъ атласомъ и блестками; одинъ рассказываетъ другому о великолѣпнѣ Парчеваго Лагера. Въ бѣдномъ театрѣ Globe, лишенномъ наряда, по мановенію волшебнаго жезла поэзіи родилось золото, сверкаетъ алмазъ, шелеститъ шолкъ, катятся жемчугъ и рубины: восточная роскошь овладѣваетъ вашею мыслію, при недостаткѣ тѣлесныхъ глазъ, и увеличивается отъ дѣйствительной, окружающей васъ бѣдности сценической обстановки.

Авторъ, принужденный все дополнять, вышукло выставляетъ свое великолѣпное описаніе на мрачномъ фонѣ сцены, богатство лирическихъ стиховъ въ этой жалкой залѣ, пурпуръ своей поэзіи на театральныхъ лохмотьяхъ.

V.

Подробности нравовъ. — Зрители. — Прическа. — Теорія куренія табаку. — Кружевные рубашки. — Ученый. — Критикъ. — Анекдоты изъ жизни Шекспира. — Его любовныя похожденія и меланхолія. — Ричардъ III.

Дѣйствіе кончилось; занавѣсъ остается открытымъ настѣжъ.

»Не замѣтили-ль вы, рядомъ съ нами, важнаго господина, который съ глубочайшимъ вниманіемъ вписывалъ въ записную книжку стихи, взятые изъ драмы? Это записной критикъ, ученый, какъ говорятъ, *истребитель свѣчъ*. Посмотрите на него; это оригиналъ въ своемъ родѣ. Онъ слушаетъ драму не иначе, какъ скрестивъ руки, надвинувъ на глаза шляпу, мрачный, задумчивый; то, если какое-нибудь мѣсто ему нравится, онъ хватаетъ записную книжку; то опять покачиваетъ головою и выражаетъ длиннымъ мяуканьемъ свою аристарховскую строгость. Критикъ мяукалъ только при прекрасномъ пассажѣ, въ рѣчи Катерины, показавшемся ему слишкомъ простымъ. Иногда онъ выходитъ изъ театра въ серединѣ пьесы, и шумно, неожиданнымъ своимъ выходомъ, мечетъ на пьесу проклятіе».

Перейдемъ опять подъ руководство Томаса Нэса, пока готовятся ко второму акту. Опять начинается шумъ. Вокругъ васъ играютъ въ *такъ-такъ* и *файелль*, два сорта триктрака, чрезвычайно запутанные. Мистеръ Свейфтъ, тотъ самый, который задѣлъ васъ блестящимъ и поношеннымъ камзоломъ, человѣкъ искусный во всѣхъ играхъ: плуть, фокусникъ, учитель фехтованія. Берегите карманы. Теперь онъ наживаетъ деньги у Фастидіуса, молодаго джентельмена, который покручиваетъ и поднимаетъ усы золотою гребенкой, лобуется собою въ зеркальце, вставленное на донышкѣ шляпы, и играетъ зубочисткой, которую подаетъ ему пажъ въ серебряной шкатулкѣ.

Послушаемъ, что говорятъ эти два красивые господина. Разговоръ ихъ усынанъ модными итальянскими словами.

— Кавальеро Брискъ, послушайте.

— Я занятъ сенъорой Савіалеттой. Оставь меня *in pace*.

— Какъ! этою мѣщанкой въ круглой шапочкѣ, похжей на орѣшную скорлупу? *Oime signor!* Нѣтъ, *Carino*, мнѣ лучше нравится Амата, которой голубая роза пришпиlena у меня за ухомъ.

— Амата? Фи, какой вкусъ!

— Пажъ, подойди сюда; у меня опустилась *предоминанта*; приподними.

— Мальчикъ, поправь мои *аван-посты* и причеши тупей... Довольно; поди прочь; отъ твоего дыханья сырѣетъ мое жабо.

«Разговоръ утомительный для васъ ; однакожъ эти господа выражаются только благоуханными словами (*parfum'd words*). Пажи sprysнули розовой водой ихъ остроконечную прическу, называемую *предоминантою* и *аван-постами*; франтамъ наскучило посылать нѣжные взоры своимъ дамамъ, и вотъ они начинаютъ ученый разговоръ объ искусствѣ курить. Одинъ утверждаетъ, что всего лучше затягиваться, то-есть долго держать дымъ въ желудкѣ; другой стоитъ за выпусканіе дыма по-очереди изъ ноздрей и изо рта; третья метода, *whiff*, еще замысловатѣе и сложнѣе. Въ Лондонѣ есть профессора этого великаго искусства. Къ этому вздору должно прибавить еще искусство стричь бороду: это дѣло очень важное. Посмотрите вокругъ себя, вы увидите бороды всѣхъ сортовъ: въ видѣ перочиннаго ножа, вѣера, кисточки, рога, бороны, опрокинутого Т. Большая часть бородъ накрахмалены, чтобы лучше держались. Борода въ видѣ Т принята всѣмъ моднымъ свѣтомъ. Носите бороду *à la T*, алый атласный плащъ, кружевную вышитую рубашку, крылышки на плечахъ, венеціанское зеркальце на днѣ сѣрой поярковой шляпы, бархатный поясъ, вышитый жемчугомъ бѣлые чулки, сапоги изъ испанской кожи, съ золотою бахромой, падающею, какъ широкіе края античнаго кубка, коричневаго цвѣта перчатки, окрашенныя въ янтарѣ, звонкія золотыя шпоры, въ ушахъ розанъ изъ лентъ, у колѣнъ двѣ розетки, каждая въ пять фунтовъ стерлинговъ, шпагу съ серебрянымъ ефесомъ, вырѣзной камзолъ рыжабо или синеватаго цвѣта, пусть у васъ будутъ жиденскія ножки, и вы гудете человѣкъ совершенный — франтъ въ двѣнадцать каратовъ».

Нэсъ обѣщаль сообщить нѣсколько любопытныхъ анекдотовъ о Шекспирѣ; пускай рассказываетъ; онъ былъ знакомъ съ поэтомъ.

«Такъ-какъ вы спрашиваете у меня, говоритъ онъ: какихъ-нибудь подробностей объ авторѣ пьесы, которой красоты поражаютъ васъ и моторой достоинство вы преувеличиваете; то я расскажу вамъ о немъ, что знаю.

«Скоро исполнится два года, какъ онъ покинулъ сцену, на которой онъ искусно дѣйствовалъ, какъ актеръ и писатель. Родившись въ Страффордъ-на-Авонѣ, онъ пришелъ бѣднымъ молодымъ человекомъ въ Лондонъ, и подобно другимъ молодымъ школьникамъ, предлагающимъ свои корыстныя услуги нашимъ директорамъ театровъ, исправлялъ, за нѣсколько шиллинговъ, пьесы старинныхъ писателей, сочинялъ прологи и эпилоги, кропалъ интермедіи, дабы дебютировать, какъ актеръ, понравился публикѣ, и до 1592 года дѣйствовалъ подновленіемъ комедій и трагедій своихъ предшественниковъ. Нельзя безъ зависти смотрѣть на эту репутацію, основанную на вымаркахъ и при-

бавкахъ стиховъ. Старикъ Джорджъ Гринъ сильно напалъ на него въ своей сатирѣ, «На два пенса ума», обратилъ имя его въ смѣхъ, и обвинилъ его въ тщеславіи, книжномъ воровствѣ и высокомеріи. Такъ отзываются о людяхъ, имѣвшихъ несчастье получить успѣхъ!

«Посмотрите, говорилъ старинный писатель: посмотрите на эту выскочку, ворону въ павлиньихъ перьяхъ, на Шекспира, наряженнаго въ наши обноски. Подъ шутовскимъ нарядомъ, у него тигровое сердце. Онъ думаетъ, что можетъ бросить трагическій стихъ такъ же сильно, какъ лучшіе изъ насъ; это настоящій factotum, какой-то sheke-scene (потрясатель сцены)» На зло дрянному каламбуру, Шекспиръ или Шекесценъ печаталъ элегіи, имѣвшія успѣхъ, сдѣлался акціонеромъ театровъ Globe, Blackfriars и знаменитымъ актеромъ. Паденіе его драмы «Перикль» было такъ торжественно, что вошло въ поговорку; говорятъ «упалъ какъ Перикль». Бóльшая часть его произведеній увѣнчались успѣхомъ. Онъ упражнялся во всѣхъ родахъ, и подъ конецъ скопилъ порядочное состояніе, съ которымъ и живетъ теперь въ уединеніи, совершенно забытый.

«Приемы его отличаются нѣжностью; современники называютъ его не иначе какъ «нѣжнымъ» Шекспиромъ. Однакожь они съ завистью смотрятъ на особенное расположеніе къ нему Елисаветы и Іакова, обезпечившихъ ему спокойную и пріятную жизнь въ деревнѣ. Его упрекали въ излишней экономіи. «Будь умѣренъ какъ Шекспиръ», говоритъ одинъ сатирикъ «въ Совѣтахъ актерамъ»; не давай никому нажить на твой счетъ, а самъ живи на счетъ всего свѣта. Когда ты порядочно набьешь кошелекъ, купи хорошій замокъ, и живи по-барски, властелиномъ своихъ гиней. Ты пришелъ въ Лондонъ безъ башмаковъ, а можешь воротиться на родину съ деньгами и почестями».

«Я удивлялся-бы его поэтическому таланту, еслибы онъ не клеилъ драмы для насущнаго хлѣба: драма погубила его. Какія прекрасныя поэмы «Венера и Адонисъ» и «Лукреція», даже «Сборникъ Сонетовъ», написанный чрезвычайно просто и посвященный его покровителю Соутемтону! У каждой модной лондонской дамы вы найдете на столѣ «Адониса» и «Лукрецію». Это утонченный петраркизмъ; всѣ мысли здѣсь искрятся, слова сверкаютъ; Бернфильдъ справедливо сказала, что «Адонисъ» написанъ перомъ «изъ меду и млека». Но автору нашему захотѣлось нажить состояніе, и онъ бросился на сцену, что отчасти лишило его славы, пріобрѣтенной талантомъ. Пиши онъ только строфы въ итальянскомъ вкусѣ — и онъ сравнился-бы, по-крайней-мѣрѣ, съ нашимъ великимъ Даніелемъ*.

* Поэтъ того времени.

«Шекспиръ былъ кроткаго характера; подобно большей части нынѣшней молодежи, и особенно актеровъ, онъ провелъ жизнь въ интригахъ, не дѣлающихъ ему чести. Въ сонетахъ своихъ онъ чрезвычайно сожалѣетъ, что предавался связямъ, повредившимъ ему въ общемъ мнѣніи, однакожь вспоминаетъ о нихъ съ удовольствіемъ. Ясно что любовь (Love's soft languishment), какъ упрекаетъ его одинъ писатель, занимала значительную часть въ его жизни.

«Шекспиръ всегда съгорестью чувствовалъ униженіе своей сценической жизни; мысль эта всего чаще повторяется въ его сонетахъ, единственныхъ стихотвореніяхъ, гдѣ вылилось его сердце. Въ нихъ также видно, что онъ любилъ особу высшаго круга, и утѣшался этою страстью, которую пріятели его осуждали съ такимъ же презрѣніемъ, съ какимъ смотрѣлъ онъ на свое ремесло.

«Возлюбленные обманывали поэта. Несчастіе это случается сплошь и рядомъ. По городу ходило много слуховъ о страданіяхъ Шекспира, о шуткахъ, какія играли съ нимъ, и его мщеніи. Бербеджъ и Шекспиръ часто встрѣчались соперниками въ любовныхъ похожденияхъ, странныхъ при наклонности нашего поэта къ грусти.

«Разъ, когда я былъ на сценѣ Globe, послѣ представленія *Ричарда III*, какой-то посланный подошелъ къ Бербеджу, только-что сыгравшему главную роль трагедіи. Шекспиръ, также игравшій въ пьесѣ, спрятался за поперечною декораціей, и подслушалъ разговоръ Бербеджа съ повѣреннымъ. Дѣло шло о приглашеніи одной обитательницы Сити любимому англійскому актеру. Условлено было, что бы Бербеджъ явился въ девять часовъ, постучался бы у дверей, и назвалъ себя Ричардомъ. Шекспиръ не проронилъ ни слова изъ разговора.

Въ девять часовъ, онъ отправился въ Сити, и произнесъ условленный пароль. Дверь отворилась, и онъ вошелъ, какъ вдругъ постучался въ дверь настоящій Ричардъ.

Шекспиръ пошелъ отворить.

— Кто тамъ? спросилъ онъ.

— Ричардъ.

— Поздно.

— Я Ричардъ, кричалъ Бербеджъ.

— Прекрасно! А я — Вильгельмъ Завоеватель.

О ЧЕРКЪ

ИСТОРИИ ЖИВОПИСИ ВЪ ГЕРМАНИИ.

I.

Исторія живописи въ Германіи представляетъ изыскателю большія трудности. Во всѣхъ странахъ произведенія живописи, на холстѣ или на деревѣ, болѣе подвержены разрушительному дѣйствию времени, чѣмъ памятники архитектуры или скульптуры; онѣ скорѣе истребляются и чаще смѣняются новыми произведеніями. Только въ девятнадцатомъ столѣтіи нѣсколько свѣтлыхъ умовъ, посредствомъ глубокихъ и безпристрастныхъ изысканій, принялись возстановлять прошедшее въ скудныхъ его остаткахъ. Конечно, при этомъ воссозданіи старины изыскатель безпрестанно встрѣчаетъ важные пробѣлы въ ея памятникахъ, а сохранившіяся описанія утраченныхъ произведеній только заставляютъ его сильнѣе чувствовать огромность утраты. И по тѣмъ даже произведеніямъ, которыя уцѣлѣли, не достаетъ еще строгой и подробной критической оцѣнки. Слѣдовательно, въ настоящее время невозможно представить вполне удовлетворительную картину первыхъ періодовъ искусства въ Германіи. То, что мы намѣрены представить читателямъ, будетъ только общимъ и несовершеннымъ очеркомъ, частью составленнымъ по нѣкоторымъ предварительнымъ сочиненіямъ, частью почерпнутымъ изъ собственныхъ изслѣдованій и наблюденій. За недостаткомъ другихъ, собственно живописныхъ, произведеній, мы обратимся, для исторіи первыхъ временъ искусства, къ картинкамъ, украшающимъ старинныя рукописи. Онѣ многочисленнѣе и притомъ имѣютъ то преимущество, что время, къ которому они принадлежатъ, можетъ быть — довольно близко, посредствомъ внѣшнихъ и побочныхъ обстоятельствъ.

Чтобы получить опредѣлительные и положительные результаты относительно начала живописи въ Германіи, историкъ не долженъ простираť своихъ изысканій далѣе царствованія Каролинговъ. Остатки древняго язычества, отрываемые въ древнихъ могилахъ, какъ глиняные сосуды, такъ и бронзовыя издѣлія, нерѣдко обнаруживающія довольно развитое понятіе о красотѣ формъ и художественный вкусъ, доказываютъ только присутствіе въ первобытныхъ жителяхъ артистическихъ способностей; но въ этихъ остаткахъ, принадлежащихъ къ первымъ временамъ рождающейся цивилизаціи, нѣтъ и слѣда того высокаго эстетическаго чувства, которое всегда сопровождаетъ воспроизведеніе природы. Римскія колоніи, учрежденныя на Рейнѣ и на Дунаѣ, должны были, казалось-бы, имѣть сильное вліяніе на успѣхи образованности между окружавшими ихъ племенами; но эти колоніи, здѣсь, какъ и въ другихъ провинціяхъ, оставались только военнымъ лагеремъ среди покореннаго народа, враждебнымъ ему и совершенно чуждымъ его интересамъ и умственному движенію; да и то небольшое вліяніе, какое могли еще имѣть на туземцевъ эти военныя поселенія, уничтожалось безпрестанными разрушительными вторженіями другихъ варварскихъ племенъ. Поэтому, въ первоначальныхъ жителяхъ рейнскихъ и дунайскихъ долинъ можно признать только нѣкоторую врожденную склонность въ искусству и способность къ воспріятію античной цивилизаціи.

Карль Великій собралъ и перенесъ за Альпы послѣдніе элементы римскаго искусства, преобразованныя теченіемъ времени и вліяніемъ новыхъ идей. Изъ нихъ образовалась, при его преемникахъ, особенная школа; неоспоримымъ доказательствомъ тому служатъ нѣкоторыя превосходныя рукописи IX вѣка. Изъ наиболѣе важныхъ произведеній этого стиля, каковы, на примѣръ, были историческія картины, которыми Карль Великій велѣлъ расписать стѣны своего дворца въ Ахенѣ, не дошло до насъ ничего. Можно сказать утвердительно, не боясь впасть въ ошибку, что тотъ-же вкусъ, который преобладалъ въ центрѣ имперіи, распространялся и во все другія мѣста, гдѣ зарождалась склонность къ живописнымъ украшеніямъ, и что онъ проникъ, вмѣстѣ съ христіанствомъ, и въ Германію. Это доказывается одною рукописью, весьма незамѣчательною въ другихъ отношеніяхъ. Рукопись эта, исполненная въ 814 или 815 году, найдена въ Вессобрунскомъ монастырѣ, и теперь находится въ королевской библіотекѣ въ Мюнхенѣ. Подобно многимъ другимъ рукописямъ, она содержитъ такъ называемую Вессобрунскую молитву, одинъ изъ древнѣйшихъ памятниковъ нѣмецкаго искусства. Въ первой части, рядъ изображеній, поясняющихъ текстъ, представляетъ все обстоятельство обрѣтенія и сохраненія истиннаго креста: эти рисунки начерчены

перомъ, очень грубо и нетвердою рукою, и кое-гдѣ раскрашены, очень неискусною кистью и весьма небольшимъ числомъ красокъ, вдобавокъ сильно пострадавшихъ отъ времени. Несмотря однако на всѣ эти недостатки въ выполненіи, нельзя не замѣтить въ рисункахъ довольно развитаго понятія о красотѣ формъ и нѣкотораго благородства въ расположеніи складокъ; въ драпировкѣ даже виднѣнъ сильный отпечатокъ античнаго вліянія, какъ въ рисункахъ къ житію Иисуса Навина, въ знаменитомъ ватиканскомъ свиткѣ.

Мюнхенская королевская библіотека представляетъ другой замѣчательный примѣръ каролингскаго вліянія въ Германіи. Это миниатюры въ служебникѣ 1014 года, подаренномъ императоромъ Гейнрихомъ II бамбергскому собору. Хотя въ стилѣ этого времени уже видны признаки новаго вліянія, однако въ этихъ миниатюрахъ проявляются всѣ тѣже характерическія черты, которыя представляетъ знаменитое Евангеліе святаго Эмерана, расписанное въ 870 году и перевезенное въ концѣ IX вѣка изъ Франціи за Рейнъ. Въ нихъ видны слѣды новаго, болѣе строгаго искусства, возникавшаго въ то время; но разительное сходство между изображеніями обѣихъ рукописей, и то обстоятельство, что вторая картинка въ позднѣйшей есть самая точная копія съ большаго портрета императора, помѣщеннаго въ списокъ святаго Эмерана, заставляютъ предполагать, что художникъ, расписывавшій бамбергскій служебникъ, имѣлъ передъ глазами эмеранскую рукопись, и пользовался ею для образца.

Кромѣ вессобрунскоіи рукописи, сохранилось въ Германіи нѣсколько другихъ рукописей IX вѣка, также украшенныхъ миниатюрами, которыя своими густыми слоями краски и нѣкоторыми особенностями рисунка представляютъ близкое сродство съ великолѣпными твореніями, исполненными при дворѣ Каролинговъ, и подобно имъ напоминаютъ еще отчасти древнюю технику. Сюда принадлежатъ, между-прочимъ, списокъ четырехъ Евангелій, принадлежавшій Шефтларнскому монастырю и нынѣ находящійся въ королевской библіотекѣ въ Мюнхенѣ, и другой списокъ Евангелій, доннынѣ хранящійся въ кведлинбургской коллегіальной церкви. По мнѣнію нѣкоторыхъ ученыхъ, послѣдняя рукопись принадлежитъ къ началу X вѣка, и подарена вновь основанной въ то время церкви императоромъ Гейнрихомъ II. Какъ ни рѣдки памятники искусства этого времени, однако сохранившіеся остатки представляютъ достаточное количество сюжетовъ, сродныхъ съ содержаніемъ произведеній каролингскаго періода. Для образца ихъ стиля, можно указать еще на рисунки другаго списка Евангелій, хранящагося также въ Мюнхенѣ, и двухъ рукописей, принадлежащихъ бамбергской публичной библіотекѣ. Впрочемъ, въ этихъ

памятникахъ, особенно въ двухъ первыхъ, замѣтны уже нѣкоторыя черты, приготовляющія къ манерному стилю XI вѣка. Эту манерность должно приписать вліянію византійскаго искусства. Весьма вѣроятно, что тотъ-же манерный стиль преобладалъ въ болѣе важныхъ произведеніяхъ того времени, напримѣръ, въ побѣдѣ короля Гейнриха I надъ Венграми, изображенной, по заказу этого государя, въ его мерзбургскомъ дворцѣ; современники смотрѣли на это произведение, какъ на верхъ совершенства въ живописномъ искусствѣ, и говорятъ, что оно было такъ живо, и такъ вѣрно представляло дѣйствительность, что не вѣрилось, чтобы это было только искусственное изображение, а не сама дѣйствительность. Остатки стѣнной живописи, украшающіе устои старинной церкви въ Мемлебенѣ, на Унштрутѣ, долго ошибочно приписывались XI вѣку: стиль этой живописи очевидно доказываетъ, что она не могла быть исполнена ранѣ начала XIII вѣка.

Приведенныя рукописи, на которыя должно смотрѣть, какъ на высшее проявленіе германскаго искусства въ IX и X вѣкахъ, мало могли содѣйствовать, сколько мы смѣемъ судить по тому, что видѣли, эстетическому образованію вкуса и способа возрѣнія народа, и развитію въ душахъ способности воспринимать поэтическіе эффекты. При всемъ томъ, если принять въ соображеніе тогдашнюю цивилизацію, съ трудомъ освобождавшуюся отъ послѣднихъ оковъ варварства, несуществованіе живописныхъ изображеній, болѣе достойныхъ названія художественныхъ произведеній, и совершенное отсутствіе понятія о глубокомъ значеніи искусства, общее всеѣмъ младенческимъ народамъ, — нельзя не согласиться, что эти издѣлія имѣли все необходимыя свойства для достиженія своей непосредственной цѣли. Если исполненіе ихъ въ высшей степени тяжело и грубо, они тѣмъ неменѣе должны были пробудить сознаніе возможности пластическаго воспроизведенія предметовъ и мыслей, и производить на умъ варваровъ несравненно сильнѣйшее впечатлѣніе, чѣмъ мертвая буква. Сверхъ-того, они сохраняли слѣды античнаго искусства; они могли приучить глазъ, по-крайней-мѣрѣ, къ наивности и простотѣ композиціи, и необходимо должны были, хотя слабымъ отраженіемъ нѣкоторыхъ отвлеченныхъ идей, носившихся, пожалуй, безсознательно въ воображеніи художниковъ, приготовить зрителя къ тому, чтобы видѣть въ мірѣ искусства сферу болѣе высокую, чѣмъ повседневная жизнь.

Бракъ императора Отона II съ греческою царевною Теофанією, соединивъ родственными отношеніями императорскій дворъ съ византійскимъ, имѣлъ, неоспоримо, еще сильнѣйшее вліяніе на развитіе германскаго искусства, и возбудилъ повсюду желаніе имѣть пластическія произведенія. Византія, несмотря на свой упадокъ, одна обладала въ

это время удовлетворительною техникою въ искусствѣ; она пользовалась имъ для удовлетворенія множества самыхъ разнообразныхъ и утонченныхъ потребностей жизни. Въмѣстѣ съ этикетомъ и роскошью Грековъ, проникла въ Германію и ихъ склонность къ изящнымъ искусствамъ. Орвеніи, съ которымъ принялись изучать и поощрять ихъ, по-крайней-мѣрѣ нѣкоторыя частныя лица высшихъ сословій, можно судить по примѣру святаго Бернгарда, епископа гильдесгеймскаго, жившаго въ концѣ X вѣка. Подъ его дѣятельнымъ и просвѣщеннымъ руководствомъ исполнено множество большихъ работъ; въ своихъ путешествіяхъ, онъ всегда имѣлъ при себѣ нѣсколько художниковъ, для скопированія всѣхъ замѣчательныхъ произведеній, которыя онъ находилъ на пути.

До насъ дошелъ цѣлый рядъ рукописей XI вѣка, большею частью очень богатыхъ и великолѣпныхъ, которыхъ рисунки неоспоримо свидѣтельствуютъ о византійскомъ вліяніи. Замѣчательнѣйшія изъ этихъ рукописей, хранящихся нынѣ въ мюнхенской королевской библіотекѣ, извлечены изъ богатой ризницы бамбергскаго собора, для котораго они, безъ сомнѣнія, изготовлены по заказу разныхъ вельможъ, а частью, можетъ-быть, пожертвованы императоромъ Гейнрихомъ II. Есть также нѣсколько подобныхъ рукописей, происходящихъ изъ той-же ризницы, въ бамбергской публичной библіотекѣ и въ другихъ мѣстахъ. Стилъ и манера этихъ произведеній рѣзко отличаютъ ихъ отъ произведеній каролингскаго періода. Съ одной стороны, въ нихъ нѣтъ прежней граціи, съ другой, они менѣе замѣчательны по содержанію. Въ произведеніяхъ каролингскаго періода, среди неровностей и нетвердости рисунка, среди грубой отдѣлки деталей, проглядываетъ еще нѣкоторое чутье истинно прекраснаго; въ нихъ рисовальщикъ руководствуется общими законами человѣческой организациі, и сохраняетъ нѣкоторое благородство и величіе въ драпировкѣ. Въ произведеніяхъ XI вѣка, созданныхъ подъ вліяніемъ византійскаго искусства, эти достоинства исчезаютъ: фигуры насилуваны и скорчены; какой-то произволь въ линіяхъ, какая-то одутлость формъ непріятно поражаютъ зрителей, и могутъ объясниться только вліяніемъ чуждыхъ образцовъ, которые, въ свою очередь, заставляютъ предполагать въ обществѣ нравственный упадокъ, какой былъ въ то время въ византійской имперіи. Несмотря на эти недостатки, рисунокъ обличаетъ твердую руку, и линіи бойки и опредѣленны. Способъ наложенія красокъ также совсѣмъ другой: сухой слой замѣняетъ прежнюю густую и жирную краску, и съ-тѣхъ-поръ эта манера сохраняется собственной въ миниатюрѣ; вмѣстѣ съ тѣмъ въ раскраскѣ замѣтна особенная тщательность въ самыхъ тонкихъ и мелкихъ подробностяхъ, оконченность отдѣлки, составляющая рѣзкую противоположность колебанію каролингской кисти. Въ

этомъ отношеніи преимущество на сторонѣ новой школы. Всего—же болѣе поражаетъ въ этой изящной и тонкой отдѣлкѣ особенная, такъ-сказать, фантазмагорическая игра красокъ, встрѣчающаяся преимущественно въ фонахъ. Тутъ, за фигурами, чередуются линіи самыхъ нѣжныхъ оттѣнковъ, сливающихся одна съ другою; онѣ удивительно гармонируютъ между собою, и производятъ на глазъ невыразимо пріятное впечатлѣніе. Указавъ на недостатки и на техническія достоинства, должно при-совокупить, что въ частности нѣкоторыя изъ этихъ произведеній представляютъ весьма толко задуманныя мысли, облеченныя въ символическіе образы, согласно съ младенческимъ состояніемъ искусства. Несмотря на жесткость рисунка, въ позахъ и движеніяхъ фигуръ проглядываютъ нерѣдко движенія, заслуживающія величайшихъ похвалъ.

Чтобы уяснить сказанное, мы опишемъ картинки одного Евангелія. Вслѣдъ за календаремъ, почти постоянно помѣщающимся въ началѣ такухъ рукописей, въ которомъ мѣсяцы раздѣлены, по обыкновенію, колоннами, связанными посредствомъ готическихъ арокъ, находится аллегорическая картинка, соотвѣтствующая своимъ характеромъ общему содержанию книги. Въ срединѣ радуги, имѣющей эллиптическую форму, представленъ Спаситель передъ деревомъ; лѣвою рукою Онъ беретъ вѣтку дерева, а въ правой держитъ шаръ, символъ могущества. На вѣтвяхъ изображены небольшіе красные плоды и листья. Художникъ, безъ сомнѣнія, хотѣлъ изобразить дерево познанія добра и зла. Внутри радуги, вправо отъ Спасителя, сіяетъ солнце, въ видѣ красной головы, окруженной лучами; влѣво рисуется синяя луна; надъ ними Уранъ, старческая голова блѣдно-голубоватаго цвѣта. Подъ ногами Спасителя смуглая женщина обнимаетъ стволъ дерева. Снаружи радуги, въ четырехъ соотвѣтствующихъ пунктахъ, четыре Евангелиста, представленные въ символическихъ образахъ. Радуга окружена золотыми линіями; къ внутренней сторонѣ фонъ зеленолиловаго цвѣту и къ краю переходитъ въ блѣдно-голубой; къ наружной сторонѣ онъ лиловый, и переходитъ, кверху, въ розовый цвѣтъ, а книзу въ зеленый. Какъ во всѣхъ вообще Евангеліяхъ того времени, передъ каждымъ отдѣльнымъ Евангеліемъ находится изображеніе Евангелиста. Онъ представленъ сидящимъ передъ налоемъ; каждая фигура обрамлена двумя колоннами, связанными горизонтальнымъ фризомъ, на которомъ помѣщается надшесь; фризъ увѣнчанъ пологимъ сводомъ, заключающимъ постоянно эмблему Евангелиста, и подлѣ нея какде-нибудь изображеніе, напоминающее жертву Иисуса. Тутъ—то особенно встрѣчаются прекрасныя, глубоко задуманныя мысли. Такъ, напримѣръ, подлѣ льва Апостола Марка изображенъ Спаситель, выходящій изъ

гроба, и самъ Евангелистъ, въ нижней части миниатюры, воздѣваетъ взоръ и руки съ выраженіемъ удивленія, которое объясняется въ надписи слѣдующими двумя стихами:

Ecce leo fortis, transit discrimina mortis:

Fortia facta stupet Marcus qui nuntia defert.

Евангелистъ Лука, напротивъ того, сопровождаемый умирающимъ ягненкомъ, потупляетъ взоръ и опускаетъ свитокъ, на которомъ собирався писать.

Нѣкоторыя рукописи содержатъ множество историческихъ сценъ, которыхъ содержаніе заимствовано изъ Библии; но недостатки рисунка въ нихъ поражаютъ гораздо болѣе, чѣмъ въ помянутыхъ выше произведеніяхъ, потому—что важность и достоинство изображеній тутъ зависятъ исключительно отъ формы.

Совокупность этихъ произведеній можно считать началомъ втораго періода въ исторіи германскаго искусства. Тутъ впервые являются тщательная отдѣлка и яркая игра свѣта и красокъ. Чрезмѣрная изысканность рисунка, которую должно приписать чуждому вліянію упадающей школы, и которая рѣзко отличается отъ типическаго принужденія первообразнаго стиля, могла—бы конечно образовать вредный элементъ въ нѣмецкой живописи, еслибъ это вліяніе проникло глубже и имѣло болѣшій объемъ. Мы думаемъ однако, что оно въ послѣдствіи не оставило очень значительнаго слѣда. Того чувства благородства, которое начинало уже проявляться въ произведеніяхъ каролингскаго періода, и распространенію котораго Каролинги такъ много содѣйствовали, было достаточно, при хорошемъ направленіи вкуса самихъ художниковъ, чтобы оградить искусство отъ этого пагубнаго вліянія. Описанныя выше произведенія, или, по—крайней—мѣрѣ, нѣкоторыя изъ нихъ, достаточно показываютъ, какимъ образомъ самостоятельная творческая мысль, усвоивъ себѣ эти средства, умѣла скоро обратить ихъ къ пользѣ искусства.

Съ самаго того времени, которому принадлежатъ помянутыя нами произведенія, то есть, въ первой половинѣ XI вѣка, замѣтно появленіе въ германской живописи новаго стиля, — того стиля, который преобладаетъ въ этомъ вѣкѣ и въ слѣдующемъ, до начала XIII. Изысканность, признаки болѣзненнаго состоянія искусства, произволь въ рисункѣ фигуръ совершенно исчезаютъ, и если еще иногда проглядываютъ, то уже только во второстепенномъ значеніи, въ подробностяхъ. Форма съ этого времени начинаетъ подчиняться строгому типическому правилу; повсюду открывается желаніе дать точность и опредѣленность контурамъ, и расположить ихъ въ художественномъ порядкѣ. Законы органической гармоніи человѣческаго тѣла еще не соблюдаются,—

до этого искусство достигло гораздо позднѣе, — но въ складкахъ одежды и въ рисунокѣ второстепенныхъ предметовъ, напримѣръ животныхъ и растеній, является строгая симметрія. Растенія отдѣланы даже совершенно на-манеръ арабесковъ. Тутъ-же встрѣчаются также, и впервые получаютъ нѣкоторую важность, и самые арабески, то есть, фантастическое сочетаніе формъ, принадлежащихъ въ природѣ разнороднымъ предметамъ. Искусство въ этомъ періодѣ очевидно основано на архитектурномъ началѣ; употребляются-ли его произведенія для украшенія стѣнъ зданія, или листовъ книги, они постоянно носятъ на себѣ печать архитектурныхъ украшеній. Это первое его самостоятельное пробужденіе; и тутъ, какъ и вездѣ, на первыхъ парахъ своего развитія, оно подчиняется строгому методу, который, сказать правду, ограничивается одними внѣшними формами, не проникая еще въ глубину законовъ органической природы, но тѣмъ неменѣе производитъ благотворное дѣйствіе, останавливая стремленіе фантазіи, готовой броситься стремглавъ въ уродливость. Однако идеализированные типы древнихъ, введенные иностранными образцами, типы, которыхъ слѣды особенно замѣтны въ каролингскихъ произведеніяхъ и которые составляютъ также основу византійскаго искусства, сохраняются и здѣсь, и благодаря имъ, эта внѣшняя симметрія нечужда благородства, возвышенности и чувства. Свойства, замѣченныя нами въ описанныхъ выше бамбергскихъ рукописяхъ, — чистота и изящная тонкость отдѣлки, яркость и игра красокъ, — преобладаютъ въ такой-же степени и въ произведеніяхъ этой школы, по-крайней-мѣрѣ въ миниатюрахъ: обстоятельство, которое, безъ сомнѣнія, должно приписать подражанію новогреческому искусству. Манеру этой эпохи называютъ обыкновенно византійскимъ стилемъ; и дѣйствительно, по своей натянутости, она болѣе подходит къ византійскому стилю, чѣмъ къ болѣе свободному стилю каролингскихъ художниковъ, и представляетъ много общихъ свойствъ съ періодомъ, получившимъ тоже названіе въ Италіи. Довольно невѣроятно, однако, чтобы Германія добровольно и сознательно подражала константинопольскому искусству. Эта аналогія была скорѣе необходимою ступенью развитія германскаго искусства, и въ произведеніяхъ этого времени встрѣчается множество примѣровъ оригинальнаго и глубоко обдуманнаго творчества.

Немного сохранилось рукописей XI вѣка, украшенныхъ византійскими миниатюрами; нѣкоторыя, впрочемъ, изъ сохранившихся восходятъ къ самой древней эпохѣ. Въ мюнхенской придворной библіотекѣ имѣется рукопись, росписанная Эллигеромъ, аббатомъ тегернзейскимъ. Это списокъ Евангелій, съ изображеніями Евангелистовъ. Фигуры рисованы грубо,

драпировка падаетъ большими складками, прямыми и простыми; но краски довольно нѣжны и тонки. Эллингеръ управлялъ своимъ монастыремъ съ 1017 по 1048 годъ, и увѣковѣчилъ свою память трудами, предпринятыми и исполненными подъ его руководствомъ. По его приказанію росписаны своды и расширенъ склепъ. Онъ же, по всеѣмъ вѣроятностямъ, въ одной рукописи Плинія, нарисовалъ на поляхъ всеѣхъ животныхъ, о которыхъ говорится въ текстѣ. Эти рисунки, въ которыхъ рисовальщику надлежало преимущественно схватить и воспроизвести природу, были-бы чрезвычайно любопытны для исторіи искусства; слѣдовало-бы только удостовѣриться, существуетъ-ли еще эта рукопись.

Число такихъ раскрашенныхъ рукописей значительно увеличивается въ XII вѣкѣ. Въ нѣкоторыхъ исполненіе небрежнѣе, сочиненіе болѣе вынуждено и не представляетъ опредѣленнаго характера; въ другихъ, напротивъ, формы, при всей натянутости рисунка, запечатлѣны спокойнымъ благородствомъ и обдуманностью. Есть рукописи этого времени, въ которыхъ украшенія почти все сдѣланы перомъ, и только въ немногихъ мѣстахъ покрыты краскою; въ нѣкоторыхъ другихъ, напротивъ того, краски наложены чрезвычайно тщательно и проглядываютъ очевидное желаніе округлить формы посредствомъ тѣней и свѣта. Такимъ образомъ, предметы получаютъ уже нѣкоторую выпуклость. Большая часть рисунковъ, особенно же въ Евангеліяхъ, представляетъ лики святыхъ; встрѣчаются однако довольно часто и сюжеты другаго рода, болѣе разнообразные. Тутъ умственная дѣятельность художника проявляется опять въ значительныхъ аллегоріяхъ и въ эмблематическихъ деталяхъ. Одинъ роскошный списокъ Евангелій, находящійся нынѣ въ мюнхенской придворной библіотекѣ, а прежде принадлежавшій Нидермюнстерскому монастырю въ Регенбургѣ, представляетъ очень замѣчательные образцы этой живописной символики. Въ началѣ рукописи помѣщены разныя изображенія, украшенныя богатыми орнаментами на поляхъ и окруженныя множествомъ надписей. Изъ этихъ изображеній опишемъ одно, представляющее торжествующаго Христа. Посрединѣ представленъ Испытатель на крестѣ; ноги его прибиты къ доскѣ; тѣло обернуто алою священническою эпитрахилью, на головѣ вѣнецъ. Немного ниже, по обѣ стороны орудія казни, и двѣ аллегорическія фигуры: влѣво, женщина, богато одѣтая, въ діадимѣ, украшенной маленькими крестиками: это жизнь; вправо — смерть, блѣдная, съ ставшимъ дыбомъ волосомъ; лицо ея завѣшено до половины покрываломъ, на шеѣ кровь течетъ изъ глубокой раны. Эта фигура обнажена до половины тѣла, и кажется, будто совершенно изнемогаетъ. Въ одной рукѣ у нея копье, въ другой переломленная коса; драконъ бросается

на нее отъ подножія креста и, повидимому, кусаетъ ей руку. На томъ же листѣ, съ обоихъ боковъ, другія картинки, мѣньшихъ размѣровъ; наверху, вправо, солнце и луна затмѣваются, и Вѣчная Любовь, въ образѣ вѣнчанной женщины, съ сосудомъ святыхъ тайнъ на вѣнцѣ, держитъ въ рукѣ побѣдоносную хоругвь; влѣво, Вѣтхій Завѣтъ скрываетъ лицо за рамкою; въ рукахъ у него книга закона и жреческій ножъ. Внизу, съ правой стороны, воскресеніе мертвыхъ; съ лѣвой, — разрывающаяся храмовая завѣса. Далѣе, въ той же рукописи, находится передъ каждымъ Евангелиемъ изображеніе Евангелиста, и надъ ними присвоенная каждому изъ нихъ эмблема, сообразно символикѣ, о которой мы уже упоминали. Это четыре рѣки земнаго рая. Всѣ фигуры въ этой рукописи раскрашены очень тщательно и тонко, и въ рисункѣ видно уже нѣкоторое знаніе анатоміи.

Къ концу XII столѣтія и въ началѣ XIII, въ нѣмецкомъ искусствѣ впервые показывается значительная самостоятельность. Художникъ подмѣчаетъ разнообразіе внѣшнихъ явленій, и хотя часто гоняется за слишкомъ мелочной и рабской точностью, однако отличается стараніемъ воспроизводить своеобразность лицъ и ихъ отношенія. Онъ старается изображать людей такими, какъ они являются, со всѣми различіями званія и общественнаго положенія; воиновъ въ ихъ доспѣхахъ, женщинъ въ ихъ пышныхъ нарядахъ; передавать общественныя отношенія, ощущенія души, съ измѣненіями, которыя они производятъ въ лицѣ; могущество страстей, наконецъ спокойствіе думы. Несмотря на чрезвычайное несовершенство средствъ, на отсутствіе ясно характеризованной внутренней жизни, ему вообще удается довольно ясно выразить свою мысль. вмѣстѣ съ тѣмъ, хотя въ человѣческой формѣ видно еще вліяніе византійскаго стиля, однако прежняя архитектурная прямизна и натянутость мало-по-малу исчезаютъ, и начинаетъ явно выказываться желаніе воспроизводить органическую гармонію въ ея общихъ чертахъ. Драпировка начинаетъ льнуть къ членамъ и сообразоваться съ ихъ движеніями. Словомъ, во множествѣ попытокъ открывается стремленіе къ красотѣ, къ граціи, къ идеальному благородству. Въ этомъ отношеніи, должно опять признать благотворное вліяніе завѣщанныхъ древностью типовъ, которые внушили артистамъ это высокое направленіе.

Картины разныхъ рукописей раскрываютъ намъ этотъ новый періодъ развитія. Въ главѣ ихъ назовемъ великолѣпное твореніе, названное «*Portus deliciaarum*», сборникъ избранныхъ мѣстъ изъ Отцовъ Церкви, духовныхъ писателей и другихъ сочиненій. Рукопись эта составлена въ концѣ XII вѣка, въ Гогенбургскомъ монастырѣ, въ Эльзасѣ, и нынѣ принадлежитъ страсбургской бібліотекѣ. Она украшена множествомъ

миниатюрь, поясняющихъ текстъ и представляющихъ священные эмблематическіе сюжеты, или сцены изъ дѣйствительной жизни. Последнія доставили художнику случай представить современные костюмы и обычаи, во всемъ ихъ живописномъ разнообразіи. Изложеніе вообще слишкомъ сжато, особенно въ сложныхъ аллегоріяхъ, и было бы почти совершенно непонятно, безъ помощи множества пояснительныхъ надписей. Однако, фигуры святыхъ исполнены въ старинномъ христіанскомъ стилѣ, и, бѣльшею частью, носятъ высокую печать спокойствія и величія. Сверхъ того, въ этихъ картинкахъ встрѣчаются вымыслы, полные глубоко обдуманнаго смысла и удивительной смѣлости. Между прочими укажемъ на изображеніе *гордости* (*Superbia*), въ видѣ женщины въ великолѣпномъ нарядѣ; она сидитъ на конѣ, накрытомъ львиною шкурою, и машетъ копьемъ, между-тѣмъ, какъ одежда ея развѣвается по вѣтру.

Въ то же время, особенная школа миниатюры образовалась, повидимому, въ монастыряхъ Верхней Баваріи. Произведенія ея, бѣльшею частью, состоятъ въ однихъ рисункахъ, сдѣланныхъ перомъ; только тѣло отъ драпировки и различныя части одежды между собою отдѣляются красными чернилами. Въ фигурахъ рѣдко употребляются другія краски; но фоны всегда раскрашены и окружены разноцвѣтными рамками. Въ числѣ этихъ произведеній должно указать на рукопись нѣмецкой Энеиды Гейнриха фонъ Фельдека (*Heinrich von Veldek*), писанную около 1200 года, и прежде находившуюся въ Баваріи, а нынѣ въ берлинской королевской библіотекѣ. Миниатюры этой рукописи представляютъ, въ длинномъ рядѣ фигуръ, все событія, рассказываемыя поэтомъ. Вообще онѣ замѣчательны по тщательной отдѣлкѣ костюмовъ и другихъ подробностей. Въ отношеніи красоты, однако, онѣ не выдержатъ сравненія съ рисунками рукописи *»Hortus deliciarum»*. Нѣкоторыя при земистыя, коренастыя фигуры напоминаютъ даже фигуры въ описанныхъ выше бамбергскихъ рукописяхъ. Тѣмъ не менѣе, эти рисунки чрезвычайно важны для исторіи искусства въ Германіи, и особенно по одному обстоятельству. Движенія рукъ представляютъ родъ мимическаго языка, очень оригинально придуманнаго и выражающаго совершенно ясно и удобопонятно различныя подробности разговора и даже душевныя ощущенія лицъ. Когда художнику предстояло изобразить страданія любви, или тоску по возлюбленномъ предметѣ, горестъ отлично передана судорожнымъ ломаніемъ рукъ.

Другая рукопись того же времени, заключающая прекрасное твореніе Верингера или Вернгера (*Werinher, Wernher*), дьякона Тегернзейскаго монастыря, заимствованную изъ житія Богородицы, содержитъ множество рисунковъ, несравненно важнѣе предыдущихъ. Относи-

тельно формъ, эти рисунки заслуживаютъ почти такихъ же похвалъ какъ рисунки въ «*Hortus deliciarum*»; нерѣдко же превосходятъ ихъ спокойною прелестью и наивностью, особенно являющеюся тамъ, гдѣ надлежало выразить безмятежно радостное состояніе души; такъ, напримѣръ, въ группѣ святыхъ, являющейся Богородицѣ въ видѣніи. Нѣкоторыя другія картинки, въ которыхъ требовалось представить сильныя душевныя ощущенія, особенно горестъ, неощенны. При всей слабости своихъ средствъ, художникъ сумѣлъ вложить въ позу лицъ, въ ихъ движенія, въ драпировку, столько драматическаго чувства и истины, что нельзя не изумляться, особенно, если перенестись въ отдаленное время, когда эти картинки исполнены. Особенно поразительны двѣ картинки этого рода: одна представляетъ группу осужденныхъ грѣшниковъ, также являющеюся Богородицѣ въ видѣніи; они связаны другъ съ другомъ раскаленными оковами, и внутреннія истязанія заставляютъ ихъ метаться во все стороны; другая изображаетъ отчаяніе и плачъ виолеемскихъ матерей по избіеніи ихъ младенцевъ: одна рветъ на себѣ платье, другая сидитъ на землѣ, склонивъ голову на руку, убитая горестью; третья ломаетъ руки; четвертая воздымаетъ руки къ небу, движеніемъ полнымъ энергіи, будто призывая небесный гнѣвъ на виновниковъ совершеннаго злодѣйства, и такъ далѣе.

Къ исчисленнымъ произведеніямъ должно еще присоединить, какъ признакъ болѣе высокой степени развитія, рисунки одного монаха Шейернскаго монастыря, по имени Конрада. Этотъ монахъ извѣстенъ множествомъ ученыхъ сочиненій, и жилъ въ половинѣ XIII вѣка*. Будучи вмѣстѣ художникомъ и лѣтописцемъ, онъ самъ тщательно расписывалъ заглавія своихъ книгъ. Онъ написалъ, между-прочимъ, исторію Церкви, въ которой нарисовалъ аллегорическія изображенія семи свободныхъ художествъ. Другое сочиненіе, объ астрономіи, онъ украсилъ изображеніемъ Птолемея, наблюдающаго небесныя тѣла. Наконецъ, онъ нарисовалъ свой собственный портретъ, изобразивъ себя въ коричневой монашеской рясѣ, на колѣняхъ передъ иконою Богородицы; подъ портретомъ онъ подписался «*Fr. Conradus pecessator, auctor et scriptor hujus operis*». Увѣряютъ, что онъ окончилъ болѣе тридцати сочиненій. Въ мюнхенской придворной библіотекѣ находится нѣсколько рукописей, имъ самимъ расписанныхъ. Между прочими, особеннаго вниманія заслуживаетъ одинъ служебникъ, *lectionarium*. Въ началѣ рукописи представляется нѣсколько большихъ апокалиптическихъ фигуръ. За ними

* Онъ славился около 1241 года; полагаютъ, что онъ родился въ 1215 и умеръ въ 1291 году.

слѣдуютъ двѣ очень замѣчательныя легенды, изображенныя въ рядѣ маленькихъ картинокъ. Сверхъ-того, по всей рукописи разсѣяно множество сценъ изъ Священнаго Писанія. Въ этихъ миниатюрахъ нѣтъ ни той твердости, ни той опредѣленности рисунка, какъ въ приведенныхъ выше; но этотъ недостатокъ вознаграждается болѣе живою передачею природы и болѣшею свободою движеній; драпировка также набросана легче и вольнѣе, и лучше соображается съ формами тѣла, а въ линіяхъ болѣе благородства и гармоніи.

Еще весьма замѣчательная рукопись этого періода, но происходящая изъ другой школы, это псалтирь, писанный около 1200 года, для ландграфа Германа Тюрингскаго. Эта рукопись принадлежала нѣкогда Вейнгартенскому монастырю; нынѣ же находится въ Стутгартѣ, въ собственной библіотекѣ виртембергскаго короля. Содержащіяся въ этой рукописи миниатюры поражаютъ необыкновенною тонкостью и совершенствомъ исполненія. Формы вполне напоминаютъ стиль этого времени, но облагороженный до какого-то торжественнаго величія. Его строгость прекрасно смягчается особенною нѣжностью, какою-то восхитительною граціею; нѣкоторыя головы запечатлѣны истинно идеальною красотою, тѣмъ болѣе поражающею, что изображенія лицъ того времени вообще жестки и деревянны, и совершенно чужды этой задушевной прелести.

Въ началѣ этой рукописи помѣщенъ календарь, въ которомъ каждый мѣсяць сопровождается изображеніемъ святаго, и сверхъ-того, сельскою сценою, характеризующею время года. Картинки послѣдняго рода были чрезвычайно рѣдкою въ эти отдаленныя времена. Судя по занятіямъ и костюмамъ, представленнымъ на этихъ картинкахъ, ихъ должно признать за произведенія вполне національныя, исполненныя подъ вліяніемъ туземной школы живописи. За календаремъ слѣдуютъ псалмы, украшенные разнообразными картинками, представляющими Крещеніе Спасителя, Его смерть, сошествіе къ мертвымъ, Вознесеніе на небо, и прочее. Тутъ замѣчается множество превосходныхъ мыслей; одна картинка, между-прочимъ, представляетъ Богородицу и Апостола Іоанна, погруженныхъ въ глубокую, скорбную думу, у ногъ распятаго Спасителя. За псалтыремъ слѣдуютъ литаніи, и надъ ними изображены лики разныхъ святыхъ и портреты нѣкоторыхъ государей. Между послѣдними, прежде всего останавливаютъ вниманіе портреты ландграфа Германа и его супруги Софіи. Очевидное стараніе художника схватить ихъ характерическія черты, стараніе, увѣнчавшееся полнымъ успѣхомъ, очень замѣчательно, особенно если принять въ соображеніе время, когда эти портреты сдѣланы.

Весьма замѣчательный фактъ въ исторіи нѣмецкой цивилизаціи со-

ставляетъ быстрое и высокое развитіе искусства въ Германіи еще до XIII вѣка, тогда какъ въ Италіи это развитіе начинаетъ проявляться только въ-теченіе этого столѣтія. Однако малочисленность значительныхъ и самостоятельныхъ произведеній германскаго искусства не позволяетъ сравнивать ихъ съ твореніями итальянскихъ художниковъ. Къ тому же, какъ большая часть описанныхъ нами изображеній заключается въ однихъ рисункахъ, которые ничто-иное, какъ эскизы и опыты, то по нимъ нельзя еще рѣшить, въ какой мѣрѣ замысловатые мотивы, проявляющіеся въ этихъ начаткахъ, достигли высшей степени совершенства въ трудахъ болѣе обширныхъ, болѣе *художественныхъ* въ строгомъ смыслѣ. Между-тѣмъ, множество письменныхъ указаній и нѣкоторые разсыянные остатки, болѣе или менѣе искаженные временемъ, доказываютъ существованіе въ то время большихъ и важныхъ произведеній. Въ числѣ письменныхъ указаній, особеннаго вниманія заслуживаетъ большой каталогъ, составленный до XIII вѣка. Это исчисленіе живописныхъ произведеній религіознаго содержанія, въ весьма значительномъ числѣ, украшавшихъ стѣны и олтарь бенедиктинской церкви въ Сѣстѣ. Кромѣ-того, въ вормскомъ соборѣ видны еще нѣкоторые остатки стѣнной живописи, въ византійскомъ стилѣ; но они чрезвычайно испорчены. Наиболѣе замѣчательный изъ этихъ остатковъ составляетъ колоссальная икона Богородицы, восходящая до половины высоты сводовъ. Слабые слѣды древней живописи сохранились еще въ Кведлинбургѣ, вдоль закрашенныхъ на клею подпружныхъ дугъ, замыкающихъ склепъ коллегіальной церкви надъ гробницею Гейнриха I. Обвалившаяся краска открываетъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ рисунокъ; онъ очень соразмѣренъ въ частяхъ и стиль его чистъ и энергиченъ. Во многихъ другихъ романскихъ церквахъ штукатурка еще несовсѣмъ уничтожила старинныя украшенія стѣнъ; но болѣею частію существованіе ихъ изобличается только вѣнцами, выдолбленными въ камнѣ или составленными изъ наборныхъ камней. Недавно при реставраціи великолѣнаго бамбергскаго собора и по снятіи съ него четырехвѣковаго слоя гипсу, открыта весьма замѣчательная живопись такого рода, близъ олтаря святаго Петра. Живопись эту можно, безъ всякаго сомнѣнія, отнести къ 1200 году.

Произведенія мольбертной живописи, въ византійскомъ стилѣ, встрѣчаются въ Германіи гораздо рѣже. Для образца можно указать на картину, представляющую Христа, сидящаго на престолѣ, на радугѣ, и окруженнаго четырьмя святыми. Эта картина, происходящая изъ Санкт-Гальбургскаго монастыря, находится нынѣ въ мюнстерскомъ провинціальномъ музеѣ.

Сохранилось до нашего времени нѣсколько другихъ произведеній въ этомъ стилѣ, также принадлежащихъ къ области живописи, несмотря на различіе матеріаловъ и способовъ. Изъ числа ихъ укажемъ на расписанныя стекла въ южныхъ окнахъ притвора аугсбургскаго собора, представляющія лики святыхъ. Остатки шитаго ковра, хранящіеся въ ризницѣ кведлинбургской коллегіальной церкви, принадлежатъ къ этому же времени, и равнымъ образомъ могутъ служить доказательствомъ необыкновеннаго развитія, проявившагося въ эту эпоху въ искусствѣ. Коверь этотъ вышитъ около 1200 года, подъ наблюдениемъ игуменьи Агнесы*. Она сама трудилась надъ нимъ, съ своими монахинями, чтобы украсить имъ стѣны алтаря. Онъ представляетъ нѣсколько аллегорическихъ изображеній, содержаніе которыхъ заимствовано изъ рассказовъ Маркіяна Капеллы. Стилъ рисунка очень разнообразенъ; очевидно, что нѣсколько рукъ участвовало въ сочиненіи узора. Нѣкоторыя части совершенно напоминаютъ современную манеру; въ другихъ есть фигуры рѣдкой красоты. Соразмѣрность членовъ, художественное и изящное расположеніе драпировокъ ясно указываютъ на степень развитія искусства, близкую къ совершенству. Сохранились еще ургіе ковры въ гальберштадскомъ соборѣ, также съ вышитыми изображеніями въ новогреческомъ стилѣ; но рисунокъ ихъ несравненно грубѣе.

Рядомъ съ этимъ стилемъ, въ первой половинѣ XIII вѣка, начинается уже развиваться другой стилъ, который вскорѣ сталъ преобладать надъ первымъ. Однако визатійская манера сохранялась еще долго, почти до конца XV вѣка. Убѣдимъ ея были рукописи, сочиняемыя въ уединеніи монастырей, вдали отъ вліянія нововведеній, по старымъ образцамъ. Этотъ фактъ подтверждается множествомъ примѣровъ.

II.

Новый стилъ, совершенно отличный отъ прежней манеры, является, въ германскомъ искусствѣ въ XIII вѣкѣ. Прежняя натянутость и деревянность, прежняя строгость, рабская вѣрность стереотипнымъ

* Игуменья Агнеса прославилась цвѣтущимъ состояніемъ, котораго достигли искусства во время ея управленія. Это доказывается и другими произведеніями, дошедшими до насъ. Укажемъ, въ томъ числѣ, на ковчегъ для храненія мощей, съ стѣнками изъ слоновой кости, на которыхъ вырѣзаны изображенія апостоловъ. Дно, состоящее изъ серебряной доски, украшено превосходною чернядью. На немъ имя и портретъ игуменьи, съ надписью, изъ которой видно, что ковчегъ сдѣланъ по ея приказанію. Нѣкоторыя изъ фигуръ, вырѣзанныхъ на слоновой кости, отличаются изумительною чистотою стила. Въ нихъ тоже совершенство отдѣлки и таже манера, какъ и въ рѣзбѣ на слоновой кости, украшающей переплеты двухъ великолѣпныхъ рукописей мюнхенской бібліотеки, и онѣ могли бы послужить къ точнѣйшему опредѣленію времени, къ которому принадлежатъ эти рукописи.

формамъ; дошедшимъ по преданію, исчезаютъ и замѣняются болѣе мягкимъ исполненіемъ и болѣею свободою и самостоятельностью линий. Фигуры теряютъ свою неподвижность и свои угловатыя движенія; въ позахъ и въ жестахъ начинаетъ даже показываться нѣкоторая грація. Драпировка падаетъ мягко, длинными складками и большими массами; въ лицахъ замѣчается пріятное выраженіе, нерѣдко даже чувство; иногда правда, жеманство уничтожаетъ это пріятное выраженіе, но болѣею частью, оно сохраняетъ дѣтскую наивность. Это предвѣстіе новой степени развитія въ искусствѣ; пробужденіе субъективнаго чувства въ художникѣ, которое стремится высказаться въ его созданіяхъ, или проникаетъ ихъ безсознательно. Тоже начало составляетъ основу итальянскаго искусства въ XIV вѣкѣ. Если оно такъ рано начинаетъ преобладать въ сѣверномъ искусствѣ, то причиною тому было общее отношеніе сѣверной цивилизаціи. Въ странахъ по сю сторону Альпъ, преимущественно во Франціи, въ Англии и въ Германіи, въ это время быстро и сильно развивался романтическій элементъ, проникая собою дѣйствительную жизнь во всѣхъ ея проявленіяхъ, и обнаруживаясь, какъ въ многочисленныхъ созданіяхъ оригинальной поэзіи, такъ и въ новомъ стилѣ архитектуры. Современная живопись имѣетъ близкую связь и представляетъ разительное сходство съ этою новою архитектурою. Въ симметріи ея типовъ и формъ видно тоже направленіе, которое характеризуетъ готическія архитектурныя сооруженія. Должно сознаться, что живописныя произведенія этого стиля еще очень неудовлетворительны въ это время, въ отношеніи жизни, естественности и воспроизведенія личностей. Эти качества начинаютъ проявляться, по-крайней-мѣрѣ въ сколько-нибудь значительной степени, только въ произведеніяхъ конца XIV вѣка. Въ тѣхъ же, о которыхъ идетъ рѣчь здѣсь, все это замѣняется еще одною архитектурною симметріею.

Готическій стиль, въ XIII вѣкѣ, представляетъ нѣчто тощее и близкое въ каррикатурѣ. Такъ бываетъ всегда, при каждомъ новомъ движеніи искусствъ; новая манера всегда должна сначала выдержать борьбу съ прежними привычками, освященными долгимъ владычествомъ. Въ настоящемъ случаѣ, жалкому состоянію готическаго стиля способствовало еще несовершенство техники и проистекавшее изъ него употребленіе самыхъ энергическихъ и прямыхъ средствъ. Въ слѣдующемъ вѣкѣ это преувеличеніе начинаетъ смягчаться, и искусство облекаетъ свои идеи въ болѣе чистыя и благородныя формы. Конецъ XIV и начало XV вѣковъ являютъ намъ уже готическое искусство на высшей степени его развитія.

Во Франціи, и преимущественно въ сѣверной ея части, развилась *огивальная* архитектура. Тутъ же, вѣроятно, готическій стиль впервые отразился въ живописи, и далъ ей новое направленіе. По сдѣланнымъ до настоящаго времени изслѣдованіямъ, церковь святой Урсулы, въ Кельнѣ содержитъ самые древніе памятники этого стиля. Это изображенія апостоловъ, писанныя на серебряныхъ доскахъ; одни изъ нихъ украшаютъ средній престолъ алтаря, другія—стѣну праваго клироса. Хотя они все сильно повреждены, однако на нихъ невидно позднѣйшихъ передѣлокъ; апостолы представлены въ сидячемъ положеніи и раскрашены; контуры едва можно рассмотреть. На одной изъ досокъ означенъ и годъ, 1224.

Слѣдующіе стихи знаменитой поэмы «Парсиваль», Вольфрама фонъ Эшенбаха, писанныя въ началѣ XIII столѣтія, неоспоримо свидѣлствуютъ славу, которою въ это время уже пользовалась кельнская школа живописи и ея высокое развитіе.

Es hätte kein Maler zu Köln oder Maastricht,
(So giebt die Aventure-Bericht),
Eine Kriegergestalt gemalt so schön,
Als der Knapp zu Ross war anzusehn *.

Къ этому времени должно отнести почти истертую уже стѣнную живопись, украшающую склепъ церкви Божіей Матери въ капитулѣ. Мы еще поговоримъ подробнѣе, въ другомъ мѣстѣ, о послѣдующихъ успѣхахъ этого стиля въ Кельнѣ.

Къ числу древнѣйшихъ памятниковъ готическаго стиля въ живописи принадлежатъ рисунки, украшающіе рукопись «Тристана», поэмы Готфрида Страсбургскаго. Эта рукопись, хранящаяся нынѣ въ мюнхенской придворной библіотекѣ, происходитъ, по всеѣмъ вѣроятіямъ, изъ Швейцаріи, и писана въ первой половинѣ XIII столѣтія. Исполненіе рисунковъ напоминаетъ работы верхнебаварской школы конца XII вѣка. Это просто рисунки перомъ; но фонъ за фигурами раскрашенъ, и сверхъ того, въ одеждѣ, тѣни нерѣдко означены краскою. При всемъ томъ, въ рисункѣ уже изобличается новое направленіе искусства, и даже съ нѣкоторымъ преувеличеніемъ и съ манерностью.

Для исторіи готическаго стиля особенно важно изученіе миниатюръ къ стариннымъ нѣмецкимъ стихотвореніямъ. Изъ числа ихъ, укажемъ на миниатюры рукописи «Миннезенгеровъ», прежде принадлежавшей Вейнгартенскому монастырю, а нынѣ находящейся въ Стутгартѣ, въ

* Никакому живописцу, въ Кельнѣ или въ Мاستрихтѣ, (такъ рассказываетъ преданіе), не написать такого воина, каковъ былъ этотъ оруженосецъ на конѣ.

собственной библиотекѣ короля. Передъ сочиненіями каждаго поэта, вошедшаго въ этотъ сборникъ, помѣщенъ его портретъ, въ характеристическомъ положеніи; впрочемъ ничто тутъ не указываетъ еще въ художникѣ сознанія идеально-прекраснаго. Рисунокъ и колоритъ просты до нельзя. Несравненно большее значеніе имѣютъ картинки знаменитой рукописи «Миннезенгеровъ», составленной въ 1300 году цюрихскимъ ратсгеромъ Рюдгеромъ фонъ Манессе (*der Mannessische Codex*), нынѣ находящейся въ парижской національной библиотекѣ. Тутъ также видимъ мы портреты разныхъ поэтовъ, и болѣею частью въ тѣхъ же положеніяхъ, какъ и въ предъидущей рукописи. Это обстоятельство приводитъ насъ къ тому предположенію, что вейнгартенская рукопись служила образцомъ манессіанской, или, по-крайней-мѣрѣ, что обѣ выполнены по однимъ образцамъ. Но кромѣ-того, что манессіанская рукопись больше форматомъ, и что ея картинки отличаются болѣе искусною техническою отдѣлкою, въ нихъ замѣтно еще болѣе тонкое пониманіе положенія лицъ, болѣе замысловатости и болѣе жизни въ самомъ сочиненіи. Поэтъ представляется то одинъ, то съ своею возлюбленною, иногда въ полномъ охотничьемъ нарядѣ и вооруженіи, иной разъ рыцаремъ, и прочая. Нѣкоторые портреты превосходно выражаютъ размышленіе и поэтическую думу. Гейрихъ фонъ Вельдекъ, напримѣръ, изображенъ сидящимъ среди цвѣтовъ и птицъ, склонивъ на руку задумчивую голову. Рейнмаръ фонъ Цветеръ сидитъ на высокихъ креслахъ, и диктуетъ двумъ писцамъ, которые кажутся чрезвычайно занятыми. Особенно мило и граціозно задуманъ портретъ Гардекера: онъ отдыхаетъ подъ деревомъ, съ соколомъ въ рукѣ; возлѣ него сидитъ его жена, которая съ любовью склоняется надъ нимъ. Правда, движенія въ этихъ миниатюрахъ не всегда естественны и ловки, особенно при не совсѣмъ удобныхъ положеніяхъ фигуръ, чему разительнымъ примѣромъ можетъ служить этотъ же портретъ Гардекера. По болѣею части, однако, въ нихъ видно довольно тонкое пониманіе формъ, и драпировка очерчена широкими и красивыми линіями. Прекрасныя миниатюры есть также въ рукописи Вильгельма Оранскаго, исполненной въ 1334 году, и принадлежащей нынѣ кассельской публичной библиотекѣ. Всѣ картинки въ ней запечатлѣны особенною восхитительною наивностью, выраженіе лицъ полно нѣжности, и нѣкоторыя драпировки отличаются художественною чистотою вкуса.

Время пошадило много другихъ произведеній, болѣе значительныхъ по размѣрамъ, представляющихъ общій типъ готическаго стиля; таковы картины, писанныя на деревѣ и на стѣнахъ, расписанныя стекла въ окнахъ церквей, шитые ковры, и прочая. Изъ числа послѣднихъ ука-

жемъ одинъ коверъ огромнѣйшихъ размѣровъ, которому дивятся въ церкви святой Елисаветы, въ Марбургѣ; содержаніе главнаго рисунка составляетъ притча о блудномъ сынѣ. Для примѣра живописи на деревѣ, назовемъ два превосходныя творенія, хранящіяся въ берлинскомъ музеѣ. Первое представляетъ двухъ ангеловъ, держащихъ чашу съ святыми дарами; второе есть икона Богородицы съ отрокомъ Иисусомъ. Фигуры представлены только въ полроста. Головы очень пропорціональны, несмотря на нѣкоторую излишнюю полноту, черты лицъ чисты и благородны. Особенно поражаютъ они восхитительнымъ выраженіемъ спокойствія и благодущія. Естественность и какая-то дѣвственная невинность и чистота придаютъ всѣмъ, особенно же лицу одного изъ ангеловъ первой картины, обаятельную прелесть. Колоритъ очень тонокъ и подходит къ колориту современныхъ миниатюръ; контуры обрисовываются темными тонами.

Въ Нюрнбергѣ, преимущественно въ церквахъ святаго Лаврентія и святаго Зебальда, находится множество работъ, частью очень замѣчательныхъ, относящихся къ этой эпохѣ. Къ важнѣйшимъ изъ нихъ принадлежитъ образъ святой Анны. Она окружена Богородицею, съ Святымъ Младенцемъ на колѣнахъ, и нѣсколькими другими святыми. Другой образъ, еще прекраснѣе и важнѣе для исторіи искусства, находится въ церкви святаго Лаврентія, у двери ризницы. Это образъ Богородицы, съ Младенцемъ на рукахъ; голова исполнена невыразимой прелести. Въ церкви Божьей Матери и въ дворцовой галлерей также хранится нѣсколько произведеній этого стиля, но бóльшею частью гораздо низшаго достоинства. Вообще древнѣйшія работы этой школы отличаются отъ всѣхъ современныхъ имъ картинъ какою-то особенною точностью. Нельзя не удивляться тому, что эти творенія, имѣющія такое большое значеніе въ исторіи искусства, до-сихъ-поръ не были подвержены болѣе строгому изученію, и не оцѣнены по достоинству.

Во второй еще половинѣ XIV вѣка, въ царствованіе императора Карла IV, (1346 — 1378), является очень дѣятельная и плодovitая самостоятельная школа живописи въ Чешской землѣ. Въ числѣ первыхъ учителей ея преимущественно указываютъ на Николая Вурмзера, изъ Страсбурга, на Кунце и Дитриха или Теодорика Прагскаго. Имя Итальянца Омы Мутины встрѣчается также на разныхъ картинахъ, исполненныхъ въ это время для Богеміи. Карлъ IV, склонный къ пышности, старался объ украшеніи своихъ дворцовъ всякаго рода произведеніями искусства, и независимо отъ своихъ архитектурныхъ предпріятій и заказовъ скульпторамъ, открылъ обширное поле дѣятельности живописи. Эту любовь къ искусствамъ онъ почерпалъ во французскихъ

школахъ. Восемилѣтнимъ мальчикомъ былъ онъ посланъ въ Парижъ, для образованія въ свѣтской и придворной мудрости, которою славился дворъ Карла-Красиваго, и вмѣстѣ для обученія наукамъ въ Сорбоннѣ. Успѣхи его въ томъ и другомъ превзошли ожиданія его отца. Вступивъ потомъ на престоль, онъ тотчасъ занялся разными полезными учрежденіями, и сообщилъ свое рвеніе всеѣмъ образованнымъ людямъ своего отечества. Благодаря его поощренію, живописцы такъ размножились, что въ 1348 году, соединившись, могли уже составить особенный цѣхъ, существовавшій потомъ болѣе ста лѣтъ. Актъ учрежденія его сохранился донинѣ. Въ немъ находится подробный списокъ членовъ, и въ главѣ ихъ поставлено имя Дитриха, который величается королевскимъ живописцемъ. Карлъ IV даровалъ художникамъ многія льготы и значительно уменьшилъ ихъ цѣховыя повинности. Донинѣ наибольшее количество произведеній этой школы въ Карльштейнскомъ загородномъ дворцѣ, построенномъ этимъ государемъ подъ Прагою. Особенно замѣчательна въ этомъ отношеніи дворцовая церковь во имя Святаго Креста, помѣщающаяся въ большой башнѣ. Нижняя часть стѣнъ богато украшена всаженными въ нее аметистами, ониксами, хризолитами, и другими самоцвѣтными камнями, неполированными. Верхнюю часть составляютъ деревянныя рѣзные панели, раздѣленные на множество четвероугольниковъ, въ которыхъ красуется болѣе ста тридцати грудныхъ изображеній святыхъ, писанныхъ Дитрихомъ Прагскимъ. Между ними находится также нѣсколько библейскихъ сценъ, приписываемыхъ Вурмзеру и Кунце. По всеѣмъ вѣроятіямъ, этимъ-же художникамъ принадлежатъ картины въ нижней церкви, во имя Вознесенія. Въ нихъ представленъ императоръ Карлъ IV, сперва дающимъ крестъ своему сыну Вацлаву, потомъ дающимъ перстень Сигизмунду, далѣе молящимся. Въ маленькомъ боковомъ придѣлѣ, во имя святой Екатерины, украшенномъ, подобно самой церкви, неполированными драгоценными камнями, поставлена въ нишѣ картина, представляющая Богородицу съ Святымъ Младенцемъ и молящихся передъ ними на колѣнахъ императора и его супругу. Это произведеніе всеѣхъ выше по достоинству и лучше всеѣхъ сохранилось; остальные значительно искажены позднѣйшими исправленіями. Нѣсколько другихъ картинъ перевезено изъ дворца въ Бельведерскую галерею въ Вѣнѣ; сюда принадлежатъ Спаситель на крестѣ, съ Богородицею и святымъ Іоанномъ, картина, приписываемая Вурмзеру, и два грудныхъ изображенія святыхъ, взятые изъ собранія иконъ, писаннаго Дитрихомъ для церкви Святаго Креста. Къ этимъ произведеніямъ чешской школы должно присоединить древнѣйшую стѣнную живопись въ придѣлѣ святаго Вацлава, въ прагскомъ соборѣ, что на Гродищѣ; она

размѣщена на нижней части стѣнъ, между неполированными драгоценными камнями. Къ сожалѣнію, эта живопись была неоднократно исправляема.

Работы чешской школы, при первомъ взглядѣ, представляютъ оконченность и величественную простоту готическаго стиля; онѣ не могутъ, однако, считаться въ числѣ лучшихъ его созданій; при болѣе внимательномъ разсмотрѣніи, въ нихъ тотчасъ замѣчается отсутствіе высокаго и тонкаго пониманія линій. Какъ до Мартина Шена неизвѣстенъ ни одинъ художникъ, который соблюдалъ-бы законы линейной перспективы, то нельзя удивляться, когда видишь, что ими пренебрежено и въ картинахъ чешской школы. Предметы въ нихъ нарисованы произвольно, безъ всякаго соображенія точки зрѣнія или разстоянія. Незнаніе воздушной перспективы еще поразительнѣе. Фигуры жестко отдѣляются на золотомъ полѣ, которое уже само-по-себѣ должно устранять всякій эффектъ такого рода. Авторы, повидимому, были даже очень мало знакомы съ тайнами свѣто-тѣни. Все ихъ вниманіе сосредоточивалось исключительно на лицѣ; ноги и руки, по болѣе части, сдѣланы крайне небрежно. Сверхъ-того, взоръ зрителя почти безпрестанно оскорбляется тяжелыми, грубыми и массивными очертаніями. При всемъ томъ, въ произведеніяхъ Дитриха Прагскаго есть части, отдѣланныя гораздо лучше, и колоритъ его отличается довольно рѣдкою въ то время нѣжностью. Эти свойства производятъ очень пріятный эффектъ въ одной напрестольной картинѣ, приписываемой ему и находящейся нынѣ въ прагской національной галлерей. Картина раздѣлена на двѣ части. Верхнюю занимаетъ изображеніе Богородицы съ Святымъ Младенцемъ; передъ ними, на колѣнахъ, молится императоръ Карлъ IV съ сыномъ, а по бокамъ стоятъ двое святыхъ. На нижней части представленъ архіепископъ Очко Влашимскій, съ четырьмя другими чешскими святыми. Правда, что свойственная школѣ тяжеловатость портитъ всѣ эти произведенія; но этотъ недостатокъ выкупается особенною нѣжностью, которою преимущественно отличаются молодыя головы и которая почти доходитъ до граціи. Складки одежды падаютъ очень легко и свободно; это качество, принадлежащее почти исключительно чешскимъ артистамъ: ихъ драпировки вообще богаты, граціозны и легки. Чтобы убѣдиться въ этомъ, стоитъ только взглянуть на рисунки, украшающіе хронику Петра Абея. Хотя это не болѣе, какъ рисунки перомъ, однако въ расположеніи драпировокъ нѣтъ той деревянности, того принужденія, отъ которыхъ неизбѣжны даже произведенія Мартина Шена, Вольгемута и самого Альбрехта Дюрера. Въ этомъ отношеніи Николай Вурмзеръ оставилъ далеко за собою всѣхъ своихъ сверстниковъ.

Въ рисункѣ головъ чешская школа вовсе не слѣдуетъ манерѣ, свойственной нѣмецкимъ живописцамъ. Между-тѣмъ, какъ нѣмцы стараются воспроизводить всѣ мельчайшія подробности человѣческаго лица, доводятъ подражаніе до послѣднихъ предѣловъ возможности, и тѣмъ впадаютъ наконецъ въ сухость и щепетильность, пражскіе художники ограничиваются обозначеніемъ однѣхъ главныхъ линий. Это придаетъ нѣкоторое величіе ихъ стилю, но зато творенія ихъ остаются неполными и ниже хорошей природы. За исключеніемъ портретовъ Карла IV, его супруги и сыновей, ни въ одномъ изъ ихъ произведеній не видно, чтобы оно было сдѣлано съ живой природы; всѣ кажутся порожденіями чистой фантазіи. Нѣмецкая школа слишкомъ рабски подчиняется дѣйствительности; чешская впадаетъ въ противоположную крайность. Это отсутствіе подробностей въ рисункѣ много вредитъ картинамъ Дитриха Прагскаго, тѣмъ болѣе, что всѣ фигуры больше природы, и слѣдовательно, недостатокъ второстепенныхъ чертъ придаетъ имъ непріятную одутловатость. Другой, столь-же важный недостатокъ этой школы, — неумѣніе рисовать волосы; всѣ чешскіе живописцы изворачиваютъ и ломаютъ ихъ до безконечности, и всегда даютъ имъ ложный колоритъ. Время, однако, пощадило этотъ колоритъ, и онъ донинѣ сіяетъ во всей своей первоначальной свѣжести. Эту необыкновенную сохранность его должно, кажется, приписать свойствамъ мѣловой или болусной мастикѣ, на которой положена краска. Стѣнная живопись сдѣлана на такомъ-же слоѣ, за исключеніемъ портретовъ въ церкви Вознесенія, которые писаны, по видимому, прямо на камнѣ, на штукатуркѣ или на слоѣ масляной мастики.

Самыя превосходная, извѣстная намъ картины въ этой манерѣ находятся въ Тейнской церкви, въ Прагѣ. Это два грудныя изображенія Спасителя въ терновомъ вѣнкѣ и Божьей Матери съ Святымъ Младенцемъ. Голова послѣдней особенно исполнена невыразимой нѣжности и дышетъ кротостью и чувствомъ.

Должно еще упомянуть о большой мозаикѣ, украшающей снаружи южную сторону прагскаго собора. Она раздѣлена на три части. Въ средней части представленъ Иисусъ Христосъ во славу, окруженный ангелами; подъ Нимъ шесть чешскихъ угодниковъ, а еще ниже пожертвователи картины, императоръ Карлъ IV съ супругою. На лѣвомъ крылѣ изображена Богородица, окруженная нѣсколькими святыми, а внизу — возстаніе мертвыхъ. На правомъ крылѣ, — святой Іоаннъ Креститель, также съ нѣсколькими святыми; у ногъ его бьются въ отчаяніи грѣшники. Это произведеніе исполнено въ грубомъ, полуварварскомъ стилѣ, но имѣетъ нѣкоторую цѣну только по рѣдкости нѣмецкихъ мозаикъ.

За исключеніемъ этого короткаго періода процвѣтанія и славы, при

Карлъ IV, намъ весьма мало извѣстно объ искусствѣ въ Чешской землѣ. Преемникъ Карла, Вацлавъ заказалъ для дворцовой церкви множество грудныхъ портретовъ съ надписями. Это портреты его отца, братьевъ и другихъ родственниковъ. Онъ же приказалъ снять копию съ древней иконы Божіей Матери, приписываемой Евангелисту Лукѣ. Но самый любопытный остатокъ произведеній живописи, родившихся въ бурное царствование этого государя, есть рукопись подъ названіемъ. «Chronicon aulae regiae». Картинки, которыми она богато украшена, приписываются Петру Бехвилю Краукаускому. Книга окончена въ 1393 году. Заглавныя буквы украшены изображеніями святыхъ. На первомъ листкѣ представленъ Богъ-Отецъ и распятый Спаситель. Передъ нимъ стоятъ Оттокаръ I, Вацлавъ II и Вацлавъ III. Внизу изображены супруги этихъ государей. Вторую миниатюру составляютъ портреты Генриха VII, Иоанна и Карла IV; внизу двѣ королевы, сопровождаемая святою Анною. Ликъ святой нарисованъ съ рѣдкимъ чувствомъ истинной красоты. Она держитъ у груди Божью Матерь съ Предвѣчнымъ Младенцемъ, которому королевы подносятъ двѣ державы. Фіорилло съ восторгомъ отзывается объ этихъ картинкахъ. Неменѣе замѣчательны, по истинно художественному исполненію, картинки псалтыря, принадлежавшаго Яну Коловрату.

Таковъ ходъ живописи въ Чешской землѣ до начала несчастныхъ туссигскихъ войнъ, которыя истребили большую часть ея произведеній, и нарушили спокойствіе, необходимое для творческой дѣятельности художествъ.

Подъ конецъ XIV вѣка, другая нѣмецкая школа, кельнская, достигла высокой степени развитія. Мы уже говорили о ранней славѣ кельнскихъ художниковъ и о быстромъ появленіи готическаго стиля въ ихъ произведеніяхъ; подъ ихъ кистью достигъ этотъ стиль своего совершенства и всей своей самостоятельности. Ихъ многочисленныя творенія проникнуты, особенно если принять во вниманіе время, такимъ чистымъ и возвышеннымъ чувствомъ красоты, идеальное въ нихъ такъ удачно и такъ разумно сочетается съ воспроизведеніемъ дѣйствительности, что съ-тѣхъ-поръ не видано ничего подобнаго въ Германіи. Особенная вѣрность и задушевность, наивная ясность и спокойствіе, неподдѣльное чувство оживляютъ всѣ фигуры; самый теплый и яркій колоритъ придаетъ чрезвычайную рельефность всѣмъ формамъ, а движеніе красокъ, нѣжность и поэтичность цѣлаго достигаютъ такого совершенства, какого не было и примѣра до изобрѣтенія масляной живописи.

Письменные свидѣтельства о творцахъ этихъ произведеній весьма скудны. Въ самыхъ произведеніяхъ, однако, ясно различается работа

двухъ главныхъ мастеровъ, и эти двѣ манеры можно съ достаточною достовѣрностью приписать двумъ художникамъ того времени, которыхъ имена и громкая слава дошли до насъ.

Первый изъ нихъ мейстеръ Вильгельмъ, родившійся, по всѣмъ вѣроятіямъ, въ деревушкѣ Герле, близъ Кельна, и поселившійся въ этомъ городѣ не позже 1370 года. Современные хроники говорятъ о немъ еще въ 1380 году, что «онъ былъ лучшій живописецъ во всей Германіи, и писалъ людей во всѣхъ видахъ такъ хорошо, что они казались словно живые».

Главнѣйшее произведеніе, принадлежащее, повидимому, мейстеру Вильгельму, есть живопись, украшающая гробницу трирскаго архіепископа Куно, въ церкви святаго Кастора, въ Кобленцѣ (1388 года). Спаситель на крестѣ; подлѣ него, по лѣвую руку, стоятъ Божья Матерь и апостоль Петръ; по правую Іоаннъ Евангелистъ и святой Касторъ. Архіепископъ Куно, на колѣнахъ передъ крестомъ молится. Превосходство работы, хотя значительно поврежденной позднѣйшею реставраціею, а въ особенности характеричность и сильно обозначенная индивидуальность лица архіепископа Куно, — черта чрезвычайно рѣдкая въ произведеніяхъ этой эпохи, — вотъ главные обстоятельства, которыя, вмѣстѣ съ годомъ выполненія, заставляютъ приписывать эту живопись мейстеру Вильгельму. Разительное родство съ нею представляетъ живопись главнаго престола церкви святой Клары въ Кельнѣ, нынѣ находящагося въ одномъ изъ придѣловъ собора. Притворы представляютъ двѣнадцать сюжетовъ изъ юности Спасителя, и столько же сюжетовъ изъ Его страсти. На наружной сторонѣ притворовъ изображены, вверху Іисусъ Христосъ среди святыхъ, внизу. Онъ же на крестѣ, также окруженный святыми. Во всѣхъ этихъ картинахъ, какъ и въ слѣдующихъ, головы, особенно женскія, исполнены необыкновенной нѣжности; окладъ лицъ круглый, подбородокъ нѣсколько острый; выраженіе не поражаетъ особеннымъ одушевленіемъ, но схвачено вѣрно, и соответствуетъ положенію лицъ; пропорціи фигуръ нѣсколько удлинены, а граціозная поза ихъ не совсѣмъ чужда изысканности. Исполненіе грѣшитъ также недостаткомъ единства; въ немъ даже видны довольно ясно три различныя руки, что и заставляеть предполагать, что въ работѣ, кромѣ самого художника, участвовали еще два помощника.

За этимъ слѣдуютъ еще двѣ прекрасныя иконы меньшихъ размѣровъ. Одна изъ нихъ представляетъ святую Веронику; въ нижнихъ углахъ маленькіе ангелы играютъ на музыкальныхъ инструментахъ. Эта икона принадлежала прежде къ извѣстному собранію Буассера, а нынѣ при

надлежитъ баварскому королю. Другая находится въ кельнскомъ музеѣ. Средняя часть картины представляетъ Богородицу съ Святымъ Младенцемъ; на боковыхъ изображены двое святыхъ, а съ наружной стороны Спаситель. Иконы поражаютъ изумительнымъ переливомъ тоновъ, который придаетъ имъ, особенно въ изображеніи тѣла, необыкновенную прелесть. У г. Деласо, смотрителя публичныхъ зданій въ Кобленцѣ, есть небольшой престоль, украшенный внутри картиною, изображающею поклоненіе волхвовъ, а съ наружной стороны притворовъ ликами святыхъ. Такой же престоль находится въ берлинскомъ музеѣ; на немъ изображена Богородица съ Святымъ Младенцемъ, сидящая на травѣ и окруженная святыми. Другая картина, въ томъ же музеѣ, представляетъ страсти Господни. Хотя эти различныя произведенія многимъ уступаютъ предыдущимъ, тѣмъ не менѣе ихъ должно приписать тому же художнику, по разительному сходству ихъ между собою.

Множество иконъ, писанныхъ ученикомъ Вильгельма и хранящихся частью въ Кельнѣ, частью въ бывшей галлерей Буассерѣ, доказываютъ какое сильное вліяніе онъ имѣлъ на современниковъ.

Одному изъ его учениковъ суждено было противопоставить лучшимъ его твореніямъ произведенія еще совершеннѣйшія, и продолжать начатое имъ движеніе въ искусствѣ, ведя его далѣе на стезѣ къ безусловной красотѣ. Это тотъ художникъ, который исполнилъ дивную живопись кельнскаго собора. По довольно основательнымъ догадкамъ, онъ назывался мейстеромъ Стефаномъ. Въ его фигурахъ, особенно въ женскихъ головахъ, замѣтны тѣ же круглыя формы и та же нѣжность колорита, какъ у его учителя. Къ этимъ качествамъ присоединяются у него бѣлая сила и бѣлая яркость тоновъ; пропорціи тѣла у него также нѣсколько короче, чѣмъ у мейстера Вильгельма. Преимущественно же онъ отличается отъ своего предшественника бѣлымъ умѣніемъ характеризовать лица, придавать имъ индивидуальность. Ему съ полною достовѣрностью приписываются слѣдующія произведенія:

Остатки напостольной живописи изъ Гейстербахскаго бенедиктинскаго аббатства, близъ Бонна, и картины, украшавшія внутреннюю сторону притворовъ того же престола. Это фигуры апостоловъ и святыхъ, полныя достоинства и благоговѣнія; надъ каждою фигурою изображена скинія. Эти притворы перешли изъ собранія братьевъ Буассерѣ въ собственную коллекцію баварскаго короля. — Благовѣщеніе и Спаситель на Элеопской горѣ, находящіеся въ шлейсгеймской галлерей; и наконецъ, двѣ картины, хранящіеся въ городскомъ музеѣ въ Кельнѣ. Всѣ эти произведенія неоспоримо доказываютъ, что мейстеръ Стефанъ изучалъ живопись подъ руководствомъ Вильгельма.

Мейстеръ Стефанъ особенно раскрылъ всё свои качества и всю силу своего дарованія въ великолѣпномъ твореніи, украшавшемъ нѣкогда домовую церковь кельнской ратуши, а нынѣ находящемся въ одномъ изъ придѣловъ собора. Едва замѣтные слѣды цифръ означаютъ, кажется, 1410 годъ. Это твореніе составляетъ цѣлый иконостасъ, съ притворами. На притворахъ представлено Благовѣщеніе. На внутренней стѣнѣ, противъ приткоровъ, изображено поклоненіе волхвовъ; Богородица принимаетъ дары; Она сидитъ на престолѣ, облаченная въ длинной темноси-ней мантии на горностаевомъ подбоѣ; двое изъ волхвовъ, старики, преклоняютъ передъ нею колѣна; третій и вся ихъ свита стоятъ у входа. На внутреннихъ сторонахъ притворовъ изображены святые покровители города: вправо, святой Гереонъ, въ золотыхъ доспѣхахъ и голубой туникѣ, сопровождаемый своею дружиною; влѣво, святая Урсула съ своими проводниками и съ толпою дѣвственницъ. Эта картина отличается величіемъ и гармоніею цѣлаго, силою и глубиною тона, прелестью и мягкостью колорита, которыя, несмотря на блѣдность, свойственную живописи клеевыми красками, придаютъ ей яркость и блескъ, почти подходящіе къ блеску картинъ масляными красками, венеціанской школы. Композиція ея дышетъ величественною простотою; многочисленные и разнообразные детали исполнены съ большимъ стараніемъ. Все проникнуто идеальною красотою и задумчивостью, которыя проявляются преимущественно въ кроткихъ, нѣжныхъ и спокойныхъ чертахъ Богородицы и ея Младенца, въ благородной мужественности восточныхъ царей, въ юношеской полнотѣ и прелести дѣвъ и рыцарей. Кажется, будто германское художественное творчество собрало всё свои силы, чтобы обезсмертить себя этимъ дивнымъ созданіемъ. Сила религиозныхъ чувствъ, одушевлявшихъ живописца, повидимому, удвоила его могущество. Изображеніе Богородицы напоминаетъ Рафаэлеву Мадонну дрезденской галереи. Руки, которыя въ бѣльшей части произведеній старинныхъ художниковъ рисованы очень дурно и небрежно, сдѣлали бы честь величайшимъ живописцемъ послѣдующихъ временъ. Сила и разнообразіе экересіи едва ли будутъ когда-либо превзойдены. Къ этому произведенію должно присоединить еще маленькую картину того же мастера, нисколько ей неуступающую, и принадлежащую г. Гервегу, въ Кельнѣ. Она представляетъ Богородицу, сидящую на лужайкѣ, испещренной цвѣтами, съ Спасителемъ на рукахъ и окруженную маленькими ангелами. Бесѣдка изъ розовыхъ кустовъ округляется надъ ними сводомъ. Вверху, среди позолоченныхъ облаковъ, является Богъ-Отецъ

во славъ, а подлѣ него парить голубица Святаго-Духа. Колоритъ этой небольшой картины яркъ и полонъ энергіи, а исполненіе въ высшей степени мягко и художественно.

Мейстеръ Стефанъ совершилъ уже значительную часть своего поприща, когда пришлось ему росписать огромный престолъ, прежде находившійся въ церкви святаго Лаврентія, въ Кельнѣ, а нынѣ разбѣянный по частямъ въ трехъ различныхъ мѣстахъ. Средняя внутренняя картина, хранящаяся въ кельнскомъ музеѣ, представляетъ страшный судъ. Іисусъ Христосъ изображенъ на престолѣ, среди облаковъ; подлѣ него Богородица и святой Іоаннъ Евангелистъ; они окружены маленькими ангелами, держащими разные знаки страсти Господней. Внизу, по правую руку Спасителя, видны врата неба, передъ которыми стоить Апостолъ Петръ съ маленькими ангелами, играющими на музыкальныхъ инструментахъ; сонмъ блаженныхъ входитъ во врата. По лѣвую руку Спасителя разверзается адъ, и въ немъ видны грѣшники. Нельзя не похвалить рисунка голыхъ фигуръ, въ которыхъ выказывается старательное и глубокое изученіе натуры; но матеріальная истина въ нихъ преобладаетъ надъ художественною красою. Предметъ картины отвлекъ художника отъ собственной сферы его таланта,—задушевности и спокойствія. Несмотря на энергію колорита, тутъ напрасно стали бы вы искать глубины постиженія и высокой строгости, которыхъ требовалъ сюжетъ. То же можно сказать о боковыхъ иконахъ, представляющихъ, въ двѣнадцати отдѣленіяхъ, мученія двѣнадцати апостоловъ. Онѣ находятся нынѣ въ залахъ Штедельскаго института, во Франкурфѣ на Майнѣ.

До насъ дошло множество произведеній учениковъ и подражателей мейстера Стефана. Бóльшая часть находится въ Кельнѣ, гдѣ, между прочими, особенно замѣчательнъ цѣлый рядъ картинъ, представляющій легенду о святой Урсулѣ, въ церкви, сооруженной во имя этой же святой. Нѣсколько картинъ находится также въ городскомъ музеѣ и у частныхъ лицъ, гг. Ливесберга, Шмица, и другихъ. Есть также произведенія Стефановой школы между картинами бывшей коллекціи братьевъ Буассерэ. Замѣчательнѣйшая изъ послѣднихъ есть восхитительное изображеніе *Вънчанія Богородицы*, нынѣ находящееся въ Морицевой капеллѣ, въ Нюрнбергѣ. Берлинская галлерей также можетъ похвалиться нѣсколькими хорошими образчиками этой школы, изъ которыхъ особенно обращаютъ на себя вниманіе *Обрътеніе Святаго Креста* и *Поклоненіе волхвовъ*. Неменѣе замѣчательно прелестное *Введеніе во храмъ*, писанное въ 1447 году и находящееся въ дармштадтской га-

лереѣ. Исполненіе имѣетъ большое сходство съ работою мастера Стефана; композиція, тонкость и отчетливость рисунка, изящество движеній, ставятъ эту картину въ разрядъ прекраснѣйшихъ произведеній искусства. Фридрихъ Шлегель утверждалъ, что въ картинахъ кельнской школы можно ясно различать двѣнадцать манеръ, рѣзко отличающихся между собою и очевидно принадлежащихъ такому же числу артистовъ. Авторъ картинъ, хранящихся у г. Ливесберга, о которыхъ мы упоминали выше, занималъ между ними не послѣднее мѣсто. Онѣ представляютъ *Тайную вечерю*, взятіе Спасителя, оскорбленія, нанесенныя Богочеловѣку, съ бичеваніемъ Его на второмъ планѣ, приведеніе Его къ допросу передъ Пилатомъ, шествіе на распятіе, снятіе съ креста и воскресеніе. Всѣ они писаны на золотомъ фонѣ; на нѣкоторыхъ есть второй фонъ, въ видѣ пейзажа, съ самою яркою зеленью. Яркость красокъ, великолѣпіе драпировки, тонкость и нѣжность работы, въ нихъ общіе со всѣми хорошими картинами старой школы. Но ничто не можетъ сравниться съ ихъ силою и красотою экспрессіи. У самаго Альбрехта Дюрера едва ли найдется что-либо совершеннѣе сцены возложенія на Иисуса терноваго вѣнка; лица истязателей превосходно выражаютъ глупость, подлость и остервенѣлую злобу. Фигуры апостоловъ, въ *Тайной вечерь*, напротивъ того, исполнены благородства и величія. Голова святаго Іоанна изображена подъ рукою Спасителя и покоится частью на столѣ, частью на груди его божественнаго Учителя. Руки отдѣланы мастерски. Что касается задушевности и чувства идеальной красоты, въ отношеніи ихъ авторъ этихъ дивныхъ произведеній занимаетъ первое мѣсто послѣ мастера Стефана. Въ *снятіи со креста*, головы святаго Іоанна и Богородицы выше всякихъ похвалъ. Возлюбленный ученикъ, съ распущенными по плечамъ волосами, поддерживааетъ Божью Матерь, и смотритъ на зрителей съ выраженіемъ глубокой тоски. Святая жены окружаютъ Христа, блѣдныя, неподвижныя, въ безграничномъ уныніи; сама же Богородица, забывая собственную скорбь, съ нѣжнымъ, материнскимъ соболѣзнованіемъ воздвѣваетъ глаза и руки къ своему Божественному Сыну, какъ-будто. Онъ еще живъ и можетъ страдать.

Вообще должно замѣтить, что во всѣхъ произведеніяхъ этой эпохи проявляются нѣкоторыя характерическія особенности, рѣзко отличающія ихъ отъ работъ послѣдующаго періода.

Особенная отрасль Вильгельмовой школы является, въ XV вѣкѣ, въ Вестфалии. Къ сожалѣнію, исторія первыхъ проявленій искусства въ этой странѣ почти совершенно неизвѣстна, потому-что до послѣдняго времени никто не заботился объ отысканіи и сохраненіи памятниковъ

живописи, да и въ настоящую минуту очень немногіе интересуются ими. Близкое сродство вестфальской школы съ кельнской свидѣлствуется нѣсколькими произведеніями ея, хранящимися нынѣ въ мюнстерскомъ провинціальномъ музеѣ. Старшее изъ нихъ представляетъ только общія черты кельнскаго стиля, и носитъ многіе признаки неопытности и неумѣнья художника. Это большая напрестольная картина, писанная въ началѣ XV вѣка, какъ видно изъ надписи; средняя часть изображаетъ *Успеніе Богородицы*, боковыя *Благовѣщеніе* и *Поклоненіе волхвовъ*. Гораздо бѣльшаго уваженія заслуживаетъ другая картина, представляющая въ срединѣ *Вѣнчаніе Богородицы*, а по бокамъ лики святаго Августина и святаго Вальбурга. Въ композиціи много благородства и величія; головы нѣжны и выразительны; драпировка проста и изящна. Вся картина близко подходитъ къ стилю мастера Вильгельма. Двѣ картины мѣньшихъ размѣровъ, украшавшія нѣкогда притворы скиніи, и представляющія святую Доротею и святую Одилію, соединяютъ съ этими качествами необыкновенную граціозность и задушевность, довольно живо напоминающія манеру фра Джіованни да Фіезоле.

То-же сходство замѣчалось въ нѣкоторыхъ картинахъ церкви Божьей Матери въ Дартмундѣ; но онѣ, безъ сомнѣнія, погибли вмѣстѣ съ самою церковью.

Нѣсколько произведеній, исполненныхъ около половины XV вѣка, свидѣлствуютъ процвѣтанію и самостоятельное развитіе въ это время вестфальской школы. Къ числу самыхъ превосходныхъ принадлежитъ большая напрестольная картина, писанная въ 1465 году, для церкви стариннаго Лисборнскаго монастыря, близъ Мюнстера. По упраздненіи монастыря, произведеніе это было заброшено, потомъ раздроблено на части и почти совершенно утрачено. Остатки его находятся нынче у совѣтника Крюгера, въ Ахенѣ. Отъ главной картины сохранились только голова распятаго Мессіи и бюсты окружавшихъ его святыхъ. Лица отличаются оригинальною красотою и необыкновенною прелестью; особенно хорошо лицо святаго Бернгарда, которое дышетъ тихимъ благочестіемъ и истинно небеснымъ восторгомъ. Изъ восьми сюжетовъ, занимавшихъ притворы, уцѣлѣли только *Благовѣщеніе*, *Введеніе во храмъ* и часть *Поклоненія волхвовъ*. Всѣ они исполнены съ большимъ стараніемъ, и воспроизводятъ дѣйствительность вѣрно и удачно, не переходя въ живописныя ухищренія. Въ манерѣ художника есть скорѣе нѣчто идеальное, нѣчто близкое къ тому глубокому чувству, къ той религіозной задушевности, которыми прославился фра Анджелико да Фіезоле. Въ ней есть также нѣчто напоминающее ту полноту любви, то нѣжное одушевленіе, которыя характеризуютъ живопись Джентиле

да Фабіано. Со всѣмъ тѣмъ, эти произведенія сохраняютъ отпечатокъ чисто-германскаго характера, и колоритъ тѣла живо напоминаетъ работы мастера Вильгельма. Расположеніе складокъ драпировки просто и свободно, колоритъ мягокъ и ярокъ, общій тонъ нѣсколько отзывается живописью клеевыми красками, хотя картины писаны масляными. Рисункъ, въ отношеніи благородства и чистоты линий, превосходитъ рисунокъ мастера Стефана, и пропорціи фигуръ соблюдены очень вѣрно.

Кромѣ исчисленныхъ произведеній, есть еще большой надпрестольный образъ, очевидно писанный ученикомъ лисборнскаго живописца. Онъ раздѣленъ на четыре части. Посрединѣ представлены *Распятіе* и *Снятіе съ креста*; по бокамъ восемь сюжетовъ изъ жизни Спасителя. Многія изъ послѣднихъ только копіи съ произведеній учителя, находящихся также у г. Крюгера. Однако, между тѣми и другими видно большое различіе, въ отношеніи экспрессіи; техническое искусство въ нихъ почти одинаковое, но въ копіяхъ нѣтъ того благоговѣнія, той глубины чувства, которыми отличаются оригиналы.

Немаловажное еще собраніе произведеній старой вестфальской школы принадлежитъ совѣтнику Бартелю, также въ Кельнѣ.

Въ одно время съ Вестфаліею, и Саксонія, кажется, также явила значительную художественную дѣятельность. Фіарилло, въ числѣ сохранившихся въ этой области памятниковъ, приводитъ достаточное количество остатковъ готической живописи, о которыхъ онъ отзывается съ похвалою. Первое произведеніе, поставленное въ его списокъ, доказываетъ вліяніе рейнской школы на развитіе искусства въ Саксоніи. Оно украшаетъ главный престолъ церкви святаго Іакова, въ Хемницѣ, и исполнено Іоганномъ Кельнскимъ, славнымъ въ свое время живописцемъ и скульпторомъ. Но превосходнѣйшимъ твореніемъ этого художника должно, безспорно, признать большую надпрестольную картину въ церкви святаго Іоанна, въ Хемницѣ. Верхняя часть представляетъ *Крещеніе Іисуса*: ангелъ стоитъ подлѣ него, хранитъ его одежду и готовитъ покровъ; чтобы обтереть его по выходѣ изъ воды. На наружной сторонѣ притворовъ изображены четыре сцены: *Рождество Іисуса Христа*, *Бѣгство въ Египетъ*, *Поклоненіе волхвовъ* и *Избиеніе Виѳлеемскихъ младенцевъ*.

Нѣсколько образовъ въ церкви святой Кунигунды, въ Рехлицѣ, представляютъ въ общемъ своемъ характерѣ, весьма близкое сходство съ произведеніями Іоганна Кельнскаго, и, безъ сомнѣнія, принадлежатъ къ концу XIV или къ началу XV вѣка. Фіорилло, описывая очень подробно ихъ содержаніе, ничего не говоритъ о ихъ стилѣ; почему и мы, не видавъ ихъ, ничего не можемъ сказать о нихъ опредѣлительнаго.

Въ эрфуртскомъ соборѣ, на высокихъ устояхъ, поддерживающихъ средній сводъ, замѣчаются косыя картины, съ латинскими надписями. Рисунокъ замѣчательно хорошъ по своему времени; краски и позолота такъ хорошо сохранили свой блескъ, что кажутся новыми.

Есть также саксонскія произведенія въ Лейснигѣ и въ церкви Божьей матери въ Штольценѣ. Последнія ставятся въ число самыхъ замѣчательныхъ памятниковъ сѣвернаго искусства; видѣвшіе ихъ говорятъ, что невозможно смотрѣть на нихъ безъ удивленія и восторга. Онѣ представляютъ множество сценъ изъ Евангелія, съ латинскими объяснительными надписями.

Наконецъ, должно упомянуть о нѣкоторыхъ росписанныхъ стѣнахъ, въ живописи которыхъ готическій стиль является въ большемъ или меньшемъ совершенствѣ, и въ иныхъ случаяхъ имѣетъ близкое сродство съ произведеніями кельнской школы. Родство это особенно ощутительно въ живописи купола Браувейлерскаго капитула, близъ Бонна, недавно обратившей на себя вниманіе художниковъ и ученыхъ. Благородная простота драпировокъ, нѣжное, задушевное выраженіе лицъ, живо напоминающее труды старыхъ кельнскихъ мастеровъ, соразмѣрность и изящная свобода фигуръ, величіе формъ, составляютъ общія характеристическія черты этихъ замѣчательныхъ произведеній. Нѣкоторое сходство съ кельнскою школою, въ выборѣ предметовъ и способѣ исполненія, представляетъ также стѣнная живопись въ олтарѣ франкфуртскаго собора, принадлежащая къ 1427 году и недавно очищенная отъ густаго слоя краски, которою была замазана въ прошломъ столѣтіи. Она составляетъ цѣлый рядъ маленькихъ картинъ, представляющихъ исторію святаго Варооломея. Двѣ картины большаго размѣра, по обѣ стороны престола, представляютъ *Откровеніе и Явленіе Спасителя Маріи Магдалины*. Во всѣхъ этихъ произведеніяхъ ясно видны общія характеристическія черты кельнской школы, ея нѣжное выраженіе и задушевность лицъ, ея нѣсколько короткіе размѣры фигуръ. Въ особенности превосходна голова Спасителя въ терновомъ вѣнкѣ, которая бросается въ глаза среди другихъ образовъ на деревянной спинкѣ готическаго архіерейскаго мѣста, приклоненнаго къ стѣнѣ олтаря.

Къ самымъ совершеннымъ произведеніямъ искусства этого періода должно причислить также сцену, украшающую южный клиросъ старинной церкви Божіей Матери въ Гальберштадтѣ; докторъ Луканусъ очень удачно очистилъ ее отъ краски, которою она неоднократно была покрываема въ теченіе четырехъ столѣтій. Она представляетъ *Успеніе Богородицы*. Несмотря на жалкое состояніе зданія и на поврежденія, которымъ столько разъ подвергалась эта живопись, въ ней можно еще за-

мѣтитъ необыкновенное благородство формъ и стремленіе къ высокой, идеальной красотѣ; эти свойства придаютъ ей большую цѣну. Такимъ-же образомъ былъ расписанъ придѣлъ съ западной стороны этой-же церкви. Живопись, правда, не исчезла подъ штукатуркою и краскою, но сильно повреждена сыростью.

Эти произведенія, съ описанными выше, свидѣтельствуютъ раннее и высокое развитіе искусства въ Саксоніи, и заставляютъ надѣяться, что начатія въ этой странѣ изслѣдованія приведутъ ко многимъ важнымъ открытіямъ.

Трудно опредѣлить, къ этому-ли самому періоду, или къ еще отдаленнѣйшему должно отнести старинную стѣнную живопись въ Форхгеймскомъ замкѣ, близъ Бамберга, открытую подъ густымъ слоемъ штукатурки, и реставрированную въ недавнее время.

Въ заключеніе, укажемъ еще, какъ на трудъ достойный вниманія, на стѣнную живопись, украшающую всю внутренность часовни святаго Вита, въ мѣстечкѣ Мюльгаузенѣ, на Некарѣ, въ двухъ миляхъ отъ Стутгарта. Эта-же часовня содержитъ, сверхъ-того, также какъ и соседняя съ нею церковь святой Вальдбургіи, цѣлое собраніе очень древнихъ надпрестольныхъ картинъ.

III.

Въ началѣ XV столѣтія новый элементъ начинаетъ появляться въ произведеніяхъ нѣмецкихъ художниковъ. Это тотъ-же элементъ, который, нѣсколько лѣтъ спустя, является въ Италіи. Повсюду пробуждается живое сочувствіе къ натурѣ; артисты изучаютъ ее въ самыхъ мелкихъ подробностяхъ, стараются схватывать всѣ существенныя черты изображаемыхъ предметовъ, и одушевленнымъ воспроизведеніемъ ихъ освободить искусство отъ внѣшняго принужденія и условности, отъ подчиненія архитектурѣ, дать ему самостоятельное значеніе. Съ наибольшою силою проявилось это новое направленіе во Фландріи. Вліяніе фламандской школы скоро перешло за границы отечества, и распространилось на живописцевъ другихъ странъ. Развитіе нѣмецкой живописи въ XV вѣкѣ совершилось, повидимому, также подъ этимъ вліяніемъ, по-крайней-мѣрѣ въ бѣльшей части ея произведеній видны многія характеристическія черты, напоминающія фламандскую школу.

Обратимся сперва къ кельнской школѣ.

Во второй половинѣ XV вѣка встрѣчаемъ мы въ ней весьма замѣчательнаго живописца, въ которомъ, при всемъ его близкомъ сродствѣ съ старою школою, явно выказывается сознательное и добровольное по-

слѣдованіе Ванъ-Эйку. Настоящее имя этого художника неизвѣстно, а присвоили ему, почти безъ всякаго основанія, имя одного изъ его современниковъ, золотыхъ дѣлъ мастера и гравера Израиля Мекененскаго или Мекененскаго; послѣднее названіе дано ему отъ мѣста его рожденія, села, находящагося въ небольшомъ разстояніи отъ ничтожнаго городишка Бокхольта, смежнаго съ Цютфенскимъ графствомъ и Клевскимъ княжествомъ. Онъ выгравировалъ нѣсколько картинъ Мартина Шена; но гораздо выше этихъ произведеній ставятся его-же работы съ Ванъ-Эйка. Особеннымъ уваженіемъ пользуется его эстампъ, въ которомъ онъ изобразилъ себя, своего отца и жену. Вазари не зналъ его; но Ломаццо отзывается о немъ съ большими похвалами, и даже приписываетъ ему изобрѣтеніе гравирования на мѣди. Еслибъ принять во вниманіе это указаніе Ломаццо, въ споръ объ изобрѣтеніи гравирования пришлось бы внести новаго претендента. Главнѣйшее произведеніе Израиля Мекененскаго составляетъ *Страсть Господня*, изображенная на восьми доскахъ, и нынѣ почти единогласно приписываемая ему. Она принадлежитъ къ коллекціи г. Ливесберга, въ Кельнѣ. Эти восемь картинъ писаны на золотыхъ фонахъ, согласно съ стариннымъ обычаемъ, и это обстоятельство, равно какъ яркія, прозрачныя и тонкія краски, напоминаютъ старую школу. Но онѣ писаны масляными красками, и какъ композиція, такъ и техника, указываютъ на вліяніе Ванъ-Эйка. Впрочемъ, въ нихъ видѣнъ артистъ умный, мыслящій и съ чувствомъ, стремящійся къ точному воспроизведенію дѣйствительной жизни, тщательно и съ любовью передающій натуру, хотя бѣльшею частью лишенный вдохновенія и самостоятельности. Рисунокъ его вообще точенъ, и даже рѣзокъ; слишкомъ гоняясь за точностью характеристики, онъ нерѣдко впадаетъ въ излишество при изображеніи обыкновенныхъ людей; этотъ недостатокъ поражаетъ съ перваго взгляда, напримѣръ, въ лицахъ мучителей Христа. Кромѣ этой *Страсти Господней*, въ разныхъ мѣстахъ сохранилось множество другихъ произведеній, принадлежащихъ той-же кисти. Изъ находящихся въ Кельнѣ, самыя замѣчательныя: *Снятіе со креста*, въ кельнскомъ музеѣ, писанное въ 1488 году, и безъ сомнѣнія принадлежащее къ старческимъ произведеніямъ художника, ибо въ немъ нѣтъ уже той бойкости и смѣлости, какъ въ изображеніи *Страсти Господней*; боковыя фигуры должно быть исполнены въ-послѣдствіи, кѣмъ-либо изъ его учениковъ или подражателей; двѣ превосходныя картины, принадлежащія г. Заноли, и живопись на стѣнахъ и окнахъ Гарденратскаго придѣла, въ церкви Sancta Maria in Capitolio, 1466 года, сильно поврежденная, частью временемъ, частью позднѣйшими передѣлками.

О сильномъ вліяніи этого художника на соотечественниковъ можно судить по огромному количеству произведеній его учениковъ и подражателей, въ Кельнѣ и окрестныхъ мѣстахъ, въ коллекціи Буассерэ и въ берлинскомъ музеѣ. Изъ находящихся въ Берлинѣ особенно замѣчательны двѣ картины, изъ которыхъ одна изображаетъ нѣсколько святыхъ, другая святыхъ женъ; обѣ равно отличаются, какъ благородствомъ и красотою формъ, изящностью драпировки, такъ и выраженіемъ лицъ и силою колорита.

Позднѣе, въ первые годы XVI вѣка, кельнскіе живописцы начали предаваться самымъ страннымъ и вычурнымъ фантазіямъ.

Въ одно время съ артистомъ, извѣстнымъ подъ именемъ Израїля Мекененскаго, нѣсколько даровитыхъ художниковъ процвѣтали въ верхней Германіи. Вліяніе на нихъ Ванъ-Эйка выказывается несомнѣннымъ образомъ. Во главѣ ихъ должно поставить Фридриха Герлина, изъ Нордлингена. Податная книга этого города за 1467 годъ очень положительно говоритъ о его мастерствѣ во *фламандскомъ искусствѣ*. Произведенія его, сохранившіяся въ Нордлингенѣ, носятъ на себѣ очевидную печать вліянія Ванъ-Эйковой школы. Одно изъ нихъ — надпрестольный образъ въ церкви святаго Георгія, писанный въ 1462 году и представляющій *Спасителя на крестѣ* и четырехъ святыхъ; другое, принадлежащее къ 1488 году, украшаетъ нордлингенскую соборную церковь, и представляетъ Божью Матерь съ Святымъ Младенцемъ, окруженную святыми. Фридриху Герлину приписывается также большой и прекрасный иконостасъ въ олтарѣ мейсенской соборной церкви; къ сожалѣнію, многія части его замалеваны самымъ непростительнымъ образомъ. Живопись этого иконостаса, въ композиціи и въ изображеніи тѣла, представляетъ изумительное сходство съ работами Ванъ-Эйка; но тѣло далеко не такъ хорошо отдѣлано. Въ тканяхъ нѣтъ той опредѣленности и характеричности, какъ у Ванъ-Эйка, у котораго можно съ перваго взгляда отличить каждый родъ ея; но зато драпировка изящнѣе и благороднѣе, и исполненіе ея болѣе подходит къ манерѣ Губерта.

Мартинъ Шень (собственно Шенгауеръ, Schöngauer), изъ Кольмара, превзошелъ всѣхъ своихъ предшественниковъ, и сверхъ-того, занимаетъ почетное мѣсто между древнѣйшими граверами. Онъ оспариваетъ у Флорентина Мазо Финигуерры честь изобрѣтенія гравированія на мѣди, и этотъ споръ прославилъ его имя. Онъ родился въ Кульмбахѣ, во Франконіи, около 1420 года, и умеръ въ 1486. Какъ граверъ, онъ оставилъ полтора ста оригинальныхъ произведеній, которыя нынѣ очень рѣдки. Альбрехтъ Дюреръ собирался ѣхать въ Эльзасъ, чтобы посѣтить его, когда получилъ извѣстіе о его смерти. Эстампы его свидѣтель-

ствують огромное, самостоятельное дарованіе, но въ то же время избличаютъ, во многихъ отношеніяхъ, подражаніе Ванъ-Эйку. Судя по приписываемъ ему работамъ въ нюренбергской, шлейсгеймской и вѣн-ской галереяхъ, онъ былъ художникъ одаренный высокимъ, обширнымъ и пронизательнымъ умомъ, глубоко обдумывалъ свои творенія, понималъ жизнь и дѣйствительность одинаково съ Фламандцами, хотя не всегда сходенъ съ ними въ исполненіи. Въ колоритѣ его обыкновенно недостаетъ силы; драпировка благородна и изящна, но родъ ткани показанъ слишкомъ неопредѣленно; тѣло по бѣльшей части слишкомъ мягко, не имѣетъ упругости. Манера его отличается выраженіемъ кротости, нѣжной религіозной задумчивости, изливающейся, повидимому, изъ души, которая всегда была въ мирѣ съ собою и съ окружающимъ свѣтомъ: это отраженіе души высокой и свѣтлой, сознающей свою силу. Эти свойства часто придаютъ его формамъ спокойное величіе, его головамъ безмятежную, неземную красоту, какія рѣдко встрѣчаются въ древнѣйшихъ произведеніяхъ нѣмецкой живописи. Въ Морицской часовнѣ, въ Нюрнбергѣ, есть шесть группъ его работы, представляющихъ родственниковъ Божьей Матери, и святую Варвару. Родственная любовь и душевная простота семейной жизни схвачены съ удивительнымъ искусствомъ. Произведенія, сохранившіяся въ Кольмарѣ, еще выше; самое замѣчательное изъ нихъ, какъ по размѣрамъ и содержанію, такъ и по своей отличной сохранности, есть надпрестольный образъ въ соборной церкви, представляющій Богородицу, окруженную розами. Она держитъ на рукахъ Святаго Младенца и сидитъ на престолѣ, среди гирлянды, въ которой птички перепархиваютъ съ цвѣтка на цвѣтокъ; два ангела парятъ надъ нею, и держатъ вѣнокъ надъ ея головою. Фигуры нѣсколько больше натуры, и писаны на золотомъ фонѣ, какъ всѣ почти картины, которыя можно съ нѣкоторою достовѣрностью приписывать Мартину Шену.

Картины кольмарской бібліотеки представляютъ жизнь Иисуса Христа, съ начала *Страсти*. Ихъ числомъ семнадцать, и всѣ даютъ самое выгодное понятіе о ихъ творцѣ. Мы укажемъ только на самыя замѣчательныя.

Срътеніе Господне. Композиція чрезвычайно проста. Иисусъ занимаетъ средину картины; за нимъ слѣдуютъ его ученики; нѣсколько человѣкъ, собравшись у воротъ Іерусалима, разстилаютъ свои плащи и бросаютъ цвѣты и древесныя вѣтви подъ его стопами.

Иисусъ на Элеонской горѣ. Три Апостола спятъ на первомъ планѣ. Въ положеніяхъ ихъ много естественности и истины; колоритъ всежь, яркъ, и такъ-же естественъ, какъ положенія фигуръ.

Поцплуй Иуды. Фигуры предателя и ратниковъ карикатурно-безобразны; въ этомъ проявляются понятія среднихъ-вѣковъ, изображавшихъ нравственное безобразіе физическимъ.

Иисусъ передъ Пилатомъ. Это одна изъ лучшихъ картинъ собранія, во всѣхъ отношеніяхъ. Композиція, положеніе фигуръ, колоритъ, типы лицъ, особенно лица Спасителя, все въ ней превосходно.

Вообще должно сказать объ этихъ произведеніяхъ, что они отдѣланы съ рѣдкою тщательностью, даже въ самыхъ мелкихъ подробностяхъ, но головы, по рисунку, гораздо лучше остальныхъ членовъ. Свѣжій и легкой колоритъ, свѣтлыя тѣни, удивительная постепенность и мастерское сліяніе тоновъ, такъ, что въ нихъ не отдѣляется ни одинъ штрихъ кисти, составляютъ характеристическія черты стиля Мартина Шена.

Эти въ высшей степени замѣчательныя произведенія искусства закрыты въ кольмарской библіотекѣ, гдѣ они развѣшаны по стѣнамъ двухъ коридоровъ, пересѣкающихся подъ прямымъ угломъ. Жители города и не подозреваютъ ихъ существованія; они не заботятся и о книгахъ, а тѣмъ менѣе о старыхъ картинахъ. Въ залахъ библіотеки всегда совершенная пустота и безмолвіе; развѣ изрѣдка сонный мальчишка придетъ сметать пыль со скамеекъ, столовъ, и мимоходомъ равнодушно заглянетъ на полки, на которыхъ книги стоятъ лѣтъ двадцать, никѣмъ не тронутыя.

Во Франціи имѣется еще одна картина Мартина Шена; она украшаетъ парижскій музей, и представляетъ Израильтянъ, собирающихъ манну въ пустынь. Это неудачное произведеніе, блѣдное по колориту, сухое по рисунку и слабое по выраженію; оно дастъ очень невыгодное понятіе о художникѣ тому, кто не видалъ другихъ его работъ.

Въ вѣнской императорской галереѣ хранится *Распятіе* Мартина Шена, превосходно исполненное. Между картинами Г. Адерса, въ Лондонѣ, есть его же *Ессе homo*, весьма сложное и замѣчательное твореніе, въ которомъ много прекрасныхъ, выразительныхъ головъ. Лицо Христа исполнено ангельской кротости и отличается рѣдкою красотою; но лица мучителей ненатуральны. Обнаженные части тѣла нѣсколько сухи; колоритъ наложенъ слегка и лишенъ энергіи, но очень искусно. Это представляетъ большое сходство съ гравюрами Мартина Шена, въ которыхъ, какъ напримѣръ въ «Несеніи Креста», благородной, величественной кротости жертвы противопоставляется фантастическое безобразіе мучителей.

Въ Шлейсгеймской галереѣ есть портретъ этого художника, писанный въ 1483 году, его ученикомъ Гансомъ Ларкмайеромъ (Hans

Largkmaier). Лицо, проникнутое кротостью и тихою душою, дышетъ спокойствіемъ и задумчивостью семейной жизни. Живопись превосходна, колоритъ тепелъ; только въ контурахъ есть еще нѣкоторая принужденность и деревянность.

Юганъ Гольбейнъ, отецъ, родомъ изъ Аугсбурга, современникъ Мартина Шена, но нѣсколькими годами моложе его, представляетъ въ характерѣ своего творчества нѣкоторое сродство съ этимъ художникомъ. Онъ славился около конца XV вѣка *. Правда, что его произведенія болѣе отзываются ремесломъ, чѣмъ работы Мартина Шена, и что формы у него деревянные и угловаты; однако вездѣ у него высказывается высокій, энергическій умъ, а иногда даже признаки нѣкоторой самостоятельности и нѣкоторая возвышенность въ экспрессіи. Какая-то обаятельная грація, необыкновенно кроткое выраженіе и рѣдкая оконченность отдѣлки, придаютъ особенную прелесть его головамъ, преимущественно женскимъ. Съ другой стороны, тѣ же странныя и изысканныя противоположности, которыя мы уже замѣтили въ Мартинѣ Шенѣ, являются у Гольбейна еще съ болѣею силою. Въ немъ очевидно стремленіе характеризовать до преувеличенія, преимущественно злодѣевъ и гонителей; чему служатъ доказательствомъ его многочисленныя изображенія страданій мучениковъ. Онъ не представляетъ злодѣевъ, подобно другимъ современнымъ живописцамъ, въ чертахъ уродливыхъ и отвратительно низкихъ; у него безобразіе, повидимому, происходитъ отъ адской, всепоглощающей и непреодолимой страсти, которая, управляя всѣми ихъ дѣйствіями и движеніями, обезображиваетъ ихъ временно и заставляетъ ихъ тѣла принимать принужденныя и неиріятныя для глазъ положенія. Нѣкоторыя лица въ его картинахъ, кажется, будто служили образцами для многихъ твореній новой романтической поэзіи. Часто встрѣтится у него, между мучителями, человекъ съ блѣднымъ лицомъ, съ чертами и фізіономіею рѣзкими, какъ у Итальянца, въ зеленомъ охотничьемъ платѣ, съ пѣтушьимъ перомъ на шляпѣ. Такого рода изображенія нерѣдки. Ихъ довольно много въ галереяхъ крѣпости и Морицской часовни въ Нюрнбергѣ, въ аугсбургской публичной галереѣ и въ Штедельскомъ институтѣ во Франкфуртѣ на Майнѣ. Но самое значительное собраніе ихъ находится въ Шлейсгеймѣ. Оно состоитъ изъ двадцати картинъ, изъ которыхъ семнадцать изображаютъ жизнь и страсть Христову. Они происходятъ изъ Кайзергеймскаго монастыря, и по свидѣтельству одной старинной рукописи, исполнены въ 1520 году. Въ сюжетахъ, не допуская гонителей и злодѣевъ, съ болѣею свободою раскрывается та грація, та нѣжность, о которой мы упоминали выше.

*) Полагають, что онъ родился въ 1450 году.

Для примѣра укажемъ на двѣ превосходныя картины, писанныя одноцвѣтомъ (*en grisaille*), и находящіяся въ Сеймовой галлерей, въ Прагѣ. Обѣ картины, подписанныя художникомъ, служили притворами престола; эти два притвора украшены съ внутренней и съ наружной стороны ликами святыхъ и сюжетами изъ ихъ житія; тутъ есть нѣсколько въ высшей степени художественныхъ головъ. Укажемъ еще на приписываемое тому же артисту маленькое изображеніе Богородицы, сидящей на престолѣ; оно писано въ 1499 году и хранится въ Морицской часовнѣ, въ Нюрнбергѣ. Къ числу замѣчательнѣйшихъ его работъ должно причислить также двѣ картины мюнхенской галлерей, представляющія святыхъ Елисавету и Варвару. Головы исполнены съ дивною нѣжностью и невыразимо граціозною наивностью. Въ базельской библіотекѣ есть также нѣсколько очень замѣчательныхъ картинъ этого живописца.

Вліяніе фламандской школы начинается, въ концѣ XV вѣка, сильно проявляться также въ Вестфаліи. Оно тѣмъ болѣе бросается въ глаза, что представляетъ рѣшительную противоположность характеру первоначальной школы. Благородная нѣжность и обаятельное спокойствіе старинныхъ живописцевъ смѣняется изысканностью, стремленіемъ къ преувеличенной характеристикѣ, доходящими до жесткости и сбивающими на карикатуру; картины загромождаются лицами, вслѣдствіе желанія художника представить множество различныхъ эпизодовъ одного главнаго дѣйствія. Рядомъ съ подражаніемъ Ванъ-Эйку видно также подражаніе живописцамъ верхне-германской школы, особенно Мартину Шену.

Изъ вестфальскихъ художниковъ этого времени весьма замѣчательнъ, по своей самостоятельности, сестскій живописецъ Яренусъ (*Jarenus*). Въ берлинскомъ музеѣ есть нѣсколько прекрасныхъ картинъ его, на золотыхъ фонахъ, которыя вмѣстѣ составляютъ большой престолъ. Средняя картина изображаетъ разные эпизоды изъ Страсти Христовой. Это большая картина, въ которой различныя группы перемѣшаны еще довольно неотчетливо. Есть тутъ фигуры, рисованныя сухо, жестко и наскоро; но есть также лица, полныя мысли, выраженія и даже граціи. Правая боковая рама раздѣлена на четыре отдѣльныя картины, представляющіе Воскресеніе и Вознесеніе Христова, Сошествіе Святаго Духа и Страшный Судъ. Группы раздѣлены переплетомъ рамы, и потому сюжеты легко и ясно разграничиваются. Лѣвая боковая рама также раздѣлена на четыре части, изображающія Благовѣщеніе, Рождество Спасителя, Поклоненіе волхвовъ и Введеніе во храмъ. Группы превосходно расположены, особенно въ двухъ первыхъ отдѣленіяхъ. У графа Пемброка, въ его по мѣстѣ, Уильтонгоузѣ, въ Англіи, есть такж небольшая кар-

тина этого художника, превосходно исполненная. Она представляет тѣло Спасителя, снятое съ креста, и окруженное плачущими его учениками.

Подражаніе Ванъ-Эйку становится еще сильнѣе въ Вестфалии въ началѣ XVII вѣка; есть произведенія этого времени, которыя могутъ выдержать сравненіе съ лучшими твореніями фламандской школы. Между прочими укажемъ на одну картину въ стилѣ Ванъ-деръ-Гуса (Van der Goes); она представляет Богородицу, являющуюся среди обраковъ, на полумѣсяцѣ, и картезіанскаго монаха, стоящаго передъ нею на колѣнахъ. Эта картина находилась прежде въ картезіанскомъ монастырѣ близъ Дульмена, а нынче принадлежит Клемену Брентаю.

Нюрнбергскіе артисты конца XV вѣка начали освобождаться отъ подражанія голландскимъ живописцамъ, и сохранили сходство съ ними только въ нѣкоторыхъ общихъ чертахъ, принадлежащихъ собственно этому періоду развитія. Отличительную черту ихъ школы составляетъ, повидимому, вѣрное и строгое воспроизведеніе природы. При этомъ замѣтна еще нѣкоторая деревянность и жесткость; но въ нѣкоторыхъ частяхъ творчество ихъ уже восходитъ до того благородства, до той идеальной красоты, которыми отличаются произведенія Мартина Шена.

Изъ числа этихъ художниковъ, особенно возвышается надъ другими Михаилъ Вольгемуть (Wohlgemuth)*. Въ бѣльшей части его произведеній, правда, видѣнъ еще ремесленникъ, часто впадающій въ грубость и жесткость и не всегда достигающій естественности, особенно когда хочетъ представлять движенія; но съ другой стороны, когда онъ ограничивается спокойнымъ дѣйствіемъ, формы его полны граціи, а экспрессія дышетъ нѣжностью и кротостью. Любопытно было-бы, въ этомъ отношеніи, сравнить между-собою все картины этого художника, находящіяся въ шлейсгеймской галлерей. Все онѣ одинаковыхъ размѣровъ, писаны съ обѣихъ сторонъ, и представляютъ цѣлый рядъ событій изъ жизни Христа. Напримѣръ, рядомъ съ изображеніемъ Снятія съ креста, далеко несоотвѣтствующимъ величію предмета, является Благовѣщеніе, которое производитъ самое глубокое впечатлѣніе. Такое-же сравненіе можно-бы провести между картинами Вольгемута, хранящимися въ нюрнбергской галлерей и Морицской часовнѣ, или между картинами одной церкви въ Хемницѣ, которыя были выставлены въ Дрезденѣ, осенью 1832 года. Но все помянутыя доселѣ картины далеко уступаютъ на престольнымъ образамъ, которые этотъ художникъ писалъ въ послѣдніе годы своей жизни, въ 1511 году, и которыя нынѣ находятся въ галлерей Бельведера, въ Вѣнѣ. Средняя икона изображаетъ святаго Іеронима, сидящаго на тронѣ, а

* Родился въ 1434, умеръ въ 1519 году.

подлѣ него, на колѣнахъ, пожертвователя и его жену. Святой учитель держитъ въ правой рукѣ терновую вѣтвь, а лѣвую руку опираетъ на голову льва. За нимъ пейзажъ, среди котораго представлены, въ группахъ, очень мелкихъ, главныя обстоятельства житія святаго. Между прочими эпизодами, видно прибытіе его, на корабль, къ острову Кипру, гдѣ его встрѣчаетъ епископъ Епифаній. Этотъ престолъ имѣетъ, кромѣ-того, двойные притворы, на которыхъ изображены лики нѣкоторыхъ другихъ святыхъ. Сухость и рѣзкость, которыя въ бѣльшей или меньшей степени портятъ всѣ остальные произведенія Вольгемута, здѣсь значительно смягчены. Тоны и краски теплы и энергичны. Однимъ-словомъ, эта живопись достойно напоминаетъ учителя Альбрехта Дюрера. Вольгемутъ имѣетъ даже одно преимущество передъ своимъ ученикомъ, именно то выраженіе кротости, задушевности и простодушія, которое можно замѣтить въ нѣкоторыхъ лицахъ святыхъ. Впрочемъ, совершеннѣйшія его произведенія, — это портреты пожертвователей.

Нѣкоторые другіе современные нюрнбергскіе живописцы, не достигая высоты Вольгемута въ лучшихъ его твореніяхъ, могутъ стать наряду съ нимъ въ его произведеніяхъ средняго достоинства. Изъ числа ихъ особенно извѣстны Мартинъ Цагель (Zagel), котораго одна картина, представляющая Спасителя на крестѣ, произведеніе обдуманное, полное благочестія и очень тонкой и оконченной работы, находится въ вѣн-ской галлерей, и Яковъ Вальхъ (Jacob Walch), котораго картина, такого же содержанія, находится въ берлинскомъ музеѣ.

Баварскіе художники этого времени менѣе замѣчательны. Въ шлейсгеймской галлерей есть двѣ картины большихъ размѣровъ, писанныя Гаврииломъ Мехселькирхеромъ (Gabriel Maeschelkircher), изъ Мюнхена, славившимся около 1470 года; онѣ изображаютъ Несеніе креста и Распятіе, и поражаютъ своею изысканностью. Въ той же галлерей есть большое распятіе, работы Ульриха Фютерера (Ulrich Füterer), изъ Ландгута (1480 года), вставленное, наподобіе барельефа, въ готическія архитектурныя украшенія. Это произведеніе крайне слабое. Бѣльшаго вниманія заслуживаетъ, кажется, Іоганъ Фонъ-Ольмдорфъ, бывшій баварскимъ придворнымъ живописцемъ въ 1490 году. Довольно хорошая картина его работы сохранилась въ нюрнбергскомъ замкѣ. Это семейная сцена, почти въ натуральный ростъ: она представляетъ мать, сидящую у окна, съ младенцемъ на рукахъ, между-тѣмъ какъ другой ребенокъ, подлѣ нея, пускаетъ мыльные пузыри. Писана она очень жестко и сухо; но позы и выраженіе довольно естественны и удачны. Шлейсгеймская галлерей содержитъ также нѣсколько произведеній этого художника.

IV.

Главные представители нѣмецкой живописи принадлежатъ къ первой четверти XVI вѣка, то—есть, къ тому же времени, которое произвело образцы итальянской живописи. Однако нѣмецкое искусство и итальянское отличаются другъ отъ друга въ самыхъ существенныхъ своихъ условіяхъ, не только въ отношеніи направленія, но и въ отношеніи совершенства, осуществленія основныхъ законовъ художественной красоты. На почвѣ Италіи родился цѣлый рядъ превосходныхъ произведеній. Тутъ возобновились поэтическія времена древней Греціи. Въ Германіи же искусство никогда не могло совершенно оторваться отъ воспоминаній, завѣщанныхъ прошедшимъ, и отъ болѣе или менѣе условнаго способа исполненія. Другіе вопросы занимали умы, и за очень немногими исключеніями, эстетическое совершенство никогда не было характеристическою чертою германскаго творчества.

Между—тѣмъ нѣмцы неменѣе другаго народа были способны постигать идеальную красоту и возноситься къ ней. Мы замѣтили, еще въ готическій періодъ, и преимущественно у кельнскихъ и вестфальскихъ художниковъ, сильное расположеніе къ постиженію идеальной красоты, и указали на его счастливыя послѣдствія. Послѣ того, подражатели фламандской школы, воспроизводя, съ болѣею или менѣею вѣрностью и истиною, ежедневную жизнь, внесли выраженіе нѣжныхъ, задумчивыхъ ощущеній сердца, и можно было надѣяться, что эти два элемента соединятся и современемъ будутъ взаимно способствовать своему усовершенствованію. Если же это ожиданіе не сбылось, то это обстоятельство должно приписать вліянію какой—нибудь посторонней, пагубной причины.

Эта причина заключается въ стремленіи къ фантастическому. Стремленіе это особенно свойственно сѣвернымъ племенамъ, и ничѣмъ такъ не объясняется, по нашему мнѣнію, какъ характеромъ сѣверной природы. На югѣ—ясность неба, чистота и прозрачность атмосферы, изящныя очерки горъ, живописныя формы растительности, восхищаютъ взоръ и наполняютъ душу тихимъ обаяніемъ. Не таковъ внѣшній міръ въ странахъ, удаленныхъ отъ солнца. Тамъ тучи заволакиваютъ небо, туманы тяжело стелятся по долинамъ; земля, въ—продолженіе шести мѣсяцевъ лишена зелени и цвѣтовъ, и кажется погруженною въ онѣмѣніе. Этотъ печальный видъ внѣшнихъ предметовъ побуждаетъ душу сосредоточиваться въ себѣ и населять окружающую ее пустыню созданіями своей фантазіи. Вотъ источникъ сверхъ—естественныхъ сказокъ сѣвера, рода поэзіи, вовсе незнакомаго Греціи и Италіи, и рѣзко отличающагося, въ основаніи и

въ характерѣ, отъ сказокъ Востока. Та же причина объясняетъ странности и причуды пластическаго искусства, которыхъ многочисленныя примѣры представляются въ украшеніяхъ готическихъ церквей и на поляхъ старинныхъ рукописей. Но когда фантазія пускается въ міръ, неимѣющій ни правилъ, ни предѣловъ, отрѣшается отъ законовъ органическаго творенія, отъ типовъ дѣйствительныхъ существъ, и стремится властвовать по своему произволу,—это всегда совершается въ ущербъ истинной красотѣ. Грезы фантазіи могутъ изливаться въ сочетаніяхъ, полныхъ глубокаго смысла, облекаться въ заманчивыя и затѣйливыя формы; постигать же и выражать чувство чистое, высокое, идеальное, она можетъ только, когда подчинится непреложнымъ законамъ искусства и свергнетъ иго произвола и причудъ.

Это стремленіе къ фантастическому не чуждо древнѣйшимъ періодамъ сѣвернаго искусства, хотя имѣетъ въ нихъ второстепенное значеніе, и иногда не исключаетъ истинной красоты. Оно проявляется уже въ гиперболическомъ характерѣ послѣднихъ произведеній мастера Стефана, равно какъ и въ знаменитомъ адѣ Юганна Брюггенскаго, въ Данцигѣ, въ Апокалипсисѣ Гемлинга, въ фантазіяхъ Иеронима Боша, и особенно, къ концу XV вѣка, въ твореніяхъ кельнскихъ живописцевъ, Мартина Шена, Гольбейна отца, и живописцевъ вестфальскихъ. Но отчего этотъ пагубный элементъ получилъ особенную силу въ Германіи именно въ послѣдній періодъ германскаго искусства? По нашему мнѣнію, историческія событія достаточно объясняютъ это явленіе: оно прорастаетъ изъ протестантизма. Реформація способствовала развитію науки, но имѣла очевидно вредное вліяніе на искусство.

ТЕАТРАЛЬНАЯ ЛѢТОПИСЬ.

РУССКІЙ ТЕАТРЪ ВЪ ПЕТЕРБУРГѢ

Гдѣ медь, тамъ и мухи. Комедія въ пяти дѣйствіяхъ, соч. С. Одинской.

Насъ всегда радуетъ каждое явленіе на сценѣ, заимствованное прямо изъ русской жизни, особливо, когда въ основаніи его лежитъ идея, характеризующая современное общество и когда характеры вѣрны природѣ и носятъ на себѣ типъ національный. Такимъ явленіемъ мы почитаемъ комедію г-жи Одинской «Гдѣ медь, тамъ и мухи». Мы уже разъ отчасти высказали объ ней свое мнѣніе, и даже напечатали ее въ одной изъ книжекъ «Пантеона». Стало-быть, говорить о ея содержаніи было бы здѣсь излишнимъ. Авторъ выбралъ одну изъ тѣхъ пружинъ, двигающихъ современнаго человѣка, которая слишкомъ рѣзко обнаруживается почти во всѣхъ дѣйствіяхъ и явленіяхъ нынѣшняго времени, именно — страсть къ стяжанію. Эта страсть господствуетъ надъ всѣми другими страстями и подавляетъ ихъ, вѣроятно, потому-что въ стяжаніи заключается удовлетвореніе всѣхъ другихъ страстей. Въ настоящее время, когда золото имѣетъ и даетъ дѣйствительный вѣсъ, вѣрно, никто не повторитъ за Робертомъ:

Злато мечтанье пустое!

Но когда эта страсть изгоняетъ изъ сердца всѣ высокія ощущенія, благородство помысловъ, честь, чувства родства и пріязни, она становится настоящей стихіею драмы и представляетъ самыя горькія и потрясающія картины. Эту мысль поняла г-жа Одинская, и облекла въ форму комедіи такія явленія, которыя въ сущности совсѣмъ не смѣшны, а указываютъ на нравственныя язвы, прискорбныя для истиннаго друга человѣчества. Въ этомъ случаѣ, она вполне послѣдовала прекрасному изрѣченію — показать «сквозь видимый смѣхъ невидимыя міру слезы», изрѣченію, которое должно служить основой каждой современной комедіи, не довольствующейся уже одними хитрыми сплетеніями фантазіи и забавно придуманными положеніями, но желающей на сценѣ выставить зеркало дѣйствительности, со всѣми ея тѣнями и свѣтлыми сторонами.

Мы находимъ, что г-жа Одинская сдѣлала одну ошибку, именно, что выбрала для осуществленія своего замысла форму, давно знакомую, въ которую были вылиты многія другія пьесы, конечно, далеко не такъ глубокія по концепціи и художественному выполнению, какъ ея комедія. Но и тутъ въ оправданіе ея надо сказать, что едва-ли эту страсть къ стяжанію можно показать въ иной сферѣ, кромѣ семейнаго быта. Вопросъ о *наслѣдствѣ* — самый обыкновенный и общедоступный вопросъ и на немъ дѣйствительно разыгрывается не одна семейная драма. Обстановка этой простой драмы придумана авторомъ очень замысловато, и простая интрига пьесы, не выходящая изъ самыхъ обыденныхъ явленій, ведена естественно и безъ натяжекъ. Упрекали автора въ неестественности и неправдоподобіи главнаго факта ея драмы, служащаго узломъ всего дѣйствія, именно въ томъ, что Реноевъ заставляетъ почти безчувственную Мельтову подписать фальшивое духовное завѣщаніе, и предъявляетъ его потомъ, несмотря на то, что при подписи не было свидѣтелей. Мы несогласны съ этимъ упрекомъ. Такой человекъ, какъ Реноевъ, т. е. негодяй, способный на составленіе фальшиваго акта, вѣрно не затруднится приискать и фальшивыхъ свидѣтелей и составить свой актъ заднимъ числомъ. Авторъ пьесы виноватъ развѣ только въ томъ, что не забросилъ объ этомъ нѣсколько словъ, кстати, въ разговоры дѣйствующихъ лицъ. Но и въ этомъ отношеніи его нельзя винить: во-первыхъ, Реноевъ никому не можетъ довѣрить своего противузаконнаго поступка: его окружаютъ самые естественные враги, законные наслѣдники, которые вѣрно не преминули бы воспользоваться подобнымъ открытіемъ; во вторыхъ—авторъ явно избѣгалъ такъ называемыхъ *апарте*, разговоровъ съ самимъ собою, этой задушевной болтливости, столь неестественной на сценѣ, особливо въ рисовкѣ характеровъ положительныхъ и твердыхъ. Въ-третьихъ, наконецъ, надо же что нибудь предоставить и догадкѣ зрителя, чтобы придать больше силы его вниманію и интересу. Сценическое произведеніе предписываетъ слишкомъ строгія условія; это не повѣсть, гдѣ у автора, на каждое поясненіе — подъ рукою разсказъ, описаніе или разсужденіе. Въ драмѣ, чтобы поставить точку на каждое *i*, надо выводить иногда лишнія, побочныя лица, которыя запутываютъ и затемняютъ ходъ дѣйствія и связываютъ автора, который съ ними нянчится, нянчится, и не знаетъ, куда ихъ дѣвать.

Лучшая сторона творчества г-жи Одинской состоитъ въ рисовкѣ характеровъ. Лица ея полно очерчены, жизненны, и главное, просты, безъ всякихъ натяжекъ. Она умѣла придать имъ комизмъ, проистекающій не изъ особенностей характеровъ и такъ легко впадающій въ карриатуру,

но комизмъ истинный, чистый юморъ, берущій начало изъ внутреннихъ убѣжденій каждаго лица! Реноевъ превосходное олицетвореніе того, что у насъ часто называютъ *положительнымъ человекомъ*. Это одна изъ тѣхъ гибкихъ натуръ, которыя умѣютъ подчиниться каждому вліянію и способны многое вынести для достиженія корыстной цѣли; но въ ту минуту, когда ее достигли, съ необычайнымъ цинизмомъ скидаютъ свою маску и дерзко смѣются надъ всѣмъ, что называли прежде, при нуждѣ, своимъ убѣжденіемъ. Какадуловъ — лицо оригинальное, мастерски придуманное. Это существо, еще не вполне отрѣшившееся отъ духовнаго міра, но уже сильно поддающееся житейскому обольщенію. Онъ колеблется между семейнымъ счастіемъ и свѣтскимъ блескомъ, который ему можетъ доставить богатство; готовъ пуститься на подленькое дѣло, но хочется ему въ тоже время сохранить и сердечное спокойствіе; онъ проситъ жену покетничать съ Тумильскимъ, для приобрѣтенія наслѣдства, но ревность его раздражается въ тоже время каждымъ ея движеніемъ. Это самый забавный мученикъ корысти. Подростовъ—типъ провинціального льва, одно изъ тѣхъ микроскопическихъ самолюбіи, которыя такъ удачно умѣютъ толковать все въ свою пользу и такъ ловко уживаются съ маленькими житейскими неудобствами. Изъ женскихъ лицъ—характеръ Линаловой выполненъ мастерски. Это лицо прямо выхвачено изъ жизни. Старуха, которая претендуетъ на молодость и красоту — типъ слишкомъ обыкновенный, но Линалова свою претензію дѣлаетъ извинительной той неизсякаемой дѣятельностію, вслѣдствіе которой она становится какъ—будто неизбѣжнымъ рычагомъ окружающаго ее общества. Всеобщій другъ — безъ вызова на дружбу, непрощенная повѣренная чужихъ тайнъ, непризанная распорядительница въ каждомъ знакомомъ домѣ, она любопытна — по натурѣ, болтлива по легкомыслію, зла — изъ болтливости, смѣшна — по злости. Суетное воспитаніе отразилось въ ней и въ сорокъ пять лѣтъ, когда она все еще не можетъ разстаться съ ребяческими мечтами, но приобрѣла уже довольно опыта, чтобы среди увлеченій мечты не забывать и существенныхъ выгодъ и изъ каждаго положенія извлечь свою толику пользы. Неловкое ея вмѣшательство во всѣ дѣла очень хорошо запутываетъ узелъ дѣйствія и придаетъ ему жизнь. Характеръ этотъ отъ начала до конца выдержанъ прекрасно. Эльфская — простое, но милое существо. Авторъ очень хорошо сдѣлалъ, что въ сильныя патетическія минуты не далъ ей рѣзкихъ выходокъ. Свѣтская, благовоспитанная дѣвушка на нихъ неспособна, и самое положеніе ея въ эти минуты говоритъ гораздо краснорѣчивѣе всякихъ громкихъ фразъ. Какадулова вѣрно подмѣченная личность провинціальной кокетки, пустой, суетной и каприз-

ной. Даже побочныя лица, какъ напр. управитель [Мельтовой, ключница Агафья, съ претензіей выражаться отборными фразами, и гусаръ Зингерманъ — въ немногихъ чертахъ обрисованы очень типично.

Въ пьесѣ есть сцены высокаго комизма, которыя щиплютъ за сердца. Таковы всѣ сцены — мнимаго помѣщательства Мельтовой, сцена съ часами, похищенными Линяловой, сцена Какадулова съ Реноевымъ, въ четвертомъ актѣ. Отдавая, однакожъ, полную справедливость прекрасному таланту автора, мы не можемъ не замѣтить въ немъ неопытности сценической. Частые приходы и выходы лицъ, очень слабо обусловленные, иногда очень неловко прерываютъ нить дѣйствія. Но это ошибки — перваго опыта, которыя можно простить ради многихъ достоинствъ пьесы, которая, можетъ-быть, и не назначалась авторомъ для сцены.

На счетъ исполненія комедіи г-жи Одинской на сценѣ намъ придется сказать нѣсколько серьезныхъ словъ. Удивительно, какъ бѣлая часть нашихъ умнѣйшихъ и талантливейшихъ артистовъ — сразу не поняли слишкомъ ясныхъ и опредѣленныхъ характеровъ и не вникли въ намѣренія автора! Привычка-ли это къ легкимъ, и по бѣлой части утрированнымъ водевильнымъ очеркамъ, не требующимъ глубокой обдуманности, или не полное и внимательное знакомство съ цѣлымъ созданіемъ г-жи Одинской — рѣшить трудно. Но дѣло въ томъ, что главные роли, именно характеры самые выпуклые, самые *осязательные* — *handgreifliche* — какъ говорятъ нѣмцы, меньше всего удались на сценѣ. Г. Григорьевъ 1, всегда такъ находчивый, такъ ловко умѣющій замѣнять вдохновеніе таланта умомъ и опытностію, ничего не сдѣлалъ изъ роли Реноева, типа значительнаго и очень эффектнаго, по переходу отъ угодливости и ласкательства къ самовластію и дерзости. Эта роль исполнена тонкостей и требуетъ постоянной игры отъ артиста; каждое слово ея имѣетъ значеніе: это русскій Вурмъ или Варперъ. На сценѣ она прошла едва замѣтно. Г. Мартыновъ не такъ понялъ характеръ Какадулова. Какадуловъ — не старикъ, не карриатура и вовсе не смѣшенъ по своему характеру. Это человѣкъ лѣтъ 30 — который колеблется еще между увлеченіями молодости и требованіями зрѣлаго возраста. Онъ человѣкъ свѣтскій, приличный, даже нѣсколько утонченный, — корысть иногда выводитъ его изъ обычной колеи хладнокровія, но онъ тотчасъ же умѣряетъ свои порывы подъ маскою свѣтскости. У г. Мартынова порывы эти выходили немножко грубоваты, сарказмъ замѣнялся желчностью, и вообще лицо это, и въ домашней жизни, и въ свѣтскихъ сношеніяхъ, являлось какимъ-то брюзгою, старикомъ карриатурнымъ. Въ этой ро-

ли авторъ ничѣмъ не пожертвовалъ внѣшности, это характеръ концентрированный, г. Мартыновъ, напротивъ, не развилъ въ немъ ничего внутреннаго и всю игру свою основалъ на одной внѣшности. Такъ, напримеръ, затаенная ревность Какадулова, которую онъ стыдится обнаружить, и которая между тѣмъ безпрестанно, противъ воли его, проглядываетъ, вовсе и ничѣмъ не была выражена артистомъ. А это одна изъ главныхъ чертъ этой личности. Г-жа Сосницкая, чрезвычайно даровитая и умная—на сценѣ—актриса, также пересоздала характеръ Линяловой *по своему*. Она сыграла роль прекрасно, но тутъ было слишкомъ много излишествъ и слишкомъ мало типическаго. Эта старуха Линялова очень походила на старуху тетку въ «Житейской школѣ». Мы уже сказали, что отличительная черта этой женщины — легкомысліе, доходящее до дѣтства. По легкомыслію она болтлива и зла — но въ душѣ это добрѣйшее и пустѣйшее существо. Она говоритъ скоро, потому—что говорить необдуманно и много; она безпрестанно попадаетъ въ просакъ — потому—что быстра въ движеніяхъ и дѣйствіяхъ. Въ игрѣ г-жи Сосницкой этой быстроты вовсе не было замѣтно, и потому весь характеръ Линяловой принялъ совершенно другое значеніе. Три роли въ пьесѣ были выполнены прекрасно. Г-жа Орлова превосходно поняла и передала характеръ Какадуловой; г-жа Читау очень прилично и мѣстами энергически выполнила роль Эльфской и г. Марковецкій былъ прекрасенъ въ небольшой роли Подростова. Такимъ образомъ, эти второстепенныя лица въ драмѣ выступили рѣзко на первый планъ и сосредоточили на себѣ вниманіе и участіе зрителей, въ ущербъ главныхъ лицъ. Разумѣется, что при такихъ обстоятельствахъ комедія должна была много утратить во внутреннемъ своемъ значеніи. Не смотря на то, она увѣнчалась успѣхомъ, и многія лица были вызваны.

Дамская война. Комедія въ трехъ дѣйствіяхъ *Евгенія Скриба*, переводъ *В. П. Попова*.

Поцѣлуй домового. Комедія въ одномъ дѣйствіи.

Выдалъ дочку за—мужъ! Водовиль, передѣланный съ французскаго *П. С. Оедоровымъ*.

Дивертисманъ.

(*Бенефисъ г-жи Орловой.*)

Кто что ни говори, а построить интригу ни на-чемъ, зашутать узлы, заманить интересъ зрителя, завладѣть всею его вниманіемъ, и потомъ поразить его неожиданностію,—другаго мастера, подобнаго Скрибу, нѣтъ и nebudeтъ! Это неистощимый геній на сценическія выдумки, и если онъ не всегда проводитъ въ пьесѣ своей нравственную или практическую идею, такъ зато всегда занимателенъ, остроуменъ и умѣетъ правиться благородствомъ дѣйствія, изяществомъ языка и новостью положеній и контрастовъ. «Дамская война» его — комедія интриги, съ содержаніемъ весьма не богатымъ, но каждая ея сцена можетъ назваться образцовой. Сколько ума, ловкости, оборотливости въ этой занимательной

путаницѣ! Два женскіе характера, въ ней выведенные, прекрасно созданные образы, которые невольно возбуждаютъ къ себѣ участие и, несмотря на легкость очертацій, заключаютъ глубокое знаніе сердца человѣческаго.

Содержаніе комедіи нашимъ читателямъ давно извѣстно, потому что она въ прошломъ годѣ была помѣщена въ «Пантеонѣ», поэтому мы ограничимся только замѣчаніемъ, что она очень удовлетворительно была исполнена на нашей сценѣ. Пальма первенства принадлежитъ въ этомъ случаѣ самой бенефицианткѣ, которая занимала роль графини д'Отерваль и выполнила ее съ большимъ искусствомъ. Видно, что все было ею продумано и прочувствовано. Г-жа Читау, въ роли Леони, обнаружила замѣчательный талантъ, много впечатлительности и энергіи. Были мѣста, которыя она выразила превосходно. Вообще въ игрѣ ея видѣнъ умъ и замѣтно много непритворной наивности. Если побольше значительныхъ ролей выпадетъ на долю ея молодого и еще не совсемъ опытного таланта, она современемъ будетъ замѣчательною артисткою на нашей сценѣ. Опытность пріобрѣтается навыкомъ. Хотя роль Густава де-Гриньона лежитъ совершенно внѣ ампула г. Мартынова, однако у него были, особливо въ послѣднемъ дѣйствіи, минуты высокаго комизма, которыя заслужили ему всеобщія рукоплесканія. Надо отдать также полную справедливость г. Смирнову 2: онъ велъ трудную роль Флавиньоля съ благородствомъ и сознаніемъ, а сцена, гдѣ онъ разсказываетъ о встрѣчѣ съ своимъ несчастнымъ генераломъ, была передана съ жаромъ и увлеченіемъ, достойными всякой похвалы.

Пьеса имѣла заслуженный успѣхъ.

Поцѣлуй домового—такая пьеса, въ которой очень трудно добратъся до здраваго смысла. Молодой человѣкъ, влюбленный во вдову, хочетъ возбудить въ ней любовь тѣмъ, что представляется ей подъ видомъ своего дяди, старика-доктора, и когда этотъ способъ не удается—онъ является въ своемъ собственномъ видѣ и, какъ водится, женится. Вотъ и все! Игра не стоить свѣчь.

Выдалъ дочку за-мужъ! очень забавная пьеска, прекрасно передѣланная на русскій ладъ г. Федоровымъ. Мы прилагаемъ ее цѣликомъ въ № 10 *Репертуара* и потому содержанія ея не рассказываемъ. Гг. Мартыновъ, Марковецкій и г-жи Левкѣва и Сосницкая—своей естественной игрою много способствовали ея успѣху.

Дивертисманъ, составленный г-жею Орловой, былъ очень разнообразенъ и занимателенъ. Въ особенности, она сама прекрасно прочла сказку Пушкина «о Рыбакѣ и Золотой рыбкѣ», хотя подобный рассказъ заключаетъ въ себѣ очень мало данныхъ, въ которыхъ могъ бы съ блескомъ обнаружиться сценическій талантъ актрисы. Сценическій артистъ тогда только является въ настоящемъ своемъ свѣтѣ, когда высказываетъ движенія собственной своей души, а не чуждыя ему событія и обстоятельства.

Три *живыя картины* къ сказкѣ Пушкина, поставленные декораторомъ Сѣрковымъ, очень хороши и эффектно освѣщены.

О. К.

ОБОЗРѢНІЕ ИНОСТРАННЫХЪ ТЕАТРОВЪ.

Франція.

ПИСЬМО ИЗЪ ПАРИЖА отъ 1/13-го октября.

Съ 1848 года, передъ каждымъ наступленіемъ зимняго сезона повторяется здѣсь вопросъ, весьма важный и интересный для почитателей драматическаго искусства вообще и дилетантовъ итальянской музыки въ особенности, — а кто въ Парижѣ не ставитъ себѣ въ обязанность быть и тѣмъ, и другимъ, хотя бы всѣ драматическія и музыкальныя наслажденія его ограничивались театрами третьей руки? И говорить не нужно, что этотъ вопросъ касается существованія Итальянской Оперы. И въ-самомъ-дѣлѣ, есть надъ чѣмъ призадуматься! На этомъ несчастномъ театрѣ словно лежитъ какое проклятіе: Сколько уже потерпѣлъ онъ бѣдствій и крушеній въ эти немногіе годы! Сколько обмануль надеждъ, и сколько убилъ импрессаріевъ, вызывавшихся снова поставить его на ноги! Въ прошломъ году, когда взялся за это дѣло знаменитѣйшій изъ антрепренеровъ и аферистовъ нашего времени, Лумлей, всѣ сердца ожили и забились надеждою; и въ-самомъ-дѣлѣ, какое можетъ-быть лучшее средство противъ атрофіи всякаго торговаго учрежденія, слѣдовательно и театра, какъ не приливъ достаточнаго количества живительной золотой влаги? а про г. Лумлея ходила молва, что онъ ворочаль милліонами! Къ-несчастью, этихъ милліоновъ оказалось гораздо больше въ газетныхъ объявленіяхъ, чѣмъ въ кассѣ импрессаріо, и г. Лумлей, кажется, взялъ дирекцію Итальянской Оперы въ Парижѣ для того только, чтобы этою спекуляціею поддержать свой кредитъ и свои дѣла въ Лондонѣ. Но его ожиданія были обмануты точно такъ-

же, какъ ожиданія парижской публики. Здѣшняя опера не поддержала его лондонскихъ дѣлъ, и вамъ, безъ сомнѣнія, уже извѣстно, что онъ едва дотянулъ до послѣднихъ представленій, и объявилъ себя не въ состояніи продолжать свое предпріятіе на будущей сезонъ; а будетъ ли въ состояніи удержать за собою парижскую оперу, еще положительнаго неизвѣстно. Однако почитатели его великихъ административныхъ способностей еще не отчаяваются; они увѣрены, что съ тою помощью, которую обѣщали г. Лумлею его знатные англійскіе покровители, ему нетрудно будетъ въ нѣсколько мѣсяцевъ поправить свои дѣла и воротить убитые милліоны; но они не разсудили объ одномъ: какъ ни расположена къ нему англійская знать, а едва ли она позволитъ ему употребить на парижскій театръ деньги, жертвуемыя ею для поддержанія итальянской оперы въ Лондонѣ. Какъ бы то ни было, а Итальянская Опера покуда еще не открывается, хотя по условіямъ привилегіи должна бы открыться къ первому октябрю. Г. Лумлей исходатайствовалъ себѣ отсрочку до 1-го ноября, обѣщая къ тому времени приготовить необходимыя средства. Между-тѣмъ уже отыскались охотники, въ числѣ пяти или шести человекъ, на наслѣдство знаменитаго антрепренера; нѣкоторые даже подали уже прошенія министру внутреннихъ дѣлъ, на случай несостоятельности Лумлея, и ждутъ, что скажетъ 1-е ноября. Съ своей стороны и Лумлей еще не теряетъ, или, по-крайней-мѣрѣ, показываетъ видъ, что не теряетъ надежды; и отъ времени до времени выпускаетъ въ свѣтъ великолѣпныя объявленія о знаменитыхъ артистахъ, которыхъ онъ уже ангажировалъ для наступающаго сезона, а въ числѣ ихъ на первомъ мѣстѣ красуется имя Лаблаша, между-тѣмъ какъ намъ положительно извѣстно, что Лаблашъ давно уже въ Петербургѣ.

Предоставляя себѣ въ будущемъ письмѣ сообщить вамъ о дальнейшей судьбѣ Итальянской Оперы, если только она къ тому времени будетъ рѣшена, перейдемъ теперь къ другимъ театрамъ, и посмотримъ, какъ они встрѣчаютъ зимній сезонъ.

Въ-половинѣ сентября начались представленія на театрахъ Национальной Оперы (нынѣ называющемся Лирическимъ Театромъ) и Одеона, которымъ предоставлено право закрываться на лѣтніе мѣсяцы. Оба театра, по заведенному обычаю, запаслись къ этому случаю капитальными новостями.

Помня назначеніе Лирическаго Театра, быть разсадникомъ юныхъ композиторовъ, сценою, на которой они могли бы испытывать свои силы и учиться прилагать къ практикѣ знанія, почерпнутыя въ Консерваторіи, многіе ожидали, что если онъ въ эти три мѣсяца

и не откроетъ какого-нибудь неизвѣстнаго таланта, то, по-крайней-мѣрѣ, честь открытія его втораго сезона будетъ принадлежать одному изъ молодыхъ художниковъ, появившихся въ послѣдніе годы. Въмѣсто того, Лирическій Театръ подарилъ публику новымъ произведеніемъ Адольфа Адана, композитора уже не молодаго, извѣстнаго не только Парижу, но и всей Европѣ, и слѣдовательно, вовсе не нуждающагося въ поощреніи. Странно было бы сѣтовать на оперный театръ за то, что онъ даетъ произведенія г. Адана, всегда милыя, изящныя и свѣжія, хотя и не отличающіяся ни большою оригинальностью, ни глубиною мыслей. Но нельзя не упомянуть мимоходомъ объ этомъ отступленіи отъ предписанной театру программы, отступленіи, на которое театръ имѣетъ самыя основательныя причины, и которое доказываетъ только несбыточность даннаго ему назначенія. Новая опера г. Адана называется «Si j'étais roi!» (*Когда-бъ я былъ король!*). Гг. Деннери и Бреси заимствовали свое либретто, съ нѣкоторыми измѣненіями, изъ «Тысячи одной ночи», или какого-то другаго собранія восточныхъ сказокъ. Рыбакъ Зефорисъ спасъ тонувшую королеву Немею, и прежде, чѣмъ она успѣла очнуться, скрылся, наградивъ себя перстнемъ Само-собою разумѣется, что, по оперному порядку вещей, спаситель тотчасъ влюбился въ спасенную, а спасенная поклялась, что сердце ея будетъ принадлежать спасителю, котораго она не видала. Это рѣшеніе королевы очень непріятно принцу Кадору, который самъ имѣетъ притязанія на руку прекрасной Немей, равно—какъ и на престолъ ея отца, властителя какого-то племени въ Остиндіи. Для достиженія послѣдней цѣли, Кадоръ вступилъ въ сношенія съ португальскою флотиліею, крейсирующею у остиндскихъ береговъ, пользуясь для того простотою рыбака Пифеара, жениха Зефорисовой сестры, Зелиды. Хитрому Кадору очень нетрудно вывѣдать тайну Зефориса, запугать его, чтобы заставить молчать, и потомъ приписать себѣ передъ королевною подвигъ рыбака. Прекрасная Немея будетъ принадлежать Кадору, хотя въ душѣ жалѣетъ о своемъ необдуманномъ обѣщаніи. Между-тѣмъ, Зефорисъ, узнавъ, что предметъ его любви—королевская дочь, приходитъ въ отчаяніе, рветъ на себѣ волосы съ досады, и измаявшись горестью, засыпаетъ; но передъ тѣмъ написалъ на песокѣ четыре слова: «Когда-бъ я былъ король!» По игрѣ случая, весьма обыкновенной въ оперѣ, король въ это время прогуливается съ дочерью по морскому берегу, и увидѣвъ спящаго рыбака и написанное имъ на песокѣ желаніе, рѣшается потѣшиться надъ честолюбивымъ бѣднякомъ. Во второмъ дѣйствіи Зефорисъ просыпается во дворцѣ, и дѣйствуетъ королевскою властію. Узнавъ, что кто-то изъ

приближенныхъ къ королю вельможъ имѣеть сношенія съ Португальцами, и подозрѣвая измѣнника, онъ спѣшитъ оградить столицу, призвавъ назадъ войско удаленное Кадоромъ. Такія дѣйствія, конечно, очень не нравятся Кадору, а еще менѣе то, что Зефорисъ, встрѣтивъ случайно Немею, открылся ей, что онъ спасъ ее отъ смерти. Между тѣмъ наступилъ срокъ король подноситъ ему кубокъ, отъ котораго онъ засыпаетъ, и его соннаго переносятъ въ его хижину. Въ третьемъ дѣйствіи мы видимъ тщетныя усилія его сестры и друзей разувѣрить его въ честолюбивой мечтѣ; онъ не прежде можетъ понять истину, какъ когда предатель Кадоръ приходитъ возвѣстить ему, что онъ приговоренъ къ смерти, и что король уже утвердилъ приговоръ. Но доброе дѣло, начатое рыбакомъ въ кратковременное его царствованіе не остается безъ послѣдствія. Португальцы, союзники Кадора, дѣлаютъ высадку; но войско, вызванное временнымъ правителемъ, отражаетъ враговъ и спасаетъ царство. Благодарный король отдаетъ Зефорису руку прекрасной Немеи; Затѣмъ триумфальный маршъ, радостный хоръ, великолѣпный спектакль, и прочая.

Новая партитура г. Адана, соединяя въ себѣ все достоинства и недостатки, свойственныя этому композитору, принадлежитъ къ лучшимъ его произведеніямъ. Игривая, свѣжая, не слишкомъ разнообразная мелодія; оркестровка безъ особенной оригинальности, но ловкая и изящная; наконецъ, въ нѣкоторыхъ нумерахъ та мѣлющая, сладострастная нѣга, которою отличаются балеты г. Адана: вотъ характеристика его новой оперы.

За недостаткомъ разнообразнаго репертуара, Лирической Театръ придумалъ другое средство разнообразить свои представленія, опера г. Адана разучена вдвойнѣ, двумя труппами, которыя исполняютъ ее поочередно; и должно отдать справедливость молодымъ артистамъ этого театра, что обѣ труппы наперерывъ стараются выкупить бѣдность репертуара совершенствомъ исполненія; и трудно рѣшить, которой изъ нихъ принадлежитъ побѣда въ этомъ состязаніи. Не мѣшало бы хорамъ, и особенно оркестру, брать примѣръ съ пѣвцовъ, потому-что они непростительно слабы, чтобы не сказать плохи.

Въ Большой Оперѣ возобновлены, подъ именемъ «*Иерусалима*», «*Lombardi nella prima sciociata*» Верди. Кумиру Италіи что-то не везетъ въ Парижѣ; до-сихъ-поръ ни одна изъ его оперъ не имѣла замѣчательнаго успѣха на французской сценѣ. Не принадлежа къ отчаяннымъ вердистамъ, но признавая въ Верди, при многихъ и большихъ недостаткахъ, замѣчательный и самостоятельный талантъ, я не могу не замѣтить, что здѣшняя публика не отдаетъ ему должной спра-

ведливости. Въ отношеніи «*Иерусалима*», это можно, пожалуй, объяснить отчасти тѣмъ, что хоры составляютъ лучшую часть этой партитуры, а Большая Опера, имѣя превосходныхъ солистовъ, не можетъ похвастать своими хорами.

Въ послѣднемъ письмѣ, я говорилъ уже объ исправленномъ и усовершенствованномъ Гётевомъ «*Клавиго*», которымъ театръ Одеона обѣщаль открытъ свои представленія. Эта пьеса явилаея и—противъ всѣхъ ожиданій исправителя и усовершенствователя, г. Галопъ-д'Онкера, и несмотря на придуманные имъ драматическіе эффекты,—успѣхъ ея былъ такъ слабъ, что почти можетъ равняться учтивому фіаско. Впрочемъ, у г. Галопъ д'Онкера, вѣроятно, найдется пріятель, который будетъ словесно и печатно доказывать, что тутъ кругомъ виноватъ Гёте, и что никакая его пьеса не можетъ имѣть успѣха въ Парижѣ, не соотвѣтствуя высшимъ эстетическимъ требованіямъ французской сцены!

Вмѣстѣ съ «*Марією Бомаршѣ*», такъ называется жалкая передѣлка г. Галопъ-д'Онкера, — шла комедія въ трехъ дѣйствіяхъ гг. Лефранка и Бернара Лопеса «*Безприданницы*» (*Les filles sans dot*). Мысль этой пьесы очень дѣльная и найдетъ себѣ приложеніе не въ одномъ Парижѣ: авторы предложили себѣ задачею представить то неловкое, ненормальное и даже опасное положеніе, въ которое поставлена женщина, получившая воспитаніе, несоотвѣтствующее ея состоянію и вѣроятнымъ условіямъ ея семейной жизни. Для этого они избрали трехъ пансіонерокъ, которыя, окончивъ курсъ ученія, на прощаніи рассказываютъ другъ-другу свои завѣтныя мечты и желанія. Зою, дѣвушка мечтательная и талантливая, видящая свѣтъ сквозь обманчивую призму романовъ, которыми набита ея головка, желаетъ мужа молодаго, красавца, романическаго, какъ она, свѣтскаго, а главное — очень богатаго, напримѣръ мосье Серизоля, который промоталъ все отцовское наслѣдство, и выжидаетъ только смерти дяди, чтобъ вторично приняться за такую же продѣлку. Серизоль клянется, что любитъ Зою; почему ей не вѣрить его клятвамъ? Мечты Клариссы нетакъ заветны; она готова довольствоваться рукою мебельнаго мастера Тьерри; онъ все свое знаніе приобрѣлъ за верстакомъ и стругомъ, и сфера его идей никогда не переходила за порогъ мастерской, но Кларисса уважаетъ его, зная, что онъ человѣкъ разсудительный и честный, и искренно любитъ ее, хотя не умѣетъ высказать своей любви въ хитросплетенныхъ фразахъ. Жанна Морель не мечтаетъ, подобно Зоѣ, но и не соединитъ своей судьбы, подобно Клариссѣ, съ судьбою человѣка, который не будетъ

въ состояніи понимать ее; она лучше вѣкъ просидитъ въ старыхъ дѣвахъ. Черезъ годъ три пріятельницы опять встрѣчаются. Кларисса вышла за Тьерри, и несчастна: ея блестящее воспитаніе и утонченныя вкусы безпрестанно сталкиваются непріятно съ невѣжествомъ и грубостью ея мужа. Золя — называется синьорою Миранда, и живетъ въ славѣ и роскоши: она модная примадонна. Видя страданія одной и двусмысленное существованіе другой, Жанна радуется, что она поступила просто мастерицею въ магазинъ. Она не соблазняется ни любовью ремесленника Сиприена, хотя искренно уважаетъ его, ни блестящими предложеніями Серизоля, который, бросивъ прежній предметъ своей любви, Зою, теперь съ такимъ же жаромъ клянется въ любви подругѣ ея, и обѣщаетъ ей и руку и будущее свое богатство. Можетъ-быть, неопытность дѣвушки и вовлекла бы ее въ сѣти вертопраха, еслибъ не было у нея таинственнаго хранителя, который не спускаетъ съ нея глазъ съ самаго выхода ея изъ пансіона. Это мосье Бенуа, дядя Серизоля. Онъ открываетъ Жаннѣ глаза на счетъ своего дорогаго племянничка, и чтобы лучше оградить ее отъ будущихъ преслѣдованій, женится на ней; племянничка же посылаетъ въ Африку — образумиться.

На театрѣ Драматической Гимназіи поставлено новое прелестное произведеніе г-жи Сандъ, которая, кажется, совершенно посвятила себя театру. Три года тому назадъ, когда на сценѣ Одеона явился «François le Champi», публика была поражена простотою дѣйствія и пружинъ, возвышенностью чувствъ при такой ихъ естественности и неизысканности; она почти не вѣрила успѣху пьесы, потому-что ей было слишкомъ ново и странно видѣть на театрѣ произведеніе, которое, вовсе не гонясь за сильными эффектами, оставляло въ зрителяхъ такое глубокое впечатлѣніе; она не постигала, чѣмъ могла такая незатѣйливая интрижка такъ заинтересовать и увлечь ее. Причина тому, однако, самая простая. Г-жа Сандъ умѣетъ подмѣчать и передавать въ художественныхъ формахъ движенія сердца, которыя обращаются прямо къ сердцу зрителей; ея драмы выхвачены изъ дѣйствительной жизни сердца и прочувствованы самимъ авторомъ. Въ особенности она обладаетъ однимъ неоцѣнимымъ качествомъ, которое проявляется въ каждомъ ея произведеніи: это способность идеализировать дѣйствительность, не лишая ее естественности. Г-жа Сандъ не возноситъ своихъ героевъ на облака, чтобъ озарить ихъ лучами солнца; она разливаетъ на нихъ потокъ поэзіи и свѣта, но оставляетъ ихъ на землѣ. Ихъ нельзя назвать дѣтьми ея фантазіи; нѣтъ, они живыя существа, какихъ

много вокруг насъ, и потому-то всѣ ихъ чувства истинны и пробуждаютъ отголосокъ въ сродныхъ струнахъ нашего сердца.

Эти свойства сохранила она и въ повой своей комедіи «Le déshonneur du foyer» (*Бъсенокъ*), хотя, можетъ быть, и не въ такой степени, какъ въ нѣкоторыхъ изъ прежнихъ ея произведеній. Вотъ содержаніе пьесы. Маэстро Санторелли, импрессарио миланскаго театра, много лѣтъ назадъ, принявъ на свое попеченіе трехъ сиротокъ, которыхъ завѣщала ему ихъ умирающая мать. Съ-тѣхъ-поръ онъ воспиталъ ихъ, какъ родныхъ дѣтей. Старшая, Нина, кроткая, преданная, великодушная, посвятила себя младшимъ сестрамъ, и замѣняетъ имъ мать. Вторая, Камилла, великая артистка, съ высокою и любящею душою, но скромная и простая. Меньшая, Флора, баловень всего семейства, красавица и кокетка, привыкшая всѣмъ повелѣвать и быть кумиромъ всѣхъ и cadaго. Такимъ-образомъ, хотя добрая въ душѣ, она стала требовательна, самолюбива, самовластна и завистлива; успѣхи сестры колятъ ей глазъ, потому-что у самой не хватаетъ твердости воли и прилежанія, чтобы развить свои способности. Зависть ея особенно усиливается, когда въ домъ Санторелли является его другъ, молодой маркизъ Паолино. Флора старается завлечь его въ свои сѣти, увѣривъ его, что она та артистка, которая такъ обворожила его своимъ чуднымъ голосомъ и талантомъ. Но торжество ея непродолжительно; маркизу стѣдуетъ только увидѣть скромное и кроткое, но вдохновенное лицо Камиллы, чтобы раскрыть обманъ ея сестры. Къ прежнимъ чувствамъ, въ сердцѣ Флоры присоединяются досада и ревность, потому-что она была неравнодушна къ любви, которую Паолино оказывалъ ей по ошибкѣ, принимая ее за Камиллу. Въ это время одинъ меценатъ предлагаетъ ей ѣхать съ нимъ въ Геную, гдѣ онъ обѣщаетъ доставить ей ангажментъ на театрѣ Санъ-Карло. Дѣвушка, ослѣпленная досадою и ревностью, соглашается. Но едва бѣглянка пріѣхала въ Геную, какъ къ покровителю является маркизъ Паолино, требовать возвращенія Флоры отъ имени ея семейства. Меценатъ, разумѣется, видя настойчивость маркиза, отказывается на отрѣзъ, и соглашается даже съ нимъ драться, хотя онъ вовсе по охотникъ до дуэлей. Между-тѣмъ, какъ Паолино подвергаетъ жизнь опасности за сестру своей возлюбленной, Камилла, а вслѣдъ за нею Нина и самъ Санторелли пріѣзжаютъ образумить Флору. Сначала Флора встрѣчаетъ сестру сухо и холодно; но потомъ тронутая ея горестью, ласками и убѣжденіями, соглашается возвратиться въ родной домъ, съ тѣмъ однако-же, чтобы Камилла отказалась отъ любви маркиза. Бѣдная сестра готова

даже на эту тяжелую жертву, и когда маркизъ возвращается, раненый, и предлагаетъ ей свою руку и богатство, она съ отчаяніемъ, но съ твердостью отказывается ему. Однако сердце Флоры не до того еще очерствѣло, чтобы не быть способнымъ постигать любовь и самоотверженіе ея родныхъ; понимая всю преступность своихъ поступковъ, она проситъ прошенія у сестры и у своего благодѣтеля, и сама приводитъ опять маркиза къ его невѣстѣ.

Эта пьеска, превосходно разыгранная и имѣвшая большой успѣхъ, хотя, по справедливости, нельзя причислить ее къ лучшимъ произведеніямъ г-жи Сандъ, возбудила живую перестрѣлку, почти даже перепианку, между авторомъ и нѣкоторыми журналистами. Г-жа Сандъ имѣла неосторожность вложить въ уста мецената нѣсколько несовѣтливыхъ, даже рѣзкихъ словъ, насчетъ журналистовъ и директоровъ. Известно, что журналисты народъ обидчивый; они любятъ гарцовать на счетъ ближняго, но не терпятъ, чтобы ихъ затрогивали самихъ. Г. Жюль Леконтъ, редакторъ газеты *L'Indépendance Belge*, съчелъ обязанностію возстать въ защиту своей братьи, и нанечаталъ очень обидное письмо къ г-жѣ Сандъ, задѣвая безъ пощады, не только послѣднюю ея комедію, но и всю ея литературную дѣятельность вообще, и даже отчасти ея частную жизнь. Нельзя же было требовать, чтобы женщина и писательница оставила этотъ вызовъ безъ возраженія. Нѣсколько дней спустя, явился въ газетахъ отвѣтъ г-жи Сандъ, въ которомъ она, отрекаясь отъ приписываемой ей умысла позлословить на счетъ журналистовъ, — въ этомъ отношеніи можно и не повѣрить ей на слово, — въ тоже время доказываетъ г. Леконту, въ предательски-вѣжливыхъ выраженіяхъ, во-первыхъ, что онъ невѣжа и не знаетъ приличій, а во-вторыхъ, что онъ, если и умѣетъ читать, то ужъ вовсе не понимаетъ того, что читаетъ. Г. Леконтъ началъ было огрызаться, но какъ г-жа Сандъ не удостоила его втораго письма отвѣтомъ, то, вѣроятно, перепианка на этомъ и остановится.

Но оставимъ журнальныя перестрѣлки, и будемъ продолжать нашъ смотръ по выимъ пьесамъ.

На Театрѣ Разнообразія явилась, послѣ долгихъ ожиданій и сомнѣній и многихъ урѣзковъ, передѣлокъ и исправленій, пьеса, обѣщанная еще съ прошлаго года. Это водевиль гг. Делакура и Ламбера Тибу, первоначально называвшійся *«Латинскимъ кварталомъ»*, потомъ *«Студентами»*, а теперь окончательно получившій названіе *«Воспоминаній молодости»*. Это живая и остромная картина жизни, проказъ и продѣлокъ молодежи, которая ежегодно толпами

приѣзжаетъ по желѣзнымъ дорогамъ, или въ дилижансахъ, или просто приходитъ на своей парѣ, съ котомкою за спиною, изъ глуши провинцій въ Парижъ, для окончанія своего образованія. Рядомъ съ книжнымъ ученіемъ идетъ тутъ другое ученіе, почерпаемое непосредственно изъ опыта и жизни. Не мое дѣло разсуждать о вредѣ и пользѣ этого втораго ученія, о томъ, нужно ли или ненужно юношѣ окунуться въ столичный омутъ, прежде, чѣмъ онъ дѣйствительно вступитъ на поприще общественной жизни. Да и едва ли можно рѣшать этотъ вопросъ а priori! все тутъ зависитъ отъ индивидуальности каждаго. Иной потратитъ въ этой школѣ болѣе, чѣмъ приобрѣтетъ, можетъ—быть, даже убѣтъ всю свою будущность. Большая часть окончивъ ученіе книжное, вмѣстѣ съ тѣмъ стряхнуть съ себя и эту житейскую школу, и только результаты ея, въ видѣ воспоминаній занесетъ въ итогъ своего опыта. Есть опять и такія существа, — но они рѣдки, — для которыхъ самая жизнь начинается вмѣстѣ съ школою. Къ такимъ существамъ принадлежитъ герой разбираемой пьесы. На первыхъ порахъ своего разгула, Поль встрѣтилъ дѣвушку, которая внушила ему глубокое и искреннее уваженіе, и его юношеская блажь обратилась въ истинную, чистую любовь. Ноэмія вовсе непохожа на тѣхъ женщинъ, которыхъ Поль видалъ до того времени: она такъ чиста, такъ невинна и возвышенна, что онъ любитъ ее нѣсколько нѣжнѣе, но такъ же чисто и безкорыстно, какъ братъ можетъ любить сестру; она его совѣтница во всемъ, и онъ, какъ ребенокъ, покоряется ея наставленіямъ, чувствуя, что она не можетъ дать ему дурнаго совѣта. За то, шесть лѣтъ спустя, когда товарищи Поля, остепенившись, давно забыли свои юношескія страсти, образъ Ноэмии все такъ же живъ въ его душѣ; и онъ долго искалъ ее, чтобы предложить ей свою руку и состояніе. Наконецъ, онъ встрѣчаетъ ее неожиданно, и уже не простою швейкою, какъ прежде, а въ домѣ одного почтеннаго чловѣка, мосье Морисье, который называетъ ее племянницею. Конецъ угадывается самъ собою: Поль женится на предметѣ своей давнишней любви. Вторая часть пьесы, то—есть четвертое дѣйствіе, какъ вы видите, немножко отзывается сантиментальностью и выходитъ довольно слабо; но первыя три дѣйствія полны жизни, одушевленія, юмора и неподдѣльнаго чувства.

Новости Водевиля не представляютъ ничего интереснаго: три пьесы, одна избитѣе и пошлѣе другой: «Бурная ночь» (Une nuit orageuse), водевилъ гг. Дартуа и Адена, — старая сказка о томъ, какъ молодой чловѣкъ, рѣшившійся остепениться и жениться, вынуж-

даетъ согласіе отца избранной своей невѣсты, разными хитростями. Этотъ водевиль, по крайней-мѣрѣ, смѣшонъ и выслушивается безъ скуки, чего нельзя сказать о двухъ остальныхъ: о «Хорошенькой мельничихѣ» гг. Лери и Терно, и о «Первой любви» гг. Бризбара и Куальяка. Въ первомъ смышленная мельничиха дурачить деревенскаго волокиту, который взвелъ на нее небылицу, чтобы укрыть предметъ своего обожанія. Она требуетъ отъ него, чтобы онъ на ней женился, объявляя на отрѣзъ, что любитъ другаго; и тѣмъ заставляетъ негодая передъ всѣмъ міромъ сознаться въ своей клеветѣ. Второй водевиль есть безцвѣтная, жалкая и скучная копія съ комедіи г. Мери, играющей на Французскомъ театрѣ.

На театрѣ Веселости, гг. Кормонъ и Лорансенъ поставили драму въ восьми картинахъ, подъ затѣплымъ названіемъ Paris qui pleure et Paris qui rit, въ которой сорокъ съ чѣмъ-то дѣйствующихъ лицъ. Для охотниковъ до великолѣпныхъ и трескучихъ спектаклей эта пьеса находка. Авторы хотѣли представить обширную картину парижской жизни, ея радостей и печалей, однимъ-словомъ Парижъ въ слезахъ и Парижъ въ его весельи. Для этого они нагромодили въ нее всего: тутъ есть любовь счастливая и несчастная, двѣ свадьбы, кладбище и похороны, пирушки у ресторановъ, великосвѣтскіе балы и мѣщанскія вечеринки, пожаръ, долговая тюрьма и домъ сумасшедшихъ. Герои подобраны изъ всѣхъ классовъ. Одно не докопаетесь въ этой пестрой картинѣ — смысла. По-крайней-мѣрѣ, я, при всемъ своемъ желаніи донскаться его, принужденъ былъ отказаться отъ этого подвига. Этимъ смиреннымъ сознаніемъ своего безсилія заключаю свою лѣтопись за этотъ мѣсяць.

Ап. Бонавентура.

СМЪСЬ.

ПОНТОНЫ.

Разказы Луи Гарнере.

I.

Прослуживъ около двѣнадцати лѣтъ подъ командою извѣстнѣйшихъ корсаровъ прошедшаго столѣтїя, Гарнере попался однажды въ плѣнъ къ англичанамъ, которые отправили его на понтоны. Вотъ какъ онъ описываетъ свой плѣнъ:

Послѣ шестинедѣльнаго перехода, корабль, на которомъ насъ отправили въ Англію, пришелъ на портсмутскій рейдъ. На другой же день, 15 мая 1806 года, меня перевезли, съ нѣкоторыми изъ товарищей моего плѣна, на понтонъ *Протей*.

Понтономъ, какъ всѣмъ извѣстно, называется старый двухъ или трехдечный корабль, безъ мачтъ, помощію толстыхъ канатовъ поставленный совершенно неподвижно, какъ каменное зданіе.

Я помню до-сихъ-поръ тягостное чувство, овладѣвшее мною при взглядѣ на *Протей*. Стоя въ рѣкѣ, рядомъ съ восьмью другими пловучими темницами, онъ казался намъ гробомъ.

Съ отчаяніемъ въ сердцѣ я глядѣлъ на эту мрачную могилу, гдѣ готовились погребсти меня живаго, гдѣ должна была протечь моя молодость. Мое воображеніе приподнимало толстыя деревянныя стѣны и показывало мнѣ грустныя, исхудалыя лица несчастныхъ узниковъ; но увы! въ-послѣдствїи я убѣдился, что воображеніе мое было еще далеко отъ истины.

Трудно передать то ужасное ощущеніе, когда, пройдя между двумя рядами солдатъ по верхней палубѣ, мы вдругъ очутились среди обитателей понтона.

Представьте себѣ цѣлое поколѣніе мертвецовъ, на минуту вышедшихъ изъ могилъ, съ впалыми глазами, потухшимъ румянцемъ, сгорбленною спиною, небритою бородою, едва прикрытые лохмотьями, висѣвшими кусками на исхудавшемъ тѣлѣ, и вы будете имѣть слабое понятіе о томъ зрѣлищѣ, которое представляли собою мои товарищи.

Едва я успѣлъ ступить на палубу какъ сторожа бросились на меня, сорвали съ меня платье, облили холодною водою, и надѣли на меня рубаху, панталоны и жилетъ темно-желтаго цвѣта. Панталоны едва прикрывали мнѣ колѣни, а жилетъ не сходился на груди. На нихъ, черною краскою нарисованы были буквы *T.* и *O.*, означавшіе *Transport-Office* *. Послѣ этого, насъ поочередно переписали, и каждому отвели мѣсто: меня назначили въ батарейную палубу.

Мѣсто, гдѣ только иногда позволяли плѣннымъ дышать чистымъ воздухомъ, было то мѣсто на верхней палубѣ, которое называютъ шкафутомъ. Мы въ насмѣшку называли его паркомъ. Паркъ этотъ простирался на сорокъ четыре фута въ длину и на тридцать восемь въ ширину. Носовая часть, всегда наполненная дымомъ отъ кухонныхъ трубъ, не давала возможности простираться до нея наши прогулки.

Обѣ оконечности понтона были заняты англичанами, которымъ поручено было стеречь плѣнныхъ. Кормовую каюту занималъ лейтенантъ, командовавшей кораблемъ; въ кормовой же части помѣщались и другіе офицеры съ своею прислугою и нѣсколько солдатъ. Носовая была занята одними солдатами.

Перегородка изъ тостыхъ и крѣпкихъ досокъ отдѣляла часть палубы, занимаемую англичанами, отъ жилья ихъ несчастныхъ плѣнныхъ. Для бѣльшей предосторожности она была усѣяна множествомъ гвоздей, представлявшихъ какъ бы желѣзную стѣну. Отверстія, сдѣланныя въ ней въ небольшомъ разстояніи другъ отъ друга, давали возможность англичанамъ, въ случаѣ бунта или возмущенія съ нашей стороны, перестрѣлять насъ поодиначкѣ, безъ всякой для себя опасности. Наконецъ, середины всѣхъ палубъ занимали плѣнные; т. е. въ каждой изъ трехъ палубъ сто тридцать футовъ въ длину и сорокъ въ ширину.

Въ этомъ-то пространствѣ насъ помѣщалось до семи сотъ человѣкъ!

Въ паркѣ была лѣстница, по которой спускались внизъ, въ батарею. Палубы или батареи не имѣли между собою никакого видимаго сообщенія, — я говорю видимаго, потому-что мы, тайно отъ часовыхъ, сдѣлали въ нихъ небольшое квадратное отверстіе, чтобы пролѣзть другъ къ другу.

Въ батарее свѣтъ проходилъ сквозь порты, или пушечныя окна, ограждаемыя толстыми желѣзными рѣшетками, которыя каждый день осматривались часовыми.

* Въ русскомъ переводѣ это слово означаетъ экспедицію для управленія транспортною службою, т. е. для перевоза войскъ и снарядовъ, а также для снабженія квартирами и продовольствіемъ военнопленныхъ. *Прим. перев.*

Вокругъ всего корабля, почти наравнѣ съ поверхностью моря, устроена была галлерей, съ рѣшетчатымъ дномъ, сквозь которое часовые всегда могли увидѣть плѣннаго, еслибы ему удалось нырнуть подъ корабль. На этой галлерей двое часовыхъ прохаживались днемъ, и семеро ночью. Понтонъ состоялъ подъ командою лейтенанта; обязанность офицеровъ исполняли сержанты; гарнизонъ состоялъ изъ сорока или пятидесяти солдатъ, при поручикѣ морскаго полка. Остальную часть жителей понтонна составляла дюжина матросовъ и нѣсколько юнгъ, назначавшихся гребцами на шлюпки. Сверхъ всѣхъ этихъ предосторожностей, понтонны, стоя другъ возлѣ друга, наблюдали одинъ за другимъ.

Ночью, кромѣ семи часовыхъ на галлерейхъ, о которыхъ я говорилъ, часовой расхаживалъ по парку, у спуска въ батареи. Офицеръ, сержантъ, капралъ и нѣсколько вахтенныхъ матросовъ также безпрестанно ходили дозоромъ. Наконецъ, черезъ каждыя четверть часа, до насъ долеталъ однообразный окликъ часовыхъ: All is well! (Все благополучно!)

Что же касается до гребныхъ судовъ, принадлежавшихъ къ понтону и которыми бы могли воспользоваться плѣнные въ случаѣ побѣга, то ихъ поднимали на восемь или на десять футовъ отъ воды, около борта корабля, и оставляли на водѣ только одну шлюпку, на желѣзной цѣпи.

Въ четыре часа утра лѣтомъ, и въ восемь зимою, наши тюремщики покрывали окна и отверстія въ батареѣ; но воздухъ въ батареѣ былъ до такой степени испорченъ, что англичане, отпирая окна, проворно отскакивали отъ нихъ, чтобы не задохнуться отъ удушливыхъ и зловредныхъ испареній.

Лѣтомъ оставляли окна, съ желѣзными рѣшетками, постоянно отпертыми, потому—что безъ этой предосторожности мы непременно бы задохлись.

Въ шесть часовъ лѣтомъ, и въ два зимою, англичане, съ желѣзными палками въ рукахъ, пробовали всѣ рѣшетки и всѣ стѣны понтонна; потомъ насъ выгоняли на верхъ, и считали, чтобы убѣдиться, что никто не убѣжалъ.

Меблировка понтонна не потребуетъ долгаго описанія, потому—что вся она состояла изъ скамей, поставленныхъ вдоль стѣнъ. Каждый плѣнный, поступаая на понтонъ, получалъ койку, тонкое шерстяное одѣяло и тюфякъ, вѣсившій не болѣе трехъ фунтовъ. Койки подвѣшивались на крючьяхъ, вбитыхъ въ потолокъ батареи.

Нѣтъ надобности прибавлять, что когда вновь поступавшій плѣнный былъ офицеръ, то англичане не признавали его чина, и обходились съ нимъ, какъ съ простымъ матросомъ.

Такъ какъ въ каждой батарей насъ было до четырехъ сотъ чело-
вѣкъ, а мѣсто, отведенное намъ въ каждой изъ нихъ, было не болѣе ста тридцати футовъ въ длину, сорока въ ширину и шести въ вышину обстоятельство, о которомъ повторяю снова, — то койки, занимавшія

каждая до семи футовъ, не могли всѣ помѣщаться въ одинъ рядъ, а подвѣшивались однѣ подъ другими.

Теперь я перейду къ пищѣ. Тутъ-то вполнѣ рыкалась вся ненависть, которую питали къ намъ англичане.

Наша недѣля раздѣлялась на скоромные и постные дни: первыхъ было пять, послѣднихъ два. Порція каждаго плѣннаго заключалась въ фунтъ черного хлѣба и семи унціяхъ мяса. Въ полдень, намъ должны были давать супъ, но это часто не исполнялось.

Въ постные дни, намъ давали селедку или соленую треску и по фунту картофелю. Эта пища можетъ показаться достаточною; но насъ обкрадывали немилосердно, надѣясь, что на жалобы наши никто не обратитъ вниманія; сверхъ-того мы еще отказывали себѣ въ многомъ, чтобы тайкомъ подписываться на журналъ, за который насъ заставляли платить втрое. Ножи, ложки и вилки были намъ неизвѣстны. Вся наша посуда состояла изъ жестяной чарки и деревянной миски.

Англичане, привозя дневную провизию на понтонъ, не безпокоились о раздачѣ порцій, но предоставляли приготовленіе пищи нашимъ поварамъ, которые избирались нами изъ плѣнныхъ.

По утрамъ, мы завтракали кускомъ черстваго хлѣба; въ полдень ѣли одинъ супъ, въ который клали часть нашего хлѣба; семь унцій мяса мы сберегали къ ужину. Въ постные дни намъ было гораздо хуже; селедки обыкновенно бывали до того испортившіяся, что ихъ невозможно было ѣсть. Часто случалось, что мы должны были отказываться отъ хлѣба, до того онъ былъ дурень, и жаловались лейтенанту, который передавалъ нашу жалобу провіантмейстеру. Случалось однако, что послѣдній не торопился удовлетворять наши желудки, и предоставлялъ насъ всѣмъ мученіямъ голода.

Для содержанія понтона въ чистотѣ, насъ каждый вечеръ заставляли мыть палубы.

Для предупрежденія безпорядковъ и преступленій, плѣнные составили комитетъ, который долженъ быть разбирать и рѣшать всѣ ссоры, возникавшія въ стѣнахъ понтона.

Еслибы въ то время, когда я служилъ на *Доридъ*, гдѣ помѣщалось до двухъ сотъ пятидесяти невольниковъ, кто-нибудь сталъ увѣрять меня въ возможности жить въ атмосферѣ, болѣе зараженной и душной, я, безъ сомнѣнія, отказался бы вѣрять; но внутренность понтона тотчасъ же меня разувѣрила.

Невозможно передать, какое чувство отвращенія овладѣло мною, когда я спустился въ ту батарею, куда меня назначили. Мнѣ казалось, что густое и жгучее облако, вмѣщавшее въ себѣ губительныя сѣмена всѣхъ заразъ, охватило меня и проникло сквозь мое тѣло. Я долженъ былъ призвать послѣднія силы, чтобы не упасть отъ слабости.

Къ-счастью, это тягостное положеніе продолжалось недолго: про-бывъ съ полчаса въ батарѣ*, я кое-какъ въ состояніи былъ дышать,

* Словомъ *батарея*, которое здѣсь такъ часто встрѣчается, называются всѣ палубы или деки, гдѣ стоятъ пушки, хотя на понтонахъ всѣ пушки бывають сняты.

и невольно обратилъ все свое вниманіе на окружавшіе меня предметы.

Невъроятную картину представляла батарейная палуба *Протей*. По-средины царствовала совершенная темнота; по обѣимъ сторонамъ стѣны были слабо освѣщены свѣтомъ дня изъ бо-товъ. При этомъ свѣтѣ, лица плѣнныхъ, блѣдныя и исхудалыя, казалось, принадлежали выходцамъ изъ могилъ. Описать разнообразіе лохмотьевъ, которыми прикрывалось несчастные, было бы дѣломъ невозможнымъ: никакое перо не въ состояніи передать костюмовъ моихъ злополучныхъ товарищей.

Необыкновенная дѣятельность царствовала повсюду. Исключая нѣсколькихъ человѣкъ, которые, лежа на палубѣ, готовились испустить послѣдніе дыханіе, никто не оставался празднымъ. Нѣкоторые, вооружась стругомъ, единственнымъ орудіемъ, дозволеннымъ англичанами, занимались столярною работою; другіе вытачивали изъ костей шахматы и игрушки; другіе, не имѣя никакого инструмента, кромѣ тупаго ножа, строили и вооружали кораблики и фрегаты; кто выдѣлывалъ обувь, кто соломенные шляпы, кто вязалъ ночные колпаки. Каждый нашелъ себѣ ремесло.

Между портнымъ и сапожникомъ, я замѣтилъ человѣка, крошившаго какую-то черную, воючую смѣсь; на вопросъ мой, онъ отвѣчалъ, что это табакъ. Изъ этой фабрики снабжались табакомъ всѣ плѣнные, хотя въ составъ его не входило ни одного листка того душистаго растенія, которымъ мы обязаны Христофору Колумбу.

Наконецъ черта, которая вполне обрисовываетъ французскій характеръ: по срединѣ батареи, танцмейстеръ и фехтовальный учитель посвящали своихъ учениковъ во всѣ тайны искусства, собирая по одному су за урокъ; а урокъ длился иногда, отъ трехъ до четырехъ часовъ!

Плѣнные, большею частію закутанные въ старыя шинели, застегнутыя до верху, сидя у портовъ, то-есть, у свѣта, объясняли товарищамъ своихъ бѣдствій тайны геометріи и алгебры. Я узналъ, что эти несчастные были офицеры, которые, чтобы убить время и нѣсколько улучшить свой бытъ, давали урски математики. Увы! за уроки имъ платили столько же, какъ и танцмейстеру и фехтовальнымъ учителямъ.

По срединѣ батареи ходили разносчики, съ ихъ однообразнымъ крикомъ. «Кто хочетъ продать? Кто хочетъ купить?»

Каждую минуту, одинъ изъ несчастныхъ, умирая съ голоду, останавливалъ ихъ и предлагалъ имъ часть своей одежды, или лучше сказать, свои лохмотья. Торгъ кончали скоро, и голодный, обманутый, обкраденый, дрожа отъ холода, призывалъ другаго разносчика и утолялъ у него голодь на выручку за свое платье!..

Я чувствовалъ себя въ большомъ затрудненіи, хотя бродячая жизнь и приучила меня ко всему на свѣтѣ. Мнѣ, какъ новому человѣку, указали самое темное и душное мѣсто для помѣщенія койки.

— Но я не въ состояніи буду провести здѣсь цѣлую ночь, сказалъ я: къ утру я задохнусь.

— Конечно, отвѣчалъ одинъ изъ плѣнныхъ: и это можетъ сул-

читься тѣмъ вѣроятнѣе, что три человѣка, занимавшіе это мѣсто, умерли очень скоро одинъ послѣ другаго.

— Значитъ, я приговоренъ къ смерти?

— Да, если у тебя нѣтъ денегъ...

— Денегъ! Увы! очень немного... Четыре или пять луидоровъ.

— Пять луидоровъ! вскричалъ плѣнный, смотря на меня съ удивленіемъ: да это огромное богатство! Знаешь ли ты, что я, при моемъ ремеслѣ сапожника, работая съ утра до ночи, вырабатывалъ въ сутки не болѣе семи су? И при всемъ этомъ, я менѣе другихъ имѣю причинъ жаловаться на судьбу!.. Ну, если у тебя есть пять луидоровъ, почему же ты не купишь себѣ мѣста у стѣны?

— Неужели кто-нибудь помѣняется со мною мѣстами за нѣсколько франковъ?.. Тутъ дѣло идетъ о жизни или смерти...

— Пустое, товарищъ, прежде всего дѣло въ аппетитѣ. Хочешь, я устрою тебѣ это дѣло? Черезъ часъ, я помѣщу тебя на хорошее мѣсто; но ты долженъ будешь заплатить мнѣ за тотъ часъ, который я останусь безъ работы. Это не разорить тебя.

— Съ охотою. Ты кажешься мнѣ добрымъ малымъ. Я заранѣе на все соглашаюсь.

— Подожди же здѣсь; я сейчасъ возвращусь.

Черезъ пять минутъ все было устроено.

— Вотъ, сказалъ онъ, подводя ко мнѣ бѣдняка, поразившаго меня необыкновенною худобою: — линейный солдатъ, который готовъ вступить въ переговоры. У него одно изъ лучшихъ мѣстъ въ батареѣ; этого мѣста онъ ждалъ пять лѣтъ, и можетъ уступить его товарищу только за приличное вознагражденіе.

— Сколько ты хочешь за мѣсто? спросилъ я.

Три луидора, товарищъ, отвѣчалъ онъ слабымъ голосомъ. Не будемъ торговаться, продолжалъ онъ, думая, что я не соглашаюсь. Но мыслъ, что я два мѣсяца въ состояніи буду ѣсть, сколько хочу.... Выбери же, одно изъ двухъ...

Я уже готовъ былъ ударить по рукамъ, когда услужливый сапожникъ снова вмѣшался въ разговоръ.

— Мнѣ кажется, Пико, сказалъ онъ солдату, что твои требованія хотя нѣсколько и высоки, но совершенно справедливы. Однако за эти три луидора, ты устрой для товарища столъ, скамью, и все, что нужно ему для помѣщенія.

— Согласенъ, отвѣчалъ солдатъ, давно уже съ жадностью слѣдившій за разнощикомъ.

— И такъ, дѣло кончено, замѣтилъ сапожникъ. Когда-же все будетъ готово?

— Черезъ часъ или полтора. Будьте покойны.

Въ-самомъ-дѣлѣ, менѣе, чѣмъ черезъ часъ, Пико извѣстилъ меня, что все готово. Онъ привелъ меня къ мѣсту, гдѣ я долженъ былъ повѣсить койку. Видя и свѣтъ, и чистый воздухъ, я не могъ удержать радостнаго восклицанія. Скамья и столъ были уже на мѣстѣ.

— Откуда ты добылъ эту мебель? спросилъ я у Нико.

— Это не трудное дѣло, отвѣчалъ онъ. Я выломалъ доски въ темномъ углу понтона, такъ что англичане не замѣтили. Мы всегда такъ дѣлаемъ, когда намъ нужно дерево.

Я отдалъ солдату три луидора и мы разстались друзьями.

— Товарищъ, сказалъ я, обращаясь къ сапожнику: прими, вмѣстѣ съ моею благодарностью, сорокъ су за твою услугу и за потерянное время.

Сапожникъ съ жадностью схватилъ деньги, спряталъ ихъ въ карманъ, и сказалъ, усмѣхаясь:

— Спасибо, товарищъ, спасибо. За твое великодушіе я дамъ тебѣ добрый совѣтъ; выслушай меня внимательно. На понтонахъ, благоразумный человѣкъ не долженъ увлекаться великодушіемъ. На эти сорокъ су можно недѣлю быть сытымъ, и ты послѣ будешь самъ недоволенъ своею щедростью. Я былъ бы доволенъ и двумя су, и потому совѣтую тебѣ беречь два луидора; они спасутъ тебя отъ голода и дадутъ тебѣ возможность заняться какою-нибудь торговлею. Прощай же, я займусь дѣломъ.

Я печально сидѣлъ на скамьѣ, думая о предстоящей мнѣ будущности, какъ вдругъ радостное восклицаніе и ударъ по плечу вывели меня изъ задумчивости.

— Какъ, это вы, лейтенантъ? радостно вскричалъ плѣнный, въ которомъ я сей-часъ узналъ матроса.

Я пристально посмотрѣлъ на него, но не узналъ.

— Мнѣ кажется, товарищъ, ты ошибаешься, отвѣчалъ я: я тебя не знаю!

— Нѣтъ, я не ошибаюсь. Неудивительно, что вы меня не узнали; когда я былъ простымъ матросомъ, вы были уже лейтенантомъ, и хотя вы иногда и говорили со мною...

— Ты ошибаешься, другъ мой.

— Нѣтъ!... Вѣдь вы Гарнере? Мы вмѣстѣ служили подъ командою Сюркуфа! * Помните ли? Меня зовутъ Берто! Берто, изъ Сень-Бри, рулевой ...

— А! теперь я вспоминаю тебя, Берто. Мы вмѣстѣ служили на *Тритонъ*.

— И вмѣстѣ били англичанъ. Какой балъ мы задали на *Кентъ*! Удары сыпались градомъ. А призы, призы... Да, не пропей я ихъ какъ глупецъ, теперь было бы, что ѣсть. Но оставимъ въ покоѣ старое... Право, я очень радъ васъ видѣть.

Слова рулевого дышали такою искренностью, что я былъ тронутъ; мы съ чувствомъ пожали другъ другу руки.

Берто имѣлъ одинъ изъ тѣхъ прямыхъ и благородныхъ характеровъ, которые, къ чести человѣчества, я такъ часто встрѣчалъ на флотѣ. Встрѣча съ нимъ доставила мнѣ большое удовольствіе; среди этой толпы, я имѣлъ по-крайней-мѣрѣ друга.

* Извѣстный французскій корсаръ.

— Давно ли ты на понтонѣ, бѣдный Берто? спросилъ я.

— Ты спрашиваешь, давно ли я на этомъ проклятомъ понтонѣ? Увы! вотъ уже четыре года, какъ я попался въ плѣнъ! Я перебивалъ уже на четырехъ понтонахъ. На *Протей* я только восемь мѣсяцовъ, и надѣюсь пробытъ здѣсь недолго.

— Какимъ это образомъ?

— Молчи! Объ этомъ мы поговоримъ послѣ.

— Какъ хочешь. Гдѣ ты попался въ плѣнъ? Въ Индіи?

— Увы, возвращаясь во Францію....

— Значить, совершенно также, какъ я.

Я весь день проговорилъ съ моимъ добрымъ товарищемъ, и его разговоръ еще болѣе раскрылъ мнѣ всѣ подробности жизни на понтонѣ.

— Хочешь ты видѣть прелюбопытную вещь? спросилъ онъ послѣ обѣда, оказавшагося довольно сноснымъ при помощи купленныхъ нами овощей, масла и хлѣба.

— Что именно?

— Я покажу тебѣ людей, которыхъ мы называемъ *шквалами*. Ты понимаешь это слово?

Выраженія, придуманные на понтонахъ, были мнѣ совершенно неизвѣстны. Я сознался Берто въ своемъ невѣденіи.

— Догадаться нетрудно, отвѣчалъ онъ. Ты знаешь, что на морѣ шкваломъ называется порывъ вѣтра, который все ломитъ и роняетъ внизъ.... Ну, шквалами же мы называемъ тѣхъ, которые помѣщены внизу. Шкваль тоже, что отчаянный картежный игрокъ, у него нѣтъ ни платья, ни койки, ни одѣяла. Чтобы согрѣваться, они лежатъ другъ возлѣ друга, какъ сардинки. И повѣришь ли, что есть люди, которые охотно вступаютъ въ это общество.

— Ты шутишь, Берто!

— Это еще не все. Одною желанія войти въ это общество мало; нужно еще быть принятымъ. Поступающій долженъ продать все, что у него есть, и на эти деньги угощать хлѣбомъ и пивомъ всѣхъ членовъ общества; тогда его признаютъ собратомъ и даютъ ему камень вмѣсто подушки; здѣсь, къ счастью, ихъ немного; но на одномъ понтонѣ ихъ было до двухъ сотъ человѣкъ.

— Но это быть не можетъ, Берто!

Берто хотѣлъ отвѣчать, когда одинъ изъ плѣнныхъ съ благороднымъ и серьезнымъ лицомъ, прислушивавшійся къ нашему разговору, подошелъ къ намъ, и сказалъ, обращаясь ко мнѣ:

— То, что говоритъ вамъ Берто, совершенно справедливо.

— Благодарю васъ, капитанъ, сказалъ мой старый сослуживецъ, почтительно привставъ съ мѣста.

Незнакомецъ печально улыбнулся, и потомъ, приложивъ палецъ къ губамъ, замѣтилъ, понизивъ голосъ:

— Берто, зачѣмъ ты называешь меня капитаномъ? Ты знаешь, что я болѣе не капитанъ...

Матросъ смѣшался, и незнакомецъ, избѣгая его извиненій, снова обратился ко мнѣ.

— Нѣтъ, сказалъ онъ, Берто ничего не преувеличиваетъ. Недавно принесли новыя койки для тѣхъ, которые ихъ продали, — и чтоже? эти люди до такой степени привыкли спать на голыхъ доскахъ, что не могли привыкнуть къ мягкости постелей, и продали ихъ за безцѣнокъ. Страшно взглянуть, когда они являются вечеромъ на переключку. Тѣ, у которыхъ вовсе нѣтъ одежды, достаютъ напрокатъ старое одѣяло, и завернувшись въ него, выходятъ наверхъ.

Впрочемъ въ *шквалахъ*, несмотря на ихъ нравственное униженіе, часто проявляется и мужество, и характеръ. Они задумываютъ и приводятъ въ дѣйствіе тѣ смѣлые побѣги, о которыхъ даже идея могла бы показаться сумасшествіемъ; они, не смотря ни на какія пытки, не измѣняютъ вѣренной имъ тайнѣ...

Незнакомецъ доканчивалъ свой разсказъ, когда раздался звонокъ, по которому должно было тушить огни. Зимою это дѣлалось въ восемь, а лѣтомъ, въ девять часовъ вечера.

Меня поразила кроткая и выразительная фізіономія незнакомца. Я просилъ Берто удовлетворить мое любопытство.

— Любезный Гарнере, отвѣчалъ онъ, я не могу вполнѣ исполнить твоего желанія, потому-что, хотя я имѣю къ тебѣ полную довѣренность, но я далъ честное слово... Поэтому я не могу сказать тебѣ его имени. Довольно для тебя знать, что это имя такъ же любимо и уважаемо французами, какъ страшно для англичанъ!

Впрочемъ, для чего мнѣ скрывать отъ тебя его исторію? Напротивъ, гораздо лучше, если ты будешь ее знать... потому, что это дастъ тебѣ возможность быть ему полезнымъ и избавить тебя отъ несчастія неумышленно его выдать.

— Говори скорѣе, уже начинаютъ тушить огни. Я слушаю тебя съ величайшимъ вниманіемъ.

— Вотъ въ чемъ дѣло: капитанъ этотъ былъ пассажиромъ на суднѣ, которое, назадь тому восемнадцать мѣсяцевъ, было взято англійскимъ фрегатомъ.

— Какимъ же образомъ онъ попалъ на понтонъ? Командировъ оставляютъ плѣнными на честное слово!

— Дѣло въ томъ, что онъ не хотѣлъ связать себя честнымъ словомъ, а назвался простымъ матросомъ и былъ брошенъ на этотъ понтонъ. Его никто здѣсь не знаетъ, кромѣ трехъ или четырехъ чловѣкъ, и несмотря на то, всѣ уважаютъ. Плѣнные избрали его президентомъ нашего трибунала, и мы не предпринимаетъ ничего безъ его совѣта. Бѣднякъ! Я выхожу изъ себя, видя, какъ англійскіе часовые оскорбляютъ его, какъ простаго матроса. А онъ какъ-будто ничего не замѣчаетъ, какъ-будто говоритъ про себя: «Это не долго продолжится».

Сказавъ это, Берто пожалъ мнѣ руку и отправился къ своей койкѣ. Я сдѣлалъ то же.

Ночь показалась мнѣ безконечною. Я безпрестанно придумывалъ

разныя средства къ побѣгу и составлялъ планы. До разсвѣта я не могъ сомкнуть глазъ.

Я связывалъ свою койку, когда ко мнѣ подошелъ Берто. Приходь друга обрадовалъ меня, и мы стали вмѣстѣ вспоминать прошедшее.

Мы съ полчаса толковали уже о своихъ приключеніяхъ въ Индіи, какъ вдругъ между плѣнными стало замѣтно какое-то движеніе; въ разныхъ мѣстахъ стали образовываться отдѣльныя кучки.

Посмотримъ, что случилось, сказалъ Берто.

Мы узнали, что ночью была сдѣлана покража.

— Кого обокрали? спросилъ Берто.

Меня, товарищъ! вскричалъ несчастный, котораго испуганное, блѣдное лицо показывало все цѣну его потери.

— Тебя! вскричалъ я, узнавъ солдата Пико, у котораго я купилъ мѣсто за три луидора.

— Да, ночью у меня утащили ваши деньги.

Такъ-какъ на понтонѣ эта сумма считалась довольно значительною, то извѣстіе о покражѣ произвело общее волненіе.

Я старался по возможности утѣшить бѣднаго Пико. Въ это время человѣкъ, котораго рубище едва прикрывало наготу, подошелъ и остановился возлѣ.

— Другъ, сказалъ онъ, я подозреваю, кто укралъ твои деньги.

— Подозрѣваешь! вскричалъ Пико внѣ себя: говори, ради Бога...

— Говори!... Это легче сказать, чѣмъ сдѣлать. Замѣть во-первыхъ: мои подозрѣнія или ложны, или справедливы. Если онѣ ложны, то для твоей пользы я навлекаю на себя дуэль. А какъ за дуэли положена смертная казнь, то нужно подумать прежде, чѣмъ говоришь. Если онѣ справедливы, то я возвращу тебѣ огромную сумму...

— Если она найдется, я обѣщаю тебѣ блестящую награду!... Я даю тебѣ пять франковъ!

— Конечно, это недурно; но если я ошибся...

— Въ такомъ случаѣ ты не принесешь мнѣ никакой пользы.

— А дуэль все-таки останется при мнѣ. Взвѣсивъ все это, мнѣ кажется, лучше будетъ молчать.

Сказавъ это, онъ хотѣлъ удалиться, но Пико удержалъ его. Несчастный солдатъ не могъ разстаться съ послѣднею надеждою.

— Послушай, товарищъ, сказалъ онъ умоляющимъ голосомъ; не стѣсняйся, говори прямо свои условія. Если я въ состояніи исполнить твои требованія — дѣло кончено.

— Сказать по совѣсти, товарищъ, мои требованія огромны...

— Все-равно говори посмотримъ....

— Я требую, чтобы за мое открытіе ты далъ мнѣ, во-всякомъ-случаѣ, два франка! Я знаю, что это огромная сумма; но такъ-какъ дѣло идетъ о дуэли, то я не могу взять менѣе....

— Увы! Будь у меня деньги, я бы не задумался ни на мвнуту ...

— Такъ у тебя совершенно ничего нѣтъ! Стоило же попустому тратить время! вскричалъ плѣнный, удаляясь.

Меня тронуло отчаяніе бѣднаго Пико и я побѣжалъ за говорившимъ.

— Вотъ тебѣ два франка, сказалъ я. Теперь ты можешь говорить.

Бѣднякъ по нѣскольку разъ перевертывалъ въ рукахъ монету, подбрасывалъ ее на воздухъ, и наконецъ убѣдившись что она не фальшивая, завязалъ ее въ кусокъ рубища, болтавшася около колѣнъ.

— Воръ, сказалъ онъ, обратясь тогда къ Пико, который, не помня себя отъ радости, сжималъ мнѣ руки; воръ долженъ быть бездѣльникъ Шике.

— Шике! вскричалъ Пико съ величайшимъ удивленіемъ. Да это мой лучшій другъ; въ Мецѣ, онъ спасъ мнѣ жизнь въ госпиталѣ, гдѣ онъ былъ фельдшеромъ. Не можетъ быть, чтобы онъ обокралъ меня. Ты ошибаешься...

— Не думаю... Выслушай меня.

Разсказчикъ осмотрѣлся сначала по сторонамъ, и видя, что никто не обращаетъ на него вниманія, продолжалъ, понизивъ голосъ:

— Шике спитъ возлѣ меня; его койка виситъ надъ моею. Сегодня ночью, я слышу, что онъ встаетъ, выходитъ изъ койки, и пробирается куда-то ползкомъ, какъ змѣя. Ну, подумалъ я, Шике, котораго я всегда считалъ за труса, вѣрно хочетъ убѣжать и отправился работать ночью. Я никогда не считалъ его способнымъ на такой поступокъ, и это меня съ нимъ примирило. Я сталъ уже засыпать, когда послышался легкій шумъ: это возвращался Шике. Ага! подумалъ я, я не ошибся; Шике и не думалъ о побѣгѣ, онъ просто нездоровъ. Въ ту самую минуту, когда онъ готовился влѣзть въ койку, нога измѣнила ему и онъ упалъ. «Что это значитъ?» подумалъ я; онъ какъ-будто разсыпался дуидороми. И въ-самомъ-дѣлѣ, я услышалъ звонъ золотой монеты, упавшей на полъ.

— Ты спишь, Баррьеръ? спросилъ меня Шике, подходя къ койкѣ; но я смекнулъ дѣломъ, и захрапѣлъ.

— Что-жъ изъ этого слѣдуетъ? спросилъ Пико.

— Изъ этого слѣдуетъ, солдатъ, отвѣчалъ Баррьеръ, что если тебя обокрали, то ты этого стоишь, потому что у тебя нѣтъ соображенія...

— Мнѣ кажется, замѣтилъ Берто, что фельдшеръ виноватъ...

— Быть не можетъ! вскричалъ Пико въ нерѣшимости: Шике, который продалъ мнѣ хлѣбъ....

— Впрочемъ, можетъ-быть, у Шике есть свое золото, замѣтилъ Баррьеръ.

— У Шике золото? Онъ голъ, какъ соколъ. Вчера еще я далъ ему взаймы два су. Въ-самомъ-дѣлѣ, откуда-же у него золото?

— Церестанъ Пико, молчи и не размахивай руками, замѣтилъ Берто, ты обратишь на себя общее вниманіе.

— Что-же дѣлать, товарищъ?

— Поди къ президенту трибунала и объясни ему свое дѣло.

— Да, это самое лучшее. Я отыщу господина Тома. Онъ найдетъ виноватаго.

Черезъ пять минутъ, четыре человѣка бросились на бывшаго фельдшера Шике, и крѣпко связавъ ему руки, вели его къ мнимому матросу Тому, который, сидя на скамьѣ, ожидалъ виновнаго.

Такъ-какъ три луидора принадлежали мнѣ, то прислали и за мною, я повиновался немедленно. Тогда начался судъ.

Президентъ Томъ, выслушавъ внимательно мой разсказъ, продолжавшійся, впрочемъ, не болѣе минуты, приказалъ обыскать Шике. Всѣ три луидора нашлись въ его карманѣ.

— Откуда ты взялъ это золото? спросилъ президентъ.

Ши е хотѣлъ говорить о семействѣ, которое ему помогало, о своихъ выигрышахъ и пр., но при каждомъ словѣ ему доказывали, что онъ лжетъ. Наконецъ Шике, не находя лучшаго оправданія, объявилъ, что онъ нашелъ деньги на полу.

Недовольный ропотъ тотчасъ-же показалъ ему, какъ невѣроятно его извиненіе; онъ пересталъ оправдываться.

— Ты ничего больше не имѣешь сказать? спросилъ президентъ.

— Ничего! отвѣчалъ съ отчаяніемъ Шике.

Тогда президентъ произнесъ приговоръ, который осуждалъ Шике на столько ударовъ веревкою, сколько вздумаютъ дать ему плѣнные, и тотчасъ-же приведенъ былъ въ исполненіе.

— Надѣюсь, что онъ не скоро примется за старое, замѣтилъ Берто. О немъ жалѣть нечего, онъ заслужилъ наказаніе. Красть у такихъ бѣдняковъ, какъ мы, это болѣе, чѣмъ преступленіе!... Но теперь совсѣмъ свѣтло, любезный Гарнере, насъ никто не подслушаетъ, и мы можемъ продолжать нашъ вчерашній разговоръ.

Мы сѣли на скамью возлѣ моей койки.

— Другъ мой, сказалъ Берто, я не требую у тебя честнаго слова для той тайны, которую хочу тебѣ ввѣрить.... я замѣтилъ, что нерѣдко тѣ, которые клянутся честью, менѣе всѣхъ надежны. Мы служили вмѣстѣ подъ командою Сюркуфа, этого мнѣ довольно.

— Говори, Берто, ты можешь на меня положиться.

— Что думаешь ты о г. Томъ?

— Что въ его поступкахъ видѣнъ челоуѣкъ съ душою и характеромъ....

— Хорошо. Узнай же, любезный другъ, что мы уже три мѣсяца готовимъ все къ побѣгу... Я вижу, что мои слова тебя радуютъ!

— Можетъ-ли быть иначе? О! мысль возвратить себѣ свободу до такой степени обольстительна....

— Это понятно.... Вотъ уже двѣ недѣли, какъ я не знаю сна.... Уже двѣ трети отверзтія, сквозь которое мы хотимъ уйти, готово. Хочешь-ли быть нашимъ товарищемъ?

— Хочу-ли я, Берто? вскричалъ я, сжимая его руки; твое предложеніе какъ-будто возвращаетъ мнѣ жизнь.

— Значитъ, дѣло кончено. Пойдемъ къ капитану, то-есть, къ Томъ и мы все устроимъ.

— Въ эту самую минуту мы увидѣли, что Томъ подходилъ къ намъ.

— Мнѣ нужно поговорить съ тобою, Берто, сказалъ онъ по бретонски, съ видимымъ волненіемъ.

— Что съ вами, капитанъ.... виноватъ.... Что съ тобою, товарищъ?

спросилъ онъ съ безпокойствомъ. Не встрѣтились ли новыя затрудненія?

Мнимый матросъ съ упрекомъ взглянулъ на Берто; но послѣдній нимало не смутился.

— Можно все говорить при товарищѣ, сказалъ онъ, показывая на меня. Мы давно знаемъ другъ-друга.... вмѣстѣ служили подъ командою Сюркуфа....

Томъ посмотрѣлъ на меня пристально, и сказалъ съ печальною улыбкою:

— Ты сдѣлалъ большую неосторожность, Берто; но счастливая звѣзда не измѣнила тебѣ. Я вижу, ты нашелъ благороднаго человѣка, но могъ встрѣтить измѣнника....

— Тутъ опасаться нечего, товарищъ. Человѣкъ, который былъ, другомъ Сюркуфа, а Сюркуфъ очень любилъ своего лейтенанта Гарнере, никогда не сдѣлается измѣнникомъ. Но что съ вами?... извините... я не понимаю.

— Прочитай эту записку, которую я сейчасъ получилъ, отвѣчалъ капитанъ.

— Сейчасъ, товарищъ, отвѣчалъ Берто, почесывая голову; впрочемъ, я долженъ признаться, что во всю жизнь только четыре раза былъ въ школѣ, и потому...

— Такъ слушай, продолжалъ Томъ, невольно усмѣхаясь.

— Вотъ это лучше, товарищъ.

Капитанъ, развернувъ записку, тихонько прочелъ слѣдующее:

— Капитанъ, я бездѣльникъ. Чтобы смягчить мою участь, я открылъ англичанамъ ваше намѣреніе бѣжать. За вами и за Берто присматриваютъ. Я не открылъ имъ однако вашего имени. Сознаюсь, что мой поступокъ низокъ, меня терзаетъ совѣсть.... Но я столько страдалъ! Когда я измѣнилъ вамъ, я уже три дня не ѣлъ...

— Каналья! вскричалъ Берто, когда капитанъ окончилъ чтеніе. Что жъ намъ теперь дѣлать?

— Отказаться отъ всякой надежды, мой бѣдный Берто, отвѣчалъ капитанъ.

— Конечно, я не вижу надобности, чтобы англичане застрѣлили насъ на мѣстѣ. Итакъ, намъ снова придется ждать....

— Нѣтъ, Берто, я бѣгу завтра.

— Вы хотите завтра бѣжать, капитанъ? съ удивленіемъ повторилъ матросъ.

— Да, хочу попробовать. Выслушай меня; я разчитываю на твою помощь. Завтра придетъ къ понтону барка, которая возитъ намъ воду.

— Да, помню; меня назначили поднимать на палубу бочки.

— Это очень кстати, вскричалъ капитанъ. Вотъ мой планъ! я хочу, сегодня вечеромъ, влезть въ одну изъ пустыхъ бочекъ, которыя отправятъ за водою, и останусь въ ней до слѣдующей ночи. Какъ только англичане заснутъ, я выйду оттуда безъ шума, отвязу шлюпку и доберусь до берега. Что ты объ этомъ думаешь?

— Я думаю, товарищъ, вскричалъ Берто, на лицѣ котораго выра

жадись удивленіе и восторгъ, — я думаю, что это безразсудство можетъ стоить тебѣ жизни. Изъ двадцати разъ, такое средство едвали удастся однажды.

— Чтожъ за бѣда!

— Однако, капитанъ, если положить въ шляпу двадцать черныхъ билетовъ и одинъ бѣлый, и сказать вамъ: выбирай; если возьмешь бѣлый, то будешь свободенъ, а черныи, то тебя разстрѣляютъ; я думаю, вы бы не согласились выбрать.

— Я бы согласился, отвѣчалъ капитанъ глухимъ голосомъ. Мнѣ необходимо быть на свободѣ; понимаешь ли ты это, Берто? Повторяю, мнѣ необходимо. Мать ждетъ меня, чтобы обнять въ послѣдній разъ. Я хочу обнять мою мать...

Капитанъ замолчалъ на нѣсколько секундъ, и потомъ, поднявъ къ небу взглядъ, блестящій мрачнымъ огнемъ, прибавилъ:

— А мщеніе развѣ ты считаешь за ничто? Неужели ты думаешь, что оскорбленія, которымъ я подвергался здѣсь въ продолженіе восемнадцати мѣсяцевъ, оставятъ меня въ покоѣ? Богъ далъ мнѣ доброе сердце, англичане сдѣлали меня жестокимъ. О, горе неприятелю, который встрѣтится съ моимъ фрегатомъ... Я буду безъ жалости.

Стыдясь этой вспышки давно удерживаемаго гнѣва, вызванной страданіями, Тома долго оставался въ молчаніи.

— Другъ мой, сказалъ онъ наконецъ, печально улыбаясь, будемъ продолжать прежній разговоръ. Прежде всего я долженъ благодарить тебя за участіе и совѣты; но, повторяю, я рѣшился на все.

Послѣ долгихъ переговоровъ, мы составили свой планъ. Рѣшено было, чтобы ту бочку, которую изберетъ для себя капитанъ, отличить отъ другихъ нарѣзкою, сдѣланною ножемъ, и на другой день поднять ее самимъ, сначала на палубу, а потомъ спустить на англійскую барку.

— Друзья мои, сказалъ капитанъ, прощаясь съ нами, если мое смѣлое предпріятіе удастся, будьте увѣрены, что я не останусь въ покоѣ, пока не обмѣняю васъ на англійскихъ плѣнныхъ! Если я буду убитъ...

— О, не говорите этого, капитанъ! вскричалъ Берто, суевѣрный какъ бретонецъ; это приноситъ несчастіе.

Всю ночь я не могъ заснуть; меня мучило безпокойство.

Наконецъ наступила ожидаемая минута. Около десяти часовъ утра вызвали наверхъ людей для отправленія бочекъ за водою. Не могу передать того ощущенія, которое овладѣло мною, когда, принявъ съ барки бочки съ водою, намъ пришлось спускаться въ нее пустыя бочки. Сердце мое сильно билось, какъ въ первомъ сраженіи.

Бочки поднимались и спускались на веревкахъ, продѣтыхъ въ блоки. Та, въ которой былъ спрятанъ капитанъ, была спущена вмѣстѣ съ другими, и черезъ часъ, барка отвалила къ берегу. Первый актъ драмы удался.

Цѣлую недѣлю, вмѣстѣ съ Берто, мы считали часы, минуты и секунды. Каждый проходившій день увеличивалъ нашу радость и возобновлялъ наши надежды.

— Кажется, товарищъ-то былъ умѣе насъ, сказалъ мнѣ однажды Берто.

— Теперь ужъ нечего сомнѣваться въ успѣхѣ.

— Въ-самомъ-дѣлѣ! Отчего бы и намъ не послѣдовать его примѣру?

— Конечно. Мы объ этомъ поговоримъ.

— Нужно устроить дѣло, не теряя времени.

Увы! черезъ два, дня когда барка съ водою подошла къ понтону, я съ удивленіемъ замѣтилъ, что англичане осмотрѣли на палубѣ всѣ пустыя бочки.

— Что ты объ этомъ думаешь, товарищъ? спросилъ я Берто.

— Я думаю, что все открыто!

Прошло два мѣсяца, и о г. Томѣ ничего не было слышно.

— Я не понимаю этого молчанія, сказалъ я однажды Берто. Неужели капитану не удалось добраться до французскаго берега?

— Можетъ-быть, онъ скрывается еще въ Англии, отвѣчалъ бретонецъ, хотя это не въ его характерѣ. Это молодецъ, который ни надъ чѣмъ не задумается. Трудно убѣжать съ понтона, а до Франціи добраться легко. Нѣтъ, онъ вѣрно забылъ объ насъ.

Потерявъ, наконецъ, надежду получить какое-нибудь извѣстіе о г. Томѣ, мы стали приводить въ исполненіе свою мысль о побѣгѣ.

Мы избрали мѣсто въ темномъ углу понтона, въ нижней палубѣ, почти подъ ногами часовыхъ, разставленныхъ по наружной галлерей, и рѣшились просверлить тамъ отверстіе.

Первая необходимость встрѣтилась въ инструментахъ. Изъ двухъ ножей намъ удалось сдѣлать двѣ пилы; деревянный молотъ и ножницы мы также устроили сами, и немедленно приступили къ дѣлу.

Прежде всего мы отняли толстый брусъ, и начавъ подъ нимъ работу, послѣ ставили его на мѣсто, чтобы англичане ничего не могли замѣтить. Стѣна понтона имѣла около двухъ съ половиною футовъ толщины; мы рассчитали, что въ три недѣли мы успѣемъ ее просверлить.

Съ восхода солнца до поздняго вечера, мы работали безъ отдыха и усталости. Обычай, введенный на понтонѣ, послужилъ къ нашей пользѣ. У насъ заведено было, что всякій разъ, какъ часовой спускался въ батарею, первый увидѣвшій его плѣнный кричалъ: *судно!* Это слово, переходя отъ однихъ къ другимъ, обходило всю батарею и каждый бралъ свои предосторожности.

Тѣ, которые занимались запрещенными работами, какъ-напримѣръ, выдѣлкою соломенныхъ шляпъ, — потому-что англичане запрещали все, вредившее выгодамъ ихъ фабрикъ, — прятали, куда могли, свои матеріялы; мы съ Берто клали на мѣсто брусъ, и часовые ничего не замѣчали.

Мы работали уже съ недѣлю, когда у насъ оказался недостатокъ въ деньгахъ. Два луидора, при самыхъ ограниченныхъ требованіяхъ, стали намъ только на два мѣсяца.

— Видишь ли, Гарнере, сказалъ мнѣ бретонецъ, когда послѣдняя

мѣдная монета исчезла изъ моего кошелька; мы были слишкомъ расточительны; у насъ недостало ни характера, ни предусмотрительности. Мы истратили все, а между-тѣмъ, для побѣга намъ необходимы деньги.

— Для чего же они необходимы?

— Во-первыхъ, для покупки холста, изъ котораго мы сдѣлаемъ мѣшки.

— Ну, тридцать или сорокъ су...

— Что же ты думаешь, что тридцать или сорокъ су такъ легко найдутся... Наконецъ, мало добраться до берега; тамъ нужно достать себѣ платье.

— Много ли намъ нужно будетъ денегъ?

— Около тридцати франковъ!. У меня явилась новая мысль!.. Ты умѣешь писать, Гарнере?

— Конечно, но къ чему этотъ вопросъ?

— Писать такъ, чтобы тебя прочли и поняли? продолжалъ Берто.

— Успокойся, у меня превосходный почеркъ.

— Ну, дѣло кончено. Не безпокойся о деньгахъ, я беру это на себя... Оставимъ сегодня работу, и пойдемъ.

Положивъ деревянный брусъ на мѣсто, я послѣдовалъ за Берто, котораго смѣлая походка выказывала внутреннее удовольствіе.

— Садись, сказалъ онъ, когда мы дошли до скамьи, поставленной передъ столомъ: возьми большой листъ бумаги, и пиши, что я буду тебѣ диктовать.

— Я готовъ, но есть небольшое препятствіе: у меня нѣтъ бумаги.

— Ахъ чортъ возьми! вскричалъ Берто, ударивъ себя по лбу. Нужно купить листъ бумаги...

— Ты знаешь, что у насъ нѣтъ ни одного су...

— Очень знаю!.. Какъ ты думаешь, что намъ будетъ стоить листъ бумаги?

— Право, не знаю..

— Поди, спроси...

Пять или шесть плѣнныхъ, занимавшіеся рисованьемъ или математикою, къ которымъ я обратился, отвѣчали, что они могутъ продать бумагу только за высокую цѣну. Одинъ только согласился уступить за десять су листъ бумаги, съ одной стороны исписанный.

— Сколько? спросилъ меня Берто издалека.

— Десять су.

— Это дорого, но дѣлать нечего, — заплатить нужно.

Въ тотъ же день за обѣдомъ, я удивился, когда одинъ изъ нашихъ товарищей пришелъ взять мою порцію мяса.

— Я позабылъ сказать тебѣ, что я продалъ нашу порцію, сказалъ мнѣ Берто; три дня мы попостимся...

Это лишеніе, на которое осудилъ меня Берто, не сказавъ ни слова, было для меня тягостно, Я былъ очень доволенъ, когда три дня прошли.

Что же касается до Берто, то едва онъ получилъ десять су, какъ отдалъ ихъ мнѣ на покупку бумаги.

— Теперь, сказалъ онъ, когда я возвратился съ покупкою: чини перо и пиши;

Берто подумалъ съ минуту и потомъ сталъ диктовать.

«Вызовъ англичанамъ! Да здравствуетъ Бретань и Франція! Берто, родомъ изъ Сенъ-Бри, оскорбленный слухомъ, что англичане считаютъ себя первыми боксерами на свѣтѣ, что есть сущая ложь, вызывается драться съ двумя изъ нихъ, въ одно и тоже время, на однихъ кулакахъ, безъ помощи ногъ.

«Онъ же Берто, родомъ изъ Сенъ-Бри, готовъ, сверхъ-того, чтобы показать, какъ онъ презираетъ этихъ боксеровъ, получить отъ двухъ своихъ противниковъ десять ударовъ передъ начатіемъ боя, и означенные удары онъ позволяетъ дать себѣ въ тѣ мѣста, куда заблагоразсудится его противникамъ. Послѣ этого, Берто уничтожить обоихъ англичанъ.

«Берто требуетъ, чтобы тотчасъ по полученіи имъ десяти ударовъ, и до начатія боя, ему заплачено было, каковы бы ни были послѣдствія, два фунта стерлинговъ, за разбитые зубы.

«Писано на понтонѣ *Протей*, гдѣ означенный Берто умираетъ со скуки!»

— Ну? сказалъ матросъ съ торжествующимъ видомъ, когда я написалъ это необыкновенное объявленіе: какова идея?

— Ты сумасшедшій! отвѣчалъ я, пожимая плечами.

— Какъ, сумасшедшій? повторилъ Берто, не понимая моей досады.

— Неужели ты хочешь меня увѣрить, что станешь, биться съ двумя англійскими боксерами?

— О, какъ ты еще молодъ, вскричалъ Бретонецъ, помирая со смѣху. Какъ! ты не понимаешь штуки?

— Я понимаю, что десяти ударовъ, которые ты соглашаешься получить впередъ, довольно, чтобы сбить тебя съ ногъ и отправить въ госпиталь, и если ты это называешь штукою...

— Ну, конечно. Я очень хорошо знаю кулачные бои англичанъ. При первомъ ударѣ, у меня въ глазахъ замелькаютъ тридцать шесть свѣчей, а при пятомъ, вѣрно, будетъ двумя зубами менѣе...

— Прекрасно! А при десятомъ...

— Я буду безъ памяти лежать на палубѣ.

— А? ты соглашаешься. Въ чемъ же тутъ хитрость?

— Хитрость, товарищъ, вѣрно не такъ проста, когда ты ее не понимаешь. Хитрость въ томъ, что, избитый или нѣтъ, я положу въ карманъ два фунта стерлинговъ, которыхъ намъ довольно будетъ для побѣга. Вотъ тебѣ и хитрость!

Это самоотверженіе, выраженное такъ просто, тронуло меня до глубины сердца. Со слезами на глазахъ, я могъ только пожать руку Бретонца.

— Нѣтъ, Берто, я не допущу тебя до этого самоубійства! вскричалъ я.

— Право, ты глупъ! Гдѣ тутъ самоубійство? Двѣ недѣли въ госпиталѣ, вотъ и все, а тамъ мы убѣжимъ.

Извѣстно, что бретонское упрямство вошло въ пословицу. Черезъ полчаса, знаменитая афиша, прибитая около мачты, обращала на себя общее вниманіе

Эффектъ былъ удивительный. На понтонѣ ни о чемъ болѣе не было разговора.

— Я увѣренъ, что къ утру мой вызовъ будетъ извѣстенъ всему Портсмуту и всему Госпорту, сказала мнѣ Берто. Англичане любятъ эти выходки; я совершенно покоюсь; охотники найдутся.

Я игралъ въ шахматы, потому что мы на время остановили свои работы, какъ вдругъ услышалъ, что англійскій солдатъ справляется объ имени Француза, написавшаго вызовъ.

Думая, что командиръ *Протел* хочетъ наказать виновнаго, я поспѣшилъ явиться вмѣсто Берто. Меня тотчасъ же отвели къ лейтенанту, командовавшему понтонемъ.

Лейтенантъ, котораго обыкновенно звали капитаномъ, нѣсколько времени смотрѣлъ на меня, не говоря ни слова.

— Вы писали афишу? спросилъ онъ.

— Я, капитанъ.

— Вы называетесь Берто?

На этотъ вопросъ я не зналъ, что отвѣчать. Разсудивъ однако, что ложь моя будетъ открыта, я отвѣчалъ, что нѣтъ.

— Такъ это не вы хотите боксироваться съ двумя англичанами?

— Къ несчастію, нѣтъ, капитанъ; я недоволенъ силенъ, чтобы позволить себѣ это удовольствіе.

— А развѣ этотъ Берто очень силенъ?

При этомъ вопросѣ, мнѣ пришла въ голову мысль, которая могла воспрепятствовать самопожертвованію Берто.

— Силенъ ли онъ, капитанъ? вскричалъ я съ притворнымъ удивленіемъ. Развѣ вы никогда о немъ не слышали? Онъ извѣстенъ на всемъ французскомъ флотѣ.

— Въ-самомъ-дѣлѣ? И онъ умѣетъ боксировать?

— Нѣтъ, этого онъ не умѣетъ. При всемъ томъ, для него ничего нѣтъ легче, какъ однимъ ударомъ убить человѣка. На островѣ Бурбонѣ я самъ видѣлъ, какъ онъ сплющилъ голову Негру; словно бомбою.

Англичанинъ подумалъ съ минутою, и потомъ, обращаясь ко мнѣ, сказалъ: такъ это вы писали афишу?

— Да, капитанъ; Берто мнѣ другъ. Я не въ состояніи ни въ чемъ ему отказать.

— У васъ прекрасный почеркъ, продолжалъ капитанъ. Не хотите ли вы давать уроки моей дочери, десятилѣтней дѣвчкѣ. Я могу платить вамъ по шиллингу за урокъ.

Признаюсь, что это предложеніе, котораго я никакъ не ожидалъ, столько же удивило, какъ и обрадовало меня. Нѣтъ надобности прибавлять, что я сейчасъ согласился.

— И такъ, дѣло кончено; завтра вы можете начать ваши уроки

сказалъ капитанъ. А! такъ Берто убиваетъ людей однимъ ударомъ. Хорошо, вы можете идти.

Берто, которому я разсказалъ мой разговоръ съ командиромъ понтонна, былъ въ восторгѣ.

— Видишь, сказалъ онъ, весело потирая руки, и мы не даромъ истратили двѣнадцать су. Пусть теперь меня побьютъ, и дѣла наши будутъ въ блестящемъ состояніи.

На другой день командиръ Протея прислалъ за мною, и я далъ его дочери первый урокъ чистописанія. Я старался по возможности смягчить голосъ и быть ласковымъ и любезнымъ съ ребенкомъ. Мои старанія не остались тщетными; дѣвочка полюбила меня съ перваго раза.

Довольствуясь нашею скудною порціею, я, въ продолженіе шести недѣль, не истратилъ ни одного шиллинга изъ денегъ, получаемыхъ мною за уроки.

Берто былъ менѣе счастливъ. Ни одинъ боксеръ не являлся на его вызовъ.

Наконецъ, собравъ до сорока пяти шиллинговъ, мы рѣшились приступить въ исполненіе свой замыселъ. Въ понедѣльникъ мы все обдумали, и въ субботу положили бѣжать.

Пяти дней намъ было довольно, чтобы окончить всѣ приготовленія. Мы сшили себѣ два мѣшка изъ толстой смоляной парусины, вымазали ихъ снаружи саломъ, чтобы они могли предохранить отъ мокроты наши платья и провизію, и совершенно устроили отверстіе, оставя только тонкій слой дерева снаружи, чтобы оттуда не замѣтили нашихъ работъ.

Наконецъ мы дождались субботы. Наступила ночь, тихая, теплая июльская ночь. Мы раздѣлись, и спрятавъ въ мѣшки наше платье, поползли по нижней палубѣ къ приготовленному нами отверстію. Въ пять минутъ мы его совершенно очистили.

— Хочешь ли, я полѣзу первымъ? шепотомъ спросилъ Берто.

— Нѣтъ, отвѣчалъ я, тутъ больше опасность....

— Тѣмъ хуже для тебя, сказалъ онъ. Но такъ какъ это моя мысль и я прежде тебя на понтонѣ, то.... до свиданія!

Бретонецъ приготовился уже лѣзть, но вдругъ остановился, схватилъ въ темнотѣ мою руку, и пожимая ее, сказалъ:

— Нельзя знать, что случится, товарищъ; поцѣлуй меня. Теперь за дѣло.

Сказавъ это, Берто смѣло пролѣзъ въ отверстіе, ногами впередъ. Я былъ до того взволнованъ, что сердце, казалось, хотѣло вырваться изъ груди.

Я хотѣлъ слѣдовать за безстрашнымъ Бретонцемъ, когда громкій окликъ часоваго раздался съ галлерей, и вслѣдъ за нимъ тотчасъ-же послѣдовалъ выстрѣлъ.

Я остановился, и припавъ къ полу, осторожно высунулъ голову въ отверстіе, чтобы взглянуть на Берто; силы совсѣмъ измѣнялись мнѣ.

Пуля англійскаго часоваго, выстрѣлившаго на у дачу, не коснулась

моего бѣднаго друга; но при всемъ томъ, несчастный находился въ самомъ ужасномъ положеніи, какое только можно себѣ представить.

Веревка, которою мѣшокъ привязанъ былъ къ его тѣлу, зацѣпила за гвоздь, торчавшій изъ понтона, котораго мы прежде не замѣтили, и несчастный Берто не въ состояніи былъ ни броситься въ рѣку, ни влѣзть назадъ въ отверстіе.

Въ этомъ положеніи англійскіе солдаты, сбѣжавшись на выстрѣлъ могли безъ труда захватить бѣглеца, которой не въ состояніи былъ защищаться; я думалъ, что тѣмъ дѣло и кончится, когда раздалось нѣсколько глухихъ ударовъ и послышался крикъ ярости и страданія. Потомъ что-то тяжелое упало въ воду, — и все смолкло.

Не могу описать того, что во мнѣ происходило; я думалъ, что сойду съ ума. Отчаяніе и ярость были такъ велики во мнѣ, негодование такъ глубоко, что я готовъ былъ летѣть на помощь къ несчастному Берто. Я бы непременно исполнилъ это, еслибы существовала хотя малѣйшая надежда на успѣхъ.

Вслѣдъ за выстрѣломъ часоваго, рѣка мгновенно освѣтилась. Я увидѣлъ шлюпки, сбѣзжавшія къ намъ съ другихъ понтоновъ; на *Протель* также все пришло въ движеніе.

Наконецъ, чувство самохраненія заговорило во мнѣ сильнѣе негодованія и горести, и я поспѣшилъ добратъ до койки. Однако, рассчитывая что англичане будутъ непременно обыскивать батарею, я бросилъ въ воду мѣшокъ, который приготовилъ себѣ для бѣгства, вынувъ изъ него все платье и деньги.

Едва я успѣлъ скрыться въ койку, какъ мое ожиданіе оправдалось. Солдаты, съ заряженными ружьями, съ примкнутыми штыками, наполнили батарею. Насъ разбудили кулаками и прикладами, и выгнали на верхъ, для переклички.

Послѣ этой церемоніи, которая продолжалась, по-крайней-мѣрѣ, два часа, намъ позволили снова разойтись по койкамъ.

Какая печальная ночь! Болѣе всего меня терзала не мысль о свободѣ, но участь великодушнаго, несчастнаго Берто, котораго я не въ состояніи былъ спасти.

Съ какимъ нетерпѣніемъ ожидалъ я утра, чтобы узнать о его участи!

Едва пробило шесть часовъ, я прежде всѣхъ выбѣжалъ наверхъ; мое безпокойство и нетерпѣніе были такъ велики, что, позабывъ осторожность, я сталъ спрашивать перваго встрѣтившагося мнѣ англійскаго матроса.

— Достали ли тѣло несчастнаго, который хотѣлъ убѣжать въ прошедшую ночь? спросилъ я.

— Бездѣльникъ! Какое тебѣ дѣло? грубо отвѣчалъ матросъ. Я желалъ бы всѣхъ французовъ видѣть на днѣ морскомъ.

Мы до такой степени привыкли къ оскорбленіямъ всякаго рода, что слово *бездѣльникъ* нимало меня не тронуло; къ тому же, чтобы получить извѣстіе о Берто, я готовъ былъ перенести всѣ обиды.

— Да, я понимаю твое желаніе; но отвѣчай мнѣ, знаешь ли ты, что сталося съ бѣглецомъ?

— Знаю, да не скажу.

— Ты знаешь! вскричалъ я, бросаясь къ нему, внѣ себя. О, говори; я отдамъ тебѣ все, что у меня есть....

— Есть у тебя шиллингъ? спросилъ англичанинъ, прерывая меня.

— Есть, и не одинъ даже. ...

— Ну, давай шиллингъ; тогда я отвѣчу на твой вопросъ.

Я поспѣшилъ вынуть изъ кармана серебряную монету, которую требовалъ матросъ, и подалъ ему.

— Говори же, сказалъ я Человѣкъ этотъ умеръ?

— Къ несчастію, нѣтъ, отвѣчалъ онъ грубо. Но я думаю, едвали онъ очнется....

— А! онъ не умеръ! вскричалъ я, не скрывая своей радости.

— Когда я говорю нѣтъ, такъ нѣтъ... Эта собака французъ получилъ всего три раны штыкомъ, одинъ въ бокъ и два въ ногу.... сабельный ударъ почти разсѣкъ ему голову.... При всемъ томъ, французъ еще дышетъ.

— Благодарю тебя. Боже мой! вскричалъ я: надежда еще не потеряна. Скажи мнѣ, могу ли я каждый день имѣть черезъ тебя извѣстія о моемъ другѣ?

— Если каждый день ты будешь платитить мнѣ по шиллингу, то я могу извѣщать тебя о бездѣльникѣ.

— О, я съ радостью соглашаюсь....

— Ну! дѣло кончено. Теперь убирайся къ чорту, потому—что меня накажутъ, если увидятъ, что я съ тобою говорю....

На другое утро, въ шесть часовъ, я снова вышелъ наверхъ. Матросъ уже ожидалъ меня.

— Что новаго? спросилъ я.

Вмѣсто отвѣта, онъ протянулъ руку. Я вынулъ и отдалъ ему шиллингъ.

— Онъ все еще въ бреду, сказалъ англичанинъ: но къ несчастію, ему не хуже. Докторъ еще не отвѣчаетъ за его смерть. До завтра.

Такимъ-образомъ, въ-продолженіе двадцати дней, платя каждый разъ по шиллингу, я узнавалъ о здоровьѣ моего бѣднаго друга.

При разставаніи съ Берто, мы раздѣлили по поламъ сорокъ пять шиллинговъ, такъ что послѣ двадцати дней мнѣ нечѣмъ было платить английскому матросу. Безполезно объяснять, что послѣдній тотчасъ же прекратилъ со мною сношенія. Впрочемъ, съ меня было уже довольно и того, что я зналъ, что Берто поправляется, и я терпѣливо сталъ ожидать его возвращенія.

Чтобы убить-какъ нибудь время, я сталъ заниматься математикою. Я написалъ нѣсколько писемъ къ моему старому капитану.

Къ несчастію, страшное имя Сюркуфа дѣлало то, что всѣ мои письма конфисковали. Это узналъ я уже въ-послѣдствіи, отъ самаго Сюркуфа. Еслибы мои письма дошли до него, то моя молодость не прошла бы на отвратительныхъ повтонахъ, сгубившихъ лучшую часть

моей жизни. Но не переставая надѣяться на помощь Сюркуфа, я прилежно занимался математикою, чтобы, получивъ свободу, выдержать экзаменъ на званіе капитана-крейсера.

Здѣсь кстати разсказать удивительный феноменъ. Простые и не-образованные матросы, поступившіе на понтонъ за нѣсколько лѣтъ до меня не зная ни читать, ни писать, занимались съ такимъ стараніемъ, что когда я поступилъ на *Протей*, многіе изъ нихъ не только изрядно знали свой языкъ, но и имѣли довольно подробныя свѣдѣнія о математикѣ и географіи. Изъ нихъ многіе знали болѣе, чѣмъ больша часть морскихъ офицеровъ того времени.

— При всемъ томъ, наши занятія, кромѣ трудности имѣть математическія книги и инструменты, встрѣчали еще другія препятствія. Заниматься днемъ наверху, или въ батареѣ, было почти невозможно, по причинѣ постоянного шума; только ночью мы могли братья за книги. Для этого, прежде всего, необходимъ былъ огонь; потомъ нужно было найти средство скрывать его, потому-что если послѣ колокола, сержантъ находилъ огонь въ батареѣ, съ виновнаго строго взыскивалось; его сажали въ темный, сырой и холодный ровъ, подъ водою, и давали только двѣ трети обыкновенной порціи.

На понтонѣ число людей, работавшихъ умомъ, было самое малочисленное. Коки, или повара, продавцы картофеля, игроки и учителя фехтованія, никогда не имѣли недостатка въ деньгахъ, и смотрѣли на насъ съ презрѣніемъ и жалостью.

Не имѣя денегъ, мы, чтобы добыть себѣ освѣщеніе, должны были дѣлать большія пожертвованія. За обѣдомъ, каждый изъ академиковъ какъ мы называли себя, шутя, долженъ былъ сберегать весь жиръ со своего куска мяса. Этотъ жиръ мы собирали въ раковину, повѣшенную надъ большимъ столомъ, около котораго мы занимались, и жгли его вмѣсто лампы.

Съ наступленіемъ ночи, и послѣ пробитія колокола мы придвигали скамьи къ столу и завѣшивали его кругомъ толстою парусиною, одѣялами и всѣмъ, чѣмъ могли, чтобы скрыть огонь отъ англійскихъ часовыхъ.

Эти ночныя собранія, всегда существовавшія на понтонахъ, рѣдко бывали открываемы; несмотря на то, ни съ чѣмъ невозможно сравнить то безпокойное состояніе, которое я тогда испытывалъ. Мнѣ не страшно было наказаніе; но англичане истребляли книги, перья, бумагу и все, что намъ такъ дорого стоило.

Около половины сентября меня встрѣтила неожиданная радость. Выйдя однажды наверхъ, я увидѣлъ моего добраго Берто, котораго привели изъ госпиталя, и который, увидя меня, бросился ко мнѣ на шею.

— Ты едва не умеръ, мой бѣдный другъ! вскричалъ я, замѣтивъ у него на лбу широкій, едва закрывшійся рубецъ.

— Вздоръ! отвѣчалъ онъ, смѣясь.

— Я радъ, что ты совсѣмъ не перемѣнился, только похудѣлъ.

— Да, я все тотъ же. Кстати, когда мы бѣжимъ?

— Что? спросилъ я, не вѣря ушамъ.

— Я говорю: когда мы бѣжимъ?

— Послушай! вскричалъ я; это ужъ слишкомъ. Какъ! избавясь отъ смерти какимъ-то чудомъ, ты хочешь снова подвергать себя опасности. Это безразсудно!

— Напротивъ, очень умно. Еслибы мнѣ удалось убѣжать, то я болѣе не думалъ бы о бѣгствѣ. Разъ неудалось, — приходится начинать снова. Развѣ ты отказался отъ мысли быть свободнымъ?

— Признаюсь, печальный конецъ нашей попытки нѣсколько охладилъ меня...

— Дѣлай, какъ знаешь, но я предупреждаю тебя, что хочу бѣжать, и убѣгу.

— Мы начали вмѣстѣ, вмѣстѣ и кончимъ. Я отъ тебя не отстану..

— Въ такомъ-случаѣ не бойся. Я отвѣчаю за все! мы скоро увидимъ Францію.

Передъ выздоровленіемъ Берто мнѣ удалось собрать немного денегъ. Вотъ, какъ это случилось. Я уже говорилъ, что товарищи мои занимались разнаго рода работами; въ одномъ родѣ они достигли особеннаго совершенства. То были рисунки, выдѣланные изъ соломы, для разнаго рода рабочихъ ящичковъ; но рисунки эти почти всегда представляли одни и тѣ же предметы, цвѣты и птицы.

Однажды, когда я отъ скуки рисовалъ на доскѣ корабль, одинъ изъ фабрикантовъ этихъ вещей предложилъ мнѣ по три су за каждый изъ морскихъ рисунковъ; я немедленно согласился.

Мало-по-малу, я дотого пристрастился къ этому занятію, что оно сдѣлалось моимъ любимымъ препровожденіемъ времени. Я проводилъ цѣлые дни, забывая и о Сюркуфѣ и о господинѣ Тома.

Поэтому, противъ воли, я уже не показывалъ къ Берто прежней дружбы. Мнѣ даже было досадно на него зато, что онъ хочетъ бѣжать; мнѣ уже не хотѣлось подвергать себя вѣрной смерти.

— Гарнере, сказала мнѣ однажды Берто: мнѣ нужно съ тобою переговорить.

— Какой у тебя серьезный видъ! Ты меня пугаешь, сказала я съ усмѣшкою, потому-что, чувствуя себя неправымъ, я хотѣлъ избѣжать объясненія, и дать другой оборотъ разговору.

— Я серьезень, потому-что хочу говорить о серьезныхъ вещахъ. Пойдемъ къ скамьѣ, которая около твоей койки. Тамъ насъ никто не подслушаетъ.

Когда мы сѣли, Бретонецъ сказалъ мнѣ:

— Товарищъ, еслибы ты не поклялся мнѣ въ вѣчной дружбѣ, я не сидѣлъ бы теперь возлѣ тебя, и не сказалъ бы тебѣ того, что сейчасъ скажу. Во всякомъ-случаѣ, поклянись откровенно отвѣчать на мой вопросъ. Клянешься ли ты?

— Ты знаешь, Берто, что я откровенень и простъ. Говори.

— Точно ли ты хочешь бѣжать?

— Хочу, но...

— Помни свое обѣщаніе быть откровеннымъ; но... что?

— Наша первая попытка нѣсколько охладила меня... Мнѣ бы не хотѣлось, чтобы меня убили, какъ собаку. При удобномъ случаѣ, я не прочь.

— Я понимаю; ты бы хотѣлъ, чтобы тебя разбудили ночью, и сказали: вставай, Гарнерэ; вотъ твой мѣшокъ; отверзтіе готово; бѣжимъ.

— Признаюсь; въ этомъ случаѣ я бы не отказался.

— Честное слово?

— Честное слово, Берто.

— Ну, слушай же. Сегодня ночью я приду разбудить тебя, принесу тебѣ мѣшокъ, и отверзтіе будетъ готово. Тебѣ останется только выскочить въ воду.

— Что ты говоришь, Берто? вскричалъ я съ удивленіемъ Ты хочешь бѣжать сегодня ночью?

— Да, любезный другъ, это удивляетъ тебя? Какъ быть! Ужъ если у меня явится какая-нибудь мысль, то я непременно стараюсь ее исполнить. Вотъ почему, въ то время, какъ ты пачкалъ бумагу за нѣсколько су, я работалъ и все приготовлялъ къ побѣгу. Но будемъ меньше говорить, и больше дѣлать. Мы другъ-друга понимаемъ. Жди меня въ полночь.

Сказавъ это, Берто хотѣлъ удалиться, но, вспомня что-то, снова подошелъ ко мнѣ.

— Я позабылъ напомнить тебѣ объ одной необходимой предосторожности, сказалъ онъ. Теперь холодно, и такъ какъ—море нетакъ тепло, какъ въ Индіи, то вымажь себя съ ногъ до головы масломъ или жиромъ... Это предохранить тебя отъ холода.

Ночью я исполнилъ совѣтъ Берто, взявъ жиръ изъ нашей лампы. Снявъ съ себя всю одежду и забившись въ койку, я съ лихорадочнымъ нетерпѣніемъ ожидалъ Берто. Въ полночь онъ явился; я тихонько соскочилъ на палубу, и никѣмъ незамѣченный, прокрался къ приготовленному имъ отверзтію.

Устье рѣчки Порчестеръ, въ которой стояли понтоны, находится прямо противъ портсмутскаго адмиралтейства. Большіе болотистые островки раздѣляютъ ее на три рукава. Въ среднемъ изъ нихъ стоялъ Протей, носомъ къ адмиралтейству.

Три островка, о которыхъ я сейчасъ упомянулъ, выходили въ портсмутскую гавань. Противъ островка, лежавшаго отъ насъ влѣво, съ западной стороны, было поле; за нимъ виднѣлась тюрьма Фортонъ, гдѣ также содержались французскіе плѣнные, а за тюрьмою городъ Госпортъ.

Къ востоку отъ Протей, за двумя островками, занимавшими всю ширину рѣки, также виднѣлось поле; но все это мѣсто было покрыто укрѣпленіями; отъ нихъ къ югу находился арсеналъ и городъ Портсмутъ.

Я уже сказалъ, что мы благополучно добрались до отверзтія.

— Вотъ твой мѣшокъ, тихо сказалъ Берто: перекинь его черезъ плечо, его легко будетъ развязать, когда понадобится...

— Что въ этомъ мѣшкѣ? спросилъ я.

— Два сухаря, водка, маленькая пила и пара ходуль.

— Для чего намъ ходули?

— Чтобы перейти черезъ острова, не увязнувъ въ болотѣ. Дай же мнѣ пролѣзть впередъ; я покажу тебѣ дорогу.

— Нѣтъ, на этотъ разъ моя очередь идти впередъ. Если ты не согласенъ на это, я остаюсь на понтонѣ.

Съ чувствомъ пожавъ руку товарищу, я тихонько спустился въ рѣку. Несмотря на жиръ, которымъ я былъ вымазанъ, холодная вода дотога оледенила мое тѣло, что оно почти совершенно лишилось силъ. Къ-счастью, я скоро пришелъ въ себя. Вслѣдъ за мною спустился и Берто.

— Плыви безъ шума, сказалъ онъ тихо. Въ темнотѣ ночи, я все ждалъ блеска выстрѣла и пули въ голову, и успокоился только тогда, когда нога моя коснулась земли.

Мы добрались до одного изъ трехъ островковъ.

Прошло съ четверть часа, прежде, чѣмъ мы могли пуститься далѣе; Мы съ трудомъ передвигали ноги по вязкому грунту, по которому легче было пробираться вплавь.

Я дотога изнемогъ и озябъ, что долженъ былъ остановиться для отдыха. Глотокъ водки и мысль, что я на свободѣ, скоро возвратили мнѣ силы.

Перебравшись черезъ островокъ, мы снова очутились въ рѣкѣ. Ночь была такъ темна, что я не могъ видѣть Берто, плывшаго со мною рядомъ.

— Куда плыть? спросилъ я.

— Я думаю, нужно держать вправо, къ Госпорту.

По-мѣрѣ того, какъ мы подвигались впередъ, меня болѣе и болѣе прохватывалъ холодъ, такъ-что я съ трудомъ держался на водѣ. Я сказалъ объ этомъ Берто.

— Я самъ удивляюсь, какъ до-сихъ-поръ не иду ко дну, сказалъ онъ. Перевернемся на спину.

— Послушай, Луи, замѣтилъ Берто, когда мы проплыли еще нѣсколько времени: мнѣ кажется, мы ошиблись въ направленіи, и вмѣсто того, чтобы плыть къ берегу, вышли на рейдъ; иначе мы давно были бы на сушѣ.

— Я давно уже думалъ это, но не хотѣлъ сообщить своей мысли Берто.

Скоро въ ошибкѣ нашей не осталось никакого сомнѣнія. Ясно было, что оставя землю влѣвѣ, мы плыли на рейдъ.

Положеніе наше становилось ужаснымъ, почти отчаяннымъ. Ночь, дѣлаясь съ каждымъ часомъ темнѣе, не позволяла намъ ничего передъ собою видѣть, между-тѣмъ какъ пронзительный холодъ отнималъ у меня послѣднія силы. Берто сохранялъ всю свою энергію, и казалось, не обращалъ вниманія на опасности...

Мы проплыли еще съ четверть часа. Я чувствовалъ, что изнемогаю.

— Берто, прошепталъ я, дай мнѣ подкрѣпить себя водкою; я тону...

— Держись рукою за мое плечо, отвѣчалъ онъ, и пей.

— Благодарю тебя, Берто! Ты спасаешь мнѣ жизнь.

Но, схватясь за его плечо, я почувствовалъ, что онъ погружается.

— Скорѣе, я, кажется, тону, сказалъ онъ; это, конечно, неприятно, но все лучше, чѣмъ попасться бездѣльникамъ англичанамъ.

Глотокъ рому скоро возвратилъ мнѣ прежнюю бодрость.

— Держись за меня и послѣдуй моему примѣру, сказалъ я Бретонцу.

— Я бы и радъ, но не могу пошевелиться... Все кончено... Прощай, товарищъ!

При этихъ словахъ, которыя Берто старался произнести спокойно, но въ которыхъ видно было предсмертное страданіе, я схватилъ его поперегъ и влилъ ему въ ротъ нѣскольکو глотковъ рому.

Это возвратило ему силы. Но я началъ снова ослабѣвать: голова кружилась, въ ушахъ раздавался шумъ, въ глазахъ становилось темно...

Въ эту минуту одно слово, произнесенное Берто, возвратило меня къ жизни.

Бретонецъ закричалъ: берегъ!

Почти съ ту же минуту голова моя ударилась о что-то твердое; ощупью я узналъ, что это корабль. Отыскавъ трапъ (лѣстницу), я взошелъ на палубу, и за мною Берто.

Было не болѣе, какъ часъ или два ночи; поэтому на палубѣ мы не нашли ни одного человѣка.

Огромная собака встрѣтила насъ съ страшнымъ лаемъ, и встрѣча эта была тѣмъ опаснѣе, что мы были совершенно наги.

Толстая дубина, попавшаяся мнѣ подъ руку, спасла насъ отъ этого неожиданнаго непріятеля.

Но раздраженное животное разбудило команду своимъ лаемъ. Пять или шесть матросовъ выскочили на палубу, и разинувъ рты, смотрѣли на насъ, какъ на привидѣнія.

Я тотчасъ замѣтилъ, что они говорили на неизвѣстномъ мнѣ языкѣ. Это не укрылось и отъ Берто:

— Это не англичане, сказалъ онъ: мы спасены.

Черезъ пять минутъ, насъ привели къ капитану, въ каюту.

— Кто вы? спросилъ онъ дурнымъ англійскимъ языкомъ.

— Французы, бѣжавшіе съ понтона, капитанъ, отвѣчалъ я, которые, надѣясь на ваше человѣколюбіе и честь, просятъ у васъ убѣжища.

— Вы бѣглецы съ понтоновъ, бездѣльники! вскричалъ шкиперъ по-французски; и вы смѣете просить убѣжища у меня, датскаго капитана!... Вы съ ума сошли!

— Но, капитанъ, Франція, кажется, не въ войнѣ съ Данією, отвѣчалъ я; во всякомъ-случаѣ, долгъ благороднаго человѣка — не оста-

вить безъ помощи несчастныхъ... Чтоже вы хотите дѣлать? Неужели вы не позволите намъ остаться у васъ до завтра.

— Остаться у меня! повторилъ съ удивленіемъ шкиперъ. Право, одни только французы могутъ быть такъ безстыдны. Какъ! вы думаете, что я приму вашу сторону противъ союзницы нашей, Англій? Я удивляюсь вашей дерзости...

Сказавъ это, шкиперъ всталъ и хотѣлъ идти, вѣроятно для того, чтобы приказать отвезти насъ на *Протей*, какъ вдругъ Берто, который не принималъ участія въ разговорѣ, схватилъ со стола ножъ, бросился на шкипера, свалилъ его на землю, и уперши ему колѣно въ грудь, сказалъ:

— Еще одно слово, и я убью тебя! А! Ты дрожишь! Гарнере, дай мнѣ эти салфетки, я завяжу ему ротъ.

Я поспѣшилъ исполнить приказаніе Берто, и черезъ минуту, шкиперъ лежалъ на полу, со связанными руками и ртомъ.

— Теперь, товарищъ, мы можемъ отправляться, сказалъ Берто.

— Что дѣлать, спросилъ я, когда мы поднялись наверхъ.

— Что за вопросъ? сказалъ онъ, останавливаясь. Я снова брошусь въ море. А ты?

— Я! Признаюсь тебѣ, Берто, я столько страдалъ, что такую цѣною не хочу купить даже свободы. Я останусь здѣсь; пусть меня отправятъ на Понтонъ.

— Можетъ-быть, ты и правъ, но я не въ силахъ оставаться; не могу перенести мысли отдаться опять англичанамъ.

— Выслушай меня, Берто..

— Говори скорѣе.

— Откажись отъ своего намѣренія... Успѣхъ невозможенъ... Ты колеблешься... Ты остаешься...

— Ошибаешься, отвѣчалъ Берто съ твердостью, хотя зубы его стучали отъ холода: — я на все рѣшился!

И Бретонецъ, все еще съ ножомъ въ рукахъ, явился передъ испуганными матросами, и потомъ бросился въ море.

Черезъ четверть часа шкиперъ приказалъ отвезти меня на понтонъ; но, несмотря на всѣ мои просьбы, не хотѣлъ послать шлюпки за Берто.

— Этотъ бездѣльникъ смѣлъ меня ударить, сказалъ онъ; я не хочу помогать ему.

Мое возвращеніе на *Протей* было ужасно. Капитанъ приказалъ посадить меня подъ арестъ, въ томъ видѣ, какъ я былъ, то-есть, дрожащаго отъ холода и безъ всякой одежды.

Никогда не позабуду я страданій, перенесенныхъ мною въ эту ночь. Только днемъ мнѣ позволили занять мое прежнее мѣсто въ батареѣ, но о платьѣ моемъ никто не заботился. Къ счастью, товарищи снабдили меня, чѣмъ могли.

Я проснулся, послѣ безпокойнаго сна, продолжавшагося небольшою часа. Въ батареѣ замѣтно было какое-то движеніе.

— Что случилось? спросилъ я.

— Ничего, съ смущеніемъ отвѣчалъ плѣнный, къ которому я обратился.

— Къ-чему-же эта суматоха?

— Смотрять на вороновъ...

— На вороновъ? Ты шутишь? сказалъ я, взглянувъ въ рѣшетчатое окно нашей темницы.

О! какое ужасное зрѣлище представилось моимъ глазамъ; не знаю, какъ въ ту же минуту я не лишился чувствъ.

На одномъ изъ песчаныхъ островковъ, окружавшихъ *Протей*, и едва прикрытыхъ водою, валялся обнаженный трупъ, выброшенный волненіемъ.

— Берто! вскричалъ я съ отчаяніемъ; можетъ быть онъ еще живъ.

Я бросился наверхъ и обратился къ офицеру, смотрѣвшему на берегъ въ зрительную трубу.

— О, спасите его; онъ, можетъ-быть, еще не умеръ! вскричалъ я; утопленники иногда приходятъ въ себя. Именемъ всего, что для васъ священно, умоляю васъ, доложите капитану....

— Въ-самомъ-дѣлѣ, онъ, кажется, шевелится! сказалъ офицеръ, наводя трубу на трупъ бѣднаго Бретонца. Мы узнаемъ это, когда вода совсѣмъ сбудетъ.

Я хотѣлъ настаивать, но англичанинъ ударилъ меня трубою по головѣ и велѣлъ молчать.

Только черезъ два часа, при полномъ отливѣ, послали шлюпку съ стоявшаго возлѣ насъ понтона за останками бѣднаго Бретонца.

Хотя къ-несчастію, мы уже не сомнѣвались въ его смерти, но даже мысль о томъ, что трупъ несчастнаго не оставятъ на пищу воронамъ, была для насъ утѣшительна. Увы! мы напрасно надѣялись.

Мы устремили глаза на солдатъ и матросовъ, которые, поставя свою шлюпку на мель у островка, пошли къ тому мѣсту, гдѣ лежало тѣло нашего несчастнаго товарища. Я надѣялся, что его похоронятъ.

Страшное зрѣлище, которое было у насъ передъ глазами, говорило громче разсудка. Обезображенный трупъ Берто, тащимый на веревкѣ за шлюпку, приблизился къ понтону. Мы думали, что его поднимутъ наверхъ и схоронятъ; но, несмотря на мои просьбы, его оставили въ водѣ, у борта *Протея*, на той же веревкѣ, на которой его притащили, и только на другой день отправили на берегъ, въ госпиталь.

Трагическій конецъ моего друга сильно подѣйствовалъ на мое воображеніе; здоровье мое разстроилось, бодрость оставила меня. Къ довершенію несчастія, я оставался совершенно безъ работы, и долженъ былъ довольствоваться нашею скудною порціею.

Вдругъ совершенно неожиданный случай явился ко мнѣ на помощь.

Я, кажется, говорилъ уже, что всѣ журналы были строго запрещены на понтонѣ; поэтому плѣнные ничего такъ не желали, какъ получить журналъ. Съ помощію хитрости и денегъ, имъ удалось подкупить одного изъ сторожей и получать черезъ него драгоценную газету. День, когда она появилась на понтонѣ, былъ днемъ торжества; все пришло въ волненіе, каждый хотѣлъ дотронуться и взглянуть на нее.

Къ-несчастію, очень простое открытіе значительно уменьшило эту радость. Когда первый восторгъ прошелъ, замѣтили два обстоятельства: во-первыхъ, газета была англійская; во-вторыхъ, на понтонѣ никто не зналъ хорошо англійскаго языка, чтобы бѣгло переводить ее.

Когда узнали, что я говорю по-англійски, то всѣ приступили ко мнѣ съ просьбою, принять на себя званіе переводчика, съ платою по шести су въ сутки. Я тотчасъ-же вступилъ въ свое новое званіе.

Страсть къ живописи не давала мнѣ покоя. Въ три мѣсяца я накопилъ, наконецъ, до девяти франковъ, и у меня явилась краска, бумага и карандаши.

Первое мое произведеніе былъ портретъ. На Протеѣ былъ одинъ англійскій солдатъ, типъ смѣшнаго, на котораго я всегда любовался. Я имѣлъ способность схватывать сходство, и сдѣлалъ его на портретѣ еще хуже и оригинальнѣе. Успѣхъ былъ необыкновенный. Въ-самомъ-дѣлѣ, было отчего.

Солдатъ не могъ придти въ себя отъ удивленія. *By God*, сказалъ онъ, я никакъ не думалъ, чтобы французъ могъ такъ ухитриться. Сколько ты хочешь за портретъ.

— Два шиллинга, отвѣчалъ я.

— Два шиллинга! Конечно, онъ стѣдитъ и болѣе, но у меня нѣтъ денегъ, и потому я предлагаю тебѣ шесть пенсовъ.

— Не могу уступить такъ дешево.

Англичанинъ задумался.

— Прибавь тутъ на портретѣ еще зонтикъ, который подарила мнѣ Бетси, и вложи въ ротъ мою богатую трубку, и я, пожалуй, дамъ тебѣ два шиллинга...

— Хорошо. Принеси зонтикъ и трубку.

Сказано, сдѣлано. Я дополнилъ свою карриатуру, и получилъ два шиллинга.

Успѣхъ былъ необыкновенный. Каждый изъ англичанъ захотѣлъ имѣть свой портретъ, и дѣла мои стали поправляться.

Я бралъ за портретъ отъ шести пенсовъ до шиллинга. За шесть пенсовъ я давалъ фizioномію, какую вздумается; за шиллингъ, я ручался за сходство.

Можно представить себѣ мою радость, когда я наконецъ въ состояніи былъ купить себѣ полотно и масляныя краски.

И конецъ перваго года моего заключенія прошелъ гораздо пріятнѣе начала.

Изученіе математики, живопись и сонъ занимали меня попеременно. Чтобы укрѣпить тѣло, я бралъ также уроки фехтованія и танцванія, и хотя наши фехтмейстеры въ своемъ искусствѣ не могли, конечно, сравниться съ Гризье, при всемъ томъ, они сдѣлали изъ меня довольно изряднаго ученика.

Однажды, за обѣдомъ, завязался споръ между двумя французскими солдатами, взятыми въ плѣнъ при сдачѣ Сень-Доминго; причина спора была совершенно пустая, но имѣла ужасныя послѣдствія.

При этомъ спорѣ, одинъ изъ солдатъ, по-имени Келлеръ, изъ Аль-

заса, тихій, но вспылчивый челоуѣкъ, получилъ отъ своего противника полную оплеуху.

Альзасецъ немедленно потребовалъ удовлетворенія, угрожая убить обидчика, если онъ откажется отъ дуэли. Всѣ увѣщанія были напрасны.

Фехтмейстеръ, къ которому они обратились, чтобы достать оружіе, отвѣчалъ, что онъ можетъ уступить имъ рапиры только за весьма дорогую цѣну, потому-что съ потерей ихъ, онъ долженъ будетъ прекратить свои уроки.

Противники, не говоря ни слова, стали обыскивать карманы; но у обоихъ едва набралось восемнадцать су.

Шквалы *Протей*, узнавъ, что недостатокъ въ деньгахъ мѣшаетъ состояться дуэли, и напередъ рассчитывая видѣть новое зрѣлище, сложились между-собою, чтобы помочь дѣлу.

Къ-счастью, при всѣхъ стараніяхъ, имъ не удалось собрать болѣе тридцати су; фехтмейстеръ-же требовалъ за рапиры неменѣе шести франковъ, и потому, къ общей нашей радости, дуэль не могла состояться.

Увы! мы не рассчитывали на изобрѣтательность шкваловъ, которые, вознаграждая существенную бѣдность богатствомъ воображенія, вскорѣ доставили возможность противникамъ перерѣзать другъ-другу горло. Двѣ бритвы, прикрѣпленныя къ концамъ двухъ гибкихъ тростей, замѣнили рапиры.

Дуэль началась сейчасъ же.

Съ позволенія читателя, я не стану описывать этой ужасной дуэли; одно воспоминаніе о ней до-сихъ-поръ для меня тягостно.

Несчастный альзасецъ упалъ мертвый.

Теперь я перескакну черезъ два года, и прямо начну съ 1800. Въ эти два года, несмотря на прежнюю скуку и страданія, мое положеніе значительно улучшилось. Мои быстрые успѣхи въ живописи обратили на себя вниманіе англичанъ, и мнѣ позволили работать въ свѣтлой каютѣ, наверху. Эта каюта принадлежала комиссару, который уступилъ мнѣ ее, имѣя въ виду сбывать мои картины въ Портсмутѣ, и получать съ нихъ значительный барышъ.

Итакъ, мое положеніе было довольно сносно, какъ вдругъ мнѣ объявили, что черезъ часъ я долженъ оставить *Протей* и перебраться на другой понтонъ. Это извѣстіе поразило меня, какъ громовымъ ударомъ.

Всѣ просьбы и письма мои остались безъ отвѣта; я долженъ былъ повиноваться.

Черезъ часъ, меня отвезли, подъ конвоемъ, на понтонъ *Корону*. Я не могъ попасть въ худшее мѣсто. Лейтенантъ, командовавшей *Короною*, котораго я не хочу называть его настоящимъ именемъ, лейтенантъ Р**, полный властелинъ нашъ, былъ настоящимъ извергомъ.

Рыжіе волосы, сѣро-голубые глаза, безжизненные и мутные, крючковатый носъ, ротъ до ушей; губы, бывшія постоянно въ какомъ-то судорожномъ движеніи, и лицо, изрытое оспою, — вотъ наружность лейтенанта Р....

Эти физическіе недостатки увеличивались еще потерей правой руки, отнятой послѣ дуэли.

Питая глубочайшее презрѣніе и ненависть къ французской націи, онъ, вѣроятно, за эти похвальныя чувства, получилъ подъ команду понтонъ.

Первое неудовольствіе лейтенанта плѣнные навлекли на себя тѣмъ, что прозвали его, какъ и всѣхъ командировъ понтоновъ, — тюремщикомъ.

— А! меня зовутъ тюремщикомъ, сказалъ онъ: такъ я покажу же этимъ негодьямъ, что значитъ тюремщикъ.

Это слово, пересказанное плѣннымъ, хотя и показалось намъ дурнымъ предзнаменованіемъ, но не могло заставить предвидѣть тѣ страданія, которыя намъ предстояли.

Когда я поступилъ на понтонъ, жестокость лейтенанта была во всей своей силѣ.

Подъ предлогомъ, что французы уже нѣсколько разъ старались спастись бѣгствомъ, онъ велѣлъ прекратить всѣ сношенія между понтономъ и берегомъ. Всѣ лодки, доставлявшія плѣннымъ все необходимое, отгоняли отъ борта и грозили даже стрѣлять въ нихъ.

Черезъ часъ послѣ моего пріѣзда на *Корону*, я уже зналъ всѣ эти притѣсненія. Сверхъи-того, меня извѣстили, что англичане содержались въ *карантинъ*, то, есть, что плѣнные согласились не имѣть никакихъ съ ними сношеній, и даже не говорить съ ними ни слова.

Съ этого времени, ни одинъ изъ англійскихъ солдатъ, которые обыкновенно бродили по палубамъ, покупая у насъ вещи за безцѣнокъ, — не смѣлъ между нами показываться. Вражда была открытая. Я останавлиюсь на минуту, чтобы представить читателю новое лицо, капрала Барклея, повѣреннаго и любимца лейтенанта Р...

Этотъ капралъ былъ величайшій негодяй. Желая угодить лейтенанту и быть произведеннымъ въ сержанты, онъ былъ безчеловѣченъ съ французами, и не скрывалъ этого. Стоило послушать его торгъ.

Я хочу эту вещь за такую-то цѣну, говорилъ онъ и, ты долженъ уступить мнѣ. Я знаю, что вещь стоитъ гораздо дороже, но такъ-какъ я могу сдѣлать тебѣ много зла, то ты долженъ отдать мнѣ ее...

И въ-самомъ-дѣлѣ, опасаясь его мщенія, ему все уступали. По этому, послѣ лейтенанта Р..., мы никого столько не ненавидѣли на понтонѣ, какъ капрала Барклея.

Въ самый день моего пріѣзда, когда я торговалъ себѣ мѣсто для койки, продавецъ мой, вскрикнувъ отъ удивленія, указалъ мнѣ на англійскаго солдата, входившаго въ батарею.

— Вотъ капралъ Барклей, сказалъ онъ: посмотримъ, что будетъ.

Англичанинъ, гордясь эффектомъ, произведеннымъ въ батареѣ его появленіемъ, покачиваясь, подошелъ къ одному изъ плѣнныхъ, вязавшему подтяжки.

— Сколько ты хочешь за эту пару? спросилъ онъ, схватывая самую лучшую работу?

Плѣнный, повинаясь карантиннымъ законамъ, не отвѣчалъ ни слова; лицо капрала нахмурилось.

— Почему ты молчишь, когда я тебя спрашиваю? продолжалъ онъ грубо: ты знаешь, что мнѣ легко наказать тебя за такую дерзость. Мнѣ извѣстно, что вы меня ненавидите, но эта ненависть должна исчезать передъ страхомъ наказанія... Отвѣчай же, что это стоитъ?

По сжатымъ бровямъ плѣннаго, по блеску глазъ, по его прерыв-стому дыханію, видно было, что онъ удерживалъ себя и что молчаніе дорого ему стоило.

Блѣдное лицо капрала вдругъ вспыхнуло.

— Капралъ, сказалъ одинъ изъ французскихъ матросовъ, выступи изъ толпы: тебѣ нужны подтяжки. Ступай за мною, я готовъ ихъ тебѣ продать.

— Вотъ умный человѣкъ! вскричалъ Барклея, обрадованный тѣмъ, что заставилъ нарушить карантинныя правила. Посмотримъ твой товаръ, пріятель; я не дамъ тебѣ дорого, потому—что не привыкъ платить за вещи то, что онѣ стоятъ; иначе, какая бы мнѣ выгода отъ вашего плѣна? Но я вознагражу тебя иначе.

— Этому матросу достанется отъ товарищей за нарушеніе карантинныхъ правилъ, сказалъ я.

— Не бойся за него, товарищъ, отвѣчалъ мнѣ сосѣдь: тутъ кроется какая-нибудь хитрость. Пойдемъ, посмотримъ.

Въ-самомъ-дѣлѣ, я замѣтилъ, что плѣнные густою толпою собрались въ баттареѣ.

Капрала же нигдѣ не было видно.

Каково же было мое удивленіе и радость, когда я увидѣлъ его посреди толпы, на полу, безъ одежды, со связанными ногами.

Судъ былъ коротокъ. Кто-то закричалъ: сквозь строй! и приговоръ былъ подтвержденъ всѣми.

Напрасны были всѣ просьбы и мольбы капрала. Положивъ его платье у выхода на верхъ, всѣ плѣнные вооружились линейками, тростями, рапирами, подкованными башмаками, и построились въ два ряда вдоль баттарей.

Со словомъ «маршъ!» сотни ударовъ посыпались на Барклея, который съ крикомъ бросился къ выходу на верхъ; но связанныя ноги не позволили ему бѣжать, и онъ упалъ нѣсколько разъ, прежде чѣмъ добрался до лѣстницы. Тутъ, изнемогая подъ ударами, онъ остановился и отирая лицо, покрытою кровью, одѣлся и поднялся наверхъ, опасаясь насмѣшекъ товарищей, которые также его не любили.

— Жаль, что этого изверга остался въ живыхъ! сказалъ одинъ изъ плѣнныхъ.

Я съ ужасомъ обернулся, чтобы взглянуть на человѣка, который это говорилъ.

Представьте себѣ мое удивленіе, когда я увидѣлъ молодаго человѣка прекрасной и благородной наружности. Я подумалъ, что ошибся.

— Я вижу, вы не соглашаетесь со мною, сказалъ онъ, печально улыбаясь: и даже ужасаетесь моихъ словъ. Нѣтъ, товарищъ, еслибы ты испыталъ тѣ униженія и страданія, которыя испытывалъ я, офицеръ королевскаго флота, у тебя не осталось бы въ сердцѣ ничего, кромѣ

чувства мести. Повѣришь ли ты, что я, несчастный житель понтона, былъ уже четыре раза выкупаемъ, и все еще остаюсь здѣсь....

— Но это быть не можетъ. Это низость

— Я говорю тебѣ совершенную истину, и порукою въ томъ честное слово....

— Чѣе?

— Мичмана Б***, отвѣчалъ плѣнный, выпрямляя свой стройный станъ, и бросая на меня взглядъ, полный искренности и благородства.

Я съ уваженіемъ поклонился офицеру, котораго имя, нѣсколько времени пользовавшееся громкою извѣстностью, не было для меня ново.

— Позвольте мнѣ узнать, какимъ же образомъ могло случиться, что, бывъ обмѣнены четыре раза въ морѣ на другаго плѣннаго, вы все еще остаетесь на понтонѣ? спросилъ я.

Это печальная исторія, которая не дѣлаетъ чести англичанамъ, отвѣчалъ онъ. Выслушайте меня.

— Вамъ извѣстно, какъ исполнили англичане статьи договора, подписаннаго при капитуляціи Сентъ-Доминго; я одна изъ многочисленныхъ жертвъ неслыханнаго нарушенія условій капитуляціи.

Попавшись въ руки англичанъ, я какъ офицеръ, считался плѣннымъ на честное слово, за порукою епископа Уатама. Вамъ извѣстно, что эта порука состоитъ въ томъ, чтобы плѣнный, живя въ городѣ, не отлучался никуда изъ избраннаго имъ мѣста.

Я поселился въ семействѣ протестантскаго пастора, который, я вспоминаю это съ удовольствіемъ, всегда былъ ко мнѣ расположенъ. У него была шестнадцатилѣтняя дочь, остроумная дѣвушка, прекрасная какъ ангель, которая изъ жалости, вѣроятно, къ моимъ несчастіямъ, показывала ко мнѣ нѣжное вниманіе. Я былъ счастливъ, и почти забывалъ Францію, когда моя несчастная звѣзда привела въ домъ пастора одного изъ директоровъ транспортнаго управленія, Паттерсона, который возненавидѣлъ меня за предпочтеніе, оказанное мнѣ миссъ Оливіею.

Пользуясь моимъ положеніемъ, потому-что я совершенно отъ него зависѣлъ, онъ осмѣлился однажды дерзко обращаться со мною при миссъ Оливіи. Я не могъ удержать своего гнѣва, и тутъ же наказалъ его, заставя на колѣняхъ извиниться передо мною.

Низкая душа этого человѣка снесла такое униженіе; онъ даже хотѣлъ протянуть мнѣ руку, но я оттолкнулъ его ногою, какъ гадину, и на мое презрѣніе онъ отвѣчалъ только улыбкою сожалѣнія. Съ этой минуты я понялъ, что человѣкъ, который могъ такъ унизиться, не станетъ избирать средствъ для мщенія.

Въ-самомъ-дѣлѣ, черезъ недѣлю, меня обвинили въ попыткѣ спастись бѣгствомъ, схватили, отняли деньги и вещи, и бросили на этотъ понтонъ.

Съ-тѣхъ-поръ прошло три года. Въ-продолженіе этого времени Паттерсонъ четыре раза присылалъ мнѣ сказать, что я обмѣненъ въ морѣ, что имѣю право на свободу, но что онъ удерживаетъ меня на понтонѣ за нанесенную ему обиду.

Каждый разъ, въ доказательство, онъ присылалъ мнѣ письменное свидѣтельство о моемъ обмѣнѣ. Теперь вы понимаете, сказалъ Б...., почему я питаю такую ненависть къ англичанамъ.

— Это невѣроятно! вскричалъ я; но почему же вы не обратились съ жалобою къ англійскому правительству?

— Эта мысль не одинъ разъ приходила мнѣ въ голову, но къ-несчастью, ни одно изъ моихъ писемъ не доходило по назначенію. Мнѣ не возвратили ни вещей, ни денегъ, подъ тѣмъ предлогомъ, что ими покрыты издержки моего ареста.

Эта покража была для меня тѣмъ чувствительнѣе, что приговоренный за мнимое бѣгство, къ денежному штрафу въ десять гиней, которыя вычитали съ меня, уменьшая мою ежедневную порцію, стоившую пять су, я долженъ былъ раздѣлять это лишеніе со всѣми плѣнными, потому, что такой уже обычай на понтонѣ. О! сколько страданій и униженій!

Сказавъ это, Б... закрылъ лицо руками и нѣсколько минутъ оставался въ такомъ положеніи.

— О, если только Богъ сохранить мнѣ жизнь, продолжалъ онъ: я отомщу имъ!.... Я вполне понимаю теперь чувство мщенія!

— Но неужели вы лишены здѣсь всего? Развѣ изъ Франціи вамъ не присылаютъ денегъ?

— Я безъ всякихъ средствъ. Все, что посылали мнѣ изъ Франціи, было перехватываемо, и безъ великодушной помощи одного изъ плѣнныхъ, который, зная мое состояніе, вѣритъ мнѣ въ долгъ, я бы нуждался во всемъ.... Но вотъ и банкиръ мой, прибавилъ мичманъ, дружески улыбаясь человѣку лѣтъ тридцати-пяти или сорока, который проходилъ мимо, въ богатомъ тепломъ халатѣ и великолѣпныхъ сафьянныхъ туфляхъ.

— Ну вскричалъ я: вотъ первый туалетъ, который я вижу въ-продолженіе трехъ лѣтъ. На *Протель*, мы не знали кашемировыхъ халатовъ. Нужно имѣть огромное богатство, чтобы позволить себѣ такую роскошь....

— Онъ простой канонеръ, по-имени Дюверъ.

— Простой канонеръ?

— Да; но въ бытность его на понтонѣ, онъ неожиданно получилъ въ наслѣдство тридцать тысячъ ливровъ годового дохода. Я совѣтую вамъ съ нимъ познакомиться.

Разставшись съ мичманомъ Б...., я купилъ себѣ мѣсто для койки, и перенесъ туда мои вещи, вышелъ на верхнюю палубу.

Прохаживаясь взадъ и впередъ по палубѣ, я встрѣтилъ многихъ матросовъ, которые прежде со мною служили; мы обрадовались, увидя другъ-друга. Вечеромъ, одинъ изъ нихъ подошелъ ко мнѣ и сказалъ:

— Жаль Гарнере, что мы не въ одной артели: постарайся сегодня ночью пробраться къ намъ внизъ.

— Для чего же сегодня?

— Потому что насъ бѣжитъ шестеро, а ты будешь седьмымъ...

— Благодарю тебя; съ меня довольно первой попытки.

— Да, я слышалъ о твоёмъ бѣгствѣ съ бѣднымъ Берто. Потому-то я и предлагаю тебѣ бѣжать съ нами.

— Спасибо..., съ меня довольно...

— Напрасно. Повѣрь, я дѣлаю для тебя большую милость. Еслибы одинъ изъ нашихъ не захворалъ, я не сказалъ бы тебѣ ни слова, но теперь у насъ остается лишнее мѣсто.

— Почему же ты не предложишь его своимъ друзьямъ?

— Потому, что я ни къ кому не имѣю довѣрія. Еслибы я зналъ вѣрнаго человѣка, на котораго можно положиться...

— Найти не трудно. Ты знаешь мичмана Б...?

— Прекрасная мысль! Такъ ты рѣшительно отказываешься?

— Отказываюсь рѣшительно, но вмѣстѣ съ тѣмъ благодарю тебя за доброе намѣреніе.

— Такъ я пойду отыскивать мичмана Б..., Надѣюсь, что онъ никому не откроетъ секрета?

— Можешь вполне надѣяться.

Онъ пожалъ мнѣ руку и удалился. Черезъ нѣсколько секундъ, я увидѣлъ его возлѣ мичмана Б... котораго блѣдность показывала живѣйшее волненіе.

Я уже етолько разъ былъ свидѣтелемъ подобныхъ проектовъ, которыхъ никогда не приводили въ исполненіе, что скоро позабылъ о сдѣланномъ мнѣ предложеніи, и заснулъ крѣпкимъ сномъ.

На другое утро, выйдя наверхъ, я болѣе не думалъ о вчерашнемъ разговорѣ. Но вспомня о мичманѣ, я не могъ найти его нигдѣ.

— Молчи! они убѣждали, сказалъ мнѣ одинъ изъ товарищей, къ которому я обратился съ вопросомъ.

Стыжусь сознаться, но это извѣстіе возбудило во мнѣ зависть. Я сталъ упрекать себя въ отказѣ.

— Точно ли ты въ этомъ увѣренъ? спросилъ я.

Онъ хотѣлъ отвѣчать, но появленіе капитана Р..., окруженнаго своими подчиненными, прервало нашъ разговоръ. Досада и гнѣвъ дѣлали лицо его еще болѣе безобразнымъ. Онъ приказалъ выстроить насъ на палубѣ и пересчитать.

Это приказаніе было немедленно исполнено англичане; согнали насъ прикладами въ одну толпу, изъ которой слышались по-временамъ вопли и крики. Нѣкоторые плѣнные едва не были задавлены.

Счетъ начался немедленно.

Наша тѣсная толпа ставила англичанъ въ большое затрудненіе, поэтому счетъ ихъ оказался неудачнымъ.

Они не досчитывались двѣнадцати человѣкъ.

Невозможно описать ярость капитана Р... при этомъ извѣстіи. И можетъ-быть! вскричалъ онъ: начинайте снова!

Сержанты, спѣша исполнить приказаніе, вмѣсто двѣнадцати человѣкъ, не досчитались семнадцати.

Я не вѣрю глазамъ своимъ вскричалъ капитанъ Р..., не помня себя

отъ ярости; намъ приходится еще разъ считать самимъ, прибавилъ онъ, обращаясь къ младшему лейтенанту и штурману.

— Но мы уже три часа стоимъ здѣсь въ снѣгу и на холодѣ, замѣтилъ лейтенантъ. Не лучше ли сначала позавтракать?

— Правда, пойдѣте завтракать;

Едва нашъ мучитель скрылся въ каюту, мы составили совѣтъ. Положеніе наше было критическое; мы должны были выиграть время чтобы дать возможность бѣглецамъ благополучно добраться до Франціи, и обмануть англичанъ при счетѣ.

Къ-счастію, въ это самое время доложили капитану, что съ адмиральскаго корабля пріѣхалъ офицеръ съ приказаніями.

— Мы никогда не кончимъ! вскричалъ съ досадою Р...

Въ это время офицеръ, присланный отъ адмирала, вошелъ на палубу, вмѣстѣ съ маленькимъ толстымъ человѣкомъ, одѣтымъ довольно дурно.

— Что это за человѣкъ? спросилъ я.

— Это разносчикъ, который доставлялъ намъ все, когда торговцамъ позволено было имѣть сношеніе съ понтономъ.

Между-тѣмъ, офицеръ подалъ пакетъ капитану. Р... громко прочелъ: «Портсмутскій рейдъ. Корабль Е. В. Королева Шарлотта. Предписывается лейтенанту Р..., командиру понтономъ Короною, представить всѣхъ плѣнныхъ на смотръ присланному при семь офицеру. Сопутствующій ему человѣкъ долженъ также находиться при смотрѣ.

Велѣдъ затѣмъ лейтенантъ Р... отправить, подъ конвоемъ, тѣхъ плѣнныхъ, которыхъ выберетъ присланный офицеръ.

— Что значитъ это приказаніе? вскричалъ капитанъ, покраснѣвъ.

— Миѣ это неизвѣстно, отвѣчалъ офицеръ.

— Очень-хорошо; извольте исполнить приказаніе адмирала.

— Не нужно, капитанъ! вскричалъ торговецъ, который до-сихъ-поръ не произнесъ ни слова; я нашелъ, кого нужно.

Сказавъ это, онъ подошелъ къ одному изъ плѣнныхъ, который, завернувшись въ богатый халатъ, по-видимому не обращалъ вниманія на все, происходившее наверху.

— Это тотъ самый человѣкъ, котораго мы возьмемъ съ собою? спросилъ офицеръ.

— Да, сударь, это тотъ самый человѣкъ.

— Ступай за нами, сказалъ офицеръ, обращаясь къ плѣнному, тому самому Дюверу, о которомъ наканунѣ говорилъ миѣ мичманъ Б..., какъ о человѣкѣ, получившемъ огромное наслѣдство.

Дюверъ, на котораго въ эту минуту устремлены были всѣ глаза, измѣнился въ лицѣ и поблѣднѣлъ. Несмотря на всѣ усилія, онъ не могъ скрыть внутренняго безпокойства.

Дюверъ тотчасъ-же вошелъ въ небольшую каюту наверху, въ которой ему позволяли жить, хотя это было противно законамъ.

— Всѣ, устремивъ глаза на дверь, съ нетерпѣніемъ ожидали его выхода; вдругъ изъ нея показался густой дымъ.

— Что это? бездѣльникъ хочетъ сжечь понтонъ! вскричалъ капитанъ, бросаясь къ дверямъ.

Напрасныя усилія! Дверь была заперта изнутри.

— Солдаты, выломайте дверь! въ бѣшенствѣ вскричалъ Р...

Дверь легко уступила ударамъ, но дымъ уже прошелъ, и только пепель сожженной бумаги разлетѣлся по воздуху. Дюверъ, одѣтый съ большимъ вкусомъ, вышелъ на палубу. Почернѣвшія руки его показывали, что онъ истребилъ даже остатки сожженныхъ бумагъ.

Не только туалеты, но и физіономія Дювера совершенно измѣнились. Въмѣсто безпокойства и робости, на лицѣ его выразилась увѣренность и насмѣшка. Капитанъ Р... встрѣтилъ его ударомъ въ лицо.

— Подлецъ, кто бьетъ беззащитнаго плѣннаго, сказалъ Дюверъ, смотря на него съ презрѣніемъ.

— Что ты сжегъ, бездѣльникъ? вскричалъ капитанъ, раздраженный этимъ названіемъ.

— Письма моей любезной... леди N... мой милый тюремщикъ, отвѣчалъ, смѣясь, Дюверъ. Не слѣдуетъ ее компрометировать. Это недостойно французскаго благородства.

— Ты лжешь, сказалъ торговецъ; ты сжегъ не письма, но фальшивыя ассигнаціи, которыми ты наводняешь Портсмуть.

— Какъ! меня считаютъ фальшивымъ монетчикомъ! вскричалъ Дюверъ, съ видомъ глубокаго удивленія.

— Какъ! на Коронѣ дѣлаютъ фальшивыя ассигнаціи! вскричалъ капитанъ Р... я погибъ! что скажетъ адмиралъ... Солдаты, уведите этого человѣка, я не могу на него смотрѣть...

Когда шлюпка съ Дюверомъ отвалила отъ понтона, намъ, умиравшимъ отъ стужи и голода, позволили сойти внизъ.

Несмотря на всѣ эти страданія, мы не жаловались. Намъ радовала мысль, что бѣглецы уже далеко.

Между-тѣмъ, поставщики провизіи, пользуясь новою враждою, возникшею между капитаномъ Р... и плѣнными, выдавали намъ хлѣбъ и овощи, дотога испорченные, что при всѣхъ нашихъ лишеніяхъ, мы не могли ихъ ѣсть.

На другое утро насъ снова вызвали наверхъ. Солдаты стояли во фронтѣ, съ заряженными ружьями. Сержантъ уже началъ счетъ, когда шлюпка съ адмиральскаго корабля снова пристала къ понтону.

— Опять новое препятствіе! вскричалъ капитанъ Р...

Въ-самомъ-дѣлѣ, шлюпка прислана была за десятью плѣнными, по указанію Дювера.

— Они сдѣлали изъ понтона фабрику фальшивыхъ ассигнацій, мошенники! вскричалъ Р...; я буду смѣненъ за нихъ! я всѣхъ разстрѣляю!

Когда эти десять человѣкъ возвратились назадъ, англичане нашли, но уже поздно, что недостаетъ шести человѣкъ. Къ-счастью, товарищи наши успѣли уже благополучно добраться до Франціи, какъ мы узнали въ-послѣдствіи.

Въ досадѣ на ихъ бѣгство, капитанъ Р... приказалъ изломать и уничтожить все, что у насъ было: книги, инструменты, работы были

истоптаны ногами солдатъ, въ то время, когда насъ держали наверху. Крикъ отчаянія и мести раздался между плѣнными. Многие изъ насъ плакали какъ дѣти. Какъ долженъ былъ радоваться Р....

Въ тотъ же вечеръ явилась на понтонѣ большая ньюфоундлендская собака, которую нашъ мучитель взялъ къ себѣ вмѣсто сторожа. При видѣ животнаго, помѣщеннаго на наружной галереѣ понтона, наше негодование вспыхнуло, какъ кратеръ волкана. Мы бросились къ лѣстницамъ, чтобы выбѣжать на палубу, не страшась англійскихъ пуль, одушевленные местию къ ненавистному Р....

Все наше негодование устремилось на собаку. Намъ безъ труда удалось ее отравить, и радостныя пѣсни раздались въ батарееѣ.

— Вы дорого заплатите мнѣ за это, бездѣльники, сказалъ капитанъ Р.... Я докажу вамъ, что помню обиду.

Общій свистъ заставилъ его удалиться; но съ этой минуты вражда между англичанами и нами сдѣлалась непримиримою, и достигла послѣднихъ границъ.

Двое изъ плѣнныхъ были убиты англійскими солдатами. Одинъ изъ этихъ несчастныхъ, молодой матросъ изъ Бордо, по имени Дюлоръ, ударилъ солдата, толкавшаго его прикладомъ, и былъ застрѣленъ на мѣстѣ. Другой, спускаясь изъ батареи въ нижнюю палубу, былъ проколотъ штыкомъ и тотчасъ же умеръ. Можно себѣ представить, до какой степени дошло ожесточеніе плѣнныхъ!

Къ счастью, въ это время случилось происшествіе, доставившее намъ нѣсколько разсѣянія. То былъ процессъ Дювера, производившійся въ присутствіи присяжныхъ и уголовного судьи.

Дюверъ, держа свое слово, объявилъ своими сообщниками до двухъ сотъ человекъ. Каждое утро шлюпки ходили взадъ и впередъ, перевозя насъ съ понтона на берегъ, и съ берега на понтонъ.

Невозможно представить себѣ радость плѣнныхъ, которыхъ призывали въ судъ. Мысль — оставить на нѣсколько времени ненавистный понтонъ, быть на берегу, и можетъ-быть, найти средствъ убѣжать — заставляла ихъ забывать на время всѣ перенесенныя ими несчастія.

Признаюсь, когда пришла моя очередь, я вполне испыталъ эту радость. Но перейдемъ къ процессу, который, въ свое время, надѣлалъ много шума въ Англии.

Дюверъ, истребивъ всѣ доказательства своей инья, защищался искусно и хладнокровно. При мнѣ онъ придумалъ новую мистификацію.

— Господа, сказалъ онъ, вы должны узнать всю истину. Я готовъ не утаить ничего, хотя это будетъ стоить мнѣ жизни....

— Не бойся, отвѣчалъ судья; правительство будетъ защищать тебя отъ твоихъ враговъ. Одна только истина можетъ спасти тебя.

— Узнайте же, что я былъ только жертвою при поддѣлкѣ ассиганцій; этимъ занималось цѣлое общество котораго члены разсѣяны по всѣмъ понтонамъ; ихъ слишкомъ тысяча...

— Но у нихъ есть же начальникъ; назови его, сказалъ судья.

— Это лейтенантъ Р.... командующій понтономъ *Короною*.

При этомъ отвѣтѣ судья понялъ, что надъ нимъ смѣются; мы не

могли удержаться отъ смѣха, но большая часть публики серьезно повѣрила словамъ Дювера.

Такимъ-образомъ, судъ кончился ничѣмъ; но мучитель нашъ узнавъ, что на него сдѣланъ былъ доносъ въ судѣ, поклялся отмстить намъ, и къ-несчастію, сдержалъ свое слово.

Возвратимся теперь на нашу пловучую могилу, *Корону*.

Послѣ смерти несчастнаго Дюлора и его товарища, мы не довольствовались уже *карантиномъ*, но согласились освистывать лейтенанта Р... всякій разъ, какъ онъ попадетъ намъ на глаза.

Кто бы повѣрилъ, что эта ребяческая выходка раздражала его болѣе всякаго возмущенія? Наши свистки выводили его изъ терпѣнія и доводили почти до сумасшествія. Не смѣя ни выйти изъ каюты, ни принимать у себя гостей, онъ сидѣлъ взаперти, не говоря ни съ кѣмъ ни слова. Однажды, онъ велѣлъ призвать къ себѣ плѣннаго, служившаго переводчикомъ, и черезъ него передалъ намъ, что готовъ оставить насъ въ покоѣ, если мы исполнимъ его условія; но условія эти показались намъ дотога унижительными, что мы бросились къ его каютѣ, на англійскихъ солдатъ, и заставили ихъ отступить передъ нами.

— Хорошо, я раздѣлаюсь съ вами по-своему, сказалъ капитанъ Р...

Онъ отдалъ приказаніе боцману, и вскорѣ, ничего не понимая, мы увидѣли, какъ въ катеръ спустили большую пожарную помпу; отдалили его нѣсколько отъ понтона, и наведя ее черезъ портъ въ палубу, облили насъ холодною водою. Можно представить себѣ наше положеніе! Напрасно мы хотѣли бѣжать, вода обрызгала всю батарею, вымочила все наше платье. Наконецъ, кое-какъ, мы нашли средство защитить себя. Столы, скамьи, все, что попало въ руки, было нагромождено нами для защиты. При видѣ этого сопротивленія, Р... приказалъ солдатамъ войти въ батарею и разрушить наши укрѣпленія.

Наше терпѣніе истощилось, и мы встрѣтили силу силою. Вооружась, чѣмъ поцало, мы смѣло ожидали англичанъ за своими завалами.

— Кладсь! скомандовалъ сержантъ, готовясь насъ разстрѣливать.

Мы думали, что тѣмъ и кончится дѣло, но ошиблись. Новый отрядъ вооруженныхъ солдатъ и матросовъ, разбѣявшись по батарее, вытѣснилъ насъ на верхнюю палубу. Тутъ мы остались безъ защиты; вода полилась на насъ снова.

Наконецъ эта забава кончилась. Мы думали, что намъ позволятъ сойти внизъ, но ошиблись.

Было около трехъ часовъ по-полудни. Пошелъ густой снѣгъ, заплывшій намъ глаза и леденившій тѣло; многіе изъ плѣнныхъ, едва прикрытые одеждою, дрожали отъ холода и едва стояли на ногахъ. Въ это время, около спуска внизъ разставили часовыхъ; мы догадались, что насъ ожидаетъ новое несчастіе.

Какъ передать наше отчаяніе при видѣ англійскихъ солдатъ, выносившихъ на верхъ наши вещи, инструменты и постели, которыми мы успѣли запастись во-время процесса Дювера, и бросившихъ все это на дождь и снѣгъ.

Мы сошли, наконецъ, внизъ, ничего не видя, ничего не помня, и

бросились на полъ, стараясь заснуть. Мы были убиты духомъ, и ждали смерти, какъ спасенія.

Вдругъ все переменялось. Капитанъ Р., поссорясь съ подрядчиками, платившими ему за право поставлять намъ дурную провизію, принялъ нашу сторону, и громко изъявилъ свое негодованіе на такое плутовство.

Такая перемена, причину которой мы узнали уже въ-послѣдствіи, удивила и обрадовала насъ.

Продавцы разныхъ вещей снова показались около понтона; намъ позволили заниматься работою, даже выдѣлкою соломенныхъ шляпъ, и не препятствовали въ сношеніяхъ съ берегомъ. Мы не могли опомниться отъ удивленія, Простирая эту перемену еще далѣе, капитанъ Р. призвалъ къ себѣ нѣсколько плѣнныхъ, и спросилъ, довольны ли они провизіею. Не трудно догадаться, каковъ былъ ихъ отвѣтъ.

— Напишите жалобу и подпишите ее, сказалъ онъ ласково: выставьте всѣ плутни подрядчиковъ, войдите во всѣ подробности и подайте мнѣ эту бумагу. Я доставлю ее, куда слѣдуетъ.

Обрадованные этимъ предложеніемъ, мы тотчасъ же приступили къ дѣлу, и придумали средство отмстить и подрядчикамъ и капитану вмѣстѣ.

Прежде всего, мы составили жалобу на подрядчиковъ, и окончили ее похвальнымъ словомъ капитану; но вмѣстѣ съ тѣмъ, написали новое донесеніе, обо всѣхъ жестокостяхъ нашего мучителя, не позабывъ ни одной обиды. Эту послѣднюю записку мы положили въ хлѣбъ, который, какъ образецъ дурной пищи, представляли при жалобѣ.

И то, и другое, было отослано къ адмиралу.

— Друзья мои, сказалъ однажды Дюверъ, пользовавшійся на понтонѣ большимъ уваженіемъ послѣ своего процесса: не вѣрьте этому лицемѣру и не оставайтесь въ бездѣйствіи. Выслушайте меня. Я предлагаю бѣжать всѣмъ вмѣстѣ.

— Какъ, вмѣстѣ?

— Вмѣсто того, чтобы остерегаться часовыхъ, мы бросимся въ воду вдругъ изъ разныхъ отверстій, не обращая вниманія на англичанъ. Что сдѣлаютъ намъ часовые? Прежде, чѣмъ они успѣютъ опомниться, мы будемъ уже далеко. Пусть они стрѣляютъ, чтожь за бѣда? Двое или трое убитыхъ или раненыхъ, вотъ и все...

— Въ этомъ предложеніи я не вижу ничего дурнаго, замѣтилъ одинъ изъ матросовъ: но не понимаю, что жъ мы станемъ дѣлать послѣ? За нами пошлютъ гребныя суда и всѣхъ переловятъ.

— Конечно, еслибы я не распорядился, чтобы двѣ шлюпки ожидали насъ у понтона...

— Ну, это другое дѣло. Остается только окончить работы...

Всѣ мы немедленно принялись за работу.

— Отчего ты не ложишься спать? спросилъ я у своего сосѣда по койкѣ, когда наступила ночь.

— Мнѣ нужно переговорить съ Барклеемъ, отвѣчалъ матросъ, цо имени Дюбоскъ; у насъ есть торговое дѣло, которое нужно кончить...

— Почему же вы не окончили его днемъ?

— О! этотъ Барклея большой мошенникъ. Онъ знаетъ, что капитанъ ненавидитъ насъ въ душѣ, и измѣнился только навремя, и потому всѣ дѣла съ нами старается вести тайкомъ.

— Теперь понимаю... Но, послушай, вѣдь Барклея тебѣ обязанъ тѣмъ урокомъ, который онъ отъ насъ получилъ?

— Мнѣ!

— Берегись, чтобы въ свою очередь, онъ не отомстилъ тебѣ. Онъ такъ скоро не позабудетъ обиды.

— Я прекращу съ нимъ сношенія, какъ только получу деньги.

Не обращая болѣе вниманія на это дѣло, я легъ въ койку и заснулъ. Ночью, меня разбудилъ выстрѣлъ и пронзительный крикъ.

— Кто раненъ? Кто выстрѣлилъ? спрашивали плѣнные, толкаясь въ темнотѣ. Вскорѣ глазамъ нашимъ представился Дюбоскъ, плавающий въ крови. Мы хотѣли подать ему помощь, но въ это время вооруженные англичане вошли въ батарею и взяли его съ собою.

— Друзья мои, прошепталъ Дюбоскъ умирающимъ голосомъ, отмстите за меня... Мой убійца Барклея..

Можно себѣ представить, какъ мы провели ночь; никто и не думалъ о снѣ.

Поутру, ненавистный намъ Р... извѣстилъ насъ, что нашъ бѣдный товарищъ умеръ, и упрекалъ насъ за безвѣрстанныя покушенія къ побѣгу.

Напрасно мы отвѣчали ему, что Дюбоскъ никогда не имѣлъ подобной мысли, что его смерть есть безчеловѣчное убійство. Несмотря на обвиненія и просьбы наши, онъ не хотѣлъ арестовать Барклея. Намъ оставалось самимъ отмстить убійцѣ.

Черезъ четыре дня послѣ этого, всѣ приготовленія къ побѣгу были кончены, и наступавшую ночь мы избрали для исполненія своего плана.

Плѣнные, не умѣвшіе плавать, были въ отчаяніи, видя невозможность раздѣлять наши надежды и опасности.

Барклея мы возненавидѣли еще болѣе.

Наконецъ пробилъ вечерній колоколъ; мы разошлись по койкамъ, и вскорѣ мертвое молчаніе водворилось въ палубахъ.

Только Дюверъ переходилъ отъ одной койки къ другой, дѣлая необходимыя распоряженія.

Наконецъ пробило полночь. Мы встали вмѣстѣ, полные надежды и ожиданія, какъ вдругъ капитанъ Р... явился съ отрядомъ солдатъ.

— Не шевелиться, или я всѣхъ разстрѣляю! вскричалъ онъ.

Можно представить себѣ наше отчаяніе и ужасъ; въ изумленіи и страхѣ, мы потеряли всю увѣренность и разбрелись по койкамъ.

— Французы! вскричалъ капитанъ Р... посреди глубокаго молчанія: вы употребляете во зло мое снисхожденіе. Я долженъ строго наказать васъ, но понимая, что только плутни подрядчиковъ могли довести васъ до такого раздраженія, я готовъ простить васъ.

Помолчавъ нѣсколько минутъ, онъ продолжалъ:

— Отвѣчайте, не подрядчики ли виновны въ томъ, что вы составили этотъ заговоръ?

Мы не задумались отвѣчать «да».

— Поэтому я прощаю васъ; но вы должны донести мнѣ, за общую подписью, о причинахъ, побудившихъ васъ къ такому поступку.

Мы исполнили и это требованіе. Видно было, что англичанъ обо всемъ предупредили, и что измѣнникъ передалъ имъ подробно весь планъ нашего бѣгства, потому-что всѣ сдѣланныя нами отверзтія были отысканы и задѣланы.

Трудно было рѣшить, что было въ насъ сильнѣе, досада на неудачу или глубокое негодованіе на предательство, котораго мы были жертвами.

У всѣхъ была одна мысль: найти и наказать измѣнника.

Въ досадѣ и отчаяніи, я печально ходилъ по палубѣ, когда ко мнѣ подошелъ одинъ изъ плѣнныхъ.

— Я ищу тебя, Гарнере, сказалъ онъ; пойдѣмъ, тебя зовутъ.

— Кто?

— Друзья. Пойдемъ внизъ.

Въ нижней баттареѣ, толпа матросовъ окружала сержанта Барклея связаннаго по рукамъ и по ногамъ. Меня призвали, чтобъ быть переводчикомъ при его допросѣ.

— Ты ли убійца Дюбоска? былъ первый вопросъ.

— Я, отвѣчалъ Барклей.

— Ты употребилъ хитрость, чтобъ заманить его?

— Признаюсь...

— Какія причины понудили тебя на это злодѣйство?

— Я могъ бы не отвѣчать на этотъ вопросъ; но какъ я васъ не боюсь нисколько, то объявляю, что выстрѣлилъ въ Дюбоска, прежде чѣмъ онъ успѣлъ произнести слово!..

Ропотъ негодованія раздался между матросами. Я смотрѣлъ на Барклея, какъ на погибшаго человѣка.

— Что ты можешь сказать въ свое оправданіе? спросили его.

— Я не могу ничего прибавить къ моему оправданію, потому-что я не оправдываюсь, спокойно отвѣчалъ Барклей; но прежде, чѣмъ вы произнесете приговоръ, выслушайте меня. Теперь вамъ нѣтъ никакого расчета убивать меня, точно такъ же какъ мнѣ, получивъ званіе сержанта, нѣтъ уже никакой выгоды притѣснять васъ. Признаюсь, я виновенъ въ убійствѣ вашего товарища, но отдѣлавшись отъ меня, вы никогда не узнаете имени того, кто открылъ намъ вашъ заговоръ, потому-что это имя извѣстно только мнѣ и капитану Р...

Этотъ отвѣтъ произвелъ сильное впечатлѣніе на присутствовавшихъ. Мысль узнать имя предавшаго насъ измѣнника взяла верхъ надъ чувствомъ мщенія къ сержанту.

— Откроешь ли ты имя измѣнника, если мы простимъ тебя? былъ вопросъ, предложенный Барклею.

— Клянусь вамъ, отвѣчалъ онъ.

— Что же намъ поручаю, что ты не обманешь насъ?

— Смушеніе виновнаго...

— Такъ ты согласенъ, чтобы его привели сюда, для допроса?

— Пожалуй. Но клянетесь ли вы честью, что не сдѣлаете мнѣ никакого зла, если я открою вамъ это имя?

— Клянемся! вскричали мы, хоромъ.

Барклей обвелъ насъ сомнительнымъ взглядомъ, и потомъ прошепталъ:

— Васъ продалъ Дюверъ.

При этихъ словахъ, ропотъ негодованія и удивленія раздался между нами: мы не смѣли вѣрить ушамъ.

Дюверъ, душа и зачинщикъ заговора; Дюверъ, къ которому мы имѣли такую неограниченную довѣренность; Дюверъ, оказавшій намъ такія услуги въ-продолженіе своего процесса, Дюверъ — измѣнникъ. Это невозможно. Вѣроятно, Барклей хотѣлъ обмануть насъ. Но, съ другой стороны, если товарищъ нашъ невиненъ, какую-выгоду могъ извлечь Барклей изъ своего признанія? Это обстоятельство породило сомнѣніе во многихъ.

Я, друзья мои, содержался пять лѣтъ на *Коронь*, сказалъ матросъ изъ Нормандіи, по-имени Милье, и зная хорошо Дювера, почти готовъ повѣрить англичанину. Сколько я ни старался понять характеръ Дювера, никогда не могъ я составить о немъ никакого положительнаго мнѣнія.... Онъ смотритъ добрымъ малымъ, но на душѣ у него не доброе.... Во всякомъ-случаѣ, нельзя терять ни минуты: призовемъ Дювера.

Минуты черезъ двѣ вошелъ Дюверъ, ничего не подозрѣвая, (потому, что мы спрятали сержанта), и обратился къ намъ съ веселымъ и беззаботнымъ видомъ.

— Чтò новаго, друзья? сказалъ онъ. Не затѣваетъ ли капитанъ новыя шутки? Не устроивается ли новое бѣгство? Говорите, я на все готовъ.

— Дюверъ, сказалъ Милье, выходя впередъ: ты негодяй и измѣнникъ! Ты продалъ насъ и долженъ быть наказанъ. Чтò можешь ты сказать въ оправданіе?

При этомъ неожиданномъ обвиненіи, Дюверъ поблѣднѣлъ и, молча, опустилъ голову.

— Я вижу, что въ тебѣ еще есть совѣсть, продолжалъ Милье: ты, по-крайней-мѣрѣ, не защищаешься. Ты знаешь, что заслужилъ строгую кару.... Мы не заставимъ тебя ждать.

Въ-самомъ-дѣлѣ, гнѣвный ропотъ плѣнныхъ показывалъ, что на состраданіе ихъ рассчитывать напрасно. Ничто не могло спасти преступника.

Началось совѣщаніе въ-полголоса, страшное совѣщаніе о наказаніи Дювера. Рѣшено было, чтобы онъ самъ лишилъ себя жизни.

Дюверъ, стоявшій безмолвно, подъ гнетомъ стыда и ужаса, вдругъ поднялъ голову.

— Товарищи, сказалъ онъ, я не лишу себя жизни, и не прошу васъ щадить меня. Да, я измѣнникъ; жажда свободы заставила меня забыть

все, ... Но во мнѣ есть чувство чести. Многіе изъ васъ видѣли меня въ сраженіи, и знаютъ, что я не былъ недостойнъ чести носить свой мундиръ, что я не прятался отъ ядеръ. Вы хотите моей смерти: не нападите же на меня всѣ. Изберите одного — я готовъ!

Яростные крики вдругъ затихли; мертвое молчаніе водворилось въ палубѣ. Никто не отвѣчалъ ни слова.

— Что ты думаешь объ этомъ, Гарнере? спросилъ меня лейтенантъ С., стоявшій возлѣ.

— Я думаю, что Дюверъ — человѣкъ не совсѣмъ обыкновенный.

— Я того же мнѣнія. Бѣднякъ! мнѣ жаль его.

— Нельзя ли какъ-нибудь спасти его, лейтенантъ?

— Ты съ ума сходишь, Гарнере.

— Вы одни въ состояніи это сдѣлать. Васъ здѣсь всѣ любятъ и уважаютъ. Теперь самая лучшая минута, ... Крики затихли, Дюверъ молится, ... Попробуйте, ...

Лейтенантъ подошелъ къ осужденному, и сталъ между нимъ и толпою.

— Друзья мои, я не хочу ни оправдывать, ни защищать преступника, сказалъ онъ, видя общее неудовольствіе:

Всѣ молчали.

— Намъ нужно наказаніе ужасное, достойное преступленія: наказаніе, которое навсегда осталось бы памятнымъ на понтонѣ! Не такъ ли, товарищи?

— Правда, лейтенантъ; но что же дѣлать?

— Возьмите примѣръ съ сосѣдняго понтона; положите на Дювера печать безчестія, которая осталась бы для него казнью навсю жизнь. Напишите ему на лбу: «Продалъ товарищей англичанамъ на понтонѣ *Корона*, 10-го марта 1809 года,» и выставьте на показъ всѣмъ! Вотъ мое предложеніе!

Двадцать рукъ тотчасъ же схватили Дювера (и черезъ нѣсколько времени, при помощи татуировки, онъ вышелъ совершенно обезображенный. Слезы градомъ катились изъ его глазъ.

Капитанъ Р... встрѣтилъ его наверху. Онъ хотѣлъ протянуть ему руку, но Дюверъ вырвался отъ него, и, вскочивъ на бортъ, бросился въ воду.

Съ-тѣхъ-поръ, мы о немъ болѣе не слышали.

МАВРЫ ВЪ ИСПАНИИ И ВЪ АФРИКѢ.

ИЗЪ СОВРЕМЕННЫХЪ ЗАПИСОКЪ ДОКТОРА ТРИЦЛИНА.

Статья восьмая.

X.

ТАНГЕРЬ И ПОѢЗДКА ВЪ ТЕТУАНЬ.

Варварійскія лошади. — Рынокъ. — Роскошь оборванныхъ торгашей. — Торговки. — Бедунки. — Главная улица Siaggin. — Паша Тангера: купецъ и судья. — Базаръ. — Торгъ е вольницами — Прекрасная Нубіянка. — Кладбище *Эль-Каваръ*. — Великолѣнная мечеть. — Ядовитые скорпионы. — Растенія, уничтожающія дѣйствія яда. — Сарапча. — Жидовское кладбище. — Винныя ягоды. — Еврейскій ренегатъ. — Судебное рѣшеніе англійскаго консула. — Англійская логика. — Жены драгомана. — Статистическія свѣдѣнія о населеніи Мароккской Имперіи. — Поѣздка въ Тетуань. — Арабскія деревни. — Варварійцы. — Каравансерай, *Фондакъ*. — Тетуань. — Грустный видъ города. — Промышленность. — Магометанскій фанатизмъ. — Мавритянки.

— Уже лошади готовы, сказалъ мнѣ драгоманъ Измаилъ на другой день рано, чуть свѣтъ, — Аль-Гамитъ-Бей совсѣмъ одѣтъ и ожидаетъ васъ.

— Какія лошади? — Развѣ мы уже ѣдемъ въ Марокко? — А Сантуронъ? — а оберъ-ботсманъ? — вскричалъ я, удивленный.

— Не въ Марокко, — а только купаться въ морѣ. Въ Тангерѣ такой обычай. Сантуронъ уѣхалъ прошедшею ночью, и никто не знаетъ, куда, а г. оберъ-ботсманъ умеръ сегодня передъ свѣтомъ?

Передъ окнами нашими стояло нѣсколько варварійскихъ лошадей съ короткими хвостами. Лошади эти небольшого роста, но необыкновенно сильны и огненны; онѣ не знаютъ конюшенъ и круглый годъ стоятъ подъ открытымъ небомъ; кормъ ихъ состоитъ почти изъ одной соломы, которая здѣсь, однако, гораздо питательнѣе нашей. Лошади эти очень дешевы: самый лучшій конь недорогоже сорока рублей серебромъ. Подъ смертною казнію запрещено выводить ихъ за границу, но запрещеніе это здѣсь не очень строго выполняется.

Трудно повѣрить, до какой степени человекъ можетъ любить свою лошадь. Арабъ любитъ своего коня болѣе всего на свѣтѣ — конь для него составляетъ необходимое дополненіе его собственной персоны, безъ него онъ обращается въ ничто.

Но, довольно о коняхъ, возвратимся къ нашимъ тангерскимъ знако-

мымъ. Съ помощію слугъ консула и янычаровъ, инженерный офицеръ и секретари консула вырвались изъ объятій Морфея и изъ гостепріимнаго лагеря Абдъ-ель-Кадера, состоявшаго изъ стола и перевернутыхъ стульевъ. Садимся на лошадей, и предводимые янычарами, отправляемся къ берегамъ моря.

Вотъ мы пріѣхали на рынокъ. Дивный видъ представляло это не очень обширное, четырехъ-угольное, окруженное бѣдными домами мѣсто. Передъ домами находился суровскій рядъ и лавки съ кореньями, желѣзомъ и другія, гдѣ продавались богатые конскія сбруи, вышитыя платья, чалмы, ковры, шали, духи и прочіе товары. Почти при каждой лавкѣ сидѣлъ на коврикѣ, съ поджатыми ногами, мавръ, очень бѣдно-одѣтый и съ трубкою въ зубахъ. Онъ сидѣлъ неподвижно, какъ автоматъ, и только одними глазами заманивалъ къ себѣ покупателей. Можно бы подумать, что это какой-нибудь жалкій торгашъ. Но здѣсь по наружности судить нельзя: въ иной изъ этихъ лавочекъ заключается болѣе богатства, нежели въ самыхъ роскошныхъ и позлащенныхъ магазинахъ Парижа; а этотъ домъ, съ маленькими запачканными окнами, защищенными желѣзными рѣшетками, только скорлупа, заключающая въ себѣ драгоценный жемчугъ. Во внутренности этаго дома богатые комнаты, обитыя персидскими коврами, украшенныя яшмовыми колоннами и алебастровыми ваннами. За домомъ находится садъ, наполненный самыми рѣдкими цвѣтами и растеніями, въ которомъ дорожки усыпаны разноцвѣтнымъ пескомъ. За садомъ гаремъ. Едва торгашъ окончитъ свой торгъ, его ожидаетъ благовонная ванна, роскошныя пляски и пѣсни его женъ и невольницъ.

Но что это за шумъ и крикъ на рынкѣ, крикъ самый дикій, раздрающій уши? Это мелочные торговцы и торговки, сидяція въ клѣткахъ, открывающихся съ боку. Они продаютъ виноградъ, финики, сахаръ, мыло, масло, дыни, арбузы и лепешки изъ кукурузы. Они зываютъ покупателей самымъ несноснымъ, пискливымъ крикомъ: Szrit hinay, Szrit hinay! (купите у меня) и безпрестанно машутъ палкой, къ которой привязаны пальмовыя листья, отгоняя отъ себя рои мухъ. Здѣсь-же увидишь и бедуинокъ въ соломенныхъ шляпахъ, величиною съ большой дождевой зонтикъ; поля шляпы опущены на лицо, такъ-что ихъ трудно разглядѣть. Нѣкоторые изъ нихъ поднимали однако поля, чтобы посмотреть на нашу кавалькаду. Я никогда въ жизни не видалъ ничего отвратительнѣе этихъ лицъ.

Но вотъ мы въѣзжаемъ на главную улицу Тангера, называемую Siagrin. Эта довольно широкая и не очень дурно-вымощенная улица населена высшими чиновниками, гражданскими и военными, и улемами или юристами, которые, пользуясь своимъ вліяніемъ и положеніемъ, занимаются также открытою торговлею. Они также сидѣли передъ своими лавками, но чисто и богато-одѣтые. Здѣсь мы познакомились со вторымъ пашею тангерскимъ, — первый находился въ Марокко.

Гаметъ-Синъ-Самани, второй паша Тангера, былъ старецъ съ пріятною фізіономіею и бѣлоснѣжною бородою; онъ сидѣлъ передъ своимъ домомъ, судилъ, рядилъ виновныхъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ продавалъ розо-

вую воду, арабскій курительный порошокъ, серальскія лепешки и кошениль—въ свою собственную пользу, а охотничій порохъ и сѣрный цвѣтъ въ пользу казны: эти два предмета составляютъ исключительную статью государственнаго дохода. Такимъ-образомъ, Синь-Самани держалъ въ одно время въ рукахъ своихъ жизнь и смерть, порохъ и курительные порошки. И никого здѣсь не удивляло это странное соединеніе мелочной торговли съ важною судейскою должностію, и никогда не случалось, чтобы паша покривилъ душою. Справедливость его была неподкупна, какъ насъ увѣрялъ драгоманъ. Еще очень недавно онъ наказалъ публично роднаго сына, пятидесяти-лѣтняго старика, за то, что внукъ его дурно читалъ въ мечети стихи алькорана. При этомъ случаѣ порядочно досталось и внуку и правнуку, такъ-что въ одно время три поколѣнія получили приличное назиданіе по пяткамъ.

Мы не могли обойтись безъ того, чтобы не купить чего-нибудь отъ такого важнаго человѣка—и купили за нѣсколько копѣекъ разныхъ духовъ и лепешекъ.

Недалеко отсюда находился базаръ, то-есть, обширный дворъ, покрытый рѣдкимъ, но крѣпкимъ полотномъ. На всѣхъ четырехъ сторонахъ этого двора устроены лавки, съ самыми разнообразными товарами Востока и Европы. Всѣ издѣлія изъ кожи и изъ шелка-сырца были превосходны. Часть базара, назначенная для торга невольницами, закрыта и сюда не всякому дозволено входить; но съ помощію драгомана мы вошли въ нее. Бѣлыхъ невольницъ въ это время было очень мало на рынкѣ, ихъ болѣе продаютъ въ Константинополь, Каиръ, Александрію, Триполисъ и въ Марокко, въ Тангеръ-же очень рѣдко.

Здѣсь мы видѣли нѣсколько негритянокъ, по большей части изъ Сенегамбіи, нѣсколько изъ Конго, двѣ или три изъ Анголи и Бенгала. Вообще можно сказать, что онѣ вовсе не привлекательны.

Но какъ нѣтъ правила безъ исключенія, такъ и между этими несчастными одна составляла исключеніе: именно, молодая негритянка изъ Эфіопскаго племени, которая однимъ только цвѣтомъ отличалась отъ самой красивой женщины кавказскаго племени. Она сидѣла въ одной изъ кѣлокъ на землѣ, удрученная горемъ, и кормила грудью дитя, почти совершенно-бѣлое. На обнаженныхъ плечахъ ея видны были слѣды побоевъ, а на красивыхъ рукахъ и ногахъ — слѣды толстыхъ веревокъ. Ей было лѣтъ тринадцать, когда ее *поймали*:

Молодая нубіанка жила счастливо въ своемъ краѣ, на берегахъ Голубой рѣки, (которая, соединяясь съ Бѣлою, составляетъ Ниль), какъ вдругъ однажды окружили ее отчаянные охотники Мегмета-Али. Она старалась съ опасностію жизни избѣжать неволи, и бросилась въ рѣку, надѣясь найти вѣрную смерть въ волнахъ ея, или въ пасти крокодила. Но ее схватили, связали и залѣпили ей глаза, нарочно для того приготовленнымъ пластыремъ, чтобы она не знала, въ какую сторону ее увозить. Потомъ привязали ее, вмѣстѣ съ другими невольницами, къ длинному шесту, и такимъ-образомъ пригнали въ Александрію. Пыталась безпрестанно или бѣжать, или лишиться себя жизни, — она была наказываема, и слѣды этихъ наказаній останутся неизгладимы на цѣлую жизнь.

Прибывъ въ Александрію, она такъ сильно заболѣла отъ тоски, что Мегметъ-Али, несмотря на красоту ея, долженъ былъ продать ее дешево, изъ опасенія, чтобы она не умерла.

Такимъ-образомъ; она досталась въ руки одного тангерскаго мавра, капитана купеческой фелюки. Онъ привезъ ее съ собою въ Тангеръ. Хорошее обхожденіе и особенно молодость заставили ее забыть горе. Но несчастія ея еще не кончились. Она родила сына, и вслѣдъ за тѣмъ господинъ ея потерялъ, во-время бури, все имущество. Кредиторы забрали все, что оставалось въ его домѣ, и вмѣстѣ съ тѣмъ несчастную невольницу съ ребенкомъ. Эта трогательная исторія, рассказанная намъ капуди-ивою, т. е. публичнымъ секвестраторомъ, — возбудила въ насъ жалость. Мы хотѣли сложиться, чтобы купить бѣдную Аилю и дать ей свободу; но насъ предупредилъ въ этомъ докторъ Гамильтонъ, который, зная хорошо арабскій языкъ, не дожидаясь перевода этого рассказа.

Онъ купилъ бѣдную мать съ сыномъ за 120 испанскихъ піастровъ, т. е. за 144 руб. сер., съ условіемъ, что дастъ ей свободу; ибо христіанину не дозволено имѣть въ Марокской имперіи невольника-магометанина, а Аиля была магометанка. Онъ отдалъ ее на попеченіе семейству драгомана Измаила; но Аиля приняла великодушный даръ очень холодно. Она понимала цѣну свободы только на лугахъ Нубіи.

Оставляя базаръ, мы встрѣтили караванъ, шедшій изъ Марокко. До двадцати верблюдовъ, тяжело-навьюченныхъ, двигались длиною вереницею одинъ за другимъ, хотя медленнымъ шагомъ, но такимъ, что лучшей степной конь не могъ-бы догнать ихъ. На одномъ верблюдѣ сидѣли двѣ женщины, совершенно закрытыя въ великолѣпной будкѣ; женщины также были въ богатой одеждѣ, покрытой жемчугомъ и брилліантами; на другомъ верблюдѣ, также въ будкѣ, сидѣла негритянка со множествомъ дѣтей разнаго цвѣта и вида. Вѣроятно, это были жены, невольницы и дѣти одного изъ этихъ запачканныхъ купцовъ, сидящихъ возлѣ лавокъ.

Высокій валъ заграждаетъ намъ дорогу; мы проѣзжаемъ его черезъ продолговатые своды, называемые Bab del Fez или *Ворота Феца*, и вотъ передъ нами обширная площадь, называемая: Sok de Вагга, или внутренній рынокъ, на которомъ два раза въ недѣлю производится торгъ хлѣбомъ.

Недалеко отсюда находится гробница славнаго марабу, или магометанскаго праведника, по-имени Сиди-Мокфидъ, который былъ четыре раза въ Меккѣ и Мединѣ, и предсказалъ день своей смерти.

Далѣе, мы вѣзжаемъ на *Эль-Каваръ*, или кладбище; на немъ всѣ памятники состоятъ изъ длинныхъ камней, поставленныхъ горизонтально. Посреди кладбища, на возвышеніи, находится гробница уважаемаго маврами Магомеда-эль-Надзи, который былъ, по званію своему, лекаръ, но болѣе занимался молитвами и предсказаніями, нежели леченіемъ. Въ честь его жители Тангера выстроили богатую мечеть изъ чистаго бѣлаго мрамора; мечеть эта самое красивое зданіе, какое я только видѣлъ въ этой сторонѣ Африки.

Кладбище огорожено со стороны моря высокою стѣною, составляющею часть городского вала, съ западной стороны.

Переѣхавъ за этотъ валь, мы очутились на берегу моря, котораго бурныя волны съ шумомъ разбивались объ скалы. Для непривычнаго купаться здѣсь довольно опасно; мы должны были держаться за руки, иначе волны унесли-бы насъ и разбили объ камни. Температура песку на берегу доходила до 38° Реомюра, такъ что голыми ногами невозможно было стоять на берегу.

Притомъ и другая еще угрожала намъ опасность; въ песокъ укрывались самыя ядовыя африканскіе скорпіоны, которые извѣстны уже были Плинію, подъ именемъ: *Scorpio aeneus albus*. Они выставляютъ свои ядовитыя жала надъ поверхностью земли, такъ что очень легко наступить на нихъ, и, что еще хуже, получить смертельную рану, не подозрѣвая даже того. Единственное средство избѣгнуть смерти состоитъ въ томъ, чтобы немедленно выжечь рану амоніакомъ или нашатырною солью, и принять внутрь нѣсколько капель, въ стаканѣ воды, этого же лекарства. Также прикладываніе къ ранѣ оливковаго масла, настояннаго этими-же насекомыми, отвращаетъ ядовитое дѣйствіе укушенія; это называется выбивать клинъ клиномъ.

Есть еще другое растеніе, которое съ пользою можетъ быть употреблено для отвращенія дѣйствія укушенія скорпіона, оно принадлежитъ къ семейству молочаевъ (*Euphorbia*), и содержитъ въ себѣ очень острые соки, такъ, что даже саранча не пожираетъ его. Она въ это время именно производила здѣсь ужасное опустошеніе; всѣ вообще деревья и растенія, за исключеніемъ весьма немногихъ, были обнажены отъ листьевъ, какъ въ глубокую осень. Оставались только на деревьяхъ фрукты, особенно виноградъ, потому-что саранча до-тѣхъ поръ не касается фруктовъ, пока хотя одинъ листикъ остается на деревѣ. Цѣлыя міриады этихъ отвратительныхъ насекомыхъ покрывали деревья и землю, и милліоны ихъ погибали подъ копытами нашихъ лошадей.

Mirad las ayanes (смотрите сколько саранчи), сказалъ мнѣ по испански жидъ-рenegать, служащій англійскому консулу драгоманомъ: посмотрите, сколько саранчи, и послушайте, какъ она пожираетъ растенія! Саранча очень могущественна, самъ великій султанъ ничего не можетъ съ нею сдѣлать, да и консула она не боится. Нѣсколько недѣль тому, консуль сказалъ: «Я хочу истребить саранчу! и сдѣлалъ слѣдующее объявленіе»: Жители Тангера! спѣшите уничтожать саранчу, и знайте, что кто изъ васъ принесетъ ко мнѣ одинъ фунтъ яицъ саранчи, тотъ получитъ отъ меня пять испанскихъ реаловъ (37 коп. сер.); мы истребимъ саранчу.» Вслѣдствіе этого весь городъ вооружился противъ саранчи, собиралъ яйца по полямъ, горамъ и лѣсамъ. И мой собственный сынъ, которому только семь лѣтъ, набралъ 6 фунтовъ яицъ, за которые получилъ отъ консула 30 реаловъ. Всѣ приносили консулу собранныя ими яйца и получали за то деньги. Консуль сожигалъ ихъ. Въ одну недѣлю касса консула была исчерпана, ибо онъ заплатилъ до 18,000 песетовъ (около 5,000 руб. сер.) и тогда сказалъ: «Останови-

тесъ, Тангерцы! вѣроятно мы уже истребили саранчу!» Ха, ха! посмотрите вокругъ себя, подь собою, и надь собою и скажите сами, истребилъ-ли консулъ саранчу?

Впрочемъ, черезъ недѣлю послѣ того саранча дѣйствительно исчезла, и никто не зналъ, куда она дѣвалась; догадывались только, что сильный южный вѣтеръ, дувшій съ снѣжныхъ вершинъ Атласа, унесъ ее въ Океанъ. Насѣкомья эти были довольно велики, темно-зеленовато-желтаго цвѣта и противнаго вида.

Мы возвращались въ городъ мимо жидовскаго кладбища, которое, замѣчательно тѣмъ, что на немъ разведены особеннаго рода винныя ягоды, иглистыя, которыя по-мавритански называются *Kermous de jude*. Листья этого растенія некрасивы, толсты и мясисты, фрукты похожи на груши, съ очень твердою кожею, покрытою тоненькими, острыми иглами, которыя, при малѣйшемъ прикосновеніи, колятъ руку; отчего довольно трудно собирать эти плоды; но вкусъ ихъ очень пріятенъ, они гораздо слаще обыкновенныхъ винныхъ ягодъ, съ которыми они, впрочемъ, кромѣ наружнаго вида, не имѣютъ ничего общаго.

Драгоманъ, смотря на кладбище, сказалъ. «О Сиди! мало имъ достанется этихъ вкусныхъ фруктовъ; вы не знаете, какъ глупы эти жида; мавританскіе мальчишки каждую ночь обрываютъ всѣ спѣлыя фрукты, даже подь носомъ сторожей, которые не смѣютъ имъ ничего сдѣлать. Всѣ жида ужасные трусы; двадцать взрослыхъ жидовъ бѣгутъ отъ одного мальчишки, прибавилъ съ презрѣніемъ еврейскій ренегатъ.

— Какъ-же ты можешь такъ говорить о жидяхъ, когда самъ такой-же жидъ? сказалъ я Измаилу.

— Но кто сказалъ, что я жидъ?... я правовѣрный магометанинъ! Посмотрѣвъ потомъ на меня, онъ прибавилъ: «Правда, я былъ когда-то жидомъ, но теперь во мнѣ не осталось ни одной капли жидовской крови. Я прошелъ черезъ мѣсто очищенія, гдѣ перемѣнилъ тѣло свое, и теперь имѣю совершенно другое.

— Что ты называешь мѣсто очищенія?

— Мѣстомъ очищенія называется магометанская мечеть, гдѣ обновляютъ тѣло и душу тѣхъ, которые оставляютъ заблужденія евреевъ и поучаются мудрости пророка. Я находился тамъ три мѣсяца. Тамъ мнѣ не давали ничего ѣсть, кромѣ козьяго молока, настояннаго какимъ-то зельемъ, уничтожающимъ всякой ядъ. Это молоко служило къ очищенію внутренности моей. Сверхъ-того мнѣ обрили голову и бороду и два раза въ день купали меня въ сѣрной водѣ и натирали такъ сильно морскою пѣною, что стерли всю еврейскую кожу; а для выгнанія изъ меня духа жадности и обмана, каждую пятницу немилосердно били меня палками по пяткамъ. Все это такъ ослабило меня въ-продолженіе мѣсяца, что я едва могъ двигаться. Я уже недалеко былъ отъ смерти, когда пришелъ ко мнѣ мудрый марабу Сиди Леймъ и сказалъ мнѣ торжественнымъ голосомъ: «Сегодня я изгоню изъ тебя духа зла, только дай мнѣ сто двадцать чекелей.» Я умирающимъ голосомъ отвѣчалъ, что дамъ тридцать. И марабу отвернулся отъ меня и ушелъ. На другой день

онъ опять пришелъ, и потребовалъ 300 чекелей. Я съ усиленіемъ отвѣчалъ, что дамъ все, что онъ хочетъ. Тогда марабу кружился около меня, махалъ руками, дрягалъ ногами, бормоталъ непонятныя слова; потомъ, намазавъ мнѣ голову и бороду какимъ-то масломъ, ушелъ. Такъ онъ продолжалъ нѣсколько дней, и у меня начали расти, вмѣсто рыжихъ, самые черные волоса, какіе были у самого Магомета, и черезъ шесть недѣль выросла у меня черная борода, и я сдѣлался такимъ молодцомъ, что и самъ себя не узнавалъ. Тогда одѣли меня въ новое платье и торжественно повели въ мечеть. И съ-этихъ-поръ я сдѣлался правовѣрнымъ магометаниномъ. Тогда я возвратился къ себѣ домой, выгналъ старую жену мою, Суру-Лейбу, потому-что я презиралъ уже жидовъ, и взялъ въ жены двухъ молодыхъ: одну мавританку и одну эеіопскую мулатку. Теперь торговля моя идетъ хорошо, и англійскій консулъ сдѣлалъ меня своимъ драгоманомъ, оттого, что я большой *талибъ* (ученый) и знаю много языковъ. Теперь я имѣю всѣ добродѣтели потомковъ Омара, и такую же черную бороду, какую имѣлъ самъ Магометъ, а притомъ я отваженъ, какъ левъ.

— А я тебѣ скажу, любезный драгоманъ, что ты вовсе непохожъ на льва, а только на выкрашенную лисицу, — и я тебѣ открою, если ты хочешь, какимъ образомъ ты превращаешь всякой день свою рыжую бороду въ черную; сказалъ я хвастливому ренегату.

— Allah bismillah! вскричалъ испуганный ренегатъ умоляющимъ голосомъ: ради Бога, не выдавайте меня. Я только хотѣлъ испытать, такъ ли вы мудры, какъ кажетесь, и вижу теперь, что васъ не проведешь.

— Да, любезный, я вижу, что ты хитеръ и безстыденъ, и очень опасаясь за бѣдную Аилу, которая попала не въ добрыя руки.

— Ай вай! за кого вы меня принимаете? Да я не далъ бы за эту нубійку и того, что стоитъ кормъ ея въ недѣлю; она такая худая, поджарая; вотъ еслибы вы посмотрѣли на моихъ женъ; какая разница! каждая изъ нихъ вѣситъ въ пять разъ болѣе, нежели эта сухопарая нубійка. Онѣ такія толстыя, что едва могутъ двигаться съ мѣста: истинныя красавицы! Какъ могли вы думать, чтобы я влюбился въ нее. Но вотъ и наше консульство, а вонъ и капитанъ Діаны, онъ, вѣрно, пришелъ просить удовлетворенія за своего оберъ-ботсмана. Но я не знаю, что теперь дѣлать: Сантуронъ исчезъ, и Алла знаетъ, гдѣ его искать. Но, вѣроятно, Англія не объявитъ войны за одного моряка.

Когда мы вошли въ консульство, консулъ, извѣстный своею справедливостію, разбиралъ дѣло о смерти оберъ-ботсмана.

— Послушайте, капитанъ Давенхортъ, я увѣренъ, что вы скажете мнѣ всю истину въ этомъ дѣлѣ.

— Можете быть въ томъ увѣрены, сэръ, отвѣчалъ капитанъ.

— Вы были свидѣтелемъ обиды, нанесенной Сантурону покойникомъ, который всю жизнь свою былъ ужаснымъ пьяницею и забіякою, и вы, вѣрно, замѣтили, что онъ нарочно толкнулъ мавра, сидѣвшаго спокойно на палубѣ.

— Точно такъ.

— И что онъ потомъ, получивъ ударъ кулакомъ въ голову, упалъ, и только спустя тринадцать часовъ умеръ. Такъ-ли?

— Точно такъ, — отвѣчалъ капитанъ Давеннортъ.

— Слѣдовательно въ этомъ дѣлѣ не было вовсе умышеннаго убійства. Кулакъ, хотя-бы былъ самый сильный, не можетъ быть названъ орудіемъ, ни холоднымъ, ни огнестрѣльнымъ, — и никогда-бы не можно было предвидѣть, чтобы ударъ кулакомъ по англійской головѣ произвелъ смерть. Притомъ Сантуронъ имѣлъ полное право отомстить за нанесенную ему обиду. — Всякій, кто находится подъ англійскимъ флагомъ, долженъ пользоваться полнымъ уваженіемъ. И такъ, изъ всего этого слѣдуетъ, что нѣтъ никакихъ причинъ къ нарушенію дружескихъ отношеній нашихъ съ Марокскою имперіею, нѣтъ вовсе того, что называютъ *casus belli*. Но здѣсь представляется другое обстоятельство. У оберъ-ботсмана была жена и нѣсколько дѣтей; они остались безъ всякаго средства къ существованію. Поэтому она имѣетъ полное право требовать денежнаго вознагражденія — и вознагражденія значительнаго. Сантуронъ, владѣющій такимъ сильнымъ кулакомъ, долженъ имѣть порядочныя деньги. А потому пришлите мнѣ изъ Англій всѣ нужныя бумаги, и я постараюсь выхлопотать для бѣдной вдовы порядочную сумму.

— Но что-же съ нами будетъ, г. консуль? — спросилъ докторъ Гамилтонъ. — Нашъ проводникъ скрылся, поэтому, кажется, нашъ контрактъ уничтоженъ, и мы должны возвратиться домой.

— Совсѣмъ нѣтъ, — сказала консуль, — вѣдь вы имѣете особые фирманы?

— Да, намъ выдали фирманы, для свободнаго проѣзда въ Марокко.

— Очень хорошо! — Такимъ образомъ мы рѣшимъ этотъ вопросъ математически: Сантуронъ отправился въ Марокко черезъ часъ послѣ прибытія въ Тангеръ; — онъ поспѣшилъ для того, чтобы вѣсть о случившемся на Діанѣ не пришла въ Марокко прежде него и съ невыгодной для него стороны. Иначе онъ не избѣжалъ-бы палочной дроби. И такъ онъ представитъ все это дѣло Императору съ самой выгодной для себя стороны. Но и мы также не дураки. Мы пошлемъ въ Марокко рапортъ о томъ, что въ Тангерѣ находится лекарская комиссія, вывезенная изъ Европы Сантурономъ, которая, въ ожиданіи повелѣній, считаетъ ежедневно по десяти фунтовъ стерлинговъ убытку, за потерянное время. Каждый вопросъ, могущій быть разрѣшенъ деньгами, очень простъ и ясенъ. А теперь пора къ столу!

О дивная англійская логика! — въ тебѣ мало поэзіи и немного чувствъ, за то сколько того, что называютъ практическимъ *разумомъ*.

Вторая ночь на африканской землѣ прошла также, какъ и первая. На другой день, опять рано утромъ, разбудилъ насъ нашъ драгоманъ, но не для того, чтобы ѣхать купаться, — а съ просьбою, чтобы мы удостоили его скромное жилище нашимъ посѣщеніемъ и утѣшили грустную Аилу, которой дитя опасно заболѣло.

Онъ жилъ на рынкѣ, гдѣ держалъ лавку съ разными товарами. Лав-

ка эта на видѣ была очень бѣдна, но въ ней было много цѣнныхъ товаровъ. Изъ лавки вела лѣстница въ его квартиру. При входѣ нашемъ въ первую комнату, онъ угостилъ насъ кофеемъ и трубками.

— Вотъ сынъ отъ первой жены моей, еврейки, — сказала Измаиль, указывая на восьмилѣтняго мальчика, красиваго и хорошо одѣтаго. Это единственный сынъ мой, оставшійся въ живыхъ, девять другихъ умерли, я и за этого очень опасуюсь.

— Отчего-же? — спросилъ Аль-Гамитъ-Бей, — мальчикъ, кажется, здоровый.

— Это правда, — но жены мои его терпѣть не могутъ, и при первомъ удобномъ случаѣ, готовы отправить его на тотъ свѣтъ, — отвѣчалъ жидъ, дергая свою бороду.

— Ну, славныя-же у тебя жены! Да вѣдь за смертоубійство, вѣроятно, существуетъ у васъ казнь?

— Конечно; но отъ этого мнѣ не будетъ легче, я только потеряю въ добавокъ женъ моихъ, а каждая изъ нихъ стоитъ мнѣ большихъ денегъ. Вы не повѣрите, какія вещи дѣлаются въ гаремахъ. Изъ десяти дѣтей, едва одно выростеть, и даже выросши находится всегда въ опасности быть умерщвленнымъ. И все это проходитъ безнаказанно, потому-что гаремъ такое мѣсто, куда, по магометанскимъ обычаямъ, никто не можетъ проникнуть, а стало быть и знать, сколько душъ въ нихъ живетъ и умираетъ. Тамъ все производится тайно и господствуютъ вѣчныя интриги!

Желая доказать намъ свое довѣріе, Измаиль ввелъ насъ въ свой гаремъ. Небольшой, выложенный мраморными плитами дворъ, отдѣлялъ гаремъ отъ лицевой части строенія. Посреди двора былъ фонтанъ, вокругъ него росли лавровыя и кипарисныя деревья. Въ одномъ углу стояла будка, въ которой сидѣлъ мавръ съ безжизненнымъ лицомъ. Это евнухъ гарема. Поднявшись на лѣстницу, мы вошли въ переднюю комнату, раздѣленную штофною занавѣсою на двѣ части; свѣтъ падалъ сверху.

Измаиль далъ намъ знакъ, чтобы мы потихоньку шли за нимъ, и открылъ занавѣсъ. На коврѣ сидѣла бѣдная Аиля, съ ребенкомъ на рукахъ. Она сохранила свой родной нарядъ. Увидавъ насъ, она хотѣла встать, но мы удержали ее на мѣстѣ. Потомъ она непонятнымъ для насъ языкомъ объявила, что дитя ея очень болѣнъ и не беретъ груди.

Трудно описать горестъ этой бѣдной матери. Материнское чувство вездѣ одинаково, вездѣ оно возбуждаетъ соболѣзнованіе. И кто знаетъ, можетъ-быть, это чувство еще сильнѣе въ необразованныхъ дѣтяхъ природы, чѣмъ въ дочерахъ изысканной цивилизаціи, которыя нерѣдко съ перваго дня рожденія повѣряютъ дѣтей своихъ наемнымъ кормилицамъ.

Бѣдная Аиля не могла уже плакать, слезы ея изсякли. Докторъ Гамильтонъ далъ ей нѣсколько піастровъ, чтобы она купила молока и въ немъ купала дитя, — и обѣщалъ ей, что черезъ мѣсяцъ отвезетъ ее на родину, въ Нубію, и отдастъ ея родителямъ. Казалось, что

Алиа поняла эти слова, ибо она залилась слезами и упала къ ногамъ своего благодѣтеля.

— Ну, поведи-же насъ теперь къ своимъ почтеннымъ женамъ,—сказалъ докторъ Гамильтонъ.

— Впервые нога мужчины вступила за порогъ моего гарема,—сказалъ Измаиль,—даже отецъ моей жены, мавританки, никогда здѣсь не былъ, но вамъ я не могу ни въ чемъ отказать. Съ этими словами ввелъ онъ насъ въ довольно обширную залу, устланную коврами. Свѣтъ проникалъ сверху. Здѣсь, на подушкахъ, въ углубленіи залы, сидѣли двѣ богато убранныя женщины, которыя занимались вышиваніемъ. При нашемъ входѣ обѣ закрыли лица свои, довольно прозрачнымъ покрываломъ, и привѣтствовали насъ съ нѣкоторою граціею, сложа руки на груди, но не вставая съ мѣста.

Измаиль сказалъ нѣсколько словъ своимъ женамъ, и онѣ открыли свои покрывала и смотрѣли на насъ съ большимъ любопытствомъ, даже съ кокетствомъ.

— Жены мои прекрасны, какъ звѣзды на небѣ, хотя онѣ и не въ первой молодости, хотя каждая изъ нихъ имѣла по нѣсколько дѣтей. Но Аллахъ ниспосылаетъ имъ свое благословеніе: что онѣ потеряли относительно молодости, то выиграли въ дородствѣ. Онѣ еще и теперь стоятъ тѣхъ-же денегъ, которыхъ стоили пять лѣтъ тому назадъ, когда красота ихъ развивалась, сказалъ намъ съ гордостью Измаиль.

Женщины эти были дѣйствительно очень красивы; мавританка была бѣла, какъ алебастръ; большіе, черные глаза ея, полные кротости, устремлены были на насъ съ видомъ самодовольствія. Одѣта она была очень богато и съ большимъ вкусомъ.

Другая жена драгомана, дочь мулатки и ренегата итальянца, была очень смугла и необыкновенно высокаго роста; она поражала своимъ быстрымъ взглядомъ; въ прекрасномъ лицѣ ея замѣтна была злость и нахальность. Она одѣта была вся въ бѣломъ, исключая головнаго убора пунцоваго цвѣта.

— Oh Sennoges! сказалъ намъ Измаиль, всмотритесь хорошенько въ эту женщину; клянусь, вамъ не удастся никогда увидѣть подобную красавицу. Ахъ, это истинная африканская львица! Посмотрите, какой ростъ, какая сила въ плечахъ, какой огонь въ глазахъ, какое неистовство въ ноздряхъ! А она была довольно невидная женщина, когда я взялъ ее въ жены. Отецъ ея, родомъ изъ Генуи, былъ морской разбойникъ, пьяница и контрабандистъ, бѣжалъ изъ Генуи въ Тангеръ и здѣтъ отрекся отъ вѣры своихъ отцевъ; онъ открылъ лавочку и задолжалъ мнѣ много денегъ. Я замѣтилъ, что дочь его, рожденная отъ эѳіопской мулатки, будетъ прекрасна, какъ львица, а потому просьбами, угрозами, интригами, виномъ и водкой, достигъ до того, что старикъ отдалъ мнѣ ее въ жены, когда ей было едва двѣнадцать лѣтъ. Вотъ уже восемь лѣтъ, какъ она у меня, и здѣсь-то она сдѣлалась совершенною красавицею. Какъ жаль, что она моя жена, очень жаль! Я бы лучше желалъ, чтобы она была моя невольница; я бы продалъ ее за большія деньги, могъ-бы получить за нее 50 мѣшковъ *чекелей* (до 20,000

руб. сер.). А теперь я часто долженъ дрожать передъ нею, потому-что она бѣшена, какъ тигръ, и сильна, какъ львица, и притомъ всегда готова на драку. Она уже не разъ грозила убить меня, и, быть-можетъ, когда-нибудь сдержитъ свое слово! Сына моего она уже не разъ колотила страшно. О Аллахъ! сколько я долженъ переносить отъ нея!

Зулема, казалось, догадывалась, о чемъ ей мужъ говорить намъ; она встала и тихимъ, грозющимъ шагомъ приближалась къ нему. Это была настоящая Минерва! Ренегатъ понялся на нѣсколько шаговъ, а она, горько улыбаясь, посмотрѣла на насъ, качая головою, какъ-бы хотѣла сказать: «Посмотрите! Такая героиня, какъ я, должна имѣть того мужа!»

XI.

Трудно себѣ вообразить разнообразіе, господствующее въ населеніи мавританскаго города; населеніе это состоитъ изъ самыхъ разнородныхъ и часто непріязненныхъ другъ-другу націй, именно: изъ мавровъ, арабовъ, варварійцевъ, кабилловъ, евреевъ и негровъ.

Мавры * составляютъ самую многочисленную и самую образованную часть населенія. Они почти исключительно живутъ въ городахъ, занимаютъ самыя высшія должности и господствуютъ въ краѣ. Они одни входятъ съ европейцами въ сношенія.

Арабы живутъ частію въ палаткахъ, частію въ деревняхъ; первые принадлежатъ къ кочующимъ народамъ, они мало зависятъ отъ султа-

* Изъ недавно вышедшаго въ Мадридѣ сочиненія, подъ заглавіемъ: *Guia del official viajando en el Imperio del Maroc, por Don Seraphin de Calderon*, видно, что населеніе Марокской имперіи слѣдующее:

Королевство Фецъ	3,200,000	жит.	на 9,853	кв геогр. мильхъ
----- Марокко	3,600,000	— —	5,700	— — — —
----- Тафилета и Сегельмеза	700,000	— —	5,184	— — — —
----- Адраръ, Суза и Те	1,000,000	— —	5,633	— — — —

Итого 8,500,000 жит. на 24,370 кв геогр. миль.

что составитъ по 340 жителей на 1 кв геогр. милью, не включая въ это число обширныхъ степей, на которыхъ ничего не родится и никто не живетъ. Населеніе это по расамъ, языку и племенамъ, представляегь слѣдующее отношеніе:

Мавровъ (или смѣшанныхъ арабовъ)	3,550,000.
Арабовъ чистыхъ (или Израильскихъ Бедуиновъ)	740,000.
Варварійцевъ (или Туариковъ)	2,300,000.
Кабилловъ (или Амазинговъ, Шеллеву и Сузовъ)	1,450,000.
Евреевъ	339,500.
Арабовъ Судана, Мадинга и Феляновъ	1,200,000.
Христіанъ европейскихъ	300.
Ренегатовъ, отрекшихся вѣры христіанской	200

Бывшій шведскій консулъ въ Марокской имперіи Gräberg de Hemsö, издалъ почти въ одно время съ дономъ Калдерономъ сочиненіе о Марокко, въ которомъ подробно исчисляетъ населеніе Марокской имперіи. Исчисленіе это очень близко къ представленному выше.

на, котораго признають только главою своей вѣры. Они безпрестанно перекочевываютъ съ одного мѣста на другое, и платятъ султану только за землю, которую занимають въ его владѣніяхъ.

Самое дикое племя составляютъ варварійцы. По всемъ вѣроятіямъ, они потомки первобытныхъ жителей Африки, нумидійцевъ. Большая часть изъ нихъ живутъ въ горахъ и лѣсахъ; занятія ихъ состоятъ въ звѣроловствѣ и рыбномъ промыслѣ; мавры и арабы называютъ ихъ кабаилами, или кабилами, и не терпятъ ихъ. Это дикое племя имѣетъ очень слабое понятіе о божествѣ и не придерживается никакого религіознаго исповѣданія. Много кабиловъ живетъ около Тангера, на приморскихъ скалахъ. Пользуясь замѣшательствомъ, бывшимъ въ Тангерѣ въ 1844 году, когда французы бомбардировали этотъ городъ, и видя, что сынъ султана съ войскомъ своимъ обратился въ бѣгство, кабилы ворвались въ городъ и хотѣли разграбить его, но паша тангерскій собралъ небольшой отрядъ, напалъ на этихъ разбойниковъ, самъ убилъ нѣсколькихъ изъ нихъ, и такимъ-образомъ спасъ Тангеръ отъ несчастія, которому подвергся Магадоръ, въ подобныхъ-же обстоятельствахъ.

Другіе варварійцы, занимающіеся скотоводствомъ, не такъ дики и нѣсколько пообразованнѣе. Ихъ называютъ здѣсь амазиргами.

Евреи живутъ въ городахъ и занимаются легкими ремеслами и барышничествомъ. Они гораздо промышленнѣе мавровъ, а потому сдѣлались необходимыми въ этомъ краѣ, хотя ихъ каждый ненавидитъ и всѣ, не исключая арабовъ, презирають.

Арабы, по большей части, невольники; одни изъ нихъ занимаются садоводствомъ, другіе служатъ стражами въ гаремахъ. Часть арабовъ употребляется также для султанской гвардіи, весьма богато одѣтой и хорошо вооруженной; число ея простирается до 6,000 человекъ.

Есть также много свободныхъ арабовъ, занимающихся торговлею и ремеслами. Они отличаются честностью и правдивостью.

Гамильтонъ-Бей не хотѣлъ отправляться въ Марокко, пока не узнаетъ, что сынъ императора находится въ этомъ городѣ, и пока не получитъ отъ него фирмана для безопаснаго проѣзда туда. Въ ожиданіи фирмана, мы положили посѣтить мѣста, не очень отдаленныя отъ Тангера, именно городъ Тетуанъ.

Тетуанъ лежитъ на востокъ отъ Тангера, на разстояніи 10 географическихъ миль. Паша далъ намъ для охраненія одного изъ самыхъ вѣрныхъ своихъ офицеровъ. Это былъ очень красивый, хотя уже пожилой человекъ. Онъ ѣхалъ впереди нашего каравана, на отличномъ арабскомъ конѣ, съ длинною бѣлою гривой и такимъ же хвостомъ, котораго концы окрашены были красной краской. На головѣ офицера была высокая красная шапка, обмотанная бѣлою кисейною чалмою. На плечахъ его былъ плащъ, въ родѣ бурнуса, изъ голубой матеріи, называемой *sulkam*; босыя ноги его красовались въ желтыхъ туфляхъ, къ которымъ привязаны были шпоры съ огромными кругами. Вооруженіе его состояло изъ сабли, кинжала и двухъ пистолетовъ; сверхъ того, за плечами висѣло длинное ружье, въ красномъ суконномъ чехлѣ.

Мы взяли съ собою, кромѣ съѣстныхъ припасовъ и необходимыхъ

вещей, также и жида, который намъ долженъ былъ служить переводчикомъ. Несчастный лежалъ на вьючномъ конѣ, какъ мѣшокъ съ мукой: евреямъ не дозволяется ѣздить верхомъ; это, по понятіямъ страны, нанесло-бы безчестіе благородному животному, которое такъ высоко цѣнится маврами. Жидъ не иначе можетъ ѣхать на лошади, какъ представляя изъ себя вьюкъ, и тогда онъ почитается вещью, что нисколько не позоритъ лошади. Но жидамъ дозволяется ѣздить на ослѣ или на лошацѣ; на бѣду нашего переводчика не было ни того, ни другаго. Евреямъ также запрещено носить оружіе. Нашъ жидъ не хотѣлъ даже дотронуться до ружья, которое я далъ ему подержать. «Я не заслуживаю этой чести», сказалъ онъ, и призвалъ мавра, чтобы тотъ подержалъ мое ружье.

Караванъ нашъ состоялъ изъ двадцати лицъ; къ намъ присоединилось нѣсколько англичанъ и другихъ европейскихъ путешественниковъ, и нѣсколько знатныхъ мавровъ съ своими слугами. Офицеру строго приказано было доставить насъ въ тотъ же вечеръ въ Тетуанъ. Путешествіе было очень утомительно. Небольшія лошади наши вязли въ болотахъ. Въ оврагахъ мы встрѣчали небольшія деревни или *дуары*. Онѣ состояли изъ бѣдныхъ лачугъ, крытыхъ тростникомъ и прислоненныхъ къ скаламъ. При нѣкоторыхъ были небольшіе садики, наполненные кустами алое и дикими фигами. Поля засѣяны были, по большей части, сарацынскимъ пшеномъ и изрѣдко ячменемъ. Нѣсколько нагихъ дѣтей играли передъ домами, а цѣлыя тучи аистовъ и фламинговъ шумѣли въ воздухѣ. Здѣсь также народъ почитаетъ ихъ за вѣстными птицами и позволяетъ имъ гнѣздиться на крышахъ домовъ.

Встрѣчавшіеся намъ арабскіе крестьяне привѣтливо кланялись нашему вожатому, капуди. Нѣкоторые изъ нихъ цѣловали плащъ его, а другіе его руки. Инымъ самъ капуди подавалъ свою руку, другимъ отвѣчалъ на поклоны, прикладывая руку къ сердцу. Мавръ очень заботится о сохраненіи своего достоинства и о соблюденіи этикета, отчего происходятъ иногда довольно смѣшныя сцены. Когда, на примѣръ, два родственника или хорошіе пріатели встрѣтятся, то бросаются другъ-другу на шею и цѣлуютъ одинъ другаго въ лицо и въ бороду, и закидываютъ тысячами вопросовъ, на которые и не ждуть отвѣтовъ.

Мы обѣдали на берегу ручейка. Мавры помѣстились особо, на короткихъ, европейцы разлеглись на травѣ, возлѣ нашего обоза, а бѣдный жидъ расположился въ отдаленіи отъ всѣхъ. Хлѣбъ нашъ отсырѣлъ. Это замѣтилъ капуди и предложилъ намъ часть своего хлѣба, родъ жирнаго коржа, не очень вкуснаго. Онъ удостоилъ даже жида кускомъ коржа; отъ насъ онъ принялъ финики, винныя ягоды и греческіе орѣхи, но никакъ не соглашался принять ни копченаго мяса, ни вина. «Законъ воспрещаетъ мнѣ вкушать эти вещи», сказалъ онъ, прикладывая руку къ сердцу. Это былъ очень-набожный мавръ; другіе не такъ строго исполняютъ предписанія закона.

Лошадей нашихъ разсѣдали и пустили на волю. Они сами паслись и потомъ, по первому зову, сбѣгались и дали себя осѣдлатъ.

Теперь дорога вилась между высокими горами, населенными полу-

дикими варваріями, которые не имѣютъ строеній и живутъ, по большей части, въ пещерахъ и даже въ сгнившихъ дуплахъ деревь. Они живутъ звѣроловствомъ и грабежемъ, и не одинъ путешественникъ палъ жертвою ихъ алчности и разбойничества.

Нашъ мавританскій офицеръ прикрѣпилъ свои шпоры и вынулъ изъ чахла ружье. Вскорѣ мы встрѣтили нѣсколько людей съ самыми дикими физиономіями. Это были варваріицы. Головы ихъ были совершенно открыты, короткіе волоса торчали, какъ щетина; кромѣ короткихъ рубашекъ изъ толстаго чернаго сукна, на нихъ не было никакой одежды. Но за то они вооружены были хорошими двухствольными ружьями и пистолетами.

Они не кланялись нашему капуди, который строго смотрѣлъ на нихъ. Они разговаривали между-собою такимъ языкамъ, котораго не понимали ни мавры, ни арабы, ни даже переводчикъ. Тетуанскій паша часто высылаетъ своихъ солдатъ, чтобы усмирять ихъ, но всегда безъ успѣха. Варваріицы удаляются тогда на высокія горы и поражаютъ солдатъ изъ пещеръ и съ верхушекъ деревь, и побѣжденные солдаты возвращаются домой, не нанеся кабиламъ никакого урона.

Посреди горъ и почти на половинѣ дороги между Тангеромъ и Тетуаномъ находится родъ укрѣпленнаго каравансерая, называемаго *фондакъ*. Онъ видѣнъ изъ далека, потому-что лежитъ на возвышеніи. Здѣсь обыкновенно ночуютъ мавры, ѣдущіе изъ Тетуана въ Тангеръ. По другую сторону фондака дорога идетъ по плодородной долинѣ, за которою виднѣются цѣпи горъ, у подножія которыхъ лежитъ Тетуанъ. Эти горы составляютъ отрасль малаго Атласа; вершины ихъ покрыты вѣчнымъ снѣгомъ, а подножіе отличается богатою растительностію. Наружнымъ видомъ эти горы похожи на швейцарскія Альпы.

Городъ Тетуанъ занимаетъ огромное пространство. Стѣны его укрѣплены редутами, изъ которыхъ грозно выглядываютъ огромныя чугунныя орудія. Но орудія эти въ рукахъ мавра совершенно безопасны; они бывають опасны только для тѣхъ, кто изъ нихъ стрѣляетъ.

Въ Тетуанѣ считается 25,000 жителей. Онъ, послѣ столичнаго города Феца, почитается главнымъ по торговлѣ во всемъ государствѣ. Тетуанъ лежитъ въ десяти верстахъ отъ Средиземнаго моря, при рѣкѣ, называемой Мартинъ, составляющей его пристань. Но это жалкая пристань: она такъ засыпана пескомъ, что едва небольшая лодка можетъ войти въ нее.

Въ прошедшемъ столѣтіи Тетуанъ былъ мѣстомъ резиденціи европейскихъ консуловъ, но марокскій императоръ, по неизвѣстнымъ причинамъ, воспретилъ европейцамъ проживать въ Тетуанѣ. Двадцать лѣтъ продолжалось это запрещеніе, и въ это время ни одинъ христіанинъ не могъ понасть въ этотъ городъ. И доселѣ еще не дозволяется христіанамъ жить въ этомъ городѣ.

Солнце приближалось уже къ закату, когда мы увидѣли Тетуанъ; но намъ оставалось еще семь верстъ до города. Капуди вынулъ свои четки и началъ усердно молиться. На вопросъ нашъ о причинѣ его молитвы, онъ отвѣчалъ: «Аллахъ великъ! Я долженъ молить

его о прощени за то, что служу вамъ, проводникомъ, въ то время, когда всѣ правовѣрные собраны въ мечети. Но я принялъ на себя обязанность доставить васъ въ городъ еще сегодня вечеромъ. Богъ управляетъ судьбою людей!»

— Богъ милосердъ и не вмѣнитъ вамъ это въ преступленіе, сказали мы.

— Кто же можетъ знать, возразилъ капуди, что намъ вмѣнится въ грѣхъ? Вы менѣе, всѣхъ можете о томъ судить; тамъ, гдѣ ожидаетъ насъ, правовѣрныхъ, пророкъ, для васъ не будетъ мѣста.

При такомъ понятіи о религіи трудно увѣрить араба въ ложности его убѣжденій.

Подѣхавъ къ городскимъ воротамъ, мы должны были послать нашего вожатаго въ наші, чтобы узнать, дозволено ли намъ будетъ въѣхать въ городъ. Это была важная формальность. Недавно одинъ французъ, послѣ шестидневнаго, утомительнаго путешествія, остановился передъ воротами Марокко и просилъ позволенія въѣхать въ городъ. Отъ него потребовали сто рублей серебромъ, и какъ онъ не хотѣлъ, или не могъ внести этой суммы, то и долженъ былъ возвратиться въ Тангеръ.

Передъ городомъ, недалеко отъ дороги, арабы расположились лагеремъ. Палатки ихъ состояли изъ попонъ, сотканыхъ изъ верблюжьей шерсти, и изъ пальмовыхъ листьевъ, подпертыхъ толстымъ тростникомъ. Палатки эти, или вѣрнѣе шалаши, широкія, низкія и длинныя, видомъ походили на перевернутую лодку. Сверху онѣ были выкрашены черною смолою.

Наконецъ пришелъ отъ наши слѣдующій отвѣтъ: «Да благословитъ васъ Аллахъ! Для меня очень пріятно, что вы хотите отдохнуть въ моемъ городѣ».

Едва мы въѣхали въ городъ, вся иллюзія исчезла. Онъ такой-же скучный и запачканный, какъ и всѣ остальные мавританскіе города. Дома въ нихъ не имѣютъ оконъ, выходящихъ на улицу и потому они скорѣе похожи на тюрьмы, нежели на жилия строенія. Здѣсь архитектурическія украшенія сохраняются только для внутренности зданій, которыя въ Тетуанѣ имѣютъ по три этажа. Тамъ и сямъ высіяются надъ крышами домовъ минареты, которые прерываютъ нѣсколько скучное однообразіе.

Мы остановились въ одномъ жалкомъ заѣзжемъ домѣ, содержимомъ жидомъ, и по обыкновенію, ужасно нечистомъ. Сальный огарокъ освѣщалъ насъ въ атмосферѣ, проникнутой запахомъ лука, чеснока и сушеной рыбы. Непреодолимое отвращеніе не дозволило намъ дотронуться до предложенной пици.

На другой день осмотрѣли мы много лавокъ и ремесленныхъ заведеній мавровъ.

Промышленность здѣсь въ довольно хорошемъ положеніи. Особенно хорошо выдѣлываютъ здѣсь кожи и шелковыя матеріи. Кожа здѣшняя отлична: она необыкновенно крѣпка, тягуча и мягка. Выдѣланные изъ этой кожи башмаки очень прочны и пріятны въ носкѣ. Здѣсь

кожа еще дешевле, чѣмъ въ Испаніи. Шелковыя матеріи, фабрикованныя въ Марокко, тяжелы и плотны; цвѣта ихъ живы и со вкусомъ распредѣлены. Выдѣлываемое здѣсь оружіе чрезвычайно красиво: оно бываетъ дамаскировано, позолочено и украшено кораллами и драгоценными каменьями. И все это выдѣлывается такими простыми инструментами, что ни одинъ изъ лучшихъ европейскихъ мастеровъ не сумѣлъ бы ими сдѣлать самого обыкновеннаго пистолетнаго курка.

Жители Тетуана очень рѣдко имѣютъ случай видѣть иностранцевъ, а потому въ нихъ болѣе замѣтно фанатазма, нежели въ Тангерѣ. Мы перазъ замѣчали, что при встрѣчѣ съ нами, они плевали отъ отвращенія, а одинъ изъ нихъ, котораго переводчикъ нашъ называлъ челоувѣкомъ праведнымъ, даже ударилъ по плечу молодаго товарища нашего сэръ Антонія С... довольно толстымъ прутомъ. Что намъ оставалось дѣлать? Насъ изорвали бы въ куски, еслибы мы вздумали отомстить, подобно Сантуруну.

Мавръ вообще гостеприименъ. Онъ очень охотно принимаетъ въ своемъ домѣ иностранца, удаливъ прежде изъ него женщинъ; но онъ никогда не дозволитъ, чтобы нога невѣрнаго ступила въ храмъ его. Неминуемая смерть ожидаютъ всякаго европейца, который осмѣлился бы переступить порогъ мечети.

По закону Магомета, каждому мавру дозволено имѣть четыре жены, а невольницъ сколько угодно; бѣднѣйшіе должны довольствоваться одною женою, если они не въ состояніи прокормить болѣе одной. Жены получаютъ отъ своихъ мужей, или правильнѣе, отъ своихъ владѣльцовъ, ежедневно, потребную имъ сумму денегъ и съѣстные припасы. Если которая изъ нихъ въ состояніи доказать, что мужъ не даетъ ей довольно денегъ, то ей дозволяется развестись съ нимъ и идти въ жены къ другому. Мавры также ревнивы, какъ и турки, и держатъ женъ своихъ въ строгомъ заключеніи. По мнѣнію мавра, женщина поставлена гораздо ниже мужчины. Здѣсь не предоставляютъ, какъ у насъ, женщинамъ заботу о ея чести; здѣсь ихъ принуждаютъ къ вѣрности, отнимая всѣ средства дѣйствовать самовольно. Женщинамъ, принадлежащимъ богатымъ маврамъ, не дозволяется выходить изъ гаремовъ.

Но зато и жены мавровъ, имѣя много свободнаго времени, всю жизнь свою вымышляютъ способы, какъ-бы избѣгнуть надзора оберегающихъ ихъ аргусовъ. А потому онѣ очень любятъ заводить любовныя переписки; но это обыкновенно оканчивается очень трагически. Когда мавританки замѣтятъ, что за ними не наблюдаютъ ихъ соплеменники, онѣ показываютъ иностранцамъ свои прелестныя лица, и тѣшатся произведеннымъ на нихъ впечатлѣніемъ. Но бѣда, еслибъ это замѣтилъ ревнивый мавръ, или еслибы только узналъ о томъ: несчастная не избѣгла бы самого строгаго наказанія.

ПРЕДАНИЕ О ФАУСТѢ.

Нѣмецкая сказка о Іоаннѣ Фаустѣ имѣла началомъ ту же любовь къ чудесному, которая произвела Мерлина, Малагиса, Донъ Жуана, итальянца Вержила, богемца Жито и польскаго Пана Твардовскаго; тоже скопленіе идей, проистекавшее изъ суевѣрія, не только нѣсколькихъ людей, но цѣлыхъ народовъ.

Имѣя основаніемъ истину, сказка, ходя по свѣту, украшалась всѣми нелѣпыми вымыслами и преданіями о колдовствѣ, распространенными въ народѣ, и съ каждымъ новымъ поколѣніемъ становилась громадище и чудовищнѣе. Конрадъ Геснеръ говоритъ, что Фаустъ принадлежалъ къ числу такъ называемыхъ *scholastici rogantes*, по этому-то именно современные съ нимъ писатели и позволяли себѣ взвалить на Фауста всѣ странныя приключенія, какія только могли выдумать или собрать; ибо *scholastici rogantes* были ни что иное, какъ бездолжностные, бездомные студенты, присоединявшіеся или къ астрологамъ, или къ комедіантамъ и уличнымъ пѣвцамъ, съ которыми бродили изъ города въ городъ, для снисканія насущнаго хлѣба. Они бывали на всѣхъ большихъ ярмаркахъ, присутствовали на всѣхъ торжествахъ.

Что Фаустъ лицо дѣйствительно существовавшее въ концѣ XV и въ началѣ XVI вѣка, въ этомъ сомнѣваться нельзя, благодаря свидѣтельству людей — ему современныхъ и достойныхъ вѣроятія.

Древнѣйшій писатель, говорившій — о Фаустѣ, богословъ Плацій, который написалъ книгу *de Spectris et Lemuribus*. Потомъ слѣдуетъ Іоаннъ Манліи, утверждающій въ своихъ *Collectaneis Locorum Comptinium*, что Фаустъ родился въ Кудлингѣ, небольшомъ швабскомъ городкѣ, что онъ учился въ Краковѣ, откуда пустился путешествовать и открылъ множество чудесныхъ тайнствъ природы.

Андрей Гарнуарій, авторъ книги *Promptuaris Exemplogum*, прибавляетъ, что Фаустъ былъ въ Виттембергѣ, но бѣжалъ изъ этого города, узнавъ, что его хотятъ задержать.

Іоганъ Віерусъ почитаетъ Фауста обманщикомъ.

Конрадъ Геснеръ, въ своемъ *Opomastico*, ставитъ Фауста наряду съ Парацельсомъ и другими людьми, опытными въ химіи и практической магіи.

Филиппъ Камерарій говоритъ, что въ народѣ нѣтъ человѣка, который бы не слыхивалъ, и при томъ часто, о Фаустѣ.

Мартынъ Дельрею, въ своихъ *Disquisitionibus Magicis*, называетъ Фауста и Агриппу просто мошенниками, имѣвшими обычай платить въ трактирахъ такими деньгами, которыя съ перваго взгляда имѣли видъ настоящихъ, а въ послѣдствіи обращались въ жетоны изъ мѣди или жести.

Филиппъ Бегарди, издавшій въ 1539 г. въ Вормсѣ, сочиненіе подъ заглавіемъ *Zeiger der Gesundheit*, говоритъ о Фаустѣ какъ о человѣкѣ, знакомый съ нимъ лично. Наконецъ Лютеръ, Меланхтонъ и аббатъ Тритгеймъ упоминаютъ объ немъ въ своихъ перепискахъ.

Однакожь нѣкоторые писатели смѣниваютъ черно книжника Фауста съ книгопечатникомъ Фаустомъ, другіе съ Фаустомъ Социнусомъ и Іоанномъ Сабелликусомъ, который принималъ титулъ Фауста младшаго.

Достовѣрно кажется, что Фаустъ точно родился въ Кудлингѣ, воспитывался въ Виттембергѣ, и отличался своими свѣдѣніями. Въ Эрфуртѣ, говоритъ Мёзенъ, предложилъ онъ создать снова, въ теченіе нѣсколькихъ часовъ, затеряныя комедіи Плавта и Теренція, но профессоры не захотѣли воспользоваться его предложеніемъ, ибо думали, что онъ не иначе могъ исполнить свое намѣреніе, какъ при помощи волшебства. Фаустъ брался также возстановить творенія Платона и Аристотеля, въ случаѣ, еслибы они совершенно затерялись. Въ другой разъ, въ томъ же городѣ, было позволено ему открыть публичный курсъ о Гомерѣ, и онъ представилъ героевъ Иліады съ такой ясностію, что можно было подумать, будто бы онъ зналъ ихъ лично. Студенты, которымъ извѣстно было, какъ далеко простирались его странныя свѣдѣнія, просили его вызвать имъ тѣни главныхъ лицъ Гомеровыхъ поэмъ. Фаустъ согласился и повелъ ихъ въ темную комнату, запретивъ говорить. Тамъ являлись предъ ними попеременно, со всѣми свойственными имъ атрибутами, боги, полубоги и богини, цари и воины, о которыхъ такъ много говорено въ Иліадѣ и Одиссеѣ; но когда предсталъ одноглазый гигантъ Полифемъ, съ рыжей бородою и огромною пащею въ рукѣ, то студенты испугались, бросились вонъ изъ комнаты съ ужаснымъ крикомъ, и двое изъ нихъ увѣрили, что Полифемъ хотѣлъ ихъ сожрать. Вскорѣ слухъ объ этомъ происшествіи распространился по городу.... Тогда францисканецъ Клингеръ пришелъ къ Фаусту съ намѣреніемъ обратить его, но не успѣвъ въ этомъ предпріятіи, выхлопоталъ, чтобы Фауста выгнали вонъ изъ города.

Самое древнѣйшее и замѣчательное повѣствованіе о Фаустѣ, какъ весьма рѣдкое, было издано въ Гамбургѣ 1599 г. съ именемъ автора, Георгія Родольфа Видемана. Этого же сочиненія новое изданіе, исправленное и дополненное Николаемъ Пфицеромъ, вышло въ 1674 г. въ Нюрнбергѣ, подъ слѣдующимъ названіемъ: *Преступная жизнь и ужасный конецъ знаменитаго архи-волшебника Д. Іоанна Фауста*»

Въ этомъ сочиненіи, безспорно, любопытнѣе всего замѣчанія, помѣщенные въ концѣ каждой главы. Авторъ объявляетъ въ предисловіи, что пишетъ исторію Фауста не для того, чтобы родить въ умѣ читателей своихъ дурныя мысли, а напротивъ для того, чтобы показать ужасную бездну, въ которую низвергаются удаляющіеся отъ Бога — и желая сдѣлать книгу свою сколько можно полезнѣе для нравственности, тщательно подвергаетъ всѣ дѣянія Фауста критическому изслѣдованію....

Впрочемъ, здѣсь нельзя найти повѣствованій о приключеніяхъ дѣйствительно странныхъ, и исторію въ самомъ дѣлѣ такую трагическую, какъ по заглавію книги можно было бы ожидать. Фаустъ не рѣдко представляется въ ней добрымъ, разгульнымъ малымъ, котораго весе-

дость весьма сходствуетъ съ простодушною національною веселостію нѣмцевъ, какъ она описана въ извѣстномъ Эйленшпигелѣ (Eulenspiegel), и не носитъ на себѣ никакихъ признаковъ адской злобы и демонскихъ ухищреній. Въ Германіи нѣтъ ни одного бойкаго малаго, который не могъ бы съ нимъ состязаться въ нѣкоторыхъ изъ главнѣйшихъ примѣровъ его молодечества, нѣтъ ни одного фокусника, который не перещеголялъ бы его въ волшебствѣ. Бѣдный Фаустъ отличается иногда такимъ смиреніемъ, бываетъ въ такомъ человѣчномъ замѣшательствѣ, что заслуживаетъ болѣе участія и жалости. вмѣсто того, чтобы помыкать, какъ угодно, своимъ Мефистофелемъ, онъ боялся его; все получаемое имъ отъ Мефистофеля такъ маловажно, что весьма немногo найдется охотниковъ, которые бы захотѣли за такую цѣну продать свою душу.

Вотъ что повѣствуетъ эта хроника:

Фаустъ родился въ Ангальтскомъ графствѣ, отъ бѣдныхъ родителей. Одинъ изъ его родственниковъ, жившій въ Виттембергѣ, принявъ въ немъ участіе, взялъ его къ себѣ и опредѣлилъ въ университетъ... Тамъ-то Фаустъ обучался медицинѣ, а въ-послѣдствіи получилъ въ Ингольштадтѣ степень доктора. Не переставая предаваться своимъ классическимъ занятіямъ, получилъ онъ сильную охоту узнать тайныя науки, о которыхъ слышалъ очень много чудеснаго. Онъ досталъ себѣ астрологическихъ и некромантическихъ книгъ, и посвящалъ чтенію ихъ все время, которое оставалось у него отъ учебныхъ занятій. Въ короткое время онъ сдѣлалъ быстрые успѣхи, такъ, что могъ по диніямъ рукъ предсказывать будущее или чертить магическіе круги и дѣлать заклинанія при помощи зеркала. Иногда, однакожь, раскаяніе овладѣвало его душою, но Фаустъ скоро заглушалъ голосъ совѣсти въ обществѣ молодыхъ людей за веселую пѣсню.

Родственникъ его умеръ, и Фаустъ, предаваясь безпрерывнымъ пиршествамъ, скоро расточилъ небольшое наслѣдство, доставшееся ему послѣ покойника. Деньги были нужны, а взять ихъ негдѣ... и тогда-то Фаустъ рѣшился призвать духа тьмы.

На другой день, когда Фаустъ проснулся, къ нему вошелъ небольшого роста человѣкъ... Это былъ Мефистофелесъ... Онъ предложилъ доктору свои услуги на двадцать-четыре года, обѣщая исполнять всѣ его желанія, съ тѣмъ, чтобы онъ предварительно подписалъ условіе, къ которому обязывается относительно духа тьмы.

Условіе это состояло изъ слѣдующихъ статей:

Чтобы онъ отказался отъ всѣхъ своихъ убѣжденій; сдѣлался врагомъ людей, и особенно тѣхъ, которые стануть его упрекать въ новомъ родѣ жизни.

Чтобы онъ не повиновался добрымъ порывамъ души;

Чтобы не слушалъ мудрыхъ совѣтовъ, и никогда не вступалъ въ бракъ.

Фаустъ нашелъ эти условія слишкомъ жестокими. Однакожь, какъ съ одной стороны крайность въ деньгахъ а съ другой соблазнъ Мефистофелеса совершенно отуманили его голову, то онъ допустилъ открыть

себѣ жилу и подписалъ условіе. Условіе это было найдено въ Виттембергѣ, но по нѣкоторымъ причинамъ сочли нужнымъ не дѣлать съ него списка.

Не думайте, чтобы Фаустъ, купивъ такимъ образомъ цѣною души дружбу Мефистофеля, тотчасъ же, какъ Фаустъ Гётевъ, началъ рыскать по свѣту, чтобы утолить жажду знанія; нѣтъ, онъ прежде всего сталъ удовлетворять своимъ физическимъ прихотямъ. Онъ хочетъ пить французское вино, но не поддѣльное, какое продается въ дурныхъ виттембергскихъ трактирахъ; потомъ требуетъ самой лучшей жареной телятины, сочной ветчины и сдобныхъ булокъ. Все это подано ему тотчасъ-же и со всею опрятностію. Потомъ онъ меблируетъ домъ свой при помощи Мефистофеля, который исправляетъ при немъ должность ключника, повара, обойщика, камердинера и даже парикмахера. Онъ хочетъ имѣть дорогіе шелковые занавѣсы, картины, богатые ковры, хочетъ жить какъ знатный баринъ — и послушный духъ къ его услугамъ.... Никогда не видано было подобнаго слуги; Шекспировъ Аріель не можетъ сравниться съ нимъ въ точности, Пукъ-въ быстротѣ. Когда было все тщательно расположено и въ домѣ оказалось довольно мѣста, чтобы давать пиры, довольно стульевъ для гостей, довольно телятины на кухнѣ, довольно французскихъ винъ на погребѣ и достаточно аппетита, Фаустъ, не будучи эгоистомъ и не желая одинъ поѣдать свою телятину и расходовать погребѣ, пригласилъ друзей своихъ.... Поднялся пиръ горой. Пошли обѣды и ужины, во-время которыхъ не считали часовъ.... и бутылокъ Звонко чекаются стаканы, громко раздаются разгульные пѣсни; начинается игра, шумъ, крикъ, гамъ, нагоняющіе страхъ на всѣхъ благочестивыхъ жителей Виттемберга.

Скоро деньги, которыя получилъ Фаустъ отъ Мефистофеля, изсякли; чтобы достать ихъ снова, онъ началъ прибѣгать къ разнымъ хитростямъ. Однажды онъ призвалъ жида и занялъ у него восемьдесятъ гульденовъ, обѣщая отдать ихъ чрезъ мѣсяць, или, въ противномъ случаѣ, позволить себѣ отрѣзать ногу. Насталъ срокъ, является жидъ, — но у Фауста нѣтъ денегъ. Еврей, какъ новый Шейлокъ, принимается уродовать своего должника... Но когда кончилась операція, кредиторъ сталъ бояться послѣдствій — и чтобы успокоить Фауста, который кричалъ ужаснымъ образомъ, отдалъ ему обязательство, не требуя платежа, и сверхъ-того еще всѣ деньги, какія съ нимъ были, а Фаустъ, сыгравъ такъ хорошо свою роль, весело спрыгнулъ съ постели, запласалъ на обѣихъ ногахъ и съ новымъ удовольствіемъ принялся пировать на счетъ еврея.

Черезъ нѣсколько времени потомъ, онъ оставилъ свой красивый домикъ въ Виттембергѣ и отправился посмотрѣть, что дѣлается въ другихъ городахъ Германіи. Путешествіе обходится ему недорого. Способъ, какимъ онъ путешествуетъ, гораздо удобнѣе, чѣмъ поѣздка въ самыхъ лучшихъ вагонахъ по желѣзнымъ дорогамъ, да и самое путешествіе совершается быстрѣе. Ему стѣдуетъ только разложить плащъ, сѣсть на него съ товарищами, и они летятъ по воздуху, какъ

молнія. Однажды утромъ, прибывъ въ Лейпцигъ, съ цѣлой толпой пріятелей. онъ при входѣ въ Ауербахскій погребъ, въ тотъ самый, въ который чрезъ триста лѣтъ низвелъ его Гёте, увидѣлъ слугъ, которые катили огромную бочку. — Эй вы, лѣнтян! закричалъ онъ, неужели не найдется человѣка, который-бы одинъ могъ это сдѣлать. Слуги поглядѣли на него съ изумленіемъ, а нетерпѣливый хозяинъ сказалъ: «Шутки твои вовсе неумѣста, пріятель; попробуй-ка самъ выкатить отсюда эту бочку; если сможешь, такъ я тебѣ подарю ее. Фаустъ принялъ предложеніе, кликнулъ товарищей своихъ, какъ свидѣтелей, потомъ сѣлъ на бочку и бочка сама собой покатила, какъ снѣжная глыба съ горы. Тогда началась такая пирушка, какой въ Ауербахскомъ погребѣ никогда ни бывало. Фаустъ собралъ всѣхъ друзей своихъ, а друзья всѣхъ знакомыхъ; сѣли за столъ, пили день и ночь, пока осушили всю бочку, въ точномъ смыслѣ слова, ибо Фаустъ твердо рѣшился не оставить ни капли честному погребщику.

Въ этомъ историческомъ Ауербахскомъ погребѣ и теперь еще находятся двѣ картины, писанныя на деревѣ. На первой представленъ Фаустъ въ студентческой шапкѣ, съ длинной бородой и въ беретѣ, вѣзжающій верхомъ на бочкѣ; хозяинъ смотритъ, какъ оцѣпенѣлый, зрители изъявляютъ тѣлодвиженіями удивленіе и восторгъ. Внизу написаны слѣдующіе стихи:

Doctor Faust zu dieser Frist
 Aus Auerbachs Keller geritten ist
 Auf einem Fass mit Wein geschwind,
 Welches geseh'n manch Mutterkind.
 Solches durch seine eigene Kraft hat gethan
 Auch des Teufels Lohn empfangen daran.

На другой картинѣ веселый докторъ изображенъ за столомъ, окруженный собесѣдниками, изъ которыхъ нѣкоторые пьютъ, другіе играютъ на разныхъ инструментахъ; возлѣ него стоитъ выигранная бочка, изъ которой слуга только что налилъ большую кружку.

Приключеніе въ Ауербахскомъ погребѣ возбудило предприимчивость Фауста, а какъ онъ не надѣялся найти въ Лейпцигѣ много трактирщинокъ, которые бы платили такъ щедро за перевозъ бочки, то и рѣшился попытать счастья въ другомъ мѣстѣ. Въ то самое время, какъ онъ разсуждаетъ, куда-бы ему лѣтъ, онъ вдругъ узнаетъ, что у зальцбургскаго бургомистра есть погребъ, набитый винами до верху, и тотчасъ отправляется съ веселыми товарищами въ Зальцбургъ. Вечеромъ они пробираются къ дому бургомистра, прячутся у стѣны; ночью перелезаютъ въ садъ, а оттуда проникаютъ въ сокровищницу бургомистра. Въ минуту раскупорены бочки и началось торжество, которое продолжалось далеко за полночь... и только дворецкій бургомистра своимъ появленіемъ заставилъ веселое общество разбѣжаться.

Изъ Зальцбурга отправился онъ во Франкфуртъ, гдѣ, вѣзжая въ городъ, въ присутствіи многочисленной публики, будто бы рукою схватилъ за конецъ радугу...

Время отъ времени раскаяніе овладѣвало душою обманщика; онъ съ ужасомъ видѣлъ, что выговоренный срокъ, двадцать четыре года, приближался быстро... Думая о грѣхахъ своихъ и о томъ, что ожидало его въ будущей жизни, Фаустъ помышлялъ о покаяніи. Услужливый Мефистофель являлся и развлекалъ его разными чувственными удовольствіями. Фаусту надобли пиры, шумныя оргіи и тѣ наслажденія, которыя однѣ только онъ могъ имѣть по условію... Фаустъ влюбляется въ хорошенькую дѣвушку, находившуюся въ услуженіи у его сосѣда, и рѣшается на ней жениться; но Мефистофель тутъ какъ тутъ съ условіемъ въ рукахъ.— Ты не женишься, сказалъ онъ ему, потому-что это противно договору. Фаустъ упорствуетъ, духъ грозитъ, но угрозы его, повидимому, не имѣютъ никакого дѣйствія; тогда вдругъ поколебался домъ, стѣны вспыхнули пламенемъ, и сквозь дымъ и огонь, явился духъ тьмы, сверкая гнѣвными очами. Фаустъ, пораженный страхомъ, падаетъ ницъ и проситъ прощенія, обѣщая покориться. Вслѣдствіе этого его повелитель предлагаетъ ему въ жены, вмѣсто сосѣдней служанки — кого-бы вы думали?... Елену!... прекрасную Елену, супругу Менелая, ту Елену, предъ которою, по словамъ Гомера, самые старцы вставали почтительно.

И такъ Елена, идеалъ греческой поэзіи, прибыла въ Германію, въ городокъ Виттембергъ, въ комнату доктора Фауста. Нужно-ли рассказывать, что Фаустъ, увидѣвъ Елену, влюбился въ нее, не хуже Менелая и Париса, и забылъ свою служанку. Перемѣна мѣста не изумляетъ Елену. Вступая въ совершенно нѣмецкое жилище философа, она не сожалѣетъ о пышномъ дворцѣ Пріама и безъ малѣйшаго затрудненія переходитъ изъ Гомеровою эпопеи къ кабалистическимъ тайнамъ Фауста и изъ званія мифологической героини въ неслишкомъ завидное состояніе стряпухи бездомнаго бакалавра.

Надо прибавить еще, что во-время путешествій своихъ, Фаустъ избралъ себѣ въ товарищи добраго Христофора Вагнера, который былъ у него почти слугою и въ награду за услуги свои учился магіи.

Такимъ-образомъ, находясь между прекрасной женою, для которой онъ истощалъ всю свою нѣжность, и вѣрнымъ слугою, которому не опасался сообщать свои познанія, Фаустъ началъ было вести жизнь довольно скромную. Къ довершенію счастья, Елена сдѣлалась матерью. Плодомъ этой любви было дитя, лицо котораго запечатлѣно было и пламенемъ юга и сѣвernoю мечтательностію. Гёте извлекъ удивительный эффектъ изъ этой мечты, потому-что все это было дѣйствительно ничто иное, какъ мечта!

По смерти Фауста, Елена и сынъ ея исчезли; никто не могъ узнать, въ какую сторону они отправились.

Но Фаустъ не могъ уже вполнѣ наслаждаться блаженствомъ семейной любви. Мефистофель опредѣлилъ ему жить только двадцать-четыре года. И они быстро утекали...

Приближаясь къ концу своего существованія, несчастный не смѣлъ и мыслить о томъ, что его ожидало. Песокъ текъ въ его часахъ съ ужасающею быстротою... Прежде онъ могъ засыпать при

его легкомъ шумѣ,—теперь считалъ каждую песчинку, и каждая песчинка, падая, возбуждала въ сердцѣ его угрызеніе совѣсти, мучительную скорбь и безчисленныя опасенія. Еслибы онъ могъ ухватить жизнь свою, какъ тотъ кусокъ онагровой кожи, о которой разказалъ намъ покойный Бальзакъ свою ужасную повѣсть, то ощутилъ бы, какъ этотъ кусокъ все съѣживался ежедневно, ежеминутно, пока наконецъ сталъ едва замѣтенъ для зрѣнія и осязанія.

Вскорѣ ему пришлось считать жизнь свою не годами, не мѣсяцами, а днями... Пришла пора разсчитаться съ этимъ міромъ. Онъ призываетъ Вагнера, дѣлаетъ ему послѣднія наставленія, ввѣряя свои рукописи, въ которыхъ объяснены нѣкоторыя черты изъ его жизни, и астрологическія книги, и оставивъ, какъ слѣдуетъ, завѣщаніе, Фаустъ приказываетъ Мефистофелю изготовить послѣдній, роскошный пиръ, на которомъ желаетъ умереть, въ кругу товарищей, съ пѣснями и тостами, какъ жилъ.

И снова за столомъ его пѣнятся дорогія вина. Никогда виттембергскіе гуляки не бражничали у него съ такимъ удовольствіемъ... Но самъ онъ не можетъ разогнать своей грусти... Тщетно пытается онъ говорить, хочетъ проститься съ пріятелями, слово замираетъ у него на губахъ и мысль меркнетъ въ головѣ. Наконецъ, Фаустъ превозмолъ себя, выпилъ разомъ бокаль, и сказалъ:

— Друзья мои, я скоро долженъ растаться съ вами, Я отправляюсь не въ Лейпцигъ, не въ Эрфуртъ, не въ Франкфуртъ, а то бы пригласилъ и васъ съ собою.... Увы!... Я отправляюсь къ моему вѣчному назначенію... Прощу васъ, не прерывайте теперь вашего веселья, а мнѣ сдѣлайте только одну услугу: предайте тѣло мое землѣ, когда найдете его мертвымъ.

Сказавъ это, Фаустъ удалился въ свою комнату. Въ полночь заревѣла страшная буря, домъ затрясся, угрожая паденіемъ... и затѣмъ послѣдовала не менѣе страшная тишина.

Когда пирующие вошли въ комнату Фауста, то увидѣли истерзанное его тѣло, какъ бы пораженное громомъ; члены несчастнаго были разбросаны по всей комнатѣ, ихъ собрали и предали землѣ такъ, какъ просилъ Фаустъ.

Вотъ народное начало сказки о чернокожничкѣ Юганнѣ Фаустѣ, какъ сложила ее молва изъ повѣрій, ложныхъ слуховъ и предубѣжденій противъ глубокихъ знаній естественныхъ наукъ, которыхъ результаты невѣжественному вѣку—казались волшебствомъ, и по мнѣнію черни не могли достаться на долю человѣка иначе, какъ по союзу съ адскими силами. Ученое сословіе, составлявшее въ то время исключительную касту, поощряло эти выдумки изъ зависти, и часто, чтобы погубить ученѣйшаго собрата или оправдать свое собственное невѣжество, приплетало къ нимъ еще свои собственные нелѣпости. Въ дѣйствительности-же, Фаустъ былъ ничто иное, какъ гениальный ученый, который пользовался своими медицинскими и алхимическими знаніями, и пріобрѣтаемыми отъ нихъ выгодами вознаграждалъ себя за тяжкій трудъ и без-

сонныя ночи — веселою жизнью въ кругу тѣхъ изъ его друзей, которые болѣе сочувствовали его умственнымъ успѣхамъ.

СОВРЕМЕННОЕ.

Литература. — Русскіе писатели въ переводѣ на иностранныя языки (И. А. Крыловъ и М. Ю. Лермантовъ). — Трагедія въ шести дѣйствіяхъ. — Два поэта Сѣверной Америки. — *Театры, музыка, изящныя искусства.* — Піетро Раймонди. — Даровые спектакли въ Парижѣ. — Актеръ-Негръ. — Будущіе оперные театры въ Соединенныхъ Штатахъ. — Неоткрытая тайна. — *Новыя открытія.* — О явленіяхъ отраженія и преломленія свѣта. — Опыты съ электрическимъ фиксаторомъ. — Парижская промышленность въ 1847 и 1848 годахъ. — *Анекдоты, замѣчательныя событія, мелкія извѣстія.* — Изверженіе Этны. — Завѣщаніе бѣднаго музыканта. — Калифорнское золото. — Общественная жизнь въ Сѣверной Америкѣ. — Человѣческія судьбы (два случая). — Разсказъ о привидѣній. — Странное сватовство. — Открытіе покражи посредствомъ животнаго магнетизма. — Охота за львами. — Хитрость плута.

Русскіе писатели въ переводѣ на иностранныя языки. — Европа въ послѣднее время начинаетъ понемногу знакомиться съ Россіей, узнавать и изучать ее во всѣхъ подробностяхъ, отъ системы государственнаго управленія до выводовъ промышленности. Во всѣхъ болѣе дѣльныхъ и серьезныхъ журналахъ, выходящихъ въ Западной Европѣ появляются статьи, относящіяся къ изслѣдованію какой-нибудь изъ сторонъ нашего общественнаго быта. Нельзя сказать, чтобы эти статьи были непогрѣшимы, чтобы факты, сообщаемые въ нихъ, были математически вѣрны, но во всякомъ-случаѣ, въ современныхъ сужденіяхъ о Россіи не попадаетъ уже теперь тѣхъ наивно-нелѣпыхъ мнѣній, которыя еще такъ недавно были въ большомъ ходу между учеными Западной Европы. Россія уже не terra incognita для Европы, и если по временамъ иностранцы судятъ объ насъ съ плеча, то между ними есть и много такихъ, которые знаютъ Россію чуть-ли нелучше многихъ изъ нашихъ соотечественниковъ.

Менѣе всего иностранцы знакомы, конечно, съ нашею литературою, потому-что для ея изученія необходимо основательное знаніе русскаго языка, — этого камня преткновенія и не для однихъ иностранцевъ. Мы помнимъ почти все замѣчательныя статьи о нашихъ писателяхъ, разсѣяныя въ европейскихъ журналахъ, но ни одна изъ нихъ не можетъ вполне удовлетворить русскаго человѣка. Статьи Проспера Мериме о Пушкинѣ и Гоголѣ очень слабы, но онѣ совершенство въ сравненіи со статьями г-на Сен-Жюльена о графѣ Соллогубѣ и Крыловѣ, помѣщенными въ послѣднихъ книжкахъ журнала *Revue des deux mondes*. Въ особенности статья о нашемъ знаменитомъ баснописцѣ возбудила справедливое неудовольствіе въ нашей публикѣ и нашихъ журналахъ. Она тѣмъ-болѣе странна и неумѣстна, что сами французы могутъ сравнить

ее съ вышедшею въ Парижѣ, въ прошедшемъ мѣсяцѣ, небольшою книжкою Альфреда Бужо. «Kryloff ou le Lafontaine russe — sa vie et ses fables» par Alfred Bougeault. Въ этой книгѣ Бужо является достойнымъ цѣнителемъ дарованія Крылова, но что всего любопытнѣе—очень удачнымъ переводчикомъ нашего баснописца. Всѣ знаютъ, какъ трудно перевести на иностранный языкъ красоты его басенъ, проникнутыхъ чистымъ русскимъ духомъ. Французы не разъ пытались усвоить себѣ басни Крылова. Въ 1824 году одинъ изъ нашихъ вельможъ, сдѣлавъ подстрочный прозаическій переводъ басенъ Крылова, роздалъ ихъ въ Парижѣ пятидесяти семи поэтамъ, съ тѣмъ, чтобы они переложили ихъ во французскіе стихи. Между этими переводчиками были люди съ дарованіемъ, какъ на примѣръ: Суме, Сегюръ, Жуи, Дарю, Пикарь, Эмиль Дешанъ, Жюльде, Ресселье, Руже де-Лиль, Парсеваль, Фирмень Дидо, Андриё, Дюваль, Бальи, госпожи: Софія и Дельфина Ге и Амабль Тастю. Но несмотря на это, Крыловъ потерялъ во французскомъ переложеніи всю народность и оригинальность. Въ-послѣдствіи, другіе замѣчательные поэты Франціи, между которыми назовемъ графа Ксавье де Местра, барона де Стассаръ, Мольво, герцога де Бассана, пробовали свои силы надъ переводами басенъ Крылова, но также неудачно. Не скажемъ, чтобы г. Бужо былъ счастливѣе ихъ всѣхъ, но не можемъ не отдать справедливости его старанію передать Крылова по возможности подстрочно. Переводъ грѣшитъ скорѣе противъ звучности и гармоніи французскихъ стиховъ, нежели противъ вѣрности съ подлинникомъ. Г. Бужо перевелъ семнадцать басенъ и помѣстилъ, сверхъ-того, еще три, въ концѣ книги, переведенныя г. Жеребцовымъ и Ксавье де-Местромъ. Приводимъ, для примѣра въ переводѣ двѣ басни, которыя короче другихъ:

LES OIES.

Une longue perche à la main,
 Un paysan menait vers le marché voisin
 Clopin — clopant un troupeau d'oies.
 En les chassant ainsi sur les publiques voies
 Il faut dire que le manant
 Les traitait peu civilement,
 Il voulait arriver de bonne heure à la foire:
 C'était là son excuse, et l'on sait par l'histoire
 Que de tout temps l'appât du gain
 Fut fatal aux oisons ainsi qu'au genre humain.
 Ceux-là ne trouvaient pas la raison bien valable,
 Et, rencontrant un voyageur.
 Ils accusent ainsi leur rude conducteur
 «Est-il un sort plus misérable
 «Que celui qu'on nous fait subir en cet endroit!
 «Ce grossier paysan, d'une main téméraire,
 «Nous chasse devant lui comme gens du vulgaire,
 «L'ignorant ne sait pas le respect qu'il nous doit,
 «A nous dont les aïeux, que partout on renomme,

«Ont été les sauveurs de Rome!»
 — Bien! admettons que cela soit.
 Mais pourquoi voulez vous partager cette gloire?
 Demanda le passant. — «Nos aïeux, dit l'histoire...»
 — C'est vrai, j'ai lu le fait tel qu'il est raconté,
 Mais vous de quelle utilité?...
 «Rome par nos aïeux fut...» — C'est la vérité;
 Mais vous, qu'avez vous fait? Je le demande encore,
 «Nous? rien.» — Et pourquoi donc faut il qu'on vous honore.
 Laissez en repos vos aïeux:
 On célèbre à bon droit leurs exploits glorieux.
 Mais vous sans un plus long reproche,
 Vous valez tout au plus la broche.

Je pourrais prolonger ma fable et ses leçons.
 Je m'arrête: je crains d'agacer les oisons.

LE CAFTAN DE TRICHKA.

De Trichka le caftan au coude était percé.
 Vous croyez que notre homme est bien embarrassé;
 Point du tout! il coupe et retranche,
 Sur la longueur un quart de manche,
 L'ajoute à l'endroit déchiré:
 Voilà son caftan réparé!
 Il est vrai que la manche un peu trop haut remonte,
 Mais quoi! ce n'est pas une honte.
 Pourtant de mon Trichka l'on si moque et l'on rit.
 «Parbleu! vous allez voir se je manque d'esprit,
 «Repond-il, le remède est trouvé dans ma tête:
 «Et mes manches seront bientôt
 «Aussi longues qu'il le faut.
 «Oh Trichka n'est pas une bête.»
 Il se met à rogner les plis du vêtement
 Afin de rallonger sez manches,
 Et le rendosse tout content,
 Quoique le caftan maintenant
 Descente à peine jusqu'aux hanches.

J'ai vu bien des gens ainsi faits,
 Qui, pour arranger une affaire,
 L'embarrassent plus que jamais:
 Alors en les regardant faire,
 Je crois voir mon Trichka paré
 Du caftan qu'il a réparé.

Все это довольно вѣрно и по возможности близко къ подлиннику.
 Краткій очеркъ русской литературы о жизни Крылова, приложенный
 къ переводу этихъ басень, также не заключаетъ въ себѣ ничего неспра-

ведливаго, кромѣ мысли, что «русская литература еще молода и не можетъ представить достаточно пищи для образованности и жажды познаній высшихъ классовъ общества.»

Другой писатель, явившійся въ послѣднее время въ русскомъ переводѣ—это Лермонтовъ. Фридрихъ Боденштедтъ, извѣстный своими переводами восточныхъ стихотворцевъ, издалъ переводъ избранныхъ стихотвореній русскаго поэта *размѣромъ подлинника*. (Michail Lermontoff's poetischer Nachlass zum ersten Male in den Versmaasen der Urschrift aus dem Russischen übersetzt, mit Einleitung und erläuterndem Anhange versehen von Friedrich Bodenstedt. Erster Band. Berlin 1852). Боденштедтъ переводить не такъ близко, но передаетъ вѣрно и звучно металлическій стихъ Лермонтова.

Трагедія въ шести дѣйствіяхъ. — Перо де-Боссоль принадлежало къ классу несчастныхъ тружениковъ, которые и теперь также, какъ въ его время, работаютъ съ рѣдкимъ терпѣніемъ и настойчивостью, и пишутъ сочиненія, долженствующія, по ихъ мнѣнію, произвести переворотъ во французской литературѣ, обогатить автора и поставить его на *вершинѣ Парнасса*.

Надобно замѣтить, что это образцовое произведеніе всегда бываетъ драматическое.

Перо де-Боссоль провелъ молодость и зрѣлый возрастъ за сочиненіемъ своей единственной трагедіи *Арзасидовъ*. Тридцать лѣтъ онъ носилъ рукопись у сердца, читалъ ее передъ многочисленными слушателями, и наконецъ, послѣ долгихъ просьбъ, хлопотъ, ему удалось выпросить позволеніе прочесть пьесу во Французской Комедіи.

Страннѣе всего то, что артисты, присутствовавшіе при чтеніи, были такъ разсѣяны и невнимательны, что согласились на постановку пьесы, не замѣчая, что трагедія была очень слаба, и что она была въ *шести актахъ*! Это была въ то время такая несообразность, которая не могла быть допущена даже въ знаменитомъ произведеніи. Самъ Кребильонъ, пользуясь извѣстностью, не смѣлъ рѣшиться на такое нововведеніе, когда писалъ *Катилину*, хотя планъ трагедіи требовалъ расширенія пьесы.

Когда актеры увидѣли свою ошибку, то желая поправить ее, предложили автору порядочную сумму, чтобъ онъ избавилъ ихъ отъ представленія. Превиль сдѣлалъ ему это предложеніе.

Но Перо де-Боссоль былъ не такой человѣкъ, чтобъ согласиться принять груды золота и отказаться отъ щепотки славы, ожидавшей его любимое произведеніе, его дитя, которое онъ лелеялъ всю свою жизнь.

— Вы не знаете вашихъ выгодъ, отвѣчалъ онъ артистамъ: вы не заботитесь о славѣ вашего театра. Позвольте мнѣ быть разсудительнѣе васъ. Я не промѣняю лавры на презрѣнный металлъ.

И сказавъ это, авторъ принялъ героическую позу, которой могъ позавидовать любой актеръ.

Дѣлать было нечего. Пьеса была принята, и потому, волею или неволею, а ее должно было поставить на сцену. Рѣшенія нельзя было воротить, ошибку невозможно поправить.

Одна актриса, Рокурь, избавилась отъ угрожающей ей роли. Она объявила, что больна и не можетъ явиться на сцену прежде трехъ мѣсяцевъ.

Наконецъ *Арзасиды* явились на афишѣ. Публика съ удивленіемъ и съ недоумѣніемъ услышала въ первый разъ о шестиактной трагедіи.

— Вѣрно ее написалъ какой-нибудь молодой повѣса, послѣдователь Дидро, говорили старые любители искусства. До чего мы дожили! Теперь не уважаютъ никакихъ правилъ.

Однако классическое названіе успокоило немного недовольныхъ.

Между-тѣмъ актеры торопились разучивать пьесу, чтобъ поскорѣе избавиться отъ нея.

Ларивъ взялъ роль Тиграна.

Моле — Термодата.

Три женскія роли были розданы актрисамъ Вестрисъ, Дюмениль и Сень-Жерве. Эта послѣдняя замѣнила Рокурь; актеры старались казаться смѣлыми и храбрыми, готовясь къ неминуемой опасности.

Напрасно однако они хотѣли быть серьезными во-время репетицій. Каждый стихъ смѣшилъ ихъ; остроты и насмѣшки сыпались на бѣднаго автора, который, разумѣется, присутствовалъ на репетиціи.

Онъ не обращалъ однакоже вниманія на колкости, вполне увѣренный, что послѣ перваго представленія *Арзасидовъ* всѣ насмѣшники и завистники будутъ приведены въ смущеніе успѣхомъ его пьесы.

Лариву досталась длинная и неблагодарная роль, и онъ былъ въ отчаяніи, потому-что это было первое его созданіе. Его тронула старость и почтенная наружность поэта; онъ отвелъ его въ сторону, и сказалъ, стараясь всѣми средствами смягчить свой трагическій голосъ:

— Я уважаю васъ, и потому не могу не предупредить, что ваша пьеса принесетъ вамъ только огорченіе. Мои товарищи не смѣютъ объяснить съ вами, но я откровененъ и говорю прямо, что трагедія не можетъ имѣть успѣха. Прошу васъ, пожалѣйте вашу старость и мою молодость. *Арзасиды* погубятъ васъ, какъ автора, меня—какъ актера, потому-что это ваша первая пьеса и моя первая оригинальная роль. Если мы упадемъ, то паденіе наше испортитъ нашу будущность. Прошу васъ еще разъ, возьмите назадъ вашу пьесу и спасите себя и меня.

Выслушавъ эту рѣчь, авторъ снялъ очки и отвѣчалъ холодно:

— Вы еще очень молоды, мой другъ, и потому не въ состояніи чувствовать всѣхъ красотъ моей трагедіи. Васъ еще не было на свѣтѣ, когда истинные знатоки восхищались ею. Я могу смѣло отвѣчать на всѣ замѣчанія и придирки. Вы тоже хотите упрекнуть меня за то, что *Арзасиды* написаны въ шести дѣйствіяхъ и что этого никогда и нигдѣ не было. Я не знаю, отчего васъ пугаетъ шестой актъ. Г. Вольтеръ написалъ-же трагедію въ трехъ дѣйствіяхъ, отчего-же я не имѣю права написать шести актовъ? Г. Вольтеръ исключилъ изъ своей пьесы прекраснѣйшій полъ, а я вывелъ трехъ героинь и столько-же наперсницъ

совсѣмъ не для того, чтобъ соперничать съ великимъ писателемъ, но чтобъ доказать, что есть поэтическія вольности, которыя доказываютъ смѣлость и геніяльность поэта.

Бѣдный Перо де-Боссоль былъ рожденъ не для своей эпохи; онъ былъ предшественникомъ романтиковъ, которые явились въ нашъ вѣкъ съ такимъ шумомъ и съ такими претензіями.

— Не бойтесь-же за меня, молодой человекъ, продолжалъ поэтъ: ваша роль прославить и васъ, и вы должны почестъ за счастье, что она вамъ досталась. Знаете-ли вы, что я назначалъ ее Дюфрену; и этотъ великій артистъ, которому я читалъ отрывки моей пьесы, объявилъ, что стихи превосходны и что авторъ *Сиды* не отказался-бы отъ нихъ. Онъ замѣтилъ даже нѣкоторыя мѣста, которыя должны произвести огромный эффектъ, какъ знаменитая сцена въ *Циннъ*. Я укажу вамъ эти мѣста, когда вы будете твердо знать вашу роль.

И сказавъ это, авторъ надѣлъ опять очки, и репетиція продолжалась.

Наконецъ знаменитое произведеніе было представлено 26 іюля 1775 года. Увы! участь его была предсказана всѣми артистами, хотя они старались изо всѣхъ силъ поддержать пьесу. Моле, несмотря на дурное расположеніе публики, вызвалъ нѣсколько аплодисментовъ, но не могъ отвести бурю, которая готовилась при окончаніи пьесы. И еслибы шестой актъ не возбуждалъ любопытства, пьеса вѣроятно не была-бы окончена.

Несмотря на это паденіе, авторъ все-таки былъ увѣренъ, что пьеса его превосходна.

— Я никогда не соглашусь съ приговоромъ глупаго партера, говорилъ онъ. Онъ судить и осуждаетъ, не вникнувъ и не разобравъ хорошенько произведенія.

Волненіе не позволило ему однакоже принять трагической позы, и онъ продолжалъ:

— Притомъ же трагедія была разыграна, какъ нельзя хуже. Кролѣ Моле и Ларива, всѣ актеры составили заговоръ вмѣстѣ съ моими врагами, чтобъ уничтожить меня. Особенно актриса Дюмениль за что-то зла на меня и пропѣла всю роль такимъ плачевнымъ тономъ что при такомъ исполненіи упала бы и «Федра» Расина. Я протестую противъ этого приговора во имя моего отечества, у котораго хотѣлъ похитить его славу.

И оскорбленный авторъ потребовалъ, чтобъ продолжали играть его трагедію, говоря, что такое образцовое произведеніе можетъ быть понято и оцѣнено только послѣ двадцати-пяти представленій.

Артисты Французской Комедіи рѣшились дать Арзасидовъ во второй разъ, не по требованію неизлечимаго автора, но чтобъ опровергнуть обвиненія Мерсье и Палиссо, что они съ пренебреженіемъ обходятся съ писателями.

При второмъ представленіи стеченіе публики было такъ значительно, что авторъ чуть-было не раздѣлялъ славы Пюже де-ла-Серра, который видѣлъ съ гордостью, какъ передъ начатіемъ его пьесы смяли четырехъ привратниковъ, тогда, какъ Корнель могъ похвастать только

однимъ раненымъ кассиромъ. Перо де-Боссоль былъ въ восторгѣ: Франція отдавала наконецъ справедливость его сочиненію, зависть и коварство принуждены будутъ замолчать, когда автора «Арзасидовъ» вызовутъ, увѣнчаютъ лаврами! Отъ такого счастья можно сойти съ ума или получить апоплексическій ударъ.

Но пріятное заблужденіе поэта продолжалось недолго. Толпа народа сбѣжалась не для того, чтобъ смотрѣть трагедію или слушать стихи; нѣтъ, зрители собрались, чтобъ шумѣть, свистать и унижить бѣднаго писателя.

Словомъ, второе представленіе было еще *забавнѣе* перваго, и трагедія не была даже кончена. Актеры не хотѣли продолжать посреди шума и смѣха, чувствуя, что они сдѣлали все возможное, чтобъ спасти пьесу и удовлетворить несноснаго автора, которому предложили 1,200 франковъ, лишь-бы онъ оставилъ ихъ въ покоѣ.

Упрямый писатель все-таки былъ увѣренъ что пьеса упала потому, что завистники составили противъ него заговоръ.

— Враги мои уже давно преслѣдуютъ меня, сказалъ онъ. Они не побоялись, изъ ненависти ко мнѣ, оскорбить Мельпомену и всю Францію, уничтоживъ лучшее драматическое произведеніе нашего времени; но я отмщу тѣмъ, что напечатаю мою трагедію.

И онъ побѣжалъ въ типографію.

Блистательное паденіе на сценѣ, вѣроятно, было причиною того, что любопытство публики было возбуждено до такой степени, что въ одинъ годъ разошлось два изданія этой пьесы.

Не надобно полагать однакоже, что Перо де-Боссоль былъ глупъ; напротивъ, онъ былъ очень образованъ, и былъ профессоромъ географіи, но все это не помѣшало ему написать дурную трагедію, и еще въ шести дѣйствіяхъ. Можетъ-быть, это была главная причина ея паденія; можетъ-быть, она имѣла бы успѣхъ, еслибы была въ пяти актахъ. Все возможно на свѣтѣ.

Прошло четырнадцать лѣтъ, и всѣ забыли шестиактную трагедію и ея автора, какъ вдругъ въ одно утро къ Лариву вошелъ дряхлый, сгорченный старикъ, опирающійся на толстую палку, и сказалъ, что ему нужно поговорить съ артистомъ о важномъ дѣлѣ. Ларивъ подалъ ему кресло.

— Это очень кстати, сказалъ старикъ, потому-что я усталъ. Я живу далеко отъ васъ, въ уединеніи, и узналъ случайно, что Французская Комедія находится въ самомъ критическомъ положеніи, то-есть, что она чувствуетъ недостатокъ въ образцовыхъ произведеніяхъ, способныхъ привлечь публику.

— Въ вашихъ словахъ есть частичка правды, отвѣчалъ Ларивъ: я увѣряю васъ, однакоже, что положеніе французской сцены не такъ отчаянно, какъ вы думаете. Чѣмъ же вы хотите помочь ей?

— Я хочу доставить вамъ огромный доходъ.

— Благодарю васъ, но какъ-бы образомъ?

— Выслушайте меня со вниманіемъ и вы удостовѣритесь въ справедливости моихъ словъ. Я Перо де-Боссоль, авторъ трагедіи «Арза-

сиды», въ которой вы занимали нѣкогда важную роль и которая составила вашу репутацію.

При этихъ словахъ Ларивъ вскопчилъ, потому-что вспомнилъ шестиактную пьесу, въ которой его немилосердно освистали. Авторъ не понялъ его движенія и невольнаго восклицанія, и продолжалъ:

— Если моя трагедія не осталась на репертуарѣ, то этому причиной мои враги, наши коварные сосѣди англичане, которые хотятъ помрачить славу Франціи и которые, какъ я узналъ послѣ, набрали въ Лондонѣ бездѣльниковъ и прислали ихъ въ Парижъ, чтобъ опикать «Арзасидовъ». Теперь успѣхъ этой трагедіи будетъ огромный, потому-что я изучалъ ее четырнадцать лѣтъ, и понялъ, почему она не могла противиться заговору коварнаго Альбіона. Вы никакъ не отгадаете, что я придумалъ. Я прибавилъ седьмое дѣйствіе, которое было необходимо для развитія плана. У меня готово и восьмое, но я прибавлю его послѣ двадцати или тридцати представленій, чтобъ доставить пьесѣ новый интересъ.

Потомъ, возвышая свой дрожащій голосъ и стараясь придать ему торжественность, старикъ прибавилъ:

— Повторяю вамъ, г. Ларивъ то, что я сказалъ въ предисловіи къ моей трагедіи. Великой націи необходимы великія произведенія, и я нашелъ средство исполнить это требованіе.

И поэтъ попробовалъ принять трагическую позу, но дряхлые члены не повиновались ему.

— Объявите же о моемъ предложеніи вашимъ товарищамъ, прибавилъ онъ. Они будутъ въ восторгѣ отъ такого неожиданнаго счастья. Поторошитесь, молодой человекъ! Я вамъ не говорю ничего о себѣ, но если послѣ блистательнаго успѣха, вы захотите отблагодарить меня какимъ-нибудь торжествомъ, въ родѣ того, которое дѣлали для г. Вольтера, я не буду мѣшать вамъ... я согласенъ на все...

И старикъ съ усиліемъ привсталъ и побрелъ къ дверямъ.

Ларивъ все время удерживался отъ возраженій, и досада его готова была разразиться горькою истиною, но видъ семидесятилѣтняго старика, его слабость и дряхлость внушили ему сожалѣніе, и онъ ласково поблагодарилъ его отъ имени товарищей... Онъ чувствовалъ, что будетъ жестоко отнять у несчастнаго мечту, которая составляла блаженство всей его жизни и съ которой онъ счастливо сойдетъ въ могилу...

Въ наше время въ Парижѣ есть до трехъ сотъ подобныхъ авторовъ, которые ждутъ только благопріятной минуты составить себѣ вѣчную славу.

Два поэта Сѣверной Америки. — Между поэтами Сѣверной Америки замѣчательны одна негритянка и одна служанка. Первая, по имени Филисъ Бетли Петертъ, жила въ концѣ XVIII вѣка, и родилась въ то самое время, когда Франклинъ писалъ противу невольничества.

Эта дочь Сенегала играла отчасти историческую роль. Ей было шесть лѣтъ, когда одна почтенная дама купила ее въ Бостонѣ, дала ей хорошее воспитаніе, а потомъ позволила носить свое имя. Негритянка ѣздила въ Лондонъ, гдѣ произвела большое впечатлѣніе. Вашингтонъ велъ съ нею переписку. Аббатъ Грегуаръ говоритъ объ ней въ своемъ сочиненіи: «*Essai sur les facultés intellectuelles et morales des negres* — какъ о великомъ поэтѣ. Негрофилы восхищались ея стихами, а приверженцы торговли неграми осыпали ее насмѣшками. Эта негритянка долго была типомъ своей породы и представительницею образованности негровъ. Въ исторіи негровъ она играла аначительную роль и приготовила многіе умы къ уничтоженію постыднаго торговаго невольничества.

Другой поэтъ — Марія Джемсъ, была служанкою, дочерью одного переселенца изъ Валлиса. Безъ особеннаго воспитанія и образованія, почерпнула она всѣ свои познанія и вдохновенія изъ Библии. Всѣ ея лирическія произведенія одушевлены чистымъ ученіемъ нравственности и вѣры.

Петро Раймонди, старый маэстро, посѣдѣвшій надъ классическими композиціями, вздумалъ написать три музыкальныя пьесы изъ которыхъ каждая могла быть играна отдѣльно, но и всѣ три вмѣстѣ могли быть также исполнены съ большимъ эффектомъ. Онъ назвалъ ихъ: Юсифъ, Жена Пентефрія и Іаковъ. Въ Римѣ приняли эти пьесы съ величайшимъ восторгомъ. Сперва разыграны были Юсифъ и жена Пентефрія, каждая сотнею музыкантовъ, а потомъ вмѣстѣ съ ними исполнена была, ораторія Іаковъ, такимъ же количествомъ музыкантовъ. Этотъ концертъ продолжался съ семи часовъ вечера до двухъ пополудни, и цѣлую недѣлю повторяли его. Замѣчательно, что во всѣхъ странахъ, гдѣ занимаются музыкаю, ищутъ новыхъ формъ для нея: во Франціи Фелисьенъ Давидъ и Берліозъ, въ Италіи Верди и Раймонди, въ Германіи Вагнеръ и Шуманъ. Къ сожалѣнію, до-сихъ-поръ оказывалось, что все новое было нехорошо. Самъ Берліозъ обѣщаетъ издать въ скоромъ времени брошюру о новѣйшей музыкѣ, и всѣ съ нетерпѣніемъ ожидаютъ появленія этого произведенія.

Даровые спектакли въ Парижѣ. 15-го августа были въ Парижѣ даровые спектакли, и въ томъ числѣ въ театрѣ Комической Оперы. Публика была, разумѣется, больше изъ низшаго сословія, — однакоже вела себя чинно, тихо, и съ удовольствіемъ слушала музыку, аплодируя съ большою разборчивостію. Это обнаруживаетъ большое усовершенствованіе въ умственномъ образованіи народа; особливо, если мы вспомнимъ, что пятьдесятъ лѣтъ тому назадъ, парижскіе жители предметіи стоя на самой низкой степени просвѣщенія. Въ то время тоже, по случаю какихъ-то паденствъ, давали даровые спектакли, и

въ томъ числѣ въ Комической Оперѣ. Собрался полонъ театръ блузниковъ, и покуда пѣли арии, зрители слушали и аплодировали, но когда пришлось актерамъ запѣть квартетъ, вдругъ поднялся въ партерѣ ужасный шумъ, крикъ, посыпались угрозы и ругательства. Одинъ изъ первыхъ пѣвцовъ подошелъ къ рампѣ и съ поклономъ спросилъ:

— Чѣмъ мы провинились? Чѣмъ вы недовольны?

— А! ты хочешь знать это? вскричалъ одинъ изъ крикуновъ, — я тебѣ объясню. Вы думаете, негодяи, что если дается даровой спектакль, такъ съ публикою можно поступать безъ церемоніи. Нѣтъ, скоморохи! Мы не позволимъ обижать себя. Правительство дало намъ даровой спектакль, и вы должны уважать публику. Вы думаете, что мы такъ глупы и не понимаемъ ничего. Вы воображаете, что мы позволимъ вамъ пѣть втроемъ и вчетверомъ разомъ. Нѣтъ! Мы знаемъ, что вы это для того дѣлаете, чтобъ поскорѣе окончить пьесу. Стара штука! Мы вамъ приказываемъ пѣть порознь и по одиночкѣ, а не то... Шумъ опять начался ужаснѣйшій, и актеры принуждены были повиноваться.

Актеръ негръ. — Подобно тому, какъ Рашель разъѣзжала съ французскою группою по Германіи, ѣздитъ теперь одинъ англійскій актеръ по рейнскимъ городамъ, тоже съ небольшою группою, и привлекаетъ множество зрителей. Всѣ называютъ его *первымъ современнымъ трагическимъ актеромъ*. Его зовутъ Эйри Эльдриджъ: онъ негръ самой чистой породы, съ курчавыми, жесткими волосами. Онъ родился въ Сенегалѣ, гдѣ негры не такъ черны, и предки его были князьями тамошнихъ племенъ. Малолѣтнимъ былъ онъ привезенъ въ Англію, гдѣ и пристрастился къ театру. Его отдали въ Глазгоускій университетъ, но онъ послѣ полуторогодичнаго ученія поступилъ на сцену, гдѣ и дебютировалъ въ роли Отелло. Въ частной жизни своей нашелъ онъ тоже себѣ Дездемону, потому-что дочь одного члена парламента влюбилась въ него и вышла за него замужъ. Вскорѣ слава его распространилась, и Л. Шюкингъ говоритъ о немъ слѣдующее: «Негръ актеръ такъ удалился отъ традиціи англійскаго театра и правилъ англійской декламации, что его можно почитать совершенно оригинальнымъ явленіемъ. Эффекты, заранѣе изученные, какъ у Рашели, ему вовсе неизвѣстны. Зато онъ мастерски выражаетъ порывы страсти, крики горести, мягкіе тоны нѣжности и добродушія. Онъ прекраснаго роста, широкоплечъ и строень. Игра его и мимика въ потрясающихъ сценахъ — поразительны, и вѣрно никто лучше его не понялъ характера Отелло. Однажды, въ Кельнѣ, когда онъ во-время представленія этой пьесы, схватываетъ за горло Яго, одинъ изъ зрителей громко закричалъ: «По дѣломъ мошеннику! души его!» Опомнясь, при всеобщемъ смѣхѣ, этотъ человекъ спѣшилъ уйти изъ театра, говоря: «Вѣдь нельзя же слушать равнодушно этого актера!»

Въ комическихъ роляхъ Эльдриджъ тоже очень хорошъ.

Будущіе оперные театры въ Соединенныхъ Штатахъ. — Въ лондонскомъ журналѣ Athenaeum сказано слѣдующее: «Американцы хотятъ перещеголять Европу своими театрами. Въ законодательныя палаты Массачузетжа, Нью-Йорка и Пенсильваніи поступили предложенія основать постоянную большую оперу, и построить въ Бостонѣ, Нью-Йоркѣ и Филадельфіи великолѣпныя театры, огромнѣе миланскаго Ла-Скала, неаполитанскаго Сень-Карло и лондонскаго Большой Оперы. Антрепренерамъ въ Европѣ будетъ худо. Въ предложеніи сказано такъ же, что необходимо всѣхъ лучшихъ пѣвицъ и пѣвцовъ переманить въ Америку. Жаръ, съ которымъ американцы взялись за это дѣло, обнаруживается въ самыхъ громкихъ фразахъ. Вотъ что сказано въ одной газетѣ: «Европейскія державы не должны имѣть монополіи въ приобрѣтеніи великихъ художниковъ; Зонтагъ, Гризи, Вагнеръ не должны считаться ихъ собственностію. Мы уже наслаждались дарованіями Жени Линдъ, Катерины Гейесъ и Оле-Буля. Это наслажденіе придало намъ охоту имѣть всѣхъ лучшихъ пѣвцовъ. Мы воздвигнемъ колоссальныя театры въ Нью-Йоркѣ, Бостонѣ и Филадельфіи, — и успѣемъ побѣдить европейцевъ въ этой монополіи, какъ умѣли выгнать мексиканцевъ изъ Мехики. У насъ на это довольно средствъ.» Между-тѣмъ въ Athenaeum сообщаютъ, что знаменитая Альбони прибыла въ Америку, и будетъ пѣть нынѣшнюю зиму. Къ тому же времени ожидаютъ и прибытія г-жи Зонтагъ.

Неоткрытая тайна. — Фетисъ, біографъ великаго Паганини, трогательно описываетъ послѣднія минуты его жизни. Въ послѣднюю ночь казался онъ совершенно спокойнымъ. Онъ сперва немного заснулъ; но потомъ проснулся, и просилъ, чтобъ отдернули завѣсы у кровати. Ему хотѣлось насладиться сіяніемъ полной луны, взшедшей въ это время на небо. Съ умиленіемъ смотрѣлъ онъ на яркій дискъ ночнаго свѣтила, и началъ было опять дремать. Но шумъ деревьевъ пробудилъ въ душѣ его высокія чувства. Въ эту торжественную минуту одушевился онъ желаніемъ передать свои ощущенія, — и схватилъ скрипку, неизмѣнную подругу его радостей и горя, — и съ послѣднимъ звукомъ ея улетѣла въ небо и душа его. Это былъ тотъ самый инструментъ, который онъ оставилъ въ наслѣдство любимому ученику своему, Камиллу Сивори.

Между-прочимъ, Фетисъ упоминаетъ въ своей біографіи объ одномъ любопытномъ обстоятельстве. Паганини часто утверждалъ, что онъ бѣгlostію своей игры обязанъ одному *таинственному открытію*, которое и обѣщаль описать, до своей смерти, въ небольшой брошюрѣ. По словамъ его, это открытіе должно было поразить всѣхъ скрипачей. Въ удостовѣреніе дѣйствительности своей тайны представлялъ онъ примѣръ, какъ одинъ вѣодончелистъ, Гаэтано Чіанделли, изъ самаго плохаго музыканта, сдѣлался посредствомъ этого секрета, въ одно утро, извѣстнымъ виртуозомъ. Къ-сожалѣнію, Паганини умеръ, не сообщивъ никому своей тайны. Хотя Фетисъ и говоритъ, что безъ дарованія и практики не можетъ быть виртуоза и что самъ Паганини иногда до

истощенія силъ, десять-двѣнадцать часовъ сряду, игралъ одинъ пассажъ разнымъ образомъ, но прибавляетъ однакоже, что въ игрѣ Паганини было дѣйствительно что-то необычайное, потому-что онъ иногда, не репетовавши пьесы и безъ приготовленія, вдругъ игралъ труднѣйшіе пассажи, какіе только можно придумать на скрипкѣ.

О явленіяхъ отраженія и преломленія свѣта. — Извѣстно, что воздухъ матерія несвѣтящаяся. Свѣтъ, отражаемый имъ, прористекаетъ изъ солнца и другихъ свѣтилъ.

Посредствомъ атмосферы пользуемся мы дневнымъ свѣтомъ прежде, нежели солнце взойдетъ. Безъ атмосферы земля получала бы свѣтъ прямо только отъ солнца, — и тогда всякое мѣсто, неосвѣщенное прямыми его лучами, находилось бы въ темнотѣ. Солнечные лучи, отражаемые землею, исчезали бы въ пространствѣ, — и мы испытывали бы жестокую стужу. Это мы видимъ на высокихъ горахъ, гдѣ воздухъ однако же неболѣе, какъ вдвое рѣже противу обыкновеннаго. Безъ атмосферы, солнце у самаго горизонта блистало бы такъ же ярко, какъ въ полдень, а по захожденіи его тотчасъ же наступила бы совершенная темнота. Поутру день наставалъ бы мгновенно послѣ глубокой ночи.

Теперь же, напротивъ, когда солнце зайдетъ, свѣтъ его передается намъ высшими слоями воздуха, и посредствомъ этого явленія, называемаго сумерками, мы постепенно переходимъ къ темнотѣ. Тоже самое бываетъ и поутру. Солнце далеко еще подъ горизонтомъ, а свѣтъ его, отраженный атмосферою, освѣщаетъ землю утреннею зарею.

Отражательное свойство воздуха ясно доказывается повсемѣстнымъ распространеніемъ свѣта. Отраженіе это конечно передается отъ одной частицы воздуха другой; — это доказывается явленіемъ атмосферической поляризаціи. Но какого свойства и какой формы эти отражательныя частицы? Это совершенно новый вопросъ, къ рѣшенію котораго недавно приступилъ нѣмецкій физикъ и математикъ Клаузеусъ.

Во-первыхъ, ясно, что причина постепеннаго отраженія и распространенія свѣта состоитъ не въ различной плотности различныхъ слоевъ воздуха, расположенныхъ одинъ надъ другимъ. Площади, раздѣляющія слои, совершенно параллельны другъ-другу и земной поверхности, а потому они не могли бы иначе отражать солнечнаго свѣта, какъ по даннымъ направленіямъ, которыя чаще всего падали бы не на поверхность земли. Но какъ, напротивъ того, земля получаетъ отраженный свѣтъ по веѣмъ возможнымъ направленіямъ, то надобно предполагать, что въ атмосферѣ есть отражательныя поверхности, занимающія всевозможныя направленія, — и представить себѣ, что въ воздухѣ есть безчисленное множество небольшихъ частицъ постоянной или измѣняющейся плотности, на поверхности которыхъ свѣтъ отражается. Эти частицы не могутъ быть непрозрачны. Ихъ нельзя сравнить съ крупинками пыли, плавающими въ атмосферѣ. Непрозрачныя частицы производили бы отраженіе, какъ маленькія зеркальца. — Нельзя предположить, чтобы

распределеніе ихъ было такъ правильно, что не произвело бы никакого ненормальнаго освѣщенія.

Слѣдственно, эти прозрачныя частицы или небольшія льдинки, или частицы воды, или воздушные пузырьки, или же, наконецъ, атомы кислорода и азота, отдѣлены другъ отъ друга небольшими пустыми пространствами. Каждый лучъ свѣта, встрѣтившись съ подобною частицею, сперва будетъ отраженъ ея верхнею частию, то-есть при входѣ, а потомъ отчасти и нижнею, или при выходѣ. Но при этомъ лучъ подвергся бы двукратному преломленію, и послѣдовалъ бы новому направленію. Однакоже, кромѣ немногихъ рѣдкихъ случаяхъ, свѣтъ распространяется по прямой линіи, и остается безцвѣтнымъ, иначе мы не видѣли бы предметовъ въ настоящемъ ихъ положеніи, формѣ и цвѣтѣ.

Еслибы эти прозрачныя массы были льдинки, или пузырьки воздуха всѣхъ возможныхъ формъ, легко было бы доказать, что результатъ ихъ дѣйствій происходитъ отъ ихъ сферической формы. Но предположивъ ихъ сферическими, получимъ ли мы всѣ тѣ явленія, какія замѣчаемъ всякій день?

Г. Клаузеусъ подвергъ эту гипотезу глубокому математическому исчисленію, — и отвергаетъ ее. Отражательное свойство этихъ частицъ равняется водѣ, — или переходу въ пустомъ пространствѣ воздуха кислорода въ азатъ. Изслѣдовавъ дѣйствія рефракціи, произведенныя этими маленькими массами, можно заключить, что солнце въ зенитѣ не являлось бы намъ въ видѣ правильно очерченнаго круга, но подъ углами до 60° . — Слѣдственно, этой гипотезы нельзя допустить.

Исчисливъ отраженіе и преломленіе въ этихъ маленькихъ прозрачныхъ массахъ, Клаузеусъ примѣнилъ свои исчисленія къ неподвижнымъ звѣздамъ, чтобы видѣть, подъ какою величиною онѣ должны намъ казаться, — и нашелъ, что тогда онѣ были бы не свѣтящимися точками, но свѣтлыми дисками. Теперь же діаметръ звѣздъ совершенно неуловимъ, не достигая даже одной секунды. Слѣдственно, отраженіе и распространеніе свѣта происходитъ не чрезъ прозрачныя сферическія массы.

Послѣ этихъ предположеній, остается одна гипотеза возможною, а именно, та: что эти маленькія прозрачныя массы составляютъ чрезвычайно тонкія пластинки съ параллельными поверхностями, сферическими или прямолинейными. Тогда преломленіе свѣта при входѣ уничтожается противоположнымъ преломленіемъ при выходѣ. Дѣйствительное существованіе этихъ водяныхъ частицъ въ атмосферѣ, даже въ самую ясную погоду — весьма вѣроятно. Чѣмъ небо чище, тѣмъ онѣ меньше, но тѣмъ болѣе тогда удовлетворяютъ условіямъ рефракціи и отраженія, происходящимъ передъ нашими глазами.

Въ заключеніе, Клаузеусъ говоритъ, что если не предположить, что атмосферическія отраженія происходятъ на поверхности прозрачныхъ пластинокъ, плавающихъ въ атмосферѣ, — то отраженіе это произведетъ явленія, вовсе несоотвѣтствующія самымъ обыкновеннымъ наблюденіямъ.

Опыты съ электрическимъ фиксаторомъ. — Электрическій фиксаторъ придуманъ г. Дюбоскомъ, и имѣеть цѣлю сдѣлать постояннымъ электрическій огонь, такъ, чтобы пламя оставалось постоянно одинаково и неподвижно въ воздушномъ пространствѣ. Для этого оба угля, между которыми огонь этотъ долженъ горѣть, непременно должны быть на известномъ пространствѣ другъ отъ друга, не смотря на ослабленіе и усиленіе электрическаго тока и на сгораніе угля. Задача эта рѣшена посредствомъ особеннаго, очень остроумнаго механизма.

Этотъ механизмъ можетъ всегда утверждать неподвижную свѣтящуюся точку.

Посредствомъ этаго фиксатора производились двукратно публичные опыты освѣщенія, весьма удовлетворительные. Вольтовъ столбъ составленъ былъ изъ пятидесяти паръ цинка и угля большаго размѣра, а вольтаическое пламя, длиною въ 0,02 метра, было невыносимо для глазъ по своей яркости, такъ что одинъ изъ присутствовавшихъ, долго посматрѣвъ на него, захворалъ сильнымъ воспаленіемъ глазъ. Пламя восковой свѣчи и газоваго рожка бросало тѣнь на стѣну. На разстояніи 250 метровъ свѣтъ этотъ, отраженный зеркаломъ, равнялся еще свѣту газоваго рожка.

Второй опытъ былъ еще рѣшительнѣе. Сосредоточивъ лучи этаго свѣта въ вогнутомъ зеркалѣ, получили свѣтъ, равняющійся свѣту 300 большихъ газовыхъ рожковъ. Несмотря на дождливую и пасмурную погоду, можно было читать при этомъ свѣтѣ на разстояніи 100 метровъ. Свѣтъ былъ видимъ въ 16,000 метрахъ. Коссельманъ получилъ съ 44 парами Бунзенова столба свѣтъ, равный 1170 стеариновымъ свѣчамъ.

Справедливо упрекаютъ электрическое освѣщеніе въ слишкомъ сильномъ свѣтѣ вблизи и въ недалекомъ его распространеніи. Но есть много средствъ отворотить это неудобство. Во-первыхъ, сила свѣта смягчается матовыми стеклами. Но для уличнаго освѣщенія, вмѣсто нынѣшнихъ газовыхъ крановъ, можно устроить волтаическіе краны, посредствомъ которыхъ по произволу будетъ усиливаться и убавляться свѣтъ.

Уголья, смоченные сахарнымъ сиропомъ, даютъ свѣтъ болѣе постоянный, нежели коксъ. Дѣлали опыты получать дагеротипныя изображенія при электрическомъ свѣтѣ, и удалось не только получить портретъ, но даже изображеніе букета, для котораго надобно было однакоже 15' минутъ времени. Всѣ эти открытія чрезвычайно любопытны, и представляютъ новое обширное поле явленіямъ электричества.

Изверженіе Этны. — Двадцатаго числа прошедшаго августа послѣдовало сильное изверженіе Этны, первое послѣ бывшаго въ 1843 г. Въ мгновеніе, какъ гора выкинула изъ себя пламя, общество англичанъ намѣревалось взойти на вершину. Свѣдѣніе, сообщенное въ Malta-Mail, заключаетъ слѣдующія подробности объ этомъ достопримѣчательномъ зрѣлищѣ:

«20-го августа, въ восемь часовъ вечера, общество, состоящее изъ трехъ мужчинъ и столькихъ-же дамъ, трехъ провожатыхъ, трехъ погонщиковъ муловъ и слуги, съ одиннадцатью мулами, тронулось отъ Николини, въ намѣреніи взойти на Этну и переночевать въ англійской гостинницѣ, Casa Inglese. Около одиннадцати часовъ они достигли, въ самомъ веселомъ расположеніи духа, Боско, гдѣ надѣли на себя легкія платья. Дулъ довольно сильный западный вѣтеръ, почему провожатые убѣдили веселую компанію итальянцевъ отложить до другаго утра восхождение на гору. Что-же касается до англичанъ, то они не испугались опасности и продолжали свой путь. «Двѣ мили за Боско показался широкій кратеръ внизу Этны, называемый Колосси, клокоталъ, какъ растопленное олово, и скоро началъ извергать большими массами пламя и пепель; а какъ вѣтеръ дулъ по направленію съ Casa Inglese, то было-бы неблагоразумно искать тамъ защиты, потому-что, по всей вѣроятности, гостинница должна была разрушиться. Англичане рѣшились направить свой путь къ Колосси. Погода, которая уже была очень холодна, становилась все суровѣе, и когда путешественники перешагнули за уровень Casa Inglese и находились въ узкомъ ущельи, которое состояло изъ песку и мелкой лавы, вдругъ поднялся такой сильный вихрь, что въ одно мгновеніе семь муловъ съ ихъ всадниками были отброшены въ сторону, и скатились внизъ, къ самой окраинѣ кратера. Почти все общество бросилось внизъ, чтобъ отыскать погибшихъ товарищей. Минута была величественно-ужасающая: небо и земля представляли сплошную массу пламени; вверху Этна разливала свой сѣрный голубоватый огонь, внизу, изъ Колосси выходили густыя массы чернаго, какъ смола, дыма, внутренности горы дрожали, стонали и издавали громовые выстрѣлы; сильный вихрь носился съ шумомъ по воздуху во всемъ своемъ дикомъ величій. Мужчины ползли на рукахъ и на колѣнахъ, не имѣя силы сопротивляться порывамъ бури; они вспомнили о дамахъ, которыя только по долгомъ исканіи въ-продолженіе двадцати минутъ, были наконецъ найдены и собраны вмѣстѣ. Едва всѣ начали принимать мѣры къ своему сохраненію, какъ настала новая опасность. Землетрясеніе поколебало подъ ними землю. — Провожатые вскочили, закричавши громко: avanti! avanti! (впередъ!). Мулы вырвались изъ рукъ погонщиковъ, и были предоставлены на волю случая; сильный вихрь удвоилъ неистовство, и сцена сдѣлалась такъ ужасна, что противъ нея не могло устоять никакое хладнокровіе, даже англійское. Минутъ въ десять, всѣ путешественники опустились въ истощеніи на застывшія волны лавы. Они не въ состояніи были бороться съ сильными порывами вѣтра, который увлекалъ за собой песокъ и мелкой камень. Такъ прошли два томительные часа, и всѣ съ мучительнымъ нетерпѣніемъ ожидали разсвѣта. Внутри кратера, къ которому нѣкоторые изъ путешественниковъ мужественно приблизились, горѣло около сорока маленькихъ огней, которые, казалось, соединялись къ Катаніи, и широкимъ потокомъ горячей лавы катились по деревьямъ и пастбищамъ. Прекрасный полъ въ минуту опасности часто на опытъ показывалъ больше мужества, чѣмъ мужчины; и при этомъ случаѣ дамыобнаружили геройство, которое

привело въ удивленіе даже привычныхъ къ этимъ опасностямъ проводниковъ. Онѣ рѣшились идти назадъ, шесть миль, пѣшкомъ, по зубчатой лавѣ; съ рѣдкимъ терпѣніемъ преодолевали всѣ препятствія, и достигли Боско въ семь часовъ утра, гдѣ послѣ голоданія, продолжавшагося шестнадцать часовъ, вкусный завтракъ былъ очень кстати. Потомъ они продолжали свой путь на мулахъ, и въ половинѣ третьяго часа по полудни уже опять находились въ Катаніи. Итальянцы, которые по совету проводниковъ, удержались отъ своего намѣренія взойти на Этну, распространили извѣстіе о безумно-смѣломъ предвріятіи англичанъ, въ погибели которыхъ всѣ жители были твердо увѣрены. Спасеніе ихъ можно дѣйствительно почесть за чудо; потому-что, еслибъ настали сильныя ливни, что часто случается передъ изверженіемъ Этны, то они были-бы увлечены потоками воды; а еслибъ перемѣнился вѣтеръ, то отягощенный сѣрыми испареніями воздухъ задушилъ-бы ихъ. Какъ бы то ни было, цѣлое населеніе Катаніи тѣснилось около смѣлыхъ чужеземцевъ, и привѣтствовало ихъ, какъ людей, избѣгнувшихъ самой страшной смерти. Редакція Malta-Mail присовокупляетъ къ этому извѣстію, что Casa Inglese сгорѣла, а мыза Бронте разрушена лавой, которая однако медленно текла впередъ, такъ, что испуганные поселенцы не успѣли еще спастись отъ угрожающей имъ опасности. И несмотря на эти изверженія, которыя повторяются довольно часто и никакъ не могутъ быть предугнаны, несмотря на этотъ пламенный Дамокловъ мечъ, который постоянно виситъ надъ головами тѣхъ, кто приближается къ громовержущему гиганту, все еще находятся охотники сесть у его подножія и открывать австеріи на его вершинѣ! До него, подумаешь, не доводитъ человѣка жажда стяжанія!

Парижская промышленность въ 1847—1848 годахъ. — Нѣкто Гильменъ издалъ статистическія таблицы въ 1008 страницъ, обо всѣхъ отрасляхъ парижской промышленности. Въ этихъ таблицахъ съ величайшимъ тщаніемъ собрано множество фактовъ и цифръ, съ указаніемъ на торговую цѣну предметовъ, число рабочихъ и получаемую ими плату. Между разными примѣчательными результатами, въ особенности интересны печальныя слѣдствія февральскаго переворота для торговли и промышленности.

Въ 1847 году общее движеніе коммерческихъ дѣлъ простиралось до 1,456 милліоновъ, а въ 1848 оно упало до 662 милліоновъ. Изъ 342,530 рабочихъ, въ 1847 г. уволены были 186,405 человѣкъ, хотя фабриканты рѣшились на величайшія пожертвованія, чтобъ удержать большую часть работниковъ. Денежные обороты каретниковъ убавились на девяносто процентовъ, также какъ чесальщиковъ шерсти. Прочія вѣтви промышленности упали на 60 и 80 процентовъ,—и произведенія, продаваемые съ уступкою половины, а иногда и трехъ-четвертей цѣны, не находили покупателей.

Рабочій классъ подвергся самой печальной нищетѣ. Всѣ при-

нуждены были продавать даже платье. Часто у цѣлой артели была одна полная одежда, которая служила поочередно каждому работнику, а прочіе лежали цѣлый день. Многочисленные факты доказываютъ, что цехъ портныхъ, отличавшійся въ особенности дурными правилами, дошелъ до совершенной нищеты. Тоже было и съ цехомъ столяровъ. Въмѣсто денежнаго оборота въ двадцать восемь милліоновъ, какъ въ 1847 году, — онъ упалъ до шести милліоновъ. Если бы къ концу 1848 года довѣренность не поднялась немного, — если бы надежда на лучшую будущность не воскресла, вся торговля Парижа совершенно-бы погибла. Любопытная глава книги посвящена театрамъ. При Людовикѣ XV ихъ было всего шесть; при Людовикѣ XVI число это возрасло до десяти. Въ 1791 г. возвысилось до 51; — во времена консульства было 44 театра. Императорскимъ декретомъ 1807 года закрыта большая часть этихъ театровъ, такъ что въ 1815 году ихъ было только 11.

Во-время реставраціи было 14 театровъ. Въ 1840 году число это возрасло до 23; въ 1851 году до 26. Драматическія представленія посѣщаютъ ежедневно, среднимъ числомъ, 21,000 человѣкъ.

Республика имѣла также гибельное вліяніе и на театры въ промышленномъ отношеніи. — Въ 1847 году сборы въ нихъ простирались до 10,989,000 франковъ, а въ 1848 г. упали до 6,750,000.

Завѣщаніе вѣднаго музыканта. Въ Парижѣ недавно жилъ слѣпой музыкантъ, который тридцать лѣтъ зимою и лѣтомъ каждый день игралъ на извѣстномъ мѣстѣ и на плохомъ кларнетѣ. Сперва провожала его собака, а въ послѣдніе годы пятнадцатилѣтняя дѣвушка, которую онъ принялъ къ себѣ вмѣсто дочери. Кромѣ-того, былъ у него старинный другъ, такъ же слѣпой музыкантъ кларнетистъ, который тоже постоянно стоялъ на одномъ мосту — и ни одна революція не вытѣснила его съ этого поста. — Этотъ послѣдній кларнетистъ умеръ на дняхъ, и передалъ свое завѣщаніе нотариусу.

Вскорѣ послѣ этого къ первому музыканту пришелъ нотариусъ.

— Васъ зовутъ Крикъ-Тушь?

— Точно такъ.

— Вы странствующій музыкантъ, живущій подаваніемъ?

— Точно такъ.

— Вы слѣпы?

— Отъ рожденія.

— У васъ есть дѣвушка, приемышъ.

— Есть.

— У васъ есть также бѣлый пудель?

— Есть.

— У васъ былъ другъ на Турнельскомъ мосту?

— Какъ же, Галимаръ.

— Онъ три дня тому назадъ кончался.

Крикъ-Тушь заплакалъ.

— Я вижу, что вы точно Крикъ-Тушь, продолжалъ нотариусъ. Галимаръ завѣщалъ вамъ по духовной все свое имѣніе. Вотъ ящикъ съ

кларнетомъ и восьмидесятью тысячами франковъ. Это извѣстiе такъ поразило Крикъ-Туша, что глаза его открылись и устремились на нотариуса. Онъ бросился обнимать дѣвушку, собаку и нотариуса.

Въ завѣщаніи было сказано, что деньги, по смерти Крикъ Туша, должна получить его пріемышь.

Оба музыканта никогда не были слѣпы.

Калифорнское золото. По точнымъ исчисленіямъ вывезено до-сихъ-поръ изъ Калифорніи на двѣсти милліоновъ долларовъ золота. Въ Санъ Франсиско построены уже театры, названный: театромъ Женни-Линдъ и не уступающій въ великолѣпнiи ни одному изъ европейскихъ. Фасадъ его выстроенъ изъ гранита, привезеннаго изъ Австраліи.

Общественная жизнь въ Сѣверной Америкѣ. Маккинонъ говоритъ, что Американцы не умѣютъ такъ хорошо жить въ обществѣ, какъ Европейцы. Они не даютъ ни обѣдовъ, ни ужиновъ, кромѣ случаевъ, когда хотятъ показать себя, и рѣдко приглашаютъ на эти праздники дамъ. На балахъ и вечеринкахъ дѣвицы и молодые люди пользуются гораздо большими преимуществами, нежели замужнія женщины. Американскія дамы почти постоянно сидятъ дома, а когда выѣзжаютъ, то одѣваются всегда несообразно съ временемъ года. По снѣгу и при сильной стужѣ прогуливаются онѣ обыкновенно въ атласныхъ башмакахъ, Одинъ день въ недѣлю каждая дама посвящаетъ на визиты, которые дѣлаетъ въ бальномъ платьѣ. Въ прочіе дни живетъ она въ темнотѣ и неудобствѣ. Верхній этажъ домовъ всегда меблированъ и изукрашенъ великолѣпно, но кромѣ торжественныхъ случаевъ, комнаты эти постоянно заперты, а всѣ живутъ въ темныхъ и тѣсныхъ подвалахъ, гдѣ царствуетъ сильный жаръ отъ хлѣбныхъ печей, обезсиливающій тѣло, и гдѣ дѣти портятъ себѣ желудокъ всегдашними лакомствами. Въ Нью-Гампшейрѣ есть мѣстечко, гдѣ не бываетъ старыхъ дѣвъ, тамъ, когда дѣвушка не вышла еще замужъ, достигнувъ до двадцатидевятилѣтняго возраста, всѣ холостяки собираются и бросаютъ жребій, кому она достанется, и тотъ, кому она выпала на долю, обязанъ на ней жениться, а прочіе должны составить по подпискѣ капиталъ для приданаго.

Человѣческія судьбы.—Примѣръ странностей человѣческой судьбы видѣнъ въ разсказѣ стараго француза, поселившагося на беругахъ Уругвая и построившаго тамъ себѣ хорошій домъ, въ которомъ онъ открылъ трактиръ. Французъ этотъ родился въВандеѣ и любилъ тамъ молодую дѣвушку. Онъ участвовалъ во всѣхъ походахъ въ Италію, Египетъ, Германію и Россію, до битвы при Ватерло. Когда миръ былъ заключенъ, онъ не хотѣлъ озвратиться на родину, а отправился въ Гавръ, чтобъ

уѣхать оттуда въ Америку. Здѣсь онъ нечаянно сошелся съ бывшимъ своимъ капитаномъ, который предложилъ ему ѣхать съ нимъ въ Южную Америку, гдѣ вспыхнули тогда междоусобія. Они отправились въ Буэнос-Айресъ, и въ первомъ же сраженіи капитанъ былъ убитъ, а солдатъ попался въ плѣнъ испанцамъ, которые рѣшили разстрѣлять его. Но слабый присмотръ часовыхъ и дурное состояніе тюрьмы позволили ему спастись бѣгствомъ. Послѣ продолжительнаго путешествія по пустынямъ Парагвая, попался онъ индѣйцамъ, которые сжаились надъ нимъ и приняли въ свое племя. Съ ними онъ прожилъ нѣсколько лѣтъ; женился на индианкѣ и имѣлъ нѣсколько дѣтей. Но скоро наскучила ему жизнь дикарей. Онъ ушелъ отъ нихъ, безъ цѣли отправился на востокъ и прибылъ на берега Уругвая. Здѣсь свелъ онъ знакомство съ бразильскими контрабандистами, которые тайно продавали брилліанты и золото копей и рудниковъ. Занявшись этимъ ремесломъ, французъ приобрѣлъ порядочную сумму, денегъ и поселился наконецъ въ Уругваѣ, какъ мирный житель и трактирщикъ.

— А вотъ и еще примѣръ. На-дняхъ представленъ былъ Гвильуальскій судъ, предсѣдателемъ одного богоугоднаго заведенія, хорошо одѣтый мальчикъ, лѣтъ четырнадцати, съ умнымъ лицомъ, прекрасными чертами. Онъ объявилъ, что его зовутъ Геярихъ Сомаресъ Дююи. О прежней жизни представилъ онъ слѣдующія свѣдѣнія. Въ апрѣлѣ 1843 года привели къ лорду-меру старуху отвратительной наружности, по подозрѣнію въ похищеніи ею ребенка порядочныхъ родителей. Изъ произведеннаго тогда слѣдствія оказалось, что эта старуха была порочное, безнравственное созданіе, ходившее просить милостыни по улицамъ, съ трехъ-лѣтнимъ ребенкомъ. Нужда и болѣзнь заставили ее прибѣгнуть къ упомянутому богоугодному заведенію. Врачъ заведенія, докторъ Бови, пользовавшій ее во-время болѣзни, тотчасъ же замѣтилъ поразительную разницу между этою грубою женщиною и прелественными чертами ребенка. Онъ рѣшился убѣдиться, не украдено ли это дитя, и сообщил свои подозрѣнія президенту заведенія, г. Эдвардсу, который задержалъ старуху и произвелъ судебное слѣдствіе, чтобъ узнать, какимъ образомъ ребенокъ этотъ достался въ ея руки. Она объявила, что ее зовутъ Марією Томпсонъ, что она вдова контрабандиста и что родила этого ребенка на кораблѣ своего мужа, въ февралѣ 1839 года, во-время одной экспедиціи. Въ показаніяхъ ея часто видны были противорѣчія, но она твердо увѣряла, что это ея сынъ. Несмотря на это упорство показаній, взяли у нея ребенка, — и когда привели въ богатую комнату «Пенсіонъ-Гуза», онъ казался тутъ, какъ дома, съ довѣрчивостію подошелъ къ дѣтямъ лорда-мера, и увидя фортепьяно, взялъ на нихъ нѣсколько аккордовъ. Ему показали золотую цѣпочку, — и онъ сказалъ, что она отъ часовъ. — На сдѣланные ему вопросы отвѣчалъ онъ, что у него двѣ матери: одна жила не въ городѣ и была къ нему чрезвычайно ласкова, а другая, которая таскала его по городскимъ улицамъ, была зла и била его часто, дралась съ другими и напивалась до пьяна. У первой своей матери носилъ онъ суконную куртку съ двумя рядами блестящихъ, желтыхъ пуговицъ, —

и въ этой самой одеждѣ послѣдовалъ онъ за второю своею матерью, выманившею его изъ дома сладкими пирожками. Звали его прежде Генрихъ Сомаресъ Дюпой, но послѣ вторая мать била его, когда онъ вспоминалъ это имя и не хотѣлъ называться Самуэлемъ Томпсономъ. Ему помнилось, что онъ жилъ въ Кентербюри и что добрая его мать обитала въ такой же точно комнатѣ, съ коврами и фортепьяно. Рассказывая жестокое обращеніе старухи, упомянулъ онъ, что она сожгла его курточку (вѣроятно, опасаясь продажею ея изобличить себя).

Послѣ этого бѣдный ребенокъ жилъ пять лѣтъ у г-жи Ортонъ, а потомъ воспитывался въ Шотландіи, частію на счетъ заведенія, а частію на иждивеніе благотворительныхъ особъ. Докторъ Бови, открывшій все дѣло, уѣхалъ между-тѣмъ въ Австралію, куда недавно просилъ прислать къ нему и этого ребенка, что и будетъ исполнено.

Во все это время альдерманъ Гумфри продолжалъ стараться объ отысканіи родителей ребенка, — но до-сихъ-поръ совершенно напрасно. Вѣроятно, они уѣхали къ какою-нибудь другую страну, — и газетныя объявленія до нихъ не доходятъ.

Разсказъ о привидѣніи. — Однажды, въ теплый осенній вечеръ, — пишеть одинъ англичанинъ, — поѣхалъ я верхомъ изъ Шрьюсбюри въ Честеръ. Вдругъ меня застала сильная гроза. Испугавшись ли блеска молній, или по внушенію инстинкта, лошадь моя понесла меня съ удивительною быстротою, — и внезапно остановилась у воротъ одного красиваго трактира. Я очень обрадовался разумному бѣшенству моей лошади, соскочилъ съ нея и отдалъ ее на руки вышедшему конюху, а самъ отправился въ трактиръ, чтобъ обсушиться и обогрѣться. Войдя въ кухню, которая служила гостиною и столовою, но въ которой все было чисто, удобно и комфортабельно, я нашелъ въ ней уже много путешественниковъ, также, подобно мнѣ, загнанныхъ непогодою, всѣ они сидѣли за ярко-пылающимъ каминомъ и ждали ужина. Я присоединился къ нимъ, — и вскорѣ мы усѣлись, въ числѣ двѣнадцати человѣкъ, за столъ, на который были поставлены яйца, масло, солонина и копченый заяцъ.

Къ концу ужина разговоръ сдѣлался общимъ. Начали рассказывать о несчастныхъ случаяхъ, происшедшихъ съ путешественниками, застигнутыми грозою и ночью. Всѣ эти рассказы были очень занимательны и пріятны, потому-что въ это же самое время слышали мы, какъ буря еще сильнѣе ревѣла снаружи.

— Какая погода! — вскричалъ одинъ молодой человѣкъ. Это право похоже на тѣ бурныя ночи, которыя описаны въ старыхъ сказкахъ и во-время которыхъ развѣзжаютъ вѣдьмы на шабашъ.

— Извините, — отвѣчалъ одинъ изъ гостей. Вѣдьмы и привидѣнія любятъ тихія, лунныя ночи и хорошую погоду.

Слова эти были сказаны съ такою торжественностію, что возбудили мое вниманіе. Ихъ произнесъ старикъ худощавый, высокій, опрятно

одѣтый и самой почтенной наружности. Молодой человекъ, къ которому обращался отвѣтъ его, захохоталъ и сказалъ иронически

— Вѣрно вы очень хорошо знакомы съ нравами и обычаями привидѣній, что не иначе позволяете имъ прогуливаться, какъ въ хорошую погоду.

— Во всякомъ случаѣ, я конечно больше васъ видѣлъ и испыталъ, молодой человекъ, — мрачно и спокойно отвѣчалъ старикъ. Я въ ваши лѣта старался учиться, а не насмѣхаться.

— Но вѣдь вы не будете же насъ увѣрять, что привидѣнія дѣйствительно существуютъ?..

— А развѣ вы рѣшились бы посмотреть на нихъ? — На это надобно слишкомъ много мужества.

Молодой человекъ вскочилъ, покраснѣвъ отъ досады.

— Послушайте, — сказалъ онъ. Я уважаю ваши лѣта и *глубокія познанія*. Почему же вы сомнѣваетесь въ моей неустрашимости? Предоставьте мнѣ хотя эту добродѣтель.

— Я вѣрю тѣмъ добродѣтелямъ, которыя доказываются не на словахъ, а на дѣлѣ.

— Еслибъ мысль о привидѣніяхъ не была смѣшна, я-бы попросилъ васъ испытать на дѣлѣ мое мужество.

— Смѣшна! — вскричалъ старикъ: Послушайте. Мы здѣсь все добрые англичане и привыкли всегда ясно доказывать свои слова. Вотъ кошелекъ съ двадцатью пятью гинейми (тутъ онъ бросилъ кошелекъ свой на столъ). Я бьюсь объ закладъ, что въ продолженіе одного часа покажу вамъ привидѣніе умершаго вашего родственника или друга. Вы его сами узнаете и побѣдите отъ него, потому-что онъ потребуетъ отъ васъ дружескаго поцѣлуя.

Мы съ удивленіемъ взглянули другъ на друга; но молодой человекъ съ жаромъ продолжалъ:

— Пари ваше очень забавно. Мнѣ легко выиграть ваши деньги, потому-что еслибъ вы мнѣ и показали кого-нибудь, мнѣ только стоить сказать, что это вовсе не тотъ, кого я желалъ видѣть.

— Это уже ваше дѣло, — отвѣчалъ старикъ. Но вотъ мои деньги. Попробуйте выиграть ихъ, если это такъ легко.

— Я увѣренъ въ этомъ... Но у меня нѣтъ съ собою двадцати пяти гиней; а только пять...

— Значитъ вы не принимаете пари?...

— Напротивъ! очень радъ-бы и подѣлился-бы даже моимъ легкимъ выигрышемъ, еслибъ здѣсь былъ кто-нибудь изъ моихъ знакомыхъ...

Насъ было въ комнатѣ двѣнадцать человекъ англичанъ — и волшебное слово *пари* для насъ самая непреодолимая приманка. Я первый предложилъ сдѣлать складчину въ пользу молодаго человека, — и далъ четыре гиней. Тотчасъ-же собрали всю сумму.

Старикъ съ рѣдкимъ безкорыстіемъ отдалъ и свои и чужія деньги молодому человеку, говоря, что онъ самъ возвратитъ ихъ, убѣдясь въ своемъ проигрышѣ.

Для произведенія опыта старикъ потребовалъ отдаленной комнаты.

Хозяинъ трактира предложилъ бесѣдку въ саду, и молодой человѣкъ былъ туда отведенъ и запертъ. Старикъ велѣлъ туда подать чернилицу и лоскутокъ бумаги. Свѣчи были унесены — и мы усѣлись подъ крышею около бесѣдки (дождь уже прошелъ въ это время).

Старикъ, отдѣлясь отъ всѣхъ, началъ свои заклинанія въ полголоса, и произнесъ торжественнымъ тономъ:

Кто тамъ встаетъ со дна морей,
Изъ волнъ, кипящихъ бѣлой пѣной?
Чей блѣдный образъ вижу я
Печально изъ волны возникшій?

Тутъ, обратясь къ молодому человѣку, старикъ сказалъ ему:

— Неправда-ли, что вы желали мысленно видѣть Франсуа Вильерса, вашего школьнаго товарища, утонувшаго три года тому назадъ на берегахъ Южной Америки. Не такъ-ли?

— Точно такъ! — отвѣчалъ молодой человѣкъ въ бесѣдкѣ.

— Что-же вы видите у окна?

— Какую-то бѣловатую форму, какъ будто свѣтящійся туманъ; но онъ не имѣетъ никакой опредѣленной формы.

— Страшно-ли вамъ?

— О нѣтъ! — со смѣхомъ отвѣчалъ молодой человѣкъ.

Молча слушали мы этотъ разговоръ, и невольная дрожь пробѣгала у насъ по жиламъ.

Послѣ кратковременнаго молчанія старикъ три раза топнулъ ногою и торжественно проговорилъ:

Да! это ты погибшій другъ!
Ты, страшно смертью искаженный,
Ты, тлѣющій на днѣ морскомъ
И мокрымъ саваномъ обвитый....

— Молодой человѣкъ! вскричалъ старикъ. Ты хотѣлъ видѣть привидѣнїе. Отвѣчай! Что ты теперь видишь?

Спокойнымъ голосомъ, но какъ-бы что-то внимательно разсматривая, молодой человѣкъ отвѣчалъ:

— Свѣтлый туманъ свивается и принимаетъ видъ человѣка, котораго голова закрыта длинными покрывалами.... Онъ стоитъ неподвижно у окна....

— Страшно-ли тебѣ?

— Нѣтъ!

Несмотря на этотъ отвѣтъ, мы чувствовали, что голосъ его не выражаетъ уже прежней насмѣшки и твердости. Старикъ подвѣлъ руки кверху и продолжалъ:

О! не пугай мертвецъ друзей....
Въ нихъ силы слабы, вѣры мало....
Явись, прелестень, весель, живь,
Какъ былъ до часа страшной смерти.

— Что ты видишь теперь? — строго спросилъ старикъ.

— Привидѣнїе подходит.... приподнимаетъ покрывало.... Это Франсуа Вильерсъ.... Онъ въ бесѣдкѣ.... подходит къ столу.... пишетъ.... Боже мой! Это его подпись.

— Страшно-ли вамъ теперь?

Послѣдовало молчаніе... Но потомъ, нѣсколько измѣнившимся голосомъ, молодой человѣкъ отвѣчалъ:

— Нѣтъ! Нестрашно.

Тѣлодвиженія старика сдѣлались рѣзки и почти изступленны. Онъ продолжалъ:

Невѣрующей — убѣдись!

Я здѣсь твой другъ, мертвецъ, всмотрись.

Прими руки моей пожатье...

Приди-жь теперь ко мнѣ въ объятія....

— Что ты видишь теперь?

— «Онъ приближается.... Онъ преслѣдуетъ меня.... Помогите.... спасите!»

— Страшно-ли тебѣ теперь? — съ грозною насмѣшкою спросилъ старикъ.

Ужасный, невыразимый крикъ былъ ему отвѣтомъ...

— Спѣшите къ нему на помощь,—сказалъ старикъ, спокойно обратясь къ намъ. Я выигралъ пари, но пусть деньги останутся у него. Онъ довольно наказанъ за свое хвастовство. Пусть этотъ случай послужитъ ему урокомъ.

Послѣ этихъ словъ старикъ удалился,—а мы бросились въ бесѣдку, молодой человѣкъ лежалъ на полу въ ужасныхъ судорогахъ, на столѣ, на листѣ бумаги было написано: Франсуа Вильерсъ.

Едва молодой человѣкъ пришелъ въ себя, какъ дико осматриваясь, спросилъ, гдѣ колдунъ, который его такъ мучилъ? Мы было хотѣли успокоить его, — но онъ въ какомъ-то изступленіи бросился отыскивать старика—и исчезъ.

Съ-тѣхъ-поръ мы не видали ни его, ни старика.

Когда я разсказалъ эту исторію, меня спросили: вѣрю-ли я теперь привидѣніямъ?

— Какъ не вѣрить,—отвѣчалъ я. Мы всѣ складчики пари тотчасъ же догадались, что старикъ и молодой человѣкъ были два плута, которые заранѣе сговорились надуть насъ. Но надобно отдать справедливость, что они очень искусно сыграли эту комедію.

Странное сватовство. — Арабскій принцъ Абдерраманъ-бенъ-Джеладъ, недавно умершій въ Тугуртѣ, каждые три мѣсяца посылалъ одного изъ своихъ вѣрныхъ служителей въ Константинополь, для закупокъ и для собранія новостей. Однажды слуга донесъ, что видѣлъ тамъ чудесную красавицу въ европейской одеждѣ, всегда стоящую у окна, прелестно-одѣтую, причесанную и привлекающую къ окну множество любопытныхъ. Описаніе служителя подстрекало любопытство арабскаго владѣтеля. Онъ вторично отправилъ слугу купить эту красавицу для своего гарема. Посланный явился въ этотъ домъ, позвалъ хозяина и передалъ ему порученіе своего владѣтеля. Хозяинъ былъ парикмахеръ, а жена его модная торговка; красавица-же ничто-иное, какъ

восковая кукла, разодѣтая по послѣдней модѣ, причесанная и выставленная на показъ. Но она дѣйствительно была такъ искусно сдѣлана, что съ перваго взгляда могъ ошибиться и Европейецъ. Это описаніе однако-же не смутило араба. Онъ имѣлъ приказаніе своего властителя, и объявилъ, что чего-бы не стоила эта *бездушная гурия*, онъ обязанъ купить ее. Разумѣется, французъ воспользовался этимъ случаемъ, и продалъ восковую куклу за триста тысячъ франковъ. Не знаемъ, остался-ли доволенъ Абдерраманъ своимъ приобрѣтеніемъ.

Открытие покражи посредствомъ животнаго магнетизма. — Въ газетѣ *Siecle* напечатанъ анекдотъ, за достовѣрность котораго пусть ручается редакція этой газеты. Одна дама явилась на-дняхъ къ профессору животнаго магнетизма Марсилья, чтобъ посоветоваться съ его знаменитымъ сомнамбуломъ Алексисомъ. Докторъ тотчасъ-же привелъ ее въ сообщеніе съ субъектомъ, погруженнымъ въ магнетическій сонъ.

— Знаете-ли, зачѣмъ я къ вамъ пришла? спросила она у сомнамбула.

— Вы хотите, чтобъ я вамъ открылъ случившуюся у васъ покражу въ 3130 франковъ.

Послѣ этого спящій рассказалъ ей подробно, въ чемъ состояли всѣ пропавшія вещи.

— Знаете-ли вы вора? спросила дама.

— Да! эта ваша горничная, которую вы на прошлой недѣлѣ отъ себя отпустили. Она небольшого роста и хромаетъ. Чтобъ найти ее, отправьтесь къ заставѣ Монсо. Тамъ есть улица Роже. Воровка живетъ у своей пріятельницы и съ нею теперь молодой человекъ, который участвовалъ въ воровствѣ. Вещи ваши и деньги всѣ еще цѣлы, кромѣ 300 франковъ.

Дама тотчасъ-же отправилась къ полицейскому комиссару — и вмѣстѣ съ нимъ поѣхала въ домъ, указанный ясновидящимъ. Нашли квартиру, перерыли въ ней, осмотрѣли все, и ничего не нашли. Дѣвушка сдѣлалась дерзкою и требовала удовлетворенія за обиду... но вдругъ комиссаръ нашелъ нечаянно какой-то ящикъ и велѣлъ отпереть его. Тогда воровка присмирѣла. Дѣйствительно, въ ящикѣ найдена была вся пропажа, — и воровка предана суду.

Охота за львами. — Три офицера бестъ-индской арміи, капитанъ Вудгоутъ и поручикъ Деламень и Ленгъ, узнавъ, что два льва показались близь ихъ кантонирь-квартиры, отправились на охоту за ними. Дѣйствительно, они нашли львовъ — и съ перваго залпа одинъ былъ убитъ. Но другой побѣжалъ отъ нихъ по полю. Они преслѣдовали его на слонѣ, и догнали въ кустарникѣ, изъ котораго онъ вдругъ бросился на голову слона и впѣпился въ нее когтями. Офицеры выстрѣлили по

льву, но въ жару охоты худо мѣтили и только ранили животное, которое слонъ успѣлъ однако-же стряхнуть съ себя, но самъ не хотѣлъ уже идти впередъ, а повернулъ назадъ. Левъ бросился тогда къ нему на спину и началъ терзать его. Офицеры дали еще залпъ, но опять бесполезно. Слонъ вторично успѣлъ стряхнуть съ себя противника. Тогда офицеры сошли со слона и съ жаромъ бросились ко льву. Тотъ кинулся на капитана, повалилъ его и схватилъ за руку. Въ это мгновеніе оба поручика выстрѣлили, но опять только ранили льва, который продолжалъ терзать руку капитана. Несмотря на ужасную боль, тотъ притворился мертвымъ, — и левъ выпустилъ его руку. По несчастію, капитанъ сдѣлалъ нечаянное движеніе, и левъ опять схватилъ его зубами за руку. Офицеры бросились спасти капитана; но какъ выстрѣлы ихъ могли быть бесполезны съ той стороны, съ которой они прицѣлились, капитанъ хладнокровно сказалъ имъ: «Обойдите на другую сторону и стрѣляйте.» Тѣ исполнили его приказаніе, — и на этотъ разъ левъ былъ убитъ на повалъ.

Хитрость плута. — На-дняхъ въ Лондонѣ шелъ крестьянинъ со связкою сѣна и уронилъ ее у одного богатаго магазина шелковыхъ товаровъ, разбивъ при этомъ большое стекло магазина. Хозяинъ выскочилъ, схватилъ крестьянина, и требовалъ 20 фунтовъ стерлинговъ за стекло. Тотъ со слезами клялся, что у него нѣтъ ни пенса. Обыскать его! — сказали хозяину два посторонніе зрителя, — и вмѣстѣ съ хозяиномъ принялись за обыскъ. У крестьянина нашли банковый билетъ въ 50 фунтовъ, и какъ ни увѣрялъ тотъ, что это не его деньги, но хозяинъ далъ ему сдачи 30 фунтовъ стерлинговъ и прогналъ. Крестьянинъ сказалъ, что онъ пойдетъ жаловаться въ полицію.

Но какъ въ этотъ день полицейскіе не явились въ магазинъ, хозяинъ его вздумалъ посмотреть на банковый билетъ. Оказалось, что онъ былъ фальшивый, и что все это была одна комедія, разыгранная тремя плутами.

МОСКОВСКИЙ ВѢСТНИКЪ.

Лѣтній день и ожившія надежды. — Настоящая осень — Наполненіе города. — Приливъ жителей. — Что затѣваетъ Раппо. — Портные. — Картинки на Кузнецкомъ-мосту. — Новости русской сцены; новая опера и г. Щепинъ — Брошюра о Пожарскомъ, г. Смирнова. — Фельетоны г. Д. — Выставка сельскихъ произведеній нѣкоторыя размышленія по ея поводу. — Иконостасъ для Клякты, исполненный г. Полтавцевымъ. — Затруднительное положеніе корреспондента «Пантеона», — 17 N «Москвитяина».

... Лѣту, на-смѣхъ фельетонистамъ, петербургскимъ и московскимъ, которые всѣ безъ исключенія смѣялись надъ нимъ на разные тоны, лады и манеры, нужно было заявить себя передъ публикой блистательно, дать себя знать всѣмъ и каждому.

По-крайней-мѣрѣ, московское лѣто не-на-шутку разсердилось на насмѣшниковъ: 5-го сентября была у насъ сильнѣйшая гроза, при удрушливой атмосферѣ, проливномъ дождѣ и прочихъ принадлежностяхъ самаго лѣтняго феномена. Затѣмъ наступила чудная, теплая ночь, и сложивъ оружіе, скептики уже начинали мечтать о возвращеніи прошлогдней осени, которая, если не позабылъ читатель, съ ея вторичнымъ цвѣтомъ и даже вторичными плодами на нѣкоторыхъ деревьяхъ, была во сто разъ болѣе похожа на настоящее лѣто, нежели іюль и августъ нынѣшняго года. Встрепенулись сердца антрепренеровъ загородныхъ удовольствій; въ изобрѣтательной головѣ бѣднаго Максимилиана Сакса, можетъ-быть, уже зародилась мысль новой польки, тысяча первой по порядку... но пробужденіе разочаровало всѣхъ — cadaго по-своему. 6-го числа солнце взошло на самомъ безоблачномъ небѣ, только при семи градусахъ тепла; особенный звукъ колесъ по мостовой, паръ отъ лошадей, ускоренная походка — москвичъ вообще ходитъ нескоро, — все ясно говорило, что если онѣ прожили 1852 годъ безъ лѣта, такъ должны теперь и вовсе отложить попеченіе видѣть даже его тѣнь. Я знаю людей, которые особенно сочувствуютъ такимъ днямъ, когда солнце свѣтитъ удивительно оярко, воздухъ рѣдокъ, небо совершенно-чисто и блѣдноглубаго цвѣта, и въ полдень не болѣе десяти градусовъ. Такую погоду, они называютъ нормальною

въ нашемъ поясѣ. И, по-моему, они какъ нельзя болѣе правы. Никогда, ни Москва, ни всякое иное мѣсто, городъ или деревня — одинаковой широты не представляются въ болѣе благопріятномъ видѣ, какъ въ хорошій, т. е. ясный и свѣжій, осенній день. На каждой вещи, на всякомъ предметѣ, одушевленномъ или нѣтъ, его лучшее выраженіе, все смотритъ какъ-то спокойно, весело; женскія лица хорошбуютъ, мужскія становятся живѣе, румянецъ на тѣхъ и на другихъ; все какъ-будто хотятъ сказать, что наконецъ-то они въ той атмосферѣ, для которой создала ихъ природа, что они теперь только и дышатъ свободно, какъ рыба въ водѣ. Но и это довольство не всегда продолжительно, даже очень рѣдко продолжительно. На нынѣшній разъ мы пользовались здѣсь только однимъ яснымъ осеннимъ днемъ. Съ 7-го же числа сѣверная осень вступила во все свои права: разбила въ прахъ воздушныя замки мечтателей, дачниковъ и загородныхъ менестрелей, свернула окончательно листья на деревьяхъ и кулисы походныхъ театровъ, подняла на ноги домозяевъ, стекольщиковъ и дровяниковъ, сбила съ ногъ не одного пѣшехода, сорвала не одну шляпу, наслала на Москву изморозь, сырой холодъ, слякоть, вѣчныя тучи, совсѣмъ спрятала солнце, и вотъ мы ровно три недѣли, если говорить по совѣсти, а не по риторикѣ, не знаемъ, когда высунуть носъ на дворъ безъ боязни вернуться домой съ насморкомъ или лихорадкой...

Городъ, по извѣстному закону городской жизни, по-немногу наполняется. Люднѣе сдѣлались улицы; купечество воротилось съ ярмарки отъ Макарья, воспитанники разныхъ учебныхъ заведеній возвратились съ каникулъ, военные пришли изъ лагеря, жившіе на дачахъ бросили свои карточныя обиталища, отряхнувъ прахъ съ своихъ сандалій. Приливъ замѣтный! Только вѣшнія птицы плывутъ въ поднебесьи въ завѣтную даль, *dahin, dahin, wo die Citronen blühen*, какъ-будто дразня насъ, маленькихъ титановъ, прикованныхъ къ стужѣ и природѣ, обнажавшей такъ поспѣшно свои осеннія прелести!... Я сказалъ сейчасъ, что Москва наполняется; стало-быть, и оживаетъ? Да, оживаетъ конечно. Но не воображайте, чтобы это оживленіе было подобно оживленію Петербурга въ сентябрѣ. Наше оживленіе развѣ тѣнь петербургскаго. Петербургъ, въ лѣтній сезонъ отдохнувъ отъ литературы, театровъ, обѣдовъ, баловъ, вечеровъ, Петербургъ, какъ истый европеецъ, передъ началомъ осенне-зимняго сезона, весь точно выходитъ изъ краски: онъ приготовился выѣзжать и принимать, читать и писать, слушать оперу, словомъ, жить въ полномъ смыслѣ, какъ подобаетъ горожанину. Москва лѣтомъ не готовилась къ осени, а теперь сбѣжалась въ свои стѣны оттого, что на дачѣ жить нельзя, въ де-

ревнѣ жить скучно, и только. Чего она ждетъ, спросите? Что ее волнуетъ, на что она рассчитываетъ? Этого никто вамъ не скажетъ. Нынѣшняя осень и зима пройдутъ, безъ сомнѣнія, какъ прошли прошлогодняя, а тѣ прошли, какъ ихъ предшественницы. Мы москвичи тогда съѣздили два, три раза въ театръ, съѣздимъ и нынче; два три раза отобѣдали въ клубѣ, отобѣдаемъ и въ нынѣшнемъ году; прокатились на масляницѣ подъ Навинскимъ, поѣли блиновъ и свѣжей икры,—то-же будетъ съ нами въ то-же время; въ десять часовъ вечера москвичи ложились спать пятьдесятъ лѣтъ тому назадъ,—пройдите Москву теперь изъ конца въ конецъ въ тотъ-же часъ, большое счастье, если вамъ попадется одинъ запоздалый *ванька*. Мнѣ случилось на-дняхъ разговориться съ однимъ чрезвычайно почтеннымъ человѣкомъ, который прожилъ на бѣломъ свѣтѣ слишкомъ восемьдесятъ лѣтъ.

— До нынѣшней поѣздки,—сказалъ онъ мнѣ, — я не видалъ Петербурга двѣнадцать лѣтъ, Москвы тридцать-восемь: Петербурга узнать нельзя, въ Москвѣ я съ перваго дня былъ, какъ дома. Повѣрите-ли, въ клубѣ, въ театрѣ — тѣ-же лица!

Но вамъ наскучила эта старая пѣсня, читатель; вы хотите новостей.

Новостей? «вотъ въ чемъ вопросъ!...»

Недѣли двѣ еще тянулся Раппо въ своемъ Тиволи. Для кого и съ какими цѣлями? это просто мнѣ. Теперь Раппо, говорятъ, купилъ Корсаковъ-садъ, въ которомъ намѣревается устроить постоянныя зимнія увеселенія, горы, качели и т. д., и гдѣ, вѣроятно, онъ еще меньше достигнетъ своей цѣли, чѣмъ въ Тиволи.

... Всѣ портные публикуютъ, что возвратились изъ своихъ путешествій въ Парижъ и Лондонъ, тогда, какъ всему городу извѣстно, что ѣздили за границу двое-трое изъ нихъ, и Москва — есть надежда — будетъ продолжать носить русскія и польскія матеріи...

На Кузнецкомъ-мосту, въ двухъ магазинахъ, гдѣ продаются эстампы, появился новый родъ литографій, картинки съ вышуклостями, т. е. съ наклеенными частями, на-примѣръ, если портретъ генерала, такъ эполеты изъ фольги, пуговицы изъ фольги и т. п.; у красавицы какой-нибудь банты изъ лентъ, наклейные цвѣты и куафюра... Надо думать, что есть потребители, которымъ это нравится. Безподобенъ также въ своемъ родѣ одинъ изъ эстамповъ, вывѣшенныхъ, какъ видно, съ особенной претензіей на вниманіе, у Дацціаро, съ подписью «Vilna»: Наполеонъ ѣдетъ на щегольскихъ, съ лебединымъ передкомъ, саняхъ, на тройкѣ арабскихъ коней, которые, въ своей русской упряжи, рисуются, каждый, какъ на гуляньѣ; самъ Наполеонъ весь въ бобрахъ, мамелюкъ его Рустанъ тоже

въ бобрахъ, русскій ящикъ тоже въ бобрахъ съ ногъ до головы; фономъ всему этому служить зима 1812 года, русская зима. Первые двѣ фигуры сидятъ, третья стоитъ точно въ балетѣ! Неудобно-ли въ этой нелѣпости узнать Россію!

Въ русскомъ театрѣ начались бенефисы. Вотъ перечень пьесъ, поставленныхъ въ первый разъ: *Награда во время*, анекдотъ въ 1 д. А. А. Павлова; — *Старшая и Меньшая*, комедія въ 1 д., М. Достоевскаго; — *Чортова волынка или духъ таинственной пещеры*, волшебный водевиль въ 2 д., переводъ съ французскаго; — *Свирльный американецъ и его соперники*, вод. въ 1 д., переводъ съ французскаго О. Бурдина; — *Кастильская честь*, драма въ 1 д., въ стихахъ; — *Свадебный столъ безъ молодыхъ или старая любовь не ржавѣетъ*, водевиль въ 1 д. — *Богатый холостякъ и двое женатыхъ*, комедія въ 1 д., въ прозѣ; — *Утка и стаканъ воды*, водевиль въ 1 д.; — *Солдатское сердце или биваки съ Саволаксь*, военный анекдотъ изъ Финляндской кампаніи, въ 2-хъ д., съ эпилогомъ, Н. А. Полеваго; — *Сынъ степей или африканская любовь*, драма въ 1 д. въ стихахъ, и *Я съльз моего друга*, водевиль въ 1 д. переводъ съ Французскаго г. Сабурова... Если прибавить, что г-жа Наумова 2-я, въ одномъ изъ бенефисовъ, въ первый разъ танцевала качучу, что г. Полтавцевъ продолжалъ представлять Гамлета, и что на французской сценѣ есть нѣсколько новыхъ пьесъ, такъ и не останется сказать ничего интереснаго о театрѣ... Виновать! Г. Щепинъ поставилъ въ свой бенефисъ новую оперу, большую волшебнo-комическую оперу, въ 4 д. и 4 картинахъ, соч. г. Галеви. Опера называется *Царица розъ*. Я былъ-бы не прочь сказать нѣсколько любезныхъ словъ о томъ, какъ въ этой оперѣ, или послѣ оперы, подъ пѣсню «Соловей мой, соловей», плясали по-русски г-жи Рябова, Гольтерманъ, Полякова и Литовкина 2-я, — иныя — мазурку, а другіе по-казацки — но, къ моему несчастію, мнѣ представилось, что пожалуй, въ ту самую минуту, когда я пишу эти строки, Петербургъ собрался аплодировать Марію, Ронкони, Лаблашу, упиваться мелодіями Россини, или, чего добраго, слушать послѣдній chef-d'oeuvre Мейербера... и стало мнѣ неловко, пропала охота распространяться о *Царицѣ розъ*. Достаточно замѣтить по ея поводу, что г. Щепинъ ставитъ всегда свои бенефисы отменно блистательно.

А ужъ дивертис-се-мен-ты — просто чудо! Г. Щепинъ режиссеръ здѣшней оперной труппы.

Въ литературѣ нѣтъ рѣшительно ничего новаго, кромѣ брошюры, изданной П. В. Голубковымъ: *Біографія князя Дмитрія Михай-*

ловича *Пожарскаго*, соч. С. Смирнова. Не мое дѣло судить объ ученой важности этого сочиненія, но, кажется, имя автора должно ручаться за достоинство его книги. — Въ «Московскихъ Вѣдомостяхъ» продолжаютъ письма о петербургской жизни, г. Д., и признаюсь, я начинаю смотрѣть на нихъ съ завистью, возрастающею съ каждымъ днемъ. Петербургъ не дремлетъ, и бдительный корреспондентъ «Московскихъ Вѣдомостей» находитъ непрерывное содержаніе для своихъ фельетоновъ, которые съ постепеннымъ пробужденіемъ петербургской жизни становятся полнѣе и занимательнѣе. Куда не таковъ удѣлъ московскаго фельетониста! Посмотрите только, какое однообразіе въ «Городской хроникѣ» «Московскихъ Вѣдомостей»; а между-тѣмъ этотъ фельетонъ лучшій изъ всѣхъ, до-сихъ-поръ когда-либо бывшихъ въ Москвѣ.

Полугодичная выставка художественнаго класса отложена до половины ноября...

Но вопросъ дня у насъ составляетъ — относительно — выставка сельскихъ произведеній, учрежденная Московскимъ Обществомъ Сельскаго Хозяйства, начавшаяся 1-го и кончившаяся 30-го сентября.

Представьте себѣ огромное зданіе московскаго Экзерцир-гауза, площадь безъ малаго въ тысячу семьсотъ квадратныхъ сажень, систематически уставленную разнообразными предметами земледѣлія и промышленности, и, соотвѣтственно съ вмѣщаемымъ, красиво убранную. Вы подходите къ Экзерцир-гаузу отъ Вздвиженки. Передъ входомъ, т. е. еще внѣ зданія, стоитъ палатка изъ дубленой холстины, въ которой, говорятъ, долженъ былъ помѣститься кассиръ (въ тѣ дни, когда входъ за деньги), но гдѣ онъ, однако же, не помѣщался, — затѣмъ, вѣроятно, что дождь во все послѣднее время былъ сильнѣе того, на какой разсчитывалъ авторъ палатки, крестьянинъ Самаринъ. Вы вошли. Направо передъ вами большая карта Европейской Россіи, на которой въ подробности изображены: качество почвъ, области растительнаго прозябанія и направленіе изотермическихъ и изхимическихъ линій. Отъ карты по одной сторонѣ расположены образчики почвъ и принадлежащихъ къ нимъ травъ, растений и хлѣббвъ, — по другой, лѣвой — модели пахатныхъ орудій: здѣсь, вкратцѣ, и исторія сохи и плуга, и виды ихъ настоящаго состоянія, т. е. плуги, употребляемые теперь для разныхъ почвъ. Здѣсь-же, между-прочимъ, модель архангельской избы. Слѣдуютъ, по порядку размѣщенія, нѣкоторыя другія модели: печей, ульевъ, и т. д., потомъ физическіе и землемѣрные инструменты московскихъ механиковъ, гг. Зегера и Трындина. Вы поваричиваете налѣво, у электро-магнитной машины. Начинаются громоздкія земледѣльческія ма-

шины въ натуральномъ видѣ; слѣдуютъ ситы, грохоты, серпы, косы, сѣяльныя машины (отъ Вильсона), плуги, почвоуглубители, скоропашки, культиваторы, сохи, бороны, вѣялки, соломорѣзки, сортировки, зернодробы, костомольня, и т. д., пожарные инструменты отъ здѣшняго Пожарнаго Дено, и ящикъ для поливанія газона водою, отъ него-же, конныя грабли, сѣноворошилки, зерносушильни, глиномятная машина, образцы бумажной кровли, децимальныя вѣсы, молотильныя машины, и т. д. Вотъ чугуныя камины. Поворотивъ вправо, вы проходите мимо образцовъ разнаго дерева, въ первобытномъ видѣ и полированнаго, и сѣмянъ, огородныхъ, луговыхъ и хлѣбныхъ. Вы у центра выставки. Въ самомъ центрѣ башенныя часы братьевъ Бутеновъ, показывающіе время московское, петербургское, тифлисское и петропавловское (въ Камчаткѣ). Это, такъ-сказать, самый живописный пунктъ выставки. Вкругъ башенки-павильона, на которой стоятъ часы, группируются фруктовыя деревья, овощи, расположенныя въ видѣ картинныхъ щитовъ, цвѣты и вообще оранжерейныя растенія. Изъ послѣднихъ сдѣлана, прислоненная къ стѣнѣ, особая группа, среди которой поставленъ бюстъ Государа Императора. Далѣе увидите вы портреты: основателя Московскаго Общества Сельскаго Хозяйства, князя Д. В. Голицына, и нѣкоторыхъ изъ прежнихъ дѣятельнѣйшихъ ревнителей успѣховъ Общества, Н. Н. Муравьева, М. У. Павлова, и другихъ, — наконецъ, портретъ нынѣшняго президента Общества, князя С. И. Гагарина. Вотъ подвижной, изъ дубленой парусины, домикъ, съ четырьмя колыбельками, — киргизская палатка съ двумя передъ нею куклами въ человѣческой ростъ, одѣтыми въ національный костюмъ; вотъ все шелковое производство, начиная отъ живаго шелковичнаго червя до шелковыхъ матерій; шелкъ, между-прочимъ, сортируется и разматывается при васъ-же. Далѣе улья, медъ, воскъ; съ другой стороны овцеводство и различныя его фазы; нѣкоторые другіе отдѣлы скотоводства, кожи, юфти, и т. под.; мебель, экипажи въ-чернѣ... Еще-далѣе, вы обогнули назадъ; по одной сторонѣ полотна и др. льняныя издѣлія, дубленныя овчины, соломенныя вещи и валеныя, деревянная и глиняная посуда; по другой сыръ, горчица, сигары, табакъ, вина, образцы крупы и муки; нѣсколько дугъ, — и мы у выхода.

Я набросалъ только общую картину выставки (даито, вѣроятно, не всѣхъ ея предметовъ) въ томъ порядкѣ, какъ представляются ея части глазу по обѣимъ сторонамъ пути, указываемаго зрителю ихъ расположеніемъ. Читатель не вправѣ требовать отъ меня болшихъ подробностей, а тѣмъ менѣе — фундаментальной, научной оцѣнки, которую могъ-бы сдѣлать специалистъ, или, еще вѣрнѣе, могли-бы сдѣлать специалисты. Но вотъ

приблизительно тѣ существенныя впечатлѣнія, которыя, послѣ нѣсколькихъ посѣщеній, долженъ былъ вынести съ выставки каждый наблюдатель, смотрѣвшій на нее съ искреннимъ участіемъ и убѣжденный въ несомнѣнной важности подобнаго рода учрежденій.

Все, что зависѣло отъ учредителей и распорядителей выставки, исполнено: каждый производитель могъ выставить свое произведеніе, — выставка расположена прекрасно, — желающіе объясненій получаютъ ихъ тутъ-же, въ удовлетворительномъ видѣ. Но одно только поражаетъ посѣтителя: именно то, что нѣкоторыхъ чрезвычайно важныхъ статей сельскаго быта и крестьянскаго хозяйства нѣтъ вовсе, какъ-то: обуви, конской сбруи, телѣгъ, саней, дрогъ, и т. п., — другія, тоже важныя статьи, каковы посуда и проч. внутренняя домашняя утварь, въ весьма маломъ количествѣ. Но если оставить въ сторонѣ этотъ параграфъ, не касаться сложныхъ вопросовъ, и, — однимъ-словомъ, если проникнуться тѣмъ убѣжденіемъ, что выставка сдѣлала все, что могла сдѣлать изъ доставленнаго, что, слѣдовательно, ничего лучшаго невозможно было сдѣлать, то нельзя не сознаться, что есть вещи интересныя и заслуживающія безусловнаго вниманія. Лучшее изъ выставленныхъ вещей пожарная труба съ станкомъ и дрогами, издѣліе здѣшняго Пожарнаго Депо: красота и чистота отдѣлки всѣхъ частей, не исключая мельчайшихъ, превосходны. Недурны часы братьевъ Бутеновъ. Очень хороши и недороги простые чугунные каминныя г. Мальцова. Огородныя овощи московскаго огородника Сироткина великолѣпны. Сыръ, въ тридцать копѣекъ серебромъ, несравненно лучше извѣстнаго Мещерскаго, но очень еще далека отъ швейцарскаго, въ сорокъ копѣекъ серебромъ. Отлично отполированъ (въ чернѣ) станъ пролетокъ, принадлежащій одному крестьянину Подольскаго уѣзда (Мос. губ.), Кувякинской волости, котораго имени, виновать, не припомню. Мебель, издѣлія крестьянина Уточкина, очень хороша, но и достаточно дорога. Есть одна пара лаковыхъ мужскихъ сапогъ съ замшевыми голенищами, отдѣланная довольно чисто, стоящая пять рублей серебромъ (!!) и легкая до невѣроятности, издѣліе московскаго крестьянина. Въ числѣ соломенныхъ вещей есть недурныя фуражки (въ два рубля серебромъ!!!!) очень легкія и которыя нестыдно надѣть въ городѣ. Есть модель зерносушильни, поражающая удобствомъ и простотою механизма. Есть еще снарядецъ, чрезвычайно остроумный и полезный: мѣдный стаканчикъ, мѣрою, если не ошибаюсь, въ одну сотую долю четверика: съ этимъ стаканчикомъ, сельскій хозяинъ, при помощи вѣсковъ, узнаетъ достоинство своего хлѣба...

... Выразивъ здѣсь, по-мѣрѣ умѣнья, мой взглядъ на выставку, от-

нюдь, впрочемъ, не личный, я съ нетерпѣніемъ ожидаю полнаго отчета о выставкѣ отъ кого-либо изъ людей, основательно ее понимающихъ, изучавшихъ теоріи сельскаго хозяйства, знающихъ разные виды русскаго хозяйства на практикѣ и вполнѣ, безпристрастныхъ.

Читающіе «Московскія Вѣдомости», быть-можетъ, замѣтили объявленіе московскаго фабриканта Полтавцева, который приглашалъ на свою фабрику (въ Москвѣ, въ Старой-Басманной, у Никиты Мученика, въ Токмаковскомъ переулкѣ) желающихъ взглянуть на бронзовый иконостасъ, исполненный имъ по заказу кяхтинскаго купечества, для сооруженнаго имъ въ Кяхтѣ храма во-имя Воскресенія Христова. *Иконостасъ*, прибавляло объявленіе, *стоящій болѣе двухсотъ тысячъ рублей ассигнаціями*. Двѣсти тысячъ рублей ассигнаціями за бронзовую работу! Да тутъ было-бы изъ чего приложить руку Бенвенуто Челлипи! Согласитесь, что нельзя было не взглянуть на работу г. Полтавцева. Самая бронза недурна; недурны хрустальныя колонны, подходящія къ коринфскому ордену и перехваченныя, на данныхъ разстояніяхъ, бронзовыми вѣтками виноградной лозы. Въ остальномъ, какъ въ частяхъ, такъ и въ цѣломъ, замѣтенъ недостатокъ изящнаго вкуса. Иконостасъ состоитъ изъ двухъ ярусовъ и выполненъ по плану иркутскаго архитектора. Понятно, что нужно было держаться размѣровъ этого архитектора, но какъ-бы, кажется, не обратиться за рисункомъ къ кому-нибудь изъ извѣстныхъ художниковъ, къ кому-либо изъ профессоровъ живописи или скульптуры — имѣя въ своемъ распоряженіи болѣе двухсотъ тысячъ рублей! Иконы для кяхтинскаго иконостаса, говорятъ, заказаны въ Академіи Художествъ, и такъ-какъ онѣ отправятся прямо въ Кяхту, то мы ихъ не видали...

... И здѣсь, о мой читатель, поставивъ послѣднюю точку предъидущей строчки, я поневолѣ положилъ перо. Мнѣ до невѣроятности хотѣлось сказать вамъ еще что-нибудь, но что сказать — я рѣшительно не зналъ. Тщетно глоталъ я ароматную инфузію цвѣтовъ фузы-лянсинъ-хышиты, ароматная инфузія успокаивала меня, повергала въ сладкое *far-niente*, но не вдохновляла, — а мнѣ, чтобъ сказать что-нибудь *новое*, нужно было вдохновеніе. Я нѣсколько разъ обращался попеременно то къ моей чашкѣ, то къ моей сигарѣ, но ни на днѣ первой, ни въ дымѣ второй не представлялось мнѣ ровно ничего для моего фельетона. Я начиналъ жалѣть даже, что не умѣю писать стиховъ. Сатиръ съ эстампа псказывалъ мнѣ языкъ, бронзовая собачка Мѣна скалила зубы. Въ досадѣ, я отвернулся къ камину. Каминъ мой топился, — и уже не въ первый разъ: мой слуга даже увѣяетъ, что «мы топимъ» съ половины іюля — но пламя ужъ пропало;

только уголья смотрѣли на меня, красные, по-временамъ отряжая кверху искорки, которыя отрывались нехотя. Я сталъ смотрѣть на уголья, задумался о литературѣ, о журналахъ... и незамѣтно задремалъ.

— Что это вы дѣлаете? — и я проснулся.

Я открылъ глаза, взглянулъ: возлѣ меня стоялъ одинъ мой добрый пріятель.

— Сплю, какъ видите, и, вдобавокъ, вижу глупѣйшіе сны.

— Вѣрно, съѣли что-нибудь тяжелое, или нервы не въ порядкѣ.

— Ни то, ни другое. Пилъ чай и курилъ сигару, задремалъ отъ скуки надъ моимъ фельетономъ, въ размышленіяхъ о томъ, чѣмъ бы его еще наполнить; теперь проснулся—и все-таки не знаю. А нужно. Что сегодня въ театрѣ? Нѣтъ ли чего новаго? Вы вездѣ бываете, все знаете...

— Вы смѣетесь: я, какъ вамъ извѣстно, постоянно живу въ Москвѣ.

— Что-жъ я буду писать?

— Да вы, кажется, ужъ написали кое-что?

— Да, кое-что, страничекъ на пять, на шесть.

— А этого мало?

— Да надо бы еще.

— Непремѣнно надо?

— Очень бы не худо.

— Пойдите, une idée, впрочемъ очень-старая мысль. Что вы видѣли во снѣ?

— Величайшую глупость, цѣлый рядъ нелѣпостей.

— Все равно, говорите.

И я долженъ былъ рассказать ему мой сонъ. Въ-продолженіе разсказа, мой пріятель не разъ улыбался. Когда я кончилъ.

— Поздравляю сказалъ онъ — нельзя было выдумать ничего лучшаго: садитесь и пишите: это увѣряю васъ, заставитъ разсмѣяться вашего читателя, а вы, кажется, ничего болѣе не хотите?

— Совершенно справедливо.

— Такъ пишите свой сонъ. Если хотите, скажите въ заключеніе какую-нибудь глубокомысленную сентенцію, въ родѣ той, что «вся жизнь не иное что, какъ сонъ; человѣкъ, рождаясь на свѣтъ, засыпаетъ, и только смерть будитъ его; на этомъ основаніи, читатель, ты теперь хотя и думаешь, что бодрствуешь, но быть-можетъ придетъ минута, когда хватишься, и замѣтишь, что жилъ только во снѣ,» — или что-нибудь подобное.

— Не сказали бы, что вся эта исторія подражаніе Новому Поэту, или еще кому нибудь...

— Во-первыхъ, если бы и такъ, вамъ что за дѣло! Они-то развѣ, въ свою очередь, не подражали? Пишите смѣло.

Но я, уважая читателя, рѣшился не воспользоваться совѣтомъ пріятели.

Говорятъ, что въ «Московитянинѣ» готовятся перемѣны, улучшения, распространенія, приложенія, и т. п. Я не предлагаю никому изъ читателей вѣрить пустымъ слухамъ до времени, но не сомнѣваясь, что всѣ, не исключая и петербургскихъ журналовъ, желаютъ «Москвитянину» отъ души лучшаго.

Корреспондентъ Пантеона.

ПЕТЕРБУРГСКІЙ ВѢСТНИКЪ.

I.

ЛИТЕРАТУРА.

«Двѣ сестры», г. Вонлярлярскаго. — Записки купца Жаркова. — Археологическая критика Библиотеки для Чтенія. — Лѣтнія книжки Сына Отечества. — Двадцать-семь экземпляровъ Сына Отечества и прекращеніе подписки на Современникъ. — Новое произведеніе писателя Кривича. — Почему мы говоримъ о подобныхъ писателяхъ. — Неудачный переводъ трагика. — Стихи г. Креси́на, новаго поэта Сына Отечества. — Окончаніе романа г. Панаева. — Промахи романиста. — Вани, Коли, Петруши и Лидіи Александровны. — Настоящій герой субъективнаго романа — г. Вихляевъ. — Остальныя статьи послѣднихъ номеровъ Современника — Критика его. — Г. Данилевскій, его стихи и проза. — Новый поэтъ и его Забѣтки о графѣ д'Орсе, о своемъ пребываніи въ Парижѣ, о своемъ швейцарскомъ домицкѣ, о своей лошади и о русской журналистикѣ. — Еще нѣсколько словъ о г. Крестовскомъ и г-жѣ Хвощинской по поводу разборовъ Новаго Поэта. — Музыка.

Начнемъ нынѣшній отчетъ нашъ о русскихъ журналахъ съ «Библиотеки для Чтенія». Сентябрьская книга этого журнала интересна по двумъ статьямъ: новой повѣсти г. Вонлярлярскаго и продолженію Записокъ купца Жаркова о Киргизахъ.

«Двѣ сестры», безспорно, лучшее произведеніе г. Вонлярлярскаго изо всего, что онъ до-сихъ-поръ напечаталъ. Въ этой повѣсти нѣтъ ни неестественной завязки, ни неестественной развязки, которыми отличаются повѣсти этого неутомимаго беллетриста. Въ «Двухъ сестрахъ» нѣтъ ни малѣйшей претензіи на эффекты, и потому повѣсть эта очень занимательна. Это простая семейная драма, которая попадаютъ иногда въ жизни и на которыя никто не обращаетъ вниманія, потому-что въ нихъ нѣтъ ничего рѣзкаго, необыкновеннаго. Двѣ сестры-сироты живутъ вмѣстѣ: одна старая, дурная и злая, другая молодая, хорошенькая и добрая, какъ въ народныхъ сказкахъ. Старшая собирается выдти замужъ, несмотря на все свои недостатки, и чтобы младшая не мѣшала ей, хочетъ и ее выдать насильно за очень дурнаго человѣка. Но по-счастію, у младшей есть двѣ защиты: ея дядя и ея любовь къ одному

молоденькому поручику. Слѣдовательно, немудрено, что разрушаются всѣ козни и ухищренія старшей сестрицы. Оставаясь однакоже довольны идеєю разказа и нѣкоторыми характеристиками, какъ, на примѣръ: старшей сестрою, Хвостинимъ, котораго она прочитъ въ женихи младшей сестрѣ, и который изъ негодая дѣлается довольно порядочнымъ человѣкомъ, — мы не можемъ похвалить нѣкоторыхъ водевильныхъ и сентиментальныхъ сценъ въ родѣ послѣдней, когда старшая сестрица выводится на свѣжую воду, или той, гдѣ два брата, изъ которыхъ младшій влюбленъ въ другую сестру, говорятъ другъ-другу тонко-замысловатыя фразы, называя другъ-друга: господинъ поручикъ и господинъ капитанъ, съ прибавкою разныхъ кудреватыхъ и витѣватыхъ любезностей. Самыя лица влюбленныхъ очень слабы и можно сказать ничтожны, а добрый дядюшка, являющійся съ богатымъ наслѣдствомъ изъ Америки, уже черезчуръ избитое лицо. Зато нѣкоторыя подробности московской жизни и эпизодическія сцены очерчены очень хорошо. Языкъ повѣсти также хорошъ, кромѣ немногихъ мѣстъ, въ которыхъ авторъ старается быть особенно остроумнымъ. Странное дѣло, что въ наше время писать остроумно, — разумѣется, до извѣстной степени, — гораздо легче, нежели писать просто.

Вторая статья Записокъ купца Жаркова о Киргизахъ еще интереснѣе первой своими подробностями о кочевомъ бытѣ этого народа, о Хивѣ, Бухарѣ, Туркменцахъ и Киргизской степи. Мы встрѣтили даже въ этой статьѣ нѣсколько картинъ природы того края, которыя еще болѣе убѣдили насъ, что записки эти написаны человѣкомъ, хорошо знакомымъ съ литературой и русскимъ языкомъ.

«Я отвелъ глаза къ востоку и любовался на тонкое сліяніе всѣхъ цвѣтовъ, игравшихъ по высокому небу. Рядомъ съ огненной полосой зари, обширная область небесъ сіяла веселящимъ глаза, не то розовымъ, не то палевымъ свѣтомъ, на который смотрѣть такъ отрадно, что, кажется, глазъ бы не оторвалъ. Палевый свѣтъ сливался съ сѣрою далью; сѣрый свѣтъ незамѣтно переходилъ въ синеву, и надъ моей головой висѣла бездонная вышина самаго густаго фіолетоваго цвѣта, вся усеѣнная мириадами блестящихъ точекъ, которыхъ дрожащее мерцаніе ясныя и ясныя давало чувствовать всю необъятность пространства, разделяющаго ихъ отъ нашей матери сырой-земли, на которую онѣ испоконъ вѣка все глядятъ не наглядятся!... А вѣтъ и мѣсяцъ на ущербѣ... Бѣдняжка! какъ онъ истощалъ теперь. Нѣтъ теперь ужъ не скажешь, что это полная луна, широколицая красавица... Теперь она ни на что не похожа, а если и похожа на что-нибудь, такъ только развѣ на ломтикъ дыни, плавающій по небу на маленькихъ, курчавенькихъ облачкахъ, словно на рѣзномъ чеканенномъ блюдѣ...»

Если мы присоединимъ къ этимъ статьямъ еще четыре небольшія, но интересныя изъ отдѣла Смѣси, — «Жизнь въ Австраліи», «Мадамъ Дени», «Взятіе картины Мурильо» и «Послѣдняя Фея», то получимъ всѣ замѣчательныя статьи этой книги. Въ особенности слаба критическая статья, подписанная буквами А. С. Она дотога любопытна что мы рѣшаемся поговорить о ней поподробнѣе, тѣмъ-болѣе, что неразъ замѣчая странное направленіе критики «Библиотеки для Чтенія», не имѣли еще до-сихъ-поръ случая обнаружить совершенно ясно всѣ ея недостатки.

Критика эта разбираетъ «Записки отдѣленія русской и славянской археологіи Императорскаго Археологическаго Общества», и начинается съ того, что «объ этой наукѣ до-сихъ-поръ никто у насъ не собрался съ духомъ сказать нѣсколько словъ». Потомъ критикъ объявляетъ, что онъ десять лѣтъ сряду разсуждалъ съ учеными о необходимости приступить къ составленію опыта археологіи, и собиралъ свѣдѣнія о разныхъ древностяхъ. Четырнадцать страницъ статьи посвящены разсужденіямъ о пользѣ и важности археологіи, и критикъ только *пристѣпаетъ* къ разбору этого сочиненія. Множество любопытныхъ вещей попадаютъ въ этомъ вступленіи. Тутъ вы найдете и «безсистемное собраніе фактовъ, которые не призваны къ жизни жезломъ науки», и мысль, что «Записки должно считать неболѣе, какъ великолѣпною урною, въ которую положенъ зародышъ русской археологіи», и въ то же время критикъ находитъ, что въ этой великолѣпной урнѣ «раздѣленія допущены только для того, чтобы были какія-нибудь раздѣленія, какъ *подобаетъ книгѣ*, и поэтому ненужно было допускать *дѣлежа*, а печатать статьи *заподрядъ*». Подобныхъ странныхъ выраженій, отзывающихся колонизмами, въ этой статьѣ множество; критикъ на каждой страницѣ собираетъ сдѣлать свои замѣчанія, считая священнымъ долгомъ обратить вниманіе археологовъ на то, что они упустили изъ виду — и ровно ничего не замѣчаетъ, не находитъ ни одной ошибки. Критикъ на каждомъ шагу говоритъ, что онъ очень давно занимается археологіей, приобрѣтаетъ очень много свѣдѣній, — и читатель обязанъ ему вѣрить на-слово, потому-что не видитъ этому никакихъ доказательствъ; критикъ говоритъ только, что «все сдѣланное до-сихъ-поръ частными лицами или совсѣмъ никуда не годится, или же годится очень, очень мало». И все это пересыпано фразами, въ родѣ: «раскопка древностей»; «памятники, какіе обронила древность на пространной Россіи», пища свою статью, и проч.

Любопытно также опредѣленіе археологіи, сдѣланное критикомъ. «Конечная цѣль ея — по его словамъ, — состоитъ въ томъ, чтобы вмѣстѣ безпредѣльный міръ остатковъ древности въ извѣстныя границы.

Тутъ ни одинъ осколокъ и обломокъ древности не долженъ войти безъ прямой надобности, въ противномъ случаѣ онъ нарушитъ гармонию цѣлаго, отчего можетъ пострадать картина, *растолстѣетъ система и заплыветъ жиромъ*, который здѣсь излишенъ, неумѣстенъ». Неужели подобныя выраженія неизлишни и умѣстны въ дѣльномъ сочиненіи? Вотъ далѣе опредѣленіе археологіи:

«Не должно принимать археологію за бѣдную попрошайку, подбирающую разное старье... Нѣтъ, археологія бойкая старушка, которая еще съ восторгомъ воспоминаетъ про былое, когда она была молода и рѣзва, потомъ счастливая супруга и мать, и тутъ она болтаетъ скромной Клію про прежнее житье бытѣе, а Клію мотааетъ головкой, думаетъ и соображаетъ, какъ бы воспользоваться рассказомъ старушки, какъ бы облечь его въ эстетическія формы. Вотъ кто такая археологія!»

Сознаемся, что намъ не случалось еще встрѣчать до-сихъ-поръ такого удивительнаго опредѣленія археологіи. Слѣдующія за этимъ поясненія этого опредѣленія еще удивительнѣе: въ нихъ говорится, что археологія «доставляетъ намъ на выборъ разные аксессуары, придающіе румянецъ жизни блѣдному лицу истины», что это—«цѣлая эпопея, выстриженная искусною рукою судьбы изъ черной глазированной бумаги» и проч. Послѣ подобныхъ объясненій и мы готовы сказать вмѣстѣ съ критикомъ: «вотъ кто такая археологія!»

Не дѣлаемъ дальнѣйшихъ выписокъ, но скажемъ только, что послѣ четырнадцати страницъ, наполненныхъ подобными фразами, слѣдуютъ восемь страницъ, посвященныхъ наконецъ разбору самой книги, изъ котораго мы ничего не узнали. Во всей критикѣ говорится только объ одной статьѣ г. Сахарова: «Обозрѣніе русской археологіи».

Литературная Лѣтопись этого нумера отличается остроуміемъ, называя плохія стихотворенія — бураками, говоря о поэмѣ «Пальто», что тутъ «поэзія въ пальто, но отнюдь не пальто въ поэзіи» и что «авторъ поэмы ни жетъ не жемчугъ, не бисеръ, а шиповникъ въ перемежку съ рябиной».

Замѣчательно также, по своему рѣшительному и странному тону «Письмо подгороднаго подписчика № 2». Этотъ подписчикъ начинается съ того, что говоритъ: «Можетъ-ли быть что-нибудь особенно интереснаго въ письмахъ иногороднаго, подгороднаго и загороднаго подписчика для большинства публики? Все это взгляды провинціаловъ, — и повѣрьте мнѣ — взгляды неосновательные, невѣрные, ни къ чему не ведущіе». Совершенно справедливо; но послѣ этого спрашивается: за чѣмъ-же подписчикъ номеръ второй является на сцену со своими рецензіями русскихъ журналовъ? Сказавши далѣе, что «чуть жур-

налъ сталъ хуже, — его тотчасъ начинаютъ хвалить» и что «общее правило у каждаго журнала хвалить то въ другомъ, что плохо донѣльзя», — Подгородный Подписчикъ прежде всего начинаетъ хвалить «Сынъ Отечества», говоря, что это изданіе нестыдно положить на столѣ рядомъ съ лучшими книгами, что оно ни въ чемъ не уступитъ прочимъ журналамъ. Чтò-же это такое? Господинъ Подписчикъ номеръ второй можетъ говорить, что въ «Пантеонѣ за нынѣшній годъ, онъ не нашелъ ни одной интересной статьи; но замѣтимъ ему, что сказать объ «Отечественныхъ Записяхъ» только то, что онѣ взяли внѣшнимъ видомъ и внѣшнею изысканностью, а о восьмомъ номерѣ «Современника», что онъ представляетъ мало интереснаго, — не значитъ разбирать эти журналы. Приговоры и сужденія такого рода въ наше время очень странны, и никто не припишетъ имъ никакого значенія. Мы довольны, по крайней-мѣрѣ, тѣмъ, что Подгородный Подписчикъ съ перваго письма высказалъ свое настоящее мнѣніе о русской журналистикѣ, котораго было трудно добиться у Иногороднаго Подписчика. Въ-слѣдствіе этого мнѣнія: «Отечественныя Записки» плохи, «Современникъ» неинтересенъ, «Москвитянинъ» и «Пантеонъ» никуда не годятся, «Сынъ Отечества» прекрасный журналъ, а сама «Библіотека» — единственный!

Переходимъ къ «Сыну Отечества». Августовская книга вышла недавно. Мы еще не успѣли прочесть ее, и будемъ говорить только объ іюньской и іюльской книгахъ этого журнала. Въ нихъ замѣтили мы, что изъ этихъ книгъ исчезла «Мысль и Улыбка». Возраженія «Пантеону» были его лебединой пѣснью.

Мы жалѣемъ только объ одномъ, что не будемъ уже болѣе встрѣчать тонкихъ замѣчаній на счетъ того, что обертка этого журнала, бывшая въ прошломъ году цвѣта свѣтло-лососиноваго, или еще точнѣе: цвѣта семги, упавшей въ обморокъ, — въ нынѣшнемъ году перемѣнилась, — и вмѣсто этого пріятнаго, меланхолическаго цвѣта, облеклась въ въ другой, грустно-мутно-желтый цвѣтъ, отчасти переходящій въ желчный. Не встрѣтимъ мы также замѣчаній на то, что нехорошо выпустить журналъ 28 числа въ то время, когда обѣщано 20 го. По словамъ издателя «Сына Отечества» — журналъ этотъ уже весь разошелся, и къ половинѣ іюня осталось всего двадцать семь экземпляровъ. Замѣтимъ кстати, что Новый Поэтъ въ «Современникѣ» очень завидовалъ этимъ двадцати семи экземплярамъ и поздравлялъ «Сынъ Отечества» съ такимъ ничтожнымъ количествомъ оставшихся экземпляровъ. Не понимаемъ, чему удивлялся «Современникъ» когда онъ самъ въ слѣдующемъ-же мѣсяцѣ объявилъ, что и у него разошлись уже рѣшительно всѣ экземпляры, не осталось даже двадцати семи, и подписка

на «Современникъ» прекращена. Какъ-же послѣ этого иные говорятъ, что у насъ мало читаютъ журналы, когда два журнала объявляютъ, одинъ, что подписка прекращена, другой, что у него осталось только двадцать семь экземпляровъ. Ни тотъ, ни другой не упоминаютъ однако-же о томъ, сколько экземпляровъ они печатали.

«Сынъ Отечества» немного увлекался въ своихъ возраженіяхъ «Пантеону». Такъ онъ увѣрялъ, что приводя десятокъ плохихъ стиховъ изъ напечатанной въ немъ драмы, мы хотѣли убѣдить читателей, что стихи эти выписаны нами подрядъ изъ какой-нибудь сцены; когда, напротивъ, мы очень ясно сказали, что беремъ эти стихи на выдержку изъ разныхъ явленій и что каждый изъ нихъ неправиленъ и нехорошъ самъ по себѣ, взятый отдѣльно, безъ всякаго отношенія къ предыдущему и послѣдующему стиху.

Въ іюньской книгѣ «Сына Отечества» въ отдѣлѣ Словесности, мы встрѣчаемъ опять имя г. Кривича, автора повѣсти «Ямщики», въ которой доказывалось, — что пьянство дѣло нехорошее и что оно сгубило не одного довольно порядочнаго человѣка. На этотъ разъ мысль «Ямщиковъ» замѣнилась новою. По мнѣнію г-на Кривича — природа, которую боготворили греки, которой поклонялось столько великихъ умовъ, которую воспѣвало столько поэтовъ, — природа эта — мачиха, потому-только, что какой-то некрасивой и, судя по ея разговору, очень необразованной дѣвушкѣ вздумалось влюбиться тоже въ очень глупаго господина, говорящаго большой вздоръ. Этотъ господинъ женится на другой, а не красивая и необразованная дѣвушка сходитъ съ ума, къ удивленію всѣхъ, не исключая и читателя.

Вотъ какъ объясняются лица этой повѣсти:

— Я часто желаю быть невидимкою, говорить герой повѣсти.

Героиня отвѣчаетъ:

— Вотъ еще странное желаніе! Любопытно знать, чтобъ стали вы дѣлать, еслибъ оно исполнилось?

— Напримѣръ, подкараулилъ-бы, когда вы замечаетесь, или задумаетесь, взялъ-бы васъ за руку и сталъ-бы вальсировать съ вами.

Этотъ-же наивный господинъ говоритъ, что свѣтъ всегда смотритъ на любовь съ иронической улыбкой, какъ на что-то недостойное, *фильмов*, и когда героиня отварачивается отъ него, дѣлаетъ «преотвратительную гримасу за Настинной спиной, какъ-будто *силясь выразить копію* съ лица некрасивой дѣвушки». Отъ своего лица авторъ выражается еще оригинальнѣе. У него есть и «палящая буря души, которая превращала все въ одинъ черный уголь, и «Настя какъ будто силой *вытаскивала* отъ своего ума всѣ выраженія; думала «что Александръ

ее *выпытываетъ*». «Изъ устъ Анны Ивановны понеслась безконечная всякая всячина, точно изъ Ноева ковчега выходили звѣри одинъ за другимъ».

Послѣ такого блистательнаго сраженія, намъ остается заключить нашу рецензію объ этой повѣсти. Одна изъ нашихъ газетъ замѣтила намъ, что мы обращаемъ вниманіе на такія произведенія словесности, о которыхъ не стоить распространяться. Это справедливо, когда плохой писатель уже извѣстенъ публикѣ, потерявшей всякую надежду на его улучшение. Но всякое лицо, являющееся вновь на литературную арену, должно быть непременно разобрано и оцѣнено, какъ бы ни были слабы его произведенія. Поэтому-то мы довольно подробно говорили о писателѣ Кривичѣ, у котораго дѣйствительно очень много нерусскихъ оборотовъ, и языкъ вообще отзывается полонизмами. Что же касается до изобрѣтательности и содержанія въ его произведеніяхъ, то послѣ разбора двухъ его повѣстей, мы считаемъ себя вправѣ не разбирать всѣхъ остальныхъ.

Въ іюльской книгѣ напечатанъ переводъ извѣстной пьесы Эмиля Ожье, L'Aventurière, подъ водевильнымъ названіемъ «Нашла коса на камень». Какъ еще тутъ нѣтъ втораго неизбежнаго названія съ союзомъ *или?* Переводъ Авантюристки занимаетъ сто шестнадцать страницъ, и названъ *передѣлкой*, хотя въ немъ неизмѣнено ни одно положеніе, ни одно явленіе. Вся передѣлка состоитъ въ томъ, что хорошіе стихи подлинника передѣланы неудачно, а лучшіе даже и вовсе непередѣланы. Вотъ, на-примѣръ, начало пьесы и первый монологъ Мукарада:

Такъ, правы женщины: искусство одѣваться
Важнѣй всего, и я его постигъ
Кому охота *есть* со мной *потягаться?*
Любаго щеголя я *уничтожу* вмгъ
Хоть *ты* (кто этотъ *ты?*) перебери всю нашу молодежь,
Такого молодца, ей Богу, не найдешь.

Вотъ какъ эти стихи напечатаны и читаются у насъ на французской сценѣ.

Les femmes ont raison: la toilette fait tout.
La mienne me parait tout-à-fait de bon gout;
Et je ne sache pas de galant en Padoue
Contre qui je voudrais me troquer, je l'avoue.
Comment diable aujourd'hui travaillent les parents,
Qu'on ne rencontre plus de jolis jeunes gens,
Et que pour des gaillards de certaine encolure
Il faille encore chercher parmi la race mure?

Чтобы не утомлять читателя выписками, приведемъ стихи только изъ одного перваго дѣйствія.

Нашель порядочнаго шута.

(Какой размѣръ въ этомъ стихѣ, къ которому рифма: да?)

Я началъ потому съ тобой браниться *съ платья...*
И что ей (интриганткѣ) удался *чертовскія приманки...*

Вотъ еще стихъ безъ размѣра:

Рѣшился полезнымъ быть на службѣ...
Меня не убѣдитъ вся мудрость *человѣчья...*
Гдѣ умъ хозяина помѣшанъ...
Любовь замѣнитъ-ли мнѣ *братскую* потерю...

Вотъ четыре стиха сряду:

Ты еще дитя, а *ты* молокососъ (*безъ размѣра*)
Забудь-же *ты* и думать о Целинѣ,
И несмотря на то, что *ты* съ ней вмѣстѣ росъ,
Нога твоя не будетъ здѣсь *отнынѣ*,

Горацій говоритъ далѣе:

А я... я просто брошусь *въ море*, —

забывъ географію и то, что Падуа не приморскій городъ и отстоитъ отъ Адриатическаго моря на восемь миль. Целина, утѣшая его, въ свою очередь забываетъ грамматику, говоря:

Намъ должно быть у нихъ въ повиновенъи,

а Горацій отвѣчаетъ на это слѣдующими стихами:

Какъ вырваться бы намъ, не приложу ума,
Изъ неприятнаго ярма.

и далѣе:

Клянусь! и нашему заклатью
Пусть будетъ поцалуи печатью.

Фабриціи объясняется неграмотнѣе нѣжныхъ любовниковъ:

Съ нимъ свидѣтся *мнѣ* будетъ *страхъ* и *радость...*
И время для меня *живетъ* безъ *промежутка...*
Видала ль трубку ты отъ спущенныхъ ракетъ?...
И старость близъ тебя мнѣ *не въ примѣту*.

Онъ говоритъ: *кромѣ* вмѣсто *крОмь*. Конечно, это удареніе есть и у Грибоѣдова, въ его безсмертной комедіи; но подражать великимъ писателямъ надо не въ ихъ недостаткахъ. Къ тому-же, черезъ пять стиховъ, переводчикъ употребляетъ это-же слово съ правильнымъ удареніемъ. Мы замѣтили также, что переводчикъ безъ церемоніи выбрасываетъ и сокращаетъ лучшія мѣста въ пьесѣ, но которыя труднѣе перевести. Вотъ на-примѣръ превосходное описаніе любви стариковъ:

L'amour chez les vieillards a d'étranges racines
Et trouve, comme un lierre aux fentes des ruines.
Dans ces coeurs, ravagés par le tems et les maux,

Cent brèches où pousser ses tenaces rameaux.
 Il se prend au besoin égoïste et morose
 D'espérer pour soi-même encore quelque chose,
 A l'ennui de se voir par d'autres remplacé,
 Au souvenir amer de l'heureux tems passé,
 Au chagrin d'être laid, en un mot à l'envie
 De rebrousser chemin et rentrer dans la vie,
 Voilà par quels crampons l'amour lui tient au coeur,
 Voilà de quels liens j'attaque la vigueur.

Этотъ прекрасный монологъ переданъ четырьмя убогими стихами:

Любовь всегда должна перетянуть вѣсы,
 И въ сердцѣ старика, какъ плющъ между развалинъ,
 Любовь отыщетъ тму лазеекъ и прогалинъ,
 Чтوبъ пропустить насквозь и вѣтви и усы.

Сознаемся, что у насъ не достало духа перечитывать остальные четыре дѣйствія этой передѣлки, но думаемъ, что приведенныхъ намъ выписокъ достаточно, чтобы судить о достоинствѣ этого труда, еще значительно выправленнаго и приглаженнаго въ сравненіи съ тѣмъ, какъ его давали на нашей сценѣ. По-крайней-мѣрѣ, мы не встрѣчали въ печати знаменитой рюмы: *Клоринда* и *дурында*. Мы пробѣжали только лучшія сцены пьесы, и убѣдились, что они нетолько передѣланы, но и искажены, какъ, на примѣръ, знаменитая сцена третьяго дѣйствія Целины съ Клориндой и послѣдняя четвертаго. Пьеса Ожье заслуживала-бы лучшаго и во всякомъ случаѣ болѣе точнаго перевода.

Въ pendant къ этимъ стихамъ помѣщены въ этой-же книгѣ плохіе стихи г. Кресина. Имя это появлялось въ 1847 и 1848 году въ «Литературной Газетѣ». На поэтическомъ поприщѣ г. Кресину повезло не счастливѣе, чѣмъ на прозаическомъ. Стихотвореніе его называется *Тучи*, написано русскимъ размѣромъ á la Кольцовъ (хорей съ дактилемъ, двустопный) напечатано очень разгонисто, куплетами, изъ которыхъ каждый отмѣченъ цифрою. Описывая тучи и громъ г. Кресинъ не-совсѣмъ по-русски восклицаетъ:

2

Въ отдаленій
 О землю дробитъ
 Съ силой страшною
 Перекатный громъ.

Впрочемъ, говоритъ поэтъ:

8

Намъ не страшенъ вашъ
 Пологъ тлгостный,
 Перекатный громъ
 Нипочемъ для насъ.

Какъ покроеся
 Небо тучами,
 Теплый дождичекъ
 Скоро смоетъ ихъ.

Въ послѣднихъ двухъ строкахъ заключается любопытной физической фактъ. *Дождь смываетъ съ неба тучи*, — это открытіе принадлежитъ г. Кресину.

Въ остальныхъ перенумерованныхъ и пересчитанныхъ куплетахъ можно встрѣтить еще много диковинокъ, но мы считаемъ излишнимъ приводить ихъ. Читатель по образчику могутъ судить объ остальномъ.

Объ остальныхъ статьяхъ этихъ двухъ номеровъ «Сына Отечества» также нельзя сказать многого. Однѣ изъ нихъ читаются. Къ такимъ отнесемъ: *Историческія замѣчанія о городѣ Томскѣ*, *Фатима*, ботаническая повѣсть, очень недурной рассказъ; *Колосъ*, рассказъ, недурной по мысли, слабый по изложенію; *Общая основанія системы договоровъ и обязательствъ* А. Лакиера, *Печерскій край*, *Гальанизмъ и его практическія приложенія*. Къ статьямъ нечитающимся отнесемъ, во-первыхъ, весь библиографическій отдѣлъ, рецензій котораго безцвѣтны; потомъ Современную Лѣтопись, составляемую сбивчиво и неинтересно; наконецъ статьи въ Смѣси, подъ названіемъ *Общепольное*, гдѣ толкуется о томъ, какъ откармливать свиней, и *Совѣты* въ такомъ-же родѣ. Не понимаемъ также, для чего печатать комедіи въ родѣ *Прорицателя* и литературныя статьи въ родѣ знакомства съ Измайловымъ изъ, которой читатель ровно ни съ кѣмъ не знакомится и ничего не узнаетъ.

Переходимъ теперь къ товарищу «Сына Отечества» по успѣху и числу подписчиковъ, заставившему «Современникъ» объявить, что подписка на этотъ журналъ прекращается. До-сихъ-поръ, значить, вся разница между «Сыномъ Отечества» и «Современникомъ» состоитъ въ двадцати семи подписчикахъ.

Въ сентябрьской книгѣ этого журнала окончился наконецъ романъ г. Панаева: *Львы въ провинціи*, тянувшійся девять мѣсяцевъ. Несмотря на продолжительность этого девятимѣсячнаго термина, романъ недлинень и могъ явиться вполне на свѣтъ гораздо ранѣе, еслибы авторъ его, вѣроятно, желая доставить читателямъ болѣе удовольствія, не растягивалъ этотъ романъ на большее число мѣсяцевъ, печатая въ мѣсяцъ листа по два. Въ послѣднее время эта система дѣленія романовъ на гомеровскіе приемы господствовала въ «Современникѣ», дробившемъ точно также и романъ г. Писемскаго! Не думаемъ, чтобы это правило

читателямъ. Только одни лица, одаренныя необыкновенною памятью, или неимѣющія обязанности ничего помнить, кромѣ прочитанныхъ ими романовъ, могутъ удержатъ въ памяти, въ-теченіе девяти мѣсяцевъ, всѣ дѣйствующія лица и всѣ событія романа. Мы потому не говорили ни слова о послѣднихъ частяхъ «Проселочныхъ дорогъ», что совершенно перзабыли и перепутали всѣхъ его героевъ и героинь. Романъ г. Панаева гораздо проще и правдоподобнѣе утомительныхъ, невѣроятныхъ похожденій дѣйствующихъ лицъ г. Григоровича, и читается легко. Мы уже рассказывали содержаніе первыхъ частей романа г. Панаева, сошедшагося, по какому то странному случаю, въ идеѣ и содержаніи съ повѣстью г-жи Тальцовой. Въ первыхъ главахъ того и другаго произведенія сходство это было даже поразительно; въ концѣ авторы разошлись: Мы говорили уже о томъ, какъ героиня романа, провинціальная дѣвушка, влюбившись въ великосвѣтскаго льва, бѣжала за нимъ въ Петербургъ изъ своей родной деревни. Въ послѣднихъ книжкахъ «Современника» рассказывается конецъ этой исторіи, который предвидитъ каждый читатель. Графъ перестаетъ любить Катю, если еще когда-нибудь любилъ ее, и она возвращается въ деревню, гдѣ, какъ кажется, умираетъ отъ чахотки. Послѣднія части романа лучше первыхъ, хотя и въ нихъ есть много лишняго, скучнаго. Такъ вся исторія угреватаго поэта и его петербургскихъ похожденій вовсе ненужна для хода романа и весьма неинтересна. Его отецъ, Александръ Ивановичъ, производитъ даже непріятное впечатлѣніе. Когда онъ унижается передъ великосвѣтскимъ львомъ, онъ только жалокъ; но когда въ самый день смерти своего сына (котораго, мимоходомъ сказать, не зачѣмъ было морить) онъ отправляется на обѣдъ къ этому льву, хвастаетъ тамъ безъ пощады, и нѣтъ больше, чѣмъ нужно, — просимъ извиненія у автора за выраженіе, — но тогда этотъ старикъ дѣлается гадокомъ. Скажемъ даже рѣшительно: такихъ людей нѣтъ и не можетъ быть на свѣтѣ, кромѣ загрубѣлыхъ дикарей. Въ этомъ случаѣ, гоняясь за эффектами, авторъ перешелъ за черту правдоподобія. Какъ-бы ни былъ пусть и мелочень человѣкъ, но въ день смерти своего единственнаго сына, двадцати пяти лѣтъ, отецъ не пойдетъ болтать всякій вздоръ и нашиваться за чужимъ столомъ. Тотъ, кто испыталъ сладость чувства быть отцемъ, никогда не повѣритъ возможности подобнаго поступка, который даже не придетъ въ голову никакому отцу. Въ сердцѣ человѣка есть чувства, которыя отзываются почти болѣзненно, если ихъ тронетъ жесткая рука, непривышая разбирать тонкіе оттѣнки этихъ чувствъ.

Но въ чемъ мы должны отдать справедливость г. Панаеву, — это въ его умѣнны изображать лица въ родѣ Лидіи Александровны, Коли,

Вани, Петруши и прочей молодежи средняго круга, львовъ средней руки. Его описанія ужинновъ у Дюссо и вечеровъ у Лидіи Александровны, гдѣ собираются г-жа Дюпонъ, мамзель Эрнестина и другія интересныя дамы, — до того натуральны и вѣрны въ малѣйшихъ подробностяхъ, что кажется только что возвратился изъ подобнаго общества. Только опытное перо могло нарисовать все эти лица и сцены. И непростительно ошибся-бы тотъ читатель, который счелъ-бы графа Елецкаго настоящимъ героемъ «Львовъ въ провинціи». Онъ герой потому, что къ рассказамъ о его похожденияхъ приплетаются все остальные событія, что около него группируются прочія лица, но эти-то лица и дѣлаются главными персонажами романа. Г. Панаевъ не соблюдаетъ въ своемъ произведеніи простыхъ законовъ живописи: все лица у него выдвигаются на первый планъ, и все разрисованы одинаково ярко, — кромѣ одного однакоже, котораго г. Панаевъ обрисовалъ съ особеннымъ искусствомъ, съ привязанностью къ этому лицу, и которому онъ посвятилъ лучшія страницы своего романа. Въ самомъ концѣ его, авторъ оставляетъ свою умирающую героиню и ея приторнаго обожателя, бросаетъ все, чтобы только обратиться къ этому лицу и имъ заключить свой романъ. Мы какъ-будто видимъ передъ собою, послѣ описаній автора, этого Вихляева. Эта страсть къ фанфаронству у выскочки, который тянется за аристократами, и угощаетъ ихъ у Дюссо на деньги другихъ компанейщиковъ, для того только, чтобы сказать: я пилъ вчера съ Митей такимъ-то, а завтра буду кутить съ Мишей; эта манія лжи и хвастовства, доведенная до громадныхъ размѣровъ; эта беззаботность, жертвующая послѣднимъ достояніемъ на предпріятіе шаткое, и потомъ бросающая у Дюссо деньги, добытыя этимъ предпріятіемъ; этотъ натянутый тонъ, который старается быть остроумнымъ и нецеремоннымъ, и дѣлается рѣзкимъ и тривіальнымъ; эта претензія на селадонство и побѣды надъ врагами, вовее незащищающимися, — въ тѣ года, когда неодинокому человѣку пора остепениться. Это моншерство и джентльменство, соединенное съ системою битья по карманамъ и дружескаго зажививанія денегъ, слѣдующихъ пріятелямъ, — все это удивительно вѣрно и мѣтко, и мы посовѣтовали-бы Новому Поэту взять лучше предметомъ своихъ описаній — лице подобное Вихляеву, нежели Пьера Рожье, который невозможенъ и утрированъ до крайности, тогда какъ Вихляевъ такъ вѣренъ дѣйствительности, какъ вѣрно отражается въ зѣркалѣ лицо, стоящее передъ этимъ зеркаломъ, даже безъ желанія отразиться въ немъ.

Кромѣ романа г. Панаева, въ послѣднихъ книгахъ «Современника» напечатаны два разсказа, внушенные очевидно Диккенсомъ и въ особенности послѣднимъ его романомъ и «Давидъ Кошперфильдъ». Авторы

этихъ разсказовъ разсказываютъ отъ своего имени исторію своихъ дѣтскихъ лѣтъ: одному изъ авторовъ четырнадцать лѣтъ, другому, кажется восемь во-время описываемыхъ ими происшествій. Очевидно, что надо много умѣнья и искусства, чтобы заинтересовать читателей исторіею этихъ неинтересныхъ годовъ человѣческаго возраста. Веѣмъ намъ было и восемь и четырнадцать лѣтъ, но не веѣ мы Диккенсы, чтобы описывать эти года. Лучше всего эту истину доказалъ г. Николай М. Его «Исторія Ульяны Терентьевны» удивительно скучна и растянута, тогда какъ въ то же время г-нъ А. Н., авторъ «Исторіи моего дѣтства» вышелъ съ честью изъ этого тяжелаго испытанія, написавъ очень милый и безыскусственный разсказъ, въ которомъ много занимательнаго и любопытнаго.

Есть и такъ называемые стихи въ этихъ книгахъ «Современника»: десятая пѣснь Энеиды въ шершавомъ переводѣ и еще одно стихотвореніе Байрона, переведенное также стихами въ энеидовскомъ родѣ.

«Въ отдѣлѣ наукъ очень хороша статья «Японія и Японцы». Въ критикѣ одна коротенькая рецензія на Областной Словарь и другая, получше и попространнѣе по поводу Этнографической карты Россіи.

Въ отдѣлѣ библіографіи мы встрѣчаемъ постоянно довольно странныя сужденія. Такъ и въ этихъ книгахъ мы нашли первое сужденіе о томъ, что романъ «Плѣнникъ Левенштейнскаго Замка» (въ подлинникѣ *La tulipe poigé*) изъ рукъ вошь плохъ и не могъ быть написанъ Александромъ Дюма, — тогда какъ это одинъ изъ лучшихъ его романовъ. Вторая странность поразила насъ въ разборѣ Стенныхъ Сказокъ г. Данилевскаго. Рецензентъ говоритъ, что г. Данилевскій напрасно пишетъ стихами и что лучшее его произведеніе — сказка въ прозѣ, напечатанная въ «Современникѣ» же. Не говоря уже, что подобная похвала несовѣмъ безпристрастна, мы думаемъ, — и большинство читателей согласится съ нами, — что стихи г. Данилевскаго очень замѣчательны и во всякомъ случаѣ лучше его прозы, чему доказательствомъ можетъ служить именно его сказка, помѣщенная въ «Современникѣ». Эта исторія о дракѣ вѣдьмы съ чортомъ и путешествіи казака на спинѣ вѣдьмы въ Бахчисарай любопытна, пожалуй, какъ народное преданіе, но не болѣе. И потомъ въ описаніяхъ природы у г. Данилевскаго очень много высокаго слога. Звѣзды у него *дрожатъ* и будто *дымятъся*, какъ *свѣчки воздушныя* (похожъ ли свѣтъ звѣзды на свѣчу?) голубая *бездна* небеснаго *купола* волнуется *словно* легкая, необъятная пелена отъ налетѣвшаго *дуновенія благоуханнаго* вѣтра; смолистыми *курениями* *нашетъ* съ корней мшистыхъ дубовъ въ тихой дубравѣ. Подобныхъ выраженій мы могли бы отыскать много въ этой

прозаической сказкѣ, тогда какъ описанія природы въ его стихахъ — лучшія мѣста. Скажемъ кстати, что мы не понимаемъ требованій многихъ изъ нашихъ критиковъ по поводу «Степныхъ Сказокъ». Всѣ наши журналы замѣчали поэту, что онъ неточно передалъ народныя преданія. Но онъ, опозитизировавъ ихъ, нисколько не думалъ выдавать за народныя. Не понимаемъ, отчего вздумалось критикамъ положить границы фантазіи поэта, и требовать, чтобы онъ подстрочно переводилъ имъ сказки, когда это вовсе не было ни его цѣлью, ни его желаніемъ.

Смѣсь «Современника» не вся интересна; мы бы желали также, чтобы статьи объ экспедиціи Франклина были покороче; все, что переведено здѣсь изъ *Revue britannique*, было уже неразъ напечатано во всѣхъ журналахъ «Лондонскіе шарманщики» также уже давно были напечатаны въ «Сѣверной Пчелѣ». Основаніе Берлинской Академіи статья сухая. «Разсказъ моего пріятели» о покражѣ у него денегъ и вещей также невесьма занимателенъ. Къ интереснымъ статьямъ отнесемъ «Поѣздку за Волховъ» господина Ушинскаго и «Паромщикъ» — повѣсть Сувестра. Въ первой въ особенности есть много прекраснаго и дѣльнаго. Мелкія извѣстія и новости неполны и составлены безъ системы, и выбора. Что же касается до хрощики петербургскихъ увеселеній, въ которой, неизвѣстно по какой причинѣ печатался какой-то чувствительный романъ, *Камелія*, то онъ уже не появлялся въ сентябрьской книгѣ и вмѣсто окончанія, Новый Поэтъ сдѣлалъ автору его строгій выговоръ за то, что романъ этотъ никого не интересуеетъ. Совершенно справедливо.

Впрочемъ интересны-ли еще Замѣтки самого Поэта о русской журналистикѣ, — это другой вопросъ, который хотя не такъ трудно разрѣшить, какъ вопросъ Гамлета, но который однакоже можно задать себѣ. Мы даже думаемъ, что Замѣтки эти интересны, только вовсе не по сужденіямъ Новаго Поэта о журналистикѣ, а по манерѣ и тону этихъ замѣтокъ. Фразы Поэта полны любезностей и даже жантильностей, но эти любезности не всегда обличаютъ безукоризненный *bon genre*, и напоминаютъ нѣкоторыя любимыя лица повѣстей одного изъ издателей «Современника». Конечно, природу выгонять въ окно напрасно, но все-таки мы думаемъ, что скромность въ сужденіяхъ была бы иногда лишняя, и что рѣзкость приговора не всегда доказываетъ его справедливость. Не мѣшало бы Новому Поэту быть послѣдовательнѣе въ своихъ сужденіяхъ. Такъ въ одной изъ послѣднихъ книгъ онъ хвалитъ пьесу графини Раѣстопчиной «Домашнее Уложеніе», тогда какъ въ прежнихъ номерахъ «Современника» отзывается о другомъ произведеніи графини: «Счастливая женщина» такимъ тономъ, что мы замѣтили ему о необ-

ходимости быть поспешительнѣе къ писательницѣ съ такимъ дарованіемъ,—и не выражаться объ ней такъ рѣшительно. Новый Поэтъ не можетъ даже въ этомъ случаѣ прибѣгнуть къ извѣстному отвѣту: одно произведеніе хорошо,—и мы его похвалили; другое дурно,—и мы смѣялись надъ нимъ. Нѣтъ, кого сравниваютъ съ господиномъ переводчикомъ Фауста, въ томъ не признаютъ дарованія.

За то въ своей критикѣ Новый поэтъ находитъ случай сказать, что онъ въ 1845 году былъ въ Парижѣ и видѣлъ Макреда въ шекспировскихъ драмахъ, что онъ живетъ въ своемъ швейцарскомъ домикѣ, окруженномъ цвѣтами, на берегу моря, и ѣздитъ верхомъ. Все это очень пріятно, но какое до этого дѣло читателямъ? Чтò общаго между анекдотами о графѣ д'Орсе и русской журналистикой? Неужели, выписать двѣ страницы плохихъ стиховъ и четыре хорошей прозы изъ «Москвитянина» значитъ разобрать этотъ журналъ? Подобныхъ вопросовъ мы могли бы много сдѣлать Новому Поэту, но онъ конечно не будетъ отвѣчать на нихъ, потому—что отвѣчать гораздо труднѣе, нежели произносить бездоказательные приговоры. Странно также что въ сентябрьской книжкѣ Новый Поэтъ, самъ смѣявшійся надъ фельетонистами, которые, за неимѣніемъ матеріаловъ, вводятъ въ свои статьи дялюшекъ и пріятелей, сообщающихъ новости,—вдругъ помѣщаетъ отрывки изъ дневника, писаннаго однимъ знакомымъ.

Новый Поэтъ недоволенъ повѣстью В. Крестовскаго: «Дневникъ Сельскаго Учителя», и находитъ, что повѣсть эта, «какъ первый литературный опытъ можетъ обратить на себя вниманіе, но не болѣе какъ опытъ» (Какой же опытъ, когда это уже третья повѣсть автора въ «Отечественныхъ Запискахъ»). Онъ находитъ бѣднымъ содержаніе повѣсти, и рассказываетъ его нѣсколько съ юмористической точки. Расскажемъ и мы, съ своей стороны, это содержаніе, чтобы читатели видѣли, чтò можно извлечь изъ него.

Сельскій учитель знакомится съ семьей владѣльцевъ одной деревни. Семья эта состоитъ изъ матери, двухъ дочерей и пасынка, Ардабьева, большаго, эгоистическаго и лѣниваго существа, типа очень многихъ современныхъ молодыхъ людей. Въ этой семьѣ гоститъ еще одна молодая дѣвушка, Софья Николаевна. Бѣдный учитель влюбляется въ нее; она также любитъ его, хотя и не даетъ ему этого замѣтить. Къ несчастью, въ любовь ихъ вмѣшивается Ардабьевъ, котораго учитель тоже полюбилъ и считаетъ своимъ другомъ. Другъ этотъ, видя, что всѣ ухаживанья его за молодой дѣвушкой напрасны, что она не хочетъ и не можетъ отвѣчать ему, заставляетъ ее сначала признаться, что она любитъ учителя, а потомъ начинаетъ вымѣщать на немъ свою неудачу

въ любви, мучить ее и преслѣдовать до того, что дѣвушка должна бѣжать изъ этого дома. Учитель видитъ, знаетъ все это и прощаетъ Ардабьеву, который такъ не по-рыцарски поступилъ съ своимъ другомъ! Еслибъ «Отечественныя Записки» и не объявили, что Крестовскій — псевдонимъ одной дамы — писательницы, — одна эта черта ясно обнаружилась бы намъ поль автора. Только мягкое женское сердце можетъ простить и забыть подобныя оскорбленія. Учитель самъ случайно былъ свидѣтелемъ сцены между Софьей Николаевной и Ардабьевымъ, который унижалъ и бранилъ своего пріятеля въ разговорѣ съ дѣвушкой. Сознаемся, что мы не понимаемъ возможности такого глубокаго великодушія и самоотверженія. Намъ скажутъ: есть такіе характеры. Соглашаемся съ этимъ, но все-таки — создать такой характеръ и развить его можетъ только женщина-писательница. Только она можетъ придать своего рода грацію и интересъ характеру Ардабьева, такъ что не оправдывая его поступка, въ тоже время извиняешь его и съ участіемъ слѣдишь за нитью разсказа. Повѣсть оканчивается смертью чахоточнаго Ардабьева, передъ кончиной примирившася съ мачихой, — и отъѣздомъ сельскаго учителя въ городъ.

Мы передали въ блѣдныхъ, сухихъ чертахъ содержаніе этого разсказа, но думаемъ, что читатели, незнакомые съ нимъ, увидятъ, какъ много можно извлечь изъ подобнаго положенія, какъ оно занимательно. Новый Поэтъ находитъ напротивъ, что это очень скучно, что лицо сельскаго учителя неинтересно. При этомъ онъ съ важностью указываетъ на изслѣдованія внутреннихъ движеній такихъ героевъ, какъ Оберманъ и Рене. Для Новаго Поэта — учитель очень ничтоженъ; это не левъ; какое дѣло до его впечатлѣній и мыслей; Поэту нужны котурны и тоги. Странный взглядъ на искусство! Къ тому же, мы сомнѣваемся, чтобы Новый Поэтъ прилежно читалъ Сенанкура и Шатобріана; если перваго еще можно одолѣть безъ скуки, то Рене, говорящій напыщенно-цвѣтистымъ языкомъ, совершенно устарѣлъ для нашего времени, да и въ свое пользовался незаслуженною славою.

Стихи г-жи Хвоцинской нравятся Новому Поэту; сначала онъ находитъ ихъ милыми и граціозными, но потомъ, приведя одно стихотвореніе, и раздумавъ, вѣроятно, что былъ уже слишкомъ снисходителенъ, говоритъ просто, что стихи недурны, но что нехороши рѣзмы. Увлекаясь пуризмомъ, онъ подчеркиваетъ даже такія рѣзмы, которыя вовсе не бѣдны, какъ напримѣръ: *въначальнымъ* и *печальномъ*, *мило*, *носила*, и др. Сверхъ-того Новый Поэтъ недоволенъ тѣмъ, что о г-жѣ Хвоцинской отозвались съ большою похвалою почти всѣ русскіе журналы и газеты. Такія сужденія тѣмъ болѣе удивили насъ, что Новый

Поэтъ самъ все-таки тоже поэтъ, хотя и соединяетъ съ этимъ званіемъ прозаическую обязанность рецензента. Поэтическое чувство сплыве, чѣмъ у другаго, должно быть развито въ Новомъ Поэтѣ, и мы жалѣемъ, что онъ не знаетъ многихъ стихотвореній г-жи Хвоцинской, являвшихся въ печати въ «Литературный Газетъ» 1847 и 1848 годовъ. Конечно, и въ этихъ стихотвореніяхъ есть много неяснаго и туманнаго, — въ чемъ вообще обвиняетъ ее Новый Поэтъ; — но женщинѣ, по самому положенію въ обществѣ, труднѣе всего печатать стихотворенія субъективныя, интимныя, если можно такъ выразиться. Тонкое, чисто женственное чувство не позволить ей высказать своихъ задушевныхъ думъ и мечтаній, и тѣмъ невозможнѣе выраженіе этихъ думъ если онѣ не заключены въ одномъ тѣсномъ кругу семейной жизни, а живутъ общечеловѣческими интересами, стремятся выдти изъ ограниченной сферы домашняго очага, сочувствуютъ всему, что волнуетъ надеждой, печалить или радуется міръ. А у г-жи Хвоцинской глубина ея идей равна глубинѣ чувствъ. Она любитъ природу менѣе, нежели людей, прошедшее менѣе, нежели будущее.

Чтобы убѣдить Новаго Поэта въ разнообразіи дарованія г-жи Хвоцинской, приведемъ еще одно ея стихотвореніе, забытое и прошедшее, можетъ-быть, даже незамѣченнымъ въ «Литературной Газетѣ». Предупреждаемъ однакоже строгаго критика, что и въ этомъ стихотвореніи дѣло идетъ объ учителѣ, лицѣ, которое Новый Поэтъ считаетъ недостойнымъ описаніи.

Толпою пестрою, шумящей окруженный,
Молился тихо онъ предъ древнею иконой
Учитель старый мой, — и въ Божьемъ храмѣ онъ
Бъ азалея глубже всѣхъ въ молитву погруженъ.

Я помню: тихо мы въ послѣдній классъ разстались.
И много лѣтъ прошло: мы съ нимъ не повстрѣчались;
И еслибъ вспомнилъ онъ о тѣхъ прошедшихъ дняхъ,
То даже, можетъ-быть, не вспомнилъ бы меня.
А я... мнѣ памятенъ его движенія, рѣчи,
Его согнутый станъ, его худыя плечи,
Сюртукъ поношенный, — и даже звуки словъ,
Когда онъ толковалъ народовъ и вѣковъ
Дѣла минувшія. Мнѣ памятно желанье
Его смиренное: внушить любовь познанья
Намъ дѣтямъ вѣтраннымъ... Смѣялись мы тогда,
Его познаніямъ, младенчески-святымъ,
Рѣчамъ восторженнымъ о томъ, что насъ ужъ болѣ
Не трогало, — и намъ мечталось, знанья доля

Свѣтлѣй, обширнѣе, полнѣй и лучше... онъ,
Учитель старый нашъ казался намъ смѣшенъ.

И вотъ мы встрѣтились. Молясь спокойно Богу,
Онъ въ храмѣ, въ тѣсотѣ, мнѣ мѣсто и дорогу
Какъ въ жизненномъ пути смиренно уступилъ,
Съдую голову къ сырмъ плитамъ склонилъ,
Щепча невнятную молитву. И невольно
Вдругъ стало на сердцѣ мнѣ тяжело и больно,
И страшно стало мнѣ до старости дожить,
И силы не было съ его молитвой слить
Свою мольбу... Въ глазахъ невольно замелькали
Года ученія, года етрастей, печали,
Сомнѣнья гордаго, познанья безъ плода,
Что вызываетъ намъ въ лицо лишь жаръ стыда
Передъ самимъ собой... И сердце сильно билось,
Душа рвалась назадъ, въ прошедшее, молилась,
Чтобъ ей судьба дала всю снова пережить
Отъ колыбели жизнь, и чисто сохранить,
Средь труднаго пути познанія земнаго,
Одежду бѣлую младенчества святаго...

Новости литературы въ журналовъ. — Новая книга, очень похожая на одну старую. Копія съ оригиналовъ, или старые знакомцы подъ новыми именами.

Слѣдя за всѣмъ, что дѣется въ журналахъ нашихъ, что заключаютъ они въ себѣ замѣчательнаго и мало замѣтнаго, хорошаго и слабаго, «Петербургскій Вѣстникъ» Пантеона представляетъ, такимъ образомъ, отчетъ о движеніи почти всей современной литературы русской, которая, въ послѣднее пятнадцатилѣтіе, главнѣйше въ нихъ сосредоточивается. Большая часть литераторовъ нашихъ трудится въ журналахъ. За исключеніемъ учебниковъ или сочиненій специальныхъ, книга, отдѣльно изданная, по части, такъ-называемой, изящной словесности, составляетъ явленіе довольно рѣдкое. А если и показывается порою собраніе какихъ-нибудь повѣстей, или два, три тома романа, то это большей частію перепечатка изъ тѣхъ-же журналовъ. Такъ, въ нынѣшнемъ году, между-прочимъ, изданы отдѣльно два интересные романа, съ которыми, для полноты представляемаго нами литературнаго обзорѣнія, почитаемъ долгомъ познакомить нашихъ читателей.

Одинъ изъ этихъ романовъ, «Тамаринъ», г-на М. Авдѣева, уже не новость, по-крайней-мѣрѣ, въ отношеніи къ подписчикамъ «Современника», гдѣ въ 1849—51 г. помѣщенъ онъ былъ въ видѣ трехъ по-

вѣстей, связанныхъ между собою послѣдовательностью содержанія и именами дѣйствующихъ лицъ. Одна повѣсть называлась «Варинька», другая — «Записки Тамарина», третья — «Ивановъ». Такое подраздѣленіе сохранилось и при отдѣльномъ изданіи сочиненія, съ прибавленіемъ четырехъ новыхъ страничекъ въ концѣ и достаточнаго количества опечатокъ въ началѣ, срединѣ и концѣ книги.

Происхожденіе «Тамарина» не самобытное. Романъ г. Авдѣева одолженъ существованіемъ своимъ другому творенію, слишкомъ у насъ извѣстному. Не будь «Героя нашего времени», Лермонтова, не было-бы и «Тамарина». Покойный Печоринъ, какъ извѣстно, въ бракъ не вступавшій и, слѣдственно, не разсчитывавшій на потомство, конечно, не ожидалъ, что скоро будетъ имѣть преданнаго преемника, который старательно скопируетъ всѣ манеры и приемы оригинальнаго родителя. Но произведенію, столь превосходному, тѣмъ или другимъ способомъ возможно ли не перейти къ потомству, не оставить близкихъ отголосковъ или послушнаго эха.

Еще при первоначальномъ появленіи «Вариньки» и «Записокъ Тамарина» въ «Современникѣ», и читатели и критики крайне удивлены были чрезвычайнымъ сходствомъ этихъ повѣстей съ повѣстями, составляющими книгу Лермонтова. Тѣ-же приемы разсказа, тоже расположеніе повѣствованія, тѣ-же характеры, наконецъ, даже почти то-же содержаніе, которое расходится только во внѣшности подробностей. Не угодно-ли прислушаться?

Первую повѣсть, «Вариньку», разсказываетъ, отъ лица своего, Иванъ Васильичъ, сосѣдъ ея, добрякъ помѣщикъ, честный, простодушный человѣкъ — копія съ «Максима Максимыча» Лермонтова, далеко, однакожь, неравняющаяся подлиннику въ художественности....

Дѣйствіе происходитъ въ сороковыхъ годахъ. Варинькѣ Домашневой восемнадцать лѣтъ. Она дочь секундъ-маіора (вы не изумляйтесь, что такъ *молоды* дѣти секундъ-маіоровъ, существовавшихъ за *полвѣка* отъ нашей эпохи), и живетъ съ матерью своею, старушкой Маврой Савишной, въ сельцѣ «Неразлучномъ»....

Домашневы, Неразлучное? Не правда-ли, это напоминаетъ нѣсколько старинныя *Пріютово*, *Покоево*, старинныхъ гг. Честоновъ Добросердовъ? Но что нужды — пусть старое смѣшивается съ новымъ.

Варинька, разумѣется, хороша собою, какъ надлежитъ быть героинѣ романа. Въ современной литературѣ, хотя иногда и являются львами повѣстей господа «Ивановы», но еще не дошло до того, чтобы героинь романовъ изображали косыми, кривобокими, хромыми или съ «щедринами» на лицѣ....

Въ Вариньку влюбленъ молодой сосѣдъ, Володя Имшинъ, долженствующій разыгрывать въ романѣ роль Грушницкаго. Но надобно отдать справедливость автору, на Грушницкаго Володя непохожъ: онъ тихъ, кротокъ, покоренъ, немного простоватъ, не ученъ, не начитанъ, зато чрезвычайно добросердечный и прехорошенькій юноша.

На бѣду Вариньки, и въ особенности Имшина, въ сосѣдствѣ, въ сельцѣ Рыбномъ, поселяется столичный франтъ, и такой умница-разумница, что страхъ! Все видѣлъ, все знаетъ, все испыталъ, все ему наскучило, все онъ разлюбилъ: любить только *шато д'икемъ* за обѣдомъ, папирсы послѣ обѣда, и чистыя, дѣвственные сердца на досугѣ. А досуга у него бездна: онъ занятъ только собственной персоною. Единственная его профессія — влюблять въ себя избранныхъ красавицъ, влюблять безъ всякаго, впрочемъ, злаго или предосудительнаго намѣренія, — а такъ, отъ скуки, и потомъ бросать ихъ, со скуки, когда онѣ теряютъ спокойствіе и счастье. Это г. Тамаринъ называетъ «моральнымъ обладаніемъ».

Вотъ портретъ Тамарина, начертанный рукою Ивана Васильича: «Сергѣй Петровичъ былъ средняго роста, тонокъ и *чрезвычайно* строенъ; ноги и руки крошечныя, но мускулистыя; черты лица правильныя, умныя и *чрезвычайно* спокойныя; волосы свѣтлыя, мягкіе, шелковистые; глаза большіе, каріе, прекрасныя глаза, но странныя. Обыкновенно они, какъ и все лицо его, были очень холодны и покойны; но, казалось, въ глубинѣ ихъ таилась какая-то особенная сила. Если онъ одушевлялся, что впрочемъ бывало довольно рѣдко, то они начинали свѣтиться болѣе и болѣе. Тогда въ нихъ однихъ проявлялось столько воли, твердой и непреклонной, такая сила характера, какую (то есть какой) мнѣ никогда не случалось видѣть въ самыхъ рѣзкихъ и выразительныхъ фізіономіяхъ, а въ немъ и подозрѣвать было нельзя. Вообще онъ былъ недуренъ собой, повидимому довольно слабый, блѣдный, очень граціозный, но *медленный въ движеніяхъ* и какъ-будто усталый.» — «Но что всего замѣчательнѣе въ немъ» — повторяетъ Иванъ Васильичъ въ другомъ мѣстѣ — «это граціозная медленность его движеній», какъ-будто онъ усталъ отъ какой-то внутренней борьбы, какъ-будто ему *лень* жить на свѣтѣ». Если вы наконецъ узнаете, что Тамаринъ «закидывалъ, по-обыкновенію, назадъ свою голову», называлъ любимую свою лошадь Джальмой, а корову — m-Ne Кардовиль, что появленію его въ провинціи предшествовала репутація «демона», то получите нѣкоторое понятіе объ эгой граціозно-медленной и лѣнивой личности.

Наслышавшись о Тамаринѣ разныхъ заманчивыхъ диковинокъ, Варинька проситъ Ивана Васильича ввести его къ нимъ въ домъ. Иванъ

Васильичъ, скрѣпя сердце, не предвидя добра отъ этого знакомства, исполняетъ желаніе хорошенькой сосѣдки. Фатъ блистательно показывается въ Неразлучномъ, и начинается потѣха — потѣха для Тамарина, нравственное истязаніе для бѣдной деревенской дѣвочки.

— У нея, кажется, *экзальтированная* головка, которую можно вскружить въ недѣлю, — говоритъ Тамаринъ пріятельницѣ своей, баронессѣ Б., ревнующей его къ Варинкѣ.

— Фатъ! ты это можешь, я тебя знаю, отвѣчаетъ баронесса.

— Къ чему? сказалъ онъ.

— Да хоть къ тому, чтобъ *заставитъ страдать по себѣ*.

Варинька случайно подслушиваетъ этотъ разговоръ, выходитъ изъ себя, и пишетъ къ подругѣ: «Я деревенская дѣвочка, съ экзальтированной головкой, которую можно вскружить въ недѣлю! я, которая двѣ зимы не знала, что дѣлать съ поклонниками, и ни одного изъ нихъ не любила! Не слишкомъ-ли много вы берете на себя, мн. Тамаринъ? Посмотримъ, кто кому вскружить голову: деревенская-ли дѣвочка *побѣдоносному демону*, или онъ ей?»

Несмотря на эту храбрую выходку, Варинька скоро пасуетъ передъ «побѣдоноснымъ демономъ», покорно опускаетъ флагъ, и спустя нѣкоторое время, иначе уже выражается въ новомъ посланіи къ той-же городской подругѣ, Надинкѣ: «Какую странную игру затѣяла я, мой добрый другъ! въ какой неравный бой вступила я, какъ много понадѣялась на свои дѣтскія силы!... Нѣтъ, Надинька, не знаешь ты этого человѣка. Мое маленькое кокетство, деревенская жизнь, а болѣе желаніе поближе взглянуть на этотъ *загадочный* (?) характеръ — сблизили меня съ нимъ (.) и я лично узнала его, хотя почти совсѣмъ его не знаю! Такъ онъ разнообразенъ, такъ новъ, такъ *великъ!*»

И вотъ, глупенькая дѣвочка совершенно сходитъ съ ума отъ этого *великаго* человѣка, а онъ себѣ, что называется, въ кулакъ посмѣивается, не безъ удовольствія, впрочемъ, проводя цѣлые дни съ привлекательною сосѣдкою, то, сидя у ногъ ея, на шитой подушкѣ, то уединенно блуждая съ нею въ тѣнистыхъ аллеяхъ сада, и толкуя ей довольно-отвлеченныя вещи. Варинька, въ свою очередь, ревнуетъ Тамарина къ баронессѣ, а онъ возражаетъ: «Ея любовь не изъ тѣхъ, которыя возбуждаютъ взаимность. Можетъ-быть, я слишкомъ самолюбивъ, но я не люблю, когда это чувство уже достается поношеннымъ. Женская любовь должна быть чиста и невинна; она *только* имѣетъ высокую цѣну разъ въ жизни (*только* здѣсь не на мѣстѣ: оно должно быть передъ словомъ *разъ*) — въ первый разъ! отъ того мнѣ и грустно, что я не испыталъ этой любви.»

— А независимость, которую вы такъ любите? спрашиваетъ Варинька, полувывыказывая желаніе, чтобы Тамаринъ скорѣе сдѣлалъ ей предложеніе. Если за эту любовь придется заплатить своей независимостью?

«Что это за любовь, которую покупаютъ?» отвѣчаетъ Тамаринъ, прибѣгая къ лукавому обороту ложной мысли. — «Развѣ можно купить истинную любовь, и развѣ можетъ существовать любовь, когда есть обязанность любить? Подобная любовь приходитъ сама по себѣ, не разсуждая, кончится-ли она, какъ въ нравственныхъ повѣстяхъ, законнымъ бракомъ, не будетъ-ли предосудительна въ глазахъ свѣта», и прочее, въ томъ-же родѣ (зри стран. 38—40 первой части).

Всякая порядочная дѣвушка, обладающая здравымъ смысломъ и правилами, выслушавъ такія нелѣпыя объясненія, непременно прогнала-бы Тамарина, то-есть, попросила-бы маменьку отказать ему отъ дому: но у Вариньки экзальтированная головка, и простенькая провинціалочка, вмѣсто того, чтобы одуматься, слушаетъ да заслушивается Тамарина, хотя онъ даже намекаетъ ей, что вовсе не намѣренъ на ней жениться, и съ откровенностью, довольно еще благородною, объявляетъ Варинькѣ, что подобные ему люди не могутъ составить счастья женщины и не годятся для семейной жизни.

«Дверь въ садъ была отворена, но огонь не дрожалъ на свѣчкахъ: такъ покоенъ былъ воздухъ. Тамаринъ сидѣлъ и думалъ. О чемъ онъ думалъ, Богъ вѣдаетъ: это лицо такъ привыкло не выдавать тайныхъ думъ, что и наединѣ, какъ въ гостиной, оно было, по-привычкѣ, холодно, спокойно и безмолвно. Только въ большихъ темныхъ глазахъ было выраженіе. Это не было выраженіе мелочнаго самодовольства, удовлетвореннаго самолюбія. Нѣтъ, въ нихъ было гордое выраженіе человѣка, сознаващаго собственную силу.... Свѣтло и гордо смотрѣли эти темные глаза, и странно было ихъ выраженіе, полное жизни, на холодномъ, спокойномъ лицѣ, въ пустой, полуосвѣщенной комнатѣ.» (Стран. 43 той-же части.)

Читатель невольно останавливается вопросомъ, какъ могъ все это подсмотреть и разузнать почтенный рассказчикъ — Иванъ Васильчъ, когда Тамаринъ сидѣлъ одинъ-одинѣшенекъ въ пустой, да еще и въ полутемной комнатѣ? Но Иванъ Васильчъ не боится неправдоподобія, и считаетъ излишнимъ доводить до свѣдѣнія читателей, какимъ-образомъ все, до мельчайшихъ подробностей, сдѣлалось ему извѣстно въ отношеніяхъ Тамарина, Вариньки, баронессы.... какъ, между-прочимъ, достались ему въ руки письма послѣдней, которыхъ Тамаринъ, еще, по роману, не умершій, конечно, не выпускалъ изъ своихъ рукъ. Иванъ Василь-

ичь! позвольте вамъ замѣтить, что всякая сказка тогда лишь дорого цѣнится, когда авторъ позаботился усыпить довѣренность читателя, и увлечь его всеѣмъ обаяніемъ *естественности* разсказа.

И вотъ, среди ночнаго уединенія Тамарина, къ нему, изъ сада, сверхъ-всякаго ожиданія, является баронесса... пѣшечкомъ, повидимому, перешагнувшая разстояніе, отдѣляющее Рыбное отъ Лункина, ея усадьбы. Тамаринъ немного удивленъ и озадаченъ, какъ и читатель, особенно, когда баронесса, желающая разъединить своего возлюбленнаго съ Варинькой, начинаетъ нести дичь, въ крошечномъ отрывкѣ здѣсь приводимую: «Что тебѣ ея любви? Развѣ она можетъ любить тебя, какъ я? развѣ у нея на это достанетъ силъ? Вѣдь твоя любовь тяжела: ее не всякая выдержитъ! И *потомъ* она не выстрадала права на эту любовь; она не пойметъ, какъ надо любить тебя... И *потомъ*, знаешь-ли, мнѣ жаль ее. Подумай, что съ ней будетъ!... Я знаю; ты благороденъ, ты не употребишь во зло ея довѣренность... Но есть жертвы болѣе матеріальной жертвы, которую можетъ принести дѣвушка: жертва спокойствіемъ жизни, волей, отреченіемъ отъ всего, что не ты... и это ждетъ ее. Развѣ тебѣ мало одной меня?» (Стран. 49—50.)

«Было уже поздно, такъ поздно, что становилось рано, когда Тамаринъ, *подъ* руку съ баронессой, спускались *подъ* гору по аллеѣ; онъ пошелъ проводить ее до дому». (Стр. 50.)

Опять таки спрашивается, какъ могъ подсмотрѣть и провѣдать это волшебникъ Иванъ Васильчъ? Сколько извѣстно по роману, Тамаринъ и баронесса никому не разсказывали о своихъ бесѣдахъ и странствованіяхъ...

Провѣдалъ только, на другой день, злополучный баронъ, слѣдствіемъ чего было огромное и престранное письмо супруги его къ Тамарину. Въ письмѣ этомъ баронесса подробно разсказываетъ Тамарину то, что онъ очень хорошо знаетъ, а именно свои отношенія къ нему, свою связь съ нимъ... «Мой добрый другъ, мой злой демонъ!» восклицаетъ она, припомная, какъ она безгранично его любила, ему «отдалась вся, вся», потому-что онъ, будто бы, «головой былъ выше всѣхъ», что, однакожь, по точному выраженію баронессы, не помѣшало ей однажды «*промѣнять*» Тамарина на другаго поклонника. (Стр. 70 — 71.)

Все противно-страстное письмо баронессы оправдывается только благою цѣлью автора, желавшаго, по смыслу предисловія къ роману, показать всю жалкую ложность Тамарина и другихъ лицъ, взятыхъ изъ «Героя нашего времени». Непріятно было и у Лермонтова лицо Вѣры: еще неприятели вышли оно въ повтореніи пародирующаго автора! Характеръ и письма баронессы могутъ служить урокомъ для легкомысленныхъ женщинъ.

Отдѣлавшись отъ баронессы, увезенной куда-то мужемъ, Тамаринъ начинаетъ ближе поддѣлываться къ Варинькѣ, безъ всякой опредѣленной цѣли. Онъ то мечтателенъ, то мраченъ — но «*встряхнулъ свѣтлыми кудрями*, и какъ-будто этимъ движеніемъ сбросилъ темную думу» (стр. 57), и становится веселъ, увлекателенъ. Наконецъ, несмотря на всѣ противорѣчія, молодые люди дружатся. Тамаринъ даритъ Варинькѣ Джальму, и они вмѣстѣ ѣздятъ верхомъ, что крѣпко не правится благоразумному Ивану Васильичу. Любя Вариньку, какъ дочь, и боясь за нее, онъ страшится развязки.

Напрасный страхъ! Въ головѣ Тамарина нѣтъ никакой развязки, хотя сердце его, какъ самъ онъ говоритъ, очень *привязчиво*. Случайность управляетъ дѣйствіями несчастнаго фата. Къ нему пріѣзжаетъ столичный гость, князь Островскій. Послѣ роскошнаго обѣда, они продолжаютъ попивать, курятъ, и болтаютъ разный вздоръ. «Легкою и острою» кажется бесѣда ихъ Ивану Васильичу, который тутъ же присутствуетъ и, для удобнѣйшаго изученія обоихъ, притворяется спящимъ. Простую душу его уязвляютъ ихъ «легкія и острыя» воззрѣнія на жизнь съ ея наслажденіями. Свѣтскую свою теорію Тамаринъ приводитъ къ слѣдующему выводу: «о мужчинахъ я не хлопочу — для нихъ и безъ меня многое есть на свѣтѣ. Я выбралъ нѣсколько хорошенькихъ женщинъ и посвятилъ себя имъ. И я твердо убѣжденъ, что это было мое назначеніе, что онѣ для меня только были и созданы, потому что я не могу себѣ представить, чтобы безъ меня стали эти женщины дѣлать на свѣтѣ: я думаю, не будь меня, и ихъ бы не было». (Стр. 105 — 106.) Первообразъ Тамарина, покойный Печоринъ, никогда не рассуждалъ такимъ образомъ. Вы видите, что Тамаринъ — слишкомъ уменьшенная тѣнь Печорина. Того хотѣлъ авторъ (см. предисловіе), и нельзя не сознаться, что онъ совершенно успѣлъ въ своемъ намѣреніи.

Что касается Островскаго и его сужденія о жизни, свѣтѣ и обязанностяхъ, — оно еще ничтожнѣе, досаднѣе Тамаринскаго. Мнѣніе свое объ Островскомъ Иванъ Васильичъ весьма удачно выразилъ четырьмя словами: «онъ былъ мнѣ противенъ» (стр. 112). Этотъ противный Островскій «легко и остро» шутить надо всѣмъ, а пуще всего надъ самимъ-собою. Онъ находитъ, что Тамаринъ начинаетъ осваиваться съ деревенскимъ бытомъ, нѣсколько толстѣтъ, отъ чего одинъ шагъ до женитьбы на хорошенькой сосѣдкѣ, — и при этомъ оригинальными красками рисуетъ картину семейнаго счастья. Тамаринъ до того ее пугается, что по первому вызову столичнаго пріятеля согласился ѣхать съ нимъ скорѣе въ губернской городъ — на другой же день уѣзжаетъ,

не простившись съ Домашневыми, у которыхъ бывалъ почти ежедневно, и которые принимали его какъ роднаго...

Что же Варинька? Одумалась ли она наконецъ, поняла-ли Тамарина? Какъ бы не такъ! Лишь выпалъ снѣжокъ, установился санный путь, и она, съ своей старушкой-маменькой, въ тотъ же губернский городъ, слѣдомъ за Тамиринымъ! Иванъ Васильчъ, разумѣется, на проводахъ. Завтракъ передъ отъѣздомъ. «Въ залѣ на столѣ было наставлено, *наварено и напечено* (въ залѣ?) столько, что и десятокъ плѣнныхъ французовъ былъ бы сытъ». Ивану Васильчу «кусокъ въ горло не шелъ», и Варинька, отъ любви, въ нетерпѣннѣ свидѣтся съ Тамиринымъ, совсѣмъ лишилась апетита: «она взяла яйцо въ смятку, разбила его и занималась имъ во все время завтрака» (стр. 134). Усѣлись въ повозку, «лакей взмогилъ на козлы, кучеръ подобралъ возжи, и только хотѣлъ тронуть, какъ въ ворота, весь въ пѣнѣ, влетѣлъ иноходецъ, и Володя Имшинъ впопыхахъ выскочилъ изъ саней». Но Мавра Савишна и Варинька сухо прощаются съ добрымъ мальчикомъ, выговариваютъ ему, что онъ «опоздалъ»: у маменьки и у дочки засѣлъ въ головѣ Тамиринъ. Тѣмъ кончается повѣсть Ивана Васильча.

Дальнѣйшее повѣствованіе идетъ уже отъ лица самого героя новѣйшаго времени, Сергѣя Петровича Тамарина, открываясь объявленіемъ, что онъ «началъ скучать съ-тѣхъ-поръ, какъ въ первый разъ чихнулъ при рожденіи». И не разъ распространяется онъ о своей «насмѣшливо-скучающей натурѣ», хвалится своимъ, будто-бы, «желчнымъ» сарказмомъ; эпитаграммы свои считаетъ онъ «меткими и острыми», а «комплименты свѣжими и ловкими». Ему чудится, что «дамы и дѣвицы говорятъ о немъ: *il est charmant*», и не палюбуется онъ своею театральною личностью, въ которой силится соединить Чайльд-Гарольда, Донъ-Жуана, Онѣгина и Печорина, не примѣчая, какъ микроскопически умяются въ его особѣ размѣры этихъ фигуръ, и какая изъ подражанія имъ выходитъ карикатура. Надобно еще послушать разговоры Тамарина съ пріятелемъ его, скептикомъ Федоромъ Федорычемъ — двойникомъ Лермонтовскаго доктора Вернера. Вообще въ романѣ, и особенно въ лицѣ Федора Федорыча, авторъ показалъ замѣчательную способность пародировать: Федора Федорыча рѣшительно нельзя отличить отъ доктора Вернера. Это, вѣроятно, замѣчено всѣми читателями...

Едва Домашневы успѣли пріѣхать въ губернский городъ, какъ уже засылаютъ къ Сергѣю Петровичу, освѣдомиться о его здоровьѣ, и Сергѣй Петровичъ немедленно къ нимъ отправляется, чтобы загладить невѣжливость свою передъ отъѣздомъ изъ деревни, когда онъ почелъ из-

лишнимъ откланяться имъ. Великодушная Варинька, при первомъ же свиданіи, прощаетъ ему эту обидную невнимательность. Настаетъ полное примиреніе, и ослѣпленная дѣвушка снова предается своимъ обманчивымъ мечтамъ. Но Тамаринъ «скоро пережилъ весь маленькій репертуаръ наслажденій дѣвственной любви: условныя встрѣчи, рукопожатія, тихое *ты*, сказанное при сотнѣ глазъ, въ отвѣтъ на почтительный поклонъ, и изрѣдка безгрѣшный поцѣлуй, сорванный полунасильно, полусвободно съ дѣвственныхъ устъ, трепещущихъ, *чтобы* не подмѣтилъ его чей-нибудь нескромный взглядъ» (стр. 176). Тамаринъ, то, въ свою очередь, увлекается Варинькой, то, по временамъ, она ему надоѣдаетъ, и онъ всячески ее терзаетъ. Мало-по-малу, однакожь, Варинька начинаетъ прозрѣвать, видя, что Сергій Петровичъ и не думаетъ о женитьбѣ. Состоя подъ сильнымъ вліяніемъ и руководствомъ подруги своей, Надиньки, которая терпѣть не можетъ Тамарина, m-me Домашнева перѣдко и сама надуваетъ свои розовенькія губки, дѣлаетъ ему маленькія сцены. Вотъ между ними почти разрывъ. Новый Печоринъ направляетъ атаку въ другую сторону, пускается ухаживать за премиленькою дамочкою, «Маріонъ», характеръ и портретъ которой приносятъ честь перу автора, повидимому утомленному рабскимъ подражаніемъ и вздумавшему наконецъ представить свѣжее, незаимствованное лицо. Оно вполне удалось: Маріонъ умна, чрезвычайно привлекательна и граціозна. Живая, одушевленная бесѣда съ нею Тамарина на балѣ въ дворянскомъ собраніи, ловкое описаніе этого бала, выраженіе безмолвнаго страданія ревнующей Вариньки, радость и торжество Володи Имшина, которому подають нѣкоторую надежду, ужинъ мужчинъ послѣ бала, маленькая исторія двухъ букетовъ, — роскошнаго, поднесеннаго Тамаринымъ Маріонъ, и бѣднаго, припасеннаго Володей для Вариньки — все это составляетъ лучшія, самобытныя страницы романа, свидѣтельствуетъ о безспорномъ дарованіи автора, къ сожалѣнію, въ остальномъ, слишкомъ подчинившагося чужимъ идеямъ и созданіямъ...

Справедлива пословица: не гонись вдругъ за двумя зайцами — оба ускользнутъ. Преслѣдуя одновременно Вариньку и Маріонъ, Тамаринъ не поймалъ ни той, ни другой. Маріонъ, несовѣтъ, впрочемъ, къ нему равнодушная, прямо говоритъ ему: «Не ухаживайте за мной! Это такъ обыкновенно, и такъ мнѣ надоѣло! Мнѣ-бы хотѣлось для себя, чтобы вы были лучшаго мнѣнія обо мнѣ, и для васъ, чтобы вы не впадали въ эту пошлость. Вы не повѣрите, какъ это несносно быть вѣчно предметомъ преслѣдованія, безпрестанно защищаться отъ намековъ на любовь, да отъ напрашиваній, бояться сказать кому-нибудь доброе слово, чтобъ его не истолковали сейчасъ въ свою пользу. Право,

иногда нестерпимо-скучно быть хорошенькой женщиной!» (Стран. 210.) А Варинька... Варинька ждала, пождала, да и вышла за Имшина, хотя втайнѣ все еще любила Тамарина, предпочитала его Имшину, и не задумалась бы отказать послѣднему, еслибъ только первый соблаговолилъ напоследокъ произнести толико желанное ею слово. Но Сергѣй Петровичъ не вымолвилъ этого слова: ему хотѣлось лишь — еще разъ поморочить Вариньку... У него, по собственному его сознанию, былъ «на это особенный талантъ».

Стало, Тамаринъ не любилъ ее? Нѣтъ, когда ее обвѣнчали съ Имшинымъ, у Тамарина вырвалось болѣзненное восклицаніе: «отдали ее! отдали Вариньку!» Но вслѣдъ за тѣмъ онъ поспѣшилъ прибавить: «что за вздоръ! кто-жъ отдалъ ее? сама вышла!»

Сдѣлавшись г-жею Имшиной, принадлежащая другому, Варинька въ завистливыхъ глазахъ Тамарина получила двойную цѣну. Онъ почти боленъ съ досады, и не на шутку влюбляется въ ту, которую самъ оттолкнулъ отъ себя, и серьезно объясняется ей въ любви. — Поздно, Тамаринъ! съ грустью отвѣчаетъ ему Варинька... Я васъ не люблю болѣе, потому-что вы убили любовь мою. — Двойственная, по словамъ Вариньки, натура Тамарина съежилась, сконфузилась, и онъ не могъ придумать ничего лучшаго, какъ уѣхать «на кумысъ», въ Оренбургскую губернію (откуда, сказать мимоходомъ, г. Авдѣевъ пишетъ теперь и печатаетъ въ «Отечественныхъ Запискахъ» интересныя письма).

Тутъ-бы роману и конецъ. Такъ, по-крайней-мѣрѣ, поступилъ Пушкинъ, въ подобномъ случаѣ. Но г. Авдѣевъ, поставившій себѣ цѣлью, въ лицѣ Тамарина, осмѣять Онѣгинныхъ и Печоринныхъ, идетъ далѣе. При появленіи «Вариньки» и «Записокъ Тамарина» въ «Современникѣ», журналы справедливо попрекнули автора прилежной копировкой съ «Героя нашего времени», и вотъ авторъ, чтобъ оправдаться, во-первыхъ, доказываетъ, что журналы ошиблись, не поняли его, — что онъ, собственно, не подражалъ Лермонтову, а желалъ только показать ложность Печоринства, которое, прибавимъ, никогда не было ни общимъ, ни сильнымъ, ни даже замѣтнымъ, и которое, по сознанию самого автора, уже исчезло въ современномъ обществѣ; во-вторыхъ-же, выводитъ на сцену новое лицо, выражающее, будто-бы, типъ представителей поздыѣйшаго времени. Доженъ-де былъ Тамаринъ, а вотъ этотъ истиннѣе и сложенъ порядочнымъ человѣкомъ, какимъ надлежитъ быть всякому? Другими словами, поясняется мораль басни. Посмотримъ, что это за новое лицо, что за тиць?

Поострѣлявъ въ Оренбургской губерніи вальдшнеповъ, попивъ тамъ кумысу, и цѣлебныхъ водъ за границей, Тамаринъ, черезъ нѣсколько

лѣтъ, возвращается въ тотъ губернской городъ, гдѣ онъ оставилъ Островскаго, Федора Федорыча, Маріонъ и Вариньку. Островскій сталъ толстѣе, но вмѣстѣ съ тѣмъ еще пустѣе и легкомысленнѣе; Федоръ Федорычъ немножко надоѣдаетъ своею Вернеровскою философіею, своими оригинальными выходками и повтореніями, а главное, какъ и Тамаринъ, своею *льнью*, съ которою встаетъ, садится, *тащится* по комнатѣ, достаетъ изъ кармана сигарочницу, и тому подобное. Маріонъ утратила нѣсколько свою живость и очаровательность; она говоритъ уже не такъ умно, и плѣняетъ читателя гораздо менѣе, нежели нѣкогда на балѣ. Варинька пополнила; у нея двое дѣтей. Что касается самого Тамарина, онъ мало перемѣнился, все почти тотъ-же. Въ Рыбномъ онъ курилъ папирсы; въ первое свое пребываніе въ губернскомъ городѣ жегъ сигары, теперь снова обращается къ папирсамъ. Въ Рыбномъ изображалъ его Иванъ Васильчъ; потомъ Тамаринъ самъ рисовалъ себя, и рисовался, въ своихъ запискахъ; теперь за перо принимается лично и непосредственно, даровитый авторъ. Наконецъ-то услышимъ мы о Тамаринѣ голую истину, раскроютъ намъ вполне его ложность, разоблачатъ этотъ темный и «загадочный» характеръ. Ничуть не бывало. Авторъ обводитъ своего Тамарина чертами столь привлекательными, что въ нихъ трудно подозрѣвать пронию или осмѣяніе. Въ каждомъ словѣ автора слышится неподдѣльная, пристрастная любовь его къ своему герою:

«Онъ былъ таковъ-же, какимъ мы знали его, и повидимому года мало слѣдовъ оставили на немъ; но въ темныхъ глазахъ его было меньше блеску и больше этого матоваго, холоднаго выраженія — слѣдствія физической или нравственной усталости; только его *льнивыя*, небрежныя движенія какъ-будто потеряли часть юношеской гибкости и стали немного рѣзче и прямѣе, да отвѣсная морщина — признакъ какой-то постоянной мысли — глубже обозначалась на гладкомъ лбу, и двѣ легкія черты по угламъ рта придавали болѣе насмѣшливое выраженіе его улыбкѣ. А впрочемъ, тоже спокойное, блѣдное, съ тонкими очертаніями лицо, которое одинаково глядитъ на радость и горе, таже простая и безъискусственная красивость манеръ, которыя до того прививаются иногда къ человѣку, что дѣлаются его натурой... Тамаринъ во всякой гостиниой былъ у какъ себя. Онъ былъ-бы замѣтенъ не только въ скромномъ собраніи, но и въ лучшемъ салонѣ столицы. Его холодный, нѣсколько рѣзкій и самоувѣренный тонъ, его выдержанность въ свѣтѣ, который онъ зналъ не по наслышкѣ, а видѣлъ насквозь, со всеми закулисными машинами и красиво памалеванными декораціями, — все въ немъ, начиная съ всегда безукоризненнаго и отнюдь не рабски моднаго туалета, до спокойно блѣднаго и послушнаго лица, клало на него какую-то отличи-

тельную печать, съ перваго-же взгляда отдѣляющую его отъ массы. Онъ не игралъ нынѣ уже довольно избитую роль льва, но львы первой руки не затемнили-бы его.» (Часть II, стран. 71—72 и 126—127.)

Казалось бы, что, при такомъ сохраненіи и даже увеличеніи прежнихъ своихъ свѣтскихъ достоинствъ, Тамаринъ, съ новымъ появленіемъ въ губернскомъ городѣ, долженъ былъ бы имѣть старый и большій успѣхъ— послѣ продолжительнаго отсутствія, произвестъ обычный эффектъ и фуроръ. Но нѣтъ! надобно было иное, и, *въ-слѣдствіе сего*, скептикъ Ѳедоръ Ѳедорычъ, который, между-прочимъ, тщеславится тѣмъ, что не читаетъ «Пантеона» (какъ будто «Пантеону» есть надобность до того), — скептикъ Ѳедоръ Ѳедорычъ, при первомъ же свиданіи, объявляетъ Тамарину, что послѣдній теперь будетъ имѣть успѣхъ — развѣ у очнь молоденькихъ дѣвочекъ. Такое извѣстіе естественно поселяетъ въ читателѣ предположеніе, не выдумали ли въ томъ губернскомъ городѣ, во-время отсутствія Тамарина, новаго пороха, не развелись ли тамъ китайскіе мудрецы? Ничего не бывало. Зловѣщее предсказаніе свое Ѳедоръ Ѳедорычъ основываетъ, повидимому, на томъ, что въ городъ понаѣхала какая-то новѣйшая, преначитанная молодежь, и среди ея, или въ главѣ ея, стоитъ какой-то г. Ивановъ — дѣловой, умный, но очень некрасивый собою и вообще весьма мало привлекательный человѣкъ — онъ же и типъ представителей позднѣйшей современности, — онъ же и поклонникъ Вариньки, затемнившій въ глазахъ ея милаго нѣкогда Тамарина, котораго «не затемнили бы львы первой руки». Особеннаго ума, или иныхъ притягательныхъ свойствъ, въ Ивановѣ вы вовсе не замѣчаете, потому-что онъ ихъ и не имѣетъ, потому-что онъ не живое лицо, а какая-то дѣловая фирма, отвлеченное представленіе, и легко догадываетесь, что это лицо задумано авторомъ, уже *послѣ* критики на «Вариньку» и «Записки Тамарина», въ опроверженіе упрека за снимокъ съ романа Лермонтова, задумано согласно дополнительной программѣ, по нашему мнѣнію, неудачно исполненной!

Тѣмъ не менѣе, по программѣ этой, суждено оправдаться предсказанію Ѳедора Ѳедорыча о Тамаринѣ — счастливые дни успѣховъ его прошли: Маріонъ принимаетъ его довольно холодно; встрѣча его съ Варинькой, на провинціальномъ раутѣ, описанномъ очень недурно, не льститъ самолюбію Тамарина: онъ *«льниво* встаетъ, пробирается *льниво* между гостями и уѣзжаетъ домой» (стран. 133).

Здѣсь очень удобно прервать дальнѣйшее изложеніе содержанія романа. Все остальное въ немъ — или резонерство, или ни къ чему неведущія сцены, въ которыхъ Маріонъ, Варинька, Ивановъ всячески

усиливаются унижить Тамарина, въ угожденіе дополнительной программѣ или задачѣ предисловія. Нехотя помогаетъ имъ, по той же причинѣ, и авторъ, въ первыхъ двухъ повѣстяхъ возвышавшій своего любимаго героя. Но напрасно: это не помогаетъ! Тамаринъ все-таки остается *высокъ* по-прежнему, по-крайней-мѣрѣ, выше, умнѣе другихъ дѣйствующихъ, противопоставляемыхъ ему лицъ, въ особенности автомата Иванова съ окружающею его мнимо-дѣльною молодежью. Варинька и Маріонъ бредятъ этимъ безжизненнымъ Ивановымъ, и обижаемый Тамаринъ очень справедливо замѣчаетъ, что «въ городѣ N Ивановъ становится чѣмъ-то въ родѣ повѣтрія... сирокко, который сушитъ женскія сердца, какъ ромашку въ аптекѣ», къ чему не менѣе справедливо прибавляетъ Островскій, что «лучше страдать весь вѣкъ по Тамаринѣ, чѣмъ утѣшаться Ивановымъ». Варинька почти совсѣмъ потеряла голову съ этимъ Ивановымъ. Она даже забыла названіе своей усадьбы, и *Неразлучное* зоветъ *Нескучнымъ*, если только это не вина автора, который не справился съ началомъ романа и не свелъ концовъ (стр. 163). — «Что касается до Иванова, то это не противоположность Тамарина, какъ нѣкоторые думаютъ», поясняетъ авторъ въ предисловіи (стр. VII). Но нѣкоторые такъ думаютъ, основываясь и на видимой противоположности характеровъ, и на показаніяхъ текста. Варинька, въ курьозномъ письмѣ къ Иванову, говоритъ: «Чтобы увидѣть всю ложь, всю болѣзненность, всю неестественность такого человѣка, какъ Тамаринъ, надобно было поставить *противъ него* — васъ, благороднаго, честнаго, съ вашимъ простымъ и здравымъ взглядомъ на вещи, съ вашей любовью ко всему прекрасному и трудамъ для его достиженія» (стр. 168); да и самъ авторъ, отъ своего лица, утверждаетъ, что натура Иванова была «*діаметрально противоположна*» натурѣ Тамарина (стр. 139). Чему же прикажете вѣрить: предисловію, или тексту?

Искусственно-дружескія отношенія Вариньки съ Ивановымъ, основательно раздосадованный, Тамаринъ мѣтко называетъ «глупѣйшею идилліей» (стр. 153), которая, къ счастью Володи, разрушается отъѣздомъ Иванова куда-то далеко, на какое-то слѣдствіе. Когда слабенькая Варинька слишкомъ расчувствовалась, честный Ивановъ поспѣшилъ выпросить себѣ трудное служебное порученіе, и собственное чувство, если таковое дѣйствительно у него имѣлось, торопливо спряталъ въ дѣловой портфель. Тѣмъ, благополучно, кончаются идиллія и романъ. Ивановъ не убилъ, нравственно, Тамарина, а Тамаринъ далеко не уничтожилъ Чайльд-Гарольда, Донъ-Жуана, Олѣгина и, всего ближе, Печорина, съ котораго непосредственно срисованъ. Превосходныя, истинно-худо-

жественныя творенія остались превосходными твореніями, а подражаніе и копія—подражаніемъ и копіями. Благодаря живому, острому разсказу автора и беспорному, повторяемъ, дарованію его въ самой поддѣлкѣ старыхъ лицъ заново, очень искусной, романъ не лишенъ занимательности, и читается съ удовольствіемъ: но впечатлѣнія не производитъ, сердца не волнуетъ, потому—что почти все въ немъ пародія, умышенная или неумышенная. Настоящей драмы нѣтъ. Авторъ, по собственному сознанію, «описываетъ мелкія сцены мелкой жизни, и показываетъ бурю въ стаканѣ воды» (стр. 133), даже, впрочемъ, и не бурю, а такъ, маленькое, едва замѣтное движеніе. При такихъ условіяхъ сочиненія, нечего и толковать о характерахъ дѣйствующихъ лицъ, которыя самъ авторъ называетъ «образами, вызванными воображеніемъ» (стр. 70), не говоря уже, что подобное толкованіе могло бы вовлечь критику въ нѣкоторый споръ съ авторомъ, рѣшившимъ уже (въ предисловіи, стр. VI), что дѣйствующія его лица, при способѣ его изложенія, «выигрываютъ въ живости, теплотѣ и искренности описанія». Вообще, какъ явствуетъ изъ предисловія и нѣкоторыхъ мѣстъ романа, авторъ весьма выгоднаго мнѣнія о своемъ произведеніи, и обнаруживаетъ нѣжную любовь къ своимъ дѣйствующимъ лицамъ, особенно къ «Варинькѣ», первому его дебюту, который встрѣченъ былъ лестнымъ поощреніемъ нѣкоторыхъ критиковъ. «Да, это была Варинька», говоритъ г. Авдѣевъ, въ послѣднемъ отдѣлѣ своей исторіи. «Теперь, по веѣмъ бы приличіямъ, слѣдовало ее называть Варварой Александровной; но я прошу вашего позволенія, читатель, оставить ей ея первое имя: оно къ ней какъ-то больше идетъ, и, признаться—ли въ слабости? я люблю его! его первое начертило мое еще только очиненное тогда перо и свыкло съ нимъ; оно пріятно, чѣмъ-то роднымъ звучитъ моему слуху...» (стр. 96 второй части). Хорошо и, повидимому, не безъ опытной наглядности изображаетъ г. Авдѣевъ деревенскую жизнь и нравы губернскаго города N., въ дворянскомъ собраніи котораго карта блодъ предлагала между—прочимъ: «о млетъ а ла рюсъ съ финизерт-томъ и каракеты съ амуретами подъ ламбертовъиъ соусомъ» (стр. 110 той же части).

Въ похвалу автора можно и должно прибавить, что онъ уклоняется отъ фальшиваго юмора и утомительныхъ подробностей, хотя у него иногда и встрѣчаются картины во вкусѣ фламандской, или, пожалуй, натуральной школы, какъ, наприм., слѣдующая, изъ разсказа Ивана Васильича: «На порогъ меня встрѣтила баба съ лоханью, и чуть не облила помоями; другая, въ сарафанѣ, съ заткнутымъ за поясъ подоломъ, въ платкѣ, сбившемся набекрень, съ раскраснѣвшимся лицомъ, съ ко-

торого погъ катиль градомъ, стояла въ томъ положеніи, которое обыкновенно принимаютъ бабы, когда моють полы.... она обмакнула мочалку въ кипятокъ, бросила ее на полъ, и размахнувшись обѣими руками, такъ сильно пустила струю воды, что я едва успѣлъ отскочить, чтобъ не замочить ногъ» (стран. 115 — 116 первой части). Можно бы еще пожелать умѣренности въ нѣкоторыхъ выраженіяхъ Тамарина и Островскаго о прекрасномъ полѣ.

Много прекрасныхъ, увлекательныхъ страницъ попадаетея въ романѣ, но, къ сожалѣнію, почти каждая страдаетъ неправильностію языка, небрежностію слога, иногда неловкими сближеніями словъ, что «Тамарину», образцу вкуса и виѣшняго изящества, непростительно. Чтобъ не осуждать безъ доказательствъ, приведемъ малую-толику примѣровъ:

«Пошелъ служить въ фризовой шинели, а теперь съ тысячею душами» (стр. 10 первой части). Не душъ ли? — «Савельичъ съ зачесанными съ затылка напередъ волосами» (стр. 18). — «Въ голубыхъ глазахъ ея я читалъ удовольствіе» (20). — «Любовь есть жизнь сердца, а какъ человекъ, чтобъ жить вполнѣ, долженъ жить и умомъ и сердцемъ, слѣдовательно онъ долженъ любить. Не правдали, что это ясно?» (58) Ясно, но неправильно, мг. Тамаринъ: какъ и слѣдовательно не уживаются вмѣстѣ; какъ больше дружно съ то, — и сверхъ-того, изящные кавалеры не разговариваютъ съ дамами такими силогизмами. Вотъ и на слѣдующей (59) страницѣ, вы, Сергѣй Петровичъ, говорите Варинькѣ: «будете счастливы, жени-тесь», какъ будто-бы дѣвушки женятся, а не за мужъ выходятъ? — «Я любила (слова баронессы) той вѣтряной любовью, которая у женщинъ начинается за мазуркой, а кончается вмѣстѣ съ зимою, а у мужчинъ называется волокитствомъ» (69). — Отчего же этотъ бракъ такъ ударилъ въ твое сердце?» (тамъ же) — «мое замужество должно было тебѣ быть больно» (70). — «Въ хозяйствѣ у него была смѣсь женатой домовитости съ бездомностію холостяка» (85). — Женатая домовитость? Авторъ, вѣроятно, хотѣлъ сказать: домовитость женатаго или семьянина. — «Она успѣла перемѣнить туалетъ, и вѣроятно, чтобы не терять времени на передѣлку прически, на ея русой головкѣ былъ легонькій чепчикъ» (91). — Выходить, что не терялъ времени — чепецъ! — «Судя по количеству имъ выпитаго вина, онъ долженъ былъ быть знатокомъ въ немъ» (97). — «Губернскіе города похожи одинъ на другаго какъ двѣ капли воды» (109). — «Эти страданія продолжаются не долго» (183). — «У меня были человекъ два, три безцвѣтныхъ лицъ» (185). — Смыслъ выходить тотъ, что эти два, три человекъ были съ безцвѣтными лицами. —

«Четверня *потныхъ* и худыхъ лошадей отдыхала понуривъ головы, *привязанная у дышла*» (часть вторая, стран. 71). Последнія три слова не на мѣстѣ. — «Но ротъ составлялъ ея лучшую прелесть. Въ складѣ и разрѣзѣ *его губъ* была какая-то особенная доброта, а въ *общемъ* такая граціозная и свободная подвижность, что глядя на него, можно было, кажется, видѣть (,) какъ вылетало *изъ него* каждое слово» (83). — Но періодъ образовался не очень граціозный и свободный; преимущественно хороши эти *губы рта!* — «Онъ подалъ и пожалъ Варинькѣ руку» (175). Здѣсь для краткости выпущенъ смыслъ: онъ подалъ свою, а пожалъ Варинькину руку.

Еслибъ указаніе на подобные образчики языка и слога было занимательно для читателей и не скучно для рецензента, мы легко могли бы представить, по-крайней-мѣрѣ, еще столько же выписокъ, въ дальнѣйшее доказательство справедливости заключенія своего о слабой сторонѣ въ изложеніи романа. Ограничиваясь приведенными, укажемъ еще только на однородную ошибку, въ которую безпрестанно впадаетъ авторъ, отъ неправильнаго употребленія дѣепричастія и нелогическаго оборота мысли. — «*Перебравъ* по косточкамъ старыхъ знакомыхъ, *очередь* дошла до новыхъ» (часть первая, стран. 2). — «*Сообразивъ* это, *мнѣ* показалось страннымъ» и проч. (4). «*Взглянувъ* на этотъ домъ, *мнѣ* стало грустно» (84). — «Мнѣ было досадно и на себя, за то, что, *понимая* этотъ свѣтъ, *у меня* недостаетъ энергій вырваться изъ его колеи» (170). — «Теперь, *оглядываясь* черезъ столько лѣтъ на это отжитое чувство, *оно* мнѣ кажется страннымъ и непонятнымъ» (часть вторая, стран. 166). — «И здѣсь, *живя и встрѣчаясь* въ обществѣ, *воображенію* было меньше разгула» (167).

Другой романъ, о которомъ мы хотѣли говорить, принадлежитъ автору, еще позднѣе г. Авдѣева выступившему на литературное поприще... Въ какіе-нибудь два года онъ написалъ столько, сколько иному не удастся и въ десять. Въ 1851 г., онъ дебютировалъ, въ Отеч. Запискахъ», своимъ *Силуэтомъ*, ясно обозначавшимъ свойство и степень его дарованія, и съ-тѣхъ-поръ имя его почти не сходило съ обертокъ журналовъ. Въ одномъ онъ рассказываетъ исторію *Двухъ сестеръ*, надѣляетъ другой *Магистромъ*, для театра пишетъ *Лекаря* (драму), приготовляетъ новыя повѣсти для журналовъ и, въ промежуткѣ, издаетъ романъ отдѣльно. Но длинный и многосложный «Тамаринъ», до сихъ-поръ необсуженный критикою съ должною внимательностію и отчетливостію, хотя о немъ много было толковъ (какъ говоритъ и самъ авторъ, въ предисловіи), отнял у насъ столько времени и мѣста,

что разборъ *Большой барыни*, Г. Вонлярлярскаго, мы принуждены отложить до слѣдующей книжки «Пантеона»...

—
II.

ИСКУССТВА И ХУДОЖЕСТВА.

Выставка Императорской Академіи Художествъ.

28 прошлаго сентября, послѣ торжественнаго акта, открыта была для посѣтителей трехгодичная художественная выставка Императорской Академіи Художествъ. Несмотря на многочисленность представленныхъ на судъ публики произведеній,—выставка нынѣшняго года уступаетъ предшествовавшей ей трехгодичной выставкѣ, въ томъ отношеніи, что многихъ именъ, извѣстныхъ и любимыхъ публикою, не встрѣтишь среди обширныхъ залъ Академіи.

Иныхъ ужъ нѣтъ, другіе странствуютъ далече...

Брюловъ и Ставассеръ кончили свое поприще; одинъ въ полномъ развитіи своихъ творческихъ силъ, другой на апогеѣ своей художественной славы. Гг. Айвазовскій, Виллевалде, Бруни, Басинъ, Пименовъ, баронъ Клодтъ, Майковъ, Федотовъ и многіе другіе, которыхъ произведенія всегда привлекали къ себѣ истинныхъ поклонниковъ искусства, не выставили ничего. Московская Художественная Школа имѣетъ только одного представителя, ученика, г. Жукова; скульптурныхъ произведеній немного, статуй ни одной; программъ на званіе профессора одна, архитектурная, г. академика Резанова. Впрочемъ, несмотря на все это, выставка нынѣшняго года обильна многими прекрасно выполненными картинами, многими новыми именами, между которыми мелькаютъ и дамскія имена: госпожъ Вернеръ, Григорьевой, Штейнъ, Лазаревой—Станицевой, Грекъ, Сорде, Бальтюсъ....

Первая зала, открывающаяся любопытству публики, наполнена этюдами съ натуры учениковъ Академіи: гг. Берестова (ученика профессора Бруни), Солдаткина (получилъ 2-ю серебряную медаль), Ильинскаго, Келлера (удостоенъ денежной награды), Кобелева и Лотошилова (учениковъ профессора Маркова). Не распространяясь объ этихъ этюдахъ, которыхъ отчетливое выполненіе можетъ служить только счастливымъ ручательствомъ за будущее, но не оцѣнкой дарованія, только развивающагося, перейдемъ къ произведеніямъ болѣе серьезнымъ, имѣющимъ, по присутствію въ нихъ мысли, манеры и композиціи, полное право назваться *живописью*, этимъ нѣмымъ письмомъ, понятнымъ всякому видящему.

Продолжающаяся постройка Исакиевскаго Собора доставила нашимъ

художникамъ обширное поле выказать свое искусство въ религіозной живописи, тѣмъ-болѣе важной и трудной, что она, по особеннымъ, тѣсно связаннымъ съ нею условіямъ, не допускаетъ никакихъ особенныхъ аксессуаровъ, которые, будучи удачно придуманы, нерѣдко придаютъ, съ перваго взгляда, картинамъ тѣ призрачныя достоинства, которыхъ онѣ въ сущности вовсе не имѣютъ. Гг. профессоры Нефъ и Живаго, почетные вольные общники Академіи, Штейбенъ и Муссини, Академикъ Ѳ. П. Брюловъ и иностранный художникъ Дорнеръ, выставили въ нынѣшнемъ году много образовъ и картинъ религіознаго содержанія.

Любителямъ художествъ и постояннымъ посѣтителямъ выставокъ уже извѣстно имя г. Штейбена, въ особенности, вѣроятно, по послѣдней его картинѣ «Христосъ на Голгоѣ», съ которой сдѣлано столько копій, одна tinta, во Франціи, и у насъ литографическій эстампъ художникомъ г. Щедровскимъ. Картины, выставленныя въ нынѣшнемъ году г. Штейбеномъ для Исакіевскаго Собора—*Распятіе Христа Спасителя, Воскресеніе Господне, Рождество Богородицы, Взятіе Богоматери на небо*, какъ по благородству идеи, обдуманности сюжета, такъ по колориту и оконченности, могутъ, безъ всякаго сомнѣнія, стать на ряду съ лучшими произведеніями этого же рода живописи, хотя многіе опытные знатоки и упрекаютъ художника въ несовершенной правильности рисунка и томъ французскомъ эффектномъ стилѣ, котораго не допускаетъ наша русская школа, вѣрная послѣдовательница строгихъ классическихъ правилъ. Хотя это обвиненіе отчасти и справедливо, но благородство и характеръ, придаваемые Штейбеномъ каждой фигурѣ, разнообразіе группъ и глубокоразсчитанное освѣщеніе, все-таки придаютъ его картинамъ высокое значеніе. Эти достоинства выказалъ г. Штейбенъ и въ нынѣшнихъ своихъ картинахъ. Особенно останавливаются на себѣ взглядъ двѣ фигуры воиновъ въ его картинѣ «Воскресеніе Спасителя». Ихъ контуры, ракурсы (сокращеніе) и освѣщеніе выполнены мастерскою кистію. Яркій колоритъ восточнаго разсвѣта падаетъ прямо на ихъ головы, на ихъ кольчуги, и какъ-будто выдвигаетъ ихъ изъ полотна.

Въ другой картинѣ г-на Штейбена «Распятіе» несовершенная оконченность лика Спасителя и его немного темный колоритъ, сравнительно съ остальнымъ тѣломъ, искупаются прекраснымъ выполненіемъ прочихъ фигуръ, дополняющихъ картину, и только развѣ одно лицо плачущей Маріи Магдалины покажется немного неестественнымъ, по слишкомъ яркому румянцу, разлитому по всеѣмъ ея чертамъ. По нашимъ понятіямъ, лицо Магдалины, при зрѣлищѣ, которое представляется ея глазамъ, скорѣе должно-быть блѣдно, чѣмъ красно. Крайняя степень внутренняго страданія и испугъ — въ природѣ почти никогда не допускаютъ слезъ:

человѣкъ застываетъ въ какомъ-то онѣмѣніи. Но это — одно лишь скромно высказанное мнѣніе, а нисколько не убѣжденіе и не замѣчаніе, въ которыхъ не имѣетъ никакой нужды такой опытной и даровитый художникъ, какъ г. Штейбенъ. Остальныя двѣ картины его уступаютъ нѣсколько достоинствомъ тѣмъ, о которыхъ мы сейчасъ говорили.

Отъ картинъ г. Штейбена перейдемъ къ картинамъ г. Нефа, вполне заслуживающимъ безпристрастной похвалы, какъ нѣжностью кисти, — всегдашнимъ отличительнымъ и главнымъ достоинствомъ этого художника, — такъ и обдуманностію композиціи и очень ловкимъ расположеніемъ группъ. Любуясь рельефностію изображенныхъ г. Нефомъ фигуръ этихъ группъ и тщательною ихъ отдѣлкою, взглядъ зрителя, разсматривая его картину «Покровъ Богородицы», останавливается на одеждѣ молящагося на колѣнахъ старца. Одежда этого старца изображаетъ совершенно одежду церковныхъ пастырей послѣднихъ вѣковъ Византіи, что довольно странно видѣть между народонаселеніемъ римскаго города Августова вѣка.

Кромѣ этой картины, г. Нефъ окончилъ для Исакиевскаго Собора: «Сшествіе Святаго духа», «Нерукотворенный образъ Господа Иисуса Христа», «Вознесеніе Господне» и образа «Св. Николая Чудотворца», Апостоловъ «Петра», «Павла и Св. Великомученицу Екатерину». Всѣ эти картины написаны въ огромныхъ размѣрахъ, потому-что предназначены, вѣроятно, занимать самыя верхніе слои иконостаса, гдѣ онѣ, отъ размѣреннаго удаленія отъ земли, должны казаться въ обыкновенную натуру. Мы боимся одного, чтобы нѣжность письма и портретная тонкость контура и всѣхъ линій, отличающія живопись г. Нефа, такъ много выигрывающія вблизи и составляющія неотъемлемое достоинство его картинъ, разсматриваемыхъ въ недалекомъ разстояніи, не утратили своей прелести въ слишкомъ значительномъ отдаленіи.

Не приводя въ примѣръ ни огромныхъ картоновъ Рафаэля, ни громаднхъ статуй Микеля-Анджело, сдѣланныхъ для куполовъ и фронтоновъ церквей, укажемъ хотя на декорационную живопись. Разсматриваемая вблизи, она ужасаетъ грубостію своего исполненія, рѣзкою дисгармоніею тоновъ и полутоновъ, яркими тѣнями, проложенными рядомъ съ свѣто-тѣнью (*clair-obscur*), но удаленная на извѣстное разстояніе, также самая живопись прельщаетъ своею вѣрностію природѣ и своею, такъ сказать, миниатюрною оконченностію отдѣлки.

Упомянувъ о *Святомъ Евангелистѣ Маркѣ* г. Ковалева, написанномъ бойко, съ знаніемъ дѣла, и не останавливая долго вниманія читателей на произведеніяхъ г. Живаго, въ которыхъ видно присутствіе опытности, пріобрѣтенной многолѣтними занятіями, остановимся на минуту

передъ картинами г. Муссини, которыми и закончимъ обзоръ религіозной живописи.

Г. Муссини выставилъ пять картинъ, въ натуральную величину, всѣ для Исакиевскаго Собора: «Обрѣзаніе Господне», — «Благовѣщеніе», — «Крещеніе Спасителя», — «Преображеніе Господне» и «Срѣтеніе». Всѣ картины г. Муссини имѣютъ свои неотъемлемыя достоинства — много вкуса и обдуманности, хотя, можетъ-быть, какой-нибудь строгій критикъ, избалованный созданіями Рафаэля, и не удовлетворился бы очень многимъ въ его картинѣ *Благовѣщеніе*. Но исполненіе этого высоко-таинственнаго духовнаго предмета въ совершенно идеальной формѣ было доступно одному только Рафаэлю и еще, пожалуй, Мурильо. У нихъ характеръ Святой Дѣвы выраженъ неподражаемо, ихъ кисти при изображеніи этого высокаго религіознаго момента, какъ-будто были вдохновлены свыше.

Классный художникъ Капковъ изобразилъ тотъ же самый предметъ, и породилъ между художниками множество толковъ pro и contra. Одни упрекаютъ его за небрежное письмо и неправильность рисунка нѣкоторыхъ частей, другіе удивляются колориту и прекрасному выраженію лицъ. Какъ тѣ, такъ и другіе правы относительно, если принять въ соображеніе, что картина г. Капкова ничто иное, какъ эскизное воспроизведеніе того древняго византійскаго стиля, манеру котораго напрасно старались уловить самые извѣстные наши художники. Какъ автографическая попытка, эта картина заслуживаетъ нѣкотораго вниманія.

Г. Капковъ, извѣстный какъ превосходный колористъ и отличный рисовальщикъ, никакъ уже не могъ, безъ какой-нибудь скрытой мысли впасть въ такія ошибки, которыя, въ-самомъ-дѣлѣ, должны поразить многихъ, какъ напримѣръ: грубая отдѣлка волосъ и несоразмѣрная толщина шеи у Архангела. За то лица у него дышатъ идеальной красотой и небеснымъ выраженіемъ.

Но перейдемъ къ послѣдней картинѣ г. Муссини: «Срѣтеніе Господне». Удивительна иногда бываетъ сила воображенія! Разсматривая внимательно, въ этой картинѣ, лицо Святой Анны Пророчицы, изображенное въ профиль, намъ показалось, что мы когда то встрѣчались съ этою высоко-художественною фигурою въ произведеніяхъ венеціанской школы. Напрягая память, намъ показалось, что именно, если только память не обманываетъ, мы видѣли ее у Рубенса, въ его картинѣ этого же названія, съ которой превосходная, современная Рубенсу, копія находилась въ извѣстной картинной галлерей графини Разумовской.

Но какъ мы уже сказали, что въ изображеніи предметовъ рели-

гіозныхъ, художнику очень трудно освободиться отъ столкновения и вліянія, какъ въ идеѣ, такъ и въ выполненіи, художниковъ предшествовавшихъ, то и это случайное сходство нисколько не должно уменьшать достоинствъ картины г. Муссини.

Образовъ, исполненныхъ мозаикой, выставлено на этотъ разъ только два: «Святой Евангелистъ Лука,» съ картины К. П. Брюлова, — художника Рубиконди, и «Святой Евангелистъ Іоаннъ,» также съ картины К. П. Брюлова, —художника Шаповалова. Оба они заслуживаютъ вниманія, какъ по своему удачному выполненію, такъ и по рѣдкости у насъ этаго рода искусства, вмѣстѣ труднаго, кропотливаго и мѣшкатнаго.

Прейдемъ теперь къ отдѣлу живописи портретной, какъ масляной, такъ и акварельной.

Выставка нынѣшняго года особенно обильна портретами, и не мудрено: портретная живопись самая выгодная отрасль искусства, и меньше всего требуетъ отъ художника внутренней артистической силы! Создавать тутъ нечего, фантазіи простора нѣтъ, предварительныхъ глубокихъ изученій не нужно. Натура передъ глазами: польсти ей, и въ тоже время сохрани сходство, — и успѣхъ вѣренъ. Притомъ такъ много охотниковъ взглянуть на себя во всеоружіи своей красоты и величія, такъ много желающихъ передать себя потомству, что портретный живописецъ никогда не сидитъ безъ работы.

Первое мѣсто между портретами на выставкѣ занимаютъ произведенія гг. Зарянки и Штейбена.

Г. Заряно, вдругъ ставшій во главѣ всѣхъ нашихъ портретныхъ живописцевъ, исполненіемъ портретовъ г. Хвостова и графа О. П. Толстаго, выставилъ нынѣ четыре портрета: Его Императорскаго Высочества Великаго Князя Николая Александровича, г-жи Христовичъ, урожденной Пашковой, и гг. Катенева и Лѣсникова. Несмотря на то, что въ новыхъ этихъ произведеніяхъ г. Зарянки нѣтъ той изумительной бойкости, той почти волшебной рельефности, которая поражала взглядъ въ его прошлогоднихъ портретахъ, лица у него и теперь также полны жизни, а тщательность отдѣлки превосходитъ всякое вѣроятіе; бархатъ, атласъ, складки одеждъ — переданы имъ съ изумительною истинною. Достойнымъ соперникомъ Зарянки является Штейбенъ; его портретъ графа Местра можетъ, безъ всякаго преувеличенія, считаться образцовымъ произведеніемъ, тѣмъ болѣе, что для изображенія лица старческаго искусству предстоитъ болѣе труда и препятствій, чѣмъ для изображенія лицъ юнаго возраста, въ которыхъ многое искупается колоритомъ и хорошо обдуманымъ освѣщеніемъ. Г. Штейбенъ въ этомъ портретѣ такъ вѣренъ натурѣ и между тѣмъ такъ украсилъ ее, что

глядя на его произведеніе, никакъ не дѣлается страшно за всеуничтожающую старость, за ея обидныя морщины. Еслибы она была такъ прекрасна въ дѣйствительности, какъ прекрасна въ живописи г. Штейбена, никто бы не спѣшилъ передавать черты свои полотну въ тѣ годы, которые, быстро пролетая, измѣняютъ человѣка и заставляютъ потомъ завидовать своему же прежнему лицу. Всякій, вѣрно, дожидался бы той поры, которая, оставляя на чертахъ исторію цѣлой нравственной и матеріальной жизни, измѣняется только одною неизбежною могилой. Превосходно выполненъ и другой портретъ г. Штейбена, снятый съ актера Самойлова. Тутъ есть все: жизнь, правда и высокое искусство.

Послѣ Штейбена и Зарянки, особеннаго вниманія заслуживаютъ портреты г. художника Чернова, выставившаго пять портретовъ, изъ которыхъ одинъ, В. А. Каратыгина, можетъ служить полнымъ ручательствомъ за поразительное сходство прочихъ. Г. академикъ фонъ-Моллеръ выставилъ только одинъ портретъ, генераль-лейтенанта Юрьевича, очень хорошо выполненный; г. академикъ Зеленскій—четыре портрета; г. художникъ Славинскій написалъ портретъ заслуженнаго Ректора Академіи, Шебуева, въ которомъ, отдавая справедливость художнику въ планировкѣ, сходствѣ и хорошихъ аксессуаряхъ, мы, къ сожалѣнію, должны укорить его въ пренебреженіи правилъ перспективы, ошибкѣ, которая рѣзко бросается каждому въ глаза. Просимъ всякаго повѣрить это замѣчаніе. Стулъ, на которомъ представленъ г. Шебуевъ, сидящій у стола, написанъ такъ, какъ-будто половина его непременно должна врѣзаться въ этотъ столъ, и ужъ какъ могла умѣститься на остальной части цѣлая фигура Шебуева, мы не понимаемъ.

Упомянувъ о портретахъ художниковъ Яцевича, Пр. Васильева и Желѣзнова (ученика г. профессора Бруни) который получилъ первую серебряную медаль, мы, кажется, извѣстимъ читателей обо всемъ замѣчательномъ въ портретной живописи масляными красками, нынѣшняго года.

Производилъ еще большой эффектъ на выставкѣ портретъ, списанный г. Яковлевымъ съ актрисы В. В. Самойловой. Но художникъ уже слишкомъ вдохновился, и впалъ въ идеализацію, которая много повредила истинѣ его портрета. Портретная живопись дѣйствительно требуетъ нѣкоторой украшенности природы, но эта живописная лесть должна быть совершенно незамѣтна, иначе она вредитъ истинѣ.

Изъ портретовъ, писанныхъ акварелью, заслуживаютъ вниманіе портреты иностраннаго художника Ранделя, генераль-адъютанта графа А. О. Орлова, генераль-адъютанта С. А. Кокошкина, г. Кеммерера и флигель-адъютанта его величества короля прусскаго, графа Мюнстера, въ

саняхъ (цвѣтными карандашами); портретъ, выставленный г. Рауловымъ, ученикомъ г. профессора Маркова, и портретъ г-жи Сорде, которая получила званіе художника или, грамматичнѣе, *художницы*. Изъ художниковъ, которыхъ произведенія являются на выставкѣ въ первый разъ, замѣтимъ два акварельные портрета г. Лебедева, ученика профессора Басина, нарисованные хотя эскизно, но со вкусомъ и съ большимъ знаніемъ дѣла. Изъ миниатюрныхъ портретовъ, выставленныхъ художниками Захаровымъ (котораго работою мы уже имѣли случай любоваться на выставкѣ въ Пассажѣ) Вагенгеймомъ и Житневымъ, должно отдать преимущество двумъ послѣднимъ.

Изъ этюдовъ головъ съ натуры, преимущественно предъ прочими отличаются: *Старикъ*, г. Солдаткина (ученикъ профессора Маркова); такой-же г. Невзорова (получилъ званіе художника) и г-жи Лазаревой—Станищевой, «Дѣвушка съ нищимъ, просящимъ милостыню». Г-жа Лазарева—Станищева, получившая званіе художницы, кромѣ этой картины, обличающей въ ней несомнѣнное дарованіе, выставила еще двѣ копіи, одну съ Джіорджини: «Нимфа, преслѣдуемая Сатиромъ», а другую съ Андрея дель Сарто, «Святое Семейство». Обѣ очень отчетливо переданы. Рядомъ съ произведеніями г-жи Лазаревой—Станищевой выставлены копіи г-жи Грекъ, съ Дольче, «Скорбящая Божія мать» и съ Вандейка, Портретъ принца Оранскаго». Обѣ копіи свидѣтельствуютъ о несомнѣнномъ, хотя еще юномъ дарованіи художницы. Есть произведенія и другихъ живописокъ, но какъ объ дамахъ вообще слѣдуетъ говорить или очень много, хорошаго—разумѣется, или ничего, то мы посильшимъ лучше познакомить нашихъ читателей съ замѣчательнѣйшими изъ учениковъ Академіи, представившими свои работы на конкурсъ для полученія первой и второй золотыхъ медалей. Съ этими работами, кромѣ интереса выполненія, тѣсно связаны и будущія надежды русскаго искусства.

Программы, предложенныя въ нынѣшнемъ году Совѣтомъ Академіи для полученія первой и второй золотыхъ медалей, были «*Ной, благословляющій дѣтей*», «*Іоаннъ, проповѣдующій въ пустынь*», «*Агарь въ пустынь*» и «*Освобожденіе Св. Апостола Петра ангеломъ изъ темницы*».

Избравшіе первую программу для конкуренціи были: Сорокинъ, Мореншильдъ, Мартыновъ (ученики профессора Маркова) и Ксенофоновъ (ученикъ профессора Бруни). Вторую программу исполнили Кабановъ и Бронниковъ (ученики г. профессора Маркова), третью Воротыгинъ (ученикъ г. профессора Маркова), Венигъ (ученикъ г. профессора Бруни), и Бейдеманъ (ученикъ г. профессора Маркова)

и наконецъ четвертую В. Романовъ (ученикъ г. профессора Маркова,) и Тютрюмовъ (ученикъ г. профессора Басина). Поговоримъ объ исполненіи каждый изъ этихъ программъ отдѣльно.

Первая золотая медаль присуждена была Ксенофонтову, за картину «Ной, благословляющій дѣтей». Картина г. Ксенофонтова можетъ удовлетворить довольно строгимъ требованіямъ. Лица фигуръ его живы и характерны, притомъ тщательно написаны, драпировка ихъ полна и благородна, колоритъ всей картины силенъ и свѣжъ, композиція показываетъ обдуманность, въ особенности въ изображеніи Ноя. Оскорбленный отецъ написанъ сидящимъ; онъ окруженъ своимъ семействомъ, которое напрасно старается испросить у него прощеніе Хама. Несмотря на мольбы дѣтей, патриархъ отворотилъ голову отъ преступнаго сына, и руки его, протянутыя въ пустомъ пространствѣ, отталкиваютъ удаляющагося съ женою Хама, котораго лицо, къ сожалѣнію прикрытое рукою, не можетъ объяснить достаточно зрителю, какія чувства волнуютъ его въ эту минуту, — нѣмое-ли отчаяніе и безнадежность прощенія, что очень удачно изобразилъ въ своей фигурѣ Хама г. Сорокинъ, или дѣтская горестъ? Судя по движенію фигуры Хама и жены его, снѣгашихъ удалиться, кажется, что г. Ксенофонтовъ изобразилъ это послѣднее чувство. Отдавая полную справедливость г. Ксенофонтову за хорошее исполненіе выбраннаго имъ сюжета, мы должны однако замѣтить, что въ картинѣ его, живо изображающей проклятіе Хама, нѣтъ ничего, что могло бы показать зрителю благословеніе Ноя другимъ дѣтямъ. Настоящій, буквальный смыслъ программы яснѣе выраженъ композиціями г. Сорокина и Мореншильда. Послѣ картины Ксенофонтова должно отдать похвалу картинѣ Сорокина, хотя она и бѣднѣе фигурами и не такъ окончена, какъ двѣ остальные того-же самаго содержанія. Правда, что поза Ноя немного утрирована, поставлена въ нѣсколько изысканную позу, задній планъ картины едва набросанъ, но зато фигура Хама, написанная хотя и не очень *тѣльно*, по своему рисунку, сильному колориту, характеру и выраженію лица, можетъ достаточно искупить все остальное. Мы уже давно знакомы съ произведеніями г. Сорокина, и увѣрены, что онъ вышелъ бы съ полною честію съ поля состязанія, еслибы хорошенько обдумалъ планъ взятаго имъ сюжета, и не увлекся манерою новой французской школы живописи, которая нисколько не годится для картинъ строгаго, историческаго содержанія.

Картины Кабанова и Бронникова, получившихъ каждый по второй золотой медали, и представляющія «*Іоанна Крестителя въ пустынь*», обильны хорошо сгруппированными фигурами и удачно выбраннымъ освѣщеніемъ. Изъ нихъ, несмотря на то, что большинство публики, задо-

бренной эффектнѣмъ и яркимъ колоритомъ г. Бронникова, отдаетъ ему преимущество, по нашему мнѣнію—лучшая г. Кабанова. Правда, нѣкоторыя отдѣльныя части, какъ-то головки, руки, написаны г. Бронниковымъ очень удачно, но въ цѣломъ недостаетъ той граціи рисунка и строгаго стиля, которые замѣтны въ картинѣ Кабанова.

Г. Воротыгинъ и Венигъ (получилъ вторую золотую медаль) выставили: «Агарь въ пустынь». Картина Венига лучше по исполненію, относительно колорита и правильности рисунка, но его Агарь не мать, отчаявающаяся за жизнь своего сына, и ея неграціозно согнутая рука очень вредитъ пріятному впечатлѣнію. Измаиль г. Венига тоже не похожъ на мальчика, умирающаго отъ жажды, изнывающаго подъ ея томительнымъ ощущеніемъ; это болѣе ребенокъ, уставшій отъ бѣга въ пустынь, раскраснѣвшійся отъ знойныхъ солнечныхъ лучей, прилегшій отдохнуть на колѣна матери, и чувствующій какую-то нѣгу послѣ своей усталости. Прекрасно начертанный ракурсъ опрокинутой головы Измаила, хорошо соблюденныя пропорціи и мягкій колоритъ—все это уничтожается отсутствіемъ настоящаго выраженія.

Выраженіе лица Измаила у г. Воротыгина удовлетворительнѣе, но зато, вся фигура неслишкомъ правильна, сухоцава и положеніе ея неестественно и принужденно, а одежда Агари слишкомъ нарядна и свѣжа для продолжительнаго скитанія по пустынь. Положимъ, что это малость, на которую не должно обращать особеннаго вниманія, но соблюденіе правдоподобія также одно изъ важнѣйшихъ условій хорошей картины, и слѣдовательно, пренебрегать имъ не слѣдуетъ.

Картины гг. Романова и Тютрюмова, «Изведеніе Св. Апостола Петра ангеломъ изъ темницы», исполнены обѣ, особливо у г. Романова, довольно удачно, но какъ онѣ, вѣроятно, не были представлены на конкурсъ, то мы объ нихъ распространяться не будемъ.

Въ этой-же залѣ находятся копии: съ Рафаэля «Св. Семейство» (Madona del pesce) художника Баскакова, съ Рибейры — «Св. Иеронимъ», пансіонера Академіи Сорокина; съ Павла Веронеза — «Похищеніе Европы Юпитеромъ», класснаго художника де Ладвеза; съ Рафаэля — «Св. Семейство» (Madona della rosa) пансіонера Академіи Григоровича; оригинальная картина г. Волкова (ученикъ г. профессора Бруни) «Всемирный потопъ», (получилъ первую серебряную медаль) всѣ хорошо-исполненныя. «Умиращая Психея», г. Страшинскаго, (ученика г. профессора Маркова) есть воспроизведеніе прекрасной статуи *Тегерана*, находящейся въ Императорскомъ Эрмитажѣ — не смотря на непріятное и неловкое положеніе фигуры и несовершенную оконченность,

картина эта многимъ между-тѣмъ нравится. Вотъ что значитъ присутствіе колорита, выраженіе юности и удачно-выбранный сюжетъ!

Познакомимъ теперь нашихъ читателей съ живописью пейзажною, морскою и баталическою нынѣшней выставки, а также и съ такъ-называемыми *жанрами* (tableaux de genre) т. е. картинами разнороднаго и преимущественно свѣтскаго содержанія.

Первое мѣсто среди пейзажистовъ, выставившихъ свои произведенія на судъ публики, принадлежитъ безспорно гг. Эрасси, пенсіонеру Академіи, Лагаріо и Давыдову.

Эрасси получилъ первую золотую медаль; онъ ученикъ заслуженнаго профессора Воробьева, и выставилъ «*Видъ изъ окрестностей Выборга*». Свѣжесть колорита, естественность и прозрачный, правдивый воздухъ придаютъ пейзажу Эрасси право назваться прекраснымъ произведеніемъ, особенно по тщательной оконченности перваго плана, на которомъ хлѣбная нива, волнуемая вѣтромъ, близко и вѣрно-схвачена съ природы, и много заставляетъ выигрывать цѣлое. Группы деревъ у Эрасси отчетливо вырисованы, колоритъ его сквозитъ и легокъ. Рядомъ съ этимъ пейзажемъ находится пейзажъ г. Давыдова (получилъ вторую золотую медаль) ученика того-же профессора, «*Видъ изъ окрестностей Нарвы*». Сравнивая произведеніе его съ картиною Эрасси, становится трудно рѣшить, которому изъ нихъ отдать преимущество, столько оба они имѣютъ между собою сходства, какъ въ манерѣ, такъ и въ отдѣлкѣ; но въ пейзажѣ Давыдова больше жизни; яркій вечерній тонъ, разлитый по всей картинѣ, придаетъ предметамъ болѣе нѣжности, а фигуры крестьянъ, возвращающихся домой, поставленные на первомъ планѣ, оживляютъ еще больше эту и безъ того дышащую природу. Если мы не ошибаемся, то имя Давыдова еще недавно встрѣчается на нашихъ художественныхъ олимпіадахъ. Во всякомъ случаѣ, настоящее его произведеніе, въ которомъ столько вкуса, знанія перспективы и удачнаго выбора мѣстности, могутъ служить ручательствомъ за блестящіе успѣхи въ будущемъ.

Пансіонеръ Академіи Лагаріо выставилъ два пейзажа: *Кавказскій видъ, на восточномъ берегу Чернаго моря* и *Видъ въ Грузіи рѣки Куры и замка Тамары*. Съ прекраснымъ дорованіемъ г. Лагаріо давно знакомы постоянные посѣтители художественныхъ выставокъ. Нынѣшнія двѣ картины вполне поддерживаютъ выгодное о немъ мнѣніе публики. Г. Лагаріо живописецъ, у котораго, по преимуществу, преобладаетъ воображеніе, и нерѣдко просится на полотно тамъ, гдѣ видимыя формы природы, безъ того прихотливой, несовѣмъ охотно могутъ его допустить безъ явнаго для себя ущерба въ правдоподобіи. По этому,

г. Лагоріо, подобно Сальватору, отыскиваетъ явленія дикія, грандіозныя, исключительныя. Природа Кавказа, съ ея кремнистыми скалами, лѣсными балками, прорытыми потоками, прихотливымъ небомъ и туманами, представляетъ ему обильный источникъ для живописи, въ которой фантазіи дозволяется играть не послѣднюю роль. Легче отыскать рѣзкіе эффекты въ такой природѣ, чѣмъ подмѣтить жизнь тихихъ долинъ и однообразныхъ плоскостей сѣвера. Но зато въ такихъ картинахъ часто эффектность замѣняетъ истину. Лагоріо, впрочемъ, мастерски умѣетъ придавать жизнь своимъ картинамъ и наводитъ на душу чувство ужаса. Въ послѣднее время ясно видно въ его произведеніяхъ, что на кисть его имѣлъ самое благодѣтельное вліяніе Каламъ. Это очень утѣшительно.

Иностранный художникъ Заль (удостоенъ званія почетнаго вольнаго общника) выставилъ пейзажъ «*Норвежскія скалы въ іюньскую ночь.*» Пейзажъ этотъ выполненъ превосходно, хотя слишкомъ яркое освѣщеніе скалъ и кажется неестественнымъ для глаза, незнакомаго съ бореальными переливами свѣта. Намъ удалось слышать самыя странныя толки объ этой картинѣ, даже отъ людей образованныхъ, несмотря на то, что она вѣрно изображаетъ данную тему. Судить исключительную природу очень трудно, не зная ее по опыту. Небо тропиковъ, аравійскій зной и лапландскій свѣтъ—такія явленія, которыя не могутъ быть оцѣнены вѣрно безъ сравненія ихъ съ дѣйствительной природой. Незнакомымъ съ нею зрителямъ приходится вѣрить художнику на слово, и только судить его по впечатлѣнію его картины. Слѣдовательно, въ этомъ отношеніи сдѣлать какое-либо невыгодное замѣчаніе о картинѣ г. Залья нельзя; въ другихъ-же отношеніяхъ она заслуживаетъ только похвалы, и намъ рѣдко случалось встрѣчать въ художникѣ такое искусство владѣть свѣтомъ, какое мы находимъ у г. Залья.

Рядомъ съ произведеніемъ г. Залья выставлены три вида Воробьева: *Видъ на Петровскомъ островѣ* и два вида съ *Исакиевскаго моста*. Г. Воробьевъ успѣлъ приобрести себѣ такую извѣстность, что сказать о его картинахъ что-нибудь новое довольно трудно.

Художникъ Каменевъ выставилъ «*Зимній и лѣтній виды въ окрестностяхъ Петербурга.*» Колоритъ послѣдняго пейзажа особенно очень удаченъ. Изъ двухъ пейзажей иностраннаго художника Лена, «*Вихорь*» и «*Вечерняя молитва въ лѣсу*», въ первомъ мало движенія, которое могло-бы дать полное понятіе о вихрѣ, хотя деревья и нагнуты, но массы ихъ забиты, а воздухъ сухъ и тяжелъ; во второмъ, смѣшеніе двухъ различныхъ свѣтовъ — начинающагося ночнаго, на зад-

немъ планѣ, и послѣдняго отблеска дня, отъ солнечныхъ лучей, проникающихъ сквозь чашу деревъ, исполнено вѣрно и эффектно, и свидѣтельствуешь о большой наблюдательности въ художникѣ. Вообще надо сказать, что колоритъ у г. Лепа живъ и пріятенъ. У него нѣтъ утрировки и видна умѣренность въ нанесеніи красокъ, при изображеніи растительности, чѣмъ такъ часто злоупотребляютъ современные пейзажисты. Передъ картинами г. Лепа можно не разъ остановиться съ удовольствіемъ.

Изъ пейзажей, выставленныхъ учениками г. Воробьева, лучше прочихъ исполнены: пейзажъ Протопопова — «*Видъ на Петровскомъ островѣ*», въ которомъ особенно хорошо изображена вода, съ отражающимися въ ней мостомъ и деревьями; — Чернышева, «*Видъ мельницы въ Старой-Ладогѣ*»; Попова, «*Березовая аллея*» (оба получили по второй серебряной медали) и два вида Горавскаго (получилъ первую серебряную медаль), которые вполнѣ свидѣствуютъ о сильномъ дарованіи молодаго художника. Упомянувъ о картинахъ гг. академикомъ Н. и Ч. Чернецовыхъ, мы заключимъ и этотъ отдѣлъ живописи. Манера и достоинства картинъ гг. Чернецовыхъ давно извѣстны, дарованіе ихъ достойно оцѣнено, и потому, нисколько не вредя ихъ извѣстности, позволимъ сдѣлать нѣсколько замѣчаній о нынѣшнихъ ихъ произведеніяхъ. Виды, представленные ими на выставку, показалось намъ, уступаютъ прежнимъ ихъ трудамъ. Восточные виды написаны довольно сухо; а въ картинѣ, изображающей караванъ, идущій по Волгѣ въ Рыбинскъ, г. Н. Чернецова, насъ особенно удивляетъ изображеніе радуги, выходящей изъ воды. Намъ, по крайней-мѣрѣ и, вѣроятно, многимъ, не удавалось никогда видѣть такой радуги, густой, непрозрачной и похожей болѣе на разноцвѣтные водяные смерчи, чѣмъ на радугу. Объ двухъ другихъ видахъ Волги говорить не станемъ; оба они достойны прежней кисти г. Чернецова.

Акварельные пейзажи и рисунки нынѣшней выставки вообще все хороши и довольно многочисленны, хотя исполнены только четырьмя художниками — иностранцемъ Беземаномъ; ученикомъ г. профессора Тона, Кольманомъ; художникомъ Садовниковымъ и иностраннымъ художникомъ Вейсомъ.

Изъ нихъ два вида Беземана, «*Воспоминаніе о Бременѣ*», и фантастическій пейзажъ, изображающій ночь надъ московскимъ кремлемъ, г. Садовникова достойны особеннаго вниманія.

Гвашной живописью выставилъ четыре картины только одинъ г. Голянковскій; изъ нихъ двѣ: «*Переѣздъ золотопромышленниковъ черезъ рѣку Питъ и Чиримбу въ Восточной Сибири*» и «*Видъ берега Лепы за городомъ Олекманскомъ*», писаны съ натуры и очень хорошо выполнены.

Произведеній морской живописи на нынѣшней выставкѣ очень немного.

Большой канал и дворецъ Пезаро въ Венеціи, выставленный графомъ А. Н. Мордвиновымъ также хорошъ, какъ и прежнія его произведенія: въ немъ тотъ-же глубоко изученный колоритъ юга, таже легкость воздуха, таже удивительная прозрачность и влага воды, таже строго соблюденная перспектива. Графъ Мордвиновъ особенно обладает замѣчательнымъ искусствомъ передавать отраженія въ водѣ, доходящимъ иногда до полного обмана зрѣнія. Потому-то новое произведеніе его, которое можно отнести также и къ видамъ de genre, мы рѣшились отнести къ морской живописи, за неизмѣнимъ по части марины ничего лучшаго въ нынѣшнемъ году. Кромѣ этой картины, графъ Мордвиновъ, выставилъ картину: *Кладбище въ Пизѣ*, внутренность монастыря, гдѣ отраженіе свѣта фонаря, несомато монахомъ, и свѣта луны, проникающаго сквозь окна на плиты могильной галереи, переданы изумительно вѣрно и съ большимъ эффектомъ.

Изъ трехъ морскихъ видовъ, выставленныхъ г. Боголюбовымъ, *Бригъ Меркурій*, *Видъ Лиссабона* и *Видъ Смольнаго монастыря*, болѣе прочихъ обращаетъ на себя вниманіе публики видъ Смольнаго монастыря, по своей извѣстности. Имя г. Боголюбова (получилъ вторую золотую медаль) является на выставкѣ въ первый разъ, а между-тѣмъ уже заставляеть о себѣ говорить. Г. Боголюбовъ обладает неоспоримымъ, замѣчательнымъ дарованіемъ, какъ живописецъ собственно воды, потому-что все прочее, обрамливающее его воду, какъ-то воздушная перспектива, пейзажъ и архитектура, составляетъ въ немъ второстепенное достоинство. Это общій недостатокъ всѣхъ маринистовъ, которые дальше воды не хотятъ ничего видѣть въ природѣ, и подобно лакистамъ, воду считаютъ главною стихіею міра. Но чтобы морскія картины были безукоризненно прекрасны, необходимо одинаково хорошо выполнять все условія живописи, то есть, передавать на полотно всю природу, во всей ея истинѣ и достоинствѣ.

Даль у г. Боголюбова несоблюдена строго, особливо въ видѣ Смольнаго монастыря, гдѣ и самое освѣщеніе затѣяно слишкомъ изысканно и совсѣмъ не въ пользу картины.

Вода въ остальныхъ двухъ картинахъ г. Боголюбова выполнена безукоризненно, особливо, если сравнить ихъ съ водою, написанной въ картинѣ Шульмана, *Корабль Азовъ въ Наваринскомъ сраженіи*, то разница въ художественномъ выполненіи покажется до того очевидною, что произведеніе г. Шульмана теряетъ много своего значенія.

Военная и батальная живопись на выставкѣ нынѣшняго года вообще вся хороша. Собственно батальныхъ картинъ выставлено три. *Представленіе плѣнныхъ венгерцевъ фельдмаршалу князю Паскевичу*,

въ присутствіи Его Императорскаго Высочества, Великаго Князя Константина Николаевича, подъ городомъ Вайценомъ, г. Смоковскаго; Сраженіе при Дебречинь, въ іюль 1849, г. Кепшена, ученика г. профессора Виллевальда, и Смерть генераль-маіора Сльпцова на Кавказъ, князя Макеутова. Скажемъ нѣсколько словъ о каждой изъ этихъ картинъ, принадлежащихъ, по своей величинѣ и множеству изображенныхъ на нихъ фигуръ, къ трудамъ капитальнымъ, въ этомъ родѣ.

Картина г. Смоковскаго, *Представленіе плѣнныхъ венгерцевъ*, написана легко и со вкусомъ. Ее скорѣе можно отнести къ картинамъ военнаго содержанія, чѣмъ къ собственно батальнымъ, потому—что въ композиціи ея нѣтъ почти никакого движенія, никакихъ явленій, которыя выражали бы жизнь, дѣйствіе или, по—крайней—мѣрѣ, отличались разнообразіемъ группъ. Это же самое можно сказать и о картинѣ г. Кепшена; у него также мало движенія, что еще разительнѣе высказывается, чѣмъ въ картинѣ г. Смоковскаго, потому—что г. Кепшенъ желалъ изобразить настоящій бой. Но какъ это первый трудъ, который выставилъ т. Кепшенъ, то нельзя слишкомъ строго смотрѣть на его недостатки, тѣмъ болѣе, что въ группѣ направо отъ зрителя, на первомъ планѣ, еще видны признаки жизни. Группа эта хорошо связана, и нѣкоторые частные моменты драмы боя удачно высказаны. Ничто такъ не уменьшаетъ достоинства батальныхъ картинъ, какъ замѣтное бездѣйствіе въ ихъ группахъ.

Бой есть моментъ всеобщей дѣятельности, самыя разнообразныя чувства одушевляютъ лица, самыя рѣзкія движенія оживляютъ дѣйствіе. Дѣло идетъ о вопросѣ «быть или не быть», или иначе, «побѣдить или умереть». Все, что внушаетъ героизмъ, отвага, ужасъ, — отпечатлѣвается въ такой драмѣ самыми яркими красками. При томъ, для такой картины долженъ быть избираемъ моментъ самый рѣшительный, моментъ, высказывающій послѣднее слово битвы, величественно торжественный. Тогда только картина возбуждаетъ общее участіе и производитъ неотразимое впечатлѣніе. Однимъ словомъ, въ батальной картинѣ должна быть непременно драма, а не простое зрѣлище.

У г. Кепшена замѣтно много воображенія, и хотя картина его нѣсколько холодна въ отношеніи къ драмѣ, но самый размѣръ ея показываетъ уже въ художникѣ увѣренность въ своихъ силахъ и непремѣнное намѣреніе побороть всѣ трудности, безъ которыхъ, на первыхъ порахъ, никакое поприще обойтись не можетъ. Если г. Кепшенъ будетъ прилежно изучать произведенія лучшихъ художниковъ этого рода

живописи, и подмѣтитъ главное ихъ отличительное достоинство, состоящее въ томъ, чтобы каждая фигура, болѣе или менѣе, выражала свое участіе, прямое или косвенное, и не заслоняла собою напрасно планъ картины, тогда нѣтъ сомнѣнія, что онъ займетъ почетное мѣсто въ ряду нашихъ батальныхъ живописцевъ.

Этого рода недостатка незамѣтно въ картинѣ князя МаксUTOва. У него, по-крайней-мѣрѣ, всякая фигура болѣе или менѣе дѣйствуетъ... Но такъ-какъ князь МаксUTOвъ является на выставкѣ съ своими произведеніями не въ первый разъ, стало быть, имѣетъ болѣе опытности, и успѣлъ уже обратить на себя вниманіе публики, то мы почитаемъ обязанностію поговорить поподробнѣе и посерьезнѣе объ его картинѣ нынѣшняго года.

Во-первыхъ, бoльшая часть фигуръ этой картины очень не деликатны въ отношеніи зрителей: онѣ обернулись къ нему спиной, не исключая даже главной фигуры — фигуры генераль-маіора Слѣпцова, котораго лицо, поэтому, остается неизвѣстнымъ для зрителей, очень бы желавшихъ познакомиться съ чертами молодаго героя. Намъ могутъ замѣтить, что, можетъ-быть, г. МаксUTOвъ не имѣлъ подъ-рукою изображенія генерала Слѣпцова; на это мы положительно укажемъ ему на Художественный Листокъ, издаваемый Тимомъ, гдѣ былъ помѣщенъ очень вѣрный портретъ Слѣпцова. Во-вторыхъ, безъ указателя выставки, вѣроятно, бoльшей части посѣтителей осталось бы неизвѣстно, какой моментъ сраженія изображаетъ картина, а еще болѣе, что именно она изображаетъ? Г. МаксUTOвъ выбралъ ту самую минуту, когда раненный генераль, чувствуя боль отъ пули, круто повернулъ лошадь, и сказалъ приближеннымъ: Снимите меня! Незнакомому съ реляціею о смерти генерала Слѣпцова трудно будетъ понять, что именно хотѣлъ изобразить художникъ, даже по распростертымъ рукамъ подбѣгающаго къ генералу казака. Въ-третьихъ, мигъ очень живой въ дѣйствительности, иногда недоступенъ для живописи, и въ-половину не высказываетъ того на полотнѣ, что было на дѣлѣ. Моментъ, представленный г. МаксUTOвымъ, былъ, въ дѣйствительности, только началомъ драмы, началомъ неизвѣстнымъ, неопредѣленнымъ: никто еще не отчаявался въ жизни генерала. Намъ кажется, что для такой картины самый выгодный моментъ былъ бы тотъ, когда генераль лежалъ уже на буркѣ, съ открытою грудью, которую лекаръ зондируетъ, и чувствуя, что онъ уже все въ этой жизни сдѣлалъ для своего долга, въ послѣдній разъ отдаетъ приказанія и передаетъ команду другому. Тутъ была бы драма, вмѣстѣ торжественная и трогательная. Моментъ этотъ ясно выразилъ бы сюжетъ картины и далъ бы художнику возможность щегольнуть разнообразіемъ вы-

раженія и характеровъ лицъ — чего теперь у него не замѣтно, и обернуть фигуры свои лицомъ къ зрителю. Притомъ же въ картинѣ г. Максимова нѣтъ дали, нѣтъ перспективы, въ которой бы воображеніе нашло полный разгулъ для изображенія самой битвы. Почти весь первый планъ покрытъ у г. Максимова густымъ слоемъ пороховаго дыма. Это опять промахъ. Изображая фактъ историческій, надо быть, какъ можно болѣе вѣрнымъ факту. Генералъ Слѣпцовъ пораженъ пулею изъ засады, въ то время, когда онъ обзрѣвалъ съ пригорка поле схватки и отдавалъ приказанія. Не знаемъ, почему художникъ не принялъ въ соображеніе всѣхъ этихъ, очевидныхъ обстоятельствъ, но только нынѣшняя картина его вышла какъ то слаба для его замѣчательнаго дарованія.

Изъ прочихъ картинъ военнаго содержанія особенно заслуживаютъ вниманіе: «*Казакъ у колодца*», г. Филиппова (получилъ первую серебряную медаль), и *Эпизодъ изъ войны 1805 года*, г. Шарлеманя (получилъ первую серебряную медаль), выставившаго только эту одну картину; *Бѣдствіе французовъ въ Россіи, въ 1812 году*, г. Трутнева (получилъ вторую серебряную медаль) и *Солдаты въ походѣ*, комическая сцена класнаго художника Кенига. Во всѣхъ этихъ картинахъ много правды и жизни.

Теперь взглянемъ на картины легкой живописи (de genre). Та изъ нихъ, которая заставила говорить о себѣ болѣе большую часть публики, и вызвала многія замѣчанія, иногда довольно оригинальныя, принадлежитъ г. Зацѣпину и изображаетъ *Монастырокъ на клиросѣ*. Произведеніе это не можетъ выдержать строгой критики искусства, но оно, по оригинальности замысла и по эффектности, невольно обращаетъ на себя вниманіе. Колоритъ ея немного сѣроватъ, рисунокъ неправиленъ, лица фигуръ однообразны, положенія картонны (steif), но она обязана своимъ успѣхомъ эффектному освѣщенію, тщательной отдѣлкѣ аксессуаровъ и счастливой новизнѣ сюжета. Изъ всѣхъ фигуръ монастырокъ, выраженіе и характеръ двухъ изображенъ очень удачно, одной, бѣлокурой, видимо преданной одному только клиросному пѣнію, со всею невинностію дѣтскаго сердца, и другой, брюнетки, которая опустила молитвенникъ, и лукаво смотритъ всторону, между-тѣмъ, какъ открытыя губки издаютъ машинальные звуки.

Мы уже упомянули, что картина эта подверглась также своего рода критикѣ между посѣтителями, и вотъ образчикъ одной изъ нихъ, которую удалось намъ подслушать въ одно изъ посѣщеній выставки:

— Чѣмъ болѣе смотрю я на эту картину, говорилъ одинъ господинъ другому, довольно громко, тѣмъ болѣе не могу ею налюбо-

ваться; три дня я разсматриваю ее, хочу найти какой-нибудь недостатокъ, и наконецъ нашель-таки нынче.

— Какой? спросилъ его другой господинъ.

— А вотъ какой: въ указателѣ сказано: *Монастырки на клиросъ*; прошу замѣтить — монастырки...

— Да, монастырки, подтвердилъ другой господинъ.

— А если монастырки, то почему онѣ представлены такими полненькими и румяными?

— Да, подтвердилъ второй господинъ, скажите пожалуйста, кѣкая важная ошибка! Я также нѣсколько дней заглядываю на эту картину, и вообразите, никакъ не могъ замѣтить такого непростительнаго промаха.

— Да вѣдь евто клирошанки, раздался въ толпѣ голосъ какого-то русскаго челоуѣка съ бородкой, это чай ученицы какія-нибудь, такъ почему же не быть имъ дородными и розовыми?

— А вѣдь въ-самомъ-дѣлѣ, почему имъ не быть такими, подтвердилъ второй господинъ.

— А что вы думаете, вѣдь правда, согласился первый; нечего сказать, талантъ, большой талантъ. И критическій упрекъ произведенію г. Зацѣпина исчезъ...

И вотъ вамъ одинъ изъ тысячи образчиковъ вѣрной оцѣнки художественныхъ произведеній!..

Пансіонеръ Академіи Риццони, уже составившій себѣ извѣстность многими картинами и въ особенности прекрасно исполненными сценами толкучаго рынка, выставилъ нынче изображеніе *Сельскаго быта*. Въ четырехъ, изображенныхъ имъ фигурахъ, солдата, играющаго въ избѣ на балалайкѣ, крестьянской дѣвки, слушающей его со вниманіемъ, старика и старухи, старающихся одинъ передъ другимъ угостить своего постояльца, много наблюдательности и народнаго юмора, не говоря уже объ искусствѣ, съ которымъ написана цѣлая картина.

Не менѣе «Сельскаго быта» Риццони хороша картина г. Чернышева — *Шарманщикъ*. Группа шарманщика прекрасно обдуманна, и особливо удачно изображенъ мальчикъ-халатникъ. Раскраснѣвшееся лицо его выражаетъ полное удовольствіе. Онъ весь обратился въ слухъ и зрѣніе, и въ припадкѣ своего созерцанія, забылъ, куда долженъ идти и зачѣмъ посланъ. Въ рукѣ его тарелка съ огурцами, но онъ не обращаетъ на нее никакого вниманія; разсолъ, за который ему, вѣроятно, достанется, течетъ на землю и на остановившихся около него другихъ зрителей, мальчика и дѣвочку съ школьными сумками. Все слушаетъ, все глазѣетъ, и только одни хладнокровные чухны, занятые расчетами, не поддаются общему обаянію. Не менѣе хороша картина въ этомъ родѣ г. Соколова,

ученика г. профессора Маркова «Черкесъ, продающій сестру турецкому купцу, на берегу Чернаго моря». Выраженіе лицъ и хорошо выполненная идея, живость колорита, много говорятъ за прекрасное дарованіе г. Соколова, имя котораго является на художественной выставкѣ, кажется, въ первый разъ. Недурна также картина г. Страшинскаго, *Формезъ въ роль Оровеза* (въ первомъ дѣйствіи оперы «Норма») по отчетливо выполненному освѣщенію жреца, фигура котораго, озаренная пламенемъ жертвенника, написана бойко и легко отдѣляется отъ полотна.

Въ заключеніе слѣдуетъ упомянуть о двухъ картинахъ г. Шопена, *Рахиль* и *Ревекка*, и о картинахъ иностраннаго художника Гюе, *Дьвушка съ корзиною фруктовъ* и *Дьвушка въ восторгъ*. Г. Шопенъ живописецъ нѣжный: тѣло у него сквозитъ; кажется, вы можете различить пушокъ на эпидермѣ, румянецъ его женскихъ лицъ никогда не напомнитъ о краскѣ, влага и блескъ глазъ — живые! Это самое утонченное искусство — мало того, это щегольство искусства, это самая изящная природа, самымъ предательскимъ образомъ переданная на полотнѣ.

Гюе — художникъ страстный, огненный. Всѣ его картины отличаются нѣжностію письма, свѣжетію колорита, и запечатлѣны выраженіемъ чувства и страсти. Двѣ женскія головки, о которыхъ мы упомянули, до того прелестны, такъ много говорятъ мысли, что отъ нихъ трудно оторваться.

Изъ картинъ, изображающихъ лошадей, первое мѣсто принадлежитъ художнику Сверчкову (признанъ Академикомъ), который въ своей картинѣ *Тройка*, явился не только прекраснымъ живописцемъ лошадей, но и искуснымъ пейзажистомъ. Хороши также изображенія лошадей Ранделя, изъ которыхъ одна лошадь нарисована цвѣтными карандашами.

Впрочемъ, чтобы вполне оцѣнить эту новую отрасль искусства, *портретную живопись лошадей* (L'art ou va-t-il se nicher!), надо быть охотникомъ и знатокомъ лошадинымъ, умѣть разбирать ихъ по етатамъ и различать по зубамъ. Каемся, мы въ этомъ профаны, и отказываемся рѣшительно отъ оцѣнки художества, основаннаго на такого рода спеціальныхъ свѣдѣніяхъ.

Произведеній гравировальнаго искусства нынѣшній годъ очень мало. Изъ учениковъ Академіи только двое: Лебедевъ и Вольфъ, выставили свои работы. Гравюры эти очень недурно выполнены, но все-таки далеко уступаютъ гравюрамъ иностранныхъ художниковъ, Гретбеча и Леве, приславшихъ свои работы на нынѣшнюю выставку.

Гравюръ на деревѣ, къ удивленію, въ-продолженіе уже нѣсколькихъ лѣтъ, наши художники не выставляютъ вовсе, такъ что можно поду-

мать, будто эта вѣтвь искусства, играющая немаловажную роль въ наше время, когда является большая потребность въ иллюстрированныхъ изданіяхъ, у насъ какъ-будто заброшена. Только двое, и то иностранные художники, Боббетъ и Армстронгъ, выставили одинъ 18, а другой 9 гравюръ на деревѣ, прекрасно сдѣланныхъ. Которому изъ нихъ отдать преимущество, даже трудно рѣшить.

Перейдемъ теперь къ скульптурѣ.

Г. Вице-президентъ, графъ Ѳ. П. Толстой, выставилъ два скульптурныя произведенія: «*Нимфа, льющая воду*», и «*Голову Морфея*», которыя, какъ и всѣ произведенія нашего геніяльнаго медальера, обращали на себя всеобщее вниманіе. Графъ Толстой одинъ изъ тѣхъ художниковъ, которые душой и тѣломъ посвятили себя искусству, и любятъ его всеми своими помыслами. Зная замѣчательный талантъ графа, его ученость и глубокія познанія въ своемъ дѣлѣ, нельзя удивляться, что каждое его произведеніе проникнуто мыслію, строго подчинено классическимъ формамъ, исполнено вкуса и отдѣлано въ послѣднемъ совершенствѣ.

Скульптурныхъ произведеній нынѣшній годъ, какъ мы уже сказали немного, и всѣ они ограничиваются только одними бюстами, исполненными г. Румянцовымъ, ученикомъ г. профессора Витали, и г. Забелла, ученикомъ барона Клодта. Круглая фигура, «*Амуръ въ раковинѣ*», г. Бродскаго, ученика Витали, очень милая шутка художника съ дарованіемъ, но вовсе не произведеніе эстетическое. Бѣдность скульптуры нынѣшняго года искупаютъ два прекрасные мраморные бюста, одинъ иностраннаго художника Симонетти (бюстъ покойнаго Академика Ставассера) и другой, съ даровитаго пансіонера Академіи Штернберга, сдѣланный самимъ Ставассеромъ. Это послѣднее произведеніе Ставассера, который *одною* своею статуею «*Русалка*» успѣлъ уже занять мѣсто въ средѣ самыхъ лучшихъ скульпторовъ нашего времени, и къ сожалѣнію, такъ рано похищенъ у насъ смертію.

Большинству публики очень нравились двѣ статуетки иностраннаго художника Менерта: «*Рядовой въ зимней одеждѣ пѣхотнаго полка Генераль-Фельдмаршала, князя Паскевича*, и «*Рядовой Сапернаго Кавказскаго батальона*». Обѣ онѣ выполнены со вкусомъ, но ихъ также нельзя отнести къ чисто скульптурнымъ произведеніямъ; все-таки это, хотя художественныя, но только — игрушки.

Архитектурные проекты, выставленные на полученіе званія академика и медалей, всѣ вообще хороши, выполнены отчетливо и очень многочисленны. Изъ нихъ полное право на всеобщее вниманіе принадлежитъ архитектурному проекту г. академика Рязанова (признавъ про-

фессоромъ) *Православной церкви на кладбищѣ*. Стремленіе къ возстановленію византійско-русскаго стіля и къ сочетанію его съ требованіями новѣйшаго вкуса, удивительная соразмѣрность частей, грація и вкусъ въ самыхъ мелкихъ подробностяхъ и украшеніяхъ, составляютъ неотъемлемыя достоинства этой прекрасной архитектурной мечты. Изъ проектовъ *Съезжаго дома въ столицѣ*, проекты г. художника Червинскаго, класснаго художника Гребенки, художника Ланге, художника Шумахера и Водо доставили исполнителямъ ихъ званіе академикомъ. Художникъ Гиреть, удостоенный званія академика, выставилъ два проекта военнаго госпиталя на 310 кроватей въ г. Перми, и проектъ каменнаго театра на 1,000 человекъ. Театральнаго проекта по плану судить нельзя. Постройка театра требуетъ особенныхъ специальныхъ условій, тѣсно связанныхъ съ сценическимъ искусствомъ. Красота, просторъ, удобство размѣщеній, конечно, вещи очень важныя, но также важны акустика и оптика! Нуженъ музыкальный резонансъ, надо, чтобъ все и вездѣ было слышно и видно, и чтобъ никакъ не зарождалось эхо. На эти условія спотыкались часто геніяльнѣйшіе зодчіи. Жаль, что по проекту нельзя обсудить всѣхъ комбинацій строителя въ этомъ отношеніи. Архитектурные проекты инвалиднаго дома на 1,000 человекъ, близъ столичнаго города, гг. Мюллера и Панафидина, оба очень затѣйливы и красивы, но изъ нихъ особенно нравится большинству проектъ г. Мюллера, по своему громадному размѣру, по мысли, по желанію придать зданію русскій элементъ, по красотѣ и пріятному сочетанію всѣхъ подробностей. Г. Артари Коломба признанъ академикомъ: онъ представилъ плафонъ для загороднаго охотничьяго дворца: проектъ этотъ исполненъ отлично, со вкусомъ и замѣчательнымъ разнообразіемъ орнаментовъ.

9-го октября, художественная выставка Академіи украсилась новымъ живописнымъ произведеніемъ покойнаго К. П. Брюлова, именно портретомъ архіепископа Торентскаго Капечелатро. Мы не будемъ распространяться объ этомъ произведеніи. Это предсмертный трудъ нашего великаго художника, трудъ, на которомъ болѣзнь, страданія и ослабленіе силъ оставили яркую печать.

Оканчивая статью эту и желая успѣха и процвѣтанія нашимъ художествамъ, намъ остается только пожалѣть о томъ, что досихъ-поръ еще у насъ не издается иллюстрированнаго указателя лучшихъ произведеній русскои живописи, обратившихъ на себя вниманіе публики. Голословный указатель не можетъ удержать надолго въ памяти всѣхъ красотъ и достоинствъ разбираемыхъ произведеній, надо, чтобы въ этомъ случаѣ слову помогаль наглядный способъ. Такой указатель могъ бы

современемъ служить матеріаломъ для составленія исторіи русской живописи и наглядною лѣтописью движенія художествъ въ Россіи.

III.

МУЗЫКА.

Нынѣшній оперный сезонъ въ Петербургѣ ознаменованъ появленіемъ новыхъ для насъ артистовъ: Лаблаша, Дебассини, Стежки-Боттарди и г-жи Спеція; остались у насъ пѣвцы и пѣвицы: Маріо, Ронкони, Медори, Де-Мерикъ и Марай. О жизни и талантахъ этихъ новыхъ артистовъ намѣрены мы теперь поговорить съ читателями, но прежде скажемъ слова два о потребности музыки въ Петербургѣ.

Въ одной газетѣ какъ-то была напечатана статья «Музыкальность Петербурга». — «Петербургъ, по словамъ автора этой статьи, музыкальнѣйшій изъ всѣхъ музыкальныхъ городовъ! Петербургъ не можетъ обойтись безъ музыки, точно также, какъ ему необходимы вѣтеръ, повышение и пониженіе воды, сырость и дождь! Отнимите эти особенности у Петербурга, и онъ будетъ скучать. Когда на дворѣ бушуетъ вѣтеръ, уныло завывая въ трубы, когда хлещетъ дождь, на улицахъ пѣтъ проходу отъ грязи, Петербургъ, усѣвшись въ мягкія кресла, защищенный отъ бури и непогоды, съ удвоеннымъ наслажденіемъ слушаетъ музыку. Всѣми временами года Петербургъ наслаждается не иначе, какъ съ акомпаниментомъ музыки. Зимой — итальянская опера; весной — концерты; лѣтомъ — музыка загородныхъ оркестровъ, музыка подъ открытымъ небомъ, при благоуханіи цвѣтовъ, музыка въ поэтическомъ полусвѣтѣ петербургскихъ ночей... Музыка, музыка и музыка.»

Это мысль совершенно-справедливая; жаль только, что авторъ употребляетъ вездѣ въ словѣ поэзія и поэтъ — букву *e* вмѣсто буквы *э*; отъ этого выходитъ у него, напримѣръ, что г. Сидоровичъ — *поетъ*, то есть, производитъ голосомъ пѣніе, въ то время, какъ онъ, по его мысли — *поэтъ*, то есть, творческій художникъ въ своихъ музыкальныхъ произведеніяхъ...

Мы, съ своей стороны, скажемъ: Музыкальность Петербурга, родившись еще недавно, не успѣла принять строгаго, ученаго направленія, не сдѣлалась еще предметомъ глубокихъ изученій и розысканій; многіе изъ петербургскихъ композиторовъ не имѣютъ даже понятія о гене-

ралъ-басъ, контрапунктъ и оркестровкѣ. Но что до этого! Жанъ-Жакъ-Руссо не зналъ науки контрапункта, а несмотря на то, его опера «Le devin du Village» пользовалась заслуженною извѣстностію...

У насъ еще пока преобладаетъ музыка легкая, бальная; но это потому, что наша музыка только что родилась, еще не успѣла въ своемъ шествіи бросить якоря въ тихой и богатой гавани. Музыка вообще не имѣетъ у насъ характера народности; исключеніе изъ этаго составляютъ по бѣльшей части наши романсы; изъ композиторовъ послѣднихъ, извѣстностію пользуются у насъ имена: Варламова, Гурилева, Даргомыжскаго, Верстовскаго, Титова и другихъ; о Глинкѣ нечего и говорить. Эти композиторы посвятили себя изученію народныхъ мотивовъ, и заняли почетное мѣсто въ исторіи музыки въ Россіи. Произведенія ихъ, дышущія русскимъ духомъ, сдѣлались народными, и пробудили участіе въ сердцахъ всѣхъ, звуками знакомыми, родными, составляющими часть нашего духовнаго міра. Къ сожалѣнію, народный характеръ нашъ еще недовольно изученъ, и знаніе его не сдѣлалось еще достояніемъ всѣхъ нашихъ композиторовъ. Въ этомъ заключается главная причина того, что старанія нашихъ композиторовъ произвести что-либо народное въ большоиъ размѣрѣ до-сихъ-поръ еще заставляютъ насъ желать лучшаго и болѣе успѣшнаго. *Жизнь за Царя*, Глинки, отъ перваго звука до послѣдняго, носитъ на себѣ народный отпечатокъ и дышетъ чѣмъ-то роднымъ русскому сердцу. Но сколько опытовъ въ томъ же родѣ остались безъ успѣха? «Русланъ и Людмила» — «Ольга русская сирота» — «Куликовская битва»...

Вѣтерокъ народности снова, съ нѣкотораго времени, подулъ на нашу оперу. Изъ Рима на-дняхъ получено извѣстіе, что Глинка написалъ *симфонію*, сюжетомъ которой послужила поэтическая русская повѣсть «Тарасъ Бульба». Графъ Вельгорскій пишетъ оперу «Цыгане». Молодой композиторъ, извѣстный читателямъ «Пантеона» своими музыкальными рецензіями, г. Сѣровъ, написалъ оперу на другую русскую повѣсть — «Майская ночь, или утопленница». Даргомыжскій, авторъ оперы «Эсмеральда», пишетъ теперь большую лирическую оперу «Русалка» и другую оперу, сюжетомъ которой послужилъ предметъ, взятый изъ народности греческой, стихотвореніе Пушкина «Торжество Вакха». Г. Рубинштейнъ трудится надъ оперой «Волжскій разбойникъ»... Дючъ окончилъ оперу «Вероника»...

Все это самыя пріятныя надежды — впереди.

Кстати о послѣдней оперѣ Даргомыжскаго. Она, какъ мы слышали, ставится на дняхъ на московской сценѣ, и авторъ ея ѣдетъ туда, для надзора за ея постановкою. Опера эта произошла слѣдующимъ

образомъ. — Въ 1836 году, у Козлова, на литературномъ вечерѣ, сидѣли Жуковскій, Пушкинъ и другіе литераторы. Зашли толки о русской музыкѣ и о русскихъ композиторахъ. Пушкинъ сказалъ, что желалъ-бы видѣть оперу лирическую, въ которой соединялись бы все чудеса хореографическаго, музыкальнаго и декоративнаго искусства. Даргомыжскій, композиторъ нѣсколькихъ романсовъ, заслужившихъ уже нѣкоторую извѣстность, еще робкій молодой человекъ, о которомъ шли толки, что онъ написалъ оперу на сюжетъ «Эсмеральды», — вмѣшался въ разговоръ и замѣтилъ, что охотники до выполненія подобной оперы всегда найдутся между русскими композиторами, но найдутся ли между русскими литераторами охотники написать либретто для такой оперы?.. Пушкинъ на это отвѣчалъ, что у него есть для подобной оперы два сюжета. — Какіе же это сюжеты? — спросилъ Даргомыжскій. — Одинъ, отвѣтилъ Пушкинъ — оканчиваемая мною драматическая фантазія «Русалка», — другой, небольшое стихотвореніе, въ антологическомъ родѣ «Торжество Вакха». Изъ первой можетъ выдти большая опера, изъ второй небольшая лирическая опера-балетъ... Слова поэта заронились въ душу композитора, и вотъ теперь являются у насъ двѣ новыя оперы Даргомыжскаго «Торжество Вакха» и «Русалка». — Увертюра къ первой, какъ мы слышали, написана въ томъ стилѣ, съ которымъ насъ познакомили германскіе композиторы, въ партиціяхъ къ поставленнымъ на сцену греческимъ пьесамъ. — При поднятіи завѣсы, на сценѣ рисуются группы поселянъ и горныхъ пастуховъ, въ саду, у подножія скаль, у портика храма Вакха. Другъ за другомъ, съ хорами, поютъ два грека и гречанка (басъ, теноръ и сопрано) тирады изъ стихотворенія Пушкина, и на сценѣ потомъ, въ дѣйствиіи, совершаются картины ихъ арій. Шествіе Вакха, пляски сатировъ и нимфъ и пляска вакханокъ, шествіе Силена, соло флейтщицъ (новый эффектъ въ оперной музыкѣ) и эхо, повторяемое горами въ нѣкоторыхъ мѣстахъ оперы, составляютъ ея музыкальныя особенности.

Нельзя не сочувствовать, въ этомъ случаѣ попыткамъ нашихъ композиторовъ. Говоря о другомъ композиторѣ и о его новой оперѣ, одинъ журналъ замѣтилъ: Опера г. Сьрова «Майская ночь, или утопленница» увлекательна по сюжету фантастическому и полному страстной поэзіи юга, поэзіи степныхъ ночей, панночекъ и украинскихъ мелодій; одного желательно отъ автора: это — при всей преданности его великимъ учителямъ, Моцарту и Бетховену, Мендельсону и Веберу, побольше преданности чистому роднику украинской, еще нетронутой въ операхъ мелодіи; мы убѣждены, что свѣтлый и поэтический стиль этой мелодіи, ея просторъ, ея разнообразное богатство, ея страстная мечтательность,

живая веселость обратятъ на себя всеобщее вниманіе! Мы убѣждены, что со временемъ дѣти Россіи и Беллини и ученики Мейербера придутъ пить къ роднику нашихъ великихъ степей, къ тихому и непочатому еще ключу украинскихъ народныхъ пѣсенъ, къ ключу, изъ котораго досихъ-поръ пилъ одинъ великій и поэтической Шопень, эта чудная, олицетворенная элегія нашей народности! Мы убѣждены, что мотивы, мелькнувшіе въ хватающихъ за душу мазуркахъ Шопена, въ мазуркахъ, написанныхъ имъ въ Крыму и на западѣ нашихъ степей, со временемъ, глубоко отзовутся въ душѣ молодыхъ начинателей русской оперы!»—

Заботливая театральная дирекція наша не упускаетъ изъ виду этихъ стремленій нашихъ композиторовъ. Кромѣ заботъ объ итальянской оперѣ, которая образуетъ вкусъ и таланты послѣднихъ, и своими исполнителями-артистами представляетъ превосходные образцы для нашихъ молодыхъ пѣвцовъ и пѣвицъ, мы долгомъ считаемъ обратить вниманіе и на тѣ молодые дарованія, которыя ея рукою возведены на помосты русской оперы: теноръ Булоховъ, контръ-альто Леонова, сопрано Лаврова!... Мы изучили прекрасные образцы, мы съ каждымъ днемъ болѣе и болѣе присматриваемся къ славнымъ знаменитостямъ въ труппѣ нашей итальянской оперы, подаренной артистической Россіи заботливымъ правительствомъ! Мы желаемъ видѣть родные таланты, хотимъ сочувствовать родному искусству. И, какъ нѣкогда придворный французскій театръ, въ Россіи прошлаго вѣка, положилъ основаніе тому, чѣмъ мы такъ восхищаемся нынѣ въ дарованіяхъ русскихъ артистовъ, итальянская опера нынѣшняго вѣка положила начало художественной оперы русской! И какъ отрадно это явленіе!... Иноземное можно купить, а свое, данное намъ милосердіемъ счастья, не покупается и можетъ вырасти только подъ благотворнымъ вліяніемъ участія и душевнаго вниманія!

Но пока созрѣваютъ наши родные таланты, пока слагаются матерьялы для будущей нашей музыкальной славы, мы будемъ наслаждаться великими дарованіями занесенныхъ къ намъ съ юга артистовъ.

Всякая художественная дѣятельность слагается изъ двухъ сторонъ: *изобрѣтенія идеала и его осуществленія*. Покойный московскій префессоръ Д. Крюковъ, анализируя, въ своемъ разсужденіи о сценическомъ искусствѣ, эти двѣ стороны художественной дѣятельности, замѣчаетъ, что въ первомъ случаѣ сценической художникъ много зависитъ отъ поэта. Онъ получаетъ отъ него готовое содержаніе, которому долженъ дать приличную тѣлесную форму. Это готовое содержаніе составляетъ для него необходимость, отъ которой самая даже бездарность

поэта едва-ли можетъ освободить его. Но и здѣсь остается еще обширное поле для его художественной дѣятельности. Онъ долженъ принять въ себя созданіе поэта, будетъ-ли оно въ мірѣ драмы, комедіи или оперы, и силой собственной фантазіи пересоздать, такъ сказать, еще разъ созданное поэтомъ. Этимъ, конечно, ограничивается трудъ изобрѣтенія для сценическаго художника. Но созданія поэта всегда говорятъ только внутреннему представленію; они всегда болѣе или менѣе чисто отвлеченные образы, которые только въ воображеніи читателя принимаютъ опредѣленный видъ. Отсюда рождается необходимость собственнаго творчества для сценическаго художника. Проникнутый духомъ созданія поэта, полный впечатлѣній, полученныхъ при внимательномъ чтеніи его, художникъ силою фантазіи сливаетъ разбросанныя поэтомъ черты характера въ одно полное и цѣлое представленіе, въ одинъ полный и сомкнутый идеалъ. Какъ часто долженъ онъ пополнять пропуски, примирять противорѣчія, и въ распадающихся, повидимому, стихіяхъ открывать зоркимъ окомъ иногда глубоко таящееся единство. Здѣсь, конечно, онъ уже не рабъ своего подлинника, но такой-же почти самостоятельный создатель, какъ и поэтъ. Поэтому справедливо приписываютъ честь созданія характеровъ великимъ художникамъ театра. Такъ, на примѣръ, говорятъ, что Тальма создалъ характеръ Магомета, Девріентъ характеръ Шейлока, Зейдельманъ характеръ Кромвеля, Каратыгинъ характеръ Людовика XI, Тамбурины характеръ Фигаро, Лаблашъ Дулькамары и донна-Пасквале. Что свобода художника не нарушается здѣсь нисколько — это видно уже изъ той самостоятельности и разнообразія, съ которыми два художника схватываютъ одинъ и тотъ-же характеръ. Всякій живой характеръ есть совокупность нѣсколькихъ отдѣльныхъ сторонъ; возьмите двѣ разныя стороны, и каждую изъ нихъ поставьте точкою тяготѣнія прочихъ, — и тогда вы получите два совершенно различные образа одного и того-же характера. Такъ, на примѣръ, въ Гамлетѣ сдѣлайте нравственнымъ средоточіемъ или его тихую мечтательность, или душевное безсиліе, и вы будете имѣть передъ собою нѣсколькихъ различныхъ Гамлетовъ. Обѣ стороны равно принадлежатъ идеалу Гамлета; но возвысите, на примѣръ, послѣднюю надъ первою, и вмѣсто, несчастнаго Гамлета, котораго тихая, мечтательная душа изнемогаетъ подъ бременемъ кроваваго дѣла, вы получите жалкаго, слабодушнаго Гамлета, и даже, можетъ-быть, вмѣстѣ съ Тикомъ, будете предпочитать ему бездушнаго Клавдія. Но эта самая свобода художника и налагаетъ на него тяжкую отвѣтственность передъ судомъ критики. Только даровитымъ художникамъ удается понять вѣрно представляемую роль; а между-тѣмъ, это почти главное, ибо кто не понялъ роли, тотъ не въ силахъ вѣрно изобразить ее.

Когда трудъ изображенія конченъ, когда идеалъ даннаго характера возсозданъ, начинается другой, важнѣйшій трудъ осуществленія идеала. Здѣсь положеніе сценическаго художника рѣзко отличается отъ положенія живописца, ваятеля и музыканта; ибо для нихъ средствомъ осуществленія идеала служитъ чуждая и неопредѣленная матерія, мраморъ, металлъ, краски, звуки инструментовъ. Сценическій художникъ для осуществленія своего идеала употребляетъ свое собственное тѣло, свою рѣчь, звуки своего голоса, пѣніе и свои тѣлодвиженія. Въ свою личность онъ воплощаетъ свой прекрасный идеалъ или, лучше сказать, самъ становится личностью этаго идеала....

Здѣсь, прежде всего, необходимо, чтобы матеріалъ вполне соответствовалъ художественной цѣли, чтобы напередъ художественная дѣятельность преобразовала его и приготовила въ этомъ тѣлѣ достойное жилище для идеала....

Мимика и декламация — вотъ два искусства, которыя у сценическаго пѣвца художественно преобразуютъ тѣлесную внѣшность актера, и отнимая у нея характеръ ежедневности и обыкновенности, облагораживаютъ ее и, такъ-сказать, идеализируютъ самый матеріалъ сценическаго пѣнія.

Немногіе умѣютъ соединить наблюдательность съ творчествомъ; это соединеніе есть верхъ сценическаго таланта. Одна-же наблюдательность безъ творчества создаетъ односторонніе образы, слишкомъ обнаруживающіе старанія артиста быть выразительнымъ. Если простое приложеніе наблюденій къ данному характеру и удастся въ прѣстныхъ и одностороннихъ характерахъ, каковы на примѣръ Гарпагонъ, Тартюфъ, Бартоло, то эта наблюдательность совершенно уже недостаточна въ характерахъ сложныхъ, каковы, на примѣръ, Людовикъ XI, Ричардъ III, Кромвель, Фальстафъ, и другіе характеры, дышашіе разнообразіемъ и полнотою жизни. Здѣсь одно творчество въ силахъ сплавить всѣ разнообразныя стихіи въ оно цѣлое, и здѣсь-то особенно во всемъ блескѣ являются художественные таланты артистовъ.

Эти мысли мы считаемъ необходимымъ изложить, собираясь говорить о такихъ пѣвцахъ-актерахъ, каковы наши новые гости Итальянской Оперы. Пальма первенства между ними, послѣ отъѣзда Тамбурины, принадлежитъ, по нашему искреннему убѣжденію, — *Ронкони*, съ которымъ Петербургъ познакомился еще въ прошлы оперный сезонъ. Не будь Ронкони пѣвцомъ, онъ, точно также, какъ и Тамбурина, былъ-бы превосходнымъ драматическимъ актеромъ. Надо видѣть его въ «Маріи ди-Роганъ», — въ «Навуходоносорѣ», — въ «Севильскомъ Цирюльникѣ», — въ «Сорокѣ-Воровкѣ» и въ «Донъ-Паскуале», чтобы оцѣнить всю глубину его разнообразнаго сценическаго дарованія. Это уже

не тотъ пѣвецъ древней итальянско-германской школы, который нѣкогда выходилъ передъ публику и неподвижно пѣлъ украшенную фіоритурами и трелями роль свою. Это художникъ-актеръ, который своимъ голосомъ исторгаетъ у насъ слезы, смѣшитъ въ комическихъ роляхъ и поражаетъ своимъ драматизмомъ въ высоко-лирическихъ оперныхъ характерахъ.

Поговоримъ теперь о Лаблашѣ, какъ о послѣдней геніальной новости Петербурга.

Въ послѣднихъ числахъ октября разнеслась по городу вѣсть, что давно ожидаемый Лаблашъ пріѣхалъ въ Петербургъ. Толкамъ не было конца. Одни говорили, что Лаблашъ въ-продолженіе всего пути отъ Штетина до Петербурга долженъ былъ находиться на палубѣ, потому-что, по причинѣ неимоверной тучности своей, не могъ сойти въ каюту; другіе увѣряли, что онъ поручилъ приготовить для себя карету, и прислалъ заранѣе, по этому случаю, мѣрку съ своей окружности, изъ боязни не пролѣзть въ дверцы ни одной изъ петербургскихъ каретъ. Пока одни изъ фельетонистовъ сообщали о немъ слухи городскіе, другіе узнали о его пріѣздѣ, познакомились съ нимъ, и представили читателямъ свѣдѣнія о жизни артиста, почерпнутыя изъ его собственныхъ разговоровъ. Началось съ любопытныхъ анекдотовъ, прогремѣвшихъ въ свое время во всѣхъ городахъ, гдѣ пѣлъ Лаблашъ.

Одинъ изъ журнальныхъ сотрудниковъ пишетъ такъ: «Ростъ Геркулеса, бѣлые зубы, громкій и простодушный смѣхъ, львиная серебристая шевелюра нашего баснописца Крылова, и ни одной морщинки на полномъ, румяномъ и открытомъ лицѣ; маленькая, почти женская ручка и живые глаза, оттѣненные густыми, черными и широкими бровями; неистощимое, легкое, полное остроуміа и наивныхъ выходокъ противъ самого себя и своей полноты краснорѣчіе; безпечность итальянца и веселость француза — таковъ пятидесятилетній Лаблашъ! — Надобно видѣть, надобно слышать его, чтобъ повѣрить анекдотамъ, распушеннымъ о немъ въ Европѣ!»

Первое время по пріѣздѣ въ Петербургъ, синьоръ Лаблашъ принималъ немногихъ гостей своихъ, полулежа на софѣ, въ номерѣ гостиницы Демидова; онъ не могъ ходить и сидѣть, по причинѣ больной ноги, которую ушибъ въ Берлинѣ.

— Ну, какъ вамъ нравится Петербургъ?

— Помилуйте! Гдѣ-же мнѣ было разглядѣть его! Я живу въ немъ уже шестьдесятъ часовъ, и до-сихъ-поръ знаю изъ него вотъ эту только комнату, да газовую лампу въ ней!

— Какъ вы сюда доѣхали? спрашивалъ далѣе фельетонистъ.

— О! это другой вопросъ! На границѣ, взглянувъ на дверцы ка-

реты, которая должна была везти меня по шоссе, я было призадумался: ужь пролѣзть-ли мнѣ въ нее? — Дѣло однако уладилось; въ дилижансѣ было, кромѣ моего, одно свободное мѣсто и я помѣстился благополучно! Русскія кареты устроены превосходно!

— А какъ вамъ понравилась дорога?

— Отличная! Шесть лѣтъ сряду я собирался въ Россію, и все откладывалъ поѣздку, воображая, что дороги ваши заставятъ пострадать мое поклоненіе жизненному комфорту и мое почтенное, лѣнивое тѣло! Я пріятно обманулся: на этихъ прекрасныхъ дорогахъ можно достать все, что нужно!

Вотъ анекдотъ, рассказанный самимъ Лаблашемъ.

— Надо вамъ замѣтить, говорилъ онъ, разсматривая мягкій русскій сапогъ, принесенный ему на больную ногу: мой парижскій другъ, Берліозъ, сыгралъ однажды со мною презабавную шутку. Было время, когда Парижъ увлекался странностью изъ странностей, дивомъ изъ дивесей, карликомъ изъ карликовъ, — славнымъ Томъ Пусомъ. Всѣ бѣгали за нимъ, всѣ ловили его; дамы носили его въ своихъ муфтахъ, ридикюляхъ и карманахъ, а мужчины сажали его на свои плеча и во время обѣда на крышки стразбургскихъ пироговъ. Одинъ новый путешественникъ обратился къ Берліозу съ просьбою, дать ему адресъ этого микроскопическаго человѣчка. Берліозъ взялъ карандашъ и клочекъ бумажки и, вмѣсто адреса Тома Пуса, сообщилъ ему мой адресъ.... Однажды собрался я выйти со двора; раздася звонокъ, я отпираю двери, входитъ господинъ самой кроткой наружности и ищетъ чего-то взорами подъ моими ногами.

— Что вамъ угодно?

— Я желаю видѣть Томъ-Пуса?

— Это — я!

— Быть не можетъ!!

— Могу васъ увѣрить...

— Но какъ же это? Тотъ маленькій!

— Правда: въ публикѣ я точно являюсь почти невѣроятнымъ крошечкой; но дома я люблю кейфъ и позволяю себѣ раздуться, сколько душѣ угодно.

Въ февральскіе дни 1848 года Лаблашу донесли, что его сынъ, увлеченный любопытствомъ, бросился изъ дому, смотрѣть на баррикады. Нѣжный отецъ разослалъ всѣхъ своихъ слугъ и пріятелей искать его, и самъ, накинувъ на плеча свой классическій плащъ, пошелъ на бульвары, на которыхъ уже начилась суматоха. Онъ шелъ быстро впередъ, надѣясь въ толпахъ бѣгущихъ увидѣть своего сына.

— Эй вы? господинъ! — закричалъ ему уличный мальчишка. — Лаблашъ остановился.

— Проваливай-ка во свояси, а то вѣдь этакъ сдѣлаютъ изъ тебя баррикаду: вишь какой толстый!

Лаблашъ запахнулся плащомъ и принужденъ былъ вернуться домой. Въ другой разъ случилось ему пообѣдать, во-время прогулки, въ пассажѣ Шуазель.

— Не знаю, какъ это произошло, рассказывалъ Лаблашъ: только когда я вышелъ на улицу и сталъ у выхода изъ пассажа, оказалось, что я своею особою загородилъ совершенно двери. Уличный мальчишка разъ десять пытался проскользнуть мимо меня и тщетно заходилъ со всѣхъ сторонъ... Я замѣтилъ его эволюціи и далъ себѣ слово не пропускать его: онъ вправо, и я вправо, онъ заходить съ лѣвой стороны, и я приклоняюсь къ лѣвой сторонѣ... Мальчишка, ухватился за кисть моего плаща и сердито принялся за нее дергать.

— Чтò тебѣ нужно? спросилъ я, нагибаясь къ крошкѣ.

Онъ продолжалъ дергать за кисть плаща, приговаривая:

— Эй! дворникъ, дворникъ, отопри!

— Да чтò тебѣ нужно?

— Да вотъ, пріятель, звоню, чтобъ дворникъ отворилъ ворота: нужно пройти, есть важное дѣло!

Лаблашъ расхохотаяся, разставилъ ноги, и плути проскочилъ между нихъ.

Въ *Репертуръ* былъ рассказанъ анекдотъ о 365 табакеркахъ Лаблаша. Такъ какъ теперь припомнить его очень кстати, мы заимствуемъ его изъ одной французской газеты.

«Многія знатныя особы и почитатели таланта Лаблаша надарили ему столько табакерокъ, алмазныхъ, жемчужныхъ, изумрудныхъ и перламутровыхъ, что число ихъ наконецъ возрасло до 365... Какъ-то онъ пѣлъ болѣе удачно, чѣмъ въ другое время, на королевскомъ театрѣ въ Лондонѣ, и королева Викторія, сочувствуя его высокому дарованію, подарила ему, въ знакъ своего благоволенія, табакерку, украшенную миниатюрными портретами всѣхъ первыхъ знаменитостей музыкальнаго міра Европы, среди которыхъ былъ и портретъ Лаблаша, увѣнчанный лаврами. — Королева сказала Лаблашу:» Надѣюсь, что вы, нюхая изъ этой табакерки, вспомните о гостепріимномъ Лондонѣ!» — «Тысячу извиненій, ваше величество, сказалъ Лаблашъ, — у меня ровно триста-шестьдесятъ-пять табакерокъ, съ которыми я связанъ словомъ — нюхать изъ каждой табакъ по одному дню въ годъ! Въ году тоже триста-шестьдесятъ-пять дней — и такимъ образомъ... —

«Ну, такъ нюхайте изъ нея въ высокосные годы!» сказала съ улыбкою королева.

Листъ, въ своихъ «воспоминаніяхъ о Шопенѣ», сообщаетъ слѣдующій анекдотъ о находчивости Лаблаша.

«Однажды, — это было еще въ тѣ времена, когда у Лаблаша не было еще тѣхъ трехъ милліоновъ франковъ, которыми онъ владѣетъ теперь, — онъ скитался вечеромъ по Парижу, отыскивая себя квартиру, потому-что хозяинъ дома, въ которомъ онъ жилъ, поссорился съ нимъ за неплатежъ.

Входитъ онъ на лѣстницу одного дома на Итальянскомъ-бульварѣ, вглядываясь въ надписи квартиръ, гдѣ отдавались въ наймы скромные номера для холостыхъ, и слышитъ звуки музыки.

Онъ обратился къ привратнику, который его сопровождалъ.

— Что это такое? спросилъ онъ у него.

— Это во второмъ этажѣ парижскіе артисты даютъ концерты въ пользу бѣдныхъ.

— Ну, и концертъ долженъ быть бѣденъ, ни одной кареты не видно у подъѣзда.

— Очень просто: вечеръ, какъ видите, превосходный; публика гуляетъ по бульвару, и ее не заманишь послушать музыку никакими именами.

— Но я слышу итальянскія аріи...

— Что же дѣлать! Я самъ прибивалъ аффишки къ столбамъ бульварныхъ фонарей, и очень хорошо помню, что въ фишахъ сказано: «Будутъ пѣть аріи, которыя на-дняхъ пѣлъ славный *Лаблашъ!*!» а посмотрите, ничто не помогло — во всей концертной залѣ не болѣе двадцати человѣкъ слушателей, да и тѣ, болѣею частью, родные артистовъ! Нѣтъ, добрый господинъ, не приманишь нашей публики.

— А постой, дай-ка я попробую! — сказалъ Лаблашъ своему провожатому: давай мнѣ билетъ!

Черезъ десять минутъ бульваръ опустѣлъ и публика ломилась въ двери концертной залы. Билеты за тройную и четверную цѣну были всѣ распроданы. Привратникъ начиналъ впускать слушателей безъ билетовъ, — за упятеренную цѣну...

Лаблашъ, стоя на бѣдной досчатой эстрадѣ, съ нотами въ рукахъ, среди двухъ рядовъ сальныхъ свѣчъ, пѣлъ — и публика, за четверть часа передъ тѣмъ безопасно-гулявшая по бульварамъ и невнимавшая интересамъ искусства, проливала слезы и не жалѣла для геніяльнаго артиста своихъ рукоплесканій.»

Въ одномъ нѣмецкомъ музыкальномъ изданіи помѣщена біографія

Лаблаша. Вотъ выдержки изъ нея, поправленныя въ ошибкахъ самимъ пѣвцомъ.

— Луиджи Лаблашъ родился въ 1795 году, 6 декабря, въ Неаполѣ. Отецъ его былъ негоціантъ изъ Марсели, оставившій свое отечество въ 1791 году, и женившійся въ Неаполѣ на ирландкѣ, по имени Франциска Битакъ. Здѣсь онъ основалъ было торговый домъ, но въ 1799 году погибъ жертвою революціи. — Юсіфъ Наполеонъ, старавшійся, по возможности, облегчать участь своихъ соотечественниковъ, пострадавшихъ отъ мѣстныхъ смуть, доставилъ сыну умершаго, нынѣшнему знаменитому пѣвцу, возможность учиться въ неаполитанской консерваторіи della piéta de Toucchiné. Здѣсь двѣнадцатилѣтній Луиджи, уже обличавшій въ себѣ и прежде замѣчательныя музыкальныя способности, бралъ уроки вокальной и инструментальной музыки. Сначала онъ былъ лѣнивъ и непослушенъ, но потомъ опасеніе быть исключеннымъ изъ заведенія заставило его приняться за дѣло серьезно. Тутъ огромный музыкальный талантъ воспитанника сталъ выказываться на каждомъ шагу. Однажды, напримѣръ, одинъ изъ его товарищей, который долженъ былъ играть въ оркестрѣ на контрабасѣ, внезапно захворалъ. Лаблашъ тотчасъ же вызвался замѣнить собою заболѣвшаго, хотя прежде никогда и не дотрогивался до контрабаса. Онъ поработалъ дня три, поработалъ довольно-усердно, на новомъ для него инструментѣ, и въ концертѣ исполнилъ свою партію, какъ нельзя лучше. Страсть къ сценѣ начала проявляться въ немъ весьма рано, а потому пять разъ покидалъ онъ консерваторію, въ надеждѣ попасть на какой-нибудь изъ европейскихъ театровъ. Эти побѣги привели только къ тому результату, что въ Неаполѣ былъ обнародованъ законъ, по которому всякій директоръ театра, въ цѣломъ королевствѣ, ангажировавшій въ свою трупу, безъ дозволенія правительства, воспитанника консерваторіи, подвергался штрафу въ 2,000 червонцевъ, и кромѣ-того обязывался закрыть свой театръ на двѣ недѣли. Лаблашъ понялъ, что шутка была плохая и спокойно принялся за свои прежнія занятія. По окончаніи курса, онъ немедленно былъ ангажированъ, въ качествѣ buffo napoletano, на театръ Санъ-Карлино. Дебютанту было всего только 18 лѣтъ; однакожь, пять мѣсяцевъ спустя послѣ своего перваго дебюта, онъ уже женился на дочери знаменитаго актера Пикотти. Вскорѣ онъ былъ ангажированъ, тоже для партіи buffo, на Мессинскій театръ, а затѣмъ попалъ на театръ въ Палермо, гдѣ дебютировалъ въ Маркѣ-Антоніѣ, оперѣ Панези. (По словамъ Лаблаша первый дебюсъ его былъ въ 1813 году). Пробывъ въ Палермо пять лѣтъ, онъ получилъ приглашеніе на миланскій театръ de la Scala, и дебютировалъ

въ «Сенеgentola», въ партіи Дандини. Кстати, въ Петербургѣ, въ бенефисъ госпожи де-Мерикъ, 26 октября, онъ выступилъ въ роли Барона; съ нимъ въ одно время пѣли Тамберликъ въ роли Рамира; Ронкони въ роли Дандини; Тальяфико въ роли Алидора, а де-Мерикъ въ роли Ченерентолы. Во-время пребыванія Лаблаша въ Палермо, Меркаданте написалъ для него оперу «Elisa e Claudio». Успѣхъ молодого артиста былъ огромный; его голосъ, искусство пѣнія, игра, однимъ-словомъ, все въ немъ возбуждало восторгъ и удивленіе. Такимъ-образомъ Лаблашъ провелъ семь счастливыхъ лѣтъ въ Миланѣ; но желаніе славы заставило его покинуть этотъ музыкальный уголокъ Италиі, въ которомъ онъ былъ принятъ съ такимъ радушіемъ. Онъ отправился сначала въ Туринъ, а потомъ посѣтилъ всѣ итальянскіе города, отъ Неаполя до Болоньи и Мадены.

Въ Туринѣ онъ пѣлъ трудную арію Уберта въ «Агнесѣ» Паэра, и произвелъ незапамятный фуроръ. Въ Вѣну онъ прибылъ въ 1823 году, и въ четыре вечера сряду исполнилъ четыре совершенно разнохарактерныя роли — Фигаро, Асура, Иеронима и Уберта, съ такимъ успѣхомъ, что въ честь его была выбита медаль. Всеобщему энтузіазму не было границъ. Даже любимцы вѣнской публики — Рубини и Фодоръ, при появленіи новаго гостя какъ-бы отодвинулись на второй планъ. Неранѣе, какъ черезъ десять лѣтъ, онъ снова воротился въ Неаполь, но уже не на миниатюрный театръ Санъ-Карлино, а на обширную сцену Санъ-Карло, на которой и выступилъ въ роли Асура. Потомъ онъ пѣлъ въ Пармѣ, въ «Замръ» Беллини, по случаю открытія тамъ новаго театра; наконецъ, въ 1830 году, прибылъ въ Парижъ, гдѣ успѣхъ его былъ таковъ-же, какъ и повсюду. Посѣтивъ Лондонъ, онъ опять, въ 1834 году, отправился въ Неаполь, а въ августѣ 1835 года окончательно переехалъ въ Парижъ. Онъ сдѣлался любимцемъ парижанъ, и ни одинъ оперный сезонъ не обходился у нихъ съ-тѣхъ-поръ безъ Лаблаша, который началъ дѣлить свой талантъ исключительно между Лондономъ и Парижемъ. Нѣмецкій музыкальный критикъ, еще недавно слышавшій Лаблаша, между-прочимъ говоритъ о немъ слѣдующее: «Правда, прежняя благородная, прекрасная, можно сказать — даже нѣсколько гордая наружность Лаблаша много измѣнилась, по причинѣ неимовѣрной тучности, пріобрѣтенной этимъ артистомъ какъ-то чрезвычайно скоро; зато его голосъ и искусство остаются до-сихъ-поръ въ безукоризненной свѣжести, и если теперь невольная улыбка является на устахъ зрителя, передъ которымъ въ первый разъ выходитъ на сцену такая уже слишкомъ громадная личность, то послѣ первыхъ чудныхъ нотъ этого обворожительнаго голоса, улыбка уступаетъ мѣсто восторгу. Онъ такой-

же отличный пѣвецъ, какъ и актеръ, и что всего удивительнѣе отличный актеръ въ равной степени для комическихъ и серьезныхъ ролей. Голосъ его, быть-можетъ, самый звучный изъ всѣхъ, которые-когда-либо являлись на сценѣ, чистъ, полонъ, свѣжъ, силенъ и необыкновенно гибокъ; манера его пѣнія поразительна своею художественностью; вслѣдствіе этого слушать Лаблаша — истинное, глубокое наслажденіе. Нельзя не замѣтить при этомъ, что Лаблашъ, при своихъ артистическихъ достоинствахъ, обладаетъ еще рѣдкими качествами души. Онъ благороденъ, скромненъ и необыкновенно добръ, истинный другъ ближнему и нѣжный отецъ семейства. Словомъ, въ жизни онъ стоитъ также высоко, какъ и въ искусствѣ.»

Вотъ еще нѣкоторыя подробности изъ послѣднихъ годовъ жизни Лаблаша, рассказанная имъ самимъ.

Двадцать-два года сряду Лаблашъ каждую зиму пѣлъ въ Парижѣ, и двадцать-два года сряду Лондонъ былъ лѣтомъ его загородною виллою. По всей справедливости французы и англичане причислили его къ знаменитой плеядѣ артистовъ, свѣтилъ современнаго искусства, въ-теченіе послѣдней музыкальной эпохи озарявшихъ горизонтъ европейскихъ сценъ. Эту плеяду составляли: Малибранъ, Гризи и Персіани между пѣвицами; Рубини, Лаблашъ и Тамбурины, а въ послѣднее время Маріо и Ронкони, между пѣвцами.

Въ 1824 году, Неаполитанскій Король, которому Лаблашъ былъ представленъ въ Вѣнѣ, пожаловалъ его въ пѣвцы придворной капеллы своей, что съ того времени принуждало артиста оставаться постоянно въ Неаполѣ. Получивъ, въ 1832 году, позволеніе уѣхать, онъ два года пробылъ въ Парижѣ и Лондонѣ. Когда, по окончаніи срока, онъ возвратился въ Неаполь, въ 1833 году, ему не хотѣли снова дать отпускъ. Это дозволеніе онъ однако-жъ получилъ съ величайшимъ трудомъ въ 1835 году, и то не болѣе, какъ на два года, по прошествіи которыхъ королева французская Марія Амалія выпросила ему отпускъ еще на два года. Прибывъ въ Лондонъ весною 1835 года, Лаблашъ началъ давать уроки принцессѣ Викторіи, нынѣшней королевѣ англійской. Когда-же, по истеченіи послѣдняго срока отпуска, ему слѣдовало возвратиться въ Неаполь, королева, и понынѣ продолжающая брать у Лаблаша уроки, просила графа Лудольфа, бывшаго тогда неаполитанскимъ посланникомъ въ Лондонѣ, исходатайствовать *учителю ея* отпускъ еще на четыре года. Когда въ сороковыхъ годахъ Лаблашъ, по окончаніи и этого отпуска, возвратился въ Неаполь, его пригласили на балъ къ графу Сиракузскому, брату короля. Самъ король, приказавъ позвать къ себѣ артиста, разговаривалъ съ нимъ очень милостиво, и

наконецъ, съ улыбкою спросилъ: «Къ кому онъ теперь обратится, чтобъ исходатайствовать себѣ отпускъ?»... Лаблашъ, воспользовавшись милостивымъ расположеніемъ короля, отвѣчалъ: «Къ вашему величеству!» Король разсмѣялся, и съ того-же дня данъ артисту безсрочный отпускъ, которымъ Лаблашъ, поселившійся совершенно въ Парижъ, и пользуется съ-тѣхъ-поръ безпрепятственно.

Для этого великаго артиста написано первыми композиторами Италіи множество оперъ, изъ которыхъ извѣстнѣйшія: «Elisa e Claudio», написанная для него Меркаданте, въ началѣ двадцатыхъ годовъ; эта опера считается одною изъ лучшихъ оперъ-буффо того времени; въ Неаполѣ Пачини написалъ для Лаблаша «L'ultimo giorno di Rompeja», а Донизетти «L'Esule di Roma». При главной репетиціи этой оперы случилось любопытное происшествіе. Партія Лаблаша (сенаторъ Мурена) заключаетъ въ себѣ много патетическихъ мѣстъ. Въ числѣ ихъ есть одна поразительная сцена: Мурена, ненавидѣвшій Манлія, претендента на руку его дочери, оклеветалъ его передъ сенатомъ. Невинный Манлій приговоренъ къ смерти въ циркѣ; Мурена, терзаемый совѣстью, возвращается домой и находитъ Манлія у ногъ своей дочери. Первые репетиціи были безъ сценическаго представленія. Но когда на главной репетиціи, Лаблашъ, проникнутый своею ролью, явился на театрѣ въ упомянутой сценѣ, весь оркестръ, пораженный страшнымъ выраженіемъ искаженнаго страстью лица его, мгновенно остановился и не могъ продолжать играть. Когда прошло первое изумленіе, Лаблашъ, обратясь къ оркестру, сказалъ со смѣхомъ: «Хорошъ я буду, если вы завтра со мною сдѣлаете тоже!»

— «Нѣтъ, отвѣчалъ камельмейстеръ: успокойся! завтра я запрещу оркестру смотрѣть на тебя во-время этой сцены!»

Беллини, прибывъ въ Парижъ въ 1835 году, написалъ для Гризи, Лаблаша и Тамбурины «Пуританъ», одно изъ лучшихъ своихъ произведеній. Всѣ любители съ восторгомъ вспоминаютъ о Лаблашѣ въ партіи Джіорджіо, и о прекрасномъ дуэтѣ съ Тамбурины «Il rival salvar tu dei!» Тамъ-же Донизетти написалъ для него оперы «Marino Faliero» и «Don Pasquale»; наконецъ въ 1850 году, Галеви въ Лондонѣ написалъ для него оперу «Буря», и всѣ еще помнятъ огромный эффектъ, произведенный артистомъ въ партіи Калибана.

Композиторъ, восхищенный успѣхомъ своей оперы, обратился къ артисту, который наиболѣе содѣйствовалъ этому успѣху, и просилъ его написать ему что-нибудь на память въ альбомъ...

Лаблашъ тутъ-же взялъ перо и написалъ слѣдующія строки :

«Quanto dell'altre varia
D'Halevy la tempesta!
Quelle fan' piover grandine
Oro fa piover questa!»

Это значитъ: «Какъ непохожа буря Галеви на другія бури! Отъ тѣхъ нисходитъ дождь съ градомъ, а отъ нея дождь золотой!»

Всѣ, слыхавшіе Лаблаша еще въ настоящемъ году, въ восторгѣ отъ него. И въ-самомъ-дѣлѣ — голосъ его донинѣ одинъ изъ превосходнѣйшихъ! Примѣры подобныхъ голосовъ необыкновенно рѣдки. Онъ сохранилъ до-сихъ-поръ всю свою свѣжесть и звучность. Лаблашъ на сценѣ, несмотря на свою необыкновенную дородность, легокъ и проворенъ. Его поддерживаютъ внутренняя сила и любовь къ искусству. Выходя за кулисы, онъ, кажется, какъ-бы утомленнымъ; но возвращаясь на сцену, снова оживаетъ...

Одинъ изъ лучшихъ современныхъ актеровъ-пѣвцовъ, онъ несравнененъ въ партіяхъ буффо; но и драматическія партіи, какъ мы сказали, достаются ему чрезвычайно легко. Кто не слышалъ о неодолимомъ искусствѣ его въ партіяхъ: Уберто въ «Агнесѣ», Ассура въ «Семирамидѣ», Генриха VIII въ «Аннѣ Болейнѣ», Отца въ «Инесѣ де-Кастро», Оровеца въ «Нормѣ», Джіорджіо въ «Пуританахъ»! И въ партіяхъ буффо: Дандини и потомъ барона Монтефіасконе въ «Ченерентолѣ», Маркиза въ «Элиза и Клаудіо», Джеронимо въ «Matrimonio segreto», Подесты въ «Сорокѣ-Воровкѣ», Дулькамара въ «Elisir d'amore», Капельмейстера въ «Prova d'un orega Sergio и, наконецъ, Фигаро въ «Севильскомъ цирюльникѣ»?

Въ этихъ, равно какъ и въ другихъ, имъ исполненныхъ партіяхъ, Лаблашъ, по единогласному мнѣнію знатоковъ, — идеаль совершенства. Будучи превосходнымъ знатокомъ музыки, онъ составилъ и издалъ въ Парижѣ, посвященную королевѣ англійской «Методу пѣнія».

Отъ брака съ дочерью извѣстнаго актера Пинотти у него четыре сына. Два сына, изъ которыхъ одинъ артиллерійскій офицеръ французской службы, бывшій воспитанникъ политехнической-школы, живутъ въ Парижѣ; третій сынъ въ Лондоиѣ. Одна дочь за-мужемъ за извѣстнымъ пѣвцомъ Тальбергомъ, а другая за французскимъ помѣщикомъ. Четвертый сынъ, артистъ, и дочь, дѣвица, находятся теперь съ отцомъ въ Петербургѣ. Эта дочь, надѣленная прекрасной наружностью, владѣетъ прекраснымъ голосомъ и, какъ салонная артистка, приводитъ всѣхъ въ восхищеніе.

Дебютъ Лаблаша въ Петербургѣ былъ въ роли «Донъ-Пасквале». Онъ встрѣченъ былъ громомъ рукоплесканій... Его ухватки и классическая дородность не разъ исторгали у публики дружный хохотъ, особенно въ томъ

мѣстѣ пьесы, когда онъ, терзаемый любопытствомъ и ревностію, хочетъ поднять письмо, уроненное Клариндою, и не можетъ, отъ тучности, нагнуться: онъ пробуетъ поднять письмо одною рукою — не удается, пробуетъ другою — тщетно; разставляетъ ноги и присѣдаетъ къ полу — снова неудача! Тогда онъ беретъ стулъ, ставитъ его у письма, ложится бокомъ на стулъ и — достаетъ рукою письмо... Надо видѣть, съ какимъ комическимъ торжествомъ поднимаетъ онъ его надъ головою, и въ видѣ амура, ставъ на одну ногу, другую вскидываетъ на воздухъ....

Но не эти шутки составляютъ достоинства Лаблаша! Нѣтъ силъ выразить того обаятельнаго впечатлѣнія, которое производитъ его голосъ. Иногда, покрывая своими звуками весь оркестръ, онъ кажется, еще жалѣетъ оркестръ, и не всѣ силы своего голоса выказываетъ публикѣ: такъ свѣжъ, чистъ, силенъ и очарователенъ этотъ голосъ!

Теперь изложимъ черты изъ жизни другаго пѣвца нашей Итальянской-оперы, изъ жизни *Дебассини*, одного изъ извѣстнѣйшихъ пѣвцовъ современной музыкальной школы, пользующагося въ Италіи, въ Лондонѣ и Вѣнѣ вполне заслуженною извѣстностію.

Дебассини, по словамъ біографовъ, подобно Тамбурини и Ронкони, принадлежитъ къ числу артистовъ, называемыхъ въ Италіи *generico* — многосторонними. По отзывамъ музыкальныхъ журналовъ всѣхъ городовъ, гдѣ Дебассини появлялся на лирической сценѣ, онъ превосходный пѣвецъ и актеръ, какъ въ драматическихъ, такъ и въ комическихъ роляхъ и въ такъ-называемомъ *mezzo-carattere*.

Онъ молодъ: ему только тридцать-три года. На сценѣ онъ около четырнадцати лѣтъ, а между-тѣмъ игралъ и пѣлъ уже 89 различныхъ ролей, въ операхъ всякаго рода, и во многихъ изъ нихъ стяжалъ себѣ европейскую извѣстность.

Ахиллъ Дебассини родился въ Миланѣ, въ 1819 году. Отецъ его былъ офицеръ итальянскаго легіона, сдѣлавшаго въ 1812 году, вмѣстѣ съ французскою арміею, достопамятный походъ въ Россію. Онъ избралъ для сына своего медицинское поприще и помѣстилъ его въ миланскую коллегію, для пріобрѣтенія предварительныхъ свѣдѣній, до поступления въ университетъ; но страсть къ музыкѣ развилась въ молодомъ студентѣ съ самой нѣжной юности. Повинуясь волѣ отца, онъ продолжалъ курсъ наукъ, но всѣ свободныя минуты посвящалъ любимому искусству, въ которомъ въ скоромъ времени сдѣлалъ большіе успѣхи. Кажется, сама природа назначила его для лирико-драматической сцены: превосходный, звучный голосъ, съ легкостію побѣждающій всѣ трудности вокализаціи, высокій ростъ, прекрасная наружность и—главное—страсть къ искусству. Страсть эта превозмогла наконецъ всѣ препят-

ствія... Девятнадцати лѣтъ, не кончивъ учебнаго курса, онъ оставилъ коллегію и рѣшительно посвятилъ себя театру.

Въ 1838 году дебютировалъ онъ въ Павіи, въ роли Ноттингэма, въ оперѣ, «Робертъ Девре», вмѣстѣ съ извѣстною въ то время въ Италіи пѣвицею Този и теноромъ Бозетти. Успѣхъ молодаго дебютанта былъ необыкновенный; даже и тогда знатоки и любители предсказывали ему блистательную будущность, и послѣдствія вполнѣ оправдали это предсказаніе.

Въ этотъ первый сезонъ молодой Дебассини пѣлъ партію Графа въ «Соннамбулѣ» и Манфреда въ оперѣ того-же имени. Въ самомъ началѣ своего поприща, молодой артистъ явился въ трехъ совершенно разнородныхъ и разнохарактерныхъ роляхъ, и показалъ, чѣмъ онъ сдѣлается въ-послѣдствіи, когда опытность и навыкъ вполнѣ разовьютъ прекрасный природный талантъ его. Пробывъ остальные сезоны этого года на нѣсколькихъ второклассныхъ театрахъ, чтобы болѣе свыкнуться со сценою и публикою, онъ, весною 1839 года опять появился въ Павіи, гдѣ публика приняла уже извѣстнаго ей артиста съ восторгомъ, и гдѣ онъ съ такимъ же успѣхомъ, какъ и въ прошломъ году, пѣлъ въ операхъ «*Elena di Feltre*» Меркаданте, въ «Лучіи» и «Эдинбургской тюрьмѣ». Первымъ, такъ называемымъ театромъ *di cartello*, былъ для него Туринъ, гдѣ онъ пѣлъ въ операхъ «Фуріозо» и «Севильскомъ цирюльникѣ». Наконецъ, лѣтомъ 1841 года появился онъ въ первый разъ на лондонской сценѣ, гдѣ въ-продолженіе многихъ лѣтъ публика привыкла видѣть цвѣтъ европейскихъ артистовъ. И въ-самомъ-дѣлѣ, съ кѣмъ встрѣтился тамъ молодой Дебассини?... Съ первѣйшими именами въ современномъ искусствѣ: въ Лондонѣ находились тогда пѣвицы — Гризи, Персіани, Лёви, пѣвцы—Рубини, Лаблашь, Тамбурины! Между ними появился молодой, неизвѣстный дотолѣ артистъ, и ему должно было состязаться съ этими огромными талантами! Но онъ вышелъ побѣдоносно изъ труднаго опыта!

Первый дебютъ Дебассини въ роли Филиппа въ оперѣ «*Beatrice di Tenda*», съ Персіани и теноромъ Флавіо, рѣшилъ его будущность на европейскихъ театрахъ. Его осыпали рукоплесканіями! Такой же успѣхъ имѣлъ онъ въ другихъ операхъ этого сезона, въ «Лучіи» — «Соннамбулѣ» — «Марино Фальеро».

Съ этого времени открылись для молодаго артиста почти всѣ первоклассныя европейскіе театры. Въ 1842 году онъ пѣлъ въ Палермо и въ Падуѣ, а въ октябрѣ того-же года явился въ Венеціи, въ операхъ «Коррадо д'Альтамура», «Лучіи» и въ «*Vestalka*» Меркаданте.

Наконецъ, въ карнавалъ 1842—1843 года прибылъ онъ въ Миланъ,

гдѣ былъ ангажированъ на театръ *La Scala*.—Эта сцена—пробный камень для лирико-драматическихъ артистовъ Италіи. Артистъ, прошедшій безвредно сквозь это горнило, можетъ безстрашно явиться передъ всеми европейскими публиками. На миланской сценѣ красовались тогда первыя знаменитости юной итальянской школы: пѣвицы—Фрецолини, Джули-Борси, Альбони, едва начинавшая свое славное поприще, и теноръ — Гуаско; къ этимъ артистамъ присоединился тогда двадцатитрехъ-лѣтній Дебассини, и музыкальные фельетоны того времени все единогласно признаютъ этотъ сезонъ миланской оперы однимъ изъ блистательнѣйшихъ въ послѣднюю музыкальную эпоху. Главнѣйшими операми были: «*Луcreція Борджіа*» и «*Ильдегонда*» Мартіани.

Дебассини вскорѣ сталъ наряду съ знаменитыми своими товарищами и дѣлилъ съ ними рукоплеканія и вызовы восхищенной публики. Всѣ три послѣдовательные сезона этого года Дебассини оставался на миланской сценѣ. Публика не хотѣла разстаться съ любимымъ пѣвцомъ своимъ, находившимъ въ Миланѣ все, чего можетъ желать молодой артистъ — просвѣщенную публику, достойно оцѣняющую исполненіе, но при всемъ томъ непронускающую ни малѣйшей погрѣшности въ вокализациі и игрѣ артиста; знаменитыхъ товарищей, у которыхъ было чему поучиться, и одинъ изъ превосходнѣйшихъ оркестровъ Европы. Соединенію этихъ элементовъ, Дебассини, какъ самъ онъ сознается, обязанъ болѣею частію своихъ послѣдующихъ успѣховъ на прочихъ европейскихъ сценахъ!

Въ 1843 и 1844 годахъ, Дебассини пѣлъ въ Моденѣ, Флоренціи, Ливорно и наконецъ въ Римѣ, болѣею частію произведенія новаго композитора—Верди, сдѣлавшагося въ это время любимцемъ итальянской публики: въ операхъ—«*Навуходоносоръ*» — «*Корейканская невѣста*» — «*Ломбардцы*» — «*Эрнани*» — «*Два Фоскари*», написанной именно для него композиторомъ. Въ этихъ операхъ, успѣхъ которыхъ основанъ болѣею частію на драматическихъ эффектахъ и на *morceaux d'ensemble*, требующихъ отъ артиста силы и звучности въ голосѣ, энергіи въ дикціи, и какъ-бы созданныхъ для природныхъ средствъ Дебассини, онъ явился во всемъ блескѣ своего таланта, и единогласно, вмѣстѣ съ пѣвицею Джули и теноромъ Гуаско, признанъ лучшимъ исполнителемъ музыки новой школы.

Въ Мантуѣ, въ сезонъ 1844—1845 года, онъ пѣлъ впервые съ дѣвицею Ритою Габусси, племянницею извѣстнаго композитора, превосходною пѣвицею, которая въ послѣдствіи сдѣлалась его супругою, и нынѣ находится съ мужемъ въ Петербургѣ. За тѣмъ, въ началѣ 1845 года,

онъ возвратился въ Миланъ, а на лѣтній сезонъ ангажированъ былъ на вѣнскій театръ.

Здѣсь также собралась въ то время одна изъ лучшихъ оперныхъ труппъ: пѣвицы Персіани и Габусси, теноры Синико и Ферретти, знаменитый басъ Марини и буффо-басъ Ровере.

Оперы этого сезона были: «Два Фоскари» — «Лучія» — «Привидѣніе» (Fantasma) Персіани—и «Севильскій Цирюльникъ». Дебассини вскорѣ сдѣлался любимцемъ публики въ Вѣнѣ, какъ и въ Миланѣ, куда онъ возвратился въ августѣ того-же года и гдѣ оставался до весны 1846 года. Въ апрѣлѣ онъ явился въ Геную, и на театрѣ Carlo Tetia дебютировалъ съ пѣвицею де-Джули и теноромъ Ивановымъ, въ «Лучіи», имѣвшей огромный успѣхъ.—Въ тотъ-же сезонъ написана нарочно для этой труппы извѣстная опера—«Малекъ-Адель».

Осенью того-же года Дебассини пѣлъ въ Триестѣ, въ операхъ «Аттила» — «Эрнани» Верди и «Лукреція Борджія» съ артистами: Барбіери-Нини, Альбони, Ивановымъ и Цуккони.

Однимъ изъ замѣчательнѣйшихъ сезоновъ для Дебассини былъ сезонъ карнавала въ Миланѣ 1846—1847 годовъ.—Здѣсь великіе артисты—пѣвица Тадолини и теноръ Моріани—озарили сцену «Скалы» послѣдними яркими лучами своего огромнаго таланта. Съ ними пѣлъ басъ Марини, извѣстный англійскій теноръ Ривсъ и буффо Ровере, оставившій въ Петербургѣ столь пріятныя о себѣ воспоминанія.

Въ 1847 году Дебассини пѣлъ во Флоренціи въ Венеціи и Болоньи, и въ 1848 году въ Триестѣ, съ Барбіери-Нини и знаменитымъ теноромъ Фраскини.

Весною 1849 года Дебассини пѣлъ въ Туринѣ и Генуѣ, откуда отправился въ Неаполь, единственный городъ Италіи, гдѣ онъ не пѣлъ до того времени и гдѣ оставался три года сряду. Тамъ репертуаръ его сдѣлался огромнымъ. Главнѣйшія изъ оперъ, въ которыхъ онъ участвовалъ, были: «Лукреція Борджія»—«Эрнани»—«Два Фоскари»—«Екатерпна Говардъ» — «Марія де Роганъ» — «Навуходоносоръ» — «Коррадо д'Альтамура»—«Сарацинская невольница»—«Севильскій цирюльникъ»—«Донъ Пасквале»—«Элеонора»—«Итальянка въ Алжирѣ»—«Страделла»—«Екатерина Клевская»—«Нѣтъ дыму безъ огня»—«Алина, королева Голкондская»—«Джемма ди Верджи».

Тамъ-же Верди написалъ для Дебассини оперу «Луиза Миллеръ»,—Джіоза «Фолько Арльскій», а Меркаданте «Медею». Дебассини о пребываніи своемъ въ Италіи говоритъ, какъ о пріятнѣйшемъ воспоминаніи своего артистическаго поприща.

Лѣтомъ 1851 года онъ возвратился въ Вѣну, а осенью того-же

года опять отправился въ Неаполь. Лѣтній сезонъ 1852 года Дебассини вновь провелъ въ Вѣнѣ, съ пѣвицами Маррай, Медори, де-Мерикъ, и тенорами Фраскони и Скалезе. Они давали оперы: «Лукреція Борджія» (объ исполненіи этой оперы г-жою Медори, гг. Фраскини и Дебассини всѣ современные мѣстные фельетоны — итальянскіе, нѣмецкіе и французскіе, отзываются какъ о чемъ-то необычайномъ); — «Донъ Пасквале» — «Макбетъ» — «Луиза Миллеръ» — «Донъ-Жуанъ» — «Мужъ и любовникъ». — Затѣмъ, въ іюлѣ онъ отправился въ Лондонъ, гдѣ вмѣстѣ съ пѣвицами Делагранжъ, Идою Бертранъ, Чартонъ, и пѣвцами Лаблашемъ, Гардони, Калцолари, Беттини, Фиорентино, Таккини, Гарція и Сузини, участвовалъ въ операхъ: «Севильскій цирюльникъ» — «Марія де Роганъ» — «Пуритане» — «Отелло» — «Лучія» — «Соннамбула» — «Кассильда» (герцога Саксенъ-Кобургъ-Готскаго) и «Донъ-Пасквале». — Въ половинѣ августа онъ пріѣхалъ въ Петербургъ.

Дебассини, какъ говорятъ, теперь 33 года. Съ прекрасною наружностію и ростомъ онъ соединяетъ всѣ физическія условія, составляющія драматическаго артиста. По словамъ любителей и знатоковъ, слышавшихъ и видѣвшихъ его, равно какъ и извѣстнѣйшихъ музыкальных фельетонистовъ, Дебассини обладаетъ прекраснымъ, звучнымъ, гибкимъ голосомъ, что подтверждаютъ нынѣ всѣ слышавшіе его въ Петербургѣ, въ его первые дебюты въ оперѣ «Эрнани». Съ отличною методою и вокализациею онъ соединяетъ совершенное знаніе сцены, игру благородную и отчетливую, исполненную энергіи и чувства въ партіяхъ драматическихъ, юмора и веселости въ комическихъ и *mezzo carattere*.

Теперь скажемъ о нашемъ новомъ превосходномъ *soprano* — объ артисткѣ *Маріи Спеціа*.

Марія Спеціа, родилась въ 1833 году, въ Виллафранкѣ, близъ Вероны. Въ семействѣ ея не было ни одного артиста, и музыкальное призваніе ребенка обнаружилось довольно страннымъ образомъ.

Десяти или одиннадцати лѣтъ, она случайно услышала, въ веронскомъ театрѣ, знаменитую пѣвицу Унгеръ, въ партіи Паризины; этотъ случай рѣшилъ участь Маріетты. Съ самой той минуты она уже не думала ни о чемъ, кромѣ музыки, напѣвала безпрестанно мотивы слышанной ею оперы, и мелодическимъ своимъ голосомъ старалась подражать музыкальнымъ фразамъ и вокализациі великой артистки. Около самого этого времени посѣтилъ родителей ея извѣстный учитель пѣнія въ Веронѣ, Доминико Форіони, которому многіе извѣстные пѣвцы обязаны своимъ музыкальнымъ образованіемъ. Пораженный звучностію голоса ребенка, вѣрностію интонаціи и слуха, онъ посоветовалъ родителямъ посвятить дочь артистической каррьерѣ, и взялся самъ руководить ее на этомъ попри-

щѣ. Сначала родители Марриеты не соглашались; но убѣжденные лестными обѣщаніями маэстро, отдали ему дочь, музыкальнымъ воспитаніемъ которой онъ въ-теченіе пяти лѣтъ занимался съ усердіемъ артиста и любовью отца!

Скоро молодая Марриета свыклась съ своимъ новымъ положеніемъ; занятіе было ей совершенно по сердцу! Умное, понятливое дитя постигало съ легкостію уроки опытнаго учителя, въ домѣ котораго нашла она себѣ новое семейство.

Пять лѣтъ Маріетта Спеція провела въ домѣ Форіони. Она приобрѣла все необходимыя теоретическія познанія въ музыкѣ и пѣніи, и наконецъ въ 1850 году появилась въ Веронѣ, въ театрѣ Filarmosico, въ партіи Беатриче, въ оперѣ Беллини того-же имени. Этотъ дебютъ рѣшилъ артистическую будущность молодой пѣвицы. Прекрасная наружность, голосъ, исполненный звучности, силы и вмѣстѣ съ тѣмъ нѣжный и выразительный, превосходная метода и вокализація показали въ ней достойную ученицу маэстро, который образовалъ ее. При этомъ игра благородная, отчетливая и, при всей пылкости, столь естественной въ молодомъ талантѣ, неувлекавшая ее никогда за предѣлы граціи и сценическаго приличія, снискала юной дебютанткѣ изъясненіе живѣйшаго удовольствія. Съ нею пѣли извѣстный теноръ Бассадони и баритонъ Джіанни. Съ этими-же артистами она пѣла партію Маріи Падилья въ оперѣ того-же имени, Донизетти, и успѣхъ молодой артистки былъ равномѣрно блистателенъ. Съ-тѣхъ-поръ она твердыми шагами пошла по поприщу, на которомъ первые шаги, бѣльшею частію, служатъ ручательствомъ будущихъ успѣховъ.

Вслѣдъ за тѣмъ г-жа Спеція приглашена была въ Туринъ, на театръ Кариньяно, гдѣ дебютировала также въ партіи Беатриче. Здѣсь встрѣтилъ артистку случай, нерѣдко уничтожающій талантъ въ самомъ цвѣтѣ, особенно-же при начальномъ его развитіи. Но на этотъ разъ онъ послужилъ только къ тому, чтобъ въ полномъ блескѣ выказать ея дарованіе.

По недостатку средствъ импрессарія, или по какому-либо другому случаю, все прочія партіи оперы были заняты сюжетами, болѣе нежели второстепенными. Цѣны за входъ были довольно высоки. Публика громко изъясняла свое неудовольствіе. Но съ каждымъ появленіемъ Беатриче негодованіе утихало, какъ-бы по мановенію волшебнаго жезла и, между-тѣмъ, какъ прочихъ артистовъ встрѣчали свистки и шиканья, молодую дебютантку провожали и принимали рукоплесканія и выраженія

живѣйшаго восторга. Десять представленій оперы сопровождались тѣми-же явленіями.

Послѣ этого короткаго сезона, пѣвица отправилась въ Брешию, на время ярмарки; здѣсь явилась она въ партіи Леди Макбетъ, въ оперѣ того-же имени, и въ Жизельдѣ въ «Ломбардахъ» (Верди), съ теноромъ Ланди и съ баритонами Корси и Казале. Успѣхъ ея былъ такой-же, какъ въ Туринѣ и Веронѣ, куда она вскорѣ возвратилась и пѣла въ «Весталкѣ» Меркаданте, данной по случаю проѣзда черезъ этотъ городъ Австрійскаго Императора; вмѣстѣ съ нею пѣли теноръ Конти, баритонъ Джіанни и контральто Кальви.

Въ 1851 году Спеція явилась на театрѣ въ Падуѣ, въ партіи Дездемоны въ «Отелло» Россини, вмѣстѣ съ теноромъ Конти и баритономъ Кальменчи. Партія эта, — камень преткновенія и для опытныхъ артистокъ, — была новымъ торжествомъ для молодой пѣвицы. Фельетоны того времени съ восторгомъ отзываются о молодомъ талантѣ, который называютъ зарею новѣйшей музыкальной эпохи. Здѣсь-же пѣла она въ оперѣ «Гладиаторы», сочиненія Якова Форіони, сына ея учителя, молодого композитора съ большимъ талантомъ и нынѣ директора королевской капеллы въ Стокгольмѣ.

Опера имѣла значительный успѣхъ, бѣльшею частію котораго обязана молодой, талантливой Спеція, занимавшей въ ней главную роль. Весною 1852 года Маріетта Спеція ангажирована была въ Венецію, на театръ Санъ-Бенедетто, гдѣ исполнила партіи Дездемоны, въ «Отелло», и Нормы. Въ Петербургѣ есть люди, слышавшіе ее въ обѣихъ партіяхъ и принадлежащіе къ числу знатоковъ и любителей итальянскаго пѣнія. Они единогласно утверждаютъ, что давно не слышали голоса столь свѣжаго и привлекательнаго, столько энергіи и вѣрности въ выраженіи драматическаго характера обѣихъ этихъ партій, особенно-же послѣдней, какъ-бы созданной для средствъ и наружности артистки. Итальянскіе фельетонисты говорятъ совершенно тоже.

Извѣстный нашъ петербургскій писатель музыкальныхъ извѣстій, г. Эльканъ, замѣчаетъ, что на-дняхъ, въ одномъ изъ гостепріимныхъ петербургскихъ салоновъ, гдѣ музыка составляетъ главнѣйшее и пріятнѣйшее занятіе, разговоръ естественно коснулся этого искусства..

Одинъ изъ гостей, извѣстный диллетантъ и самъ артистъ-исполнитель, подошелъ къ фортепяно и взялъ нѣсколько аккордовъ изъ знаменитой каватины «Нормы»...

Артистка не выдержала: подбѣжавъ къ инструменту, она, какъ-бы невольнo, пропѣла кантилену; внезапно остановилась она, но поздно: нѣсколько нотъ дали намъ мѣру ея огромнаго таланта!

Въ то время, какъ пишутся эти строки, г-жа Марія Спеція еще не дебютировала въ Петербургѣ.

Посмотримъ теперь, что—то дѣлають у насъ

МОДЫ ВЪ ПЕТЕРБУРГѢ.

Зима у насъ установилась окончательно, и прекратила пестрый маскарадъ въ костюмахъ, которые все еще колебались между лѣтними и осенними. Ранній снѣгъ и морозъ, какъ Александровъ мечъ, сразу разсѣкъ Гордѣевъ узелъ и разрѣшилъ трудную задачу моды. Открылась Итальянская Опера, начались домашніе вечера и балы въ Собраніяхъ, утреннія прогулки по Невскому Проспекту и фешьонебльные выѣзды, Наряды дамъ сдѣлались опредѣлительны. Надо отдать полную справедливость дамамъ: теперешніе ихъ наряды изящнѣе, чѣмъ когда—либо. Вотъ костюмы, которые намъ удалось подмѣтить:

1. *Нарядъ.* Шляпка изъ бѣлаго атласа, снаружи украшенная лентами, внутри желтыми розами. Шелковое платье, съ тремя широкими воланами, на которыхъ вышиты разноцвѣтными шелками гирлянды. Кофточка, узкая и короткая, на—переді открыта, сзади рисуетъ талию. Короткіе и широкіе рукава ея внизу съ разрѣзами. Она вся обшита сборчатой, двуцвѣтной лентою.

2. *Нарядъ.* Шляпка атласная, отдѣланная гладкимъ крепомъ, съ страусовыми перьями и лентами муаре. Платье изъ тяжелой синей шелковой матеріи. Корсажъ сзади гладкій, спереди открытый до самыхъ мысковъ, которые сходятся. Сверхъ шитой тюлевой шемизетки, корсажъ сдерживается четырьмя щлейфами изъ лентъ, того—же цвѣта. Кругомъ онъ весь обшитъ тремя рядами подъ цвѣтъ. Юбка украшена, въ два яруса, тройной обшивкою изъ бархатной ленты и двойной — изъ бахромы. Также отдѣланы и рукава. Это богатый, граціозный и чрезвычайно эффектный нарядъ.

3. *Нарядъ.* Шляпка сборчатая атласная, съ выгнутыми, фестонными полями. Внизу, у самыхъ завязокъ цвѣты. Платье изъ дамъ, безъ всякой отдѣлки, корсажъ гладкій, со сборчатой шалью напереді. Рукавчики широкіе съ разрѣзами. Венеціанская мантилья изъ цвѣтнаго съ черной бархатной отдѣлкой. На рукахъ черныя, бархатныя браслетки. Этотъ нарядъ плѣняетъ своей изысканной простотою.

4. *Нарядъ.* Шляпка изъ неразрѣзнаго бархата (*Velour épinglé*), чрезвычайно маленькая и совершенно—открытая. Подъ полями, кругомъ,

маленькіе букеты изъ мелкихъ цвѣтовъ. Платье черное — гласе. Три широкіе волана внизу обшиты вырѣзками изъ чернаго моаре, отороченнаго рюшемъ изъ лентъ. Кофта, гладко-облегающая талию, съ широкимъ отворотомъ, въ видѣ шали, и довольно длинными фалдами. Вся она отдѣлана также, какъ и воланы платья, а внизу, около талии, схвачена тремя бантами. Шемизетъ-жилетка, застегнутая сверху до низу запанками.

5. *Нарядъ.* Кисейная кофточка, обшитая кружевомъ. Юбка изъ клѣтчатоу шелковой матеріи. Кофточка въ талии перехвачена большимъ шу изъ атласной ленты. Это, утренній нарядъ для приема и прогулки.

ПОПРАВКИ.

Въ 9-й книжкѣ Пантеона, вкрались слѣдующіе недосмотры: въ повѣсти «Надежда Николаевна»:

Напечатано:

Должно быть:

СТРАН.		СТРОК.		
1	сверху	1	Пробило семь	Пробило девять
3	—	5	сжался	сжился
—	снизу	5	за двадцать	за тридцать
4	сверху	19	Владимірь Андреевичъ....	Владимірь Андрѣевичъ... въ Москвѣ...
8	—	8	много цѣнитъ	мало цѣнитъ
11	—	19	съ достоинствомъ	съ достаткомъ
32	сверху	9	маливыми	малиновыми

РЕПЕРТУАРЪ
РУССКОЙ СЦЕНЫ.

№ 10.

ВЫДАЛЪ ДОЧКУ ЗАМУЖЪ!

ВОДЕВИЛЬ ВЪ ОДНОМЪ ДѢЙСТВІИ,

ПЕРЕДѢЛАННЫЙ СЪ ФРАНЦУЗСКАГО

П. С. Оедоровымъ.

ПРЕДСТАВЛЕНЪ ВЪ ПЕРВЫЙ РАЗЪ ВЪ С. ПЕТЕРБУРГѢ, НА ИМПЕРАТОРСКОМЪ
АЛЕКСАНДРИНСКОМЪ ТЕАТРѢ.

13-го октября 1852 г.

ДѢЙСТВУЮЩІЕ

АКТЕРЫ:

ИВАНЪ ЯКОВЛЕВИЧЪ КУКУШКИНЪ, 48-ми лѣтъ	Г. Мартыновъ.
АННЕТА, его дочь, 18-ти лѣтъ	Г-жа Левкьева.
ПАВЕЛЪ СЕРГѢВИЧЪ НЕСВѢТОВЪ, мужъ Аннеты, 27-ми лѣтъ	Г. Степановъ.
АНТОНЪ ВАСИЛЬЕВИЧЪ БУЛАНОВЪ, 26-ти лѣтъ	Г. Марковецкій.
МАРЬЯ ПРОКОФЬЕВНА, хозяйка Кукушкина, 50-ти лѣтъ	Г-жа Сосницкая

Дѣйствіе происходитъ въ С. Петербургѣ, въ квартирѣ Кукушкина.

Небольшая, чистенькая комната. — Направо, на первомъ планѣ, окно. — Налѣво, каминъ съ зеркаломъ и часами. Впереди, на каждой сторонѣ по столу. — Въ глубинѣ, у стѣны, коммодъ. — На стулѣ фракъ и сюртукъ. На коммодѣ нѣсколько тарелокъ, ножи, вилки и проч.

I.

КУКУШКИНЪ, МАРЬЯ ПРОКОФЬЕВНА. При поднятіи занавѣса, **МАРЬЯ ПРОКОФЬЕВНА** входитъ въ дверь направо, держа въ одной рукѣ корзинку съ виномъ, а въ другой корзинку съ большимъ пастетомъ. — **КУКУШКИНЪ**, въ бѣлыхъ панталонахъ и въ чистой рубашкѣ, стоитъ у зеркала; въ лѣвой рукѣ у него цвѣтной галстухъ, въ правой — головная щетка.

КУКУШКИНЪ (*причесываясь и напѣвая*).

Хорошо тому на свѣтѣ жить,
У кого нѣту заботушки ...

МАРЬЯ ПРОКОФЬЕВНА (*входя*). Ну, вотъ и готово!

КУКУШКИНЪ (*охорашиваясь передъ зеркаломъ*). Кто тамъ?... А! это вы, Марья Прокофьевна!.. Ну, что?

МАРЬЯ ПРОКОФЬЕВНА. Дворникъ принесъ вино отъ Елисеѣва ...

КУКУШКИНЪ. Прекрасно!.. Но такъ-ли онъ купилъ, какъ я приказывалъ?

МАРЬЯ ПРОКОФЬЕВНА. Совершенно такъ: двѣ бутылки хереса и двѣ шампанскаго ... (*Ставитъ корзинку съ виномъ на столъ, налѣво*).

КУКУШКИНЪ. Такъ!.. Хересь и шампанское ... отличное, благородное вино!.. (*Подвязываетъ галстухъ*). Ну, а пастеть, Марья Прокофьевна?

МАРЬЯ ПРОКОФЬЕВНА. Какже-съ, принесъ тоже... взялъ по вашей запискѣ, вотъ у того француза, что на Невскомъ... гдѣ хорошенькая мамзель продаетъ пирожки... (*Подноситъ къ нему пастеть*).

КУКУШКИНЪ (*нюхая*). Превосходный запахъ!.. кажется, самый свѣжій!.. Нечего сказать, мастера печь эти французы!..

МАРЬЯ ПРОКОФЬЕВНА (*нюхая также и трогая пальцемъ*). Да, самый свѣжій ... сейчасъ видно, что сегодня печень!

КУКУШКИНЪ (*нюхая*). И трюфели положены ... понюхайте, Марья Прокофьевна, какъ пахнутъ трюфелями!.. Ну, ужъ кажется, что Семень Семенычъ останется доволенъ!... Поставьте пока на столъ.... (*Марья Прокофьевна ставитъ пастеть на столъ, налѣво*. —

Кукушкинъ подходитъ снова къ зеркалу и подвязываетъ галстухъ). Я долженъ вамъ сказать, почтеннѣйшая Марья Прокофьевна, что вы фениксъ, а не женщина... что ни скажи, все отлично исполните!.. Я вами чрезвычайно доволенъ...

МАРЬЯ ПРОКОФЬЕВНА. Нѣтъ-съ, Иванъ Яковлевичъ, я чувствую, что не заслуживаю еще такой похвалы... вы всего-навсе живете у меня на квартирѣ только три дня... и потому не могли меня хорошо узнать; но когда узнаете покорооче и увидите мое усердіе...

КУКУШКИНЪ. О, я увѣренъ, что мы съ вами не разстанемся...

МАРЬЯ ПРОКОФЬЕВНА. Съ-тѣхъ-поръ, какъ скончался мой мужъ... этому ужъ будетъ десять лѣтъ... я постоянно держу у себя холостыхъ жильцевъ и всѣ они...

КУКУШКИНЪ. Вы должны, однакоже, знать, что я вовсе не холостой...

МАРЬЯ ПРОКОФЬЕВНА (*съ удивленіемъ*). Какъ, неужели?..

КУКУШКИНЪ. Я вдовецъ, Марья Прокофьевна!

МАРЬЯ ПРОКОФЬЕВНА. Вдовецъ! въ ваши лѣта?

КУКУШКИНЪ (*охорашиваясь*). А что? развѣ я такъ молодъ на лицо?

МАРЬЯ ПРОКОФЬЕВНА. Да помилуйте, вамъ и тридцати-пяти нельзя дать...

КУКУШКИНЪ (*охорашиваясь*). Да-съ!.. а ужъ я вдовѣю пятнадцать лѣтъ!.. Фу, какая досада! Никакъ не могу справиться съ галстухомъ!..

МАРЬЯ ПРОКОФЬЕВНА. Позвольте, я вамъ повяжу... я всегда повязывала галстухи прежнимъ моимъ жильцамъ...

КУКУШКИНЪ. Сдѣлайте одолженіе... только знаете что... какъ кажется, этотъ цвѣтъ мнѣ вовсе не къ лицу...

МАРЬЯ ПРОКОФЬЕВНА. Да-съ, ваша правда... несовсѣмъ къ-лицу...

КУКУШКИНЪ (*отдавая ей галстухъ*). Возьмите-ка, Марья Прокофьевна, изъ коммода другой... свѣтленькій, съ голубыми полосками... (*Марья Прокофьевна вынимаетъ изъ коммода другой галстухъ*). Такъ вотъ что-съ... Я, Марья Прокофьевна, мало того, что вдовѣю пятнадцать лѣтъ... я ужъ давно отецъ... у меня была дочь... взрослая дѣвушка... (*садится на Стулъ*).

МАРЬЯ ПРОКОФЬЕВНА (*повязывая ему галстухъ*). Чтожъ она, умерла?..

КУКУШКИНЪ. Нѣтъ, благодаря Бога, здорова!.. Сдѣлайте, пожалуйста, побольше бантикъ!... Восемнадцать слишкомъ лѣтъ исполнялъ свято обязанности отца... какъ вспомню, сколько заботъ! сколько надо было

терпѣнія!... сколько денегъ!.. Но, наконецъ, и мнѣ пришлось съ ней разстаться!.. Назадъ тому ровно недѣля, я передалъ ея судьбу на попеченіе прекраснаго молодаго человѣка...

МАРЬЯ ПРОКОФЬЕВНА. Вы выдали ее замужъ?

КУКУШКИНЪ. Да ... позвольте ... дайте—ка посмотрѣться въ зеркало ... (*Подходя къ зеркалу*). Прекрасно повязали!.. Но, знаете ... галстухъ прегадко вымытъ ... Нѣтъ, я не рѣшусь показаться въ этой тряпкѣ передъ дамами ... (*Снимая галстухъ*). Пожалуйста, скажите прачкѣ, Марья Прокофьевна, чтобъ она мыла почище ...

МАРЬЯ ПРОКОФЬЕВНА. Позвольте мнѣ самой заняться вашимъ бѣльемъ... ужъ вы останетесь довольны ...

КУКУШКИНЪ. О, надѣюсь!.. А теперь нечего дѣлать... дайте хоть черный галстухъ на пружинѣ ...

МАРЬЯ ПРОКОФЬЕВНА (*взявъ у него прежній галстухъ и принося черный*). Да, ужъ у меня не увидите ни малѣйшаго пятнышка ... вотъ и прежніе жилыцы мои... Позвольте—же, я вамъ надѣну...

КУКУШКИНЪ. Нѣтъ, не беспокойтесь ... этотъ я самъ... (*Надѣваетъ черный галстухъ*).

МАРЬЯ ПРОКОФЬЕВНА. Такъ вотъ какъ—съ... вы только что сыграли свадьбу!.. И хорошій человѣкъ?..

КУКУШКИНЪ. Отличный!.. Молодецъ собой!.. и, знаете, съ порядочнымъ состояніемъ ... Но правду сказать, что вѣдь и дочь моя ... золото, а не дѣвушка была!.. Ахъ, Марья Прокофьевна, еслибъ вы знали, какъ я ее люблю!.. Надобно быть отцомъ, чтобъ чувствовать...

МАРЬЯ ПРОКОФЬЕВНА. Знаю, Иванъ Яковлевичъ ... я сама была матерью!..

КУКУШКИНЪ. О, мать ... мать — это не то!.. Надо быть отцомъ... и отцомъ—вдовцомъ!.. тогда-бы только вы поняли, какъ пріятно... то—есть... выдать замужъ свою дочь!... Моей теперь восемнадцать лѣтъ... и повѣрите—ли, во все это время я не разлучался съ нею ни на одни сутки... Только зналъ, что на службу... а со службы домой... и куда поѣдешь, бывало, все съ ней!.. право!.. Выньте—ка мнѣ, пожалуйста, бѣлый жилетъ...

МАРЬЯ ПРОКОФЬЕВНА (*вынимая жилетъ*). Прекрасно!.. вотъ ужъ отецъ такъ отецъ!..

КУКУШКИНЪ. Да—съ! отецъ!.. Только вѣдь ужъ я во всемъ себѣ отказывалъ!..

Я съ малыхъ лѣтъ Анютой занимался,
И въ куклы съ ней по цѣлымъ днямъ игралъ ...

А воспитать вполне ее старался ...
 Я для нея Француженку держалъ!
 Училъ ее, во-первыхъ, по-французски ...
 Училъ потомъ и пѣть, и танцовать ...
 Зато, скажу, ужъ истинно по-русски
 Мнѣ удалось Аняту воспитать!..

МАРЬЯ ПРОКОФЬЕВНА (*подавая ему жилетъ*). Зато какая вамъ честь!..

КУКУШКИНЪ (*надвывая жилетъ*). Да, ужъ могу сказать, не жалѣлъ для нея ничего!.. А ужъ сколько удовольствій доставлялъ ей!.. и на гулянья ѣздилъ ... и въ собранія ... и дачу всякое лѣто нанималъ на Черной-рѣчкѣ ... и въ театры ... даже въ итальянскую-оперу былъ абонированъ сряду четыре года — въ четвертомъ ярусѣ...

МАРЬЯ ПРОКОФЬЕВНА. Ахъ, какъ это безподобно!..

КУКУШКИНЪ. Да-съ, безподобно для васъ, можетъ-быть ... со-временемъ ... постоитъ ... я вамъ доставлю это удовольствіе ... возьму для васъ мѣстечко въ галлерей... но для меня, Марья Прокофьевна, опера ... это все-равно, что горькое лекарство ... а сидишь, бывало, для Аняты... зѣваешь...

МАРЬЯ ПРОКОФЬЕВНА (*подавая ему фракъ*). Конечно, всякое удовольствие можетъ надоѣсть ... вотъ и прежніе мои жильцы ...

КУКУШКИНЪ. Нѣтъ, знаете, по мнѣ эти италіянцы тарабарская грамота ... то-ли дѣло русскія цѣсни ... этакъ послушаешь цыганъ ... такъ я вамъ скажу ... Что это вы мнѣ подаете? Фракъ?

МАРЬЯ ПРОКОФЬЕВНА. Да-съ, фракъ! онъ тутъ висѣлъ ...

КУКУШКИНЪ. Гмъ!.. правда, я его повѣсилъ ... я, было, обѣщаль зятю съѣздить сегодня къ его превосходительству Василю Антоновичу, похлопотать для него о мѣстѣ ... но приглашеніе любезнѣйшаго друга Семена Семеныча измѣнило дѣло ... мнѣ надо ѣхать къ нему въ Павловскъ... Однакожь, который-то часъ?.. чтобъ не опоздать на машину!.. я поѣду на часовой ... (*Смотря на часы*). Четверть перваго... Ну, еще успѣю!.. Положите-ка фракъ-то ... пусть отдохнетъ до завтра ... довольно ему и безъ-того работы ... (*Взявъ сюртукъ и надвывая его*). А сегодня я отдохну вотъ въ этомъ сюртукѣ ... легко и свободно!.. Наконецъ-то... и я могу пожуировать!.. Пора!

МАРЬЯ ПРОКОФЬЕВНА (*которая, между-тѣмъ, поставила на столъ, направо, столовый приборъ*). Позвольте, какъ можно ѣхать съ пустымъ желудкомъ ... извольте-ка позавтракать ...

КУКУШКИНЪ. Нѣтъ, Марья Прокофьевна, нѣтъ ... опоздаю на машину!.. Я тамъ, въ воксалѣ хвачу рюмочку, да закушу бутерь-бротомъ... (*Смотря на корзины*). Однакожь, какъ я потащу все это?.. вѣдь не

въ карманахъ-же!.. Потрудитесь-ка, Марья Прокофьевна, приказать вашей Матренѣ нанять извозчика къ Царскосельской машинѣ...

МАРЬЯ ПРОКОФЬЕВНА. Сейчасъ!.. Только я вамъ хотѣла сказать ..

КУКУШКИНЪ. Что-съ?

МАРЬЯ ПРОКОФЬЕВНА. Если вамъ впередъ этакъ понадобится пирогъ или что другое... такъ скажите лучше мнѣ ... я вамъ спеку такую кулебяку, какую ни одному французу не удастся изготовить...

КУКУШКИНЪ. Хорошо ... непременно ... только ...

МАРЬЯ ПРОКОФЬЕВНА. Вотъ и прежніе мои жильцы ...

КУКУШКИНЪ. Знаете, ужъ пора-бы мнѣ ... поторопитесь извозчикомъ, пожалуйста....

МАРЬЯ ПРОКОФЬЕВНА. Сію минуту, сію минуту... (*Поспѣшно уходитъ*).

II.

КУКУШКИНЪ, одинъ, подходя къ окну.

Не опоздать-бы мнѣ ... не прогулять-бы пиръ Семена Семеныча!.. Посмотрите, какое время-то!.. Голубое небо ... ни одного облачка!.. Солнце такъ и печетъ!.. Много обѣщаетъ удовольствія... Я же тамъ такъ давно не былъ... Куда бишь онъ хочетъ насъ тащить?.. Гдѣ его письмо?.. (*Находитъ письмо на столѣ*). А! вотъ! Прочтемъ-ка еще разъ!.. (*Читаетъ*). «Любезнѣйшій другъ мой... Довольно ужъ ты хлопоталъ съ свадьбою... довольно повозился съ своей Анютою... пора тебѣ снять цѣпи и погулять»... (*Останавливаясь*). Правда, пора! давно пора!.. (*Читаетъ*). «Завтра»... (*Говоритъ*) Это письмо я получилъ вчера... (*Читаетъ*) «Завтра день моего рожденія и я хочу его провести по старинному, по-холостому, въ кругу друзей... Приѣзжай ко мнѣ пораньше на дачу, въ Павловскъ... только захвати съ собою хорошенькій пастетъ... да кстати мадерцы и шампанскаго, въ подарокъ на рожденье»... (*Говоритъ*). Все тотъ-же этотъ Сеня... а люблю за откровенность!.. Бывало, мы съ нимъ ужъ какъ кучивали, и всегда мнѣ приходилось платить!.. (*Читаетъ*) «Зато вечеркомъ, мы отправимся слушать цыганъ... а цыганочки, скажу тебѣ, чудо что-такое!.. Повеселимся, покутимъ!»... (*Улыбаясь*). Гмъ! Ну, что-жъ, я не прочь.. я еще не такъ старъ!.. Еще кипитъ кровь молодецкая... не ударимъ себя лицомъ въ грязь!.. (*Кладя письмо на столѣ*). А что ни говорите, хороша жизнь холостаго человѣка!... Куда ни захотѣлъ — маршъ, и дѣло съ концомъ! Никто тебя не держитъ за фалды!.. Вотъ, выдалъ дочку замужъ — и кути теперь!... Поволочимся, разумѣется, поволочимся!.. (*Охорашиваясь и*

топая ногой). Понатужимся, такъ и молодыхъ за поясъ заткнемъ!.. и вышьемъ, и покуримъ!.. (*Кладетъ сигары въ сигарочницу и прячетъ ее въ карманъ*). Славный день! и на душѣ какъ-то весело!... Точно, какъ будто выпустили меня изъ школы, или дали первый офицерскій чинъ!.. Покутимъ! покутимъ!.. Но что-жь извозчикъ?... (*Смотря на часы*). Скоро половина перваго... Пора! пора!.. а то, пожалуй, опоздаю на машину!..

III.

КУКУШКИНЪ, МАРЬЯ ПРОКОФЬЕВНА.

МАРЬЯ ПРОКОФЬЕВНА (*входя въ среднюю дверь*). Извозчикъ готовъ, Иванъ Яковлевичъ!

КУКУШКИНЪ. Прекрасно, Марья Прокофьевна... (*Суетится. Надѣваетъ шляпу, беретъ подъ мышку зонтикъ и обь корзинки*). Вы золото, а не женщина... Пора, пора!..

МАРЬЯ ПРОКОФЬЕВНА. Позвольте на минуту, Иванъ Яковлевичъ... Тамъ какой-то господинъ васъ спрашиваетъ...

КУКУШКИНЪ. Какой господинъ?..

МАРЬЯ ПРОКОФЬЕВНА. Не знаю-съ. Говоритъ, важное дѣло... И по лицу видно, что важное дѣло... Я, было, сказала ему, что вы ѣдете сію минуту, а онъ мнѣ далъ карточку... и говоритъ: Покажите, говоритъ, Ивану Яковлевичу, важное дѣло...

КУКУШКИНЪ. Ну, покажите... (*Марья Прокофьевна держитъ предъ его глазами карточку*) «Антонъ Васильевичъ Булановъ» — Молодой человекъ съ рыжими волосами?

МАРЬЯ ПРОКОФЬЕВНА. Да-съ!

КУКУШКИНЪ. Это сынъ моего стараго сослуживца... Ну его!... не время!... какое у него тамъ можетъ быть важное дѣло!... скажите, что меня нѣтъ дома! (*Хочетъ идти направо.*)

IV.

ТЪ-ЖЕ БУЛАНОВЪ.

БУЛАНОВЪ (*входя въ среднюю дверь*). Нѣтъ, Иванъ Яковлевичъ, неправдѣ, вы дома!

КУКУШКИНЪ. Извините, пожалуйста, Антонъ Васильичъ... Я тороплюсь... меня ждетъ извозчикъ...

БУЛАНОВЪ. Ну, и подождетъ! Не важная персона!

КУКУШКИНЪ. Конечно, такъ... Но мнѣ надо поспѣть къ часу на машину, которая никого не ждетъ...

БУЛАНОВЪ. Не безпокойтесь... Сегодня праздникъ, будетъ много поѣздовъ... Отправитесь и попозже...

КУКУШКИНЪ (*начиная выходить изъ терпѣнія*). Я не хочу попозже... Мнѣ надо ѣхать теперь... Да и что за важное дѣло!... Ну, что вамъ нужно?

БУЛАНОВЪ. Прогоните эту женщину... тогда я вамъ скажу...

МАРЬЯ ПРОКОФЬЕВНА. Но помилуйте, вамъ говорятъ...

БУЛАНОВЪ, (*грубо*). Не ваше дѣло... Убирайтесь отсюда!...

МАРЬЯ ПРОКОФЬЕВНА. Убирайтесь!... Ну, пойду... Можно бы и поучтивѣе... (*Всторону*). Скажите, какой грубиянъ!... Убирайтесь!... Прежніе мои жильцы и почище были, а иногда... (*Булановъ подходитъ къ ней съ грознымъ взглядомъ. Она поспѣшно уходитъ въ дверь, направо*).

V

КУКУШКИНЪ, БУЛАНОВЪ.

КУКУШКИНЪ (*всторону*). Что съ нимъ сдѣлалось?... Онъ никакъ съ ума сошелъ!..., Узнать нельзя!... (*Подходя къ окну*). Извозчикъ!... Подожди немножко, я сію минуту выйду!... (*Вслухъ*). Говорите же скорѣе, что вамъ нужно?... (*Ставитъ корзины на столъ нальво*).

БУЛАНОВЪ. Иванъ Яковличъ!... Вы поступили со мною такъ жестоко, такъ безчеловѣчно, такъ безчестно, какъ никто еще не поступалъ!....

КУКУШКИНЪ. Что-съ?... Я, безчестно...

БУЛАНОВЪ. Да-съ!... Вы знали, что мнѣ досталось хорошее наследство послѣ дяди, и что за этимъ наследствомъ я поѣхалъ въ Москву...

КУКУШКИНЪ. Ну, зналъ...

БУЛАНОВЪ. Я его получилъ, и сегодня рано утромъ только вернулся...

КУКУШКИНЪ. Ну-съ?...

БУЛАНОВЪ. Только что я пріѣхалъ, тотчасъ же переодѣлся и полетѣлъ къ вамъ, на старую квартиру... Спрашиваю васъ, и что же узнаю...

КУКУШКИНЪ. Пожалуйста, скорѣе къ дѣлу... не держите меня!... (*Смотритъ на часы*).

БУЛАНОВЪ. Мнѣ говорятъ, что вы переѣхали и что на вашей прежней квартирѣ живетъ ваша дочь... *(Съ силой)* и вашъ зять.

КУКУШКИНЪ. Ну, чтожь? ну, живутъ!... *(Всторону)* Онъ меня измучитъ! я опоздаю!...

БУЛАНОВЪ *(съ мрачнымъ видомъ)*. Вашъ зять!... Стало-быть вы выдали вашу дочь за мужъ?

КУКУШКИНЪ. Ну выдалъ! ну, такъ чтожь?... *(Всторону)*. Я и забылъ, что онъ сватался и я почти обѣщаль...

БУЛАНОВЪ. Выдали замужъ!... И когда-же? въ то время, когда я ѣздилъ за наслѣдствомъ, питался надеждою... увѣренъ былъ въ вашемъ словѣ... думалъ обладать...

КУКУШКИНЪ. Дѣло кончено... Такъ не о чемъ больше и говорить.. Вы получили наслѣдство... Довольно вамъ и этого... Прощайте.

БУЛАНОВЪ. Позвольте... Что жъ я буду теперь дѣлать?

КУКУШКИНЪ. Боже мой! да дѣлайте, что хотите!

БУЛАНОВЪ. Я хотѣлъ раздѣлить мое богатство съ Анной Ивановной!... А вы... Вы выдали...

КУКУШКИНЪ. Я ужъ это слышалъ... Мнѣ некогда... Извините...

БУЛАНОВЪ. Что вы со мною сдѣлали!... О!... это ужасно!... *(Схватываетъ стулъ и стучитъ имъ по полу)*.

КУКУШКИНЪ. Оставьте, не ломайте моихъ стульевъ!

БУЛАНОВЪ. Стулъ дерево... ему небольно... а вы... Что вы сдѣлали съ моимъ сердцемъ?...

КУКУШКИНЪ. Полноте... Будто только и свѣту, что моя дочь... Ну, найдете другую, влюбитесь... и... Извините, право мнѣ пора... *(Беретъ корзинки)*.

VI.

ТЪ-ЖЕ, АННЕТА, въ шляпкѣ и мантильи.

АННЕТА *(входя въ среднюю дверь и незамѣчая Буланова. Она очень взволнована)*. Папаша.

КУКУШКИНЪ. Аннета!

БУЛАНОВЪ *(всторону)*. Эта она, и все такъ же хороша!

КУКУШКИНЪ *(цѣлуя ее)*. Здравствуй, дружокъ!

АННЕТА. Ты ѣдешь куда-то, папаша?

КУКУШКИНЪ *(въ замѣшательствѣ)*. Да, мнѣ нужно, важное дѣло...

А ты зачѣмъ?

АННЕТА *(печально)*. Ахъ, папаша!...

КУКУШКИНЪ *(смотря на нее)* Что такое? что съ тобой? .. *(Ставя*

корзинки на столъ). Ты такъ печальна... Говори, что съ тобою?...

АННЕТА. Что со мной?... Ахъ, еслибъ ты зналъ...

БУЛАНОВЪ (*подходя къ Кукушкину*). И вы еще не догадываетесь?

АННЕТА (*съ удивленіемъ*). Антонъ Васильевичъ! вы здѣсь!...

БУЛАНОВЪ (*печально*). Къ несчастію, здѣсь, Анна Ивановна!... А вашъ батюшка... вашъ батюшка даже не догадывается, что вы...

КУКУШКИНЪ (*съ досадою, обарачиваясь изъ нему спиною*). Убирайтесь!... (*Аннетъ*). Скажи, мой другъ, что съ тобою?

АННЕТА (*въ замѣшательствѣ, стѣсняясь присутствіемъ Буланова*). Нѣтъ... Ничего, папаша...

БУЛАНОВЪ. Неправда!... Я вижу, какъ вы страдаете... Я чувствую... У меня есть глаза... есть сердце... (*Смотря на Кукушкина, бьетъ себя въ грудь*). А онъ, вашъ батюшка, даже не догадывается...

КУКУШКИНЪ (*про себя*). Этотъ человѣкъ надобль мнѣ до смерти!

БУЛАНОВЪ (*Аннетъ*). Да, я вижу, какъ вы страдаете... У васъ горе... большое горе на душѣ...

КУКУШКИНЪ. Да вы-то что вмѣшиваетесь... Какое вамъ дѣло?

БУЛАНОВЪ (*не слушая его*). Не запирайтесь... Я вижу, вы плакали... Васъ оскорбилъ мужъ... Вы съ нимъ несчастны!

АННЕТА. Напротивъ... Съ чего вы это взяли?... Я счастлива, очень счастлива!...

КУКУШКИНЪ. Слышите... Я не подучивалъ ее говорить...

БУЛАНОВЪ (*иронически*). Да... и вы этому вѣрите?

КУКУШКИНЪ (*всторону*). Ну, право, я выброшу его въ окно!

БУЛАНОВЪ. Ахъ! Иванъ Яковличъ!... Что вы со мной сдѣлали!

КУКУШКИНЪ. Прощайте, мнѣ некогда.

БУЛАНОВЪ. Хорошо, я уйду... (*Хочетъ подойти къ Аннетъ*). Но возвращусь скоро...

КУКУШКИНЪ (*останавливая его и показывая на дверь*). Насъ не будетъ дома!

БУЛАНОВЪ. Я возвращусь очень скоро!... (*Уходитъ въ среднюю дверь. Аннета снимаетъ шляпку*).

VII.

КУКУШКИНЪ. АННЕТА.

КУКУШКИНЪ (*просебя*). Это не человѣкъ, а чистѣйшее животное!.. Продержалъ меня ни за что, ни про что! (*Смотря на часы*). Пред-

ставьте, ужъ скоро три четверти перваго!... (*Увидя, что Аннета плачетъ*). Анюточка! дружокъ мой! что съ тобою? ты плачешь!

АННЕТА. Ахъ, папаша!... Я самая несчастная женщина!...

КУКУШКИНЪ. Ты несчастна!... Но не сама-ли ты сію минуту говорила...

АННЕТА. Я не хотѣла сознаться передъ Булановымъ...

КУКУШКИНЪ. Но неужели твой мужъ...

АННЕТА. Чудовище!... (*Видя, что Кукушкинъ улыбается*). Да, чудовище!... Я не могу жить съ этимъ человѣкомъ!

КУКУШКИНЪ (*улыбаясь*). Въ-самомъ-дѣлѣ?... (*Всторону*). Первое облачко... Я это испыталъ...

АННЕТА. Ахъ, папаша, зачѣмъ ты выдалъ меня за него замужъ!

КУКУШКИНЪ. Помилуй, мой дружокъ... Ты сама его выбрала...

АННЕТА. Все-таки ты виноватъ... Зачѣмъ ты позволилъ мнѣ выбирать...

КУКУШКИНЪ. Вотъ еще новости!... Я же виноватъ!

АННЕТА. Ты, какъ отецъ, имѣлъ право запретить мнѣ...

КУКУШКИНЪ. Но ты сама-же говорила, что умрешь, если я тебя не выдамъ за него.

АННЕТА. Нужды нѣтъ... Ужъ лучше бы ты позволилъ мнѣ умереть разомъ!... А теперь я горю на медленномъ огнѣ!

КУКУШКИНЪ (*улыбаясь*). Такъ ты горишь на медленномъ огнѣ? .. Бѣдняжка!... Но еще третьяго-дня, когда я былъ у васъ, вы нѣжничали, какъ голубь съ голубкой!

АННЕТА. Я его ненавижу!... презираю!... Онъ просто лицемеръ!... Онъ никогда меня не любилъ!...

КУКУШКИНЪ. Ну полно... Что за вздоръ!

АННЕТА. Я была неопытна... Но вы, какъ отецъ... какъ старикъ... (*Движеніе Кукушкина*) могли видѣть ясно, что такой мужъ не принесетъ мнѣ счастія!

КУКУШКИНЪ. Послушай, мой дружокъ...

АННЕТА (*разгорячалась*). Вы должны были остановить, просвѣтить меня... (*Плачетъ*).

КУКУШКИНЪ. Прекрасно, безподобно!... Такъ, выходитъ, я одинъ во всемъ виноватъ!... И ты явилась сюда для того только, чтобъ говорить мнѣ эти любезности...

АНЕТТА. Ахъ! какъ я несчастна... Зачѣмъ ты позволилъ мнѣ выйти за него!.. У меня было четыре жениха... Кажется, можно было выбрать лучше!

КУКУШКИНЪ (*скрестя руки*). Ну слышалъ—ли кто—нибудь подобныя вещи !..

АННЕТА.

Замужество вы пгрушкою считали,
Я бредила любовью, не любя,
А вы сейчасъ на бракъ согласье дали,
Не разсудя, счастлива—ль буду я!
Я въ дѣвушкахъ вамъ власть предоставляла,
Но ужъ теперь сама распоряжусь!

КУКУШКИНЪ. Что? что?..

АННЕТА. Я увѣрена, что даже этотъ рыжій Булановъ не былъ—бы такимъ тираномъ, какъ мой теперешній мужъ.

КУКУШКИНЪ. Что такое?.. твой мужъ тиранъ! Павелъ Сергѣичъ тиранъ!.. (*Смѣясь*). Ха, ха, ха!.. вотъ забавно!..

VIII.

ТЪ-ЖЕ, НЕСВѢТОВЪ, ПОТОМЪ БУЛАНОВЪ.

НЕСВѢТОВЪ (*входя въ среднюю дверь*). Ну, такъ! Я былъ увѣренъ, что она здѣсь!.. (*Аннета хочетъ уйти; онъ ее удерживаетъ*). погоди... останься, мой дружокъ... мнѣ нужно съ тобой объясниться.

АННЕТА (*сухо*). Мнѣ не о чемъ съ вами говорить...

КУКУШКИНЪ. Останься, Аннета!.. Тутъ есть какое-нибудь недоразумѣнiе!.. Я хочу, я требую, чтобъ вы сію—же минуту объяснились!... (*Всторону, смотря на часы*). Ахъ, ты пропасть! скоро часъ!.. Нечего дѣлать, поѣду въ два!.. (*Вслухъ*). Ну—съ, говорите въ чемъ дѣло...

АННЕТА. Ахъ, милый папаша...

НЕСВѢТОВЪ. Извольте видѣть, батюшка...

АННЕТА. Представь себѣ, онъ до того невнимателенъ ко мнѣ, что отказываетъ даже...

НЕСВѢТОВЪ. Анетта со вчерашняго дня не въ духѣ... Не знаю отчего, дуется на меня, сердится...

КУКУШКИНЪ. Постойте, если мы все будемъ говорить разомъ, такъ я ничего рѣшительно не пойму...

КУКУШКИНЪ (*продолжая одинъ и крича*). Тише, молчите!.. При такомъ крикѣ и грома не услышишь!.. (*Несвѣтову*). Будь учтивъ

ВСѢ ТРОЕ ВМѢСТѢ.

Павель Сергѣичъ... дай говорить прежде своей женѣ... дамъ первое мѣсто... (*Аннетъ*). Говори, мой другъ...

БУЛАНОВЪ (*показываясь и остановясь въ среднихъ дверяхъ, про себя*). Онъ здѣсь!.. А!.. (*Прислушивается*).

АННЕТА. Да, папаша... въ немъ нѣтъ ни малѣйшаго вниманія ко мнѣ; довольно того... еслибъ мнѣ понравилась какая-нибудь вещь, онъ ужъ непремѣнно откажетъ...

НЕСВѢТОВЪ. Какъ?... такъ это все еще изъ глупаго браслета!..

АННЕТА. Но если онъ мнѣ нравится!..

НЕСВѢТОВЪ. У тебя и то пять браслетовъ...

АННЕТА. Но все не такіе...

БУЛАНОВЪ (*про себя*). О, скряга!

АННЕТА. Вовсе не такіе, какой я видѣла вчера у Кемерера... Э тотъ, представьте, сдѣланъ цѣпью, съ изумрудомъ и четырьмя брилліантами... прелесть!..

НЕСВѢТОВЪ. Да, но за то чего и стѣить?...

БУЛАНОВЪ (*про себя*). О, Гарпагонъ!.. О, Плюшкинъ!..

АННЕТА. А сегодня утромъ... тутъ ужъ не о деньгахъ дѣло... Я просила его идти со мной гулять въ Лѣтній-садъ... и онъ опять отказалъ...

НЕСВѢТОВЪ. Мнѣ было некогда... мнѣ надо было кончить важное дѣло...

АННЕТА. Пустая отговорка!.. Вотъ тоже... мнѣ очень хотѣлось сегодня быть въ театрѣ... даютъ новую драму...

НЕСВѢТОВЪ. Но мы видѣли ее два дня тому назадъ...

АННЕТА. Я хочу еще разъ видѣть!

БУЛАНОВЪ (*про себя*). И увидишь!.. (*Скрывается*).

КУКУШКИНЪ (*Аннетъ*). Въ-самомъ-дѣлѣ... смотрѣть два раза драму...

АННЕТА. Нѣтъ, папаша... тутъ главное дѣло не въ браслетѣ и не въ театрѣ... Я только недѣлю за-мужемъ, и ужъ мнѣ отказываютъ въ такомъ вздорѣ... не явный-ли это признакъ, что меня не любятъ!...

НЕСВѢТОВЪ (*Аннетъ*). Послушай, мой дружокъ .. въ брачной жизни не мѣшаетъ никогда экономія... надобно вѣдь подумать и о будущемъ... Конечно, теперъ мы можемъ жить безбѣдно... но когда пойдутъ дѣти...

АННЕТА (*разгорячась, Несвѣтову*). Вы говорите всеглупости!.. Я не хочу васъ слушать... не хочу ничего знать... (*Уходитъ съ досадой въ комнату нальво, унося шляпку и мантилью*).

IX.

НЕСВѢТОВЪ, КУКУШКИНЪ, который слѣдуетъ за **АННЕТОЙ**, но подойдя къ двери, слышитъ, какъ замыкаютъ ее на замокъ.

КУКУШКИНЪ (*съ досадою*). Прекрасно! заперлась на замокъ!.. (*Про себя*) Вотъ вамъ и удовольствія!.. (*Смотря на часы*) Второй въ началѣ... Что подумаетъ обо мнѣ Семень Семенычъ!

НЕСВѢТОВЪ. Ну, что вы скажете, батюшка?

КУКУШКИНЪ (*поспѣшно*). Что скажу... скажу, что я не хотѣлъ только выдать васъ передъ вашей женой!..

НЕСВѢТОВЪ. Что такое?

КУКУШКИНЪ. Но теперь, когда мы одни... глазъ на глазъ... я долженъ сказать вамъ откровенно, что вы одни во всемъ виноваты... поведеніе ваше рѣшительно неприлично...

НЕСВѢТОВЪ. Изъ чего вы это заключаете?

КУКУШКИНЪ. Изъ чего?.. Вы спрашиваете изъ чего?.. Извольте, я вамъ скажу... во-первыхъ, ужъ изъ того, что Аннета, по вашей милости, должна была убѣжать ко мнѣ... Этого я вамъ никогда не прощу!.. (*Смотритъ на корзины*).

НЕСВѢТОВЪ. Но позвольте...

КУКУШКИНЪ. Заставить слабую женщину... одну... безъ провожатаго... бѣжать по улицѣ... о, это ужасно!.. А я еще такъ надѣялся на васъ... Я думалъ, что вы составите ей счастіе...

НЕСВѢТОВЪ (*съ нетерпѣніемъ*). Не думали-ли вы также, что я буду сносить всѣ ея капризы?.. Не знаю, кто изъ насъ болѣе виноватъ?.. Вы избаловали вашу дочь, и теперь жалуетесь на меня...

КУКУШКИНЪ (*поспѣшно*). Неправда! Это вы испортили ея характеръ... Со мной она была постоянно кротка и послушна!

НЕСВѢТОВЪ (*поспѣшно*). Потому-что вы исполняли всѣ ея капризы!

КУКУШКИНЪ. Вздоръ! она никогда не была капризна!..

НЕСВѢТОВЪ.

Вотъ такъ-то люди обвиняютъ
Мужей нерѣдко молодыхъ,
Ихъ явно въ свѣтъ называютъ
Тиранами супруговъ своихъ!
А еслибъ справку люди взяли,
Такъ вышло-бъ, что отецъ и мать,

Дочь до того избаловали,
 Что мужъ съ ней долженъ вѣкъ страдать!
 Гдѣ ужъ порокъ, тамъ въ счастіѣ точка...
 Ну, кто кокетка? кто игрокъ?
 Кокетка — бабушкина дочка,
 Игрокъ-же — матушкинъ сынокъ!

КУКУШКИНЪ. Все это вздоръ, говорю я вамъ... Вы не умѣли, какъ слѣдуетъ, повести себя съ моей дочерью... Вы не знаете, какъ должно обходиться съ порядочной женщиной!

НЕСВѢТОВЪ (*также*). Не хотите-ли уже вы меня поучить?

КУКУШКИНЪ (*съ достоинствомъ*). Почему-жъ и не поучить!.. Я, сударь мой, былъ также женатъ... и попрежде васъ...

НЕСВѢТОВЪ. Ну, что жъ изъ этого слѣдуетъ?

КУКУШКИНЪ. Что слѣдуетъ?..

НЕСВѢТОВЪ. Да, кончимте лучше нашъ споръ... Право, мы горячимся изъ пустаго... Вы, кажется, сѣшьте куда-то... Оставьте-же меня... Я улажу все самъ съ моей женою... Я имѣю на это право... Я ея мужъ...

КУКУШКИНЪ. А я ея отецъ!..

НЕСВѢТОВЪ. Я этого не отвергаю... но...

КУКУШКИНЪ (*вспыльчиво*). Не говорите этого *но!* Тутъ никакое *но* не можетъ существовать... Вотъ мило! Да вы еще, кажется, насмѣхаетесь...

НЕСВѢТОВЪ (*смѣясь*). Полноте, съ чего вы это взяли?... Ну, извините меня... не сердитесь... Неужли-же мы будемъ съ вами спорить весь день?..

КУКУШКИНЪ (*испугавшись*). Въ-самомъ-дѣлѣ... вы правы... я не сержусь... (*Смотря на часы, всторону*). Скоро четверть втораго!

НЕСВѢТОВЪ. Я уже успѣлъ хорошо узнать характеръ Аннеты... еслибъ мы были дома, одни... я увѣренъ, мы ужъ давно помирились-бы... но здѣсь... вы поддерживаєте ее, и вотъ она продолжаетъ капризничать... Повѣрьте мнѣ, если вы будете вмѣшиваться въ наши дѣла и ободрять ее, то этимъ капризамъ и ссорамъ не будетъ конца!..

КУКУШКИНЪ. Вы думаете?... Но чтожъ въ такомъ случаѣ дѣлать?

НЕСВѢТОВЪ. Есть средство... уѣхать на время изъ Петербурга...

КУКУШКИНЪ. Какъ, вы хотите разлучить меня съ дочерью?..

НЕСВѢТОВЪ. Что жъ дѣлать, если это необходимо и для нашего счастія, и для моего кармана... Мнѣ-бы только получить это мѣсто въ Новгородѣ, о которомъ вы хотѣли похлопотать сегодня утромъ....

КУКУШКИНЪ. Да... правда... я хотѣлъ... но случилось такое дѣло...

НЕСВѢТОВЪ (съ досадой). Ахъ, батюшка... какъ же вы дурно держите слово!.. вѣдь подобныя мѣста не всякій день открываются... и особенно въ Новгородѣ... такъ близко отъ столицы... сядете на желѣзную дорогу и мигомъ у насъ!..

КУКУШКИНЪ (поспѣшно). Охъ, ужъ эта желѣзная дорога... (*Смотритъ на часы*).

НЕСВѢТОВЪ. Спокойствіе вашихъ дѣтей — должно быть вамъ дорого.

КУКУШКИНЪ. Конечно... (*Смотритъ на часы*).

НЕСВѢТОВЪ (*смотритъ также на его часы*). Вотъ настоящій часъ, въ который вы можете застать Василья Антоновича... Поѣзжайте—ка скорѣе къ нему... а я между-тѣмъ успокою Аннету... Ручаюсь вамъ, мы помиримся...

КУКУШКИНЪ (*про себя*). Ровно четверть втораго... Василій Антоновичъ въ двухъ шагахъ отсюда... можно мигомъ слетать... (*Снимаетъ сюртукъ*).

НЕСВѢТОВЪ (*весело*). Такъ вы ѣдете?

КУКУШКИНЪ. Нечего дѣлать, если это одно средство... (*Надѣвая фракъ*). Напялимъ опять фракъ... Вотъ тебѣ и удовольствія!.. Охъ ужъ эти зятя!.. Вотъ и выдалъ дочку замужъ! (*Подходитъ къ окну*).

НЕСВѢТОВЪ (*стуча въ дверь нальво*). Аннета! (*Она не отвѣчаетъ. Съ досадой*). О, капризная женщина!..

КУКУШКИНЪ (*смотря въ окно во всю стороны*). Но гдѣ же мой извозчикъ?... (*Кричитъ*). Марья Прокофьевна!.. (*Всторону*). Этакъ я опоздаю... (*Кричитъ*). Марья Прокофьевна!..

X.

ТѢ-ЖЕ, МАРЬЯ ПРОКОФЬЕВНА.

МАРЬЯ ПРОКОФЬЕВНА (*вбѣгая въ среднюю дверь*). Чтò вамъ угодно?

КУКУШКИНЪ. Гдѣ извозчикъ? гдѣ мой извозчикъ?

МАРЬЯ ПРОКОФЬЕВНА. На немъ уѣхалъ вотъ этотъ рыжій...

НЕСВѢТОВЪ. Кто это рыжій?

КУКУШКИНЪ. Мой фельдшеръ!.. (*Марья Прокофьевна*). Ступайте, Марья Прокофьевна... мнѣ васъ больше не нужно... (*Она уходитъ въ среднюю дверь*). Ну, чтò вы удивляетесь?... Развѣ не можетъ быть рыжихъ фельдшеровъ?... Этакая дрянь! уѣхалъ на моемъ извозчикѣ... Вотъ и бѣги теперь... это задержитъ меня, по-крайней-мѣрѣ, на пять минутъ... (*Схвативъ шляпу и смотря на часы*). Двадцать минутъ

второго... скорѣй, скорѣй... (*Несвѣтову*). Успокойте у меня только Аняту!.. (*Убѣгаетъ въ среднюю дверь*).

НЕСВѢТОВЪ (*слѣдуя за нимъ*). Прощайте! желаю вамъ успѣха!..

ХІ.

НЕСВѢТОВЪ, потомъ **АННЕТА**.

НЕСВѢТОВЪ. Славу Богу, отправился!... Хорошо еще, что я явился сюда!... Однако, хоть я и общалъ ему... но для пользы Аннеты, мнѣ не должно—бы подчиняться ея капризамъ.... (*Слыша, что отмыкаютъ дверь*). А! вотъ она!.. (*Прячется на минуту за среднія двери*).

АННЕТА (*выходя изъ комнаты съ лѣвой стороны*). Ничего не слышно.... они вѣрно уѣхали...

НЕСВѢТОВЪ (*подвляясь*). Нѣтъ еще!

АННЕТА (*съ крикомъ*). Ай! (*Хочетъ убѣжать налѣво, но Несвѣтовъ загораживаетъ ей дорогу*).

НЕСВѢТОВЪ (*улыбаясь и стараясь взять ее за руку*). Неужели ты все еще не въ духѣ?...

АННЕТА. Оставьте меня!

НЕСВѢТОВЪ. Ты все на меня сердишься!...

АННЕТА. Буду вѣчно сердиться!

НЕСВѢТОВЪ (*иронически*). Вѣчно!... это немножко долго!... (*Аннета молчитъ*). Какъ ты думаешь?...

АННЕТА. Оставьте меня, говорю я вамъ!

НЕСВѢТОВЪ (*смѣясь*). Нѣтъ, не оставляю... мнѣ такъ пріятно быть съ тобой!... Ну, будь откровенна... сознайся... вѣдь въ душѣ ты не сердишься на меня?

АННЕТА. Не думайте этого....

НЕСВѢТОВЪ. Неужли же серьезно?

АННЕТА. Серьозно и пресерьозно! клянусь вамъ...

НЕСВѢТОВЪ. Ты ужъ и клянешься!... берегись, однакожъ.. ты мнѣ дала уже одну клятву...

АННЕТА. Я?... какую это клятву?...

НЕСВѢТОВЪ. Ты обѣщала любить меня вѣчно!...

АННЕТА. Да... когда вы заслуживаете... когда бываете любезны....

НЕСВѢТОВЪ. Если хочешь, я буду любезенъ....

АННЕТА. Знаю я ваши любезности.... ваше удовольствіе — мучить, иранить меня.

НЕСВѢТОВЪ. Послушай, Аннета... будь послушна, хоть на нынѣшній день... одинъ разъ ужъ куда не шло...

АННЕТА. Нѣтъ, извините... я знаю, какія выйдутъ изъ этого послѣдствія...

НЕСВѢТОВЪ. Выйдетъ только-то, что я буду любить тебя во сто разъ больше...

АННЕТА. Я не хочу, чтобъ вы меня любили.... я вамъ запрещаю!

НЕСВѢТОВЪ (смѣясь) Ха, ха, ха!...

АННЕТА. Онъ еще смѣется!... Такъ слушайте-же... я васъ ненавижу! я васъ презираю!...

НЕСВѢТОВЪ. Неправда!

АННЕТА. Это ужасно!... такъ, стало, вы знаете мои чувства лучше меня?...

НЕСВѢТОВЪ. Знаю.... вѣдь не даромъ-же ты предпочла меня моимъ соперникамъ.... даже этому рыжему Буланову!

АННЕТА. Это потому, что я вовсе васъ не знала.... вы жестоко обманули меня!... вы лицемеръ — вотъ и все....

НЕСВѢТОВЪ. Послушай, не говори этого.... вѣдь если другіе услышатъ, что ты говоришь про своего мужа... право, будетъ нехорошо... всѣ будутъ смѣяться надъ тобою...

АННЕТА. Оставьте меня... я васъ ненавижу... я ненавижу въ васъ все... вашъ голосъ... ваше лицо... улыбку... любезности...

НЕСВѢТОВЪ. Неправда! ты меня любишь!...

АННЕТА. Ненавижу даже ваше имя!...

НЕСВѢТОВЪ. Однакожь, ты сама говорила.... тебѣ нравилось мое имя....

АННЕТА. Когда это?

НЕСВѢТОВЪ. На другой день нашей свадьбы.... когда ты, вмѣсто Павла Сергѣича, начала меня называть Подемъ.... (Поспѣшно) А! ты улыбнулась

АННЕТА. Нѣтъ, и не думала!

НЕСВѢТОВЪ. Неправда, улыбнулась.... значитъ, ты больше не сердилась....

АННЕТА. Нѣтъ, нѣтъ!...

XII.

ТѢЖЕ, МАРЬЯ ПРОКОФЬЕВНА.

МАРЬЯ ПРОКОФЬЕВНА (*входя въ среднюю дверь, держа въ рукахъ коробочку и запечатанный пакетъ, Аннетъ*). Позвольте спросить, сударыня, вѣдь вы дочь Ивана Яковлича....

АННЕТА. Я!... что вамъ угодно?...

МАРЬЯ ПРОКОФЬЕВНА. Я еще не имѣла чести васъ видѣть.... позвольте мнѣ стрекомендоваться... У меня Иванъ Яковлевичъ нанимаетъ квартиру....

АННЕТА (*сухо*). Очень рада!...

МАРЬЯ ПРОКОФЬЕВНА. Я такъ много наслышалась о васъ.... Необходимо вамъ сказать, что я держу жильцовъ.....

АННЕТА. Но что же вамъ угодно?...

МАРЬЯ ПРОКОФЬЕВНА. Ахъ, да-съ! Какой-то человекъ принесъ вотъ эту коробочку и письмо.... (*Несвѣтовъ хочетъ взять*). Нѣтъ-съ, не вамъ.... Этотъ человекъ сказалъ мнѣ.... отдайте, говорить, дочери Ивана Яковлича...

АННЕТА (*поспѣшно*). Мнѣ?... (*Беретъ коробочку и письмо*). Хорошо.... благодарствуйте....

МАРЬЯ ПРОКОФЬЕВНА. Этотъ человекъ тотчасъ-же ушелъ....

АННЕТА. Хорошо.

МАРЬЯ ПРОКОФЬЕВНА, И даже не сказалъ отъ кого....

АННЕТА (*съ нетерпѣніемъ*). Ахъ, Боже мой!... ну, вѣрно, не нужно было!... благодарствуйте!...

МАРЬЯ ПРОКОФЬЕВНА (*въ сторону*). Вовсе нѣтъ деликатности!... Не умѣетъ и разговариваться порядкомъ!... (*Уходитъ въ среднюю дверь*).

XIII.

НЕСВѢТОВЪ и АННЕТА.

НЕСВѢТОВЪ. Что это такое?

АННЕТА (*открывая коробочку*). Браслетъ!... (*Распечатавъ конвертикъ*). Ложа въ Александринскій театр!

НЕСВѢТОВЪ. Отъ кого это?

АННЕТА (*бросая футляръ на столъ*). О, притворщикъ!... еще удивляется!

НЕСВѢТОВЪ. Клянусь тебѣ....

АННЕТА (*закрывая ему рукою ротъ*). Молчите, пожалуйста!... Вы не хотите сознаться... но это очень мило съ вашей стороны!... Ахъ, какъ я довольна!... Поцѣлуй же меня за это... (*Бросается къ нему на шею и цѣлуетъ его*).

XIV.

ТЪ-ЖЕ и КУКУШКИНЪ.

КУКУШКИНЪ (*входя въ среднюю дверь и увидя, какъ Аннета цѣлуетъ Несвѣтова*). Bravo!... миръ стало возстановлень!...

АННЕТА (*весело, показывая ему браслетъ и билетъ*). Посмотрите, папаша!

КУКУШКИНЪ. Превосходно!

НЕСВѢТОВЪ (*въ сторону*). Вѣроятно, это онъ прислалъ ей!

КУКУШКИНЪ (*пожимая руку Несвѣтову*). Bravo, Павелъ Сергѣичъ благодарю, отъ души благодарю!

НЕСВѢТОВЪ. За что?

КУКУШКИНЪ (*пожимая ему крѣпко руку*). Умиѣ и милѣ ты не могъ поступить!... Это мнѣ доставляетъ необыкновенное удовольствіе!

АННЕТА (*отдавъ билетъ Несвѣтову*). Возьми, спрячь... Я сію минуту надѣну шляпку и мантилью... мы отправимся домой... будемъ обѣдать въ-троемъ съ папашей, а потомъ и въ театръ!... (*Несвѣтову*). Ахъ, какой ты милякъ!... Какъ я тебя люблю!... (*Цѣлуетъ его и убѣгаетъ въ комнату нальво, унося браслетъ*).

XV.

КУКУШКИНЪ, НЕСВѢТОВЪ.

КУКУШКИНЪ (*всторону*). Нѣтъ ужъ, обѣдать я къ нимъ не пойду!... (*Смотря на часы*). Половина третьяго... поспѣю еще на машину... только бы мнѣ ихъ выпроводить!... Наконецъ, я свободенъ!... (*Снимаетъ фракъ и надѣваетъ сюртукъ*). Прекрасно, безподобно, Павелъ Сергѣичъ! я тобой доволенъ, какъ нельзя больше...

НЕСВѢТОВЪ. А я... извините, батюшка... очень недоволенъ вами... Теперь Аннеты нѣтъ здѣсь, и я могу говорить съ вами откровенно...

КУКУШКИНЪ. Это что еще такое?

НЕСВѢТОВЪ. Она увѣрена, что эти подарки сдѣлалъ я, и теперь торжествуетъ надъ моей слабостью!

КУКУШКИНЪ (*подходя къ нему*). Да о чемъ ты толкуешь?... я тебя не понимаю!

НЕСВѢТОВЪ. Какъ это тонко!... вы сами же прислали Аннетъ билетъ въ театръ, и браслетъ, и для того только, чтобы она думала, что это отъ меня.... не хитрите....

КУКУШКИНЪ. Я прислалъ! я?... и не думалъ, любезный!

НЕСВѢТОВЪ. Не заирайтесь, это вы!

КУКУШКИНЪ. Нѣтъ, ты!

НЕСВѢТОВЪ. Не я.... говорю вамъ, не я!

КУКУШКИНЪ. Такъ и не я-же!... Я, признаюсь, думалъ ей подарить.... но только думалъ.... а вовсе не покупалъ.

НЕСВѢТОВЪ. Дѣйствительно?

КУКУШКИНЪ. Увѣряю васъ!

НЕСВѢТОВЪ. Странно, однакожь.... Кто жъ это позволилъ себѣ?...

КУКУШКИНЪ (*всторону*). А-а-а! я догадываюсь!...

НЕСВѢТОВЪ. Но я это узнаю!... въ этомъ футлярѣ долженъ быть адресъ брилльянтика.... (*Хочетъ открыть ящикъ*).

КУКУШКИНЪ (*всторону*). Все погибло! я опять не успѣю на машину!... (*Вслухъ*). Не безпокойся, не открывай.... Сознаюсь, это я ей прислалъ... (*Хочетъ помѣшать открыть ящикъ*).

НЕСВѢТОВЪ (*открывъ ящикъ противъ его воли*). Нѣтъ, ужъ поздно!... теперь я вижу, что это не вы!

КУКУШКИНЪ. Какъ!... но если я тебѣ говорю....

НЕСВѢТОВЪ. Не увѣряйте попустому ... вотъ вамъ и доказательство.... записка внизу футляра ...

КУКУШКИНЪ (*всторону*). Записка!... ну, бѣда!...

НЕСВѢТОВЪ (*развернувъ записку*). Стихи!.. четверостишіе!

КУКУШКИНЪ (*всторону*). Ахъ, рыжій негодяй!

НЕСВѢТОВЪ (*читаетъ*).

«Чтобъ доказать мою услугу
И ваши слезы утерѣть....»

КУКУШКИНЪ (*стараясь вырвать стихи*). Отдай, глупости!...

НЕСВѢТОВЪ (*продолжая*).

«Примите отъ любящаго васъ друга
Сей выбранный вами браслетъ!....»

КУКУШКИНЪ (*также*). И рифмы порядочной даже нѣтъ....

НЕСВѢТОВЪ. Желалъ бы я узнать этого рифмача!...

КУКУШКИНЪ (*также*). Это я.... мнѣ хотѣлось пошутить....

НЕСВѢТОВЪ. Оставьте.... я не отдамъ!... двѣ буквы внизу.... А и Б!... О, теперь я знаю, кто это!... Антою Булановъ!....

КУКУШКИНЪ. Не думаю!... онъ такъ глупъ, что даже и такихъ стиховъ не напишетъ!

НЕСВѢТОВЪ. Это Булановъ, говорю я вамъ... Онъ возвратился изъ Москвы.... и я видѣлъ изъ окна, какъ онъ подъѣзжалъ сегодня къ нашему дому!... Какова дерзость!...

КУКУШКИНЪ. Правда.... дерзокъ—то онъ дерзокъ сталъ....

Съ-тѣхъ-поръ, какъ къ намъ онъ возвратился,
Съ своимъ наслѣдствомъ изъ Москвы,
Узнать нельзя: перемѣнился
Отъ самыхъ ногъ до головы....

НЕСВѢТОВЪ.

О, деньги зло! когда такъ явно
Глупѣютъ умные отъ нихъ,
Такъ надо ужъ глупцу давно
Носъ поднимать и дерзкимъ быть....

КУКУШКИНЪ. Только врядъ—ли онъ теперь....

НЕСВѢТОВЪ. Нѣтъ, это Булановъ.... я увѣренъ!... но только какимъ—образомъ этотъ негодяй могъ узнать, что жена моя желала... А! я это сейчасъ узнаю!... *(Въ волненнй крича)*. Аннета!

КУКУШКИНЪ *(стараясь его успокоить)*. Павелъ Сергѣичъ!...

НЕСВѢТОВЪ *(также)*. Аннета!...

XVI.

ТЪ ЖЕ. АННЕТА.

АННЕТА *(въ шляпкѣ и мантильи, выходя изъ комнаты весело)*. Вотъ и я, мой дружокъ... *(Показывая надѣтый на руку браслетъ)*. Посмотри, какъ мило!

НЕСВѢТОВЪ. Какая дерзость!

КУКУШКИНЪ *(тихо Анеттѣ)*. Молчи, ради Бога!

АННЕТА *(не понимая)*. Что такое?... *(Любуясь браслетомъ)*. Я говорю, что этотъ браслетъ чрезвычайно хорошъ! Посмотрите сами...

НЕСВѢТОВЪ. Отдайте мнѣ его!

АННЕТА. Это зачѣмъ?

НЕСВѢТОВЪ. Снимите его и отдайте говорю вамъ!

АННЕТА. Вы хотите его у меня отнять?

КУКУШКИНЪ *(тихо)*. Отдай! Я куплю тебѣ другой!

АННЕТА. Мнѣ ненужно другаго!

КУКУШКИНЪ. Я куплю тебѣ вдвое лучше!.. вдвое дороже...

АННЕТА. Ненужно... мнѣ этотъ браслетъ нравится больше другихъ.

НЕСВѢТОВЪ. Да ... я знаю, почему онъ вамъ такъ нравится ...

АННЕТА. Вы знаете?...

НЕСВѢТОВЪ. Очень хорошо знаю!.. Отдайте мнѣ браслетъ ... Я хочу этого ... Я требую!

АННЕТА. Вы требуете!.. Вотъ это ново!.. (*Кукушкину*). Скажите, пожалуйста, что съ нимъ?

КУКУШКИНЪ. Ничего ... право, ничего ... (*Снявъ съ ея руки браслетъ*). Отдай ему ... Я тебѣ послѣ объясню причину ... (*Отдавая браслетъ Несвѣтову*). Вотъ тебѣ, возьми!.. Ты видишь, какъ она послушна ...

АННЕТА. Не правда ...

КУКУШКИНЪ (*тихо Анеттѣ*). Да молчи же, пожалуйста!

НЕСВѢТОВЪ (*вынувъ изъ кармана билетъ*). А этотъ билетъ ... онъ заслуживаетъ только одного ... вотъ чего ... (*Разрываетъ его*). Теперь отправлюсь къ этому негодяю ... брошу ему въ лицо и подарокъ, и глупѣйшіе его стихи!..

АННЕТА. Поль!.. куда ты?..

КУКУШКИНЪ. Павелъ Сергѣичъ...

(*Несвѣтовъ, въ досадѣ, уходитъ въ среднюю дверь*).

XVII.

АННЕТА, КУКУШКИНЪ.

АННЕТА. Что это значитъ?

КУКУШКИНЪ. Онъ и слышать не хочетъ!.. Бѣда да и только ... Они передерутся ... непременно передерутся ... Я ужъ знаю, безъ дуэли не обойдется...

АННЕТА (*со страхомъ*). Дуэль! Папаша! что вы говорите?.. Неужели мой мужъ будетъ драться на дуэли... нѣтъ, это невозможно!.. Папаша ... остановите его! Помѣшайте!.. Если его ранятъ или убьютъ ... я умру! умру непременно!

КУКУШКИНЪ (*всторону*). Вотъ тебѣ и удовольствіе!..

АННЕТА (*въ отчаяніи*). Ахъ! Какое несчастіе!.. Что мнѣ дѣлать!.. Ахъ, Поль!.. милый Поль!.. (*Плачетъ*).

КУКУШКИНЪ. Ну, перестань ... успокойся!.. Съ нимъ ничего не можетъ случиться дурнаго.

АННЕТА. Какъ ничего дурнаго?.. Вѣдь они будутъ стрѣляться?..

КУКУШКИНЪ. Не будутъ!.. (*Обнимая Анетту и цѣлуя ее*). Ужъ если я говорю, такъ не будутъ ни стрѣляться, ни рѣзаться!.. (*Всторону*). Нечего дѣлать, надо помѣшать имъ ... (*Снимая сюртукъ*

и надѣвая фракъ, всторону). Вотъ тебѣ и Павловскъ... и цыгане... и Семень Семенычъ...

(Булановъ выглядываетъ въ дверь съ правой стороны, но увидя Кукушкина, прячется).

АННЕТА. Ахъ, поѣзжайте скорѣе... уговорите его... привезите сюда...

КУКУШКИНЪ (взявъ шляпу). Бѣгу, бѣгу... (Уходитъ въ среднюю дверь).

XVIII.

АННЕТА, БУЛАНОВЪ выходятъ изъ комнаты съ правой стороны.

АННЕТА. Боже мой! Могла-ли я ожидать, чтобъ мой Поль... мой добрый, кроткій Поль... (Спохватаясь). Но я и забыла спросить... Съ кѣмъ же онъ поссорился... съ кѣмъ хочетъ драться?..

БУЛАНОВЪ. Со мной, Анна Ивановна!..

АННЕТА. Вы здѣсь!

БУЛАНОВЪ. Да-съ... здѣсь, Анна Ивановна!..

АННЕТА. И вы хотите драться съ моимъ мужемъ?

БУЛАНОВЪ (улыбаясь). То-есть, не я, а онъ хочетъ драться со мною!.. Онъ отпразднелъ въ Гороховую, ко мнѣ на квартиру... только врядъ-ли найдетъ меня теперь дома!..

АННЕТА. Но за что эта дуэль?.. Что вы ему сдѣлали?..

БУЛАНОВЪ. Что сдѣлалъ?.. А то-съ... Извините, Анна Ивановна... Въдь это я прислалъ вамъ и браслетъ, и ложу, и стихи...

АННЕТА. Вы!.. (Съ досадою) Такъ это не отъ него!.. (Вслухъ). Но по какому праву вы осмѣлились?.. (Садится направо къ столу).

БУЛАНОВЪ. По праву моей страстной, пламенной любви!.. (На лицѣ Анетты видно нетерпѣніе). Ахъ, Анна Ивановна, что вы со мной сдѣлали!.. Еслибъ я былъ вашимъ мужемъ... (Страстно) вашимъ счастливымъ мужемъ, Анна Ивановна...

АННЕТА (холодно). Оставьте, пожалуйста, эти нѣжности... я не хочу ихъ слушать... (Машинально беретъ со стола письмо, оставленное въ первомъ явленіи Кукушкинымъ).

БУЛАНОВЪ. Ахъ, Анна Ивановна!.. Чего-бы я для васъ не сдѣлалъ!.. Я не смѣлъ бы вамъ ни въ чемъ отказать... я озолотилъ бы васъ...

АННЕТА (прочтя письмо, съ крикомъ). Ахъ! что я прочла!..

БУЛАНОВЪ (всторону). Кажется, читаетъ мое четверостишіе!..

АННЕТА (читая про себя письмо). «Довольно ужъ ты похлопо-

таль со свадьбою ... довольно хлопоталь съ своей Анютой... пора тебѣ снять цѣпи и погулять...»

БУЛАНОВЪ (декламируя просебя).

«Чтобъ доказать мою услугу

И ваши слезы утерѣть...»

АННЕТА (дочитавъ про себя письмо). Боже мой, что я узнала!.. Обѣдъ ... цыганки ... вино ...

БУЛАНОВЪ (такъ-же).

«Примите отъ любящаго васъ друга

Сей выбранный вами браслетъ...»

Очень удались мнѣ эти стихи!..

АННЕТА (взволнованная, про себя). Такъ вотъ эти важныя дѣла! Вотъ отчего онъ отказывался и отъ гулянья со мною, и отъ театра! Цыганки ... шампанское!.. О, это ужасно!.. Я ему жестоко отомщу... Но чѣмъ? какъ? (Увидя Буланова). Ахъ!.. (Схвативъ со стола нальво пастетъ и бутылку шампанскаго и перенося ихъ на столъ съ правой стороны, гдѣ поставленъ приборъ). Такъ я сама же буду кутить!.. Ни пастета, ни вина ужъ онъ не увидитъ...

БУЛАНОВЪ (съ удивленіемъ). Что она дѣлаетъ?

АННЕТА (сажаясь къ столу направо и разрѣзывая почти весь пастетъ). Садитесь сюда!

БУЛАНОВЪ. Что-съ?

АННЕТА. Садитесь подлѣ меня ... скорѣе!

БУЛАНОВЪ (сажаясь за столъ, съ удивленіемъ). Если вамъ угодно...

АННЕТА (положа ему на тарелку большой кусокъ пастета). Кушайте!

БУЛАНОВЪ (всторону). Она заставляетъ меня завтракать ... а я только-что отлично и преплотно поѣлъ у Доминика ... (Вслухъ, приподнимаясь со стула). Извините, Анна Ивановна ... я ужъ завтракалъ ... и очень сытно позавтракалъ ...

АННЕТА (повелительно, раскупоривъ бутылку и наливая ему въ стаканъ шампанскаго). Кушайте и пейте!.. или вы никогда меня больше не увидите!..

БУЛАНОВЪ (сажаясь и кушая поспѣшно). О, въ такомъ случаѣ... (Всторону). Признаюсь, при полномъ желудкѣ .. да еще ѣсть пастетъ...

АННЕТА (всторону). А! Павелъ Сергѣичъ!.. вы хотѣли кутить... (Буланову). Что же вы не пьете?.. Пейте ... (Булановъ пьетъ).. Пейте все до конца!..

БУЛАНОВЪ (съ полнымъ ртомъ). Анна Ивановна!..

АННЕТА (кладя ему еще нѣсколько кусковъ пастета). Кушайте ... кушайте еще ... или я...

БУЛАНОВЪ. Помилуйте, съ удовольствіемъ!.. (Всторону). Я объѣмся ... я буду болѣнъ ... непременно буду болѣнъ ... (Незамѣтно для нея, кладетъ куски пастета въ свою шляпу и карманы).

АННЕТА. Когда вы позавтракаете, я попрошу васъ нанять для меня карету ... (Всторону). Я поѣду сама въ Павловскъ ... Посмотрю, какъ онъ будетъ восхищаться цыганками...

БУЛАНОВЪ (почти не въ состояніи отвѣчать). Карету ... (Всторону). Дамъ на водку кучеру и увезу ее на край свѣта!..

АННЕТА (кладя ему еще нѣсколько кусковъ). Что-же вы не кушаете?.. (Булановъ беретъ вилку и хочетъ ѣсть. Аннета наливаетъ ему вина). И вина совсѣмъ не пьете!.. (Подавая ему стаканъ). Кушайте!.. (Взявъ вилкою пастета и подавая ему). Пейте!..

БУЛАНОВЪ (въ замѣшательствѣ, не зная, что дѣлать). Я, просто, задыхаюсь...

АННЕТА. Что вы говорите?

БУЛАНОВЪ. Задыхаюсь отъ блаженства!..

АННЕТА. Ну, такъ пейте же! (Заставляетъ его выпить стаканъ вина)

БУЛАНОВЪ (всторону). Я непременно захвораю!.. Ухъ!.. тяжело! душно!..

XIX.

ТѢЖЕ, КУКУШКИНЪ.

КУКУШКИНЪ (входя, измученный, и вытирая лицо). Никого не нашель!.. (Увидя Буланова). Вы опять здѣсь!.. Что вамъ угодно?

БУЛАНОВЪ (съ полнымъ ртомъ). Что-съ!

КУКУШКИНЪ (съ гнѣвомъ). Что я вижу! Вы съѣли мой пастетъ!

БУЛАНОВЪ. Извините ... я не самъ... меня пригласили завтракать...

КУКУШКИНЪ. Пригласили?..

АНЕТТА. Да, папаша ... Это я его пригласила!

КУКУШКИНЪ. Ты!..

БУЛАНОВЪ (про себя). Охъ, какъ тяжело!.. (Пьетъ вино).

КУКУШКИНЪ (таща его со стула). Милостивый государь... если вы не выйдете отсюда!..

АННЕТА. Оставьте его, папаша!

КУКУШКИНЪ. Помилуй! Этотъ господинъ мучить меня съ утра!

АННЕТА. Вы ничего не знаете, папаша ... Я вамъ все расскажу! (*Буланову*). Ступайте, Антонъ Васильчъ ... исполните скорѣе мое порученіе...

БУЛАНОВЪ. А! на счетъ кареты?.. Сію-минуту. (*Всторону*). Забѣгу въ аптеку выпить содовыхъ порошковъ!.. (*Уходитъ въ среднюю дверь*).

XX.

КУКУШКИНЪ. АННЕТА.

КУКУШКИНЪ. Завтракъ ... карета ... Скажи, пожалуйста, что все это значитъ?.. Вѣдь если твой мужъ.

АННЕТА. Не говори мнѣ о немъ, папаша!.. Онъ чудовище! обманщикъ!.. у него на умѣ однѣ цыганки!

КУКУШКИНЪ. Цыганки! У Павла Сергѣича на умѣ цыганки!..

АННЕТА. У меня есть доказательства...

КУКУШКИНЪ. Полно! не можетъ быть!..

АННЕТА. Я не могу болѣе жить съ нимъ!.. Кончено! Поѣду сейчасъ домой, сберу все мое приданое, и возвращусь сюда ... я буду опять жить у тебя, папаша ... (*Движеніе Кукушкина*). Я уже тебя теперь не оставляю... мы должны навсегда развѣхаться съ мужемъ!..

КУКУШКИНЪ (*Всторону*). Вотъ тебѣ разъ! выдалъ дочку замужъ!.. (*Вслухъ*). Дружокъ мой ... помилуй ... что скажутъ ...

АННЕТА. Мало этого ... я буду требовать разводной!

КУКУШКИНЪ. Васъ не разведутъ ...

АННЕТА. Разведутъ ...

КУКУШКИНЪ. Да не можетъ быть достаточныхъ причинъ...

АННЕТА. Разведутъ непременно, если узнаютъ, какъ онъ оскорбилъ меня!.. Папаша... ты вѣдь большой мастеръ писать просьбы... напиши мнѣ скорѣе просьбу о разводѣ...

КУКУШКИНЪ. Не могу, мой дружокъ ... надо мной будутъ смѣяться!

АННЕТА (*приготовляя бумагу, перья и прочее*). Что! будутъ смѣяться?.. Но надъ чѣмъ-же?.. Неужели надъ тѣмъ, что мужъ дѣлаетъ несчастною свою жену?.. Вотъ это было-бы мило!.. Ну, хорошо-же!.. Ты не хочешь писать... такъ я напишу сама... (*Подходитъ къ столу*).

КУКУШКИНЪ (*смѣясь*). Но что-жъ ты напишешь?..

АННЕТА. А вотъ увидишь что!.. (*Садится и пишетъ*). «Ваше превосходительство...

КУКУШКИНЪ. Кому-же ты это пишешь?

АННЕТА. Начальнику ... генералу, который насъ разведетъ!.. (*Пишетъ*). «Ваше превосходительство ... только недѣлю какъ я замужемъ и ужъ мужъ мой...»

КУКУШКИНЪ (*подходя къ ней*). Славная просьба ...

АННЕТА. «Мужъ мой принимаетъ приглашенія своихъ разгульныхъ друзей ... ѣздить по гуляньямъ ... проводить время съ цыганками...»

КУКУШКИНЪ. Какія все уважительныя причины!..

XXI.

ТЪ-ЖЕ и НЕСВѢТОВЪ.

НЕСВѢТОВЪ (*входя въ среднюю дверь, Кукушкину*). Я его нигдѣ не нашель ... но онъ отъ меня не увернется...

АННЕТА. Напрасно и безпокойтесь ... вамъ ужъ нечего стрѣляться изъ-за меня!..

НЕСВѢТОВЪ. Чтò такое!.. Чтò вы дѣлаете?..

КУКУШКИНЪ. Пишетъ просьбу...

АННЕТА (*вставъ*). Да-съ, пишу просьбу о разводѣ!..

НЕСВѢТОВЪ. О разводѣ!

АННЕТА. Да-съ!.. вы будете послѣ этого совершенно свободны ... и можете безопасно скрывать свою секретную переписку ...

НЕСВѢТОВЪ. Я?..

КУКУШКИНЪ. У нея есть какія-то доказательства ... (*Тихо Аннетъ*). Но точно-ли ты увѣрена ...

АННЕТА. Тогда ужъ вы ѣздите сколько хотите въ Павловскъ ... проводите время съ цыганками...

КУКУШКИНЪ (*всторону*). Какъ и онъ тоже! .

НЕСВѢТОВЪ. Но съ чего вы взяли, что я...

АННЕТА (*взявъ письмо со стола*). Съ чего взяла?.. А! вы требуете доказательствъ?.. Извольте ... (*Читаетъ*). «Довольно ужъ ты похлопоталъ съ свадьбою... довольно хлопоталъ съ своей Анютою ..»

КУКУШКИНЪ (*Всторону*). Ай, ай, ай!.. (*Шаря въ карманахъ*). Да это, кажется, письмо ко мнѣ Семена Семеныча!

АННЕТА (*продолжая читать*). «Пріѣзжай ко мнѣ пораньше на дачу въ Павловскъ». (*Говоритъ*). Нѣтъ, гдѣ тутъ дальше ... а вотъ... «вечеркомъ мы отправимся слушать цыганъ ... а цыганочки, скажу

тебѣ, чудо что такое... покутимъ!...» (*Говоритъ*). Какъ это мило! Какъ пріятно для жены!

НЕСВѢТОВЪ. Что это?... Что за галиматья?..

КУКУШКИНЪ (*сконфуженный*). Да ... дѣйствительно ... пустословіе какое-то ...

НЕСВѢТОВЪ. Отъ кого это?..

АННЕТА. Вы лучше должны знать, отъ кого!..

НЕСВѢТОВЪ (*взявъ письмо и разсматривая*). Неизвѣстно, къ кому адресовано ... а гдѣ-же подпись?.. А! вотъ!.. Семень Шпилькинъ!..

КУКУШКИНЪ (*всторону*). Попался!..

НЕСВѢТОВЪ. Шпилькинъ!.. я не знаю никакого Шпилькина!

АННЕТА (*насмѣливо*). Право?.. Но, кажется, онъ васъ очень хорошо знаетъ ...

НЕСВѢТОВЪ. Но кто-же можетъ утверждать, что это письмо писано ко мнѣ?

АННЕТА. Я нашла его здѣсь, на столѣ ... Стало-быть, могли его тутъ забыть только вы ... или папаша ... но, во всякомъ случаѣ, я увѣрена, что даже вы сами не осмѣлитесь подозрѣвать...

КУКУШКИНЪ (*съ достоинствомъ*). Разумѣется ... желалъ бы я знать, кто посмѣетъ это сказать!.. (*Всторону*). Признаюсь, мое положеніе самое глупѣйшее ...

НЕСВѢТОВЪ. Однакожъ ... что это за шутки?.. Ужъ не проказы-ли это рыжого Буланова?..

КУКУШКИНЪ (*обрадовавшись*). Именно!.. Это его письмо!.. Я теперь припоминаю ... Я видѣлъ давеча это письмо въ его рукахъ ...

АННЕТА. Можетъ-ли быть!.. Булановъ ... но онъ мнѣ говорилъ ...

НЕСВѢТОВЪ (*поспѣшно*). Что такое?..

КУКУШКИНЪ (*разгорячаясь притворно*). Это негодяй!.. самый скверный повѣса ... и еслибъ онъ сюда явился ...

XXII.

ТѢ-ЖЕ, БУЛАНОВЪ.

БУЛАНОВЪ (*войдя въ среднюю дверь*). Карета готова!.. (*Увидя Кукушкина и Несветова*). Ахъ! вотъ тебѣ разъ, они здѣсь!..

НЕСВѢТОВЪ (*съ гнѣвомъ*). Вотъ онъ, опять!.. Какая дерзость ... (*Хочетъ подойти къ Буланову*).

АННЕТА (*удерживая его*). Поль! я тебѣ запрещаю!..

КУКУШКИНЪ. Тихе ... позвольте мнѣ ... (*Буланову*). Милостивый

государь ... Не угодно-ли вамъ будетъ сѣсть самимъ въ карету и отправиться къ вашимъ цыганкамъ ...

НЕСВѢТОВЪ. Извольте съ ними кутить ...

БУЛАНОВЪ (съ удивленіемъ). Что-съ?

КУКУШКИНЪ. Пейте шампанское ... кушайте пастеты...

БУЛАНОВЪ (такъ-же). Нѣтъ-съ, покорнѣйше благодарю ... я ужъ и такъ ...

АННЕТА. Совѣтую вамъ такъ-же отправиться съ ними въ театръ...

НЕСВѢТОВЪ (отдавая ему браслетъ). А потомъ подарите какой-нибудь Сашѣ или Наташѣ вотъ этотъ браслетъ съ вашими прекрасными стихами ...

БУЛАНОВЪ (разсердясь). Помилуйте ... да вы смѣтаете ... какое вы имѣете право?..

НЕСВѢТОВЪ. Желаю вамъ веселиться!.. (Кланяется ему и ведетъ къ средней двери).

КУКУШКИНЪ. Желаю вамъ покутить хорошенько и поволочиться ...

АННЕТА (смѣясь). Ха, ха, ха!..

НЕСВѢТОВЪ. Прощайте, прекрасный герой!..

АННЕТА. Прощайте, удивительный поэтъ!..

ВСѢ ТРОЕ ВМѢСТѢ. Кланяйтесь вашему другу Шпилькину!..

БУЛАНОВЪ. Я не знаю ... какой ... (Кукушкинъ и Несвѣтовъ выталкиваютъ его за дверь).

XXIII.

КУКУШКИНЪ, НЕСВѢТОВЪ и АННЕТА.

КУКУШКИНЪ (про себя). Насилу отдѣлался!.. (Аннетъ). Ну видишь ... вотъ кто былъ виновникомъ всѣхъ твоихъ неудовольствій ... онъ такъ былъ сконфуженъ, что не зналъ даже, что и отвѣчать!.

НЕСВѢТОВЪ (Аннетъ). А ты обвиняла меня!..

АННЕТА. Правда ... но ...

КУКУШКИНЪ. Все кончено!.. все объяснено!.. Поцѣлуйтесь лучше скорѣе ... (Они цѣлуются. Онъ хочетъ снять фракъ).

АННЕТА (удерживая его). Папаша, что ты дѣлаешь?.. Развѣ ты не пойдешь къ намъ обѣдать?

КУКУШКИНЪ. Невозможно, мой дружокъ!

АННЕТА (обидясь). Какъ, папаша, ты не хочешь отобѣдать у твоей Анюты?..

КУКУШКИНЪ. Въ другой разъ, душечка ...

АННЕТА. Какъ это мило!... Ну, хорошо-же ... если ты не хочешь идти съ нами, такъ мы отправимся съ тобой!...

КУКУШКИНЪ (снявъ въ-половину фракъ, всторону). Вотъ тебѣ и новое!..

АННЕТА (Несвѣтову). Не правда-ли ... вѣдь ты согласенъ ѣхать съ папашей?.. (Кукушкину). Куда-жь ты ѣдешь?.. гдѣ ты будешь обѣдать?

КУКУШКИНЪ. Гдѣ буду обѣдать?.. (Ныдпвѣ снова фракъ, рѣши-тельно). Съ вами, у васъ! Я пошутилъ ...

АННЕТА (хлопая въ ладоши и прыгая отъ радости). Bravo!.. А послѣ обѣда отправимся вмѣстѣ въ театръ, смотрѣть новую драму...

НЕСВѢТОВЪ. Пожалуй!..

КУКУШКИНЪ (съ притворнымъ удовольствіемъ). Я готовъ!.. (Всторону). Все-таки лучше, чѣмъ слушать оперу!.. Вотъ тебѣ и независимость ... Вотъ и выдалъ дочку замужъ!..

ВСѢ ТРОЕ ВМѢСТѢ.

Если будемъ мы друзьями
Вѣчно жить, — такъ ужъ тогда
Счастье, вѣрно, будетъ съ нами
Неразлучно навсегда!

АННЕТА (къ публикѣ).

Ужъ и вы насъ не судите
Слишкомъ строго до конца ...
И съ пьесой пощадите
Мужа, дочку и отца!

(Послѣдніе два стиха повторяютъ всѣ трое).

Ильтоу
9827 18247.

